UNIVERSITY OF TORONTO
3 1761 00324676 6

Sheller, Aleksandr Konstantinovich
Polnoe sobranie sochinenii
t.4

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

А. К. ШЕЛЛЕРА-МИХАЙЛОВА.

ИЗДАНІЕ ВТОРОЕ

подъ редакціею и съ критико-біографическимъ очеркомъ А. М. Скабичевскаго и съ приложеніемъ портрета Шеллера.

ТОМЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

Приложеніе къ журналу „Нива" на 1904 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе А. Ф. МАРКСА.
1904.

PG
3470
S486
1904
t.4

Артистическое заведеніе А. Ф. МАРКСА, Пэмайл. пр., № 29.

LIBRARY
MAR 30 1964
UNIVERSITY OF TORONTO
789437

ЗАСОРЕННЫЯ ДОРОГИ

Es ist eine alte Geschichte,
Doch bleibt sie immer neu;
Und wem sie jüst passieret,
Dem bricht das Herz entzwei.

H. Heine.

I.

Послѣдніе университетскіе экзамены 1859 года были окончены. Десятка два студентовъ четвертаго курса собрались къ одному изъ своихъ товарищей отпраздновать окончаніе ученья. Въ небольшой комнаткѣ «отъ жильцовъ», сквозь табачный дымъ, какъ ночники въ подземельѣ, мерцали двѣ свѣчки, едва освѣщая молодыя лица и незавидную одежду присутствующихъ, книги и тетради, разбросанныя вчера и еще неубранныя сегодня. Болѣе яркаго освѣщенія и не требовалось. Красотой лица тутъ прельщать было некого и вообще ничего нельзя было ею подѣлать, а одежда— о ней никто много не думалъ, если же кто и думалъ, такъ стыдился выказывать это, боясь прослыть за щеголя, фата и *бѣложилетника*. Послѣднее названіе имѣло свое значеніе въ то время. Иные теперь просто щеголяли заплатами на локтяхъ и ветхими галстуками на шеяхъ, какъ прежде щеголяла молодежь дорогими запонками, цѣпочками, брелоками и тому подобною дрянью. Фаты такъ много надѣлали зла, такъ опошлились, что подобная крайность была не только извинительна, но лишь самой дряянной и развращенной душонкѣ не было бы гадко, если бы этой крайности не вызвало фатовство господъ, покупавшихъ различныя бирюльки на крестьянскія деньги или въ долгъ, то-есть на счетъ трудящихся ремесленниковъ. Въ засаленномъ и заплатанномъ сюртукѣ, дѣйствительно, мало привлекательности, и по поводу грязныхъ воротничковъ пошлый бѣлоручка можетъ сказать нѣсколько тупоумныхъ остротъ; но еще меньше привлекательности въ золотѣ и батистѣ щеголя, отнявшаго этими украшеніями законную долю у нищаго. Тутъ даже и острить нельзя, а хочется заклеймить раззолоченнаго арлекина клеймомъ позора, чтобы по его золоту каждый узналъ въ немъ мірского прихлебателя-шута,

поѣдающаго плоды чужого труда. Только одинъ юноша въ собраніи молодежи выдавался своей одеждой, и то потому, что на немъ блестѣла мишура новенькихъ армейскихъ эполетъ: это былъ вчерашній кадетъ, сегодняшній подпоручикъ Но если нельзя было вполнѣ разсмотрѣть лица присутствующихъ, то можно было до-сыта наслушаться ихъ молодыхъ голосовъ, иногда невольно вызывавшихъ улыбку, когда сквозь неокрѣпнувшій басъ прорывалась не то теноровая, не то дискантовая нотка. Трудно передать, о чемъ говорили юноши. Въ одномъ углу спорили о научныхъ предметахъ; въ другомъ—вспоминали объ университетской жизни, сознаваясь, что болѣе живой и свободной дѣятельности, болѣе счастливой поры уже не будетъ никогда; въ третьемъ—обсуживали планы будущаго, давали другъ другу совѣты и тутъ же смѣялись, что совѣты даются для того, чтобы ихъ не исполняли. Всѣ были веселы, но въ этой веселости, незамѣтно для самихъ собесѣдниковъ, проглядывала грусть, не лишенная мягкости, прелести, поэзіи, однимъ словомъ, грусть юности. Казалось, что всѣ они собрались на поминки чего-то отжившаго, какъ будто мать семейства отдала внаймы свой домъ и навсегда удалилась отъ дѣтей, и завтра они должны будутъ навѣкъ выѣхать изъ своего стараго гнѣзда, разсѣяться и вразсыпную искать для себя жалкихъ угловъ, ночлеговъ, спутниковъ въ трудной дорогѣ, копить куски хлѣба на черный день, о чемъ въ своей семьѣ никто и не думалъ: тамъ черные дни приходили для одного изъ братьевъ, и другіе братья спѣшили раздѣлить съ нимъ свою долю хлѣба, зная, что имъ заплатятъ точно тѣмъ же. Зато они были братья, дѣти одной матери, одного университета. Братья по университету, дѣти одной матери, сколько глубокаго смысла таится въ этихъ словахъ! И чѣмъ больше вѣковъ пройдетъ надъ тобою, отчизна, тѣмъ больше значенія будетъ въ этихъ великихъ словахъ, и сотни тысячъ сердецъ будутъ биться, заслышавъ ихъ.

— Пиши, пожалуйста, ко мнѣ изъ-за границы, Антонъ,— говорилъ хозяинъ одному изъ гостей, сбрасывая пепелъ съ сигары.

— Да и ко мнѣ не худо иногда забросить письмо,—подхватилъ другой молодой человѣкъ.—Чортъ знаетъ, какъ я обставлюсь въ деревенской глуши.

— Такъ ты, Пащенко, непремѣнно хочешь поселиться въ деревнѣ?—спросилъ хозяинъ.

— Не хочу, а приходится такъ. Съ братомъ нужно дѣлиться, крестьянъ устроить надо,—отвѣтилъ Пашенко.

— Ты вооруженною силою будешь имъ благодѣтельствовать?—спросилъ чей-то насмѣшливый голосъ.

— Зачѣмъ вооруженною? Я тебя позову съ ними балясничать, вотъ они и будутъ счастливы.—пошутилъ Пашенко.

— А, ну это другое дѣло! А то я вотъ хотѣлъ посовѣтовать Андреева пригласить, это была бы для него первая практика.

Андреевъ — такъ звали армейскаго подпоручика — былъ насмѣшникъ другихъ и не разслышалъ словъ насмѣшливаго собесѣдника. Кто-то передалъ ему эти слова.

— Да, я сейчасъ почти объ этомъ же думалъ,—произнесъ задумчиво Андреевъ.—Право, скверное мое положеніе! Куда пошлютъ, что заставятъ дѣлать—все это неизвѣстно. Можетъ-быть, скверное что-нибудь выйдетъ. Вотъ вы, счастливцы, избираете карьеру по волѣ; идете вправо, если захотите; сворачиваете налѣво, если вздумаете. А меня упрятали милые родные въ корпусъ, велѣли быть военнымъ, вотъ и маршируй теперь съ сабелькой передъ ротой солдатиковъ.

— Люблю тебя за то, что ты воинъ и ораторъ!—съ пафосомъ произнесъ насмѣшливый голосъ.

— Тебѣ все смѣхъ, Кравцевъ.

— Нѣтъ, право, у тебя все это по части рѣчей такъ кругло выходитъ.

— Что же, виноватъ я, что ли, что у меня желчь къ горлу подступаетъ, что я не могу балагурить, какъ ты, смотрѣть на жизнь шутя! Жизнь не шутка! не шутка и то, когда человѣкъ впередъ знаетъ, что онъ идетъ на гибель, на прозябаніе въ какомъ-нибудь вороньемъ гнѣздѣ, гдѣ нѣтъ ни общественной жизни, ни порядочныхъ людей, ни книгъ, гдѣ у него не будетъ даже средствъ выписать на свои деньги нужныя книги, а кругомъ будутъ пьянствовать, кутить, втянувшіеся въ этотъ омутъ субъекты, будутъ давить новичка, чтобы онъ не былъ лучше ихъ, чтобы онъ пошелъ по ихъ торной дорожкѣ... Ну, что бы ты сталъ тутъ дѣлать при всемъ своемъ остроуміи?

— Въ потолокъ плевалъ бы; больше, кажется, ничего не остается дѣлать, какъ я ни раскидываю своимъ умомъ.

— Нисколько не остро!

— Чѣмъ богатъ, тѣмъ и радъ.

— Послушай, Кравцевъ,—обратился къ весельчаку тотъ

юнша, котораго звали Антономъ и который собирался ѣхать за границу.—Ты не правъ. Андрееву дѣйствительно не можетъ быть весело, и шутить надъ его горемъ стыдно.

— Топичка, вы—баринъ и будущій благодушный профессоръ, и наставлять другихъ ваше дѣло! но я все-таки не могу проливать слезъ въ ту минуту, когда онѣ подступаютъ къ глазамъ Андреева.

— Однако, и шутить тутъ нечего.

— Какъ нечего? Хорошо, что ты серьезностью для профессорства запасся, а я не могу не смѣяться, видя, что покойникъ самъ по себѣ за попа панихиду служитъ, а за родныхъ плачетъ. Андреевъ похоронилъ себя, призналъ себя похороненнымъ, такъ чего же онъ и убивается.

— А что же ему по-твоему дѣлать?

— Пѣсни, братецъ, пѣть. Вотъ хоть бы изъ Кольцова что-нибудь выбралъ, въ родѣ того, что—

Выходи ты, туча,
Съ страшною грозою,
Обойми свѣтъ бѣлый,
Закрой пеленою.
Молодецъ удалый
Соловьемъ засвищетъ—
Безъ пути, безъ свѣта,
Свою долю сыщетъ.

Въ выраженіи, съ какимъ сказались Кравцевымъ эти строфы, не слышалось его обычнаго шутовства, но, какъ электрическая искра, промелькнула буйная удаль, заставившая вздрогнуть присутствующихъ. Каждый ничего не слыхавшій о Кольцовѣ человѣкъ сказалъ бы въ эту минуту, что эти строки написаны геніальнымъ поэтомъ. Всѣ молчали, мысль объ отчаянной борьбѣ съ жизнью промелькнула въ головахъ. Не угомонился только Андреевъ.

— Я и не подозрѣвалъ, что ты стишки наизусть читать умѣешь,—ядовито усмѣхнулся онъ.—Но, совѣтуя другимъ бороться съ обстоятельствами, отыскивать безъ пути, безъ свѣта дорогу, ты лучше бы самъ показалъ примѣръ и не падалъ бы, какъ это часто бываетъ съ тобою, духомъ...

— Экую околесную занесъ! Говорилъ бы прямо, что вотъ-де свинья проповѣдуетъ борьбу, а самъ хмелемъ зашибается съ горя... Это, что ли, ты хотѣлъ сказать?

— Ну, хоть бы и это!—нагло произнесъ разозленный подпоручикъ.

— Ну, такъ по поводу этого мнѣ одинъ генералъ внушенія дѣлалъ, да я и то не струсилъ, а ты-то еще не ве-

лика птица! У меня, видишь ли, отецъ былъ пьяница, я по три раза на дню въ кабакъ мальчишкой бѣгалъ; моя мать съ синяками подъ глазами ходила за то, что употребляла на мое ученье свои трудовыя деньги. Я пѣшкомъ до Питера добрался, питаясь по дорогѣ иногда милостыней, иногда на деньги, заработанныя тасканіемъ кулей. Мнѣ общество ничего, понимаешь ты, ровно ничего не дало — ни денегъ, ни воспитанія, ни хорошихъ примѣровъ, ни честныхъ наставленій, ну, оно и попрекать меня ни за что не смѣетъ. Оно меня пьянствомъ попрекнетъ, а я скажу, что я со старшихъ примѣръ бралъ. Вѣдь съ отцовъ надо брать примѣръ? Ну, а мой пилъ, вотъ я мальчишкой и привыкъ пробовать, вкусна ли водка...

— Полно клеветать-то на общество, оно и не думало приказывать брать примѣръ съ подобныхъ отцовъ, оно...

— Такъ зачѣмъ же оно не объяснило мнѣ, что, молъ, съ такого-то отца бери примѣръ, душенька, а съ такого-то не смѣй брать? Зачѣмъ же оно не отняло меня у моего отца, чтобы избавить меня отъ дурного примѣра?.. Потомъ въ голодную зиму замерзнуть можно, а общество, не взявши меня отъ пьянаго отца, не дало мнѣ на дорогу, когда я самъ бѣжалъ изъ омута, ни денегъ, ни шубы, ни кареты теплой,—вотъ я и грѣлся иногда виномъ...

— Да что ты щеголять вздумалъ этимъ цинизмомъ, что ли?

— Какой тутъ цинизмъ, это просто правда,—сказалъ Кравцевъ, и выпилъ стаканъ вина.—И щеголять мнѣ ею нечего, потому что я все-таки пьяницей не сдѣлался, а пью иногда и теперь по привычкѣ, а весело ли мнѣ это или нѣтъ,—объ этомъ не тебѣ я буду разсказывать... А вотъ мы къ тебѣ теперь перейдемъ. Выросъ ты въ богатой семьѣ, не зналъ ни голода, ни холода, имѣлъ даже карманныя деньги для вспомоществованія ближнимъ; потомъ тебя, богатаго, отдали въ корпусъ, даромъ ты получилъ образованіе: хорошо ли оно, худо ли, нечего разсуждать, но все же оно образованіе, и теперь отъ тебя зависитъ его продолжать, благо азбуку знаешь. Мѣсто тебѣ даютъ готовое, недурное, черезъ годъ можешь въ отставку выйти, въ университетъ идти. Съ чего же тебѣ горевать-то или пить начать?

— Хорошо тебѣ чужую судьбу расписывать! А знаешь ли ты, что если я выйду въ отставку, то моя мать не станетъ содержать меня до окончанія ученья въ университетѣ?

— Такъ ты своими средствами проживи это время, не все же быть на содержаніи.

— Позволь спросить: какимъ образомъ?

— А какъ мы живемъ?

— Ну, вы!

— Что: ну вы? видно жить безъ чужой помощи труднѣе, чѣмъ упражняться въ ораторствѣ? Нѣтъ, братъ, захочешь человѣкомъ быть — будешь! Такъ же зашибешь копейку, какъ мы, только тебѣ это легче будетъ, потому что вонъ у тебя на первый разъ найдется и одежонка, и разныя запонки да цѣпочки, за нихъ не одинъ пудъ ржаного хлѣба дадутъ, а вѣдь у насъ и этого не было,—голышами въ жизнь вошли.

Кравцевъ еще выпилъ стаканъ краснаго вина. Разговоръ на минуту какъ-то неловко прервался...

— А что это, господа, Крючниковъ нейдетъ? — спросилъ Антонъ.

— Не захворалъ ли онъ?—произнесъ Пащенко.

— Вотъ еще выдумали? — промолвилъ Кравцевъ, какъ будто выражая этимъ ту мысль, что Крючниковъ не можетъ захворать.

— Это, однако, не по-товарищески, на прощаніе не пришелъ,—заговорили голоса.

— Господа, чтобы пресѣчь бунтъ въ зародышѣ, я схожу за виновнымъ,—комически важно возгласилъ Кравцевъ.

Предложеніе было принято. Кравцевъ ушелъ за Крючниковымъ. Во время его отсутствія разговоръ невольно вертѣлся около того, за кѣмъ было послано. Одни жалѣли этого человѣка, какъ трудолюбиваго и честнаго бѣдняка, другіе пророчили, что онъ скоро ухлопаетъ себя чрезмѣрнымъ трудомъ, третьи называли его просто страннымъ оригиналомъ, и въ числѣ послѣднихъ былъ Андреевъ. Въ тонѣ его голоса было слышно, что онъ не любитъ ту личность, о которой шла рѣчь, и, можетъ-быть, онъ разразился бы потокомъ рѣчей о ея недостаткахъ, если бы не боялся быть оборваннымъ въ разсужденіи о недостаткахъ отсутствующаго лица. Прошло съ полчаса. Наконецъ, дверь отворилась, и въ комнату вошелъ Кравцевъ: онъ былъ насмуренъ, точно его сейчасъ кто-то страшно выругалъ, и сквозь зубы промолвилъ: идетъ! За нимъ вошелъ человѣкъ лѣтъ двадцати шести, немного выше средняго роста, широкій въ кости, съ загорѣвшимъ лѣтъ за десять лицомъ, да такъ и оставшимся навсегда смуглымъ. Кожа на лицѣ была чрезвы-

чайно гладка, тверда, упруга и не помята ни единымъ прыщемъ, ни единой морщиной: крупныя черты были мужественны и дышали силой; выраженіе твердости и отчасти высокомѣрія тотчасъ же бросалось въ глаза. Такъ смотрятъ только люди, воспитавшіе свой умъ, пробившіе себѣ широкую дорогу, однѣми своими силами, тяжелою борьбой, безъ всякой посторонней помощи. Новый гость пожалъ широкою рукою руки нѣкоторыхъ изъ товарищей, другимъ, сидѣвшимъ дальше, кивнулъ головой и, услышавъ десять разъ повторенный вопросъ о томъ, почему онъ не пришелъ раньше, коротко отвѣтилъ:

— Нельзя было.

— А вотъ пришли же! — съ торжествующимъ видомъ сказалъ хозяинъ.

— Я и безъ посланнаго пришелъ бы на полчаса проститься съ Антономъ и Пащенко.

— На полчаса. Эку штуку выдумали! Мы васъ раньше жэнки не отпустимъ.

Новопришедшій пожалъ плечами, словно хотѣлъ сказать: посмотримъ - кто меня удержитъ, если я пойду! И это мимолетное движеніе, и непривѣтливый взглядъ, брошенный на бутылки съ виномъ, не ускользнули отъ вниманія Андреева. Онъ слѣдилъ за гостемъ съ зоркостью отъявленнаго врага. Насмѣшливая улыбка проскользнула по его лицу. Она была вызвана мыслью о томъ, что Крючниковъ старается разыгрывать героя. Разговоръ завязался снова. Крючниковъ говорилъ исключительно съ Антономъ и Пащенко. Разговоръ былъ серьезный, торопливый, видно было, что Крючниковъ напередъ обдумалъ, что нужно сказать товарищамъ, что спросить у нихъ, и сколько времени употребить на это. Послѣдніе тоже какъ будто предчувствовали и дѣловое содержаніе его бесѣды, и непродолжительность ея, потому что поспѣшно передавали ему порученія. Оба молодые человѣка были теперь серьезнѣе, чѣмъ передъ этимъ, и, казалось, что они говорятъ не съ другомъ, а съ учителемъ, не умѣющимъ говорить ни о чемъ другомъ, кромѣ какъ о дѣлѣ. Довольно странно было и то, что ему всѣ, за исключеніемъ Кравцева, говорили *вы*. Дѣло въ томъ, что Крючниковъ былъ вольнослушателемъ, не желая носить форму и подчиняться нѣкоторымъ правиламъ университета, и потому сошелся съ кружкомъ довольно поздно и не былъ на томъ вечерѣ, гдѣ провозгласился брудершафтъ на *ты*. Никто не подозрѣвалъ, что это не было дѣломъ случая и

что Крючниковъ никогда и не допустилъ бы себя до такой фамильярности со всѣми. Онъ говорилъ: «У насъ, если человѣку говорятъ *ты*, то при первомъ удобномъ случаѣ скажутъ: «Ты, братецъ, свинья!» а не то станутъ обходиться съ нимъ за панибрата даже и тогда, когда онъ на нихъ и плюнуть не захочетъ». Чрезъ полчаса Крючниковъ всталъ и взялся за шапку.

— Стойте, стойте! Я васъ не пущу, — крикнулъ хозяинъ.—Сейчасъ жжонка будетъ.

— Я не пью.

— Ну, на прощанье можно выпить.

Крючниковъ отрицательно покачалъ головой и уже пожималъ руку Пащенко.

— Такъ посидите, по крайней мѣрѣ.

— Спать пора.

— Вотъ выдумали! Одинъ разъ въ жизни не можете лечь позже.

— Для чего же?

— Какъ для чего? Вѣдь ужъ теперь не скоро соберется вся наша семья.

— Для попоекъ?

Крючниковъ показалъ головой на бутылки.

— Мы, кажется, въ пьянствѣ не грѣшны, а просто не соберемся вмѣстѣ, разбредемся въ разныя стороны.

— Ну, и прекрасно. Опытнѣе станемъ, тужить тутъ нечего. Что людей на жизнь провожать, какъ въ могилу? Останутся они все тѣми же, такъ и врозь будетъ весело; сдѣлаются подлецами, такъ будетъ пріятно, что врозь живемъ.

— Что же ты, Кравцевъ, не похвалишь его за краснорѣчіе?—иронически спросилъ Андреевъ.—Видишь, какъ онъ ловко оправдалъ необходимость лечь спать во-время.

— Боюсь съ нимъ шутить, на языкъ онъ остеръ,—сквозь зубы процѣдилъ Кравцевъ, все еще пасмурный и чѣмъ-то раздраженный.

Крючниковъ простился и вышелъ вонъ, спросивъ мелкомъ у Кравцева:

— А ты, конечно, остаешься?

— Конечно, остаюсь! — угрюмо, злобно и медленно произнесъ тотъ.

Крючниковъ, повидимому, не слыхалъ словъ Андреева, можетъ-быть, даже не видалъ его самого. Этотъ человѣкъ умѣлъ дѣлать какъ-то такъ, что никогда не видалъ Андреева, и не его одного, а и многихъ другихъ людей. Удивительно,

что Андреева и этихъ незамѣченныхъ людей именно это и бѣсило; они готовы были сдѣлать всякую глупость, только бы Крючниковъ засвидѣтельствовалъ своимъ вниманіемъ ихъ существованіе на свѣтѣ... Въ задымленной комнатѣ снова начали толковать о Крючниковѣ, потомъ перешли къ другимъ темамъ, похохотали, поострили, поспорили, наконецъ, запылала жженка синеватымъ пламенемъ, раздалась старая пѣсня студентовъ — Gaudeamus, начались чоканья, рукопожатія, прощанія и, при бѣлесоватомъ свѣтѣ лѣтней ночи, потянулись тѣни расходившихся товарищей. Они вступали въ жизнь. Какимъ болѣзненнымъ, неестественнымъ свѣтомъ свѣтитъ петербургская лѣтняя ночь! Вступая въ жизнь при ея свѣтѣ, можно счесть это за пророчество, потому что и вся наша жизнь также полна обмана, и ея свѣтъ хуже мрака: онъ ложь...

Кравцевъ на этотъ разъ *прорвался*, какъ онъ самъ выражался въ подобныхъ случаяхъ, выпилъ больше всѣхъ и шелъ, шатаясь, по дорогѣ, напѣвая пѣсню: «Вѣрно, та. улица, нынче пьяна». Ему пришлось идти мимо дома, гдѣ жилъ Крючниковъ; онъ машинально взглянулъ на окно квартиры своего неизмѣннаго, добраго друга-ворчуна и увидалъ въ ней свѣтъ. Невѣрною походкой перешелъ онъ на другую сторону улицы и разсмотрѣлъ подпертую лѣвою рукою и наклоненную надъ столомъ голову Крючникова, ярко освѣщенную пламенемъ свѣчи. Крючниковъ, повидимому, работалъ. «Вотъ оно что!»—произнесъ Кравцевъ, ударивъ себя по лбу, и пошелъ дальше, завязавъ немного прилипавшимъ къ гортани языкомъ довольно громкій разговоръ съ самимъ собою:

— А вѣдь ты, Кравцевъ, порядочная, то-есть, свинья,— говорилъ онъ. — Да отчего же это я свинья, позволь тебя спросить? —Да ужъ такъ; пьянствуешь ты, вотъ оно что, если на откровенность пошло!—Однакоже, я самъ себя понимаю и свиньей ты меня не смѣй обзывать, вотъ я и Крючникова тоже понимаю... и Крючниковъ, выругалъ онъ меня давеча, пьянствомъ попрекнулъ, а онъ меня тоже понимаетъ и... Что ты на дорогѣ, чортъ этакій, всталъ?—вдругъ неистово крикнулъ Кравцевъ и, размахнувшись, ударилъ кулакомъ по существу, назойливо загораживавшему передъ нимъ дорогу. Боль въ кулакѣ заставила его на мгновеніе придти въ себя и разглядѣть, что это невѣжливое существо была стѣна, около которой вилась лѣстница въ его квар-

тиру. — Въ третій разъ тебя, шельма ты этакая, бью! — съ злобой промолвилъ онъ и сталъ взбираться наверхъ.

— Посмотрите, спитъ ли братишка? сказалъ Кравцевъ своей хозяйкѣ, войдя въ переднюю своей квартиры, и всѣмъ тѣломъ тяжело прислонился къ стѣнѣ.

Хозяйка—это была вдова унтеръ-офицера—на цыпочкахъ вошла въ комнату Кравцева и скоро вернулась назадъ.

— Спитъ,—сказала она.

— И... и... къ стѣнѣ лицомъ онъ спитъ?

— Къ стѣнѣ.

— Ну, и хорошо... И прекрасно хорошо... Вы ему завтра ни гу-гу, что я сегодня того, знаете, былъ... — невѣрнымъ языкомъ говорилъ онъ.

— Что я сплетница развѣ какая, чего мнѣ говорить...

— Да, да, чего вамъ говорить!.. Онъ, Матрена Матвѣевна, дитя, ребенокъ, то-есть... Что ему знать, что его братъ — подлецъ, того? Оно примѣръ, знаете, ей-ей не хорошо!.. Вотъ и я примѣръ сперва, привыкъ сперва...

— Знаю, знаю, батюшка, ложись съ Богомъ, — сказала хозяйка и пошла въ свою комнату, разсуждая про себя, что отчего же иногда и не выпить «хорошему» человѣку.

А Кравцева она считала—и, можетъ-быть, не безъ основанія—именно такимъ человѣкомъ.

Кравцевъ началъ тихонько раздѣваться въ передней, снялъ сапоги и верхнюю одежду, кое-какъ захватилъ всѣ эти вещи рукою, и, крадучись, какъ воръ, побрелъ въ свою комнату: на его лицѣ было выраженіе боязни и смущенія. Неслышно улегся онъ на жесткій диванъ и еще долгое время озлобленно шепталъ ѣдкія до боли, полныя желчи проклятія о судьбѣ, загубившей его, и прислушивался, спитъ ли его братишка, не проснулся ли, не услышалъ ли неровной походки старшаго брата, не почуялъ ли виннаго запаха. Но тотъ мирно спалъ, разбросавшись на мягкой постели, и ровно дышалъ молодою, здоровою грудью... Въ окно глядѣла румяная заря, и первый лучъ солнца игралъ на полу...

II

— Маша! Костя! Бѣгите сюда, Ваня пріѣхалъ, нашъ Ваня пріѣхалъ! Здравствуй, душка! Постой, милочка, я донесу твой сакъ. У-у, какой онъ тяжелый! Дай мнѣ лучше подушку. Куда же ты идешь? Какой ты смѣшной, тамъ спальня Маши.

Такъ лепетала молоденькая черноволосая дѣвушка съ вздернутымъ носикомъ и съ загорѣлымъ лицомъ, выбѣжавшая изъ деревенскаго дома встрѣчать своего брата Ивана Ивановича Лащенко, пріѣхавшаго изъ Петербурга.

— Постой, постой, ты его совсѣмъ затормошила! — послышался неторопливый мужской басъ, и въ залу, куда вошли братъ и сестра, медленной, тяжелой походкой, заставляя полъ издавать жалобные звуки, вступилъ довольно полный мужчина, съ блестящимъ отъ жира гладкимъ лицомъ.

Его можно было бы назвать красивымъ, если бы полнѣйшее отсутствіе страсти на его лицѣ не вредило его красотѣ. Это былъ старшій братъ Ивана Ивановича, Константинъ. За нимъ шла его жена, женщина не толстая, не высокая, съ смѣлливыми и быстрыми глазами, съ безпокойными и рѣзкими движеніями. Братья поздоровались.

— Чего вы хотите: чаю, кофею или молока? — спросила супруга старшаго брата, наскоро поздоровавшись съ пріѣзжимъ и заботливо усадивъ его въ другой комнатѣ на софу, гдѣ, по ея словамъ, было ловчѣе сидѣть, чѣмъ въ залѣ.

— Покуда я, право, ничего не хочу, — промолвилъ пріѣзжій.

— Ну, вотъ еще! Пожалуйста, не стѣсняйтесь.

— Я не стѣсняюсь, но...

— Ну, братъ, бухни лучше: чаю, кофею и молока! А такъ отъ нея не отдѣлаешься. Она не можетъ себѣ представить человѣка, не желающаго ничего изъ съѣстновки, какъ говорили у насъ въ морскомъ корпусѣ, — произнесъ съ одышкой старшій братъ и вздохнулъ широкимъ вздохомъ, точно онъ пронесъ верстъ пять тяжелую ношу и радъ, что сбросилъ ее съ плечъ.

— Чаю, если васъ не затруднитъ, — улыбнулся пріѣзжій.

— О, ее ничего не затруднитъ по этой части, — ввернулъ Константинъ Ивановичъ.

— Онъ у меня всегда такой! — хладнокровно произнесла Марья Дмитріевна — такъ звали хозяйку — и вышла изъ комнаты хозяйничать.

— Ты, котикъ, теперь не студентъ? — спросила сестра, все время съ любопытствомъ разсматривая брата, какъ дѣти разсматриваютъ новую игрушку.

— Нѣтъ. А что?

— Такъ... Какой ты хорошенькій! Вотъ, если бы Анюта Зайцева не вышла замужъ, ты могъ бы на ней жениться.

— Такъ ты меня ужъ и женить собираешься?

— Да вѣдь ты же не будешь старымъ холостякомъ. Они

такіе злые, брюзжатъ всегда... Душка, какъ я тебѣ рада! — внезапно перешла сестра къ новому восторгу и неожиданно поцѣловала руку у брата.

— Что съ тобой? — воскликнулъ онъ, краснѣя отъ этой ласки. И было отчего покраснѣть: у него, у вчерашняго студента, впервые цѣловала руку дѣвушка! — Какая ты экзальтированная, настоящая институтка. Это не годится.

— Ну, братъ, не взыщи, она и ко мнѣ на шею скачетъ, а мнѣ и самого себя тяжело таскать, — ввернулъ старшій братъ.

— Жаль, что ты въ деревнѣ живешь. Ты тутъ людей не видишь, не знаешь, какъ нужно жить и вести себя въ обществѣ.

— Поучи, братъ, ее, поучи. Нечего губки надувать, сударыня,—шутливо сказалъ толстякъ.—Она мнѣ всѣхъ деревенскихъ дѣвчонокъ зацѣловала. Но ея, что ребенокъ — то душка! Разскажи-ка, какъ ты воевала съ одной душкой.

Сестра нахмурила черненькія брови и молчала.

— Что же, Катя?—спросилъ братъ Иванъ.

— Ха-ха-ха!—засмѣялся толстякъ.—Стыдится разсказывать. Она, видишь ли, хотѣла поцѣловать одну изъ душекъ, а та, какъ вцѣпится ей въ лицо, и ну ее царапать... Вотъ и по сю пору знаки есть...

Иванъ Ивановичъ разразился искреннимъ смѣхомъ, но поспѣшилъ смолкнуть, увидавъ, что сестра уже успѣла заплакать.

— Ну, полно, полно,—нѣжно заговорилъ онъ, наклонился поцѣловать ее и покраснѣлъ отъ этого поцѣлуя.

Онъ еще видѣлъ въ ней не сестру, а постороннюю дѣвушку и совѣстился. Незнаніе семейныхъ отношеній, неловкость обращенія съ сестрой, желаніе поучить ее, — все обличало въ немъ новичка въ жизни, вчерашняго члена холостой компаніи студентовъ, третьягодняшняго наставника дѣтей. Ему самому были немного смѣшны его первые шаги въ семейной жизни.

— Опять вы мою Катю разстроили,—вступилась супруга Константина Ивановича, торопливо появившись въ комнатѣ въ сопровожденіи лакея, горничной и казачка.

Они несли чай, кофе, молоко, булки, масло... Впрочемъ, что же пересчитывать всѣ съѣстные припасы, несомые ими, этакъ и до завтра не кончишь.

— Что, братъ, не говорилъ ли я тебѣ, что всего надобно было потребовать? Однимъ чаемъ отъ нея не отдѣлаешься,— засмѣялся весельчакъ.

— Вы его не слушайте, онъ самъ померъ бы безъ ѣды,— совсѣмъ серьезно изрекла Марья Дмитріевна, хлопотливо заваривая чай, и вдругъ съ какимъ-то ужасомъ воскликнула: — Ахъ, что это они и не подумали, что вамъ переодѣться и умыться надо! Вотъ у васъ и тутъ, и тутъ, и тутъ пыль. Василій, Василій, отведи скорѣе барина въ ихъ комнату!.. Ахъ, Катя, хорошо ты хозяйничаешь, не знаешь, что людямъ освѣжиться съ дороги нужно. Ты только ласкаться рада...

Иванъ Ивановичъ повиновался и пошелъ за лакеемъ мыться и переодѣваться, не имѣя времени разсуждать, что̀ для него дѣйствительно было нужнѣе съ дороги: ласки или умыванье? Съ этой минуты онъ могъ бы, не ошибаясь, сказать, что онъ поступилъ, какъ поступали всѣ другіе гости, подъ команду Марьи Дмитріевны во всемъ, что̀ касалось ѣды, умыванья, порядка, времени прогулокъ, времени спанья, однимъ словомъ, всего того, что какъ-нибудь могло быть забрано въ свою власть хозяйкою. И надо сказать правду, какъ бы ни было непріятно свободолюбивымъ людямъ такое забираніе власти въ свои руки со стороны хозяйки, но они не могли сказать одного, что она распоряжается глупо, безсмысленно и несогласно съ требованіями гигіены. Нѣтъ! Она больше всего заботилась о чужомъ здоровьѣ. Она не позволила бы вамъ, ни за какія блага, гулять ночью во время сильной росы и спать до обѣда во время жара, не позволила бы вамъ сидѣть на сквозномъ вѣтру, поѣсть послѣ ботвиньи творогу съ молокомъ и выкупаться готчась послѣ обѣда. Вы могли бы кричать, что это насиліе, могли бы мучиться подъ ея гнетомъ и бѣжать отъ него, — но, убѣжавъ, наѣвшись на свободѣ ботвиньи и творогу, насидѣвшись на сквозномъ вѣтру, однимъ словомъ, натѣшивъ всячески свою волюшку русскую и захворавъ, вы стали бы со вздохомъ думать: «Ахъ, права была эта нестерпимая Марья Дмитріевна: только подчиняясь ея правиламъ, можно быть здоровымъ!..» Предположите, что ваше здоровье поправилось бы. Что же вы сдѣлали бы? Пошли бы къ Марьѣ Дмитріевнѣ ѣсть приготовляемый ею бульонъ для выздоравливающихъ? Нѣтъ! Держу пари, что вы скорѣе бы снова наѣлись ботвиньи и творогу, а ужъ къ Марьѣ Дмитріевнѣ не пошли бы. Люди очень любятъ свободу (хотя грошовую, къ сожалѣнію), а Марьи Дмитріевны возятся со своими гигіеническими правилами... Эхъ, Марьи Дмитріевны, дайте людямъ свободу, а этимъ правиламъ они и безъ васъ вы-

учатся!.. Черезъ четверть часа Иванъ Ивановичъ воротился въ комнату въ другомъ нарядѣ и усѣлся къ чайному столу. Начались разговоры, деревенскіе разговоры шестидесятыхъ годовъ о мужикахъ, о близкой волѣ и тому подобныхъ, близкихъ сердцу предметахъ. Невѣстка жаловалась на мужиковъ и волю. Константинъ Ивановичъ махалъ на это руками и говорилъ, что самое лучшее предать все въ руки Бога. Сестра прорывалась своими институтскими восторгами, за ними слѣдовали нравоученія братьевъ, надуваніе губокъ сестры и заступничество невѣстки, говорившей, что ея Катя будетъ хорошею женою, что она хозяйничать начинаетъ, что у нея способность есть къ этому труду. Изъ этого возникъ маленькій споръ. Братъ Иванъ доказывалъ, что если у нея есть способность къ этому, довольно пошлому труду, то должна быть способность и къ болѣе разумной дѣятельности, и что онъ хотѣлъ бы пріучить ее именно къ такой дѣятельности. Марья Дмитріевна возразила на это, что полезнѣе хозяйничанья нѣтъ труда во всемъ мірѣ, и разсказала при этомъ анекдотъ, какъ у одной барыни, писавшей статьи, состоявшей членомъ богоугодныхъ заведеній, всегда тараканы въ супѣ попадались, а дѣтей поцѣловать было нельзя, потому что у нихъ тамъ что-то подъ носомъ постоянно торчало.

— Вы вотъ о заработной платѣ толкуете, ну, такъ и пускай жена беретъ себѣ жалованье, слѣдующее экономкѣ и кухаркѣ,—заключила хозяйка.

— Такъ вы жену считаете кухаркой мужа,—разсмѣялся братъ Иванъ.

— Пожалуй, кухаркой; ну, а онъ будетъ ея крѣпостнымъ батракомъ, зарабатывая деньги для уплаты ей жалованья.

— Ты, братъ, ее въ философіи не собьешь, — замѣтилъ Константинъ Ивановичъ.

— Si non e vero, e ben trovato,—сказалъ Иванъ Ивановичъ со смѣхомъ.

— Это, братецъ, по-латыни? — наивно и спокойно спросила Марья Дмитріевна.

— Ну, а въ языкахъ она не сильна,—ввернулъ хозяинъ. Его шутливый тонъ слегка напомнилъ Ивану Ивановичу Кравцева.

Всѣ посмѣялись и этимъ закончили разговоры. На всѣхъ напала какая-то истома; всѣхъ клонило ко сну, но въ то же время было лѣнь подняться съ мѣста, чтобы добраться до постели, было лѣнь пошевелить языкомъ, чтобы обмѣняться

словомъ. Въ какой-то сладкой полудремотѣ, уютно угнѣздившись на креслахъ и на диванѣ, каждый отдавался всецѣло отдыху послѣ дневныхъ тревогъ и волненій. Въ головахъ, какъ легкія тѣни, проносились отрывки недоговоренныхъ фразъ, клочки невыяснившихся надежъ, зачатки смутныхъ представленій, а то вдругъ вспоминалась неясная картина изъ слышанной въ дѣтствѣ сказки, или, неизвѣстно почему, раздавался въ ушахъ какой-то полузабытый музыкальный мотивъ, порой неуловимо ускользая, порой возникая снова въ затишьи вечерѣющаго дня.

А въ окно несся пропитанный ароматомъ меда и смолы воздухъ, немного отдававшій запахомъ отъ первыхъ порослей на стоячей водѣ пруда; гдѣ то очень близко, протяжно, какъ бы выкликая кого-то, мычала корова, и скоро мимо сада пронеслось нѣсколько лошадей и раздалось рѣзкое хлопанье кнута и гиканье мчавшихся на лошадяхъ мальчишекъ; кто-то, зѣвая звучнымъ и долгимъ вздохомъ, точно подъ самымъ ухомъ, промолвилъ лѣнивымъ голосомъ: «Чаво лошадь загонишь, и безъ того еле ноги волочитъ!» Вдали начиналъ отрывисто и отчетливо пощелкивать соловей; чрезъ нѣсколько минутъ онъ разсыпался неудержимою, звонкою трелью; въ этихъ звукахъ было что-то металлическое; потомъ снова все стихло и опять гдѣ-то, уже гораздо дальше прежняго, гораздо менѣе ясно, слышалось отрывистое пощелкиваніе соловья... Ночь темная и строгая глядѣла въ окна.

Первое, что бросилось въ глаза Ивану Ивановичу, когда онъ проснулся на другой день и взглянулъ съ балкона на окрестности, были ветхія, покрившіяся на-бокъ и до того почернѣвшія избы, что можно было думать, будто каждое бревно, каждая доска, составлявшія ихъ, лежали лѣтъ по десяти въ водѣ и затѣмъ уже никогда не просыхали, а медленно гнили. Во многихъ мѣстахъ ворота, несмотря на то, что ихъ приперли кольями, разъѣхались въ стороны, нагнулись впередъ и, повидимому, имѣли необоримое поползновеніе упасть и отдохнуть отъ долголѣтней службы на кочковатой, представлявшей окаменѣвшія волны улицѣ, гдѣ новичокъ въ деревенской жизни непремѣнно прошелъ бы посреди̇нѣ, ломая ноги о засохшія кочки грязи, но не рискнулъ бы пробраться по утоптанной мужицкими ногами тропинкѣ около крестьянскихъ избъ, боясь ихъ паденія. Не боялись этого только привычные люди, знавшіе, что

избы уже въ теченіе многихъ десятковъ лѣтъ все грозятъ паденіемъ, а между тѣмъ не падаютъ и, значитъ, простоятъ еще десятки лѣтъ, подопрутся еще десятками кольевъ и все будутъ стоять попрежнему, по-старому. У Ивана Ивановича болѣзненно сжалось сердце, не потому, что онъ былъ особенно добръ или привязанъ къ мужикамъ, а просто по той же простой причинѣ, по которой свѣжій человѣкъ умираетъ скорѣе въ угарной комнатѣ, чѣмъ постоянно лежащій въ ней больной. При въѣздѣ въ Іерусалимъ въ васъ сердце обливается кровью при видѣ страшныхъ фигуръ прокаженныхъ, а жители святого града ничего—живутъ себѣ спокойно и при случаѣ гоняютъ безъ всякой пощады тѣхъ, которыхъ видъ вызвалъ ваши слезы. Все—дѣло привычки!

— Что, братъ, сельскими видами любуешься?—спросилъ шутливый голосъ у Ивана Ивановича; послѣдній обернулся и увидалъ сіяющую довольствомъ, жиромъ, лѣнью, толстую фигуру брата-помѣщика.

— Не весела родная картина, не залюбуешься ею,— отвѣтилъ онъ, и почему-то ему въ эту минуту была досадна шутливость брата.

— Ну, не взыщи, какая есть! Не нравится, потому что отвыкъ.

— Да, давно я не былъ въ этихъ мѣстахъ. Все кажется новымъ, страннымъ. А вѣдь, какъ подумаешь, все то же,— вотъ въ этой самой комнатѣ я жилъ ребенкомъ, здѣсь...

— Отецъ поролъ меня въ первый разъ не на животъ, а на смерть,—въ тонъ брата окончилъ Константинъ Ивановичъ.

— Экія у тебя воспоминанія поэтическія!

— Ну, не взыщи, какія есть!—повторилъ Константинъ Ивановичъ.

— Неужели они-то тебя и дѣлаютъ веселымъ?

— Да чего же тужить? Вонъ, я тогда ревѣлъ, какъ отецъ поролъ въ первый разъ, а потомъ разсчиталъ, что послѣ моей порки ключница и нянька добрѣе дѣлаются ко мнѣ, и сталъ этимъ пользоваться: меня выпорютъ, а я вареньемъ заѣмъ... Однако, пойдемъ, жена ждетъ съ чаемъ, молокомъ, булочками...

Братья спустились внизъ. Тамъ каждый членъ семьи былъ спрошенъ о томъ, какъ онъ спалъ, что во снѣ видѣлъ, былъ приглашенъ обсудить значеніе сна во всѣхъ подробностяхъ, былъ попотчеванъ и чаемъ, и молокомъ, и булочками, и нещадно уговариваемъ взять еще чаю, молока

и булочекъ. Потомъ Марья Дмитриевна посовѣтовала мужчинамъ—что почти равнялось приказанію при ея настойчивости—объѣхать поля, посмотрѣть на работы, и такимъ образомъ соединить полезное съ пріятнымъ, то-есть, узнать ходъ работъ, придать своимъ присутствіемъ силъ и бодрости «трудолюбивымъ земледѣльцамъ», освѣжить себя и запастись аппетитомъ. Братья поѣхали. Ивану Ивановичу бросались въ глаза все тѣ же ветхія избы, изнуренные люди, бѣдная одежда, засохшая грязь, скверныя дороги. Внутренно онъ былъ недоволенъ хозяйствомъ брата, недоволенъ былъ также тѣмъ, что у самого брата, въ его домѣ, въ его саду, все было устроено отлично, заботливо и разсчетливо. Но молодой человѣкъ старался не высказывать своего неудовольствія и сохранять миръ съ семьею. Насмотрѣвшись на все, наши герои возвратились домой, гдѣ уже ждалъ ихъ обильный завтракъ. Отличныя блюда приготовляла Марья Дмитриевна.

— Эхъ, братъ, все хорошо, только дѣлежъ вотъ этотъ!—вздохнулъ Константинъ Ивановичъ, глотая пирожокъ.

— Что-жъ дѣлежъ? У насъ дѣло не спорное, хлопотъ не будетъ.—отвѣтилъ Иванъ Ивановичъ.

— Знаю я это *не будетъ*!

— Да я и не понимаю до сихъ поръ,—сказала Марья Дмитриевна:—для чего вы дѣлиться хотите. Развѣ вы здѣсь хозяйничать навсегда останетесь?

— Нѣтъ.

— Такъ намъ же не выгодно отдѣлиться.

— Но когда мы раздѣлимся, то я буду свободенъ въ своихъ дѣйствіяхъ по устройству моихъ крестьянъ.

— Чего тутъ свободенъ? Выйдетъ указъ, какъ ихъ устроить, такъ и устроимъ.—сказалъ Константинъ Ивановичъ.

— Ну, нѣтъ, я хочу иначе это дѣло сдѣлать. Они бѣдствуютъ, надо улучшить ихъ положеніе.

— Ну, братецъ,—вступилась убѣдительнымъ тономъ Марья Дмитриевна:—улучшать тутъ нечего, ихъ положенія не улучшите, хоть озолотите ихъ. Я пробовала и посуду имъ на ярмаркѣ покупать, и деньги, и одежду давала,—все въ кабакъ несутъ.

— Это и натурально.

— Одежду-то въ кабакъ нести?

— Да. Этими грошевыми помощами ничего не подѣлаешь, ихъ надо на волю отпустить съ большимъ надѣломъ.

— Ну, нѣтъ съ, мой мужъ не можетъ дать надѣлъ

больше законнаго, и для чего это? — сердито сказала хозяйка и вышла вонъ.

— Охъ,—вздохнулъ Константинъ Ивановичъ:—а я какъ подумаю объ этомъ дѣлѣ, такъ мурашки по тѣлу и забѣгаютъ.

— Неужели ты не сочувствуешь освобожденію крестьянъ?

— Да вѣдь работы-то сколько будетъ,—ужаснулся толстякъ.—Ты подумай одно, заведутся эти переписки, отписки, записки, счеты, расчеты... А, прахъ ихъ побери всѣхъ! Да я еще ребенкомъ, бывало, какъ примусь за ариѳметику, такъ у меня зубы и пойдутъ, и пойдутъ, на стѣну, бывало, лѣзу, такая боль! Это у меня врожденное.

— Ахъ, ты, лежень! —воскликнулъ, смѣясь, Иванъ Ивановичъ.—Какъ же это ты Марью-то Дмитріевну увезти рѣшился? видно, не боялся хлопотъ.

— Ну, что это за хлопоты! Я любилъ съ офицерами на тройкахъ кататься, какъ вышелъ въ отставку...

— А ссора и примиреніе съ родителями?

— Чего ссориться? Я съ ними не ссорился. Они и безъ того отдали бы ее за меня, можетъ, и знали даже, что я ее увезу, шутъ ихъ разберетъ! Сговорился я съ нею, что увезу,—ну, и увезъ, потомъ на колѣнки передъ отцомъ встали,—простилъ...

— То-есть, поразнообразить жизнь захотѣлось?

— А почему я знаю, чего захотѣлось. Дурь была.

— А теперь?

— Теперь, братъ, я въ халатѣ...

Братья смолкли.

— Мы вотъ о вашей свадьбѣ разсуждаемъ,—сказалъ Иванъ Ивановичъ вернувшейся Марьѣ Дмитріевнѣ:—что вы скажете объ...

— Ну, ужъ говорите, говорите!—воскликнула она недовольнымъ голосомъ:—а я теперь по хозяйству, у насъ корова захворала,—съ этими словами хозяйка пролетѣла въ свою комнату за какою-то понадобившеюся ей вещью.

Въ комнатѣ воцарилась тишина; Константинъ Ивановичъ началъ учить собаку носить поноску и время-отъ-времени нещадно билъ ее за непонятливость. Визгъ животнаго сталъ, наконецъ, раздражать слухъ Ивана Ивановича.

— Ты ходишь на охоту?—спросилъ онъ.

— Нѣтъ, какая охота!..

— Такъ зачѣмъ же ты мучишь пса?

— Не дуракомъ же ему расти.

— Совѣмъ бы не держалъ собаки, а вѣдь это нервы раздражаетъ.

— Ахъ, ты, барыня нервная!

Иванъ Ивановичъ пожалъ плечами и сердито вышелъ изъ комнаты. Еще долго доносились къ нему изъ мезонина невыносимые визги собаки и исистовые крики Константина Ивановича: «apporte, apporte!! убью тебя, шельма!»

— Живодеры,—бормоталъ молодой человѣкъ, ходя большими шагами по комнатѣ.

А внизу, между тѣмъ, говорили про него, смѣялись надъ его нервною выходкою, порицали его за желаніе благодѣтельствовать своимъ мужикамъ, говорили, что онъ новыхъ идей набрался о человѣколюбіи, а между тѣмъ, съ перваго же дня вноситъ непріятности въ тихую семейную жизнь, отравляетъ ее для близкихъ людей. Катерина Ивановна была безмолвной слушательницей этихъ толковъ. Съ слѣдующаго дня Иванъ Ивановичъ началъ дѣлать визиты сосѣдямъ, сосѣди отплатили ему тѣмъ же, пошли толки, новости, вопросы, сужденія; все было такъ обыкновенно, такъ нахло провинціей и шестидесятыми годами, что передавать всего этого не стоитъ. Между тѣмъ, въ домѣ было рѣшено, что на зиму вся семья поѣдетъ въ городъ, раздѣлится и приметея за устройство крестьянъ. Катерина Ивановна радовалась предстоящей поѣздкѣ и прыгала, какъ дитя, хотя этому прыганью мѣшали иногда замѣчанія брата Ивана.

— Ты, Катя, кажется, останешься вѣчнымъ ребенкомъ,— говорилъ онъ.

— И прекрасно, — вступилась Марья Дмитріевна.— У нея сердце чисто, оттого она и веселится, брюзжать ей нечего.

— Я не про веселость говорю, но про эту экзальтацію. Она волнуется отъ пустяковъ, а передъ серьезными вещами закрываетъ глаза.

— Еще бы вы стали требовать, чтобы ребенокъ восхищался отличною картиною, а не простою игрушкою.

— Ну, иныя изъ такихъ дѣтей, какъ она, живутъ уже самостоятельною жизнью, своихъ дѣтей имѣютъ...

— Ахъ, Господи, да развѣ она виновата, что на ней еще никто не женился!—съ обидчивостью воскликнула Марья Дмитріевна.

— Вы меня не поняли...

— Гдѣ васъ понять!

Наставало тяжелое молчаніе. Марья Дмитріевна начинала

недолюбливать мужчина брата; Катерина Ивановна начинала дуться...

III.

Надъ деревней Миловидовой, между тѣмъ, пронеслось лѣто, нахмурилась осень. Хлѣбъ убрали, сѣно скопняли, поля стали похожи на давно небритый подбородокъ стараго солдата, деревья уныло и глухо шумѣли безлистными вѣтвями. Порою, по утрамъ, виднѣлись кое-гдѣ бѣлыя пятна на деревянныхъ мостахъ: это были первые слѣды осеннихъ морозовъ. Но снѣгу еще не было. Дни въ помѣщичьемъ домѣ шли вяло и медленно. Иванъ Ивановичъ бо́льшую часть дня проводилъ въ своемъ кабинетѣ, работалъ, читалъ, писалъ, учился; наработавшись, онъ спускался въ общія комнаты и каждый разъ, если не было гостей, что при дурныхъ дорогахъ случалось часто, встрѣчалъ одну и ту же картину соннаго застоя, болотнаго спокойствія, мирной апатіи. Константинъ Ивановичъ обыкновенно или училъ и тиранилъ любимую собаку, или сидѣлъ, до крайности серьезно углубившись въ свое дѣло и прилежно разсчитывая, за граншасьянсомъ. Его лицо выражало въ эти минуты строгую думу и даже умъ, отчего пошлость занятія бросалась еще ярче въ глаза. Марья Дмитріевна вязала безконечно-длинные и безчисленные шерстяные шарфы, такъ что можно было думать, что у нея цѣлая сотня дѣтей и родныхъ, требующихъ этихъ шарфовъ. Изрѣдка ея голову внезапно посѣщали какія-нибудь хозяйственныя соображенія, и она вскакивала, на минуту бѣжала распорядиться и снова возвращалась къ вязанью, дожидаясь новаго хозяйственнаго вдохновенія, чтобы опять на минуту покинуть работу. Катерина Ивановна усидчиво вязала шелковый кошелекъ съ бисеромъ или читала какой-нибудь французскій романчикъ. Тишина въ комнатѣ нарушалась только пощелкиваніемъ деревянныхъ спичекъ Марьи Дмитріевны, боемъ часовъ и храпомъ собаки, высыпавшейся до новаго ученья. Иногда нарушало тишину восклицаніе Константина Ивановича, скорбѣвшаго, что пасьянсъ не выходитъ. Иногда слышалась протяжная зѣвота, сопровождаемая похожими на вздохъ словами: «э-эх-хе-хе!» или «о-охъ, Господи!» Прежде чѣмъ увидѣть эту картину, Ивану Ивановичу приходилось проходить по передней, гдѣ лакей и казачокъ или дремали, или играли въ носки и также тоскливо зѣвали... Иванъ Ивановичъ медленными шагами, какъ привидѣніе, входилъ

въ комнату, сѣлся въ кресла и молчаливо кусалъ ногти: знакъ неудовольствія.

— Опять не выходитъ! — волновался Константинъ Ивановичъ, и въ его тонѣ слышалось, что въ душѣ онъ затянулъ пасьянсу крѣпкое русское слово.

— Пятый разъ проклятый Наполеошка не выходитъ.

— Да ты вѣрно зѣваешь, — вступалась Марья Дмитріевна.

— Какое зѣваю! Ни одного перевода нѣтъ. Вотъ тутъ валетъ пикъ заколодилъ, а здѣсь четверка червей.

— Да ты попробуй переводы сдѣлать, — совѣтовала Марья Дмитріевна и, опустивъ на колѣни шарфъ, приникала къ столу. — Вотъ здѣсь переводъ есть.

— Говорятъ тебѣ, что изъ этого ничего не выйдетъ.

— Вотъ заладилъ одно: не выйдетъ! не выйдетъ? Ты попробуй, да тогда и говори.

— Чего мнѣ пробовать, — злился Константинъ Ивановичъ: — развѣ я такъ не вижу? Что ты, въ самомъ дѣлѣ, матушка, за дурака меня, что ли, считаешь? Соображать не могу я вѣрно, по-твоему?

— Ну, да ужъ попробуй!

— Смѣшно все, вотъ тебѣ и проба!

— Этакъ и раскладывать пасьянсъ не нужно, если у тебя терпѣнья нѣтъ.

— Ну, и не нужно!

— Разумѣется, не нужно!

— Вязала бы свои шарфы!

— Для тебя же вяжу.

— Очень мнѣ ихъ нужно!

— Ну, такъ я Васькѣ отдамъ, и ходи безъ шарфа.

— И буду ходить.

— Да и будешь!

Супруги не на шутку ссорились. Въ ихъ голосахъ слышалось и раздраженіе, и злоба. Иванъ Ивановичъ и они сами знали, что миръ возстановится при слѣдующемъ удачномъ пасьянсѣ, когда шельмецъ Наполеошъ выйдетъ, и что война закипитъ снова при другомъ неудачномъ пасьянсѣ, когда оба минутные врага выскажутъ другъ другу сотни колкостей, сильно взволнуютъ себя и потомъ вмѣстѣ пойдутъ спать... Эти волненія безспорно доставляли имъ и удовольствіе, и развлеченіе, но Ивану Ивановичу объ этого не было веселѣе. Въ его сердцѣ кипѣла досада, и эта досада еще болѣе усиливалась тѣмъ, что его сестру часто приглашали играть роль судьи, и она нисколько не изумлялась

отъ этого предложенія, но исполняла роль отлично. Въ одинъ изъ такихъ вечеровъ Иванъ Ивановичъ былъ раздраженъ болѣе, чѣмъ когда-нибудь. Ему было досадно и на пошлую серьезность брата, и на постукиваніе спичекъ Марьи Дмитріевны, и на достойное похвалы прилежаніе сестры. Онъ не вытерпѣлъ.

— Какъ тебѣ не надоѣстъ, сестра,—промолвилъ онъ:—заниматься этою дрянью.

— Какою дрянью?

— Да вотъ вязаніемъ этого чулка.

— Это не чулокъ, это я кошелекъ вяжу для...

Катерина Ивановна нерѣшительно остановилась.

— Кому нужны эти кошельки?

— А я хотѣла...—снова начала Катерина Ивановна и не кончила, ея голосъ уже дрожалъ слезами.

Братъ этого не замѣтилъ.

— Помилуй,—продолжалъ онъ:—этотъ шелкъ, бисеръ, все это стоитъ большихъ денегъ, вязанье стоитъ труда, а что изъ этого выйдетъ? Неудобный кисетъ съ царапающимъ руки стальнымъ бисеромъ, тряпка, которая загрязнится черезъ мѣсяцъ. Если тебѣ нуженъ кошелекъ, то ты можешь купить его, не трудясь попусту, купить дешевле, чѣмъ стоитъ этотъ матеріалъ, и купленный кошелекъ изъ кожи будетъ прочнѣе, а, значитъ, и лучше. Надо же тебѣ пріучаться правильно глядѣть на вещи и не быть уѣздной барышней.

Катерина Ивановна опустила на колѣни вязанье и поникла головой. Незамѣтно для нея самой изъ ея глазъ покатились слезинки, наконецъ, одна изъ нихъ упала на ея руку и заставила ее очнуться. Дѣвушка быстро встала и торопливо вышла изъ комнаты, уже рыдая на порогѣ...

— Что съ ней?—съ изумленіемъ спросилъ Иванъ Ивановичъ.

— Эхъ вы, молодежь,—съ упрекомъ произнесла Марья Дмитріевна:—разстраивать только мою Катю умѣете! Вѣдь она для васъ къ именинамъ этотъ кошелекъ торопилась довязать.

Иванъ Ивановичъ смутился, онъ чувствовалъ себя правымъ, но ему было жаль сестру. Онъ еще въ университетѣ получилъ названіе *благодушнаго*, и оно было дано ему не даромъ. Вечеръ прошелъ скверно. Катерина Ивановна, наплакавшись до сыта молодыми слезами, сочла за нужное надуть свои хорошенькія губки и не выйти къ чаю, чтобы

помучить брата. Ее уже занимало это мщеніе, и передъ ея воображеніемъ носилась сцена примиренія, полная трогательныхъ фразъ, цѣлованій рукъ и тому подобныхъ прелестей. Кого изъ васъ, юныя читательницы, не занимали эти сцены и еще въ деревнѣ, среди однообразной, убійственной скуки осеннихъ дней? Надо же, въ самомъ дѣлѣ, чѣмъ-нибудь разнообразить жизнь!

— Ну, полно дуться, Катя,—говорилъ на другой день Иванъ Ивановичъ, встрѣтивъ сестру безъ свидѣтелей.

Ожиданная сцена настала. Катерина Ивановна чувствовала, что ея маленькое сердечко бьется сильнѣе обыкновеннаго.

— Я не дуюсь,—отрывисто отвѣтила она и продолжала надувать хорошенькія губки.

— Вотъ еще! развѣ я не вижу. Я не зналъ назначенія этого кисета, и потому невольно обидѣлъ тебя. Но пойми, мой другъ, что я желаю тебѣ добра. Ты тратишь время и силы на пустяки.

— Что же вы мнѣ прикажете дѣлать?

— Во-первыхъ, не впадай въ этотъ пошлый провинціализмъ, и не говори мнѣ въ видѣ колкости *вы*. Это не колко, а пошло и мелочно. Во-вторыхъ, надо же тебѣ понять меня и знать, что я не приказывать хочу, а совѣтовать. Мнѣ хотѣлось бы, чтобы моя сестра была развитою, честною дѣвушкою.

— Что съ тобою, развѣ я безчестная?—воскликнула съ ужасомъ Катерина Ивановна и готовилась расплакаться.

— Ты меня не поняла. Въ нашемъ кругу называютъ честными тѣхъ, кто употребляетъ свои силы и время на полезный трудъ, а ты этого не дѣлаешь. Такихъ людей у насъ зовутъ не подлецами, а дармоѣдами.

— И всѣ у насъ тамъ поучаютъ другихъ?—съ ироніей спросила сестра: ей вдругъ сталъ досаднымъ поучительный тонъ брата, она ожидала драматической сцены примиренія, а не этихъ наставленій и резонерства.

— Если нужно, поучаютъ.

— Ну-съ, такъ что же мнѣ дѣлать?

— Читай...

— Ха-ха-ха.—засмѣялась сестра надъ братомъ, какъ надъ дуракомъ.—Вотъ одолжилъ! А что же я дѣлаю по утрамъ и вечерамъ, когда ложусь спать.

— Что же ты читаешь?

— Дюма теперь читаю.

— Ну, это хуже вязанья кисетовъ.

Сестра снова надула губки при словѣ кисетъ, обидномъ для ея кошелька.

— Такихъ книгъ не только можно не читать, но и не должно ихъ читать. Читай серьезныя книги. При твоемъ воспитаніи трудно читать даже популярно написанныя ученыя статьи, ну, такъ начни съ хорошихъ романовъ. На что годятся похожденія разныхъ мушкетеровъ? Гдѣ ты встрѣтишь подобныхъ куколъ въ жизни? А ты возьми вотъ хоть Теккерея, «Ярмарку Тщеславія» или «Пенденниса» прочти. Тамъ ты встрѣтишь почти на каждой страницѣ такіе вѣрные взгляды на жизнь, такія ѣдкія осмѣянія ея пошлостей, что, мало-по-малу, твоя мысль проснется, станетъ работать, ты захочешь выбиться на лучшую дорогу, стать лучшимъ членомъ общества. Передъ тобой будутъ проходить не просто англичане съ своими страстями, но люди, давно знакомые тебѣ. Въ какой-нибудь брошенной съ дѣтства, гонимой за бѣдность, развившей вслѣдствіе этихъ гоненій до крайности свое самолюбіе, дошедшей потомъ до пороковъ и страшнаго коварства, Ребеккѣ Шаритъ, ты узнаешь одну изъ своихъ небогатыхъ и также гонимыхъ подругъ. Въ пустомъ, блестящемъ, праздномъ, изнѣженномъ богачѣ-офицеринкѣ Осборнѣ ты увидишь портретъ десятка такихъ же личностей, уже видѣнныхъ тобой. Ты, не трогаясь съ мѣста, войдешь за кулисы блестящаго, празднаго, наглаго свѣта; авторъ силою своего громаднаго таланта сдернетъ передъ тобою нарумяненныя маски съ надменныхъ барынь, и ты съ отвращеніемъ отвернешься отъ ихъ натуральныхъ лицъ, отъ ихъ цинизма, прикрытаго красивыми формами, отъ ихъ развращенности, прикрытой нравственными изреченіями и благотворительностью изъ остатковъ отъ стола и податей, собранныхъ съ тѣхъ же бѣдняковъ.

Иванъ Ивановичъ увлекся, что съ нимъ бывало рѣдко, и говорилъ съ жаромъ. Сестра невольно заслушалась его, и съ ея лица исчезли слѣды раздраженія, насмѣшливости, досады и всѣхъ другихъ чувствъ, волновавшихъ ее за минуту: они замѣнились выраженіемъ вниманія и любопытства. Передъ ней, хотя и смутно, промелькнулъ новый міръ. Въ тотъ же вечеръ она попросила у брата одинъ изъ романовъ Теккерея. Прошелъ день, другой, третій. Иванъ Ивановичъ мелькомъ спросилъ у сестры: понравился ли ей романъ?

— Скучно ужасно: я какъ начну читать, такъ и задремлю.

Братъ съ удивленіемъ и сожалѣніемъ поглядѣлъ на нее.

— Ты не привыкла даже и къ такому чтенію, — покачалъ онъ въ грустномъ раздумьи головою и помолчалъ. — Не хочешь ли, чтобы я прочиталъ его вслухъ? Такъ будетъ лучше, дѣло пойдетъ живѣе.

Согласіе было получено. Въ тотъ же день, вечеромъ, въ немѣшичьемъ домѣ деревни Миловиды, происходило литературное чтеніе. Читалась «Ярмарка Тщеславія». Чтеніе шло благополучно, тишина и вниманіе были полныя; наконецъ, чтецъ былъ пораженъ легкимъ посвистываніемъ и сопѣніемъ Константина Ивановича. Иванъ Ивановичъ взглянулъ на брата: тотъ мирно почивалъ, разложивъ карты на столѣ и откинувъ голову на спинку софы. Его ротъ былъ раскрытъ полуопьяна, выраженіе какого-то сладостнаго, безмятежнаго покоя и довольнаго чувства бродило по лицу. Иванъ Ивановичъ смутился и покраснѣлъ, ругая себя въ душѣ за наивное неполизновеніе читать Теккерея при родныхъ.

— Знаешь ли, сестра, что? — сказалъ онъ шопотомъ.

— Пѣтъ, — лѣниво и медленно протянула она, задумчиво перебирая бахромки своей шерстяной косынки.

— Если ты хочешь, чтобы я читалъ, то приходи ко мнѣ, или я приду къ тебѣ, а здѣсь... Ну, это просто нельзя!

— Читайте, читайте, я слушаю, — воскликнула Марья Дмитріевна, входя въ комнату и взявшись за вязанье. — Я только на минуту по хозяйству выходила.

— А, такъ и васъ здѣсь не было, я и не замѣтилъ, — сказалъ Иванъ Ивановичъ, принужденно улыбаясь.

— А? что? — вздрогнулъ Константинъ Ивановичъ, проснувшись подъ внезапный говоръ. — Славно вздремнулъ, — произнесъ онъ, потягиваясь. — Ну, что это, — какъ ее тамъ зовутъ? Сара, что ли? — окрутила съ собой этого толстопузаго дурака-индѣйца? — спросилъ онъ, раскладывая карты.

— Нѣтъ, — неохотно отвѣтилъ Иванъ Ивановичъ.

— Ну, а какъ та-то, другая, сладенькая такая, — ну, какъ ее тамъ зовутъ? — что она, вышла за кого-нибудь? — продолжалъ хозяинъ разспросы.

— Это Наполеонъ или двѣнадцать спящихъ дѣвъ? — спросилъ раздражительно Иванъ Ивановичъ, не отвѣчая на вопросъ.

— Эхъ, ты! Это звѣздочка, братъ! — торжествующимъ то-

номъ сказалъ толстякъ, какъ бы сожалѣя брата за незнаніе.— Наполеонъ въ одну колоду раскладывается, и всѣ карты за разъ на столъ кладутся, а это звѣздочка.

— А-а!—протянулъ Иванъ Ивановичъ и, бросивъ полный значенія, не то насмѣшливый, не то вопросительный взглядъ на сестру, ушелъ къ себѣ.

Катерина Ивановна все перебирала бахромки... Вотъ далась ей въ этотъ вечеръ работа! Чтеній болѣе не было. Сестра призналась, что Теккерей для нея скученъ. Братъ Иванъ вздумалъ ее поучить, довелъ до слезъ, до надуванія губокъ, до трехдневнаго молчанья и, наконецъ, не вынося мелкихъ сценъ мелочной ссоры, переломилъ себя, попросилъ извиненія, махнулъ на все рукою и радовался, что настала санная дорога и явилась возможность ѣхать въ городъ.

— Вотъ вы всѣ вѣрно такіе, нашумите, обидите, а послѣ сами же прощенья просите,—сказала съ торжествующимъ видомъ сестра меньшому брату въ день примиренія.

— Да, мой другъ, но не дай тебѣ Богъ прилѣпиться сердцемъ къ одному изъ тѣхъ *нашихъ*, который и не захочетъ *твоего* прощенія,—какъ-то грустно и пророчески произнесъ братъ.

По большому тракту, ведущему къ ближайшему отъ деревни Миловиды губернскому городу, убогія клячи убійственно медленно тащили рыдванъ, не то домашняго, не то другого какого-то издѣлія, но во всякомъ случаѣ допотопнаго происхожденія. На широкихъ козлахъ (такіе козлы можно видѣть въ столицѣ у погребальныхъ дрогъ) сидѣли лакей и ямщикъ или, лучше сказать, ямщичій армякъ, въ которомъ ямщикъ какъ бы желалъ спрятаться или утонуть съ головой. На лакеѣ была фуражка, похожая на широкій и плоскій кочанъ синей капусты съ шеею вмѣсто кочерыжки, и шинель съ поднятымъ собачьимъ воротникомъ, опоясанная кушакомъ. Она походила на рыжій, поношенный больничный халатъ, къ которому для неизвѣстныхъ причинъ придѣлали пелеринку, очень часто во время порывовъ вѣтра закрывавшую кочанъ капусты. По близости отъ губернскаго города рыдванъ былъ обогнанъ другимъ рыдваномъ; послѣдній былъ немного поновѣе перваго. Лакей, сидѣвшій на козлахъ второго рыдвана, безмолвно мотнулъ головою, откинувъ ее назадъ; это движеніе рывомъ вверхъ, походившее на выраженіе досады или, какъ говорится, на фырканье, можно было перевести слѣдующимъ вопросомъ:

— Туда ѣдете?

Лакей на козлахъ перваго рыдвана точно такъ же безмолвно мотнулъ головой впередъ, точно поздоровался, и этотъ жестъ уже безъ всякаго сомнѣнія означалъ отвѣтъ:

— Туда ѣдемъ!

Затѣмъ рыдваны, мало-по-малу, потеряли другъ друга изъ виду и, ныряя въ снѣжныхъ ухабахъ, продолжали свой путь.

— Пащенковы господа тоже въ губернію пріѣдутъ сегодня, — говорила горничная изъ крѣпостныхъ своей барыни, разбирая изъ безчисленныхъ кузововъ, саковъ и чемодановъ разныя вещи.

— Ты почему знаешь?

— Ихній лакей нашему сказывалъ, какъ мы ихъ обогнали.

— А! такъ это они тащились. Ну, ужъ клячи же у нихъ! Вѣрно, крестьянскія, — замѣтила барыня и поспѣшила передать извѣстіе своему мужу.

Тотъ передалъ извѣстіе своимъ знакомымъ, тѣ своимъ, и къ вечеру того же дня весь губернскій городъ говорилъ о событіи. Чиновники почему-то уже знали, что Пащенки, какъ выражались они на своемъ жаргонѣ, ѣдутъ дѣлиться, и одинъ изъ нихъ чесалъ объ уголъ стола лѣвую ладонь, — значитъ къ деньгамъ. Старики знали, что молодой Пащенковъ новыхъ идей набрался, богоотступникомъ сдѣлался, и даже, по преданію давно минувшихъ дней, называли его вольтерьянцемъ. Офицеры квартировавшаго десять лѣтъ въ губернскомъ городѣ армейскаго полка знали, что старшій Пащенко сестру возитъ съ рукъ сбывать, что она, ничего, дѣвчонка такъ себѣ и за нею можно того... Матери семействъ — послѣднія больше всѣхъ знали — говорили, что она нищая, совсѣмъ нищая, что старшій братъ ухлопалъ ея деньги, всѣ до копеечки ухлопалъ на постройки и сулитъ женихамъ оставить ей послѣ своей смерти свою часть имущества, а между тѣмъ у него еще свои дѣти будутъ; что Марья Дмитріевна еще прошлый годъ надѣялась быть матерью и не говорила объ этомъ только потому, что боится не сбыть съ рукъ капризную, распрекапризную дѣвчонку. Одинъ барышни, — надо отдать имъ справедливость, — какъ существа нѣжныя, невинныя и полныя кротости, ничего, ровно ничего не знали и на разспросы о Катеринѣ Ивановнѣ говорили: «Мы ее совсѣмъ не знаемъ, о ней ходитъ такъ много странныхъ толковъ, что мы боялись сближаться

съ нею; можетъ-быть, тогда сказали бы, что это мы распускаемъ про нее слухи».—И на вопросъ о томъ, какіе это слухи ходятъ про Катерину Ивановну, барышни упорно оттоваривались полнѣйшимъ незнаніемъ, говорили просто, какъ и слѣдовало невиннымъ созданіямъ, что про Катерину Ивановну *говорятъ*. Боже мой, сколько яду можетъ быть въ этихъ трехъ слогахъ: говорятъ! Что говорятъ: хорошее, дурное, правду, ложь? «Право, не знаемъ,—отвѣчаютъ вамъ.—но говорятъ!» Вы невольно опускаете голову, задумываетесь, ломаете ее и исподлобья съ недовѣрчивостью смотрите на человѣка, про котораго *говорятъ*. «А можетъ-быть, онъ и въ самомъ дѣлѣ того, думается вамъ, вѣдь чортъ въ его душу влѣзетъ!»

— Какъ зовутъ этого Пащенко, не Иваномъ ли Ивановичемъ?—спрашивалъ одинъ армейскій офицеръ въ обществѣ товарищей.

— Нѣтъ, его зовутъ Константиномъ Ивановичемъ.—отвѣтили ему:—а вотъ братъ его, такъ тотъ Иванъ Ивановичъ.

— А, такъ онъ, значитъ, не ѣдетъ сюда?

— Отчего же значитъ. Напротивъ того, онъ-то и смастерилъ этотъ пріѣздъ.

— Такъ вѣдь мы съ нимъ друзья!—воскликнулъ офицеръ, нисколько не изумляясь остроумію своего товарища. — Я еще кадетомъ былъ съ нимъ друженъ.

— Э, такъ ты этакъ и за нею пріударишь по дружбѣ.

— Ты по себѣ вѣрно судишь. Я не привыкъ видѣть въ женщинѣ самку и бѣгать за первою женскою юбкой,—съ презрѣніемъ произнесъ офицеръ.

Авторъ этой повѣсти стоялъ во время сейчасъ приведеннаго разговора спиной къ говорившимъ, но какъ только произнеслась послѣдняя фраза, то тотчасъ же онъ обернулся и поспѣшилъ пожать руку стараго знакомаго, зная, что, кромѣ Андреева, никто не способенъ произносить въ нашъ вѣкъ подобныя фразы. Разумѣется, ошибки не могло быть, и Андреевъ сжалъ протянутую ему руку. Онъ былъ во всемъ блескѣ своего величія, съ взбитыми волосами, съ разстегнутымъ сюртукомъ, съ запущенными въ карманы панталонъ руками, и стоялъ въ толпѣ офицеровъ, съ которыми былъ на *ты* и которыхъ ненавидѣлъ отъ всей души, считая ихъ подлецами, — по какимъ причинамъ — это извѣстно одному ему.

— Смотрите, вы мнѣ не смѣйте измѣнить!—воскликнула

жена ротнаго командира Лазаревскаго, худенькая, живая полковая барыня, украденная мужемъ въ окно изъ родительскаго дома, ходатайствовавшая за невинныхъ юнкеровъ передъ холостякомъ-начальникомъ полка, трепавшая ихъ въ видѣ ласки по едва покрытымъ пушкомъ щечкамъ, дававшая имъ за проценты денегъ въ долгъ, игравшая въ ландкинехтъ и по-походному рожавшая дѣтей въ промежутокъ времени между первымъ и третьимъ роббераме ералаша.

— Я не изъ числа вашихъ поклонниковъ и измѣнить вамъ не могу, хоть бы и хотѣлъ, — грубо отвѣтилъ Андреевъ и, кажется, старался встать въ эту минуту на цыпочки и взбить выше свой хохолъ, чтобы быть больше своего роста.

— Ахъ, грубіянъ! Ну, да я васъ за это и обожаю.

— Вы всѣхъ обожаете, кто не умѣетъ выигрывать.

— Скажите, пожалуйста, онъ огрызаться вздумалъ!

— А вѣдь ты, братецъ, подлецъ, дамамъ грубишь, — вступился поручикъ Зловъ, длинный и сухощавый, но, впрочемъ, славный малый.

— Убирайся, свинья!—произнесъ Андреевъ.—Ты невѣжливъ! Я знаю, съ кѣмъ и какъ говорить, а ты гдѣ могъ этому научиться! На томъ погибельномъ Кавказѣ, что ли?

— Это онъ философствуетъ, господа, каѳедру ему надобно поставить!—возгласилъ басомъ толстякъ Матвѣевъ, вѣчно пребывавшій подпоручикомъ и все собиравшійся перейти въ другой полкъ, такъ какъ въ этомъ подпоручикамъ не везетъ и новые поручики постоянно садятся имъ на шею.

— А вотъ мы вмѣсто каѳедры заставимъ его по травушкѣ, по муравушкѣ, по зеленненькой пройтись,—сострилъ Лазаревскій и указалъ на ломберный столъ очень невзрачнаго вида.

— Эхъ, ты хоть бы столъ-то новый купилъ,—забасилъ толстякъ, повторявшій эту фразу каждый разъ передъ началомъ игры.

— Ну, опять выиграетъ!—съ горечью воскликнула Лазаревская, шумно подвигая стулъ. Она считала эту фразу Матвѣева чѣмъ-то въ родѣ таинственнаго заклинанія, доставлявшаго ему выигрышъ.—Хоть бы одинъ разъ позабылъ сказать о покупкѣ стола!

— Да чѣмъ же я, матушка, виноватъ, что вы новаго не покупаете!—оправдывался Матвѣевъ.

Читатель можетъ быть увѣренъ, что толстякъ сталъ молчаливо разсуждать съ самимъ собою, что, можетъ, и въ са-

момъ дѣлѣ эти слова не простыя, и далъ себѣ обѣтъ не произносить ихъ на слѣдующій разъ въ видѣ опыта. Конечно, на слѣдующій разъ онъ по разсѣянности произнесъ ихъ снова, выигралъ и опять далъ тотъ же неисполнимый обѣтъ... Если заглянуть въ будущее, то мы увидимъ Матвѣева дряхлымъ старцемъ, разсказывающимъ юношамъ о томъ, что у него въ былые дни были такія слова, отъ которыхъ онъ выигрывалъ... Вотъ вы и толкуйте тутъ о вѣрованіяхъ... Пошутивъ такимъ пріятнымъ образомъ, все общество усѣлось за карты и весело, очень весело кончило день или, лучше сказать, начало его, такъ какъ въ семь часовъ утра, когда я сѣлъ записывать о послѣднихъ происшествіяхъ, мимо моихъ оконъ протащились немного взъерошенныя фигуры моихъ новыхъ знакомыхъ...

IV.

На другой день послѣ пріѣзда въ городъ, Константинъ Ивановичъ, кряхтя и жалуясь на снѣгъ, на необходимость облечься въ парадное платье, на свои возвратившіеся въ дорогѣ ревматизмы и другія невзгоды, поѣхалъ дѣлать визиты властямъ города и знакомымъ. Иванъ Ивановичъ остался дома и, совершенно неожиданно для него, былъ посѣщенъ Андреевымъ. Послѣдній посвятилъ своего пріятеля во всѣ тайны городской жизни, описалъ черными красками своихъ знакомыхъ, и поговорилъ о необходимости выйти въ отставку и избрать другую карьеру.

— На этой дорогѣ мнѣ нечего дѣлать, здѣсь поневолѣ приходится слѣдовать совѣту Кравцева и плевать въ потолокъ,—съ горечью говорилъ онъ.

— Ну, ты себѣ рисуешь все въ мрачномъ видѣ,—замѣтилъ Пащенко.—Есть же и тутъ порядочные люди и мѣсто для дѣятельности, только не нужно гнаться за какой-то міровой дѣятельностью. Вѣдь ты всегда можешь быть полезнымъ солдатамъ, наблюдать, чтобы они все получали, учить ихъ грамотѣ, обращаться съ ними лучше другихъ. Это тоже дѣятельность очень почтенная.

— Да, ты такъ толкуешь, потому что ты въ военной жизни ничего не смыслишь.

— Однако, здравый-то смыслъ и у меня есть, и я понять могу, что пользу вездѣ приносить можно.

— Знаемъ мы эти отвлеченныя разсужденія, а попробуй-ка приложить ихъ къ дѣлу, такъ и осядешь.

— Ну, а ты пробовалъ? — улыбнулся лѣнивой улыбкой Пащенко и зѣвнулъ.

— Пробовалъ! — съ досадой сказалъ Андреевъ, видя, что его іереміада не произвела должнаго впечатлѣнія на слушателя. — Ты со своимъ благодушіемъ представляешь всѣхъ людей агнцами, а пожили-ка съ ними, такъ они тебѣ и покажутъ волчьи зубы.

Въ это время горничная доложила молодому Пащенко, что его просятъ къ завтраку: хозяинъ и гость пошли въ столовую. Тамъ уже сидѣли Марья Дмитріевна, Катерина Ивановна и какой-то беззубый старичокъ-гость. Началась рекомендація.

— Мнѣ очень пріятно познакомиться съ вами, — съ ласковою улыбкою сказала Марья Дмитріевна. — Братецъ говорилъ намъ такъ много хорошаго о своихъ друзьяхъ, къ числу которыхъ принадлежите и вы.

— Да, я долго принадлежалъ къ ихъ кружку, — вздохнулъ съ чувствомъ Андреевъ: — да вотъ судьба закинула меня въ это гніющее болото.

— Нѣтъ-съ, здѣсь климатъ ничего, хорошій, — вмѣшался старичокъ.

Андреевъ сострадательно улыбнулся.

— А люди? — бросилъ онъ вопросъ. — Вы не повѣрите, Марья Дмитріевна, что здѣсь за общество. Карты, пьянство, развратъ! Нѣтъ ни одной вполнѣ честной семьи, ни одной нравственной женщины, ни...

— Ахъ, нравственность великое дѣло! — воскликнула Марья Дмитріевна. — Я почти рада, что моя Катя живетъ съ нами въ деревенской глуши. Ей скучно, людей она не видитъ, но зато тамъ въ своей семьѣ она спокойнѣе.

— О, я вполнѣ съ вами согласенъ. И не все ли равно, гдѣ жить? Все дѣло въ томъ, съ кѣмъ жить. Трудиться, быть полезнымъ можно и въ деревнѣ.

— Вотъ и мы съ Катей то же говоримъ, что вы. Она такъ трудолюбива, такъ любитъ тишину семейной жизни, что у меня за нее сердце радуется.

Катерина Ивановна потупила глаза и мѣшала ложечкой въ чашкѣ. Иванъ Ивановичъ грызъ ногти.

— Да, Катерина Ивановна примѣрная дѣвица-съ, и это дѣлаетъ ей еще больше честь, потому что она живетъ въ нашъ вѣкъ, — ввернулъ вкрадчивымъ голосомъ старичокъ, нюхая табакъ, и сдѣлалъ какую-то лисью физіономію.

— Да, могу сказать, что она будетъ примѣрною женою,— торжественно произнесла Марья Дмитріевна.

Андреевъ, сощуривъ глаза, пристально и насмѣшливо поглядѣлъ на Катерину Ивановну; та вспыхнула. Иванъ Ивановичъ всталъ и, подойдя къ окну, сталъ барабанить по стеклу.

Въ комнатѣ воцарилось неловкое молчаніе.

— Вы имѣете здѣсь родственниковъ?—обратилась Марья Дмитріевна къ Андрееву.

— Нѣтъ-съ. Моя матушка въ деревнѣ живетъ,—скороговоркой отвѣтилъ онъ.

— Далеко ея деревня?

— Подъ Москвой.

— Ну, ей, вѣроятно, не скучно жить въ кругу семейства...

— Она одна.

— Ахъ, Боже мой, значитъ, вы у нея одинъ сынъ?

— Одинъ-съ.

Андреевъ отвѣчалъ теперь отрывисто и ѣдко.

— Бѣдная, бѣдная! какъ ей тяжело, должно-быть, въ разлукѣ съ единственнымъ сыномъ. Я вполнѣ понимаю эти чувства. Вотъ Катя и не моя дочь, а я, кажется, не перенесла бы, если бы мы жили съ нею въ разлукѣ, я такъ ее люблю.

— Это вполнѣ замѣтно!—отвѣтилъ Андреевъ, взглянувъ не на Марью Дмитріевну, а на Катерину Ивановну проницательными глазами.—Вамъ тяжело будетъ разстаться съ нею,—продолжалъ онъ особенно выразительнымъ голосомъ:—когда Катерина Ивановна пойдетъ замужъ, а вѣдь это можетъ скоро случиться.

— Да-съ, невѣста-съ барышня! — сладостно улыбнулся старичокъ и сдѣлалъ умильные глазки.

— Ахъ, не напоминайте мнѣ объ этомъ!—вздохнула хозяйка.

— Ну, теперь мнѣ можно идти,—сказалъ Андреевъ Ивану Ивановичу, дѣлая удареніе на словѣ: теперь, и раскланялся съ дамами.

Каждой изъ своихъ фразъ онъ умѣлъ придать особенное значеніе ловкой интонаціей голоса.

Проводивъ пріятеля, Пащенко прошелся по городу, зашелъ въ кондитерскую, посмотрѣлъ, какъ дуются на бильярдѣ стрѣлки, прочиталъ мѣстныя газеты, гдѣ кто-то длинно разсуждалъ о приближающихся праздникахъ и «о пригото-

ніяхъ благороднаго дворянства къ блестящимъ балахъ, пошелъ домой, засталъ тамъ двухъ посѣтителей, послушалъ ихъ толки объ освобожденіи крестьянъ и откупахъ, и довольно скучно кончилъ день, чувствуя какую-то истому. На другой день, утромъ, онъ мимоходомъ забрелъ къ Андрееву и нашелъ его лежащимъ въ нижнемъ бѣльѣ и въ пальто на кровати. По столамъ были разбросаны книги, почти всѣ были раскрыты и потрепаны. Андреевъ лежалъ, подложивъ руки подъ голову, и глядѣлъ въ потолокъ.

— А-о! ты, Чернявкинъ?—крикнулъ онъ, не поворачиваясь.

— Нѣтъ, это я,—отвѣтилъ Пашенко.

— А! другъ любезный,—промолвилъ Андреевъ и, повернувшись на бокъ, протянулъ руку гостю, не вставая съ постели.

— Что ты боленъ?

— Горло что-то болитъ.

— Потому и валяешься?

— Нѣтъ, вѣдь я сегодня дежурный.

— Какъ дежурный?—съ изумленіемъ взглянулъ Пашенко на костюмъ Андреева.

— Что ты удивляешься? Одѣться я еще не успѣлъ, да и для чего? все равно придется просидѣть дома.

— Въ этомъ-то и состоитъ дежурство? — улыбнулся гость.

— Нѣтъ, тамъ въ роту надо бы идти, говядину вѣшать, капусту смотрѣть, да что толку въ этихъ формальностяхъ! Я посмотрю, а украсть все-таки украдутъ.

— Ваше благородіе,—послышался недовольный и грубый голосъ, и въ двери просунулся какъ-то бокомъ денщикъ, молодой парень съ крупными чертами и открытымъ вѣтру носомъ.

— Чего тебѣ?

— Изъ роты пришли.

— Ну, зови сюда.

Въ комнату явился солдатъ съ извѣстіемъ о дракѣ, случившейся въ ротѣ, и вытянулся передъ лежащимъ Андреевымъ.

— А чортъ бы васъ всѣхъ побралъ,—крикнулъ Андреевъ: — ступай, приду.

Солдатъ повернулся налѣво кругомъ и вышелъ.

— Чернявкинъ, одѣваться... Ты меня извини, Иванъ Ивановичъ, что я при тебѣ буду одѣваться... Ты куда давеча

бѣгалъ? опять за горничными ухаживаешь? — говорилъ Андреевъ, обращаясь то къ гостю, то къ слугѣ.

— Что мнѣ за ними бѣгать, ваше благородіе?—сурово отвѣчалъ денщикъ, одѣвая барина.—И какія тутъ горничныя! Захотѣли вы, ваше благородіе, горничныхъ въ этомъ чортовомъ гнѣздѣ, рукъ-то объ нихъ марать не стоитъ, вонъ оно что!

— Ну, ну, не разсуждать! Что ты сюртука не умѣешь подать, подлецъ! Убирайся!

Денщикъ вышелъ.

— Туда же, скотина, философствуетъ. Вѣдь ты не повѣришь,—говорилъ Андреевъ гостю:—этому подлецу весь прекрасный полъ здѣсь знакомъ. И хоть бы рожа была позволительная, а то, замѣтилъ ты, на носу у него тамъ какая-то шишка! И вѣдь его же дарятъ, бестію; у него бѣлья больше, чѣмъ у меня.

— Скоро ты будешь готовъ?—прервалъ его Пащенко, не то съ отвращеніемъ, не то со злобой.

— Пойдемъ.

Молодые люди вышли, а денщикъ сталъ прибирать комнату, ругая на чемъ свѣтъ стоитъ своего барина.

— Ишь ты,—ругался онъ, швыряя вещи:—книги-то раскидалъ! Въ десяти за разъ читаетъ, видно грамота не далась...

— Что твою сестру еще не просватали?—шутливо спросилъ Андреевъ у Пащенко.

— Нѣтъ. Она объ этомъ еще и не думаетъ,—отвѣтилъ послѣдній.

— Я вполнѣ вѣрю... Какое у ней энергическое и отважное личико.

— Да.

— Жаль только, что она, кажется, поддалась вліянію жены твоего брата... Ты меня извини, Иванъ Ивановичъ, а вѣдь вчера мнѣ просто гадко стало, какъ эта женщина начала вербовать меня въ женихи. Пренеловкое положеніе играть роль покупателя невѣсты и слушать описаніе доброты живого товара.

— Я думаю, ты понимаешь, что сестра въ этомъ не виновата и протестуетъ противъ этого, вѣдь не разругаться же ей при гостяхъ съ милой родственницей.

— О, конечно!.. Пожалуйста, не обижайся... Всѣ онѣ такія, эти ветошки стараго міра: будь у меня сестра, то и моя мать, вѣроятно, слѣдовала бы тактикѣ Марьи Дмитріевны...

Какое счастье, что ты стоишь теперь около неустоявшейся дѣвушки!..

— Н-да,—разсѣянно промолвилъ Пащенко и простился съ пріятелемъ.

Въ этотъ день онъ долго ходилъ безъ цѣли по городу, проѣзжалъ обѣдъ, запутался на улицахъ, пришелъ домой усталый и, облокотившись на столъ въ своей комнатѣ, опустивъ руки на голову, просидѣлъ въ раздумьи до полночи. Тяжелыя думы роились въ его головѣ; онъ предвидѣлъ почти все, что̀ можетъ быть съ нимъ, съ его сестрою, съ Андреевымъ, съ братомъ, съ невѣсткою и—что было мучительнѣе всего—не могъ найти силъ и средствъ остановить роковое опредѣленіе судьбы, то-есть уничтожить въ этихъ людяхъ все прошлое и привить къ нимъ новое.—Да, люди изобрѣтутъ многое, построятъ вѣчные храмы и дворцы, сооруятъ милліоны верстъ желѣзныхъ дорогъ, облегчатъ новыми машинами до-нельзя трудъ человѣка, но никогда до скончанія міра не найдутъ они средства уничтожать слѣды наслѣдственныхъ болѣзней и останавливать въ разгарѣ дѣйствія ядовъ, носящихъ ярлыки съ надписями: прошлое, среда, обстановка. Откройте этотъ секретъ, и тогда, только тогда проповѣдуйте человѣчеству начала новой жизни. Не принимайте легко этихъ словъ, не считайте ихъ пустою фразою желчнаго человѣка, но знайте, что только одни эти слова были покуда плодомъ соціальной науки за ея тысячелѣтнія громадныя изысканія, труды и размышленія.

А въ городѣ кипѣла жизнь, сплетни, толки, шитье нарядовъ, закупка провизіи, приготовленія къ праздникамъ. Офицеры того полка, гдѣ служилъ Андреевъ, съ завистью посматривали на офицеровъ стрѣлковаго батальона, для которыхъ предстоялъ рядъ торжествъ на Рождествѣ. Стрѣлки—это гвардія провинціи. Стрѣлки-душки, это стереотипное названіе упрочилось за ними въ устахъ всѣхъ уѣздныхъ барышень, какъ упрочилось названіе «душка-флотскій» за моряками въ Кронштадтѣ. Душки первенствовали на балахъ, душки составляли выгодныя партіи, душки поднимали свои носики не хуже гвардейскихъ адъютантовъ, душки танцовали съ неизъяснимой граціей, душки устраивали благородные спектакли. Вражда между душками и недушками была постоянная, хотя и не слишкомъ глубокая. Марья Дмитріевна и Катерина Ивановна тоже не дремали, потратили не мало денегъ на наряды и приготовленія къ праздникамъ. Онѣ такъ углубились въ эти приготовленія, что почти не замѣчали

окружающихъ лицъ и событій. Приготовленія къ дѣлежу братьевъ Пащенко, посѣщенія помѣщиковъ и другихъ женатыхъ стариковъ—все это промелькнуло безъ слѣда передъ двумя женщинами, изъ которыхъ одна собиралась приступить къ таинствамъ бальныхъ побѣдъ, а другая старалась употребить всѣ усилія, чтобы трофеемъ этихъ побѣдъ былъ мужъ для побѣдительницы. Но вотъ настало Рождество, насталъ первый балъ.

— Дашка, Дашка, бѣги къ собранью, погляди, пріѣхалъ ли кто-нибудь!—раздаются приказанія въ господскихъ домахъ.

И вотъ Дашка бѣжитъ, смотритъ, дрожитъ на морозѣ, смѣшитъ народъ своею растрепанною фигурою, выслушиваетъ остроумныя соображенія о томъ, что, вѣрно, она тоже на балъ собралась, огрызается, лается и, наконецъ, вскачь летитъ домой, машетъ руками, болтаетъ ногами, трещитъ языкомъ:

— Пріѣхали, пріѣхали! Салтыковскіе господа пріѣхали; на самой красное платье!

— Что ты, дура, выдумала! Красное! Надѣнетъ ли она красное платье!—восклицаетъ съ пренебреженіемъ барыня, а у самой сердце такъ радостно бьется, бьется...

Оно билось такъ же сильно только еще одинъ разъ въ жизни, когда приговоренный докторами къ смерти первенецъ-сынъ, предназначенный съ пеленокъ къ дипломатическому поприщу, пережилъ кризисъ, и было объявлено, что онъ останется живъ... Собраніе горитъ огнями, на улицѣ плошки, мальчишки плюютъ въ нихъ, любуясь, какъ вспыхиваетъ огонь; полиція суетится, кричитъ, гоняетъ народъ; толпа весело продирается посмотрѣть, какъ пріѣдутъ веселиться господа, она вполнѣ довольна этой арлекинадой, не требуетъ другихъ удовольствій, а господъ все прибываетъ. Въ залѣ мелькаютъ, сходятся, расходятся желтыя, красныя, голубыя, бѣлыя платья; душки-стрѣлки крутятъ усики, почти съ ловкостью гвардейцевъ говорятъ: pardon! Другіе офицеры немного насмурнѣе, но стараются тоже быть ловкими, тоже говорятъ: pardon! Въ дверяхъ, ведущихъ въ другія комнаты, виднѣются важныя осанки петербургскихъ чиновниковъ по особымъ порученіямъ, пріѣхавшихъ на время въ провинцію и готовыхъ чрезъ два-три мѣсяца снова унестись въ столицу съ запасомъ ѣдкихъ, но, къ сожалѣнію, старыхъ—какъ старо все подъ луною,—остротъ надъ провинціей, надъ всѣми этими людьми, которые посматриваютъ съ заискивающими улыбками на сшитую въ столицѣ одежду, на ловко вбрасываемыя

въ глазъ стеклышки... Въ залѣ становится нестерпимо жарко, всѣ чего-то ждутъ, *кого-то* нѣтъ еще, безъ *кого-то* не смѣютъ веселиться, но вотъ *кто-то* пріѣхалъ, грянула музыка, понеслись пары въ безумно-опьяняющемъ танцѣ, и блестящая толпа, заплативъ деньги за право въ извѣстное время натирать полы, вертится, крутится въ современной плескѣ св. Вита, мотаетъ десятками головъ, толкаетъ другъ друга въ бока, раздираетъ купленныя въ долги дорогія, но непрочныя платья. Потъ льетъ со всѣхъ градомъ. Лазаревская въ малиновомъ платьѣ громко хохочетъ, съ ухарствомъ армейской барыни кидергинаетъ голову передъ чинными аристократками города и, схвативъ подъ руку юнаго, дежурнаго при ея особѣ прапорщика, продирается локтемъ сквозь толпу, шумно говоря: «нужна же и намъ дорога!» Свѣчи оплываютъ и нѣсколькимъ матерямъ, чинно и злостно сплетничающимъ вокругъ залы, уже успѣли налиться на чепцы порядочныя горки стеарину... А вдали виднѣются лысыя головы старцевъ, играющихъ въ карты, и иной отецъ, глубокомысленно вынимая для хода короля бубенъ, думаетъ сладкую думу: «Авось нынче сбуду свою Машутку!» По его лицу бродитъ сладкая, какъ его дума, улыбка, а его противникъ размышляетъ съ тайною злобой: «Ишь, старый чортъ, обремизитъ, по улыбкѣ его поганой вижу!..» О, дальновидность людей!..

V.

— Кто это въ бѣломъ?—спросилъ у своего сосѣда стоявшій въ дверяхъ чиновникъ изъ столицы, выкинувъ ловкой гримасой стеклышко отъ глаза.

Это былъ человѣкъ лѣтъ тридцати съ хвостикомъ, приличный и красивый собою, какъ приличны и красивы всѣ петербургскіе чиновники изъ значительныхъ. Богъ ихъ знаетъ, откуда они набираются этой благообразности! Полагаютъ, портные въ столицѣ отлично шьютъ платье и вату кладутъ тамъ, гдѣ слѣдуетъ округлости членовъ быть; но лицо-то, лицо-то.—вѣдь съ нимъ ничего не подѣлаешь, отчего же оно такъ серьезно, и важно, и полно достоинствомъ, что при взглядѣ на него невольно склоняешь голову и узнаешь въ немъ образъ одного изъ благодѣтелей, лучшихъ сыновей, полезнѣйшихъ членовъ, геніальныхъ правителей отечества? Однако, мы неизбѣжно заставили великаго человѣка ждать съ нетерпѣніемъ отвѣта на вопросъ.

— Сестра Пащенко,—отвѣчали ему.

— Выдается изъ толпы!—тономъ приговора изрекъ столичный чиновникъ.

— Это, я думаю-съ, потому, что онѣ умышленно просто одѣты и причесаны,—осмѣлился свое сужденіе имѣть провинціалъ.—Вы замѣчаете-съ?..

— Можетъ-быть, но все же выдается,—строго и холодно прервалъ столичный чиновникъ и вбросилъ стеклышко въ глазъ, любуясь энергичнымъ, разгорѣвшимся отъ удовольствія личикомъ Катерины Ивановны, съ полуоткрытымъ ротикомъ и непокорно поднимавшимися природными завитками гладко зачесанныхъ волосъ.

Эти завитки составляли одну изъ прелестей ея особы, и даже апатичный старшій братъ не могъ не любоваться ими и говаривалъ ей: ахъ, ты, моя красавица-растрепуха!

Черезъ полчаса послѣ этого разговора всѣхъ удивило, что столичный чиновникъ сдѣлалъ туръ съ Катериной Ивановной. Онъ не танцовалъ еще ни съ кѣмъ, и это взбѣсило все общество; на Катерину Ивановну посматривали не то съ завистью, не то съ злобой и поддѣльной насмѣшливостью.

— Удивительно хороша!—съ ядовитой иронією восклицали матушки.

— Она думаетъ, что очень эффектно, когда волосы выбьются и висятъ завитками на лбу!

— Видно и коротки же они у ней, матушка; косищу-то только большую привязала. А то статочное ли дѣло, чтобы спереди этакіе коротенькіе концы были, если коса велика.

— Это она изъ кокетства подстригаетъ спереди одинъ локонъ, они и не сами вьются у нея, сама всякій день завиваетъ ихъ.

Между тѣмъ, петербургскій чиновникъ снова навелъ разговоръ на нашу героиню и мелькомъ спросилъ у сосѣда:

— Богата она?

— Нѣтъ-съ. Старшій братъ оставитъ имъ все свое состояніе, большое состояніе, ну, да еще когда онъ умретъ-съ, и притомъ же человѣкъ онъ въ порѣ, дѣтей можетъ имѣть. До смерти же своей будетъ выдавать проценты съ потраченнаго имъ капитала Катерины Ивановны.

— А-а! Она недурно воспитана?

— Да-съ. Онѣ въ институтѣ были, въ Москвѣ-съ.

— Я знаю.

Разговоръ на этомъ прервался, но на столичнаго чиновника всѣ уже смотрѣли, какъ на погибшаго для міра, то-

есть, какъ на жениха, на котораго другимъ невѣстамъ нечего разсчитывать. Общество до того хорошо знало жизнь, что могло предвидѣть до мельчайшихъ подробностей всѣ будущіе поступки столичнаго чиновника по этому дѣлу. Во-первыхъ, онъ станетъ посѣщать семью Пащенко, узнаетъ подробности о количествѣ состоянія, степени ума и образованности невѣсты, ея характеръ, ея родственныя связи, ея прошлое, т.-е. не было ли грѣшковъ, и потомъ молча станетъ взвѣшивать всѣ собранныя свѣдѣнія и, наконецъ, рѣшится на что-нибудь. Предложитъ онъ свою руку или нѣтъ, это неизвѣстно; во всякомъ случаѣ, зимнее время будетъ имъ убито не безъ удовольствія, не безъ сладости. Кому же не сладко, хотя играя съ собой въ прятки, считать себя на время «женихомъ возможности» и, покуривая сигару въ тишинѣ своего кабинета, рисовать въ воображеніи прелестныя картины семейной жизни, ласки молодой красавицы-жены, первый лепетъ дѣтей? Совѣтую всѣмъ холостякамъ попробовать періодически увѣрять себя, что ихъ покорила та или другая юная особа и вслѣдствіе этого ухаживать за ней, справляться обо всемъ, касающемся ея, обращаться за справками ко всѣмъ ея знакомымъ... Занятіе, право, не дурное и не скучное. И какъ будутъ ухаживать люди за узнающимъ о чужихъ дѣлахъ человѣкомъ, вѣдь ему можно все сообщать, разсказывать, расписывать. А что же можетъ быть пріятнѣе толковъ о дѣлахъ ближняго?

За этимъ достопримѣчательнымъ баломъ послѣдовали другіе достопримѣчательные балы, но гораздо важнѣе ихъ было появленіе въ домѣ Пащенко довольно частаго гостя, чиновника изъ столицы, Виктора Владиміровича Благово. Онъ былъ неразговорчивъ, серьезенъ, строгъ, но вѣжливъ, несуетливо ловокъ. Онъ безъ улыбки выслушивалъ наивности Маріи Дмитріевны и шуточки по поводу этихъ наивностей со стороны Константина Ивановича. Онъ выслушивалъ съ полусострадательною, съ полунасмѣшливою улыбкою завѣтныя идеи рѣдко, но рѣзко и горячо прорывавшагося Ивана Ивановича. Онъ доставалъ билеты на балы и благородные спектакли Катеринѣ Ивановнѣ и, не сходясь съ нею близко, не разсыпаясь передъ нею въ комплиментахъ, умѣлъ показать ей, что она лучше другихъ, лучше въ глазахъ его, умѣющаго-таки судить о людяхъ. Онъ сожалѣлъ, что провинціальные балы и спектакли плохи и пошлы, говорилъ, что они не даютъ понятія о блескѣ столичныхъ баловъ и спектаклей. Когда молодой Пащенко замѣтилъ, что сестра

чересчуръ увлекается всѣми этими плясками и представленіями, что она легко смотритъ на жизнь, столичный чиновникъ возразилъ на это своимъ холоднымъ и твердымъ голосомъ:

— Пусть молодость будетъ молода и веселится.

— Не худо бы и о дѣлѣ подумать. Не все же женщинѣ быть куклой, надо же ей привыкнуть трудиться.

— А-а! вы принадлежите къ эмансипаторамъ женщинъ! — улыбнулся чиновникъ.

— Что же, вы думаете, что этотъ вопросъ вздоръ?

— Помилуйте, я, кажется, не сказалъ никакого мнѣнія насчетъ этого. Я только говорю, что молодость должна быть молода. Пусть Катерина Ивановна попируетъ на праздникѣ жизни, а тамъ время само укажетъ, что̀ нужно дѣлать дальше.

Иванъ Иванычъ попробовалъ доказать, что поздно будетъ послѣ привыкать къ дѣлу, но Благово отвѣчалъ сухими «да» и «нѣтъ», посмотрѣлъ на часы и откланялся, спросилъ у Катерины Ивановны, будетъ ли она на слѣдующемъ балу, и получилъ утвердительный отвѣтъ. Повидимому, онъ не обращалъ никакого вниманія ни на рѣчи, ни на самого Ивана Ивановича.

— Экая деревянная кукла! — пробормоталъ Иванъ Ивановичъ.

— Ну, онъ живетъ и веселится, это не похоже на деревянную куклу, — сказала Катерина Ивановна. — Вотъ если бы онъ только хандрилъ, да отъ общества бѣгалъ, то...

Иванъ Ивановичъ холодно взглянулъ на сестру и безмолвно вышелъ изъ комнаты, не дослушавъ ея фразы.

— Не понравилось! — произнесла Марья Дмитріевна вслѣдъ ему, и по ея живому лицу промелькнула торжествующая улыбка.

Она начала передавать своей Катѣ какіе-то важные секреты, посмѣивалась и въ чемъ-то увѣряла ее, разъ двадцать повторяя: — а вотъ посмотри, что такъ будетъ, ужъ это недаромъ.

Въ какіе-нибудь два мѣсяца времени Катерина Ивановна успѣла поднять свою хорошенькую головку и съ необыкновенною, только женщинамъ свойственною ловкостью переняла отъ Благово манеру говорить и вести себя, хотя, повидимому, цѣлая пропасть лежала между молоденькою дѣвушкою и петербургскимъ чиновникомъ. Всѣ наивности Марьи

Дмитріевны и Константина Ивановича она стала выслушивать съ снисходительно-величавою улыбкою, всѣ совѣты младшаго брата принимала съ сострадательною насмѣшливостью, постоянно соглашалась съ нимъ, какъ бы изъ великодушія, и поступала по-своему. Два-три раза, вспомнивъ отзывъ Благово о ея братѣ и всей современной молодежи, она назвала Ивана Ивановича ребенкомъ, восторженнымъ юношей, и онъ, вглядываясь пристальнѣе въ лицо сестры, увидалъ въ ней не прежнюю институтку, готовую плакать изъза безтѣлицы, но восемнадцатилѣтнюю дѣвушку-невѣсту, можетъ-быть, сознавшую это и мечтавшую въ тишинѣ ночей о томъ, что она не дитя, что она черезъ полгода можетъ выйти замужъ и скоро сдѣлаться хозяйкой дома и даже матерью.

Кто хорошо и пристально слѣдилъ за развитіемъ дѣвушекъ, тотъ знаетъ этотъ періодъ быстраго перелома во всемъ ихъ существѣ; передъ этимъ періодомъ наивность, дѣтство, ребяческая раздражительность, — послѣ него принятіе на себя великой роли жены и матери или ворчливость, ехидная злостность, бездушная эгоистичность старой дѣвы. Ивану Ивановичу сдѣлалось еще грустнѣе, когда онъ понялъ важность переживаемой сестрою эпохи. Но что могъ онъ сдѣлать, когда Марья Дмитріевна не дремала и усердно снабжала своими наставленіями молодую дѣвушку?

— Скверную роль приходится тебѣ играть, Катя,—говорилъ онъ ей однажды, сидя съ нею вдвоемъ въ гостиной.

— Какую роль? — спросила она вскользь, не поднимая головы и пересматривая визитныя карточки знаменитыхъ людей въ альбомѣ, подаренномъ Викторомъ Владиміровичемъ.

— Роль продающейся съ аукціона невѣсты.

Она пожала плечами и улыбнулась.

— Ты думаешь, что меня продаютъ?

— Разумѣется, продаютъ, если показываютъ. Еще въ первый визитъ Андреева, меня, да и его тоже, поразило это наглое расхваливаніе товара и задобриваніе покупателя.

— Андреевъ самъ тебѣ сказалъ, что это его покоробило?

— Да.

— Какой ты, Ваня, ненаходчивый,— подняла головку сестра: —я давно это замѣтила. Ты во всѣхъ разговорахъ не находишься сразу дать прямой отвѣтъ...

— Лучшіе люди изъ нашихъ и совсѣмъ не спорятъ, — какъ бы вскользь замѣтилъ Иванъ Ивановичъ.

— Ну, я этихъ лучшихъ не знаю. Они вѣрно спрятались отъ меня... А вотъ я про тебя говорю, зачѣмъ ты не объяснилъ Андрееву, что Магіе простая женщина и любитъ меня до безумія, что она всѣмъ и каждому хвалитъ меня, не разбирая того, что женатъ или холостъ, старъ или молодъ ея слушатель.

— Такъ ты думаешь, что тутъ цѣли не было.

— Ахъ, Боже мой, не думаю, а знаю навѣрное... Она въ тотъ же день хвалила меня тому старику, котораго ты видѣлъ тогда.

— Ну, а ухаживаніе за Благово тоже не ловля жениха?

— Благово прекрасный человѣкъ...

— Да вѣдь ты не знаешь этого прекраснаго человѣка, можетъ-быть, онъ негодяй, взяточникъ, деспотъ. Все это можно предполагать, взглянувъ на его бездушную фигуру.

Сестра съ состраданіемъ взглянула на брата и пожала плечами.

— Можетъ-быть, — отвѣтила она и взялась за альбомъ.

— Если можетъ быть, то зачѣмъ же ты привлекаешь этого человѣка, зачѣмъ играешь въ опасную игру? Ты вспомни одно, что ты ставишь на карту всю свою жизнь.

— У меня голова болитъ, Ваня.

Иванъ Ивановичъ посмотрѣлъ на сестру съ негодованіемъ и презрѣніемъ: онъ былъ слишкомъ молодъ для того, чтобы прощать и жалѣть нравственно больныхъ людей. «И откуда она этимъ манерамъ нервныхъ барынь научилась?» думалось ему, когда онъ выходилъ изъ комнаты.

Въ домѣ со-дня-на-день ждали предложенія Виктора Владиміровича, но онъ ломался и медлилъ, какъ упрямый покупщикъ, не разсмотрѣвшій вполнѣ подсовываемый продавцомъ товаръ. Зима же все смягчалась; дѣлалось все теплѣе и теплѣе; дороги начали портиться, насталъ постъ, и пришлось ѣхать въ деревню. Иванъ Ивановичъ оставался до весны въ городѣ.

— Я надѣюсь заѣхать къ вамъ лѣтомъ,—обнадежилъ Викторъ Владиміровичъ, прощаясь съ уѣзжающими: — конечно, если вы мнѣ позволите.

— Да, пріѣзжайте, батенька,—воскликнулъ Константинъ Ивановичъ: — нашъ братъ, деревенщина, радъ гостямъ, а жена—ну, угощать по ея части.

— О, да я боюсь только, что вамъ, Викторъ Владиміровичъ, будетъ у насъ скучно, у насъ глушь. Вы принесете этимъ жертву, очень, очень пріятную для насъ.

— Помилуйте, мнѣ самому очень пріятно,— кокетничалъ Благово.

— О, вы такъ добры! — кокетничала Марья Дмитріевна.

— Вы не повѣрите, какъ намъ жаль, что приходится разстаться съ вами, время нашего знакомства оставитъ въ насъ навсегда самое пріятное воспоминаніе.

Много еще лестнаго для себя услышалъ въ эти минуты Викторъ Владиміровичъ, и будь онъ болѣе чувствителенъ, то прощанье непремѣнно окончилось бы восклицаніемъ: придите въ мои объятія и будемте родными. Одна Катерина Ивановна схитрила и промолчала, а, можетъ-быть, ей и въ самомъ дѣлѣ было гадко это зазываніе покупщика для покупки залежавшагося товара. Кто войдетъ въ душу дѣвушки, кто скажетъ навѣрное, что она соглашается съ его мнѣніемъ, говоря «да», и не дразнитъ его, произнося «нѣтъ»?

— А вы, Катерина Ивановна, кажется, не рады моему предложенію?—скокетничалъ Викторъ Владиміровичъ.

Катерина Ивановна опустила глаза и, отрицательно качая головою, съ разстановкой произнесла:

— Вы ошибаетесь.

За этимъ послѣдовали дружескія пожатія рукъ.

Иванъ Ивановичъ кусалъ ногти во все продолженіе этой сцены и потому подалъ руку гостю не во-время, заставивъ его ждать. Тотъ многозначительно улыбнулся и пожалъ плечами.

По грязной дорогѣ потащился знакомый намъ рыдванъ въ деревню Миловиду, а въ городѣ съ колоколенъ церквей и монастырей неслись заунывные звуки, переводимые призывными словами: къ на-ммъ, къ на-ммъ! На улицахъ появились постныя физіономіи говѣльщиковъ. Черезъ недѣлю разнесся по городу слухъ, что полкъ, гдѣ служилъ Андреевъ, и стрѣлковый батальонъ перемѣняютъ квартиры. Это извѣстіе было громовымъ ударомъ для женскаго пола. Началась продажа вещей, библіотекъ, лошадей; одни хлопотали о займѣ, другіе объ уплатѣ векселей, третьи злились, что приходится покинуть близкихъ сердцу, слишкомъ коротко знакомыхъ женщинъ. Полковая барыня Лазаревская геройски сидѣла на сундукѣ, такъ какъ прочая мебель была продана для уплаты долговъ, и шила себѣ капоръ въ видѣ чухонскаго треуха или, примѣривъ мужскіе теплые сапоги, щеголяла въ нихъ по комнатѣ передъ товарищами своего мужа, поднявъ довольно ловко платье и показывая ноги. Кто-то по-

пробовалъ взглянуть на эти геройскія ноги поближе и получилъ оплеуху капоромъ полковой барыни. Одинъ изъ знавшихъ городъ, куда переходилъ полкъ, разсказывалъ, сидя на окнѣ, о новомъ мѣстѣ жительства ужасы, называя его помойной ямой, куда свалили старыхъ жидовъ. Городъ сдѣлалъ уходящему полку обѣдъ, много молодыхъ глазъ поплакало объ уѣзжающихъ душкахъ-стрѣлкахъ, много молоденькихъ грудокъ вздохнуло о другихъ офицерахъ, и подумали нѣкоторыя головки: «хоть бы они-то остались!» Но вотъ музыка заиграла, полки выступили...

Версты за двѣ отъ города, стрѣлковъ нагнали двѣ лихія тройки, и сидѣвшіе въ нихъ люди вручили стрѣлкамъ десятокъ огромныхъ куличей съ серебряной солонкой: стрѣлки растрогались...

О! какъ грустенъ былъ видъ города на другой день послѣ выхода полковъ! Ни въ одномъ окнѣ не виднѣлось молоденькихъ женскихъ лицъ, вездѣ сестры съ какою-то злобой говорили братьямъ-гимназистамъ: «убирайтесь вы! очень намъ нужны дряни-гимназистишки». О, отчего не дадутъ разрѣшенія гимназистамъ состоять въ качествѣ жениховъ или даже жениться? Какъ бы ихъ любили тогда барышни, какъ бы ухаживали за ними, какъ часто называли бы милочками, душками, душоночками и тому подобными именами, раздаваемыми всѣмъ состоящимъ въ должности жениховъ людямъ! Суровая судьба, ты безпощадна къ представителямъ науки и свѣта!..

— Куда это вы, Иванъ Ивановичъ, собираетесь?—спрашивалъ одинъ знакомый чиновникъ, завернувъ къ Пащенко и увидавъ у него уложенные сакъ-вояжи.

— Въ деревню.

— Что такъ?

— Дѣла кончилъ, да и скучно... Грязь вонъ вездѣ,—лѣниво указалъ Пащенко головою по направленію къ окну.

— Гм!.. да... грязь...—задумался чиновникъ.

VI.

Въ первыхъ числахъ мая воротился Иванъ Ивановичъ въ деревню. Онъ давно кончилъ дѣла въ городѣ, но отговаривался отъ поѣздки то дурными дорогами, то нездоровьемъ, отчасти обманывая самого себя, играя съ собою въ прятки и не признаваясь, что ему и скучно ѣхать въ свою семью, и страшно приняться рѣшительно за исполненіе задуманнаго дѣла. Ему было досадно читать въ письмахъ сестры

сожалѣнія о балахъ и вопросы о Викторѣ Владиміровичѣ, еще недавнѣе было исполнять порученія Марьи Дмитріевны, написанныя мушинымъ почеркомъ, и закупать нѣкоторыя некупленныя по разсѣянности вещи, очевидно, назначавшіяся въ приданое невѣстѣ. Въ эту пору онъ дѣятельно переписывался съ Крючниковымъ и, кажется, именно потому, что отвѣты послѣдняго придавали ему бодрости, дышали тою же непокорною силою, которою дышалъ самъ Крючниковъ. Дома молодого человѣка встрѣтили довольно любезно, но безъ излишней экзальтаціи; сестра не тащила его сакъ-вояжа, не вѣшалась къ нему на шею и, вѣроятно, сама первая разсмѣялась бы при мысли, что у брата можно поцѣловать руку. А между тѣмъ, все это дѣлалось съ полной искренностью, менѣе чѣмъ годъ тому назадъ. Братъ невольно залюбовался ея личикомъ, ея цвѣтущимъ здоровьемъ и молодостью, какъ будто бившеюся въ каждой жилкѣ ея юнаго существа.

— Экая ты славная стала!—невольно вырвалось у него.

— Каково, ты любезничать начинаешь! —весело и съ маленькимъ кокетствомъ засмѣялась она.

— Я говорю, что моя растрепуха—восьмое чудо,—вверпулъ Константинъ Ивановичъ.

— Безприданница! — серьезно промолвила Марья Дмитріевна и, какъ злой духъ, испортила хорошую семейную сцену мира.

— О, разумѣется, къ ней придачи не потребуютъ, ее и одну купятъ,—сухо сказалъ Иванъ Ивановичъ и отвернулся.

Наконецъ, настала для него пора хозяйничать въ деревнѣ. Онъ уменьшилъ до-нельзя число барщинныхъ дней въ своемъ имѣньѣ, далъ позволеніе рубить, когда понадобится, извѣстную часть лѣса, сталъ посѣщать работы, совѣщаться съ мужиками объ ихъ дѣлахъ. Нечего говорить, какъ много смѣшныхъ, глупыхъ, неловкихъ и часто невыносимыхъ сценъ выходило изъ всего этого. То мужики съ удивительною хитростью надували его и ставили въ дураки, то валялись у него въ ногахъ, то просто пропивали вырубленный на дѣло лѣсъ. Часто Иванъ Ивановичъ терялъ терпѣніе и ругался крѣпкими словами съ крестьянами. Послѣ первой ругани мужики испугались, но, видя, что дѣло обошлось безъ мордобитія, что баринъ выругалъ ихъ за непониманіе ихъ же собственной выгоды, пришли къ нему же. Большая часть изъ нихъ, подобно всѣмъ безъ исключенія другимъ людямъ, равнымъ съ Пащенко, видѣла

въ немъ сумасброда, вздумавшаго для потѣхи отдать крестьянамъ свою землю и уступить свои выгоды; нѣкоторые даже косились на него и толковали, «что, молъ, дѣло-то таво, нечисто, значитъ, може онъ и не спроста эфту механику подводитъ и надо, паря, ухо востро держать». Они посмѣивались надъ нимъ въ своемъ кругу и, несмотря на свою кажущуюся глупость, подмѣчали въ немъ недостатокъ знанія сельскаго дѣла, неумѣніе выяснять свои желанія, незнаніе средствъ для держанія ихъ въ уздѣ. Пащенко зналъ, что мужикъ точно такъ же уменъ на своемъ мѣстѣ, какъ любой государственный мужъ на своемъ, зналъ, что, обмѣнявшись мѣстами, оба будутъ равно глупы, по крайней мѣрѣ, на время, и потому понималъ и свою жалкую роль, и обязанность научиться поскорѣе взятому на себя труду. Бывали дни или, лучше сказать, ночи, когда онъ сотни-сотенъ разъ ходилъ взадъ и впередъ по своей комнатѣ, волновался, сжималъ руками пылающую голову, падалъ духомъ, рѣшался отдать крестьянамъ все за разъ и оставить ихъ на произволъ судьбы, то-есть кабаковъ, плутовъ и разныхъ судовъ.

— Чаво онъ меня отчитываетъ? —буянилъ, однажды, захмелѣвшій деревенскій кутила, не подозрѣвая, что баринъ слышитъ его. — Захочу и не пойду на работу, въ кабакъ, значитъ, завалюсь, — гулять то-есть хочу. Знай нашихъ! Ништо съ меня возьметъ, загулялъ—вотъ и весь сказъ!

— Ну, такъ вотъ и загулялъ! Вотъ онъ тѣ спину-то почешетъ, тогда и будешь гулять,—лѣниво замѣтилъ кто-то изъ мужиковъ, сидя на бревнѣ и опустивъ на ладони голову.

— Ну, и пусть чешетъ. Спугалъ онъ меня, што ли? Пороть, такъ пороть! На то онъ и баринъ есть, намъ не впервой.

— Извѣстно, не впервой,—согласился сидѣвшій на бревнѣ собесѣдникъ.

— Этто што говорить, да толку-то што, дура ты голова?— вмѣшался третій мужикъ.

— Да, дура голова! А вотъ ничего со мной не подѣлаетъ, хочу и гуляю. Плевать я на его барство хотѣлъ, вотъ оно што!

На другой день послѣ этой сцены деревенскій гуляка валялся въ ногахъ у Ивана Ивановича и слезно молилъ его, чтобы онъ его выпоролъ. Долго бился съ нимъ молодой баринъ, втолковывая ему, что пороть его не станутъ и что онъ долженъ выспаться.

— Нѣтъ, ты выпори меня за мое безобразіе, — валялся у ногъ пьянюга, рыдая пьяными слезами. — Ты меня выпори, на то ты и баринъ есть. А спать я не хочу, какъ есть не хочу, вотъ тѣ Христосъ истинный Богъ, не хочу...

Иванъ Ивановичъ приказалъ мужикамъ запереть гуляку и держать подъ надзоромъ, пока тотъ не протрезвится. «Фу, ты, гадость какая,—думалось молодому барину, — въ карцеръ приходится сажать отцовъ семейства, какъ школьниковъ!» Дорого стоили барину эти тяжелыя сцены; ну, а люди говорили, что онъ тѣшитъ себя, мальчишествуетъ; онъ былъ настолько честенъ, что не сказалъ никому: «Потѣшьтесь вы такъ, а потомъ и скажите, весела ли эта потѣха». Драпироваться онъ не любилъ, а, можетъ-быть, и умѣнія на это не хватало, а то иногда и лѣнь мѣшаетъ человѣку на ходули взбираться: стоитъ ли, молъ, игра-то свѣчъ? Однако, чувство гордости, столь свойственной молодымъ людямъ, дѣлающимъ какое-то будто бы новое, не будничное дѣло, закралось уже въ его сердце и вытѣснило оттуда долю прежняго благодушія и простоты. Юноша началъ цѣнить себя, можетъ-быть, по достоинству, но во всякомъ случаѣ выше, чѣмъ цѣнили его другіе.

— Что, братъ, — говорилъ, однажды, старшій братъ съ насмѣшливостью и раздражительностью, появившеюся въ его характерѣ въ послѣднее время.— Надъ тобой мужики-то подсмѣиваются, какъ мнѣ нашъ староста говорилъ. Дуритъ, молъ, молодой баринъ, говоритъ.

— Да,—серьезно отвѣтилъ Иванъ Ивановичъ.—Что дѣлать, не умѣю я за дѣло приняться.

— Не нужно было и приниматься. Это вы все со своими идеями колобродите и на эманципаціяхъ, какъ говоритъ Викторъ Владиміровичъ, помѣшались.

— Викторъ Владиміровичъ—машинка для подписыванья докладовъ потому онъ и не смыслитъ того, что волнуетъ людей!

— Ну, братецъ,—вступилась Марья Дмитріевна:—Викторъ Владиміровичъ достойный человѣкъ.

— Это, братъ, ужъ и начальство признало, тутъ ты ужъ пассуй лучше со своими идеями!..

— И если бы вы, — прервала своего супруга Марья Дмитріевна: — были похожи на него, то не доставляли бы огорченій родному, единственному своему брату. Онъ молчитъ, но вы взгляните на него, пожалѣйте его...

Иванъ Ивановичъ съ удивленіемъ взглянулъ на подобное

мѣсяцу лицо брата и улыбнулся, когда тотъ глубоко и жалобно вздохнулъ при этомъ взглядѣ.

— Вамъ мужики дороже его, дороже всѣхъ родныхъ, — продолжала хозяйка.

— Ну, полно, полно!—съ жалобнымъ вздохомъ замахалъ рукою Константинъ Ивановичъ.

— О чемъ вы говорите? Какія огорченія?

— Да, вотъ, такія, что...

— Не надо, не надо! — махнулъ рукою Константинъ Ивановичъ.

— Нѣтъ, однако?—прервалъ нетерпѣливо меньшой братъ.

— Чего не надо?—разсердилась хозяйка.—Долженъ же знать братецъ, что его потѣха, его распоряженія приносятъ тебѣ непріятности, и не одному тебѣ, а всѣмъ. Наши мужики жалуются, что имъ лѣсу не даютъ, а вы своимъ даете; наши на барщину ропщутъ, на притѣсненія, вы волнуете весь уѣздъ.

— А!—воскликнулъ Иванъ Ивановичъ и почувствовалъ, что его сердце забилось отъ радости. — Да вѣдь мои же крестьяне смѣются надо мной, значитъ, мои распоряженія глупы,—схитрилъ онъ и самъ покраснѣлъ, сказавъ пошлую фразу.

— Смѣются, смѣются! — воскликнулъ раздражительно старшій братъ. — Они смѣются надъ твоимъ неумѣньемъ, надъ твоею глупостью, а не надъ лѣсомъ, что ты имъ отпускаешь. Этому-то они всегда будутъ рады, ты бы еще имъ послѣднюю рубашку отдалъ.

— И отдамъ, если будетъ нужно! — надменно и твердо произнесъ юноша, разгоряченный различными чувствами.— У меня голова и руки есть, мнѣ дворянское дали образованіе, я добуду хлѣбъ, а они не добудутъ, у нихъ и добытый могутъ отнять разные подлецы и тунеядцы.

Иванъ Ивановичъ всталъ изъ-за стола и даже не обратилъ вниманія на удивленные и особенно ярко заблиставшіе глазенки сестры; они смотрѣли пристально на него и, кажется, любовались его энергіею, впервые вспыхнувшею въ немъ со дня его пріѣзда въ этотъ домъ. Марья Дмитріевна послѣ обѣда жаловалась Катеринѣ Ивановнѣ на ея меньшого брата, представляла его бунтовщикомъ, замышляющимъ что-то недоброе и ужасное, благодѣтельствующимъ посторонимъ въ ущербъ роднѣ. Катерина Ивановна была въ этомъ дѣлѣ безучастнымъ лицомъ, и потому правота той или другой стороны могла быть для нея яснѣе, чѣмъ для

самихъ противниковъ. Она не сразу поняла, въ чемъ дѣло; но ей показалось все оно какъ-то странно; что-то подталкивало ее объясниться съ братомъ Иваномъ. «Какой онъ славный былъ въ эту минуту», — думала она, вспоминая послѣднія его слова. Однако, черезъ минуту явилась нерѣшительность и пробудилось раздраженіе на то, что братъ самъ ничего не хочетъ сказать ей. Молодая дѣвушка была сбита съ толку сначала упреками въ экзальтаціи, когда она цѣловала руки брата; потомъ упреками въ нежеланіи развиться и дѣлать дѣло, когда она вязала кошельки и не могла осилить «Ярмарки Тщеславія»; далѣе упреками за желаніе веселиться и выйти замужъ, наконецъ, послѣдовавшія за упреками несообщительность, серьезность и даже строгость брата отталкивали ее отъ него. Ея умъ, неразвитый никѣмъ и ничѣмъ, не могъ распутать все это и понять, гдѣ начало путаницы. Но она уже думала, разсуждала, доискивалась и хотѣла непремѣнно добиться до чего-то безъ посторонней помощи...

Черезъ недѣлю послѣ этого дня, который въ дневникѣ Ивана Ивановича, писавшемся для какого-то третьяго, очень дорогого автору, лица, былъ отмѣченъ названіемъ самаго лучшаго дня въ жизни, — въ деревню Миловиду прискакала бойкая ямщичья тройка, и изъ телѣги выскочилъ какой-то пріѣзжій человѣкъ.

— Пріѣхалъ, пріѣхалъ! — многозначительнымъ и радостнымъ шопотомъ раздалось въ гостиной.

Быстрые женскіе шаги прошумѣли по направленію къ окну, и чье-то худощавое лицо воровски выглянуло изъ-за занавѣски.

— Не онъ, не онъ!—снова послышался полушопотъ уже съ сильнымъ оттѣнкомъ досады, злобы и сожалѣнія.

Молодая дѣвушка, къ которой, по всей вѣроятности, относились оба восклицанія, продолжала безмолвно и спокойно сидѣть на своемъ мѣстѣ и не пошелохнулась, только въ ея груди сначала какъ-то сдавилось дыханіе, а потомъ вдругъ сильно забилось сердце, и кровь прихлынула къ лицу.

— Андреевъ, какими судьбами? — раздалось въ это же время въ комнатѣ молодого Пащенко.

— Въ отставку вышелъ и свободенъ! отвѣтилъ, здороваясь, Андреевъ. — Исторія тамъ такая паскудная вышла, что пришлось или въ отставку по аневризму, или подъ офицерскій судъ. Грязь, значитъ, восторжествовала.

Иванъ Ивановичъ покачалъ головой. Гость бросился на диванъ, заставивъ эту мебель издать жалобный трескъ; однимъ взмахомъ разстегнулъ сюртукъ и швырнулъ на столъ галстукъ и перчатки, перелетѣвшіе на полъ.

— Уфъ, жарища какая!—воскликнулъ онъ, растягиваясь на диванѣ и оставивъ пыльный слѣдъ отъ ногъ на его шерстяной обивкѣ.

— Что же у васъ тамъ вышло? — задумчиво спросилъ Иванъ Ивановичъ, опустивъ голову на руки, упертыя въ колѣни.

— Что? Вотъ видишь ли ты, я повздорилъ съ ротнымъ—помнишь Лазаревскаго?—за картами, ну, а онъ и вломился въ амбицію и объявилъ, что я или онъ должны выйти въ отставку. Офицерство поддержало его сторону. Разумѣется, я отпѣлъ всѣмъ правду, плюнулъ и сказалъ, что съ подлецами не служу.

— Зачѣмъ же было съ ними сходиться на *ты*, если они дѣйствительно такъ гадки?—монотоннымъ голосомъ произнесъ Пащенко, покачивая головой.

— Да развѣ можно не сойтись на *ты*? Кутишь съ ними вмѣстѣ, пьешь, въ «благотворительныя» заведенія ѣздишь, ну и сойдешься.

— А кутить зачѣмъ? — тѣмъ же загробнымъ голосомъ допрашивалъ хозяинъ.

— Что же, по-твоему, дома лежать? Этакъ бока пролежишь!

— Послѣднее лучше перваго.

— Ты ничего не смыслишь въ военной жизни! Стоимъ мы въ чортовомъ болотѣ, людей не видимъ, рады придраться ко всякому празднику, чтобы развлечься. Праздникъ—значитъ попойка, ну, а тамъ, подъ пьяную руку, и выпьешь на *ты*, всякую свинью въ рыло цѣлуешь... Это не дружба, а...

— А право загибать другъ другу подлеца, — кончилъ Пащенко. — Вообще, братъ, нечего грѣха таить, ты велъ себя неосторожно. Ты безпутно горячъ и именно за это тебя и не любили. Ты говорилъ о честности, попрекалъ ихъ за все...

— Не юлить ли прикажешь, я не холопъ!

— Н-да, не холопъ,—безсознательно повторилъ хозяинъ.— Но ты самъ ничѣмъ не показалъ, что ты выше ихъ. Вѣдь люди за дѣло уважаютъ человѣка, а не за слова.

— Такъ что же, я подлецъ? — вспылилъ гость.

— Чего горячишься? Я-то могъ узнать, что ты, а дру-

гимъ не по вдохновенію же было узнать, что ты честенъ. Мнѣ еще въ прошлое свиданіе показалось страннымъ, что ты во время дежурства валялся дома чуть не нагишомъ и въ такомъ видѣ принималъ солдата.

— Такъ не надѣвать ли для него полную форму слѣдовало?

— Конечно. Онъ по службѣ пришелъ. Вѣдь ты же не потерпѣлъ бы, если бы онъ или полковникъ вышли къ тебѣ безъ рубашки?

— Вотъ еще сравнилъ!

— Не все ли равно? Полковникъ такой же начальникъ тебѣ, какъ ты солдату. Эти мелочи очень важны. Или ты держишься того правила, что мы вамъ себя въ натурѣ покажемъ, а вы къ намъ въ халатѣ не выходите, не то морду побьемъ?

Андреевъ нахмурился.

— Ну, да что объ этомъ толковать,—сказалъ Пащенко, лѣниво потягиваясь.—Сдѣлано — кончено. Теперь пойдемъ къ нашимъ.

VII.

Семейство Пащенко, не очень осчастливленное пріѣздомъ неожиданнаго гостя, обращалось съ нимъ все-таки радушно, привѣтливо, радуясь, по-провинціальному, присутствію новаго лица и свѣжимъ темамъ для долгихъ, праздныхъ разговоровъ. Андреевъ ораторствовалъ до безконечности, не безъ увлеченія, не безъ ѣдкости, иногда мѣтко и остро. Катерина Ивановна впервые слышала такія горячія рѣчи, пропитанныя жёлчью и сарказмомъ. Ея братъ, Иванъ, увлекался рѣдко и говорилъ не такъ бойко, какъ гость. Ее заинтересовалъ отставной армейскій офицеръ. Дни стояли теплые, хорошіе, трое молодыхъ людей большую часть дня проводили на воздухѣ; молодому Пащенко, впрочемъ, приходилось часто отказываться отъ прогулокъ по случаю работъ въ полѣ.

Пріѣзжій внесъ оживленіе и разнообразіе въ сонную деревенскую жизнь. Онъ съ шикомъ пѣлъ, недурно игралъ на фортепіано, удало ѣздилъ верхомъ, былъ ловокъ, и скоро Катерина Ивановна сдѣлалась короткой его пріятельницей.

— А вѣдь вашъ старшій братъ порядочный чудакъ,— смѣялся неслобивымъ смѣхомъ Андреевъ, посмотрѣвъ на занятія хозяина съ собакой и выходя съ Катериной Ивановной въ садъ.

— Онъ предобрый,—отвѣтила Катерина Ивановна.

— Прѣлый, сказали вы? — переспросилъ Андреевъ, не безъ ловкаго плутовства, наклоняя ухо къ Катеринѣ Ивановнѣ.

Она улыбнулась.

— Правда, онъ точно прѣлый. Тутъ вообще все пахнетъ прѣлымъ, вотъ послѣ лѣнивыхъ щей такъ пахнетъ въ комнатѣ. Люди ползаютъ, какъ мухи осенью, да врозь лѣзутъ; въ комнатѣ удушливо, ко сну клонитъ... Экая славная плѣсень!

— Что же вы станете дѣлать, мнѣ и самой теперь скучно жить здѣсь,— пожала плечами Катерина Ивановна.

— А вотъ погодите, выйдете замужъ за помѣщика, стряпать начнете, огурцы солить,—привыкнете!

— Ни за что! Въ деревнѣ со скуки умереть можно.

— А въ городѣ, вы думаете, не то же самое? И тамъ то же. Мужья—игроки, мужья—кутилы, жены—няньки, кухарки или куклы мужей.

— Значитъ, это неизбѣжная участь всѣхъ женщинъ?

— Да, неизбѣжная для прѣлыхъ. Ну, а свѣжая, здоровая натура най, етъ исходъ. Этотъ исходъ есть трудъ. Женщина можетъ работать наравнѣ съ мужчиной, она можетъ пріобрѣтать деньги и такимъ образомъ завоевать независимость, а гдѣ независимость, тамъ нѣтъ скуки. Вѣдь отчего, напримѣръ, вы скучаете? Потому что вы шагу не можете сдѣлать безъ высшаго соизволенія семьи. Вотъ вамъ, можетъ-быть, хотѣлось бы на лошади покататься, ну, а Марья Дмитріевна нервы имѣетъ слабые и падаетъ въ обморокъ отъ страха за вашу особу. Марья Дмитріевна не виновата въ слабости своихъ нервовъ, а вы все-таки не катаетесь на лошади. Вы хотѣли бы въ столицѣ пожить, а Константинъ Ивановичъ жалуется на ревматизмы и на недостатокъ денегъ. И онъ правъ: ревматизмы самая гадкая штука, а безденежье ужъ и совсѣмъ никуда не годится...

Катерина Ивановна задумалась и ощипывала лепестки полевого цвѣтка.

— Ну, а отчего же братъ Константинъ и его жена скучаютъ?—спросила она съ полуулыбкой.

— Отъ желудочнаго разстройства-съ! — съ комизмомъ отвѣтилъ Андреевъ.—Моціону, полировки крови нѣтъ, вотъ оно что. Вообще чужой хлѣбъ въ прокъ нейдетъ, онъ плохо переваривается; свой заработанный, тотъ скорехонько переварится, ну, а этотъ совсѣмъ уже не то. Оно, знаете, ка-

жется такъ хорошо, сладостно сидѣть сложа ручки на животикѣ и принимать приношенія, ну, а тамъ послѣ и отзовется, отяжелѣетъ человѣкъ, тоска начнетъ его давить, не знаетъ онъ, куда дѣвать себя, какъ время убить, и пса-то онъ поучитъ, и пасьянсы разные разложитъ, и казачка увѣщаніями разными до слезъ пройметъ, глядитъ: Господи! еще только девять часовъ!

— И-да,— произнесла Катерина Ивановна.

— Оно вѣдь смѣшно,— продолжалъ Андреевъ: — а вотъ спросите эту бабу: съ чего ее подвело? Съ работы, матушка-барыня, съ работы!.. Вотъ вы тутъ и подумайте: ее съ работы подвело, а Константина Ивановича съ безділья подводитъ. Дѣло-то, видите ли, въ томъ, что она работаетъ, а хлѣба не ѣстъ, ее и подводитъ, а братецъ вашъ не работаетъ, а хлѣбъ ѣстъ, ну и его тоже подводитъ. Выгоды-то нѣтъ ни для того, ни для другого, совсѣмъ дрянь дѣло... Правило жизни одно: не ѣшь даромъ, не работай даромъ. И глупы всѣ, не исполняющіе этого правила.

— Вотъ братъ мнѣ совѣтуетъ книги читать, — вдругъ, какъ-то странно, прервала Катерина Ивановна, не то спрашивая, не то размышляя вслухъ.

— Что же, отчего-жъ иногда и не почитать хорошую книжечку.— усмѣхнулся Андреевъ.

Вечеромъ того же дня Катеринѣ Ивановнѣ не спалось, она о чемъ-то размышляла и пришла къ заключенію, что Андреевъ умнѣе ея брата. Другого заключенія покуда не было выведено...

— —

— Что это вы такъ мало кушаете? — говорила Марья Дмитріевна, угощая гостя.

— Благодарю, я сытъ,— отвѣтилъ онъ.

— Двумя-то блюдами?

— Помилуйте, зачѣмъ же больше? Я не работникъ. Тому больше ѣсть надо, а и онъ по необходимости питается не только двумя блюдами, но даже однимъ, уступая остальныя намъ съ вами.

Марья Дмитріевна нахмурилась.

— Странные нынче люди, все только о работникахъ и думаютъ,— колко замѣтила она.

— Да вѣдь и прежде, Марья Дмитріевна, тоже странные люди были: обо всемъ думали, а не додумались до того, откуда пироги берутся; все больше предполагали, что съ неба ихъ корзинами валятъ.

Разговоръ смолкъ.

— Какъ ноги-то за день притопчутся,— жаловалась вечеромъ хозяйка:— просто хоть ложись.

— Да вы бы и прилегли, — посовѣтовалъ съ участіемъ гость.

— А хозяйство-то, вы думаете, само по себѣ пойдетъ. Спросили бы вы у своей матушки, каково съ нимъ возиться.

— И то правда, Марья Дмитріевна, молодъ я, вѣтренъ. А странно свѣтъ созданъ: вы вотъ на хозяйство жалуетесь, какъ и моя мать, а крестьянскія бабы охаютъ, что у нихъ хозяйничать нечѣмъ. Чудно это, какъ подумаешь. А вы, Константинъ Ивановичъ, тоже чѣмъ-то волнуетесь?

— А, чортъ возьми, десятый пасьянсъ не выходитъ!— воскликнулъ простодушный Константинъ Ивановичъ, слышавшій изъ всего разговора одинъ послѣдній вопросъ.— Вѣдь задастся же этакой вечерокъ. Ужъ чего, кажется, проще, задумалъ: лягу ли я сегодня спать?—не вышло.

— Ска-ажите!—съ сожалѣніемъ и разстановкой произнесъ Андреевъ.

На другой день онъ присутствовалъ при обученіи хозяиномъ собаки.

— А вѣдь умный у васъ песъ выйдетъ,— обратился гость къ Константину Ивановичу. — Славно его натаскаете къ охотѣ.

— Ну, я на охоту не ходокъ,—отвѣтилъ хозяинъ.

— Скажите! а я думалъ, что вы мучитесь съ нимъ, какъ страстный охотникъ.

— Какое! я, поди, въ первомъ болотѣ застрялъ бы, подо мной вонъ и полъ скрипитъ,— сшутилъ балагуръ.

— И то правда! А вѣдь тоже не легко этого дурня выучить; пожалуй, иного мальчугана изъ крестьянъ вы скорѣй бы выучили грамотѣ.

— Да, пожалуй, что такъ, — наивно воскликнулъ Константинъ Ивановичъ. — Вѣдь эта бестія преупрямая. А хитрость-то какая! Иногда, бьешься-бьешься, да такъ и плюнешь ей въ морду, на, молъ, тебѣ, проклятая.

— Гм!.. Ну, ужъ, конечно, мальчишка былъ бы послушнѣе, не сталъ бы такъ мучить учителя.

— О, да вы ее еще не знаете!..

Иванъ Ивановичъ начиналъ злиться, ему были досадны

безплодныя и безцеремонныя выходки Андреева, онъ готовъ былъ выгнать гостя, и только чувство приличія заставляло его ждать, когда тотъ самъ уѣдетъ. Иногда Иванъ Ивановичъ внутренно называлъ себя постыднымъ названіемъ тряпки, но поступить круто и рѣшительно не находилъ силы. Намековъ же и вопросовъ о планахъ гостя гость не понималъ или не хотѣлъ понимать: ему было довольно хорошо въ затишьѣ чужого, попахивавшаго плѣсенью гнѣзда. Не такъ смотрѣла на Андреева Катерина Ивановна; къ концу мѣсяца она начинала яснѣе и яснѣе видѣть пошлость жизни своей семьи. И не мудрено. Андреевъ ловко усвоилъ себѣ и природный юморъ Кравцева, и безпощадно рѣзкую, иногда сухую прандивость Крючникова, и еще ловчѣе слилъ ихъ въ одинъ очень характерный способъ обличенія пошлости. То онъ, шутя, высказывалъ новыя, совершенно вѣрныя и честныя идеи, то, также шутя, заставлялъ при Катеринѣ Ивановнѣ пошлость произносить—свой собственный приговоръ. Марья Дмитріевна поняла многое изъ этого и возненавидѣла гостя отъ всего сердца. Ее поражали иногда рѣзкія выходки ея Кати, сдѣлавшейся строптивою. Переходъ къ этой строптивости отъ холоднаго тона à la Благово былъ естественъ и не великъ. Можетъ-быть, вліяніе Андреева, не предшествуй ему вліяніе Благово, и отразилось бы на характерѣ дѣвушки иначе, пробудило бы въ ней не рѣзкость, не вспыльчивость, а грусть и мучительную боль; теперь же этого не было, она стала презирать семью и готова была гордо поднимать голову, не сдѣлавъ ничего, что могло бы засвидѣтельствовать ея личное превосходство надъ окружающими. А дни шли своимъ чередомъ, гость не упоминалъ о своемъ отъѣздѣ, читалъ съ молодою дѣвушкою повѣсти Тургенева, проповѣдывалъ, острилъ, полнѣлъ... Письмо изъ города перевернуло вдругъ все вверхъ дномъ. Викторъ Владиміровичъ пишетъ, Викторъ Владиміровичъ собирается въ деревню Миловиду, Викторъ Владиміровичъ предлагаетъ Катеринѣ Ивановнѣ свою руку! Письмо было адресовано Константину Ивановичу и пришло во время обѣда. Старшій Пащенко объявилъ его содержаніе присутствующимъ, умолчавъ о предложеніи.

Всѣ были взволнованы извѣстіемъ.

— Ахъ, какъ я рада! Викторъ Владиміровичъ такой прекрасный человѣкъ,—воскликнула хозяйка.

— Да-съ,—промолвилъ Андреевъ:—ужъ передъ нимъ не посмѣешь пикнуть, если онъ скажетъ: цыцъ!

— Онъ этого никому не скажетъ, это вполнѣ образованный, свѣтскій человѣкъ,—вступилась Марья Дмитріевна.

— Ну, этого еще нельзя утверждать. Онъ всегда удивлялъ меня своими отсталыми понятіями объ эманципаціи женщинъ.

— Это все глупости.

— Отъ васъ ли я это слышу, Марья Дмитріевна?—притворно изумился Андреевъ.—Вы сами вполнѣ эмансипированная женщина: и замужъ тайкомъ отъ родителей вышли, и теперь всѣмъ управляете, даже бумаги разныя въ суды пишете.

— Это что! Какая тутъ эманципація?

— Какъ, какая? Эманципація въ томъ и состоитъ, чтобы женщина была свободна, могла дѣйствовать наравнѣ съ мужчиною. При настоящемъ положеніи дѣлъ свобода женщины зависитъ вполнѣ отъ случая; какой-нибудь Викторъ Владиміровичъ никогда не позволитъ женѣ быть свободною...

— И прекрасно! Дайте-ка всѣмъ волю, такъ что бы вышло? Такихъ бы чудесъ натворили, что бѣда.

— Однако, вы вотъ не натворили этихъ чудесъ?

— Что я! Я исключеніе.

— Повѣрьте, что такихъ исключеній множество, и подумайте, каково было бы вамъ самимъ жить подъ гнетомъ мужа-деспота.

— Ужилась бы!

— Да, вы-то ужились бы, завоевали бы, можетъ-быть, разными хитростями долю правъ, но не думаю, чтобы вамъ было пріятно стоять въ своей семьѣ на военномъ положеніи и хитрить съ мужемъ, какъ съ наступающимъ врагомъ.

Обѣдъ кончился. Марья Дмитріевна спѣшила отдѣлаться отъ всѣхъ присутствующихъ и наединѣ со своей Катей предаться радости.

— Ну, что, не моя ли правда? — торжествовала она.— Говорила я, что недаромъ, такъ и вышло.

— Н-да,— промолвила въ раздумьи Катерина Ивановна.

— Что ты, милая моя, какъ будто скучна? Ужъ не вздумай, голубчикъ, захворать; не время бы теперь. Въ самомъ дѣлѣ, ты не больна?

— Нѣтъ!—разсѣянно отвѣтила Катерина Ивановна и начала чего-то искать въ своемъ рабочемъ ящикѣ; потомъ она встала, въ волненіи прошлась по комнатѣ и вдругъ

остановилась передъ Марьей Дмитріевной, зорко слѣдившей за нею.

— Знаете ли что?.. — начала она прерывающимся голосомъ. — Надо написать Виктору Владиміровичу, что я не могу... То-есть, что я покуда... Однимъ словомъ, я хочу отложить свадьбу...

Марья Дмитріевна съ изумленіемъ открыла глаза шире обыкновеннаго и не находила ни единаго слова на своемъ бойкомъ языкѣ; передъ ней носился какой-то туманъ, быстрое соображеніе измѣнило ей на минуту.

— Викторъ Владиміровичъ достойный человѣкъ, — снова начала Катерина Ивановна: — я его уважаю... Но я хотѣла бы привыкнуть къ нему, полюбить его... Мнѣ надо повременить, подождать зимы, когда мы встрѣтимся опять въ городѣ... Я его узнаю покороче: замужество не шутка...

Марья Дмитріевна въ раздумьи качала головой.

— Я боюсь, не слишкомъ ли онъ сухъ и холоденъ... Можетъ-быть, онъ видитъ во мнѣ ребенка, игрушку... Многіе такъ смотрятъ на женщинъ... А я хочу быть равной мужу, свободной... Я много объ этомъ думала.

Марью Дмитріевну вдругъ озарила какая-то мысль, она что-то сообразила, поняла и успокоилась.

Въ ея сообразительной головѣ созрѣлъ планъ будущихъ военныхъ дѣйствій, атаки.

— Прилягъ, Катя! Тебѣ нуженъ отдыхъ, ты взволновалась, — произнесла она ласковымъ тономъ и поцѣловала Катерину Ивановну въ лобъ нѣжнымъ и осторожнымъ поцѣлуемъ, какъ иногда мать цѣлуетъ разнемогающагося и горящаго внутреннимъ жаромъ ребенка. Молодая дѣвушка дѣйствительно была взволнована, говорила, не давая себѣ отчета, что говорить и передъ кѣмъ. Она тихо, какою-то разслабленною походкой прошла въ свою комнату и легла въ постель. Ей не спалось, многое передумала она въ остальное время этого дня и въ эту ночь. Кто изъ васъ, замужнія читательницы, если вы выходите замужъ не по страсти, не испытывалъ страха, сомнѣнія, безсилія въ ночь, предшествовавшую роковому согласію на бракъ? Вы должны были перейти по мосту черезъ пропасть и знали, что мостъ тотчасъ же послѣ вашего перехода сгоритъ, что каждая его доска будетъ пылать по мѣрѣ того, какъ ваши ноги прикоснутся къ ней и успѣютъ ступить на слѣдующую. Привычки, мечты о волшебномъ завтра, близкихъ сердцу людей, непорочность, право страстнаго увлеченія, право оста-

ваться днемъ и ночью въ одиночествѣ со своими молитвами, грёзами, романами, лѣнью, право не бояться роковыхъ материнскихъ страданій,—все, все это доски, сгорающія за вами отъ магическихъ словъ: я иду замужъ! Какъ же тутъ не волноваться? Только крайняя развращенность или выходящее изъ границъ тупоуміе могутъ спасти отъ этого волненія выходящую замужъ не по страсти женщину

На слѣдующій день утромъ, Катерина Ивановна съ красными глазами и истомленнымъ лицомъ вышла изъ своей комнаты, завернувшись въ черную суконную тальму, прошла гостиную и уже готовилась взяться за ручку двери, ведущей въ залу, когда ее вдругъ поразилъ громкій разговоръ, происходившій за этою дверью... Катерина Ивановна инстинктивно остановилась и стала прислушиваться. Ея лицо то блѣднѣло, то краснѣло, ноги дрожали и подкашивались. Она поспѣшила опереться рукою о спинку стула...

VIII.

Проснувшись довольно рано поутру, на другой день послѣ полученія въ деревнѣ письма отъ Благово, Андреевъ лежалъ на кровати, закинувъ подъ голову руки, и думалъ разныя не совсѣмъ веселыя думы. Всегда озлобленный на всѣхъ, но постоянно и вполнѣ довольный самимъ собою, онъ въ это утро за что-то досадовалъ даже и на себя, хотя и не признавался себѣ, за что именно онъ сердится на эту милую ему особу.

— А вѣдь дрянь женихъ у твоей сестры,—сказалъ онъ Ивану Ивановичу, замѣтивъ, что послѣдній тоже не спитъ.

— Такъ себѣ!—лѣниво отозвался хозяинъ.

— То-есть совсѣмъ никуда не годится! Какъ это ты не попробовалъ убѣдить ее не выходить за него, это съ твоей стороны страшная оплошность.

— Что онъ—это я сказалъ ей, а отговаривать не мое дѣло.

— Все же можно было посерьезнѣе посовѣтовать. Она дитя, дитя по развитію, но она умна. Она понимаетъ, гдѣ ложь, гдѣ правда. Въ ней есть и энергія, только дѣла покуда у нея нѣтъ. Такія натуры могутъ долго спать, но онѣ не умираютъ заживо, онѣ хоть разъ, хоть на минуту, а вспыхиваютъ страшнымъ огнемъ.

— Да ты чего?—полуобернулся Пащенко на подушкѣ лицомъ къ Андрееву.

— Что, чего?

— Влюбился въ нее, что ли?

— Ну, вотъ выдумалъ! Ты, кажется, знаешь мои убѣжденія на этотъ счетъ. Влюблюсь, такъ и скажу, что дескать влюбился и по любви теперь состою. Съ подходцами, какъ котъ около молока, за женщиною не стану расхаживать.

— Эхъ, на работу пора!—встряхнулъ головой Пащенко и сталъ одѣваться, не обращая вниманія, что Андреевъ не кончилъ начатаго разговора. Вообще, какъ мы уже замѣтили, въ послѣднее время хозяинъ не очень вѣжливо обращался съ гостемъ. Гость ему надоѣлъ, и Пащенко всячески заговаривалъ съ нимъ о его будущемъ и всегда, получивъ неопредѣленный отвѣтъ, ругалъ свою натуришку, лишенную рѣзкости, любящую подходцы и избѣгающую сценъ, ссоръ, волненій. «А вѣдь дай мнѣ отецъ другое воспитаніе, оставь меня расти дома или въ корпусѣ, и изъ меня вышелъ бы второй томъ брата Константина», думалъ Иванъ Ивановичъ и былъ вполнѣ правъ.

Полежавъ еще немного, Андреевъ одѣлся, напился молока и пошелъ въ садъ, походилъ около бесѣдокъ, заглянулъ на террасу и вошелъ въ залу. Онъ кого-то искалъ.

— А, Петръ Николаевичъ, здравствуйте,— привѣтствовала его въ залѣ Марья Дмитріевна.

Андреевъ поздоровался, удивился, что она не хлопочетъ по хозяйству, и спросилъ о Катеринѣ Ивановнѣ.

— Она еще спитъ,—отвѣчала Марья Дмитріевна.

— А!.. а я вотъ по лѣсу хочу прогуляться, славный у васъ лѣсъ,—разсѣянно промолвилъ Андреевъ.

— Да, лѣсъ хорошъ, грибовъ много,—согласилась хозяйка.

— Ну, до свиданья,—повернулся гость на каблукахъ и хотѣлъ уйти.

— Позвольте, мнѣ нужно съ вами объясниться по одному очень важному дѣлу,—остановила его хозяйка сухимъ тономъ.

— Объяснитесь, Марья Дмитріевна,—сказалъ Андреевъ съ обычною насмѣшливостью.—Только о чемъ же это мы будемъ объясняться съ вами? Дѣлъ у насъ общихъ нѣтъ, интересовъ тоже, въ хозяйствѣ я ровно ничего не смыслю...

— Вотъ о чемъ,—прервала потокъ его рѣчей Марья Дмитріевна.—Какіе у васъ планы насчетъ вашего будущаго?

— Почему это васъ такъ интересуетъ моя будущность?

— Мнѣ хотѣлось бы знать...

— Но мы, кажется, находимся не въ такихъ отношеніяхъ, когда подобныя заботы о чужой будущности дѣлаются естественными.

Андреевъ, раздраженный вопросомъ, старался быть наглымъ, но Марья Дмитріевна была занята своими мыслями и не замѣтила тона музыки. Впрочемъ, она вообще тонкостей не понимала, или просто не хотѣла понимать, Богъ ее знаетъ. Можетъ-быть, она научилась этому подъ выстрѣлами мужиныхъ насмѣшекъ, дѣлала это вслѣдствіе своей практичности...

— Очень просто,—сказала она:—вы всѣмъ говорите о необходимости труда, честной дѣятельности, клеймите насъ за заѣданіе мужицкаго хлѣба...

— А по вашему мнѣнію это пустяки?

— Почему я знаю! Но сами вы, вотъ уже полтора мѣсяца пальца о палецъ не стукнете и преисправно помогаете намъ заѣдать этотъ мужицкій хлѣбъ, вѣдь ѣда для васъ тоже не съ неба падаетъ.

— Вы бы безъ предисловія выгнали меня, а то это ужъ слишкомъ много китайскихъ церемоній. Стоитъ ли безпокоиться!— съ презрѣніемъ сказалъ Андреевъ и съ искреннимъ отвращеніемъ взглянулъ на хозяйку.

— Я васъ не выгоняю. Я говорю съ вами, какъ говорила бы со своимъ сыномъ. Это позволительно мнѣ въ мои лѣта. Мнѣ васъ душевно жаль. Я думала, что подобные поступки съ вашей стороны могли быть вызваны какими-нибудь важными причинами. Вы стараетесь развивать по-своему мою Катю, проводите съ ней все время, и я думала...

— Бракосочетанія нашего изволили пожелать?

— Сохрани меня Богъ, чтобы я этого пожелала!— съ неподдѣльнымъ ужасомъ воскликнула Марья Дмитріевна.—Но мнѣ показалось, что вы-то идете именно по этой дорогѣ, дружба между молодыми мужчиной и дѣвушкой никогда не кончается безъ послѣдствій, это вы должны понимать.

— Ну, вы ошиблись! Правда, я развивалъ Катерину Ивановну. Я ее уважаю, какъ умную, сохранившую умъ даже въ омутѣ институтскаго воспитанія дѣвушку, и стараюсь, какъ другу, помочь ей найти настоящую дорогу. Вы—извините меня за откровенность—не поймете этихъ отношеній дружбы между нами, у вашего поколѣнія сейчасъ же родятся помыслы о свадьбѣ или о чемъ-то гораздо худшемъ, о чемъ мы и не думаемъ...

— Не думаете?

— Не думаемъ-съ. Если бы захотѣлось, или по законамъ природы понадобилось поразвратничать, то на этотъ конецъ, не губя уважаемой личности, можно прибѣгнуть къ... Ну,

да вы вѣдь знаете, какъ люди все предусмотрѣли впередъ и приспособили къ удовольствію своихъ ближнихъ...

Марья Дмитріевна не выдержала и покраснѣла до ушей.

— Такъ я васъ попрошу покорнѣйше не развивать Катю. Ваши труды напрасны, пропадутъ даромъ...

— О? не поймете?—ѣдко засмѣялся Андреевъ.

— Она не глупа,—продолжала хозяйка:—она уже отчасти поняла васъ, поняла, что вы проповѣдуете трудъ и бьете баклуши, что вы, имѣя богатую мать, живете на чужой шеѣ, имѣя силы, не служите, не занимаетесь никакой работой, даже не читаете тѣхъ книгъ, которыя рекомендуете другимъ...

— Какая тонкая наблюдательность и вѣжливость обращенія!

— Ну, въ вашемъ положеніи только на этихъ тупыхъ колкостяхъ и можно выѣзжать. Вы вѣдь и о книгахъ судите такъ: «мелко плаваетъ, а, впрочемъ, отчего не почитать книжечку». Все знакомыя фразы! Вы смѣетесь надъ заѣденными ипохондриками стараго поколѣнія, надъ Рудиными, а вы то же, что и они, только ихъ сомнѣніе смѣнилось въ васъ самодовольствіемъ. Вы довольны своею выдѣланною, точеною фразою, своею разговорною честностью, своею способностью бить баклуши, своимъ умѣніемъ побивать всѣхъ и все...

Андреевъ усмѣхнулся, пожалъ плечами и началъ холоднымъ, ровнымъ голосомъ:

— Вы пропустили одну черту въ моемъ характерѣ и именно ту, что я не дерусь, подобно старикамъ, съ женщинами, каковы бы онѣ ни были. Я и въ этомъ отсталъ отъ стараго поколѣнія... Впрочемъ, вы и это знали... Теперь мнѣ пришла на память исторія съ моей нянькой. Къ ней забрался воръ, она забилась въ чуланъ отъ страху, но потомъ его поймали и связали, тогда нянька выбѣжала изъ засады, схватила вора за бороду, за волосы, щипала его, била, плевала ему въ лицо, и насилу ее оттащили отъ него... Смѣшная сцена!

— Ну, я впередъ знала, что кончится чѣмъ-нибудь подобнымъ! На опроверженіе моихъ словъ я мало разсчитывала, хотя, признаюсь, и имѣла маленькую надежду... Теперь я вижу...

— Позвольте мнѣ не слушать далѣе и удалиться: съ вами опасно бесѣдовать даже хладнокровному человѣку...

— Я васъ не держу... Когда вы ѣдете?

— Неужели вы опасаетесь, что я останусь здѣсь послѣ всего этого?

— Кто васъ знаетъ, отшутитесь, пожалуй!

Въ этихъ словахъ было столько ядовитости, что трудно было представить, гдѣ ее взяла Марья Дмитріевна.

По уходѣ Андреева, Марья Дмитріевна вошла въ гостиную и съ изумленіемъ увидала тамъ на диванѣ Катерину Ивановну, спрятавшую свое личико въ подушку. Такой казусъ не былъ предвидѣнъ невѣсткою при составленіи плана наступательныхъ дѣйствій.

— Катя, Катя, что съ тобой?—воскликнула невѣстка и взяла дѣвушку за плечо.

— Подите! прочь подите!—нервно высвободила та свое плечо и продолжала рыдать.

— Неужели ты его лю...

— Оставьте меня, ради Бога оставьте! Боже мой, какъ все это гадко, позорно!—рыдала Катерина Ивановна.

Болѣзненностью и раздражительностью дрожалъ ея надорванный голосъ.

Марья Дмитріевна постояла надъ ней, подумала, развела руками и пошла изъ гостиной. Обѣдъ прошелъ безъ Катерины Ивановны и безъ Андреева.

— Гдѣ они?—спросилъ Иванъ Ивановичъ.

— Катя несовсѣмъ здорова, а Андреевъ уѣзжаетъ,—спокойно отвѣтила Марья Дмитріевна.—Онъ приходилъ прощаться со мною.

— Что такъ вдругъ собрался?—спросилъ Константинъ Ивановичъ.

— Почему же я знаю? собрался, значитъ, нужно..

— Видно, Виктора Владиміровича струсилъ, драеша задаетъ, какъ говорили у насъ въ корпусѣ.

— Можетъ-быть...

Иванъ Ивановичъ пристально посмотрѣлъ на невѣстку и пошелъ въ свою комнату. Андреевъ собирался въ путь.

— Что ты такъ неожиданно собрался?—спросилъ хозяинъ.—Ты еще сегодня утромъ, кажется, и не думалъ ѣхать, а теперь...

— Да, а вотъ мой дѣдъ, такъ тотъ за одну минуту передъ смертью былъ совсѣмъ живъ,—отвѣтилъ Андреевъ, укладывая въ чемоданъ вещи и утискивая ихъ колѣнкой.

Хозяинъ помолчалъ и снова началъ:

— Случилось у тебя тамъ что-нибудь съ моими?

— Да тебѣ очень ужъ жалко, что ли, что я уѣзжаю!— поднялъ голову отъ чемодана Андреевъ.

Пащенко отвернулся къ окну.

— Странные вы люди въ деревнѣ, ничего прямо не скажете, все съ предисловіями, съ обходцами; вотъ ты разъ сорокъ все о моей будущности спрашивалъ, а теперь пристанешь, зачѣмъ уѣзжаю.

Пащенко покраснѣлъ до ушей и промолчалъ.

— Вели, пожалуйста, уложить чемоданъ въ телѣгу, какъ лошади придутъ, а я пойду покуда пѣшкомъ.

— Хорошо.

— Ну, прощай!

— Прощай.

Андреевъ сталъ спускаться съ лѣстницы, а Пащенко продолжалъ стоять у окна и слегка барабанилъ по стеклу...

«Фу, мерзость какая!—думалъ онъ.—Вѣдь знаю, что онъ дрянь-человѣкъ, а и передъ нимъ пришлось покраснѣть. Вотъ она привычка-то юлить до чего довела!»

Часовъ въ пять вечера изъ помѣщичьяго дома вышла Катерина Ивановна, закутанная въ ту же длинную, черную суконную тальму, и тихо, съ поникшей головой, прошла по деревнѣ по направленію къ церкви и погосту. Лѣтній вечеръ былъ тихъ и ясенъ; солнце еще не зашло за лѣсъ, но жаръ немного спалъ; на небѣ бродили бѣлыя волокнистыя облака; легкій вѣтерокъ пошевеливалъ листья, а вдали по большой дорогѣ на открытомъ пространствѣ уже завивались вьюны пыли. Дѣвушка прошла по кладбищу къ могилѣ, осѣненной большой плитой и каменнымъ крестомъ, и стала на колѣни. Она молилась безмолвно, но горячею молитвой, со слезами припадая къ холодной плитѣ, потомъ волненіе, мало-по-малу, утихло, она сѣла на надгробный камень и впала въ тихое раздумье, можетъ-быть, о своей матери, лежавшей подъ этимъ памятникомъ. Долго сидѣла она въ этомъ положеніи, наконецъ, ей почудилось, что передъ нею кто-то стоитъ; она подняла голову и испустила слабый крикъ.

— Я пришелъ съ вами проститься,—послышался голосъ.

— Кто вамъ позволилъ подсматривать за мной?—крикнула она съ негодованіемъ, поднимаясь съ плиты.

— Я не подсматривалъ. Я ждалъ лошадей и бродилъ по деревнѣ, вы прошли въ то время сюда. Теперь лошади поданы, и я зашелъ сказать вамъ: прощайте и...

— Я думала, что... Я не ждала...—смѣшалась Катерина

Ивановна отъ необычайной простоты и столь же необычайнаго грустнаго тона рѣчи Андреева.

Это былъ онъ.

— Вы не ждали, что я осмѣлюсь стать передъ вами послѣ этой сцены съ вашей родственницей? Можетъ-быть, вы даже ушли, избѣгая прощанья... Вы ошиблись. Мнѣ даже показалось необходимымъ поздравить васъ за умѣнье выбирать адвокатовъ и...

— Повѣрьте,—воскликнула Катерина Ивановна, вспыхнувъ краской стыда....

— Вашъ выборъ очень удаченъ,—неторопливо и спокойно прервалъ ее Андреевъ.—Вы не рѣшились бы высказать мнѣ въ глаза половины того, что можно было передать черезъ нее. Но для чего всѣ эти хитрости? Развѣ мы съ вами не молоды? Развѣ мы не признаемъ другъ за другомъ права на убѣжденія? Развѣ я похожъ на тѣхъ приличныхъ господъ à la Благово, передъ которыми человѣкъ не смѣетъ высказать своей воли? Эхъ, Катерина Ивановна, сбросьте съ себя эту дѣдовскую ветошь лицемѣрія, двоедушія, служенія нашимъ и вашимъ, и будьте откровенны, по крайней мѣрѣ, съ тѣми, съ кѣмъ можно быть откровенною. Не нужно, не должно молодости мѣшать въ свое дѣло гнилую ветошь стариковъ! Прощайте!...

— Послушайте! послушайте! Я не приготовляла этой сцены... Я не просила Marie говорить за себя!—крикнула Катерина Ивановна и рванулась за уходящимъ Андреевымъ.

— Помилуйте, вы не дитя!—полуобернулся онъ уже съ насмѣшливою и отталкивающей улыбкою.—Вы понимаете, что вами играютъ, и молчите, значитъ вамъ это пріятно.

— Но что же я могла?—теряясь, произнесла Катерина Ивановна.

— Ну, а если бы вы меня въ самомъ дѣлѣ любили?—спросилъ онъ, ударяя на каждомъ словѣ, и, пристально взглянувъ на нее, сталъ садиться въ телѣгу, стоявшую у ограды.

Катерина Ивановна, ошеломленная всей этой сценой и въ особенности послѣднимъ вопросомъ, стояла съ красными глазами и измученнымъ лицомъ, не замѣчая, что телѣга, звеня колокольчикомъ, уже неслась по пыльной дорогѣ, что все глуше слышался забубенный свистъ ямщика, что невдалекѣ отъ ограды съ любопытствомъ глазѣло на барышню нѣсколько ребятишекъ и сельскій молодой причетникъ, стоявшій на паперти церкви, слѣдилъ за нею.

— Соблазнъ! — покачалъ онъ головой и пошелъ сообщать женѣ о случившемся.

Та накинула платчишко и сунулась къ попадьѣ...

Катерина Ивановна провела рукою по лбу и медленно, оступаясь на каждомъ шагу, пошла домой... Въ воздухѣ было уже совсѣмъ темно и холодно... Въ домѣ безпокоились объ отсутствіи молодой барышни, наконецъ, она пришла и, пройдя въ свою комнату, заперла двери на ключъ...

IX.

Андреевъ приготовилъ-таки себѣ эффектные проводы. Вся деревня узнала, что барышня со слезами упрашивала пріѣзжаго барина остаться, что онъ не захотѣлъ и уѣхалъ, что она вплоть до телѣги за нимъ бѣжала, и десятки тому подобныхъ разсказовъ переходили изъ устъ въ уста. Въ домѣ прислуга съ любопытствомъ глядѣла на Катерину Ивановну, и многіе вполнѣ были увѣрены, что она убѣжитъ за Андреевымъ. Въ головѣ же молодой дѣвушки все перепуталось до послѣдней степени; она винила всѣхъ и за все, сердилась на горничную, на Андреева, на родныхъ. Какая-то умственная спячка, тоскливая апатія, безпредметная грусть давили ее; она задумывалась, отвѣчала, не слыша вопросовъ, принималась за десятки мелкихъ вышивокъ и не кончала ни одной. Иногда, совсѣмъ растерявшись, она думала: «хотя бы случилось что-нибудь, что ли, а то я и ума не приложу, что дѣлать». Въ такомъ настроеніи духа засталъ ее пріѣхавшій въ деревню Благово.

— Катерина Ивановна,—говорилъ онъ однажды своимъ ровнымъ и спокойнымъ голосомъ: — я хочу просить вашей руки у Константина Ивановича. Согласны ли вы на это?

Катерина Ивановна смѣшалась и промолчала, не отнимая руки изъ рукъ Благово.

— Я человѣкъ почти не молодой,— продолжалъ онъ спокойнымъ тономъ: — по крайней мѣрѣ, не юноша; можетъ-быть, вы боитесь вѣриться мнѣ. Но повѣрьте, что я постараюсь сдѣлать васъ счастливою. Я не увлекаюсь, подобно нашему младшему брату, модными идеями о равноправности женщины съ мужчиной, но это только потому, что я опытнѣе его и болѣе трезво, болѣе практично гляжу на жизнь. Я стремлюсь только къ возможному. Я знаю, что женщина не можетъ по законамъ природы и государства быть вполнѣ равною съ мужчиной. Не онъ переноситъ страданія матери, не онъ возьметъ на себя трудъ кормить

грудью ребенка и смѣшно требовать, чтобы она еще къ этому великому труду присоединяла другую какую-нибудь дѣятельность, свойственную мужчинѣ. Но равноправность на счастіе, на благосостояніе, на любовь и уваженіе—это дѣло другое, тутъ я не уступлю въ крайности моихъ убѣжденій самому пылкому изъ юношей...

Благово помолчалъ. Ему становилось неловко рекомендовать себя на мѣсто мужа.

— Я не богатъ,—заговорилъ онъ снова:—но вы не будете нуждаться ни въ чемъ. Мнѣ открывается мѣсто въ Петербургѣ, и если вы согласитесь, то мы вмѣстѣ поѣдемъ туда дѣлить и радости, и мелкое горе, безъ котораго не обходится въ жизни... Что же, Катерина Ивановна, я жду вашего отвѣта?

— Я согласна,—прошептала Катерина Ивановна.

Благово уже цѣловалъ ея руку безъ страсти, но съ чувствомъ. Она наклонилась и поцѣловала его въ лобъ.

— Намъ надо будетъ торопиться свадьбой, меня ждутъ въ Петербургѣ.

— Распоряжайтесь, какъ знаете...

— Теперь мнѣ нужно переговорить съ вашимъ братомъ.

Благово еще разъ поцѣловалъ ея руку и вышелъ, она склонила голову на грудь и осталась сидѣть съ опущенными на колѣни руками.

— Ну, что, сдѣлалъ предложеніе?—торопливо прошептала Марья Дмитріевна, вбѣгая на цыпочкахъ въ комнату.

— Сдѣлалъ,—неохотно отвѣчала Катерина Ивановна, не перемѣняя положенія.

— Что же? Согласилась?

— Согласилась,—тѣмъ же тономъ отвѣчала невѣста.

Ей становились гадки и обидны эти радостно-торопливые разспросы, заставлявшіе думать, что дѣло идетъ о жизни и смерти.

— Ахъ, Создатель, ты точно къ казни приговоренная!

— Голова болитъ,—провела молодая дѣвушка рукою по лбу, вставая съ мѣста.

— Гдѣ свадьба-то будетъ?

— Ахъ, ничего я не знаю! Подите, толкуйте, совѣщайтесь, только оставьте меня въ покоѣ!—раздражительно промолвила Катерина Ивановна, направляясь къ своей комнатѣ.

— Ахъ, Катя, Катя, хорошо ты платишь за мою любовь!—воскликнула съ горечью Марья Дмитріевна.—Вѣдь я тебя, какъ дочь родную, любила!..

— Лучше бы вы меня любили, какъ друга,—послышался отвѣтъ.

Марья Дмитріевна изумилась и не поняла смысла этихъ словъ, ей показалось, что ея Катя немного помѣшалась. Еще болѣе изумилась бы она, если-бъ заглянула въ комнату Кати. Тамъ, выходящая по своему собственному согласію замужъ, Катерина Ивановна горько плакала. Только теперь она вполнѣ ясно поняла, что ея мечты о страстной любви никогда, никогда не осуществятся, что между тѣмъ отказать Благово и остаться снова въ деревенской глуши, на страшную муку, среди раздраженныхъ этимъ отказомъ родныхъ, — нѣтъ силъ, что и этотъ рѣшительный поступокъ не поведетъ ни къ чему, заставитъ ее просидѣть въ дѣвушкахъ или выйти за помѣщика на прозябанье въ деревнѣ, или обвѣнчаться съ какимъ-нибудь Андреевымъ, который хорошо говоритъ, увлекается, способенъ на страстную любовь,—но какимъ мужемъ онъ будетъ?

Скверное положеніе, господа!

— Наша-то, кажется, и въ самомъ дѣлѣ въ Андреева влюблена, — говорила Марья Дмитріевна толстому супругу, приготовляясь ко сну и повязывая широкую голову сожителя шелковымъ платкомъ.

— А что?—спросилъ онъ, укладываясь въ постель.

— Да ходитъ, точно въ воду опущенная.

— Э, ничего! просто боится замужъ идти, дѣло новое...

— Чего тутъ бояться? Вотъ невидаль! — воскликнула Марья Дмитріевна, надѣвая ночной чепецъ и сдѣлавшись вдругъ похожею на мокрую кошку.

— Да, хорошо тебѣ толковать, а, поди-ка, и ты меня наканунѣ свадьбы трусила, тоже мужчина былъ! Э?—усмѣхнулся толстякъ, поднимая съ подушки голову, завязанную въ платокъ и украшенную спереди узломъ съ концами въ видѣ бараньихъ рожекъ.—Теперь-то ты храбра стала, привыкла. А вѣдь послѣзавтра, мамочка, день нашей свадьбы. Э?..

— Ну, полно!—какъ-то сладко сказала Марья Дмитріевна.—А что онъ?

— Плохо, мамочка; все по закону совершить хочетъ, и завѣщанье, и другія бумаги, чтобы получить съ насъ деньги, если у насъ, того, понимаешь, дѣти будутъ.

— Ну, какія тамъ дѣти!

— А отчего же не быть?

— Да нѣтъ! Ты бы ему...

— Вотъ заладила: нѣтъ, нѣтъ! А, можетъ-быть, и будутъ. Что мы съ тобой перестарки, что ли, какіе?

— Охъ, ужъ ты, юноша!

— Да, юноша.

Юношу и Марью Дмитріевну, хотя они и не говорили этого вполнѣ ясно, сильно тревожило желаніе Благово устроить все насчетъ имѣнія законнымъ образомъ. Супруги въ глубинѣ своей души совсѣмъ не питали надежды имѣть дѣтей, они вполнѣ искренно желали оставить свое имѣніе любимой Катѣ и не думали ее надувать, но желаніе Благово все-таки терзало ихъ,—почему? — это ихъ тайна, и я не рѣшаюсь объяснить ее, да и они сами, вѣроятно, уклонились бы отъ объясненій, какъ уклонился Маниловъ объяснить, почему онъ считаетъ Чичикова такимъ просвѣщеннымъ гостемъ и требуетъ, чтобы тотъ прошелъ первый въ двери. «Да ужъ такъ!»—объясняютъ въ этихъ случаяхъ люди причину своихъ поступковъ. Викторъ Владиміровичъ требовалъ, чтобы и Иванъ Ивановичъ засвидѣтельствовалъ свое отреченіе отъ братнина имѣнія, могущаго перейти къ нему законнымъ образомъ въ случаѣ смерти старшаго брата. Иванъ Ивановичъ, улыбаясь, подписалъ бумагу и пошутилъ, что Викторъ Владиміровичъ умѣетъ вести дѣла.

— Что это за бумаги? — спросила мелькомъ Катерина Ивановна у младшаго брата.

— Насчетъ имѣнія; мнѣ надо было отречься отъ имѣнія брата.

— Что это тебѣ вздумалось?

— Не вздумалось, а Викторъ Владиміровичъ просилъ.

— Это зачѣмъ?

— Практичность! Хорошая жена хороша и одна, а съ придачею еще лучше.

Сестра отвернулась.

Дѣло, касавшееся всѣхъ этихъ завѣщаній, расписокъ, отреченій, потребовало присутствія кого-нибудь изъ семьи въ городѣ. Иванъ Ивановичъ согласился съѣздить тѣмъ болѣе охотно, что его дѣла по деревнѣ приняли хорошее теченіе и, повидимому, могли идти уже безъ его помощи по прямой дорогѣ. Его поѣздка въ городъ продолжалась двѣ недѣли. Обдѣлавъ дѣла, онъ съ спокойнымъ духомъ и чистою совѣстью возвратился домой.

— А у тебя тамъ пиры идутъ,—встрѣтилъ его Константинъ Ивановичъ на крыльцѣ.

— Гдѣ?

— Извѣстно гдѣ, въ деревнѣ!

— Какіе пиры?

— Пиры обыкновенные, власти пируютъ.

— Какія власти?—нетерпѣливо произнесъ Иванъ Ивановичъ.

— Извѣстно какія, не китайскіе мандарины, а становой со своей великолѣпною свитой тризну справляетъ.

— Да говори, братъ, толкомъ! Чортъ побери твои шуточки! — блѣднѣя, воскликнулъ Иванъ Ивановичъ.

— Мертвое тѣло тамъ нашли, — тихо сказала Катерина Ивановна, испуганная выраженіемъ лица младшаго брата.

Онъ швырнулъ на столъ въ первой комнатѣ бумаги, привезенныя изъ города, и выбѣжалъ вонъ, не слушая вопросовъ о сдѣланныхъ имъ дѣлахъ. Черезъ нѣсколько минутъ онъ уже былъ въ своей деревнѣ.

— Что у васъ, братцы? — торопливо спрашивалъ онъ у попавшейся толпы своихъ крестьянъ.

— Отецъ родной, конецъ приходитъ!—воскликнулъ одинъ изъ мужиковъ.

— То-есть, какъ есть погибель, кошель-дѣло!.. Дорѣжутъ, въ разоръ разорятъ, вотъ-тѣ и шабашъ! — говорили голоса.

— Вступились бы вы, Иванъ Ивановичъ,—произнесъ парень, ежегодно ходившій на заработки въ столицу и потому говорившій барину вы и дававшій мудрые совѣты: — а то дѣло-то несообразное совсѣмъ, значитъ, выходитъ. Ужъ больно донимаетъ это слѣдствіе, работа стоитъ, вотъ...

— Да что случилось-то? — нетерпѣливо допрашивалъ баринъ.

— Мертвое тѣло нашли... Признаки, говорятъ, есть...

— Чего тамъ признаки!

— Какіе признаки! вѣстимо, хмельной... Тутъ, батюшка, знаешь, овражекъ есть, за Василья Косого межой овражекъ, такъ себѣ, значитъ, пустенькій овражекъ-то, по малину туда ребятишки бѣгаютъ...

— Ну, ну?—торопилъ Иванъ Ивановичъ разсказчика.

— Ну, вотъ въ этомъ-то самомъ овражкѣ и нашли, значитъ, а теперя ночи-то, самъ знаешь, батюшка, своего носа не увидишь, а не токмо что... Ну, и свалился въ овражекъ-то; земля, то-есть, полагалъ.

— Все больше изъ зависти, значитъ, надоть полагать, хорошо, вишь, живемъ мы,— ввернулъ бывалый парень.

Ивана Ивановича покоробило отъ этой фразы; онъ впервые сознался, что и самъ народъ разъединенъ между собою.

— Требовали что-нибудь?— спросилъ Иванъ Ивановичъ отрывисто.

— Нѣтъ, требовать не требовали, а, значитъ, все насчетъ ѣды больше, куръ подавай имъ, ну и работа опять, хлѣбъ-отъ не убранъ, а тутъ съ утра-съ таскаютъ.

Иванъ Ивановичъ покачалъ головой и закусалъ ногти; черезъ минуту онъ пошелъ къ избѣ старосты, окруженный все прибывавшей и прибывавшей толпой мужиковъ.

— А я опять загулялъ!—кричалъ отчаяннымъ голосомъ деревенскій кутила, просившій, если помнятъ читатели, чтобъ баринъ выпоролъ его.

— Ну тебя къ чертямъ!—толкали его подъ бокъ мужики, озабоченные горькимъ дѣломъ.

— Все равно, что гулять, что не гулять, по крайности душу распотѣшу,— кричалъ гуляка.— Все одно, сказано: шабашъ!—ну, и не моги работать! Ни-ни! Шабашъ, какъ есть шабашъ!

— Да отвяжись, окаянный!— грозили ему кулаками.— Рыло, что-ль, чешется?

Иванъ Ивановичъ между тѣмъ совѣщался съ становымъ, докторомъ и другими непрошенными гостями. Весь покрытый потомъ, дрожащій отъ злобы и хмурый, вышелъ онъ изъ избы; староста на цыпочкахъ слѣдовалъ за нимъ, точно боясь кого-то разбудить.

— Плохо, Иванъ Ивановичъ, дѣло не рука,— шопотомъ промолвилъ онъ.

— А работа, Кузьмичъ? Вѣдь этакъ чортъ знаетъ сколько времени протянутъ, на кормы сколько выйдетъ... Вонъ и Гвоздило запилъ снова съ бездѣлья; пожалуй, и другіе...

— Это что говорить! Да дѣло-то не рука. Сами знаете, денегъ теперь нѣтъ. Едва сами стали справляться, скотинкой обзавелись, а тутъ... О, чтобъ его нелегкая побрала, вздумалъ въ овражекъ завалиться!

— Шатуны проклятые!—послышался голосъ изъ толпы, стоявшей въ сторонѣ, чтобы не нарушать совѣщанія барина и старосты; ее вывело изъ безмолвія восклицаніе послѣдняго.

— Что, Иванъ Ивановичъ?— шопотомъ и не смѣло спросилъ одинъ изъ мужиковъ, подходя осторожно къ барину, точно воръ къ сонному человѣку.

За смѣльчакомъ послѣдовали и другіе съ вопросами. Баринъ объяснилъ дѣло. Начались счеты, расчеты, наконецъ, порѣшили, что Иванъ Ивановичъ дастъ мужикамъ денегъ въ долгъ съ разсрочкою платежа на годъ.

— Ну, что какъ меня-то не будетъ здѣсь? — спросилъ онъ задумчиво.

— Охъ, ужъ оставайся, Иванъ Ивановичъ, ты здѣсь!— съ искреннимъ чувствомъ произнесъ одинъ изъ крестьянъ.

— Нѣтъ, братъ, и это не поможетъ,—покачалъ головой баринъ и пошелъ домой.

Ночью въ темнотѣ слышались голоса по дорогѣ, ведущей къ деревнѣ Миловиду. Большая свита провожала Ивана Ивановича. Невеселыя думы тѣснились ему въ голову, непривычное озлобленіе кипѣло въ немъ. «Все строится на пескѣ,— писалъ онъ въ записной книжкѣ.—При такихъ условіяхъ всѣ усилія тщетны... Надо все передѣлать... Меня не радуютъ даже сдѣланныя мною улучшенія, все это погибнетъ. Все это паутина: стоитъ подуть вѣтру, и она оборвется... Проклятая жизнь!»

— До свиданья, Иванъ Ивановичъ, много благодарны за угощеніе!—кричалъ становой, проѣзжая мимо его оконъ.

— Чортъ бы васъ всѣхъ взялъ!—проворчалъ Иванъ Ивановичъ, отходя отъ окна.

Черезъ нѣсколько дней за обѣдомъ шелъ горячій разговоръ о происшествіяхъ въ деревнѣ молодого Пащенко. Онъ откровенно описалъ дѣло и признался, что отдалъ послѣднія деньги, что теперь нужно писать въ Петербургъ о высылкѣ новой суммы. Онъ былъ чрезвычайно грустенъ и мягокъ въ эти дни; неудача на время смирила пробудившуюся въ немъ гордость. Черезъ два дня была назначена свадьба Катерины Ивановны. Наканунѣ этого дня она прошла на половину младшаго брата.

— Ваня, завтра моя свадьба,—говорила она, садясь на диванъ.

— Я знаю, Катя.

— Послушай, можетъ-быть, я поступаю опрометчиво, рѣшаясь на этотъ шагъ, но, видно, такая судьба... У меня есть одна просьба до тебя: не забывай меня въ Петербургѣ, пиши, помоги, если что случится дурное...

— Полно, Катя, что за мысли передъ свадьбой! Авось, все будетъ хорошо.

— Да, да, авось! Но если... Ты не знаешь, какъ мнѣ тяжело! Вѣдь не то, чтобы я его не любила или чувство-

вала къ нему отвращеніе, а просто безотчетно тяжело, скучно...

— Ты нездорова, твои нервы раздражены. Погоди, успокоишься, встрѣтимся въ Питерѣ, я тамъ своимъ домикомъ заживу съ женою...

— Развѣ у тебя есть невѣста?—изумилась сестра.

— Давно уже. Я съ ней въ перепискѣ.

— Дай Богъ! мнѣ веселѣе будетъ...

Братъ тихо притянулъ къ себѣ за талью сестру, она опустила ему на плечо свою голову и заплакала; долго онъ цѣловалъ ее и успокаивалъ, какъ маленькаго, больного ребенка.

— Я тебя люблю, все-таки, больше, чѣмъ ихъ,—шептала она ему и снова цѣловала его руки.

Въ этой ласкѣ уже видѣлась не экзальтація, а чувство смѣшанной съ грустью глубокой любви; казалось, что эта дѣвушка пережила очень много и еще больше перечувствовала за послѣднее время, хотя никто и не подозрѣвалъ этого. Женщина вообще, какъ существо подчиненное, безправное, часто забитое, очень скрытна. Это покажется парадоксомъ людямъ, твердящимъ поговорку: «болтливы, какъ женщины!» Но это истина. Мы видимъ женщинъ, постоянно передающихъ по секрету всѣ мелкія тайны своего сердца, болтающихъ за десятерыхъ мужчинъ всякій вздоръ, но никто изъ насъ не подумаетъ серьезно о томъ, что могло ли бы существо, живущее столь мелочными интересами, выдающее ихъ съ такою непростительною вѣтреностью, рѣшаться на самыя величайшія злодѣянія и на самыя геройскія жертвы, рѣшаться не глупо, не очертя голову, но обдумывая искуснѣе всякаго мужчины всѣ шансы успѣха и неудачи. Только, поднявъ женщину до мужчины, мы вполнѣ ясно поймемъ ее и удивимся ея уму, тѣмъ болѣе сильному, что онъ умѣлъ до сихъ поръ безъ посторонней помощи вырабатывать то, до чего не доходили мы со всѣми нашими учеными пособіями, развивающими преніями въ кружкахъ, со всѣми профессорскими поученіями.

X.

Катерина Ивановна уѣхала со своимъ мужемъ.

Въ помѣщичьемъ домѣ ничего не измѣнилось, повидимому; хозяйничанье, пасьянсы, вязанье шарфовъ, обученіе пса, все шло по-старому. Но только теперь стало ясно, ясно для самихъ помѣщиковъ-супруговъ, что ихъ жизнь

не имѣетъ смысла, не имѣетъ цѣли. На что всѣ эти хлопоты о провизіи, всѣ эти карточныя гаданія объ исполненіи задуманныхъ вопросовъ, всѣ эти стоянія на заднихъ лапахъ и подачи попосокъ псомъ, всѣ эти безконечные шарфы? Для того, чтобы умереть! Но стоитъ ли для этого жить? А смутное сознаніе того, что ранняя смерть двухъ проязвающихъ, а не живущихъ существъ, можетъ доставить кому-то третьему не печаль, но тайное, усердно-скрываемое и все-таки не могущее скрыться отъ глазъ людей удовольствіе, о, это сознаніе такъ отвратительно гадко отзывается въ душѣ!

— Вотъ мы и остались съ тобой бобылями! — задумчиво произносилъ Константинъ Ивановичъ голосомъ читальщика, читающаго надъ покойникомъ псалтирь.

— Да,—уныло отзывалась, словно изъ какой-то могильной пропасти, Марья Дмитріевна.—Вспоминаютъ ли они о насъ теперь, хотѣлось бы знать.

— Кто они? Говори: она, а онъ-то вспоминаетъ.

— Ну вотъ, будто мы ему милѣе, чѣмъ ей!

— Еще бы! Я думаю, каждый день размышляетъ: скоро ли околѣютъ эти дураки!—желчно произносилъ Константинъ Ивановичъ.

— Полно!

— Чего, полно? Извѣстно, деньги всякому нужны; подика, ругаетъ насъ въ душѣ, что небо коптимъ.

— Н-да, кто его знаетъ, можетъ-быть, и такъ... Дѣтей намъ Богъ не далъ, вотъ что...

— Дѣтей? А ты думаешь, дѣти-то не то же бы думали? Тоже бы къ чорту насъ посылали за долголѣтіе!—еще болѣе желчно и раздражительно возражалъ Константинъ Ивановичъ.

— Грѣховодникъ ты! Не знаешь ты, что̀ значатъ дѣти, — упрекала Марья Дмитріевна мужа, чтобы что-нибудь сказать.

— Не знаю? самъ не былъ сыномъ, что ли?..

Марья Дмитріевна широко открывала глаза и не знала, что̀ возражать мужу: упрекать ли его за безнравственное признаніе въ прежнемъ корыстолюбіи, или проклинать наслѣдство, дѣлающее безнравственными отношенія братьевъ къ братьямъ, дѣтей къ родителямъ. Иванъ Ивановичъ съ тоской и зѣвотой вставалъ со своего мѣста и уходилъ въ свою комнату.

— Пѣтухъ индѣйскій! языкъ проглотилъ, — озлобленно

говорилъ Константинъ Ивановичъ, не дожидаясь, когда за братомъ затворится дверь. — Тоже, я думаю, мучится, что отказался отъ наслѣдованія моего имѣнія. Свое-то пропуститъ въ трубу на потѣху, такъ тогда не худо будетъ и чужое прибрать къ рукамъ.

— Что у тебя нынче за мысли такія, всѣхъ-то ты бранишь!—восклицала Марья Дмитріевна.

— Ну, матушка, прошла пора цѣловаться, губы устали. И тебѣ-то пора бы за умъ взяться, да не сахарничать. Вотъ ты людей избаловала, крадутъ у тебя изъ-подъ носу, вчера самъ своими глазами видѣлъ, какъ Мишутка варенье лопалъ. Теперь глаза, да и глаза нужны, доходы будутъ не прежніе и не свое тратимъ, на чужое изъ милости живемъ; умремъ, такъ, пожалуй, и изъ гроба отчеты повѣрять потребуютъ...

— Богъ тебя знаетъ, шутишь ты или правду говоришь?

— Какія тутъ шутки! Вотъ гдѣ у меня эти шутки сидятъ,— показывалъ Константинъ Ивановичъ на жирный затылокъ.

Въ комнатѣ воцарялось молчаніе. Тихо, страшно тихо, какъ въ могилѣ, дѣлалось въ ней; даже нѣтъ въ ней часовъ съ бойко-чикающимъ маятникомъ, даже нѣтъ какого-нибудь беззаботно и немолчно постукивающаго сверчка за стѣной; только едва слышно постукиваютъ, какъ костяные пальцы скелета, деревянныя спицы Марьи Дмитріевны и еще тише скользятъ по столу карты Константина Ивановича, словно двѣ живыя тѣни боятся спугнуть шумомъ самихъ себя и исчезнуть отъ испуга съ лица земли.

— Баста!!—вдругъ озлобленнымъ голосомъ вскрикиваетъ Константинъ Ивановичъ и шумно бросаетъ на столъ колоду картъ.

— Какъ ты меня испугалъ!—вскрикиваетъ Марья Дмитріевна.

— Мишка, Мишка! — кричитъ Константинъ Ивановичъ, а въ домѣ царитъ тишина, никто не откликается на зовъ, и только угрюмыя вѣтви спустившихъ листья деревьевъ шпіонски смотрятъ въ окно.

Константинъ Ивановичъ крадется въ переднюю, захвативъ лѣвою рукою полы халата пониже тальи, и торжественно указываетъ Марьѣ Дмитріевнѣ, несущей свѣчу, на спящаго Мишку.

— Воля!—многозначительно восклицаетъ онъ.

Марья Дмитріевна молчитъ, разсѣянно освѣщая угрюмую переднюю.

— Не прикажете ли васъ раздѣть, Михайло Трофимовичъ?—трясетъ изо всей силы Константинъ Ивановичъ за руку Мишку.

Тотъ просыпается и осовѣвшими глазами смотритъ на барина и барыню.

— Вамъ, можетъ-быть, неловко въ сюртучкѣ спать-съ? А?.. Пошелъ, бестія, подбери карты! — вдругъ разражается баринъ, и не бьетъ, а какъ-то тычетъ Мишку.

Мишка ковыряетъ въ носу и, видимо, не можетъ очнуться отъ сладкаго сна, среди котораго ему грезилось, что онъ играетъ въ носки съ Филаткой... Господа отправляются спать и попрежнему, какъ послѣ старыхъ ссоръ изъ-за пасьянсовъ, благодушествуетъ Константинъ Ивановичъ въ своей опочивальнѣ, но теперь раздраженіе проглядываетъ даже въ его благодушныхъ шуточкахъ съ женою. Оно тяжело ему самому, а между тѣмъ онъ чувствуетъ, что *что-то* испортило навсегда его пищевареніе, смутило его покой, и не раздражаться онъ уже не можетъ. Назвать это *что-то* онъ не умѣетъ. Это не замужество Кати, это не условія, предложенныя ея мужемъ, это не воля крестьянская, а все вмѣстѣ, и болѣе всего безсмысленное, безцѣльное, убійственно-скучное и все-таки не убивающее «завтра». Сотни разъ хотѣлось Константину Ивановичу *замечтаться*, придумать какое-нибудь разнообразіе, веселье для будущей жизни, создать цѣль для существованія, и постоянно всѣ усилія оканчивались однимъ и тѣмъ же выводомъ: встанемъ утромъ, поѣдимъ, попьемъ, пасьянсъ разложимъ и ляжемъ спать...

— О, чортъ, побери!—вскрикивалъ онъ, ударяя кулакомъ по столу.

— Что съ тобой? Боленъ ты?—спрашивала Марья Дмитріевна, не подозрѣвавшая о думахъ супруга.

— Убирайся ты, матушка, съ своими разспросами! Младенецъ я, что ли, что ты ко мнѣ пристала, какъ банъ... Тьфу!

Марья Дмитріевна пожимала плечами и махала рукой, такъ какъ она-то уже успѣла помириться со своимъ новымъ положеніемъ и нашла, какъ убить праздное время, удвоивъ часы молитвъ, чаще прежняго посѣщая церковь и занимаясь откладываніемъ корокъ хлѣба и попортившейся провизіи для нищихъ...

А время все летѣло и летѣло впередъ...

Иногда Константинъ Ивановичъ отъ нечего дѣлать разнообразилъ свою жизнь, представляя изъ себя деспота въ домѣ или скрягу, и входилъ въ эти роли до того, что почти самъ вѣрилъ, что онъ и деспотъ, и скряга.

— Ты зачѣмъ это въ воскресный сюртукъ облекся? — кричалъ Константинъ Ивановичъ на казачка.

— Да я только надѣлъ его, чтобы...

— Нѣ-ѣтъ, нѣ-ѣтъ, ты не юли, ты мнѣ отвѣчай толкомъ: что̀ деньги-то у меня родятся, что ли, или съ неба падаютъ?

— Я-съ, Константинъ Ивановичъ...

— Врешь, мошенникъ, врешь! Не ты Константинъ Ивановичъ, а я; потому-то я тебя и спрашиваю, какъ ты смѣлъ воскресный сюртукъ надѣть? Да ты знаешь ли, что я по-міру бы пошелъ, если бы вы въ будни воскресные сюртуки носили. Изъ-за васъ, бестіи, и самъ съ голоду скоро умру. У-у, шельмецъ, бѣги, покуда не выпоролъ тебя!

Казачокъ изумленными глазами смотрѣлъ на барина, такъ какъ тотъ никого во всю жизнь пальцемъ не тронулъ. Онъ и теперь не думалъ сѣчь Мишку, но просто угрожалъ, чтобы разсѣять скуку, развлечься.

Константинъ Ивановичъ сталъ припрятывать каждую щепочку, каждый гвоздикъ, попадавшіеся ему на дорогѣ, не потому, что это казалось ему необходимымъ, и не изъ скряжничества, но тоже, чтобы развлечься, занять себя тревогой о своей мнимой бѣдности, и большую радость доставляло ему, если посторонніе замѣчали его скупость.

— Что̀ это у тебя въ рукахъ?—спрашивалъ Иванъ Ивановичъ, видя въ рукахъ брата сломанный гвоздь.

— Гвоздь нашелъ.

— На что онъ тебѣ?

— Какъ на что? Гвоздь-то? Мало ли на что гвоздь пригодится. Безъ гвоздя и дома не выстроишь.

— Такъ этотъ гвоздь, пожалуй, есть зародышъ будущаго дома?—улыбался Иванъ Ивановичъ.

— Можетъ-быть, можетъ-быть! Будущее одинъ Богъ знаетъ. И дубъ изъ малаго желудя растетъ.

— Ну, изъ гвоздя-то ужъ ничего не вырастетъ!

— Въ чьихъ рукахъ, братъ, въ чьихъ рукахъ! Вотъ въ чемъ все дѣло-то. Въ иныя руки, кажется, всю вселенную отдай, такъ черезъ недѣлю за нее жидъ своей старой ермолки не дастъ, за вселенную-то. Вотъ что руки-то значатъ!

— Ты философствуешь.

— Гдѣ намъ! Это отцы насъ такъ учили, мы вѣдь не мудники, не благодѣтели человѣчества. Намъ самимъ дай Богъ вѣкъ дожить, съ голоду не умереть...

Иванъ Ивановичъ пожималъ плечами и уходилъ.

— Мотай себѣ на усъ, мотай, — говорилъ Константинъ Ивановичъ по уходѣ брата. — Погоди, еще по-міру пойдешь. Благодѣтели!

А скука, все-таки, одолѣвала страшная. То зимнимъ вечерамъ конца нѣтъ, то лѣтній день идетъ не идетъ, тянется, тянется, а темной ночи все нѣтъ какъ нѣтъ, свѣтъ спать мѣшаетъ, и если ставни закроешь, такъ и то онъ найдетъ щелку и тонкой, тонкой полоской свѣтитъ прямо въ глаза и дразнитъ человѣка до одурѣнія.

А время все летѣло и летѣло...

Иванъ Ивановичъ успѣлъ уже познакомиться и съ положеніемъ освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, и привести къ концу дѣла по этому освобожденію, и помышлялъ уже объ отъѣздѣ въ Петербургъ, откуда нерѣдко долетали до него письма его друзей и сестры...

«Винюсь передъ тобой, милый Ваня,—писала брату Катерина Ивановна: — я долго не писала къ тебѣ. Но Петербургъ совершенно закружилъ меня. Балы, собранія, визиты, театры, опомниться некогда. Я воображаю, какую гримасу состроишь ты, читая эти строки, и какъ начнешь усовѣщивать меня въ письмѣ. Но, другъ мой, вѣдь теперь-то и жить, молодости не вернешь послѣ. Мой мужъ очень добрый; онъ мнѣ казался сухимъ и холоднымъ, но я теперь начинаю понимать вполнѣ, что его разумная любовь лучше минутнаго увлеченія какого-нибудь вѣтрогона. И вѣтрогоны-то нынче не очень привлекательны, о нихъ въ Петербургѣ ходятъ очень дурные слухи. Они какихъ-то гадкихъ дѣлъ надѣлали, но Витя говоритъ, что ихъ всѣхъ надо бы прежде высѣчь, а потомъ выслать вонъ. Я читала на-дняхъ «Полиньку Сакъ» и съ тѣхъ поръ постоянно зову Витю моимъ Саксомъ. И тотъ былъ такимъ же холоднымъ чиновникомъ по виду, но какъ онъ умѣлъ любить! Витя болѣе всего заботится о томъ, чтобы я была всюду первою, и съ какимъ-то восторгомъ онъ говоритъ мнѣ: «ты сегодня была царицею бала, на тебя всѣ смотрѣли». Однако, что же я болтаю о немъ: это можетъ тебя менѣе интересовать, чѣмъ

мое знакомство съ твоей невѣстой. Я ее отыскала. Она мнѣ очень понравилась, но, извини меня за откровенность, она большая оригиналка, и мой Витя качалъ головой, когда я ее описывала ему. Я застала ее въ первый мой визитъ къ ней за работой; она приняла меня ласково и, болтая со мною, продолжала работать.—Зачѣмъ вы обстригли волосы?—спросила я, удивляясь, что она рѣшилась обрѣзать такіе чудные волосы.— Такъ удобнѣе,— отвѣтила она:—хлопотъ съ ними меньше. — А я думала, что это просто маленькое кокетство,—засмѣялась я.— Можетъ-быть,—отвѣтила она: — отчего же и не пококетничать такъ, если другимъ позволено кокетничать иначе: локонами длинными, косами и взбитыми шиньонами? — Но вы, вѣрно, не сдѣлали бы этого, если бы этого не дѣлали другія, это подражаніе,— сказала я, вспомнивъ слова Вити.— Да вѣдь и ваша прическа подражаніе, — наивно замѣтила она: — не вы же ее выдумали. Вообще все на свѣтѣ подражаніе, изобрѣтеній мало, нужно только подражать тому, что удобнѣе... Вообще въ ея манерѣ говорить много твоего и Андреевскаго, извини за это сопоставленіе именъ, но вѣдь ты же былъ его другомъ. У Лизы я встрѣтила какого-то шута; она назвала его Кравцевымъ. Онъ тотчасъ же по моемъ приходѣ всталъ и раскланялся, хмуря брови и прекурьезно проходя бокомъ, чтобы не задѣть за мое длинное платье. Во второе мое свиданіе съ Лизочкой, я опять встрѣтила этого шута, и снова онъ пустился въ бѣга; это меня разсмѣшило, но я удержалась отъ всякихъ вопросовъ, потому что Лиза была озабочена какимъ-то несчастіемъ, постигшимъ одного изъ вашихъ знакомыхъ, какого-то Крючникова. Онъ куда-то пропалъ. Витя, услыхавъ, что Лиза знакома съ Крючниковымъ, попробовалъ отсовѣтовать мнѣ ѣздить къ ней, говоря, что всѣ эти стриженыя — дрянь. Ты не сердись на него, онъ это говоритъ потому, что видитъ близко все происходящее теперь. Ты самъ, когда пріѣдешь въ Петербургъ и узнаешь всѣ происшествія, вѣроятно, посовѣтуешь Лизѣ не стричь волосъ, чтобы ее не смѣшивали съ тѣми, отъ которыхъ отвернулись всѣ порядочные люди. Я рада, что мой Сакъ указываетъ мнѣ на чужія заблужденія и избавляетъ меня отъ опасности также заблуждаться. Припоминая послѣдній день передъ свадьбой и давившую меня тоску, я часто думаю о словахъ покойной няни. «Передъ радостью, матушка, всегда плакать хочется», — говорила она. Вѣрно, и мнѣ было такъ тяжело передъ настоящимъ

счастьемъ. Да, я счастлива, я покойна, всѣ мои желанія исполняются въ минуту, мнѣ не даютъ предаться раздумью или скукѣ. Дай Богъ, Ваня, намъ увидѣться поскорѣе, и чтобы ты съ женой былъ бы такъ же счастливъ, какъ я со своимъ мужемъ».

Иванъ Ивановичъ хладнокровно оторвалъ клочокъ отъ письма сестры, зажегъ его въ печкѣ и поднесъ къ папиросѣ, остальная часть письма долго валялась на полу и потомъ выбросилась съ соромъ... Однако, это письмо заставило Ивана Ивановича серьезно задуматься объ отъѣздѣ въ Петербургъ. И вотъ, въ одно прекрасное утро, въ барскомъ домѣ деревни Миловиды за чайнымъ столомъ появились не три, а только два существа. Оба эти существа молчали и старались не глядѣть другъ на друга, имъ было невыносимо тяжело, передъ ними стояло безчисленное множество грядущихъ дней, похожихъ, какъ двѣ капли воды, другъ на друга, и ни одинъ изъ этихъ дней не сулилъ ни драмъ, ни комедій, ни грустныхъ, ни веселыхъ сценъ. «Но такая жизнь сама по себѣ драма», — скажетъ читатель. — Да, отвѣчу я, но вы умерли бы съ тоски, если бы я вздумалъ посвятить еще нѣсколько страницъ этой драмѣ. Итакъ, вонъ изъ деревни Миловиды и пусть въ ней мирно дотлѣваютъ двѣ живыя тѣни! Не станемъ мѣшать ихъ разрушенію нашимъ непрошеннымъ присутствіемъ. Въ Петербургъ, въ Петербургъ, на балы, на спектакли; и будемъ прислушиваться— не кричитъ ли тамъ кто-нибудь: хлѣба и комедій!

XI.

Въ Петербургѣ есть очень много домовъ, гдѣ вы встрѣтите изящное общество, изящную обстановку, изящные разговоры, изящный столъ и, тысячу лѣтъ ломая голову, не поймете, изъ какихъ средствъ изящные хозяева этихъ домовъ достигли этого изящества. Встрѣчая въ ихъ кругу юнаго князя Душкина и секретаря при посольствѣ герцогства Кренвиншель, ловкаго барона Швальбе, записаннаго въ готскій альманахъ дворянскихъ фамилій, вы начинаете считать достопочтенныхъ хозяевъ аристократами высшаго полета и, при первомъ удобномъ случаѣ, говорите въ аристократическомъ кругу стараго князя Душкина объ этихъ милыхъ, любезныхъ людяхъ. Но каково же должно быть ваше изумленіе, когда старый князь Душкинъ, язвительно сощуривъ свои и безъ того насмѣшливые, холодные, свинцовые глаза и пожавъ плечами, скажетъ: «Извините, я не

имѣю удовольствія ихъ знать. Даже самая ихъ фамилія какъ-то ускользнула изъ моей памяти. Впрочемъ, и не мудрено: въ старости помнишь, что было за сто лѣтъ, а какой-нибудь вчерашней комедіи и названія не припомнишь». Вы начинаете чувствовать, что вы промахнулись, что ваши любезные, милые знакомые составляютъ для аристократіи неизвѣстное племя, столь же неизвѣстное, какъ людоѣды какого-нибудь острова Фиджи. Вы бьете себя мысленно по лбу, обзываете свою приличную особу неприличнымъ именемъ «телятины», кастесь за свою несообразительность и припоминаете только теперь, что у вашихъ знакомыхъ на серебрѣ, на каретахъ, на печатяхъ нѣтъ даже фамильнаго герба, а просто виднѣется шикарный по своей неразборчивости вензель изъ славянскихъ буквъ, что уважаемый вами хлѣбосолъ и его супруга воспитывались въ казенныхъ заведеніяхъ, а не дома, не подъ надзоромъ трехъ гувернантокъ и двухъ гувернеровъ, что они не имѣютъ входа ко двору, что ихъ лакей носитъ общую всѣмъ лакеямъ простыхъ смертныхъ гороховую ливрею, постоянно увеличивающую церемоніи чиновничьихъ и купеческихъ свадебъ, что, наконецъ, все это ясно доказываетъ ихъ неаристократическое происхожденіе, и вамъ дѣлается ясною, какъ самый ясный лѣтній день, ихъ принадлежность къ міру биржи, спекуляцій, торговыхъ сдѣлокъ и капитала. На музыкальномъ вечерѣ биржевого маклера Размѣннаго, постоянно дающаго въ теченіе пяти или шести послѣднихъ зимъ музыкальные вечера, гдѣ собираются лучшіе заѣзжіе артисты и куда не допускаются армейскіе офицеры — вѣдь и Размѣнный хочетъ быть аристократомъ! — вы тонко справляетесь о размѣрахъ денежныхъ дѣлъ безпокоящаго васъ изящнаго знакомства. «Какія у него тамъ дѣла?— восклицаетъ Размѣнный.—Эти аристократы проѣдаютъ свое наслѣдственное, а не акціями живутъ». Въ эту минуту вы изображаете своею особою восклицательный и вопросительный знаки и сомнительно смотрите съ одной стороны на брильянты супруги изящнаго господина, съ другой — на его свободное обращеніе съ юнымъ княземъ Душкинымъ и барономъ Швальбе. Вамъ кажется, что Размѣнный сейчасъ же шепнетъ вамъ: «А вѣдь это просто оконныя стекла на ней!» Вы ждете, что вотъ-вотъ юный князь Душкинъ нагло скажетъ изящному господину: «Ну, довольно шутить, Васька, прикажи-ка подавать мнѣ карету!» Но все идетъ по-старому: брильянты такъ и признаются всѣми за брильянты; свободное обращеніе съ княземъ такъ и остается

свободнымъ. Васъ подмываетъ желаніе поговорить посерьезнѣе съ княземъ и барономъ о вашихъ общихъ знакомыхъ.

— Далеко пойдетъ нашъ милый Василій Павловичъ, — говорите вы имъ про изящнаго господина.

— Ну, не такую нужно голову, чтобы изъ его круга далеко пойти, — двусмысленно и колко улыбается князь.

— Однако, его связи обширны, вы сами такъ коротко сошлись съ нимъ, — добиваетесь вы разрѣшенія загадки.

— Да, у него прехорошенькая жена, — смѣется князь, вбрасывая въ глазъ стеклышко и разсматривая жену вашего общаго знакомаго.

Баронъ Швальбе вклеиваетъ тоже какую-то французскую фразу, но вы, къ величайшему своему горю, не понимаете ее, такъ какъ на французскомъ языкѣ герцогства Кренвинкель выговариваются одинаково je и chez, faim и femme, что заставляетъ васъ предполагать, будто баронъ видитъ возможность утолить свой голодъ у изящнаго господина и въ то же время вамъ чудится, будто ему нравится жена этого господина. Въ концѣ-концовъ вы начинаете слѣдить за каждымъ взглядомъ этой *жены*, глядите на нее подозрительными глазами, отыскиваете во всемъ ея существѣ какое-то пятнышко, еще невидимое для вашего глаза, но уже угаданное вашимъ свѣтскимъ чутьемъ. Горе ей, если она лишній разъ взглянетъ на кого-нибудь при васъ! Уловивъ этотъ взглядъ, вы вдругъ повеселѣете и изъ вашей груди вырвется многозначительное, страшное, роковое *а-а!*

Обѣды же и музыкальные вечера продолжаются, во ожиданіи этого *а-а*, попрежнему; князь Душкинъ, баронъ Швальбе и вы сами обѣдаете, наслаждаясь музыкой, любезничаете, ѣздите въ домъ изящныхъ знакомыхъ и, мало-по-малу, перестаете тревожиться, когда васъ спрашиваютъ:

— Да что онъ такое?

— А чортъ его знаетъ, — отвѣчаете вы: — у него жена хороша.

— А-а!!

Вы ни на что не намекаете этою фразою, вы ни на кого не клевещете ею; вы просто выражаете этимъ свое мнѣніе о красотѣ такой-то личности, потому что можно же сказать не клевеща на ближнихъ, не оскорбляя ихъ, что у такого-то есть прекрасная картина, чудесная лошадь, красивая собака? Отчего же нельзя сказать, что у такого-то хорошенькая жена?

Таковъ былъ домъ Виктора Владимировича Благово. Въ

немъ все блестѣло заманчивостью новой игрушки, мебель, серебро, обои, разговоры, сами хозяева и ихъ гости. Каждый гость былъ невиданною игрушкою, по крайней мѣрѣ, для его жены, Катерины Ивановны.

— Это мой другъ такой-то, а это моя жена, — говорилъ Благово при каждомъ посѣщеніи того или другого лица, и Катерина Ивановна, какъ дитя, радовалась «игрушкѣ», разсматривала эту «игрушку», дѣлала о ней свои заключенія и иногда мѣшала имена этихъ «игрушекъ». Такъ иной, еще плохо говорящій ребенокъ, называетъ солдатика собакой...

Первый балъ въ дворянскомъ собраніи былъ тоже невиданною игрушкою для Катерины Ивановны, и она сама, въ свою очередь, была такою же невиданною игрушкою для собранія. Ее болѣе всего занималъ ея новый брилліантовый фермуаръ; собраніе не замѣчало его, какъ вещь, давно знакомую всѣмъ, и занималось болѣе всего тѣмъ, что было подъ нимъ. Разбитый на ноги графъ Баумгрилле осклабилъ свои единственные два зуба улыбкой удовольствія, увидавъ Катерину Ивановну, провожаемую съ балу десяткомъ молодежи, и попросилъ ея мужа познакомить его съ нею. Онъ былъ ей представленъ, и всю дорогу она хохотала надъ его единственными двумя зубами...

— Право, я не знаю, что ты могла найти смѣшного въ такой почтенной, достойной уваженія особѣ, — удивлялся Викторъ Владиміровичъ смѣху жены.

— Помилуй, эти клыки... Ха-ха-ха!..

— Вотъ это-то и дурно, что пріучили васъ въ институтѣ смотрѣть только на внѣшность. Вы готовы хвалить каждаго негодяя, дурака, за хорошенькіе глазки, да за бѣлые зубы...

Катерина Ивановна хотѣла посмотрѣть на мужа посерьезнѣе, но вспомнила клыки Баумгрилле и засмѣялась снова. На слѣдующій балъ графъ Баумгрилле искусно устроилъ свиданіе Катерины Ивановны со своею женою такимъ образомъ, что ни графиня не была подведена къ Катеринѣ Ивановнѣ, ни Катерина Ивановна къ графинѣ, но объ сошлись какъ-то случайно, неожиданно на срединѣ залы. Ловкій маневръ былъ устроенъ такъ по той причинѣ, что безобразная, старая графиня, по своему положенію въ свѣтѣ, не могла подойти первая къ какой-нибудь madame Благово, а madame Благово по своей поражающей, выходящей изъ ряду вонъ красотѣ, могла пробить себѣ путь въ свѣтѣ и безъ покровительства какой-нибудь знаменитой (по лѣтамъ

свѣтской жизни) графини Баумгрилле. Здѣсь красота выскочки сравнила ее съ безобразною извѣстностью.

— А съ вами, графиня, кажется, уже знакома,—сказалъ, оскалбляя свои два зуба, Баумгрилле Виктору Владимировичу, представивъ его жену графинѣ.

— Да,—поклонился Благово:—мы...

— Мы знакомы,—прервала его графиня, увидавъ утвердительный поклонъ Благово, и по ея язвительнымъ, тонкимъ губамъ пробѣжала ѣдкая усмѣшка, ясно говорившая, что графиня подумала: «да, голубчикъ, я видала тебя, когда ты таскался съ бумагами къ моему мужу, и много подобныхъ тебѣ гусей я видала, голубчикъ,—ты не первый...»

Викторъ Владиміровичъ почувствовалъ это, хотя и не подозрѣвалъ, что графиня очень неразборчива на выраженія въ бесѣдахъ съ самой собою. Но онъ въ то же мгновеніе поспѣшилъ увѣрить себя, что онъ бывалъ въ домѣ графини не только по дѣламъ, но и какъ гость, какъ знакомый, и утѣшенный этою мыслью, которой самъ не вѣрилъ, снова улыбнулся привѣтливою улыбкою.

— Ты отпятишь ей когда-нибудь визитъ?—мелькомъ спросилъ Баумгрилле жену по уходѣ новыхъ знакомыхъ.

— Да, если не забуду, когда поѣду мимо ихъ дома,—равнодушно отвѣтила жена.

— Вы намѣрены сойтись съ Благово?—спросилъ какой-то гвардеецъ графиню.

— Сойтись?—переспросила графиня и пожала плечами.—Она будетъ на нашемъ балу. Вы знаете мое пристрастіе къ хорошенькимъ ненужностямъ... Кстати, видѣли вы мою новенькую собачку?

— Нѣтъ.

— Чудесное созданіе! Я и ее покажу вамъ во время нашего бала.

Графиня съ саркастическою усмѣшкою кивнула головой и отошла отъ гвардейца.

— Ха-ха-ха!—разразился онъ смѣхомъ.

— Что съ тобой?—спросилъ его стоявшій вблизи пріятель.

— Графиня Баумгрилле будетъ показывать на своемъ балу свою новенькую собачонку и... Ха-ха-ха!—захохоталъ онъ снова, увидавъ проходившихъ мимо Катерину Ивановну и ея мужа.—Я *и ее* вамъ покажу, и ее, c'est adorable! Ха-ха-ха!—заливался гвардеецъ.

Что вы думаете, когда видите человѣка въ тонкой бати-

стовой манишкѣ? Не то ли, что у него подъ нею надѣто плохое бѣлье, что у него нѣтъ средствъ носить лучшее бѣлье и есть непреодолимое желаніе, по крайней мѣрѣ, хоть на однихъ видныхъ мѣстахъ показать образчикъ того сорта полотна, въ который ему хотѣлось бы нарядить свою особу? Но чувствуете ли вы всю неизмѣримую глупость этого человѣка, прикрывшаго грубую дерюгу батистовой заплатой? Кого онъ обманываетъ? Другихъ? Но вѣдь даже ребенокъ сумѣетъ отличить манишку отъ рубашки. Или онъ хочетъ обмануть себя? Но какъ же обмануть себя? И не составляетъ ли именно эта батистовая заплата для него источника вѣчныхъ тревогъ и волненій, не боится ли, не трепещетъ ли онъ каждую минуту, что гдѣ-нибудь высунется ея предательскій клочокъ — обличитель, не видитъ ли онъ въ ней, и только въ ней одной, «удостовѣрительнаго свидѣтельства въ своей бѣдности»? Но сколько тысячъ человѣкъ изъ насъ имѣютъ подобныя манишки; какъ усердно изобрѣтаемъ мы новые сорта подобныхъ манишекъ!

Роль такой батистовой манишки у Благово играла изящность внѣшней стороны его дома, его гостей, его манеръ. Подъ этой манишкой таилось нѣчто другое, очень грубое. Оно усердно скрывалось отъ постороннихъ людей и посторонніе люди еще усерднѣе докапывались до него. Никому, даже и Катеринѣ Ивановнѣ, не были извѣстны матеріальныя средства Виктора Владиміровича, и это безпокоило всѣхъ, за исключеніемъ каретниковъ, портныхъ и другихъ ремесленниковъ, имѣвшихъ дѣло съ Викторомъ Владиміровичемъ, хотя, можетъ-быть, они-то именно и имѣли болѣе всѣхъ другихъ людей основанія безпокоиться на этотъ счетъ. Сверхъ того, у Благово была мать. Сынъ отлично одѣвалъ старуху, въ церкви у нея было опредѣленное мѣсто, гдѣ ставился стулъ и разстилался коврикъ. Она раздавала гроши нищимъ, милостиво разговаривала со сторожемъ, съ благодарностью принимала даровую просфору, и, выходя отъ обѣдни, кланялась безчисленному множеству знакомыхъ по церкви, всегда готовыхъ проводить ее до кареты, чтобы поднять носъ передъ тѣми, кому некого провожать до кареты. Эта старуха родилась въ конурѣ отца-дворника, вышла замужъ изъ палатъ отца-почетнаго гражданина. Она едва знала грамоту; но ей казалось, что она отлично образована, такъ какъ у ея покойнаго отца, у ея покойнаго мужа и у ея еще здравствовавшаго сына собирались отлично образованные люди. Она была пятымъ колесомъ въ колес-

ниѣ этихъ трехъ близкихъ ей существъ, но она показывала всѣмъ, кому могла, и, можетъ-быть, увѣряла даже себя, что она играла и играетъ очень важную роль въ родныхъ гнѣздахъ.

— Когда я у батюшки конторою управляла, — начинала она разговоръ съ новой личностью и, если ее слушали, по цѣлымъ часамъ передавала свои воспоминанія о веденіи конторскихъ дѣлъ, о дружбѣ ея батюшки съ архіереемъ Осодосіемъ, говорившимъ, что ея батюшка могъ бы любой епархіей управлять, о томъ, какъ это было ей лестно, такъ какъ дѣла велись собственно ею, и о другихъ тому подобныхъ и не менѣе интересныхъ событіяхъ минувшаго.

Благово не разрушалъ ея мечтаній. Онъ не рѣшился и выгнать ее вонъ, но просто строгимъ тономъ сказалъ ей:

— Пожалуйста, не говорите вы о своемъ управленіи конторой. Что кому за дѣло до этого?

Съ этого времени старуха стала жаловаться на боль въ ногахъ и, повидимому, вполнѣ была довольна новою темою безконечныхъ вздоховъ и описаній болѣзни, такъ какъ слушатели невольно проникались участіемъ, слыша, что у старухи «и здѣсь стрѣляетъ, и тутъ колетъ, а вотъ тамъ такъ ноетъ, такъ ноетъ, что свѣта Божьяго не видать», и, судорожно скрывая зѣвоту, предлагали разсказчицѣ руку, если ей было нужно дойти отъ дивана до дверей.

— Что это вы все о своихъ ногахъ толкуете, вѣдь это тоску наводитъ, — сказалъ Благово и посовѣтовалъ матери сидѣть въ своей комнатѣ, если она больна.

Съ этого времени старуха не появлялась между гостями, но только изрѣдка, во время собраній у сына, рисковала медленною, разслабленною походкою протащиться черезъ гостиную и, кивая головой тѣмъ и другимъ изъ знакомыхъ, говорила, махая рукой:

— Совсѣмъ расклеилась, совсѣмъ расклеилась, батюшка, не могу даже и посидѣть съ вами.

Знакомые поддерживали ее подъ руку и доводили до дверей.

— Спасибо, спасибо вамъ, — говорила она. — Ужъ видно недолго мнѣ бродить по бѣлу свѣту.

Всѣ приходили въ уныніе, а Благово косился и чутко слушалъ, не скажетъ ли мать какой-нибудь чепухи, не заговоритъ ли объ управленіи батюшкиной конторой или о болѣзни своихъ ногъ съ людьми, занятыми послѣдней рѣчью Жюля Фавра противъ Луи-Наполеона и распоряженіями Линкольна относительно южанъ. Старуха приходила въ свой

уголъ и говорила какой-нибудь горничной или знакомой, посѣщавшей ее съ черной лѣстницы:

— Не могу я съ ними сидѣть, а ужъ какъ упрашиваютъ, какъ жалѣютъ. И что я имъ! Ужъ не пара, кажется, молодежи, дура-старуха...

— Ахъ, что вы, матушка!—восклицала собесѣдница, думая про себя:—ужъ дѣйствительно дура ты старая, только что вотъ у тебя въ сундукѣ-то, хотѣлось бы знать. — Да вы, матушка,—добавляла она вслухъ:—всѣхъ молодыхъ за поясъ заткнете.

— Ну, нѣтъ, не то теперь время, а вотъ, когда я у батюшки конторой управляла...

Далѣе шелъ обычный, длинный-предлинный разсказъ...

Старуха любила читать газеты, и иногда въ тѣсномъ семейномъ кружкѣ толковала о прочитанномъ.

— Да кто это Жуль-то Фаврь?—спрашивала она у сына во время обѣда.

— Адвокатъ,—отвѣчалъ Викторъ Владиміровичъ и поспѣшно начиналъ разговоръ съ единственнымъ находившемся въ комнатѣ гостемъ.

— Это то же, что у насъ стряпчій, выходитъ?

— Почти,—вскользь отвѣчалъ Благово изъ приличія.

— Такъ чего же его не посадятъ въ тюрьму за такія рѣчи? Удивляюсь я, право, что тамъ за люди, съ этакой мелюзгой справиться не могутъ,—говорила старуха.

Викторъ Владиміровичъ смотрѣлъ въ тарелку, гость кусалъ губы, а старуха продолжала соображать; въ комнатѣ воцарялась неловкая тишина...

Тяжелымъ бременемъ лежало это существо на плечахъ Благово. Это понимали всѣ, и тщетно старался онъ говорить знакомымъ, при разговорѣ о матери: «да, вотъ мы съ матушкой все не можемъ за границу собраться, а ей нужно бы, она все хвораетъ». Слушая эту фразу, люди думали, что сынъ радъ бы отправить мать не за границу Россіи, но за границу міра сего, гдѣ нѣтъ ни батюшкиныхъ конторъ, ни больныхъ ногъ, и всѣхъ мучилъ вопросъ: почему онъ держитъ ее у себя? Прислуга съ свойственнымъ ей цинизмомъ говорила, что не будь у старой барыни кованаго сундука и ее вытурили бы изъ дома...

Старуха берегла этотъ сундукъ пуще глаза, никому не довѣряла отъ него ключей, никому не говорила, что въ немъ есть, и при переѣздахъ на новыя квартиры заботилась пуще всего о немъ, такъ что его отправляли обыкно-

вение не на волу, а перевозили въ коляскѣ имѣетъ со старухой. Что бы въ немъ ни было, но мы можемъ сказать одно, что между другими сокровищами тамъ, вѣроятно, лежалъ дорогой для старухи ключъ отъ сыновней привязанности и сыновняго уваженія Благово... А еще что? Да, можетъ-быть, больше ничего,—вѣдь и передо мной она не открывала своего сундука.

XII.

Въ этомъ микроскопическомъ мірѣ, гдѣ люди требуютъ комедій и играютъ ихъ сами, Катеринѣ Ивановнѣ, какъ мы видѣли, жилось не скучно. Жизнь была, повидимому, такъ полна содержаніемъ, захватила такое широкое пространство въ своемъ теченіи, что не оставляла ни на минуту человѣка одного въ жертву праздной скукѣ. Новый балъ, первое представленіе непграннной пьесы, заказъ платья для предстоящаго вечера въ собраніи, хлопоты по устройству офиціальнаго обѣда, интересный романъ, толки о газетныхъ извѣстіяхъ, пикантныя выходки однихъ ближнихъ на счетъ другихъ ближнихъ, наконецъ даже смѣшная старуха-мать мужа со своими наивностями, все это занимало Катерину Ивановну, и какъ-то странно, какъ-то мелочно казалось ей житье невѣсты ея брата, Лизаветы Васильевны Глазовой, которую она иногда посѣщала, чтобы сдѣлать удовольствіе брату, живущему въ то время въ деревнѣ. Въ этомъ житьѣ-бытьѣ было что-то слишкомъ будничное, прозаическое, даже мѣщанское, всѣ появлявшіеся здѣсь люди хлопотали только о хлѣбѣ, и съ чувствомъ грусти прислушивалась Катерина Ивановна къ разговорамъ этого кружка.

— Достала ли работу Тебенькова?—спрашивала какъ-то Лизавета Васильевна у одного изъ своихъ хорошихъ знакомыхъ—Кравцева.

— Достала.

— Ну, значитъ, перебьется покуда. А что Лобковъ?

— Чортъ дернулъ его сойтись съ спекуляторами, за переводъ денегъ не отдаютъ, шельмецы. Жрать нечего. Вчера книги сбылъ.

Водворилось тяжелое молчаніе. Катерина Ивановна попробовала заговорить о литературѣ, потомъ о театрѣ и увлеклась воспоминаніями о послѣднемъ спектаклѣ. Лизавета Васильевна слушала ее молча и, кажется, думала совсѣмъ о другомъ.

— А вотъ у насъ такъ свои драмы разыгрываются и

денегъ за смотрѣнье платить не нужно,—неожиданно процѣдилъ сквозь зубы Кравцевъ.

Разговоръ прервался. Катеринѣ Ивановнѣ стало какъ-то неловко, ей было досадно на безцеремонность Кравцева. Черезъ нѣсколько минутъ онъ уѣхала домой и всю дорогу жалѣла о своемъ братѣ, Ванѣ, которому суждено жить въ этой «жалкой средѣ съ жалкими стремленьицами и узенькимъ кругозоромъ». Послѣ одного изъ подобныхъ визитовъ, которые были очень рѣдки, она пріѣхала домой какъ-то необыкновенно торопливо и поспѣшно вошла въ залу.

— Витя, братъ пріѣхалъ,- сказала она и въ ту же минуту воскликнула:—Ваня, да ты уже здѣсь, а я такъ спѣшила.

Викторъ Владиміровичъ, прилично случаю, улыбнулся. Иванъ Ивановичъ пожалъ руку сестры. Начались толки.

— Я узнала о твоемъ пріѣздѣ у Лизы, — говорила сестра.—Ну, что наши?

— Хандрятъ.

— Гдѣ вы остановились?- спросилъ Викторъ Владиміровичъ, желая изъ приличія предложить Ивану Ивановичу переѣхать на время къ нимъ.

— Въ семействѣ моей невѣсты.

— Мм...—почему-то смѣшался приличный Благово и поспѣшно всталъ.—Вы меня извините, я уѣду на полчаса по дѣламъ. Надѣюсь, что вы пробудете у насъ до вечера.

— Нѣтъ. Съ часъ, можетъ-быть, посижу.

Викторъ Владиміровичъ откланялся.

— Такъ я тебя и отпущу!—воскликнула Катерина Ивановна, обращаясь къ брату.

— Нужно побывать у товарищей.

— Вѣрно кому-нибудь хлѣба недостало, — разсмѣялась Катерина Ивановна въ отвѣтъ на слова брата.

— Какъ хлѣба недостало?

— Да, Ваня, ты меня извини, но мнѣ, право, смѣшно, что въ кругу Лизы только и толкуютъ о рубляхъ да о хлѣбѣ.

— Что-жъ тутъ смѣшного? Объ этомъ вездѣ толкуютъ.

— Знаю. Но не объ одномъ этомъ толкуютъ другіе, иные говорятъ и о другомъ. Знаешь ли, мнѣ становится иногда скучно у нихъ, такъ и напоминаютъ эти толки о хлѣбѣ нашъ деревенскій домъ, гдѣ только объ ѣдѣ и думали.

— Нашла сходство! Тамъ людямъ ѣда въ горло не шла, а тутъ люди не знаютъ, гдѣ найти кусокъ хлѣба.

— Да что же они не служатъ?

— Ты бы поискала имъ хорошихъ мѣстъ!.. Однако, мнѣ пора ѣхать, нечего золотое время терять. Заѣзжай, если хочешь, въ воскресенье ко мнѣ на свадьбу. Не опоздай только, я въ два часа вѣнчаюсь.

Въ обращеніи Ивана Ивановича съ сестрою былъ какой-то холодный, отчасти пренебрежительный тонъ. Они не видались давно, веселая болтовня писемъ Катерины Ивановны убѣдила ея брата въ томъ, что она неисправима, и онъ не считалъ нужнымъ серьезно убѣждать ее въ чемъ бы то ни было. Его барская натура не была способна къ рѣзкой откровенности; расходясь съ человѣкомъ во взглядахъ, онъ дѣлался съ нимъ холоденъ, но оборвать связи или перетянуть человѣка на свою сторону не могъ.

Черезъ недѣлю послѣ своего пріѣзда въ городъ Иванъ Ивановичъ женился; мѣсяца черезъ два онъ пристроился при редакціи одной газеты и зажилъ той тихою жизнью, на какую былъ способенъ по своему мягкому, податливому характеру. Вокругъ него собирался кружокъ молодежи, онъ давалъ ей по возможности работу, работалъ самъ для газеты, не мирился съ обществомъ, но мирился со своею судьбою и радовался, что въ его домѣ собираются честные люди. Иногда онъ заѣзжалъ для чего-то къ сестрѣ, иногда она заѣзжала къ нему, оба были довольны исполненіемъ обряда родственныхъ свиданій, хотя и не чувствовали въ этомъ никакой необходимости, они могли видѣться чаще, могли видѣться рѣже — и все-таки никто изъ нихъ не замѣтилъ бы отъ этого никакой перемѣны. Однажды выдался такой день, что Катерина Ивановна не знала, какъ бы его убить (а такіе дни въ послѣднее время являлись все чаще и чаще), вслѣдствіе этого она рѣшилась ѣхать къ брату. Въ его маленькой квартирѣ она застала совершенно незнакомую ей личность. Это былъ человѣкъ лѣтъ двадцати восьми или девяти, красивый и мужественный; его загорѣлое лицо было холодно и спокойно. Подобная отталкивающая холодность и спокойствіе могли бы очень непріятно подѣйствовать на встрѣчнаго, если бы на лбу незнакомца не было слѣдовъ двухъ-трехъ морщинъ, говорившихъ о чемъ-то тяжеломъ, пережитомъ имъ. Разговоръ шелъ о разныхъ разностяхъ. Лизавета Васильевна сообщала гостю о событіяхъ послѣдняго времени, точно это существо явилось съ того свѣта, или изъ какого-нибудь подземелья и потому

не знало ничего о происходившемъ на землѣ за послѣдній годъ. Мало-по-малу, разговоръ коснулся лицъ, знакомыхъ и Катеринѣ Ивановнѣ, и сдѣлался общимъ. Лизавета Васильевна хвалила знакомую ей молодежь за трудолюбіе.

— Не говори, пожалуйста, съ такимъ пафосомъ объ этой молодежи,—сказала ей Катерина Ивановна.—Старики побольше ихъ работаютъ, я это знаю по Витѣ, а эти больше проповѣдуютъ о трудѣ, вотъ какъ Андреевъ проповѣдывалъ.

— Что-жъ изъ этого? Андреевъ не составляетъ всей молодежи,—возразила Лизавета Васильевна.

— Конечно, не составляетъ, но подобныхъ ему очень непривлекательныхъ личностей много. Вотъ и любимый твой шутъ Кравцевъ...

— Онъ не шутъ,—рѣзко произнесъ незнакомый Катеринѣ Ивановнѣ человѣкъ и поблѣднѣлъ.—Шутовствомъ не накормишь себя, не поднимешь на ноги брата. Тутъ нужно что-нибудь побольше шутовства.

Катерину Ивановну немного покоробило отъ этой рѣчи, не слишкомъ приличной для перваго знакомства. Въ кружкѣ ея мужа люди дѣлали свои возраженія въ болѣе мягкой формѣ.

— Ну, не шутъ, такъ еще хуже, пьяница,—раздражилась она.

— Вы вѣрно злы на молодежь, такъ и даете ея членамъ клички негодяевъ и пьяницъ. А если бы изъ стариковъ какой-нибудь чиновникъ нажился взятками, или важный начальникъ отдѣленія пріѣхалъ домой пьянымъ изъ собранія, то вы, вѣрно, сказали бы про перваго, что онъ пользуется безгрѣшными доходами, а про второго, что онъ подкутилъ. Только выраженія благородныя.

Катерина Ивановна закусила губу, вспомнивъ, что ея мужъ живетъ на неизвѣстныя ей средства и два раза въ недѣлю возвращается домой подкутившимъ. Она разсердилась на неизвѣстнаго ей гостя и мысленно назвала его грубіяномъ, мужикомъ, не предполагая, что онъ привелъ свои примѣры безъ всякаго умысла обидѣть ее лично.

— Ну, да что вы ни толкуйте, а я все-таки не упаду на колѣни передъ вашей молодежью,—сказала она съ гримасой.

— И я не падаю передъ ней на колѣни. Тутъ дѣло идетъ не о томъ, у кого нужно валяться въ ногахъ. Вездѣ свое хорошее, вездѣ свое дурное. А и сердиться огуломъ на молодежь за то, что Андреевъ баклушникъ, или за то,

что бѣдный Кравцовъ пьетъ, я не стану. Этакъ мнѣ пришлось бы бросить камнемъ и во всѣхъ молодыхъ женщинъ за то, что вотъ вы, напримѣръ, принадлежа къ молодому поколѣнію по лѣтамъ, ненавидите молодежь и не считаете необходимымъ жить на трудовыя деньги. Все дѣло среды, воспитанія, развитія. Бросить камень въ молодыхъ женщинъ за вашу ненависть къ молодежи, я полагаю бы имъ, пожалуй, и въ Лизавету Васильевну, которая вотъ и теперь считаетъ за лучшее шить чужое платье, а не бить баклуши, подобно намъ съ вами.

— Вы это называете битьемъ баклушъ? А, можетъ-быть, я начала разговоръ, чтобы вы меня убѣдили въ истинѣ своихъ взглядовъ, сдѣлали своею сторонницею,—улыбнулась Катерина Ивановна.

— Для чего же?—холодно спросилъ незнакомый человѣкъ.—Не все ли равно для меня, такъ или иначе будете вы смотрѣть на дѣло?

— Однако, всѣ люди съ убѣжденіями вербуютъ себѣ адептовъ.

— То-есть помощниковъ, ну, а вы-то плохой помощникъ были бы для насъ. Намъ нужны работники и работницы, а къ этому нужна привычка.

— Вы изгоняете ученика, пришедшаго къ вамъ учиться,— съ иронію воскликнула Катерина Ивановна:—и онъ уйдетъ въ лагерь вашихъ противниковъ, примкнетъ къ старикамъ!

Она мелькомъ взглянула въ зеркало на свое молоденькое личико и улыбнулась при мысли, что она будетъ принадлежать къ числу стариковъ и старухъ. Незнакомецъ, повидимому, не любившій ни барынь, ни кокетливыхъ фразъ, ни битья баклушъ, нахмурилъ брови и взялся за фуражку.

— Это вы отъ меня пускаетесь въ бѣгство?—спросила, смѣясь, Катерина Ивановна.

Незнакомецъ хотѣлъ-было сказать: «что ты на шею-то вѣшаешься ко мнѣ?» но удержался и, сухо раскланиваясь съ нею, пожалъ руку Лизаветы Васильевны и вышелъ.

— Вотъ звѣрь-то! — воскликнула Катерина Ивановна послѣ его ухода.

— Это Крючниковъ. Онъ добрый и честный человѣкъ,— отвѣтила Лизавета Васильевна.—Я ему многимъ обязана. Онъ доставлялъ мнѣ работу до моего замужества, заботился обо мнѣ. Онъ всѣмъ намъ помогалъ...

— Вотъ ужъ не думала я, чтобы онъ могъ о комъ-нибудь заботиться, онъ кажется такимъ извергомъ.

— Онъ очень практиченъ, но не черствъ. Правда, онъ пальца о палецъ не стукнетъ для человѣка, не разсчитавъ прежде, можно ли пособить или нѣтъ.

— То-есть, если кто-нибудь будетъ тонуть, то онъ сперва станетъ разсчитывать шансы успѣха и рѣшится на спасеніе ближняго, когда тотъ уже захлебнется?

— Ну, этого-то я не думаю, а все-таки онъ говоритъ: если не умѣешь плавать, то не бросайся спасать утопающаго, чтобы не утонули два человѣка вмѣсто одного.

Катерина Ивановна вздрогнула, услышавъ это черствое, безпощадное правило.

— Съ этими правилами героевъ не выйдетъ,—сказала она съ отвращеніемъ, и въ то же время, неизвѣстно почему, подумала: «а какое у него геройское лицо!»

— Онъ и не любитъ героевъ, какъ неестественныя явленія, вызываемыя неестественнымъ положеніемъ обществъ.

— Однако, и безъ нихъ нельзя обойтись.

— Конечно! Это и онъ признаетъ. Въ прошломъ году ему даже пришлось поплатиться за свое геройство. Мы годъ не видали его. Ему пришлось просидѣть въ крѣпости.

— А-а! Въ каменномъ идолѣ сказалось сердце!

Лизавета Васильевна разсмѣялась.

— Чему ты смѣешься, Лиза?

— Ты, душа моя, дала ему кличку, которою онъ обозначаетъ всѣхъ васъ, богатыхъ женщинъ.

— Ну, ужъ мы-то не каменные идолы!

— По его выходитъ такъ. Ихъ, говоритъ онъ,—одѣваютъ, поятъ, кормятъ на свой счетъ мужья, братья, отцы, и въ нихъ никогда не пробуждается ни малѣйшаго чувства горечи или стыда передъ тѣмъ, что онѣ принимаютъ эти жертвы, иногда стоящія и поту, и крови, и чести...

— Почему онъ знаетъ, что не пробуждается,—раздражительно замѣтила Катерина Ивановна.—Что онъ за сердцевѣдъ? Всѣ они такъ про другихъ судятъ!

— Но, другъ мой, богатыя женщины принимаютъ жертвы, имѣя всегда возможность не принимать ихъ, значитъ, имъ это пріятно. Кто же заставилъ бы ихъ дѣлать непріятное имъ?

Катерина Ивановна опустила голову и сконфуженно начала перебирать бахрому широкой ленты отъ кушака. Лизавета Васильевна продолжала шить и не замѣтила этого, но черезъ четверть часа ее внезапно поразило длившееся молчаніе, она взглянула съ удивленіемъ на Катерину Ива-

невну, оставшуюся въ томъ же положеніи глубокаго раздумья. Катерина Ивановна инстинктивно почувствовала этотъ пристальный взглядъ, тряхнула головой, какъ бы желая стряхнуть что-то давившее ее, и встала.

— Куда ты? Подожди Ваню, онъ скоро будетъ,—сказала Лизавета Васильевна.

— Нѣтъ: мнѣ что-то не по-себѣ,—отвѣтила Катерина Ивановна и провела рукой по лбу.

— Голова болитъ?

— Нѣтъ... да... такъ что-то...

Лизавета Васильевна покачала головой, проводила невѣстку и снова принялась за работу.

XIII.

Графъ Баумгрилле чаще другихъ посѣтителей появлялся въ гостиной Катерины Ивановны. Это была странная, оригинальная личность. Отъ своихъ сверстниковъ по лѣтамъ, по положенію въ свѣтѣ, по мѣсту въ балетахъ, онъ отличался очень рѣзко. Тѣ подбивали себя въ приличныхъ мѣстахъ ватою, раскрашивались карминомъ, бѣлилами и черною краской, рядились въ парики, набивали ротъ вставными зубами, онъ же ничего этого не дѣлалъ и являлся въ полномъ блескѣ своего старческаго безобразія, съ желтой, сухой кожей, рѣзко выдававшимися костями и осклаблялъ свои единственные два желтые клыка, когда про его лицо говорили его же словами: «ah, c'est une belle laideur!» Катерина Ивановна иногда едва сдерживала свой смѣхъ при видѣ его лица, иногда же невольно заслушивалась рѣчей старика. Часто, облокотясь на каминъ, онъ бросалъ свои остроты, насмѣшки и сарказмы знакомымъ, часто вызывалъ неудержимый хохотъ мѣткой обрисовкой какого-нибудь событія или лица, еще чаще пугалъ своимъ безпощаднымъ презрѣніемъ къ лучшимъ стремленіямъ человѣческой личности. Катерина Ивановна назвала однажды при немъ кого-то честнымъ.

— Что же онъ, очень глупъ, или очень сытъ?—спросилъ Баумгрилле, прищуривая глаза.

Какъ-то разговоръ зашелъ о смерти одного великаго моралиста.

— Я его видѣлъ только разъ,—ввернулъ Баумгрилле свое словцо:—это было въ тотъ вечеръ, когда его били за передернутую карту.

О произведеніяхъ русской литературы онъ отзывался слѣдующимъ образомъ:

— Это все переводы. Лучшіе переведены на русскій языкъ съ иностранныхъ языковъ, худшіе—съ русскаго.

Разъ онъ злословилъ одну женщину, Катерина Ивановна вступилась за нее.

— Клеймить другихъ легко,—сказала она.

— Напротивъ того, это просто невозможно, — отвѣтилъ Баумгрилле.—Клеймо человѣкъ всегда кладетъ на себя самъ: общество только, изъ чувства самосохраненія, старается замѣтить, кто уже заклеймилъ себя и кто еще не успѣлъ.

О любви онъ говорилъ съ полнымъ презрѣніемъ:

— Красота, молодость, честность тутъ не нужны, нужны только деньги и умъ.

— Однако, деньгами купить не всякаго можно,—возражали ему.

— Я этого и не говорю,—осклаблялъ онъ свои клыки:— но тщеславнымъ очень лестно, если ихъ полюбитъ сильный умъ, тутъ самолюбіе заставитъ забыть самую безобразную внѣшность. Ну, а подленькихъ всегда купить можно...

Слушая подобныя выходки, Катерина Ивановна желала понять, что въ нихъ таилось: сильный ли умъ, обширная ли начитанность, или просто высокомѣрное, циническое презрѣніе ко всему окружающему. Во всякомъ случаѣ ее забавлялъ старикъ, а забавляться было необходимо нужно, такъ какъ ей начинала немного надоѣдать однообразная, даже въ самомъ своемъ разнообразіи, жизнь: сегодняшній балъ походилъ на вчерашній, новый скандалъ на старый, послѣдняя рѣчь Жюля Фавра или Тьера на прошлогоднюю, а впереди стояли еще многіе, несчитанные годы съ тѣми же балами, скандалами и рѣчами Жюля Фавра, Тьера или кого-нибудь другого. Чего же было нужно еще? Катерина Ивановна не могла отвѣтить на это, но она уже понимала, что то, чѣмъ она живетъ, ей не нужно и могло бы не существовать, не сдѣлавъ ее болѣе несчастною. Разъ она не поѣхала на балъ, провела вечеръ за книгою, на другой день она не замѣтила въ себѣ отъ этого никакой дурной перемѣны. Другой разъ ей передали не во-время, а только черезъ недѣлю, объ одномъ скандалезномъ происшествіи, и она пила, ѣла и была, по обыкновенію, въ хорошемъ расположеніи духа въ эту недѣлю. Былъ еще случай, что ей не подали газетъ съ парламентскими рѣчами и громящими фельетонами, и она вспомнила объ этомъ только на другой

день при видѣ газеты въ рукахъ мужа. Что же это за необходимыя потребности жизни, безъ которыхъ можно обойтись? Гдѣ же лучшая жизнь? Въ молодой головкѣ снова начали роиться вопросы.

Въ началѣ зимы 1862 года у графа Баумгрилле былъ балъ. Катерина Ивановна, по совѣту мужа, появилась на этомъ балу вся въ бѣломъ. По его же совѣту, она не надѣла ничего изъ своихъ золотыхъ вещей, кромѣ простенькихъ серегъ, состоявшихъ изъ двухъ крупныхъ брильянтовъ. Эта простота произвела желанное впечатлѣніе на общество. Общество увидало, что такой красавицѣ, какъ madame Благово, не нужно украшеній, и удивлялось ей, какъ удивлялась когда-то провинціальная публика, глядя на нее въ тотъ достопамятный день, когда съ нею познакомился Викторъ Владиміровичъ. На другой день послѣ бала Катерина Ивановна сидѣла со своимъ мужемъ за чайнымъ столомъ въ своей роскошной столовой. Мужъ пробѣгалъ глазами столбцы только-что полученныхъ газетъ, изрѣдка прихлебывая чай. По его лицу пробѣгала улыбка, глаза часто отрывались отъ газетнаго листа, и этотъ листъ слишкомъ быстро переворачивался въ рукахъ Виктора Владиміровича. Было замѣтно, что свѣжія новости не слишкомъ занимали въ это утро нашего приличнаго героя. Наконецъ, онъ отложилъ въ сторону газету.

— Ты вчера одержала побѣду,— сказалъ онъ, помѣшивая ложкой въ стаканѣ.

— Надъ кѣмъ это?— спросила, смѣясь, Катерина Ивановна.

— Надъ нашимъ старикашкой Баумгрилле. Онъ просто очарованъ тобою. Я думаю, сегодня заѣдетъ къ намъ.

— Очень нужно!

— Еще какъ нужно-то, душа моя. Пожалуйста, будь съ нимъ любезна.

— Я, кажется, со всѣми любезна.

— Да, да, со всѣми... Но, знаешь, старика надо потѣшить...

На минуту Викторъ Владиміровичъ замолчалъ. Какое-то почти неуловимое выраженіе нерѣшительности проскользнуло по его лицу. Онъ началъ мѣшать въ стаканѣ и устремилъ свои глаза на чай, какъ бы избѣгая взглядовъ жены.

— Ты, дитя мое,— началъ онъ ласково:— не все знаешь, что дѣлается кругомъ тебя. Ты живешь, веселишься и не думаешь, что можетъ случиться что-нибудь такое, что пре-

рветъ твое веселье. Для того, чтобы этого не случилось, нужно беречь, привязывать къ себѣ извѣстныхъ людей...

Катерина Ивановна съ изумленіемъ поглядѣла на мужа и потомъ съ какимъ-то отвращеніемъ встала изъ-за стола.

— Ты больше не будешь пить чаю?—сухо спросила она.

— Нѣтъ. Но куда же ты идешь?

— Къ себѣ иду. Что же здѣсь сидѣть?

— Вотъ мило, вы, кажется, изволили надуться. Отчего это?

— Я думаю, ты самъ знаешь, что твои слова отвратительны. Мнѣ совсѣмъ не хочется играть роль удочки, на которую ловится расположеніе начальства.

— Экъ, какъ въ тебѣ развили воображеніе-то въ институтѣ! Тебѣ сейчасъ кажутся разные ужасы и драмы. Тебя просятъ быть любезною съ нужнымъ человѣкомъ, а ты выдумываешь чортъ знаетъ что,—вдругъ раздражился Благово, какъ всегда раздражаются люди, если кто-нибудь угадалъ ихъ тайныя, тщательно скрываемыя мысли. — Пора выйти изъ ребячества и понять, что если мы любезны съ ненужными людьми, то тѣмъ болѣе должны мы быть любезны съ нужными. Или ты думаешь, что надо ласкать незнакомыхъ, безполезныхъ людей, а если человѣкъ дѣлаетъ пользу, заботится о насъ, то за это нужно его вытолкать въ шею.

Послѣднія слова были сказаны насмѣшливымъ тономъ. Катерина Ивановна безмолвно дослушала ихъ и вышла изъ комнаты.

Викторъ Владиміровичъ взялся снова за газету и, удобно развалившись въ креслѣ, сталъ дочитывать новѣйшія политическія извѣстія. Его благообразное лицо было безмятежно, спокойно, но немъ нельзя было узнать, что дѣлалось внутри этой административной головы, украшенной англійскимъ проборомъ. Только слишкомъ частое переворачиваніе газеты обличало, что чтецъ очень невнимательно читаетъ о разныхъ новостяхъ.

Въ тотъ же день, когда Виктора Владиміровича не было дома, пріѣхалъ графъ Баумгрилле и велѣлъ доложить о себѣ Катеринѣ Ивановнѣ. Въ этомъ визитѣ не было ничего необыкновеннаго, но молодая женщина смотрѣла въ этотъ день на посѣтителя съ недовѣріемъ и взвѣшивала каждое его слово. Ее покоробило, когда онъ сталъ разсыпаться передъ нею въ любезностяхъ, назвалъ ее восхитительною, воздушною феею, побожился, что еще послѣ двухъ-трехъ баловъ она сведетъ съ ума петербургское общество и проч., и проч.

Все это было круто и ловко выточено на французскомъ языкѣ и высказано съ такимъ жаромъ, какъ-будто у этого человѣка не было никакого другого дѣла, болѣе важнаго и близкаго его сердцу. Хозяйка хмурилась, это не ускользнуло отъ вниманія гостя.

— Не сердитесь на старика, что онъ любуется вашею цвѣтущею молодостью, — замѣтилъ Баумгрилле мягкимъ голосомъ.— Мнѣ позволительно мой восторгъ, я гожусь вамъ въ дѣды. Сверхъ того, вы пробуждаете во мнѣ столько не то тяжелыхъ, не то сладкихъ воспоминаній. Вѣдь мы, старики, только прошлымъ и живемъ...

Баумгрилле помолчалъ.

— Кто не живетъ полной жизнью,—началъ онъ снова:— тотъ хочетъ, по крайней мѣрѣ, видѣть, какъ живутъ другіе. Это только и можетъ радовать насъ. Заго и отзывается на насъ больнѣе, чѣмъ на другихъ, когда вдругъ случайно померкнетъ какая-нибудь, подобная вашей, цвѣтущая жизнь... Вѣдь это мы своихъ дѣтей хоронимъ...

Въ голосѣ Баумгрилле звучала какая-то искренняя, тихая грусть. Это изумило и отчасти заинтересовало Катерину Ивановну, не знавшую никакихъ свѣтскихъ закулисныхъ событій прошлаго, а значитъ, и событій изъ жизни графа Баумгрилле. Молодая женщина вертѣлась въ свѣтскихъ кружкахъ, носила приличное своему положенію въ обществѣ платье, но въ душѣ она была все тою же неопытною институткою.

— Скажите, вы... вы потеряли кого-нибудь изъ близкихъ?— спросила она, запинаясь.

— Какъ вамъ сказать? — задумчиво проговорилъ Баумгрилле.— Мы не были родными... Но передо мной расцвѣталъ прекраснѣйшій цвѣтокъ. Въ теченіе десяти лѣтъ я привыкъ лелѣять его... Это было прекрасное, нѣжное созданіе... Мнѣ думалось, что я, закрывая навсегда свои старые глаза, буду любоваться на его цвѣтущую весну, благословлять его на жизнь,—и вдругъ простуда, горячка, смерть—и у меня было отнято все... И какъ это все переживетъ сердце!.. Вотъ вѣдь и живъ, и здоровъ, и снова шатаюсь праздно по гостинымъ.

Баумгрилле опустилъ голову на грудь. Онъ стоялъ, прислонясь спиной къ камину и засунувъ руку подъ жилетъ. Катерина Ивановна была серьезна и молчала, разсѣянно глядя на коверъ. Она не видала выраженія лица гостя, но если бы и видѣла, то едва ли бы сумѣла прочитать по

немъ то, что происходило въ этой старой, хитрой головѣ.

— Госпожа Бѣльская,—доложилъ лакей.

— Проси!—очнулась Катерина Ивановна, какъ-будто отъ долгаго, тяжелаго сна, и лѣниво приподнялась съ кресла.

— Прощайте!—проговорилъ Баумгрилле, проводя рукой по лбу.—Я нагналъ на васъ скуку, хорошо еще, что не уснули. Не веселы бесѣды стариковъ; теперь отдыхайте за толками о модахъ.

— Вы ошибаетесь, это не чувство скуки,—пробормотала Катерина Ивановна и пожала руку гостя, голосъ котораго уже дрожалъ его обычной ироніей.

Его пожатіе было крѣпкое, долгое; казалось, онъ благодарилъ за что-то хозяйку. Въ дверяхъ онъ встрѣтился и сухо раскланялся съ госпожею Бѣльскою.

— Что съ вами?—спросилъ она у Катерины Ивановны послѣ обычныхъ привѣтствій.

— А что?

— Вы блѣдны и въ слезахъ.

Катерина Ивановна вспыхнула и только теперь замѣтила, что по ея щекамъ катились двѣ-три слезинки.

— Баумгрилле виноватъ,—улыбнулась она, поднося къ лицу платокъ.—Онъ мнѣ разсказалъ грустную исторію... Вы не слыхали, кого онъ потерялъ?

— Я думаю, это и вы слышали.

— Нѣтъ... Откуда же?

— Откуда? Объ этомъ весь городъ говорилъ. Это скандалъ. Ея фамилія—Гордѣева... Онъ жилъ съ нею... Онъ бросилъ жену и дочерей для нея...

— Но онъ живетъ же съ ними...

— Да, теперь, съ прошлаго года... Но онѣ были брошены имъ до дня ея смерти... Боже мой, что было въ этотъ день, что было послѣ!.. Онъ на улицахъ плакалъ, онъ въ обществѣ не стѣснялся говорить: «Кто меня теперь полюбитъ?» Это было что-то такое позорное, такое наглое...

— Но вѣдь онъ любилъ ее!—вырвалось изъ глубины души у Катерины Ивановны.

— Любилъ?—холодно пожала плечами Бѣльская.—Нѣтъ, онъ, по обыкновенію, бросалъ перчатку въ лицо своимъ знакомымъ, нарушая ихъ нравственность, ихъ приличія; онъ ехидно радовался, когда общество бѣгало утѣшать его въ его безнравственномъ горѣ, и ехидно смѣялся, зная, что эти люди боятся потерять одного изъ послѣднихъ остряковъ,

развлекающихъ праздную скуку. Любилъ! Но до Гордѣевой онъ такъ же любилъ mademoiselle Laurent, а прежде Наташу Толмачеву... И тогда были слезы, и тогда десятки людей, все общество своими утѣшеніями какъ бы признавали за нимъ право имѣть любовницъ при живой женѣ... Бѣдная жена и теперь ждетъ, кто займетъ мѣсто Гордѣевой... Желающихъ много...

Въ послѣднихъ словахъ было что-то, что заставило вздрогнуть Катерину Ивановну. Она страннымъ взглядомъ оглядѣла комнату, точно боялась, что гдѣ-нибудь за портьерой притаился Баумгрилле и ехидно осклабляетъ свои единственные два зуба, какъ постоянно осклабляются они въ обществѣ ехидною усмѣшкою. Въ этой усмѣшкѣ графа, кромѣ ехидства и насмѣшливости, обыкновенно выражалось сознаніе своего умственнаго превосходства надъ всѣмъ окружающимъ, и вслѣдствіе этого сознанія выражалось въ ней и презрѣніе къ умственному и нравственному убожеству большей части человѣчества. Катеринѣ Ивановнѣ представлялась теперь въ полномъ блескѣ и во всей своей силѣ эта усмѣшка, и слышался ей дрожащій внутреннимъ саркастическимъ смѣхомъ голосъ Баумгрилле, шептавшій:

— Глупое, глупое дитя! Только такими глупостями и можно вызвать твои слезы!!

XIV.

Катерина Ивановна негодовала на себя за неумѣнье жить въ свѣтѣ, за то, что она поддалась хитрой выходкѣ стараго Донъ-Жуана Баумгрилле и некстати расчувствовалась, за то, что не умѣла во-время скрыть свои непрошенныя слезы и такъ неловко заступилась за графа передъ Бѣльскою. Еще болѣе негодовала молодая женщина на мужа, и впервые закралось въ ея душу какое-то непріязненное чувство къ нему. Подъ вліяніемъ этихъ ощущеній она поѣхала къ брату, чтобы разсѣяться и забыться. У брата сидѣло нѣсколько человѣкъ гостей, и, между прочимъ, шли обычные разговоры о бѣдности, о трудности свести концы съ концами и не умереть съ голоду.

— Да стоитъ ли столько заботиться, чтобы жить!—воскликнула Катерина Ивановна.—Право, жизнь такъ пуста, что изъ-за лишняго дня существованія не нужно биться.

— Что это ты такъ разочаровалась въ прелестяхъ жизни, или какой-нибудь слезный романчикъ прочитала? — разсмѣялся Иванъ Ивановичъ.

— Неужели ты думаешь, что я живу одними романами?— обидѣлась сестра.

— Нѣтъ, какъ это можно, ты и въ театрахъ драмы смотришь,—продолжалъ шутить братъ.

— Да, и на балахъ танцую, и визиты дѣлаю, — раздражительно прибавила она и, развернувъ книжку журнала, лежавшую на столѣ, начала безцѣльно перелистывать ея страницы. Ей, видимо, было тяжело и обидно.

— Странный вы человѣкъ,—тихо замѣтилъ Крючниковъ Ивану Ивановичу:— жизнь Катерины Ивановны, можетъ-быть, дѣйствительно не весела. Балы, театры, романы, все это кажется веселымъ, а въ концѣ-концовъ можетъ нагнать и скуку на свѣжаго человѣка.

— Да, толкуйте,—разсмѣялся Пащенко:—идеализируйте людей, жалѣйте ихъ, что они пляшутъ до усталости, бѣдняжки!

Катерина Ивановна оставила книгу и обратилась лицомъ къ Крючникову.

— Вотъ вы это понимаете,—начала она.—Но я вѣдь не объ одной своей жизни говорю; я говорю, что жизнь вообще очень скучна.

— Ну, этого нельзя сказать,—отвѣтилъ Крючниковъ.

— Значитъ, вы не знаете, что такое скука?

— Не знаю.

— Что же вы дѣлаете, чтобы избѣжать ея? Это интересно знать.

Катеринѣ Ивановнѣ дѣйствительно было интересно знать это; она хотѣла добиться прямо отвѣта насчетъ того, какъ устроить жизнь такъ, чтобы избѣжать скуки.

— Живу,—отвѣтилъ на ея вопросъ Крючниковъ.

— Это ничего не объясняетъ.

— Напротивъ того, это объясняетъ все. Для того, чтобы жить, мнѣ нужно работать,—вотъ я и работаю.

— То-есть сегодня работаете, завтра будете работать, послѣзавтра тоже, — убійственно однообразно, убійственно скучно!

— Что же тутъ однообразнаго и скучнаго? Работу я могу выбирать по своему вкусу и разнообразить до крайности. Скучать мнѣ некогда и не отчего. Цѣль у меня есть—это наслажденіе всѣмъ тѣмъ, что можетъ дать жизнь...

— Ахъ, Боже мой, да и я пользуюсь всѣмъ, что можетъ дать жизнь!

— Извините, вы не пользуетесь самымъ главнымъ. Вы

не можете сказать, что ваши занятія кому-нибудь нужны. Если вы не будете танцовать, то за васъ протанцуютъ другія, если вы не прочтете романа, то его авторъ плакать не станетъ, а міръ ничего не потеряетъ, если вы не узнаете его политическихъ событій. Вы даже не можете утверждать, что вы сами нужны кому бы то ни было...

Катерина Ивановна вспыхнула.

— Я думаю, если я совершенно лишняя для всѣхъ,— обидчиво произнесла она скороговоркою: — то, по крайней мѣрѣ, я нужна хоть одному человѣку—это моему мужу.

— Вы думаете, что онъ не могъ бы вывозить на балы другую женщину точно такъ же, какъ вывозитъ васъ?— холодно спросилъ Крючниковъ и еще болѣе холоднымъ тономъ прибавилъ: — Но, можетъ-быть, я ошибаюсь, можетъ-быть, вы помогаете ему въ его тяжелыхъ занятіяхъ.

— Если судить такъ, то и всѣ мы не нужны,—замѣтила Катерина Ивановна и снова съ сильнымъ раздраженіемъ развернула книгу.

Такъ рѣзко выраженное желаніе прекратить разговоръ, повидимому, нисколько не смутило Крючникова, и онъ продолжалъ свои возраженія:

— Нѣтъ-съ. Вотъ Иванъ Ивановичъ не написалъ бы половины своихъ статей безъ своей жены. Да, онъ бы не рѣшился, можетъ-быть, и съ крестьянами такъ разсчитаться, если бы не былъ увѣренъ, что его будущей женѣ не понадобятся лишнія деньги...

— Благодари, Лиза, monsieur Крючниковъ дѣлаетъ тебѣ комплименты,—съ ироніей разсмѣялась Катерина Ивановна неяснымъ смѣхомъ, не отрывая глазъ отъ книги.

Крючниковъ посмотрѣлъ на нее пристальнымъ взглядомъ.

— Вы, кажется, во всемъ видите какія-то затаенныя цѣли,—началъ онъ.—Если вамъ говорятъ горькую правду— вы принимаете ее за колкость. Если хвалятъ кого-нибудь— вы считаете это за лесть, за комплименты. Но знаете ли вы, что покуда вы будете придерживаться этого стараго, провинціальнаго взгляда на вещи, до тѣхъ поръ ни одинъ честный человѣкъ не будетъ говорить съ вами откровенно. Вамъ будутъ говорить въ глаза, что вы прекрасно поступаете, а за глаза очернятъ каждый вашъ поступокъ, каждое ваше движеніе. Такія рѣчи пріятны, но не желалъ бы я вамъ слышать только ихъ.

Катерина Ивановна еще ближе наклонилась къ книгѣ и, повидимому, вполнѣ заинтересовалась какимъ-то стихотвор-

шіемъ, попавшимся ей на страницахъ журнала. Разговоръ принялъ другое направленіе. Кто-то разсказалъ, между прочимъ, о какихъ-то слухахъ, носящихся въ литературныхъ кружкахъ про одного изъ писателей.

— Это, просто, мерзость!—съ негодованіемъ и горячностью воскликнулъ Пащенко. — Сплетня проѣла до мозга костей наши литературные кружки. А все потому, что дѣла серьезнаго литература не дѣлаетъ, что приходится ей бить баклуши, ну, отъ скуки и мѣшаются разныя озлобленныя бездарности въ закулисную жизнь своихъ даровитыхъ или счастливыхъ собратьевъ, ловятъ каждую гнусную выдумку, помогаютъ врагамъ общаго дѣла чернить и безъ того зачерненныхъ послѣдними представителей умственной жизни. И эти люди еще кричатъ о святости своего дѣла!

— Экъ, разгорячился!—засмѣялся Кравцевъ.—Просто на людяхъ и смерть красна, по пословицѣ: видитъ какой-нибудь господинъ, что душенька у него подленькая, что самъ-то онъ грязненькій — и скучно ему станетъ, бѣдному, одному стоять со своею подлостью, да грязью, вотъ онъ и пробуетъ всѣхъ въ свой цвѣтъ окрасить: погибать, молъ, такъ вмѣстѣ!

— Вы берете частную сторону вопроса,— вмѣшался въ разговоръ Крючниковъ.—Сплетня не составляетъ исключительной принадлежности литературныхъ кружковъ. У насъ сплетничаютъ вездѣ... Это простое слѣдствіе недостатка цивилизованности. На насъ на всѣхъ еще лежитъ толстый слой азіатской холопской безотвѣтности и азіатской начальнической нетерпимости. Низшіе не смѣютъ въ глаза возражать высшимъ. Высшій говоритъ чепуху, а низшій молчитъ. Но въ послѣднемъ кипитъ злоба вслѣдствіе этого невольнаго безмолвія, а потому онъ и ругаетъ за глаза высшаго. Мнѣ какъ-то случилось увидать въ кругу мелкой литературной братіи одного литературнаго туза, пріѣхавшаго изъ-за границы. Онъ говорилъ весь вечеръ, говорилъ иногда глупости. Никто не возражалъ, точно передъ начальникомъ всѣ хранили молчаніе. Но какъ только онъ уѣхалъ, всѣ развязали языки, стали говорить, что онъ глупъ, что его убѣжденія устарѣли, объявили, что иначе и не могло быть, такъ какъ онъ вѣчно былъ пустымъ баріномъ, ну, а тутъ и перешли къ сплетнямъ о его прошлой закулисной жизни. Онъ же, какъ я слышалъ, уѣзжая снова за границу, выразилъ ту мысль, что въ Россіи нѣтъ литераторовъ-борцовъ за убѣжденія, а есть пишущіе въ извѣстномъ духѣ холопы, въ обществѣ которыхъ очень неловко и непріятно быть образованному человѣку, такъ какъ они

только молчать и чуть не говорить: слушаю-съ, ваше превосходительство!

Крючниковъ помолчалъ.

— У насъ и самолюбіе-то какое-то громадное, но неразвитое, — началъ онъ снова. — Скажи человѣку въ глаза, что онъ не умѣетъ дѣлать такое дѣло или невѣрно смотритъ на такой-то предметъ, онъ обидится, подумаетъ, что у васъ есть на него зубъ, и никакъ не захочетъ понять, что нѣтъ ничего позорнаго въ томъ, что онъ не научился дѣлать то или другое дѣло, или не могъ всесторонне разсмотрѣть тотъ или другой вопросъ. Посторонніе, надѣленные такимъ же неразвитымъ самолюбіемъ, знаютъ это и потому не говорятъ въ глаза собрату правды, а даютъ волю своимъ языкамъ, сплетничая и черня человѣка за глаза. Вѣдь рѣзкія фразы только тогда и могутъ быть правдой, когда онѣ сказаны въ глаза человѣку, когда онъ можетъ возражать на нихъ, оправдываться; сказанныя же за спиной обвиняемаго, онѣ дѣлаются клеветой, сплетней... Отъ этого-то мы и не способны ни на какое общее дѣло: каждый поетъ свою пѣсню, никто его не останавливаетъ, не говоритъ ему, что она деретъ слухъ, и всѣ ругаютъ его, какъ только онъ выйдетъ за дверь... Мы или соглашаемся, или, если споримъ, то наши споры равняются ссорамъ, сводятся на личности, и никто не хочетъ знать, что разъясненію истины должно жертвовать своимъ самолюбіемъ ради своихъ же интересовъ, чтобы не быть дуракомъ и не имѣть ложныхъ понятій о тѣхъ или другихъ предметахъ.

Отвѣчая на два, на три замѣчанія, Крючниковъ говорилъ съ увлеченіемъ. Онъ ни разу не взглянулъ на Катерину Ивановну, но въ его словахъ можно было подмѣтить желаніе доказать этой женщинѣ, что она совершенно напрасно обидѣлась только что сдѣланными ей замѣчаніями. Она же, между тѣмъ, уже не вмѣшивалась въ разговоръ и, наконецъ, черезъ нѣсколько минутъ встала. Лизавета Васильевна и братъ простились съ нею, она подошла къ Крючникову.

— Вы не думайте, что я на васъ разсердилась,—сказала она ему тихимъ голосомъ.– Я не привыкла къ правдѣ, но я хотѣла бы ее слышать.

Крючниковъ стоялъ безмолвно, опустивъ на грудь голову и засунувъ руку за жилетъ. Онъ не видалъ, что передъ нимъ была протянута рука.

— Ахъ вы, вѣжливый кавалеръ: съ вами прощаются, а вы и не видите, — засмѣялся Шашенко.

— Да!—очнулся Крючниковъ, встряхнувъ головой, и съ замѣшательствомъ пожалъ руку Катерины Ивановны.

«Что же это за люди? — думала Катерина Ивановна по возвращеніи домой.—Впрочемъ, что я говорю! Не люди, а одинъ человѣкъ. Они всѣ не похожи на него. Они вонъ Базарова хвалятъ, а онъ и его осмѣливается бранить и смѣется надъ тѣмъ, что тотъ Бюхнеромъ стариковъ цивилизовать хочетъ. Онъ говоритъ, что именно этою чертою Тургеневъ умышленно убилъ своего героя, добродушно разсказывая объ его умѣ и коварно заставляя его дѣлать пошлости. Почему онъ не боится высказывать мнѣ, какъ и другимъ, горькую правду въ глаза и приходитъ въ смущеніе, когда я ему искренно протягиваю руку? Вѣдь онъ, кажется, желаетъ мнѣ добра? Онъ же упрекаетъ брата и его друзей, что они только о своемъ муравейникѣ заботятся и холодно относятся ко всѣмъ, кто не принадлежитъ къ ихъ кружку. Онъ говоритъ, что люди вездѣ люди, и, помогая имъ, можно сдѣлать ихъ друзьями, а отталкивая—врагами. И отталкиваютъ-то люди отъ себя другихъ больше всего за мелочи, за ничтожныя разногласія, за которыми и гнаться не стоитъ. Ну, такъ и сошелся бы со мною, научилъ бы меня, что дѣлать. Вѣдь заботился же онъ о Лизѣ... Счастливая, счастливая Лиза!..» За этими думами шли планы о какой-то дѣятельности, о какой-то новой жизни, о какихъ-то преобразованіяхъ въ своемъ житьѣ-бытьѣ. Молодой женщинѣ казалась уже пустою та жизнь, которою она жила. Она рѣшилась, во что бы то ни стало, допроситься совѣтовъ у Крючникова насчетъ различныхъ плановъ, занимавшихъ ее. При первомъ визитѣ къ брату, она спросила, будетъ ли у нихъ въ этотъ день Крючниковъ.

— Едва ли,—отвѣтилъ Иванъ Иванычъ:—Крючниковъ теперь почти все время проводитъ у Кравцева.

— Зачѣмъ это!—изумилась сестра.

— Братъ Кравцева боленъ.

— Такъ Крючникову-то что за дѣло до этого?

— Какъ, что за дѣло? Кравцевъ и безъ того иногда попиваетъ, а если его братъ умретъ, то онъ совсѣмъ упадетъ духомъ. Вѣдь онъ только для брата и живетъ. Теперь-то его и надо поддержать.

— Развѣ тотъ такъ опасно боленъ?—полюбопытствовала Катерина Ивановна.

— Теперь есть надежда на выздоровленіе, но очень слабая.

Катерина Ивановна сдѣлалась чрезвычайно грустною, но, кажется, она тосковала не за участь Крюковыхъ, а потому, что ей представлялся въ перспективѣ долгій рядъ дней, въ которые нельзя будетъ повидать Крючникова. Дѣйствительно, прошла недѣля. Катерина Ивановна три раза побывала у брата, а Крючниковъ все не являлся. Катеринѣ Ивановнѣ показались эти дни вѣчностью, точно она боялась, что пройдетъ то время, когда еще можно приняться за серьезную, хотя еще и неизвѣстную ей работу, насчетъ которой могъ дать совѣтъ Крючниковъ. Между тѣмъ дома шла у нихъ обычная жизнь. Баумгрилле ѣздилъ къ ней съ визитами и день-ото-дня дѣлался любезнѣе, хотя уже и не вызывалъ ея слезъ своими воспоминаніями объ угасшей молодой женщинѣ. Въ обществѣ тонко и ловко намекали Катеринѣ Ивановнѣ на то, что Баумгрилле готовъ пасть къ ея ногамъ. Эти шуточки были милы и остроумны, графъ представлялся въ смѣшномъ видѣ, но Катеринѣ Ивановнѣ было не легко шутить въ эти минуты. Въ одинъ изъ своихъ визитовъ Баумгрилле снова встрѣтился у Катерины Ивановны съ Бѣльскою и поспѣшилъ уѣхать. Говорливая Бѣльская была особенно любезна въ этотъ день съ хозяйкою.

— А у меня есть къ вамъ просьба,—сказала она послѣ тысячи разсказовъ о новостяхъ.

— Что такое?—спросила хозяйка.

— У меня есть одинъ знакомый юноша, онъ служилъ въ военной службѣ, теперь переходитъ въ гражданскую. Ему хотѣлось бы найти мѣсто, и онъ просилъ меня похлопотать о немъ. Я знала еще его мать; мнѣ хотѣлось бы оказать ему помощь.

— Что же я могу для него сдѣлать?—спросила Катерина Ивановна.

— Много, очень много!—съ жаромъ воскликнула Бѣльская.—Вы и вашъ мужъ такъ коротко знакомы съ Баумгрилле, онъ для васъ все сдѣлаетъ, а у него есть мѣста, это я знаю.

— Извините, я не имѣю никакого права безпокоить Баумгрилле,—воскликнула Катерина Ивановна и раскраснѣлась до ушей.

— Помилуйте, какія же тутъ нужны права?—улыбнулась Бѣльская, замѣтивъ промахъ хозяйки, не умѣвшей держать себя въ свѣтѣ.—Если бы я была такъ коротко знакома съ Баумгрилле, то я сама попросила бы его. Вамъ онъ не откажетъ ни въ чемъ, онъ у васъ такъ часто бываетъ, такъ привязанъ къ вашему семейству.

— Что вы хотите этимъ сказать?—запальчиво спросила хозяйка, не владѣя собой.

— То, что вы скорѣе, чѣмъ кто-нибудь, можете просить Баумгрилле о моемъ protégé.

— Я такъ же не хочу его просить, какъ и всѣ другіе,— отвѣтила Катерина Ивановна.

— Какъ вамъ угодно,—пожала плечами Бѣльская.—Но мнѣ странно,—прибавила она насмѣшливымъ голосомъ:—что вы сердитесь за то, что я сочла графа вашимъ хорошимъ знакомымъ. Я думаю, нѣтъ ничего позорнаго въ знакомствѣ съ нимъ, тѣмъ болѣе, что вы сами продолжаете же принимать его...

— Что же вы заключаете изъ этого?—дрожа всѣмъ тѣломъ отъ волненія, поднялась Катерина Ивановна съ мѣста и оперлась на столъ.

— Что и вы тоже считаете знакомство съ нимъ дѣломъ очень обыкновеннымъ,—засмѣялась Бѣльская.

Она смотрѣла съ презрѣніемъ на взволнованную Катерину Ивановну. У послѣдней голова шла кругомъ, она даже не замѣчала того, что дѣлала промахъ за промахомъ. Она опустилась въ изнеможеніи на диванъ.

— Вы, кажется, нездоровы сегодня? —сказала Бѣльская.

— Да, я разстроена,—пробормотала хозяйка.

— И вѣдь вѣрно Баумгрилле виноватъ, какъ и въ прошлый разъ, помните, когда вы расплакались отъ его разсказовъ,—добивала нравственно Бѣльская молодую женщину.

Катерина Ивановна сидѣла неподвижно.

— Поправляйтесь, не шутите съ нервами, — говорила Бѣльская, прощаясь, и вышла изъ гостиной, думая про себя: «А! ты думала, что ты свѣтская барыня, что ты честная женщина, что ты можешь для потѣхи отбивать отъ другихъ графа Баумгрилле? Глупая дѣвчонка! не твой жалкій умишка нуженъ для свѣтской жизни!»

Катерина Ивановна еще долго сидѣла, не шевельнувъ ни однимъ членомъ; наконецъ, она встала, подошла къ окну и прижалась пылающей головой къ стеклу, изъ ея глазъ лились неудержимыя слезы.

На слѣдующій день она поѣхала къ брату въ какомъ-то нервномъ нетерпѣніи.

— Крючниковъ не былъ?— былъ ея почти первый вопросъ, обращенный къ Лизаветѣ Васильевнѣ.

— Нѣтъ еще,—отвѣтила невѣстка.

— А что Кравцевъ?

— Болѣнъ еще.

— Ты бываешь у него?

— Да.

— Съѣздимъ къ нему сегодня.

— Что?—изумилась Лизавета Васильевна.

— Съѣздимъ къ нему сегодня,—повторила Катерина Ивановна.

— Я, право, не знаю...—нерѣшительно проговорила Лизавета Васильевна и взглянула на мужа вопросительнымъ взглядомъ.

Ей, видимо, не хотѣлось получить отъ него согласія.

— Вотъ глупости! Тебѣ для чего это захотѣлось съѣздить къ Кравцеву?—спросилъ Иванъ Ивановичъ, не замѣтивши волненія сестры.

— Такъ, хочется навѣстить больного, хочется увидѣть, какъ они живутъ,—проговорила дрожащимъ голосомъ сестра, и вся раскраснѣлась.

Иванъ Ивановичъ только теперь обратилъ на нее вниманіе и замѣтилъ ея состояніе. Ему стало ея жаль. Не могъ этотъ добрый баринъ хладнокровно видѣть разстроенныхъ людей!

— Эхъ, Катя, Катя!—произнесъ онъ, глядя на нее ласковыми глазами:—не весело тебѣ живется!

Этого было довольно. Катерина Ивановна готова была плакать. Онъ обнялъ ее, она скрыла на его груди свое лицо и разрыдалась.

— Что съ тобой? что съ тобой?—спрашивалъ братъ, усаживая на диванъ сестру.

Она разсказала ему все.

— Меня уже не возрѣваютъ,—говорила она прерывающимся голосомъ:—мнѣ уже намекали на мои отношенія къ Баумгрилле, намекали не разъ, не два... Я хочу иначе жить, я хочу посовѣтоваться съ другими... Посмотрѣть, какъ живутъ другіе...

На нѣсколько минутъ всѣ смолкли.

— Лиза, поѣдемъ же,—сказала Катерина Ивановна.

Иванъ Ивановичъ, услыхавъ эти слова, поспѣшно отошелъ къ своему рабочему столу и сталъ усердно рыться въ бумагахъ. Лизавета Васильевна покачала головой и обратила снова вопросительный взглядъ къ своему мужу, но онъ упорно избѣгалъ этого взгляда и рылся въ бумагахъ.

— Право, не нужно бы...—начала Лизавета Васильевна.

— Полно, полно, голубчикъ!—вырвалось восклицаніе у Катерины Ивановны.

— Что же... съѣздите...—проговорилъ почти шопотомъ Иванъ Ивановичъ и еще пристальнѣе углубился въ разсматриваніе бумагъ.

Катерина Ивановна бросилась цѣловать невѣстку. Та глубоко вздохнула и съ упрекомъ взглянула на мужа. Онъ не поднималъ своей головы. Черезъ пять минутъ обѣ женщины уѣхали. Иванъ Ивановичъ продолжалъ усиленно работать, онъ вслухъ свѣрялъ какія-то статистическія цифры и, кажется, боялся, что если онъ станетъ дѣлать эту повѣрку про себя, а не вслухъ, то на мѣсто ея въ его головѣ зароятся другія мысли, другія соображенія, которыхъ онъ боялся, которыя безъ его воли заставляли его и теперь краснѣть за свое слабодушіе. Онъ сознавалъ, что не статистика вызвала эту краску на его лицо...

Убогая комната, гдѣ жили Кравцевы, поразила Катерину Ивановну, но еще болѣе поразило Крючникова и Кравцевыхъ появленіе Катерины Ивановны въ этой комнатѣ. Катерина Ивановна и Лизавета Васильевна поспѣшили объяснить свой приходъ тѣмъ, что онѣ зашли мимоходомъ, но Крючниковъ сомнительно покачалъ головою, слушая это объясненіе.

— Мнѣ, между прочимъ, нужно бы посовѣтоваться съ вами,—сказала Катерина Ивановна черезъ нѣсколько минутъ Крючникову. — Я хотѣла бы чѣмъ-нибудь заняться серьезно. Какія книги посовѣтуете вы мнѣ читать, что изучать?

Крючниковъ пожалъ плечами и, видимо, разсердился, услышавъ въ устахъ почти ничего не знающей женщины это ненавистное ему модное слово праздныхъ барынь: *изучать*.

— Изучать что-нибудь очень трудно, для этого нужна серьезная подготовка,—сказалъ онъ.—Да вы, собственно, съ какою цѣлью хотите учиться?

— Чтобы знать то, что можно знать.

— Такъ читайте все, что попадетъ подъ руку. Только я впередъ говорю вамъ, что изъ этого пользы не выйдетъ. Вы нахватаете нѣсколько понятій о томъ или другомъ предметѣ, но основательно не будете знать ничего. Для основательнаго знанія нужны долгіе годы и честные руководители.

— Такъ что же, такъ и не учиться?

— Нѣтъ, если что можно вамъ посовѣтовать изучать,

такъ это науку воспитанія дѣтей. Это вамъ пригодится, если у васъ будутъ дѣти.

— А если нѣтъ, то и это не пригодится?

— То и это не пригодится, — повторилъ Крючниковъ ея слова.

— Отчего же вы думаете, что у меня не хватитъ терпѣнія работать долгіе годы? Ну, а руководители найдутся, есть врачъ, его друзья... васъ попрошу... Вѣдь принесете же вы когда-нибудь мнѣ въ жертву хоть минуту свободную... Можетъ-быть, я чему-нибудь и научусь.

Крючниковъ посмотрѣлъ на раскраснѣвшееся личико Катерины Ивановны, но не могъ найти въ немъ ничего, кромѣ молящаго выраженія. Она стояла, какъ дитя, просящее пощады. Ему стало ее жаль, и онъ постарался смягчить свой голосъ, не смягчивъ фразы.

— Вообще изъ всѣхъ попытокъ развить по-своему развитыхъ иначе людей — ничего не выходитъ, — промолвилъ онъ: — и я никогда не рискнулъ бы на эти попытки. Развиваетъ дѣтство, школа, жизнь, а спустя лѣто по малину не ходятъ...

— Вы, точно оракулъ, не говорите, а только приговоры изрекаете, — разсердилась Катерина Ивановна.

— Такъ зачѣмъ же вы и начинаете говорить со мной? — разсердился, въ свою очередь, Крючниковъ, подумавъ: «Не думаешь ли ты, что я рисоваться передъ тобою, что ли, хочу?»

— Ну, ну, не сердитесь, господинъ медвѣдь! — постаралась кокетливо шутить Катерина Ивановна, не замѣчая, какъ скверно дѣйствуютъ на собесѣдника тѣ ея фразы, которыя произносятся съ кокетливостью, столь свойственною молодымъ и счастливымъ женщинамъ, не лишеннымъ ума и ловкости.

Это кокетливость невольная, неумышленная, выработанная праздною жизнью гостиныхъ. Крючниковъ же не разбиралъ этихъ тонкостей и не любилъ кокетливости, но различая, какая она, и руководствуясь тѣмъ правиломъ, что отъ чего бы ни былъ болѣнъ человѣкъ — отъ простуды или отъ разврата — а все-таки онъ больной, а не здоровый человѣкъ и къ работѣ не годится, Крючниковъ взялся за фуражку.

— Мнѣ нужно идти по дѣлу, — сказалъ онъ.

— Когда вы будете у Вани? — спросила Катерина Ивановна.

— Право, не знаю.

— Нѣтъ, вы не добрый человѣкъ, — задумчиво и задушевно проговорила Катерина Ивановна. — Вы готовы сдѣлать добро, можетъ-быть, и дѣлаете его, но только своимъ,

близкимъ муравьямъ одного муравейника, а другіе пусть гибнутъ, что вамъ до нихъ за дѣло!

Эти слова, звучавшія болью, точно обожгли Крючникова.

— Эхъ, Катерина Ивановна, если бы я могъ что-нибудь сдѣлать *для васъ*, такъ я...—началъ онъ быстро и, вдругъ измѣнившись въ лицѣ, перешелъ въ другой тонъ, звучавшій какою-то злою и нервной ироніей.—Ну, разумѣется,—заговорилъ онъ:—свой своему поневолѣ братъ! Вы правы, я чужимъ не люблю помогать, вы напрасно и считали меня добрымъ. Это все вотъ ваша молодость идеалы передъ вами рисуетъ. А люди дрянь, вы ни на кого не надѣйтесь, живите, какъ можете, и, повторяю *вамъ*, ни на кого не надѣйтесь! Это главное.

Крючниковъ вдругъ перемѣнилъ разговоръ, сказалъ некстати какую-то неловкою остроту, такъ какъ онъ острить не умѣлъ, и распрощался съ молодыми женщинами. Во всѣхъ его движеніяхъ было что-то лихорадочное, необычайное. Катерина Ивановна простилась съ невѣсткой и поѣхала домой: она горѣла какъ въ огнѣ.

«Вѣдь онъ это неправду говорилъ о себѣ. Онъ противъ себя говорилъ, — сразу угадала молодая женщина. — Онъ добрый. Отчего онъ взволновался? Я обидѣла его? Но какъ же *я* могу его обидѣть? Вѣдь онъ считаетъ меня неспособной на дѣло, презираетъ меня?.. Или онъ меня...» Катерина Ивановна не рѣшилась договорить фразы, вертѣвшейся въ ея головѣ, она до чего-то боялась додуматься. Во время этихъ думъ, лакей доложилъ ей о пріѣздѣ графа Баумгрилле. Она устремила какъ-то безсознательно глаза на слугу, точно спрашивая его: «что дѣлать?» Слуга ждалъ отвѣта.

— Скажи, что я...—Катерина Ивановна хотѣла сказать: нездорова,—и, краснѣя отъ стыда за свою нерѣшительность, окончила твердымъ голосомъ:—что я не принимаю.

Слуга вышелъ. Катерина Ивановна, какъ ребенокъ, боящійся наказанія, притаилась, прижавшись къ стѣнѣ, точно она боялась, что къ ней ворвутся насильно, что ей не простятъ ея первой выходки. Ея сердце билось страшно, она чувствовала, что готовится какая-то борьба, приготовляются какія-то грязныя сцены, и дрожала... А ея комната блестѣла своимъ обычнымъ блескомъ, своею обычною роскошью, и любой бѣднякъ могъ бы позавидовать обладательницѣ этого богатства.

XV.

На другой день послѣ неудачнаго визита графа Баумгрилле, Викторъ Владиміровичъ возвратился изъ должности съ пасмурнымъ лицомъ.

— Былъ вчера у насъ графъ? — спросилъ онъ у жены.

— Былъ, но я его не приняла.

— Это почему?

— Потому что я дѣлаюсь сказкой города.

— Ну, это еще не причина. Городъ про всѣхъ говоритъ.

— Пусть говоритъ про другихъ, но я не хочу оправдывать его сплетенъ своимъ поведеніемъ.

— Очень дурно дѣлаешь, что придаешь значеніе его сплетнямъ. Ты создашь изъ всего что-то важное. Мало ли къ кому ѣздитъ графъ. Этакъ и знакомствъ нельзя заводить. Ты не въ деревнѣ.

— Но онъ со мной любезничаетъ и...

— Ахъ, Боже мой! Дитя ты, что ли? Неужели ты не понимаешь, что изъ его любезностей не можетъ выйти ничего серьезнаго... Онъ совсѣмъ не опасенъ, но знакомство его нужно.

— Только не мнѣ.

— Нѣтъ, именно тебѣ. Ты не носила бы этихъ дорогихъ тряпокъ, не ѣздила бы въ этихъ экипажахъ, не блистала бы на балахъ лучшаго общества, если бы я не имѣлъ связей, не принималъ подобныхъ графу людей.

— Неужели ты думаешь, что я дорожу больше чести этими тряпками, этой мишурой?

— Больше чести! больше чести! Кто тебѣ говоритъ о чести, — обозлился Благово.—Заводить полезныя знакомства, быть привѣтливой съ вліятельными лицами не значитъ лишаться чести. Или ты думаешь, что честенъ только тотъ, кто знакомъ съ одними мужиками, да нищими? Это все ваши институтскія понятія, неумѣнье жить!

— Ну, я не хотѣла бы жить по-твоему.

— Такъ не выходила бы замужъ. Жила бы въ деревнѣ со своимъ тунеядцемъ-братомъ и кухаркой-невѣсткой.

— Да, я теперь жалѣю...

— Что-о?—грозно перебилъ Викторъ Владиміровичъ.

Катерина Ивановна бросила на него холодный взглядъ и взяла со стула начатую вышивку какой-то подушки. Мужъ походилъ по комнатѣ и вышелъ вонъ. Прошло два дня. Баумгрилле снова заѣхалъ къ Катеринѣ Ивановнѣ, и снова

она велѣла сказать ему, что она не принимаетъ. Теперь приказаніе было отдано безъ всякихъ колебаній. Молодая женщина чувствовала въ себѣ необыкновенную силу. ей самой казалось, что она выросла, что она впервые вышла изъ дѣтскаго возраста и стала самостоятельной, готовой на борьбу, женщиной. Она ожидала новыхъ упрековъ мужа въ волненіи, но безъ малодушнаго страха. Противъ всякаго ожиданія, мужъ ничего не сказалъ ей на слѣдующій день. Дѣло въ томъ, что графъ продолжалъ быть холоднымъ съ Викторомъ Владиміровичемъ, но о своемъ вторичномъ неудачномъ визитѣ не сказалъ ни слова. У него было много такту. Черезъ недѣлю послѣдовалъ новый визитъ Баумгрилле и новая неудача. Баумгрилле сталъ еще холоднѣе въ обращеніи съ Викторомъ Владиміровичемъ и даже сдѣлалъ ему выговоръ за неисправность какого-то чиновника. Это изумило Благово, ничего не подозрѣвавшаго насчетъ неудачныхъ визитовъ и воображавшаго, что его глупая жена исправилась. Возвратившись изъ должности, Викторъ Владиміровичъ спросилъ у лакея:

— Былъ у насъ графъ Баумгрилле?

— Сегодня не были-съ,—отвѣтилъ лакей.

— Болванъ! Не про сегодняшній день тебѣ говорятъ. Я спрашиваю, былъ ли графъ у насъ на этой недѣлѣ?

— Были-съ.

— Ну?

— Только барыня не изволила ихъ принять.

— Ступай!

Лакей вышелъ. Викторъ Владиміровичъ зашагалъ по комнатѣ. Его всегда спокойное и благообразное лицо было обезображено гнѣвомъ. Онъ создавалъ сотни плановъ, какъ заставить жену принимать графа Баумгрилле, какъ исполнить это, не ссорясь съ нею, не вызывая на борьбу «упрямую дуру», а покоривъ ее хитростью. Но всѣ планы выходили неисполнимыми. Оставалось одно средство—употреблять насиліе и заводить сцены брани и ссоры. Викторъ Владиміровичъ понималъ, что онъ выйдетъ побѣдителемъ изъ боя съ глупымъ и слабымъ существомъ, но ему было несносно, непріятно раздражаться, убивать свое драгоцѣнное здоровье и спокойствіе изъ за такихъ пустяковъ, какъ пріемъ какого-нибудь гостя. Въ то же время Викторъ Владиміровичъ понялъ, что упрямство жены, вѣроятно, поддерживается ея братомъ и тѣми людьми, которые бесѣдуютъ съ нею въ его кружкѣ. Благово давно злился за то, что жена поддержи-

ваетъ сношенія съ братомъ, но теперь онъ понималъ необходимость крутыхъ мѣръ, несвоевременность послабленій и смотрѣнія сквозь пальцы. Вечеромъ того же дня онъ прошелъ въ будуаръ своей жены. Мужъ былъ, повидимому, спокоенъ, но строгъ.

— Что вы тамъ опять надѣлали?—спросилъ онъ жену.—Вы рѣшительно не способны жить въ порядочномъ обществѣ. Вамъ только съ мальчишками жить, надъ которыми можно ломаться, именно ломаться, c'est le mot! Вы хорошихъ знакомствъ не умѣете завязать, вамъ скучно въ обществѣ лучшихъ людей, и вы бѣгаете отъ него къ своему милому братцу, женатому на модисткѣ, позорящему фамилію.

— Мой братъ и его жена честные люди! Но...

— Честные!—перебилъ Викторъ Владиміровичъ насмѣшливымъ тономъ.—Желалъ бы я знать, чѣмъ они честны. Но если вы считаете возможнымъ не поддерживать моихъ знакомствъ, то я попрошу васъ не ѣздить къ вашимъ знакомымъ.

— Ну, этого не будетъ!—воскликнула Катерина Ивановна.

— Будетъ, сударыня, будетъ! Я заставлю васъ слушаться. Вы шли замужъ не за мальчишку, не за эксцентрика. Вамъ, вѣрно, нравится эта праздношатающаяся, не имѣющая ни мѣстъ, ни занятій молодежь.

Виктору Владиміровичу почему-то представлялось, что кружокъ Пащенко состоитъ изъ какихъ-то гимназистовъ, и онъ очень удивился бы, если бы заглянулъ въ этотъ домъ и увидалъ бы въ немъ совсѣмъ не мальчиковъ, а серьезныхъ людей среднихъ лѣтъ.

— Повѣрьте,—отвѣтила Катерина Ивановна:—что тѣ люди, которыхъ вы называете мальчишками и которыхъ вы браните за тунеядство, гораздо прилежнѣе васъ. Они доставятъ честнымъ трудомъ свой хлѣбъ, и ужъ вѣрно вы-то никогда не трудились такъ, какъ они. Вамъ легко достаются деньги!

— Легко! Стыдитесь! Книгъ новыхъ вы начитались, у васъ умъ за разумъ зашелъ. Вы думаете труднѣе переводить книжонки и по урокамъ бѣгать, чѣмъ заправлять моимъ дѣломъ, заботиться о благѣ сотенъ, какое сотенъ! можетъ-быть, тысячъ людей?

— Очень нужны имъ ваши заботы! Что вы думаете, что я дитя, что ли? Развѣ я не понимаю, что вы дѣлаете! Вы по обѣдамъ рыскаете, передъ графомъ Баумгрилле гнетесь въ дугу, а за васъ работаютъ другіе. И что они работаютъ! Кляузы, никому не нужныя бумаги пишутъ.

— Да знаете ли вы, что вы говорите? — крикнулъ Викторъ Владиміровичъ.

— Постойте, я еще не все высказала, — твердо проговорила Катерина Ивановна.—Знаете ли вы, почему я вышла за васъ замужъ, почему я думала, что я люблю васъ? Вы твердо изрекали свои приговоры, вамъ никто не противорѣчилъ, за вами ухаживала провинція, и мнѣ казалось, что вы одинъ изъ тѣхъ людей, которые самостоятельно, своими личными достоинствами пріобрѣтаютъ уваженіе въ обществѣ. Я думала, что вы имѣете какое-нибудь значеніе въ глазахъ окружающихъ васъ людей. Теперь я вижу, что вы хуже послѣдняго нищаго, хуже...

— Какъ вы смѣете!— крикнулъ Викторъ Владиміровичъ. Онъ потерялъ все спокойствіе и не владѣлъ собою.

— Не перебивайте меня! слышите, не смѣйте перебивать меня!—вскочила съ мѣста Катерина Ивановна, сверкая глазами.—Что вы, голосомъ, крикомъ хотите покорить меня? Да, вы хуже тряпки! Понимаете ли вы, что, заставляя меня унижаться передъ Баумгрилле, заставляя ласкать его, вы убивали любовь мою къ вамъ, вы разрывали мое сердце! Вы поймите это! Вѣдь я увидала, что вы низкій человѣкъ, что вы не имѣете никакого достоинства въ глазахъ другихъ людей, что васъ держатъ ради вашихъ низкихъ искательствъ, гнусныхъ интригъ, ради вашей льстивости, низкопоклонства, что вами не дорожатъ, что не общество дорожитъ вами, а вы имъ, что безъ его помощи вы нуль.

— А, это все идеи тѣхъ мальчишекъ! Знаете ли вы, что за нихъ можно...

— Не угрожайте! — съ отвращеніемъ сказала Катерина Ивановна. — Я говорю только о *васъ*, а за васъ никто не вступится. Вы вѣдь могли имѣть значеніе только тогда, когда я согласилась бы торговать собою. Я говорю только о васъ, а другіе, вотъ хоть бы Баумгрилле, пользуются моимъ уваженіемъ. Я знаю, что Баумгрилле бросаетъ рѣзкую правду въ лицо людямъ, не гнется передъ ними, идетъ по той дорогѣ, по которой хочетъ, и все-таки стоитъ твердо на своемъ мѣстѣ, какъ стоятъ твердо тѣ мальчишки, которыхъ вы ругаете; они не лѣзутъ, подобно вамъ, не въ свой кругъ, какъ не лѣзетъ какой-нибудь Баумгрилле въ ихъ кругъ, гдѣ онъ былъ бы такъ же смѣшонъ, такъ же низокъ, какъ вы среди значительныхъ людей.

— Не смѣйте хвалить этихъ мерзавцевъ. Это они раз-

вращаютъ такія глупыя головы, какъ ваша, они вносятъ раздоръ въ семейства, играютъ жизнью.

— Ну, нѣтъ, это для васъ чужая жизнь игрушка, а ваша собственная—сплошная плутня. Изъ какихъ средствъ вы пріобрѣли имѣніе? Зачѣмъ вы унижаетесь, если ваша дѣятельность необходима?

Благовъ позеленѣлъ и подступилъ къ самому лицу жены.

— А! вы о моихъ средствахъ спрашиваете?—прошипѣлъ онъ. — Ну-съ, а вы изъ какихъ средствъ красуетесь въ брильянтахъ на балахъ? Изъ какихъ средствъ шьете себѣ эти дорогія платья?—Викторъ Владиміровичъ со злобой потрясъ платье Катерины Ивановны.—Гдѣ вашъ трудъ? Покажите вашу работу. Ну, что же вы, сударыня, стали? Показывайте, показывайте скорѣе!

Катерина Ивановна опустила голову и только черезъ минуту снова подняла ее.

— Я заслужила эти упреки,—тихо начала она.

— Наконецъ-то!

— Заслужила и хочу загладить свою ошибку. Я рѣшилась работать...

— Ха-ха-ха!—захохоталъ мужъ. — Не бѣлошвейкой ли хотите сдѣлаться, не умѣя шить, или пойдете въ горничныя?

— Я не спрошу у васъ, что мнѣ дѣлать, но буду искать труда.

— Нѣтъ, я вижу, вы нездоровы, вы бредите!

— Да, да, говорить о трудѣ въ вашемъ домѣ, значитъ бредить! Чтобы трудиться, надо бѣжать изъ этого омута.

— Только, пожалуйста, предупредите меня, когда вздумаете бѣжать,—насмѣшливо сказалъ Викторъ Владиміровичъ.

Взбѣшенный до послѣдней степени, онъ вышелъ изъ комнаты жены, ругая женскій умъ, не умѣющій логично мыслить и перескакивающій неожиданно на посторонніе предметы. Катерина Ивановна, дѣйствительно, разрушила весь планъ мужа своею горячностью, сбила съ толку врага и заставила его отступить прежде, чѣмъ онъ успѣлъ что-нибудь сдѣлать въ свою пользу. Когда онъ уходилъ, она съ отвращеніемъ взглянула на него и ясно прочла на его лицѣ всю силу того неуваженія и того презрѣнія, съ которыми онъ смотрѣлъ на нее въ эти минуты. Онъ видѣлъ въ ней зачитавшуюся разныхъ книжонокъ глупую женщину и готовъ былъ трактовать ее, какъ капризнаго, негоднаго

ребенка, требующаго присмотра, исправленій и наказаній. Въ ея пылавшей головѣ мелькала мысль, что даже ничтожный, безхарактерный Андреевъ былъ бы лучшимъ мужемъ, по крайней мѣрѣ, онъ не смотрѣлъ бы на нее, какъ на рабу, не смѣющую имѣть своихъ мнѣній и желаній; а передъ этой административной машиной никто въ мірѣ не имѣлъ права думать по-своему или искать новыхъ путей. Андреевъ былъ способенъ пожить на чужихъ хлѣбахъ мѣсяца три, пожилъ бы и больше, ну, а этотъ человѣкъ не только заѣдалъ чужой хлѣбъ, но и пріобрѣталъ экипажи, серебро, золото на чужія трудовыя деньги. Честнаго дѣла не дѣлалъ и серьезнаго значенія въ обществѣ не имѣлъ ни тотъ, ни другой. Катерина Ивановна сознала теперь все это ясно до боли.

Настали для нея дни тревогъ и ночи безсонницъ. Она передумала о сотнѣ разныхъ вещей и перечитала десятки книгъ, допрашиваясь у нихъ совѣтовъ. Одна книга толковала о необходимости для женщинъ честнаго и самостоятельнаго труда, но не указывала, гдѣ найти этотъ трудъ, какимъ путемъ можно добиться до него и что это за трудъ. Другая описывала скорбный бытъ иностранныхъ работницъ, представляла сотни, тысячи набранныхъ тамъ и здѣсь цифръ несчастій и сотни картинъ житья-бытья бѣдныхъ труженицъ, представляла все это такъ серьезно, съ такою убѣдительностью, съ такимъ авторитетомъ, какъ-будто дѣло шло о чемъ-то новомъ, открытомъ самимъ глубокомысленнымъ авторомъ, статистикомъ и экономистомъ, какъ-будто дѣло шло объ открытой Америкѣ, а не объ надоѣвшихъ всѣмъ, намозолившихъ каждому глаза, фактахъ, и, между тѣмъ, этотъ же авторъ, точно считая все, кромѣ своихъ цифръ, гилью и чепухой, не указывалъ ни на причины бѣдственнаго положенія труженицъ, ни на способы устраненія ихъ нуждъ, если же и указывалъ, то указанія были похожи на насмѣшку, до того были они фантастичны и непрактичны. Катерина Ивановна бросала отъ себя книгу за книгою, все сильнѣе и сильнѣе звучали въ ея умѣ слова поэта: «На проклятые вопросы дай отвѣты намъ прямые». Ей казалось, что эти отвѣты не даются умышленно, а не по горькой для самого писателя необходимости.

Кто же дастъ эти отвѣты? У кого ихъ просить? Книга не даетъ, но Катерина Ивановна знала одного человѣка, писавшаго книги, можетъ-быть, онъ доскажетъ ей недосказанное книгою.

XVI.

Тяжелы безсонныя ночи, тяжелы безысходныя думы, тяжело искание выхода изъ тьмы, но человѣкъ все сноситъ, только нервы чувствительнѣе становятся, только болѣе чуткимъ становится его умъ и ловитъ онъ каждое слово, каждый намекъ, думая съ замираніемъ въ сердцѣ: «Не это ли то слово, которое я ждалъ?» Нѣтъ, это все не то, все не то! Говорится, кажется, обо всемъ, а проѣрьте всѣ разговоры, всѣ сужденія, и вы не доищетесь въ нихъ ни одного отвѣта ни на одинъ изъ проклятыхъ вопросовъ. Настаетъ пора, когда человѣкъ уже и не спрашиваетъ ни о чемъ, и не думаетъ добиться какихъ-нибудь отвѣтовъ, но до этой поры нужно дострадаться, а Катерина Ивановна еще только начинала жить... Искала она снова встрѣчи съ Крючниковымъ. Онъ же все не шелъ къ ея брату. Наконецъ, насталъ желанный день, Катерина Ивановна встрѣтила Крючникова. Ее осаждали тысячи сомнѣній и тревогъ въ эту минуту, но она постаралась удержаться отъ экзальтаціи и говорила, насколько могла, спокойно.

— Читали вы о швейныхъ мастерскихъ?—спросила она послѣ нѣсколькихъ совершенно незначительныхъ для нея фразъ.

— Читалъ,—отвѣтилъ Крючниковъ.

— Нравится вамъ, что пишутъ объ этомъ дѣлѣ въ романѣ?

— Да.

— Ну, а что бы вы сказали, если бы я вздумала открыть подобную мастерскую?

— Ничего не сказалъ бы.

— Это почему?

— Да она закрылась бы прежде, чѣмъ я успѣлъ бы что-нибудь сказать о ней.

— Ну, вотъ еще! Отчего это?

— Оттого, что вы ни кроить, ни шить не умѣете и съ дѣвушками трудящимися не вели прежде знакомства, а набранныя съ улицы будутъ васъ за носъ водить, обманывать, разорять. Да и вашъ мужъ не позволилъ бы вамъ кидать капиталъ за окно безъ всякой пользы.

— Такъ я и посмотрю на его позволеніе!

— Не посмотрите?—пристально взглянулъ на нее Крючниковъ.

— Не посмотрю.

— Затѣмъ, чтобы убить свои деньги и, поместавшись изъ стороны въ сторону съ незнакомымъ дѣломъ, нажить тысячи непріятностей, вернуться съ повинной головой къ супругу и просить у него куска хлѣба?

— Ну, ужъ если я что оборву разъ, то не стану опять склеивать старое!

— Ну, такъ въ гувернантки станете мѣста искать, или пойдете жить на счетъ братьевъ, потому что мѣста бѣжавшей отъ мужа женѣ никто не дастъ.

— Такъ, значитъ, это все глупости, мечты разсказаны въ романѣ?

— Не мечты, только онъ не для васъ писанъ!

— Вы все какія-то перегородки между людьми ставите, для однихъ по вашему одно, для другихъ—другое пишется.

— А вы думали, нѣтъ? Еще бы вы стали читать о выгодахъ золотопромышленности и вздумали бы, что это васъ именно приглашаютъ сдѣлаться золотопромышленницей.

— Что же дѣлать?

— Ничего.

— Такъ-таки ровно ничего? Это весело! Значитъ, подобныя мнѣ женщины обречены играть роль пустыхъ куколъ?

Крючниковъ задумался. Онъ былъ въ этотъ день въ какомъ-то грустномъ настроеніи духа.

— Вотъ, видите ли,— началъ онъ неторопливо:—дѣйствительной пользы себѣ трудомъ вы уже не принесете, но то, что вы дѣлаете теперь, вы могли бы, можетъ-быть, дѣлать разумнѣе. Вотъ, напримѣръ, вы благотворенія разныя, вѣроятно, оказываете, нищимъ гроши раздаете, разнымъ черносалопницамъ пенсіи выдаете, вотъ на эти-то брошенныя деньги вы могли бы устроить какія-нибудь благотворительныя заведенія на манеръ англійскихъ.

— Богадѣльни или пріюты?— перебила Катерина Ивановна съ презрѣніемъ.

— Да, пожалуй, только съ тою разницею, что въ вашихъ богадѣльняхъ и пріютахъ люди не жили бы праздно, не приводили бы въ зависть другихъ людей, которымъ не оказывается помощи, а трудились бы по своимъ силамъ, шили бы, вязали бы на себя и на свое пропитаніе, и окупали бы, мало-по-малу, затраченный на нихъ капиталъ. Разумѣется, тутъ о выгодахъ собственно *для васъ* не можетъ быть и рѣчи, тутъ дѣло идетъ о затратахъ.

— Это, въ самомъ дѣлѣ, было бы хорошо,— сказала Катерина Ивановна.

— Не радуйтесь прежде времени, — промолвилъ Крючниковъ. — Для этого, во-первыхъ, нуженъ большой капиталъ, то-есть союзъ многихъ подобныхъ вамъ благотворительныхъ лицъ, во-вторыхъ, нужно, чтобы эти лица неусыпно наблюдали за ходомъ дѣлъ въ заведеніяхъ, были бы сами и писцами, и управляющими, и ревизорами, и надзирателями, и учителями, а для этого нужно начать работать, отказаться отъ доли лѣни, отъ доли разъѣздовъ по магазинамъ, по балламъ и театрамъ, но, прежде всего, еще нужно спросить себя: изъ *какихъ* денегъ будетъ производиться благотворительность? и честно отвѣтить на этотъ вопросъ. Ну, вотъ и на этомъ поприщѣ, гдѣ дѣло идетъ не о заработкѣ, а просто о полезномъ употребленіи денегъ, не о вѣчномъ самоотверженномъ трудѣ, а просто о нѣсколькихъ часахъ труда въ теченіе дня, вы останетесь съ однимъ желаніемъ добра и, можетъ-быть, слава Богу, потому что, взявшись за дѣло и передавъ его въ руки наемныхъ управляющихъ, вы только открыли бы новый путь для воровъ. А это случилось бы непремѣнно, такъ какъ вы можете бросить нищему лишній грошъ, вы и бросаете его, а работать для ничего ни за что не станете. Вѣдь вамъ не подводитъ желудка отъ голода ближняго, вы не чувствуете боли по случаю его отмороженныхъ ногъ, вы не теряете зрѣнія отъ сорокалѣтняго шитья бѣдной бѣлошвейки.

— Я! я! отчего же это только *я* не страдаю, а *вы* страдаете страданіями ближняго? — раздражилась Катерина Ивановна.

— Да потому что они на моей собственной спинѣ отозвались,— просто и тихо отвѣтилъ Крючниковъ. — Когда я голодалъ, поработалъ, проползъ по грязи до нѣкотораго довольства, такъ и узналъ, что значатъ слова: голодъ, работа, грязь и всѣ подобныя прелести. Вотъ и фамилія моя происходитъ отъ стараго крючника Вавилы, засѣченнаго лѣтъ за сто по ошибкѣ чужимъ баріномъ. Вотъ, мой дѣдъ помнилъ про это событіе изъ жизни своего отца, такъ какъ онъ зналъ даже и то, что значитъ быть засѣченнымъ по ошибкѣ... Ну, а вашъ дѣтъ понималъ это? Каждому, Катерина Ивановна, приходится играть на жизненномъ театрѣ свою роль и, повѣрьте, что горничная въ роли герцогини такъ же будетъ смѣшна, какъ герцогиня въ роли горничной. Поймите, что тутъ все дѣло зависитъ не отъ различія сословій, не отъ степени ума, а просто отъ случая, отъ воспитанія, отъ различныхъ впечатлѣній, подъ вліяніемъ

которыхъ воспитывались вы и я... Вы, можетъ-быть, скажете, что хорошо было бы, если бы не было ни горничныхъ, ни герцогинь, а были бы просто люди... Но... но объ этомъ я могу не говорить съ вами. Лично *вамъ* разрѣшеніе этого вопроса не принесетъ пользы...

Катерина Ивановна молчала. Крючниковъ неторопливо ушелъ въ комнату ея брата.

— Прекрасно сдѣлали, что пришли, — сказалъ, какъ-то особенно егозившій и конфузившійся въ этотъ день Иванъ Ивановичъ, при появленіи въ его кабинетѣ Крючникова. — Мнѣ нужно было посовѣтоваться съ вами насчетъ одной статьи.

Крючниковъ пристально смотрѣлъ на Пащенко и, ничего не отвѣчая на его слова, спросилъ твердымъ голосомъ:

— Это ваша сестра просила васъ пригласить меня сегодня сюда?

Иванъ Ивановичъ покраснѣлъ до ушей и отвернулся въ сторону. Хитрить и лгать было невозможно.

— Да,—тихо проговорилъ онъ.

— Понимаете ли вы, что вы дѣлаете, я не говорю о себѣ, но съ нею!—еще пристальнѣе, еще тверже посмотрѣлъ Крючниковъ на Пащенко. — Понимаете ли вы, что вы помогаете ей гибнуть?

— Да вы любите ее? — обернулся Иванъ Ивановичъ къ Крючникову съ вопросомъ.

— Да, люблю,—твердо отвѣтилъ тотъ.—Ну, что-жъ изъ этого? Мало ли кого я могу любить...

Настало нѣсколько минутъ молчанія. Иванъ Ивановичъ пріискивалъ какихъ-то успокоительныхъ и обнадеживающихъ фразъ въ своемъ умѣ, склонномъ вообще къ резонерству; но въ немъ не находилось ничего, кромѣ хаоса страшныхъ мыслей и картинъ.

— Какое безысходное положеніе! — вырвалось восклицаніе у хозяина.

— Объ этомъ надо было подумать прежде,—безжалостно отвѣтилъ Крючниковъ.—Вы видѣли, что я избѣгалъ разговоровъ съ нею, что я старался, иногда кривя душою, показать ей въ черномъ свѣтѣ ея будущность, ту будущность, о которой она мечтала, а не ту, которую ей подготовила судьба. Ей тяжело жить въ той средѣ, гдѣ она живетъ теперь, но вѣдь тутъ, по крайней мѣрѣ, есть хлѣбъ, довольство, даже богатство, а если она могла бы по какимъ-

либо обстоятельствамъ сойтись со мною, то ей было бы еще тяжеле, мы были бы нищими...

— Отчего же нищими?—возразилъ Иванъ Ивановичъ и увлекся какими-то смутными надеждами, которыми всегда такъ богато воображеніе людей, никогда не испытавшихъ ни нужды, ни лишеній. — Вы, Крючниковъ, вотъ теперь даете даромъ ежедневные уроки въ разныхъ школахъ, убиваете безвозмездно время на обученіе бѣдныхъ дѣтей, но если бы вы сошлись съ сестрою, вы могли бы оставить эти занятія и учить за деньги; выгодные уроки явится.

— То-есть для своего и ея счастія я долженъ пожертвовать долею счастія десятковъ людей? — спросилъ Крючниковъ.

— Зачѣмъ жертвовать этимъ,—возразилъ Пащенко.—Мы общими силами замѣнили бы васъ, чтобы ваши ученики не потеряли возможности обучаться даромъ.

— Вы думаете, что у васъ и у моихъ друзей нашлось бы на это время?—спросилъ Крючниковъ.

— Конечно. Что значитъ для каждаго изъ насъ пожертвовать на это два, три часа въ недѣлю?

— Зачѣмъ же вы не употребляете эти два, три часа на доброе дѣло и теперь? Или вы думаете, что въ Петербургѣ только мои ученики нуждаются въ безплатномъ обученіи? Кромѣ того, вы понимаете, что если одинъ для личнаго счастья броситъ честное дѣло, то и другой, и третій оставятъ его тоже.

— Что вы это, Мальтуса, что ли, оправдываете? запрещаете бѣднякамъ наслаждаться семейнымъ счастьемъ?—разсердился Пащенко.

— Правила Мальтуса безчеловѣчны, какъ правила. Но если никто изъ насъ не станетъ жертвовать собою, то едва ли дѣло пойдетъ впередъ. Это, впрочемъ, и жертвой нельзя назвать. Если бы я бросилъ ту работу, которую считаю полезной и честной, то вѣдь я не былъ бы счастливъ. Вы знаете, что было бы, если бы я сошелся съ вашей сестрой. Оба мы не обезпечены, придется намъ терпѣть нужду; трудиться она еще не умѣетъ, можетъ-быть, она и полюбила-то меня только потому, что вы и ваша жена рисовали меня передъ нею какимъ-то героемъ. Вы знаете, что я далеко не герой. Она даже не замѣтитъ въ моей дѣятельности ничего особеннаго, когда увидитъ, что я такъ же, какъ и другіе, бѣгаю по урокамъ за какой-нибудь рубль. Можетъ-быть, за минутной вспышкой послѣдуетъ разочарованіе.

— Ну, вѣдь волка бояться, такъ и въ лѣсъ не ходить!— воскликнулъ Иванъ Ивановичъ, не раздумывая серьезно о дѣлѣ и только предаваясь своимъ мечтамъ. — Этакъ ни на комъ жениться нельзя.

— Вы ошибаетесь,—серьезно замѣтилъ Крючниковъ. — Тутъ дѣло идетъ, во-первыхъ, не о женитьбѣ. При живомъ мужѣ замужъ она не выйдетъ. Тутъ дѣло въ томъ, что достаточно ли она знаетъ меня, достаточно ли она закалена для того, чтобы наша связь оправдалась въ глазахъ людей и въ нашихъ глазахъ хотя своею прочностью. Иначе это будетъ простой капризъ, развратъ. Мы стоимъ на виду; разойдись она со мною черезъ годъ, и общество забросаетъ насъ грязью.

— Кого оно не забрасываетъ грязью! Чего вы боитесь?— рѣзко проговорилъ Пащенко.

— *Я* ничего не боюсь,—отвѣтилъ Крючниковъ.—Но вы, я думаю, знаете, что, встрѣчая Кравцева пьянымъ, общество кричитъ: «вонъ, всѣ они пьяницы!» Какъ вы думаете, что закричитъ общество, увидѣвъ, что изъ-за Крючникова жена бросила мужа, а потомъ бросила и его самого, Крючникова? *Меня* будетъ ругать общество или будетъ оно кричать: «вотъ, всѣ они таковы развиватели!..» Что же, за *себя* я боюсь, или за кого-нибудь другого, или, лучше сказать, за что-нибудь другое?

Пащенко наклонилъ голову и сталъ упорно разсматривать какую-то бумагу, но сознаться, что всѣ его планы насчетъ союза его сестры и Крючникова несостоятельны, не могъ даже передъ собою, и въ душѣ обвинялъ своего пріятеля за сухость сердца. Это обвиненіе постоянно высказывается избалованными судьбою людьми тѣмъ, кто осмѣливается высказывать имъ, что въ жизни не все идетъ какъ по маслу, что могутъ встрѣчаться и препятствія.

— Довольно,—заговорилъ опять Крючниковъ:—въ нашихъ кружкахъ вертѣлось подлецовъ, повторявшихъ либеральныя фразы. Теперь онѣ такъ опошлились, что ихъ произносить стыдно, но каждый истинно-честный человѣкъ долженъ дѣломъ доказывать возможность осуществленія честныхъ идей. Теперь только наша жизнь, наше поведеніе, наша честность могутъ произвести какое-нибудь благое вліяніе на ближнихъ, а слова, фразы, теперь ими и дуракъ не увлечется. Всѣ знаютъ, что проповѣдующіе воду всегда пили вино...

Пащенко все молчалъ.

— Вы говорили, что, вѣчно боясь ошибиться, никому и жениться нельзя,— продолжалъ Крючниковъ.—Но боялись ли вы ошибиться въ своей женѣ? Боялись ли вы, что она броситъ васъ черезъ годъ? Скажите же мнѣ, могу ли и я не сомнѣваться за Катерину Ивановну?

Иванъ Ивановичъ молчалъ. Крючниковъ тихо, въ раздумьи, ходилъ по комнатѣ. Его лицо было блѣдно.

— Что же дѣлать?—спросилъ, наконецъ, Пащенко.

— Дѣлайте все, что можетъ замарать меня въ ея глазахъ,—совсѣмъ холодно отвѣтилъ Крючниковъ..

— То-есть, пускай гибнетъ человѣкъ, лишь бы идея была спасена!—воскликнулъ Пащенко.

— Что-жъ, если бы и такъ,—спросилъ Крючниковъ.— Скажу даже больше, пусть гибнутъ люди, но только бы спасались идеи!.. Но вы ошибаетесь въ одномъ. Вы хотите сказать, что я гублю хорошаго человѣка ради торжества идеи, что этотъ человѣкъ могъ бы самъ помогать утвержденію этой идеи въ обществѣ... Это неправда. Если Катерина Ивановна хорошій человѣкъ, если она искренно ненавидитъ свою жизнь за ея мерзости, а не за отсутствіе въ этой жизни моего смазливаго лица, то она выйдетъ на дорогу и безъ моей помощи. Моя помощь тутъ принесетъ только вредъ: тутъ будетъ не развитіе, а наслажденіе минутами любви... Богъ съ ней, съ любовью, теперь не такое время...

Отъ Крючникова вѣяло холодомъ. На его лицѣ не было и признака того, что онъ испытываетъ мучительную боль. Иванъ Ивановичъ посмотрѣлъ на него и съ непріязненнымъ чувствомъ сказалъ:

— Вы говорите правду, но сестру вы не любите.

— Можетъ быть,—отвѣтилъ Крючниковъ и, холодно пожавъ руку Пащенко, вышелъ.

Между этими людьми открылась пропасть. Еще за часъ они стояли дружно на одномъ берегу, теперь они были уже на разныхъ берегахъ. Пащенко озлобленно думалъ: «Что же будетъ, если каждый изъ насъ такого гражданина будетъ разыгрывать? Все въ жертву идеѣ, дѣлу, и какое это дѣло, удастся ли что-нибудь сдѣлать на пользу ближнимъ, и велика ли потеря для дѣла, если убудетъ однимъ человѣкомъ!..» Крючниковъ не предавался никакимъ думамъ и мечтамъ, но, повидимому, совершенно спокойно проработалъ вечеръ и часовъ въ десять пошелъ къ Кравцеву. Кравцевъ попался ему въ воротахъ своего дома.

— Куда ты?—спросилъ Крючниковъ.

— Въ трактиръ,— отвѣтилъ Кравцевъ. — Деньженки получилъ.

— Выпить захотѣлось?

— Да.

— Ну, пойдемъ вмѣстѣ.

Кравцевъ посмотрѣлъ на Крючникова и удивился.

— Что ты пить будешь?—спросилъ онъ.

— Рюмку выпью,—отвѣтилъ Крючниковъ. — Да я не за тѣмъ иду, а просто съ тобой хочется побыть, чтобъ одному дома не оставаться.

— Ну, такъ знаешь ли что?—сказалъ Кравцевъ.—Тамъ я вѣдь пьянъ напьюсь, а мы лучше домой пойдемъ, тамъ братишка сидитъ, и втроемъ проведемъ время. Оно тебѣ веселѣе будетъ. Не хорошъ ты, парень, сегодня.

Крючниковъ дѣйствительно былъ «не хорошъ» въ этотъ вечеръ. Онъ осунулся и былъ желтъ; эти перемѣны случаются съ нервными людьми совершенно внезапно.

XVII.

Бѣда не приходитъ одна. Это изреченіе вполнѣ справедливо. Каждый человѣкъ, который съ любовью слѣдилъ зоркимъ взоромъ за жизнью своихъ ближнихъ, знаетъ, что въ жизни людей повторяются періоды, когда одна бѣда ведетъ за собою сотни другихъ несчастій. Какой-нибудь бѣднякъ лишится мѣста, терпитъ нужду, а тутъ-то и явятся молчавшіе до этой поры кредиторы-мучители, жена не вынесетъ лишеній и сляжетъ въ постель, безъ ея материнскаго глаза захвораетъ ребенокъ, болѣзнь кончится его смертью: лѣкарства, потеря сына, похороны, уплата долговъ и новые долги, все это идетъ одно за другимъ, и человѣкъ начинаетъ терять голову; въ эти минуты всего легче сдѣлаться пьяницей или самоубійцей. Такое время настало для Катерины Ивановны. Она отказалась отъ знакомства съ графомъ Баумгрилле. Это вызвало разрывъ съ мужемъ и стремленіе сойтись для совѣщаній съ лучшимъ изъ видѣнныхъ ею людей. Но поклоненіе какой бы то ни было молодой личности со стороны другой такой же молодой личности близко граничитъ съ любовью—и вотъ Катерина Ивановна со страхомъ, съ замираніемъ въ сердцѣ почувствовала, что она любитъ Крючникова, что она впервые понимаетъ, что такое любовь. Страданіямъ не было конца. Послѣ каждой новой сцены съ мужемъ, молодая женщина стремилась свидѣться съ Крючниковымъ. Но онъ не являлся: то говорили, что онъ поздо-

ровъ, то разсказывали, что онъ занятъ, и молодая женщина проводила безсонныя ночи, размышляя, какъ бы устроить свою судьбу; нерѣдко она сознавалась себѣ, что Крючниковъ не можетъ сойтись съ ней, и тогда еще страшнѣе казалось ей будущее. Что дѣлать? Переживая дни одиночества, не являясь въ обществѣ, она часто боялась за свой умъ. Дѣйствительно, если не умъ, то здоровье могло бы не выдержать мученій этихъ дней, но въ такіе дни нерѣдко являются на выручку совершенно постороннія обстоятельства, отвлекающія человѣка отъ его idée fixe и дающія ему возможность забыться и успокоиться. Такъ было спасено и здоровье Катерины Ивановны. Старуха, мать Виктора Владиміровича, какъ знаетъ читатель, жаловалась постоянно на болѣзнь ногъ; но не ноги, а старость, сидячая жизнь, да любовь плотно покушать грозили опасностью ея жизни. Въ одинъ прекрасный день старуха слегла въ постель. Болѣзнь тянулась долго, докторъ прописывалъ лѣкарства, запрещалъ ѣсть кислое и соленое, старуха лѣкарства выливала по большей части прочь, а кислое и соленое ѣла въ избыткѣ. При такой системѣ лѣченія, противъ всякаго ожиданія, болѣзнь сдѣлалась неизлѣчимой. Какъ ни странно было это обстоятельство, но пришлось помириться съ нимъ и позвать священника... Катерина Ивановна не чувствовала ни любви, ни отвращенія къ старухѣ и глядѣла на нее, какъ на неизбѣжную мебель. Въ послѣднія минуты жизни этой лишней спицы въ колесницѣ ближнихъ, молодая женщина ухаживала за нею, и чѣмъ опаснѣе становилась болѣзнь, тѣмъ болѣе успокоивалась Катерина Ивановна относительно своихъ думъ; она отдалась заботамъ о другомъ существѣ и забыла на время себя.

— Витя, насчетъ похоронъ не заботься,—съ одышкой говорила старуха сыну. — Я всѣмъ распорядилась... Я, ты знаешь, управляла у батюшки конторой...

Старуха смолкла на минуту, точно боясь, что сынъ запретитъ ей говорить объ управленіи конторой, но сынъ молчалъ и слушалъ.

— Ну, и привыкла дѣло дѣлать, не безпокоить другихъ,— продолжала старуха прерывающимся голосомъ.— Только, вотъ, въ послѣдніе-то годы я у тебя, голубчика моего, на шеѣ сидѣла, ноги меня сгубили, дѣла дѣлать не могла... А то я всѣмъ распорядилась...

Старуха снова замолчала, ея лицо сдѣлалось какимъ-то сѣрымъ, почти такой цвѣтъ имѣетъ сильно пересохшая

земля, глаза потухли, только по губамъ пробѣгала какая-то неясная улыбка, видно было, что въ головѣ умирающей еще вертятся какія-то утѣшительныя мысли.

— Бывало архимандритъ-то Ѳеодосій... Хи-хи-хи!—вдругъ засмѣялась старуха какимъ-то смѣхомъ дѣтскимъ и слабо махнула рукой, не договоривъ своей мысли, озарившей ея закатъ какимъ-то успокоительнымъ свѣтомъ. Такъ иногда заходящее за облаками солнце лѣтняго дня вдругъ прорвется какимъ-то одинокимъ лучомъ сквозь тучи и, прежде чѣмъ вы успѣете уловить этотъ лучъ, померкнетъ — день конченъ.

Викторъ Владиміровичъ еще слушалъ, еще ждалъ чего-то, но продолженія рѣчи не было, передъ сыномъ лежалъ трупъ старухи-матери, а около ея глазъ бродили мухи...

— Надо распорядиться,—встрепенулся Благово, осѣняясь крестнымъ знаменіемъ: — гдѣ ключи?

Катерина Ивановна задумчиво смотрѣла на трупъ и не слыхала вопроса. Благово пожалъ плечами и обратился къ горничной:

— Ключи отъ сундука и комодовъ гдѣ?

— Подъ подушкой у барыни,—отвѣтила горничная.

— Подайте же ихъ сюда,—обратился онъ къ женѣ.

— Что?—очнулась она.

— Ключи отъ сундука и комодовъ.

— Ихъ у меня нѣтъ.

— Да, вѣдь, она же говоритъ, что у васъ подъ подушкой,—указалъ Благово на горничную.

— Не у нихъ-съ,—вмѣшалась горничная:—а вотъ у барыни,—указала она на мертвое тѣло.

Благово смутился. Онъ никакъ не думалъ, чтобы трупъ могъ быть барыней. Горничная подала ему ключи. Пришли женщины для обмыванія. Катерина Ивановна не трогалась съ мѣста. Передъ ея глазами впервые умеръ человѣкъ. Какъ это просто. И между тѣмъ, какая это роковая минута! Трупъ одѣли и вынесли въ другую комнату на сдвинутые столы, покрытые простыней. Викторъ Владиміровичъ остался одинъ въ комнатѣ и открылъ сундукъ. Тамъ лежало пожелтѣвшее отъ времени бѣлое атласное платье, пожелтѣвшій бѣлый блондовый вуаль, сшитый въ видѣ савана, и по ненадѣванной, но тоже пожелтѣвшей, парѣ каждой изъ принадлежностей женскаго бѣлья. Около этихъ вещей лежалъ пакетъ съ надписью: «Деньги на мои похороны». Въ пакетѣ лежали ветхія ассигнаціи и роспись, гдѣ зна-

чилось, сколько дать попу, читальщику и гробовщику, да было прибавлено. «А хоронить меня въ подвенечномъ платье и бѣлье есть».

Викторъ Владиміровичъ сидѣлъ и читалъ эти безграмотныя строки, а минуты бѣжали за минутами и пробѣжало ихъ много...

— Что же такое? Насмѣшка? Глупость?

— Надо послать за читальщикомъ, распорядиться всѣмъ, — сказала Катерина Ивановна, войдя въ комнату.

— Да-съ! — злобно откликнулся онъ. — Надо, надо! Вездѣ, гдѣ что-нибудь надо, тамъ будь я, тамъ вы въ сторонѣ. Вамъ бы сентиментальничать, изъ комнаты въ комнату ходить, картинками любоваться! Погодите, скоро не придется сложа руки сидѣть, нищею будете!..

Катерина Ивановна съ нѣмымъ изумленіемъ глядѣла на мужа: онъ былъ зеленъ.

— Что это? — спросила какъ-то безсознательно Катерина Ивановна, увидавъ приведенные въ безпорядокъ блонды и атласъ, лежавшіе въ сундукѣ.

— Что вы, ослѣпли развѣ? — злобно проговорилъ Викторъ Владиміровичъ. — Саванъ!

Катерина Ивановна испугалась тона, которымъ произнесено это слово: «Саванъ!» Она поняла все, хотя Викторъ Владиміровичъ не объяснялъ ничего и даже злился потомъ на себя и за тѣ немногія слова, которыя вырвались у него изъ пылу негодованія. Онъ сердился бы на себя еще болѣе за нихъ, если бы зналъ, что его жена ходила до часу ночи по комнатѣ и все думала только объ этихъ немногихъ словахъ, высказанныхъ имъ.

— И этотъ человѣкъ мой мужъ, и для этого-то человѣка я должна жить! — воскликала вслухъ Катерина Ивановна и въ горькомъ раздумьи качала головой...

Кончились похороны, прошло еще нѣсколько дней, прошло еще нѣсколько тяжелыхъ, безобразныхъ сценъ между мужемъ и женою.

— Мы скоро будемъ нищими, — говорилъ, между прочимъ, Викторъ Владиміровичъ женѣ. — Для кого я разорялся, входилъ въ долги? Для васъ. Вамъ хотѣлось танцовать на балахъ, вамъ нужны были ложи въ театрѣ, вы ласкали меня, выпрашивая обновки. Вы не думали тогда, изъ какихъ средствъ это дѣлается. Я зналъ правду, я зналъ, что я дѣлаю долги, но я думалъ, что мнѣ повезетъ по службѣ, какъ

везло всегда прежде; везло бы и теперь, я расквитался бы съ кредиторами. Долгъ не безчестье: должая и надѣясь отдать, я былъ чистъ. Но вы порвали мои связи съ людьми, вы озлобили этихъ людей противъ меня, и они подставляютъ мнѣ ноги. Вы знаете ли, что меня могутъ отдать подъ судъ? Шли бы въ монастырь, если не умѣете жить съ людьми. Свѣтъ не Аркадія! Говорю вамъ: шли бы въ монастырь.

Катерина Ивановна молчала... Тяжелые дни продолжались. Тупая боль давила грудь. Умъ требовалъ отдыха. Оставаться въ этомъ положеніи было невозможно. Это сознавала молодая женщина вполнѣ, и въ одинъ изъ самыхъ мучительныхъ вечеровъ рѣшилась на что-то...

Будуаръ Катерины Ивановны былъ погруженъ въ фантастическій полусвѣтъ. Въ каминѣ догорали красноватымъ пламенемъ остатки дровъ, на письменномъ роскошномъ столѣ горѣла лампа съ матовымъ шаромъ, на полу рисовались затѣйливые узоры тропическихъ растеній, окружавшихъ этотъ столъ, тяжелыя драпри у оконъ и дверей широкими складками опускались до полу и придавали богатой комнатѣ какой-то мрачный видъ. Казалось, что онѣ повѣшены въ этой дорогой тюрьмѣ, чтобы ловчѣе скрывать шпіоновъ. Катерина Ивановна сидѣла у стола и писала письмо. Писаніе продолжалось около часа, по временамъ встревоженная женщина съ болѣзненнымъ выраженіемъ сжимала руками свою пылавшую голову, иногда поспѣшно отирала слезу, набѣжавшую на глаза, или боязливо прислушивалась къ звуку шаговъ въ сосѣдней комнатѣ, прятала подъ книгу письмо и дѣлала видъ, что она читаетъ, и черезъ нѣсколько минутъ, убѣдившись, что по той комнатѣ безцѣльно бродилъ кто-нибудь изъ домашнихъ соглядатаевъ-лакеевъ и горничныхъ, снова принималась писать. Наконецъ, письмо было окончено; она торопливо начала перечитывать его, перебѣгая глазами нѣкоторыя строки и пропуская другія. «Я знаю,— читала она отрывки письма:—что вамъ нѣтъ расчета взять меня къ себѣ, но ради Бога, нѣтъ! ради моей любви къ вамъ, спасите меня, я гибну!.. Можетъ-быть, я не стою спасенія, я сама никого никогда не спасала, но развѣ я виновата, что меня не учили спасать ближнихъ и заботиться о нихъ. Развѣ возможно, чтобы обрекали гибели и казнили человѣка только за то, что его не научили быть полезнымъ?.. Вы не таковы; я знаю, хоть вы и скрываете это, что вы добрый, мягкій человѣкъ, готовый жертвовать

и жертвующій собою для ближнихъ, что подъ внѣшнею суровостью и сухостью въ васъ таится нѣжное сердце. Спасите же ту, которая васъ любитъ болѣе всего на свѣтѣ... Я не требую отъ васъ ничего, я буду для васъ всѣмъ, чѣмъ вы мнѣ велите быть, только избавьте меня отъ настоящей жизни, праздной, вредной, ведущей къ паденію... Охъ, какъ мнѣ тяжело, если бы вы знали, какъ мнѣ тяжело! Поймите, что я вѣдь молодая еще, что я не привыкла къ этому омуту!» Катерина Ивановна разгоралась все болѣе и болѣе, перечитывая эти строки, и ей казалось, что она не высказала всего того, что нужно было высказать: новыя мольбы, новыя мысли тѣснились въ голову, вихремъ крутились въ ней, жгли ея мозгъ. «Нѣтъ, нѣтъ, это не то!»—воскликнула она и, скомкавъ письмо, бросила его въ каминъ.—«Я должна его видѣть, должна говорить съ нимъ. Господи! Помоги мнѣ». Она подошла къ углу, гдѣ висѣлъ едва замѣтный днемъ, а теперь совсѣмъ скрывшійся во мракѣ образокъ Спасителя и, бросившись на колѣна, припала лицомъ къ ковру. Бѣдная, она не знала, о чемъ она молилась, да и не молитвы были ей нужны въ сущности, а просто возможность у чьихъ-нибудь ногъ выплакать свою душу, и если бы въ эту минуту явился тотъ неизвѣстный, къ кому она писала, то она прильнула бы къ его ногамъ, и у нихъ, можетъ-быть, вымолила бы себѣ спасенье... Навѣрно вымолила бы! Бываютъ минуты, когда ни одинъ человѣкъ не устоитъ передъ голосомъ, кричащимъ у его ногъ: спаси!—и, губя самого себя, свое любимое дѣло, цѣлый кружокъ людей, не видя ничего кругомъ, бросится онъ на помощь погибающему. Въ такія минуты изъ людей дѣлаются герои... Ну, а что въ будущемъ у героевъ?..

XVIII.

Крючниковъ задумчиво ходилъ по своей бѣдно убранной комнатѣ скорой походкой и изрѣдка разминалъ лѣвой рукой правую, затекшую отъ четырехчасового, безостановочнаго писанья. Его лицо, по обыкновенію, было строго, серьезно и даже сурово, губы изрѣдка шевелились, брови сжимались, нервы, повидимому, не устояли подъ ударами горькой жизни и разстроились. Проходя мимо заваленнаго книгами стола, онъ мелькомъ взглядывалъ на исписанную бумагу, какъ будто напряженно стараясь не упустить изъ памяти ни одной написанной тамъ буквы. Видно было, что какъ только

его рука будетъ въ состояніи держать перо, такъ онъ тотчасъ же примется снова за работу. Такъ прошло съ полчаса. Вдругъ у дверей комнаты послышался робкій стукъ. Крючниковъ сердито нахмурилъ брови и раздраженнымъ голосомъ пригласилъ несвоевременнаго посѣтителя войти. Дверь отворилась. Крючниковъ отшатнулся назадъ, точно передъ нимъ стояло привидѣніе.

— Извините, можетъ-быть, я поступила опрометчиво, но мнѣ нужно было видѣть васъ, поговорить съ вами,—произнесъ прерывающійся, смущенный голосъ.

— Что вамъ угодно?—спросилъ Крючниковъ, овладѣвъ въ минуту собою.

Ни онъ, ни Катерина Ивановна, такъ какъ это была она, не думали здороваться, такъ странно было для обоихъ это свиданіе.

— Позвольте мнѣ присѣсть.

Катерина Ивановна поискала глазами мѣста. Въ комнатѣ былъ только одинъ стулъ, стоявшій у письменнаго стола, и кровать, стоявшая въ углу. Крючниковъ молча подвинулъ стулъ и прислонился къ стѣнѣ.

— Я, кажется, не вò-время пришла, вы работали... Можетъ-быть, въ другое время...—въ смущеніи начала она и не кончила.

Крючниковъ кусалъ ногти и исподлобья смотрѣлъ на нее. Выраженіе мýки придавало еще болѣе прелести ея лицу.

— Я все не то говорю!—съ мучительной улыбкой заговорила она снова.—Вѣдь вы и всегда работаете, васъ не застанешь безъ дѣла, ни разу не видѣла я васъ, чтобы вы не торопились къ работѣ...

Лицо Крючникова передернулось отъ нетерпѣнія, но говорить онъ не могъ, словно боялся чего-то. Выраженіе нетерпѣнія не ускользнуло отъ Катерины Ивановны и немного раздражило ея измученную душу.

— Извините,—сказала она со своей обычной невольной ироніей, отзывавшейся болью:—я, можетъ-быть, отнимаю у міра нѣсколько геніальныхъ страницъ, но простите эгоистку, ей нужна ваша помощь.

Крючниковъ вспыхнулъ.

— Не знаю, что вы отнимаете у міра, но у меня вы отнимаете часть поденнаго заработка безъ всякой пользы для себя,—сухо произнесъ онъ.

Эти слова были холодною водою для Катерины Ивановны; она какъ бы очнулась отъ тяжелаго сна и вдругъ

вспомнила и то, за чѣмъ пришла, и то, что нужно говорить.

— Я такъ давно не видала васъ, въ это время я пережила то, чего не переживала во всю жизнь. Мое существо разбито, у меня здороваго мѣста нѣтъ. Мнѣ нужны ваши совѣты, ваша помощь.

Крючникову почему-то пришло въ голову, что мужъ Катерины Ивановны попался подъ судъ. Выраженіе смутной радости скользнуло по его лицу.

— Съ вашимъ мужемъ что-нибудь сдѣлалось?—торопливо спросилъ онъ.

— Нѣтъ. Что можетъ сдѣлаться съ подобными людьми!— съ отвращеніемъ и ненавистью воскликнула она.

— Такъ что же?

Катерина Ивановна начала съ жаромъ передавать всю исторію своей семейной жизни, своихъ разочарованій, своего неумѣнья выйти безъ чужой помощи изъ настоящаго положенія. Ея рѣчь была желчною, горькою, въ ней слышалась не шуточная раздражительность капризнаго ребенка, но горькая ненависть честной женщины, сознавшей гнусность своего безполезнаго существованія, ведущаго къ гибели. Лицо молодой женщины было еще прекраснѣе, чѣмъ оно было всегда, оно горѣло, глаза сверкали, и въ нихъ было что-то не молящее, но повелительное, строптивое, требующее отвѣта.

— Да, вы стоите на засоренной дорогѣ,— произнесъ Крючниковъ.

— Но развѣ я виновата?—перебила его Катерина Ивановна.

— Кто-жъ васъ обвиняетъ? Тутъ виноваты случай и другіе люди. Но вамъ отъ этого не легче.

— Гдѣ же исходъ?

— Исходъ,— задумчиво началъ Крючниковъ, обдумывая что-то.

— Да, да, исходъ!—снова перебила Катерина Ивановна.—Мнѣ невыносима эта жизнь. Я чувствую, что можно жить лучше, честнѣе. Мнѣ стыдно рядиться въ эти тряпки, купленныя въ долгъ, мнѣ отвратительно жить съ моимъ мужемъ, котораго я презираю, какъ презираютъ его честные люди даже въ его кружкѣ, мнѣ больно...

Катерина Ивановна замолчала на минуту, потомъ почти шопотомъ произнесла:

— Мнѣ больно, что *вы* и подобные вамъ люди смотрятъ на меня съ презрѣніемъ.

— Кто вамъ сказалъ, что я васъ презираю?—вырвалось у Крючникова невольное восклицаніе.

— Ну да, я не такъ выразилась, вы смотрите на меня съ состраданіемъ, какъ на идіота, какъ на раба... Послушайте, что тутъ хитрить, меня рѣжетъ по сердцу это состраданіе, я васъ...

Крючниковъ не далъ ей кончить фразу. Онъ, кажется, угадалъ недосказанное слово и испугался его. Онъ тихо отодвинулся отъ стѣны, пожалъ руку Катерины Ивановны и началъ серьезнымъ голосомъ:

— Я все знаю; ваше положеніе ужасно, но чѣмъ же я могу помочь вамъ, кромѣ своего состраданія? Вы попали подъ колесо переходного времени, оно раздавило ваши кости, измучило вашъ умъ, оставивъ вамъ жизнь... Чѣмъ же тутъ пособить? Поѣзжайте года на два въ деревню, поживите тамъ, отдохните, попробуйте поучить крестьянскихъ дѣтей, привыкните къ этому труду...

— Нѣтъ, это не то! Ради моей любви къ вамъ, укажите мнѣ полный исходъ изъ этого положенія. Я еще хочу жить; понимаете ли вы, что я хочу теперь жить, честно, счастливо жить! Взгляните, я такъ молода; можетъ-быть, я и здѣсь привыкну къ труду, привыкну къ лишеніямъ!

Изъ глазъ Катерины Ивановны брызнули слезы.

Крючниковъ вздрогнулъ и снова прислонился къ стѣнѣ, точно желая найти опору и подальше уйти отъ этой цвѣтущей молодостью и красотой женщины.

— Нѣтъ, Катерина Ивановна,—грустно сказалъ онъ:—скоро сказка сказывается, не скоро дѣло дѣлается... Я человѣкъ простой, грубый, не учился красно говорить и потому мое слово рѣзко... Вы меня любите, но это не научитъ васъ ни въ недѣлю, ни въ мѣсяцъ, ни въ годъ зарабатывать насущный хлѣбъ, а я едва могу прокормить себя и своихъ родныхъ.

— Такъ я ошиблась, вы мнѣ никогда не сочувствовали!—сжимая брови, произнесла Катерина Ивановна.—Вы боитесь, что я отниму лишній кусокъ хлѣба у васъ и вашихъ родныхъ.

— Боюсь,—отвѣтилъ Крючниковъ.—Мы не дѣти и не въ воздушныхъ замкахъ живемъ. Будемте судить хладнокровно и твердо.

Крючниковъ, сказавъ это, пріостановился: у него захва-

тяжело дыханіе, и губы были сини. Кажется, въ эту минуту онъ былъ менѣе всего способенъ на хладнокровное обсужденіе дѣла.

— Вы ненавидите свое положеніе, но въ то же время вы хотите вырваться изъ него *только черезъ меня*,—продолжалъ онъ утомленнымъ голосомъ.—Значитъ, вы любите меня, и любовь ко мнѣ играетъ немалую роль въ вашей рѣшимости... Вы видите возможность жить со мною... Теперь остается рѣшить, что сильнѣе подталкиваетъ васъ на другой путь: ненависть ли ваша къ образу вашей жизни или любовь ко мнѣ. Если только любовь ко мнѣ, то вы не выносите жизни со мною.

Крючниковъ опершя рукой о столъ, его колѣни подкосились.

— Да, вы не выносите этой жизни,—продолжалъ онъ.—Нужды вы не видали и не знаете, что она значитъ. Вы молоды, вы вѣрите въ свои силы; но, вѣрьте мнѣ, Катерина Ивановна, съ нуждой бороться у васъ, можетъ-быть, не станетъ силъ. Къ ней надо привыкнуть съ пелснъ, подъ ея ударами нужно окрѣпнуть съ дѣтства, чтобы имѣть возможность переносить ее потомъ... Передъ ней не устоитъ свѣжая, незнакомая съ ней сила, подъ ея проклятыми ударами эта сила сломится и скажетъ: лучше подлость, лучше безчестье, чѣмъ нужда.

Крючниковъ махнулъ рукой.

— Подаромъ я толкался по свѣту, я это все знаю; я сильнѣе васъ, а и мнѣ приходилось падать,—произнесъ онъ безнадежно.—Взгляните же, какъ я живу; что ждетъ васъ у меня... Вы сказали, что я боюсь лишить своихъ родныхъ лишняго куска хлѣба, но знаете ли вы, что у нихъ нѣтъ лишнихъ кусковъ хлѣба?.. Я долженъ, между тѣмъ, кормить ихъ: общество не обязано заботиться о нихъ: оно и не заботится о нихъ, у него и безъ нихъ слишкомъ много нищихъ. А у васъ есть покуда кусокъ хлѣба: отнимая его у васъ и не имѣя возможности накормить васъ, я сдѣлалъ бы подлость, доставилъ бы обществу заботу о лишнемъ бѣднякѣ: вы ѣли бы кусокъ которой-нибудь изъ моихъ сестеръ, и она пошла бы по-міру...

— Боже мой, Боже мой!—воскликнула Катерина Ивановна, не замѣчая выраженія лица Крючникова.—Думала ли я, что можно такъ разсчитывать, когда васъ просятъ о спасеніи. Вы бросаете женщину на гибель изъ боязни, что, *можетъ-быть*, кому-нибудь недостанетъ отъ этого куска хлѣба!..

— Да-съ, изъ боязни, что недостанетъ куска хлѣба, что этотъ кусокъ придется воровать у другихъ людей, неповинныхъ въ томъ, что я вздумалъ себя потѣшить любовью, пороскошничать!

— Вамъ тѣшить себя любовью?.. Ха-ха-ха,— рыдающимъ голосомъ засмѣялась Катерина Ивановна.—Вы не понимаете, что̀ значитъ любовь!.. По-вашему, по-новому, это волненіе въ крови, каплями разными можно отъ нея вылѣчиться, какъ говорила моя невѣстка... Оттого-то вы и играете сердцами женщинъ, увлекаете ихъ блестящими фразами, своей холодной честностью, своими...

Глаза Крючникова сверкнули гнѣвомъ, онъ вдругъ очнулся, такъ что Катерина Ивановна отшатнулась отъ него въ испугѣ.

— Вы лжете!—крикнулъ онъ, не владѣя собою.—Ни съ вами, ни съ одной женщиной вашего закала я не искалъ сближеній, никому никогда не говорилъ блестящихъ фразъ. Я поступаю такъ, чтобы мнѣ не въ чемъ было раскаиваться. Припомните все наше знакомство, я ни разу не подалъ вамъ надежды ни на что, ни на нашъ союзъ, ни на возможность для васъ какой-нибудь другой жизни. Что̀ создало ваше воображеніе, въ томъ я не виноватъ... Скажите, чего вамъ нужно отъ меня, сударыня?

Катерина Ивановна не вынесла этого тона и зарыдала.

— Другъ мой, другъ мой, простите меня! Я слабая женщина... Я сама не знаю, что̀ я говорю... Поймите, въ какомъ я положеніи... Дайте мнѣ совѣтъ, что̀ мнѣ дѣлать, укажите мнѣ исходъ изъ моего положенія.

Катерина Ивановна схватила руку Крючникова и, прежде чѣмъ онъ опомнился, прильнула къ ней горячими губами. Онъ вздрогнулъ всѣмъ тѣломъ, хотѣлъ-было коснуться до нея рукою, но вдругъ отшатнулся и опустилъ голову.

— Для васъ нѣтъ исхода!—глухо прошепталъ онъ и отворотился въ сторону, чтобы скрыть свое лицо.

Дня черезъ четыре Крючниковъ, блѣдный и полубольной, сидѣлъ у окна, опершись на подоконникъ и опустивъ на руки голову. За стѣной, по обыкновенію, слышались звуки фортепіано, это сестра Крючникова давала урокъ какой-то ученицѣ; на улицѣ гремѣли проѣзжающіе экипажи, раздавалась брань мужиковъ, повторялись на разные лады крики разносчиковъ, визгъ шарманокъ, все это было обыкновенно, но страшно дѣйствовало на разстроенные нервы. Крючни-

комъ то безсѣльно и безсознательно прислушивался къ уличному шуму, то ловилъ звуки музыки, и ему вспоминались другіе мотивы, другія сцены. Тысячи мыслей вихремъ кружились въ молодой головѣ, и напрасно старался Крючниковъ увѣрить себя, что это глупо, что это сентиментальничанье, что нужно быть твердымъ, напрасно онъ говорилъ себѣ, что и безъ любви можно прожить, что и самая любовь къ Катеринѣ Ивановнѣ вызвана двумя, тремя горячими фразами молодой женщины, да ея энергичнымъ, чуднымъ лицомъ, что и эта женщина, можетъ-быть, остынетъ, забудетъ его и примирится съ жизнью, съ мужемъ, что даже безчестно убиваться за нее, не имѣя ни силъ, ни права помочь ей или обѣщать помощь.

— Да вѣдь это человѣкъ убивается, живой человѣкъ!— проговорилъ онъ, наконецъ, почти вслухъ и зашагалъ по комнатѣ.

Новыя думы зароились въ головѣ, и шли онѣ рядомъ съ болѣзненной, мучительной тоской, и все росла и росла эта тоска. Впервые въ жизни онъ сознавалъ, что семья и бѣдность сковали его по рукамъ и ногамъ, впервые въ жизни онъ завидовалъ богачамъ. Кажется, если бы онъ былъ свободенъ, то онъ теперь ушелъ бы куда-нибудь далеко, далеко, чтобы забыть и разлюбить все, что теперь надрывало его сердце. «Вѣдь вотъ,— думалось ему: —какой-нибудь счастливый франтъ осмѣялъ бы меня и сказалъ бы, что я вѣрно не очень сильно люблю, если еще могу разсуждать. Онъ самъ, если бы полюбилъ, то и потѣшился бы любовью. Она погибла бы, можетъ-быть, да что же ему за дѣло до этого? Чувство любви было бы удовлетворено, это для нихъ главное. Только понятіе о свободѣ чувства они и успѣли выработать, благо это представляетъ имъ выгоду. Понимать любовь иначе они не умѣютъ. Да, можетъ-быть, я, и въ самомъ дѣлѣ, недостаточно люблю ее?»—спросилъ онъ себя и тутъ же ему вспомнилось, что уже не разъ, въ послѣднее время, совершались передъ его глазами подобныя драмы въ жизни знакомыхъ ему женщинъ, но онъ оставался тогда спокойнымъ, хладнокровнымъ зрителемъ, и только теперь оставило его всякое самообладаніе, всякая разсудительность.

— И что тамъ сестра разыгралась! Точно мелодрама съ музыкой,—обозлился онъ вдругъ и тутъ же подумалъ:—да вѣдь она и вчера, и третьяго дня, и во всѣ другіе дни играла, чего-жъ я взбаламутился?

Онъ сѣлъ за столъ, развернулъ книгу и началъ читать.

Чтеніе не шло впередъ, глаза пробѣгали между строкъ, мысль работала въ одномъ и томъ же направленіи, передъ глазами носился одинъ и тотъ же образъ прекрасной женщины, то смѣющейся, то плачущей, но всегда оживленной и кипящей молодыми силами.

— Да что же это я съ ума схожу, что ли?—вдругъ вскочилъ онъ со стула.—Ахъ, будь ты проклята, бѣдность! Молодость, свѣжесть, силы, разсудокъ, все, все гибнетъ!..

Онъ бросился на постель и уткнулся въ подушку. Уже не въ первый разъ въ эти дни приходилось ему засыпать, не раздѣваясь...

— Къ тебѣ письмо,—послышался голосъ надъ ухомъ Крючникова, когда онъ открылъ на другой день поутру глаза. Въ комнатѣ стояла его меньшая, тринадцатилѣтняя сестра. Она положила на столъ письмо и вышла вонъ.

Крючниковъ вскочилъ, распечаталъ пакетъ и сталъ читать: «Я ѣду на два года въ деревню учиться и учить дѣтей. Два года не вѣчность. Мы еще молоды». Крючниковъ читалъ и перечитывалъ эти строки, стоя на томъ же мѣстѣ, гдѣ стоялъ четыре дня тому назадъ, прислонившись къ той же стѣнѣ.

— Да! мы еще молоды,—проговорилъ онъ, опуская руки.

Въ немъ вдругъ закипѣла потребность работать, биться съ судьбою, чтобы въ теченіе двухъ лѣтъ подготовить счастливую будущность себѣ и той, которую онъ любилъ, которая самостоятельно, безъ помощи всякихъ спасителей, твердо шла на новую дорогу. Его умъ, не обладавшій никогда способностью мечтать, строилъ теперь разные планы, ему казалось совершенно естественнымъ, что въ эти два года Благово попадется подъ судъ или умретъ и уступитъ дорогу ихъ молодымъ силамъ. Посреди этихъ мечтаній передъ Крючниковымъ носился образъ энергичной и страстной женщины: всѣ считали эту женщину за самую хорошенькую, Крючниковъ думалъ теперь и вѣрилъ, что она будетъ черезъ два года самою сильною, самою честною, передъ ней онъ готовъ былъ стать на колѣни.

Вечеромъ въ тотъ же день онъ писалъ длинное письмо, вѣроятно, къ ней...

ВЪ РАЗБРОДЪ.

РОМАНЪ

ВЪ 2-ХЪ ЧАСТЯХЪ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I.

Радости и огорченія капитана Хлопко.

Капитанъ Хлопко жилъ со мною...

Впрочемъ, лучше я начну съ того времени, когда капитанъ Хлопко жилъ одинъ, а я совсѣмъ не имѣлъ счастія жить. Это было давно, слишкомъ сорокъ лѣтъ тому назадъ. Я не сталъ бы говорить о такой отдаленной отъ насъ эпохѣ, если бы исторія моей послѣдующей жизни была понятна безъ исторіи моего дѣтства, и если бы исторія моего дѣтства, въ свою очередь, была понятна безъ описанія личности капитана Хлопко.

Итакъ, начинаю сначала.

Мирное затишье жизни сорокалѣтняго холостяка, капитана Петра Акимовича Хлопко, было нарушено въ послѣдніе два года совершенно необычайными и, въ нѣкоторомъ родѣ, торжественными событіями. Они отчасти сбили добраго старика съ толку и съ ногъ. Въ эти два года онъ сталъ такъ рѣдко появляться на своемъ обычномъ мѣстѣ въ англійскомъ трактирѣ Бека среди холостяковъ-товарищей, что они махнули на него рукой, какъ на человѣка пропащаго, утратившаго способность поддерживать честь стараго флота и показывать молодежи, какъ умѣютъ наслаждаться жизнью старые моряки. Теперь и пирушки старыхъ моряковъ, и ихъ толки о преимуществѣ старыхъ судовъ передъ новыми, и насмѣшки надъ молодежью-кислятиной и бабьемъ, все это совершалось безъ капитана Хлопко. У него шла другая жизнь, явились другіе интересы. Флотъ и все флотское отошло куда-то не только на второй, а совсѣмъ на задній планъ, и не интересовало его, въ свою очередь не интересуясь и имъ самимъ. Утра-

тивъ связь съ собратьями по службѣ, онъ утратилъ и долю своихъ старыхъ привычекъ, пріобрѣтенныхъ чуть ли не въ теченіе двадцати пяти лѣтъ морской жизни. Такъ, напримѣръ, рѣдко находилъ онъ теперь удобную минуту, чтобы, по своему прежнему обычаю, сидя въ безмолвномъ созерцаніи, накуриться до горечи, до огорченія крѣпкою сигарою. Даже постоянный другъ и спутникъ капитана въ его земныхъ странствованіяхъ—стаканъ грога, похожій на добрую кружку, не всегда являлся теперь на капитанскомъ столѣ. Однимъ словомъ, капитанъ пошелъ въ разныя стороны и со старою жизнью, и со старыми пріятелями. А между тѣмъ онъ попрежнему любилъ и флотъ, и крѣпкія сигары, и грогъ. Но дѣло въ томъ, что нашлись люди, которыхъ капитанъ полюбилъ болѣе флота, крѣпкихъ сигаръ и грога, и которые совсѣмъ не любили этихъ трехъ друзей стараго холостяка. Капитанъ покорился своей участи: сначала отказался отъ плаванія, чтобы не покидать любимыхъ людей; потомъ вышелъ въ отставку, чтобы имѣть возможность постоянно быть съ любимыми людьми; далѣе сталъ рѣже курить крѣпкія сигары, чтобы не возбуждать головныхъ болей у любимыхъ людей, и, наконецъ, отсталъ почти отъ всего, съ чѣмъ свыкся въ двадцать пять лѣтъ. Сдѣлать иначе было невозможно, когда вся его жизнь перемѣнила теченіе, когда новая жизнь и старыя привычки не могли существовать рядомъ. Такъ не могутъ существовать рядомъ безкорыстіе бѣднаго служаки и его семья, состоящая изъ пяти, шести человѣкъ; бѣднякъ долженъ отказаться или отъ своего стараго честнаго друга—безкорыстія, или отъ своего новаго вѣчно алчущаго и жаждущаго товарища—семьи. Тѣмъ или другимъ нужно пожертвовать, съ тѣмъ или съ другимъ нужно идти въ разныя стороны, въ разбродъ. Такіе разрывы со старымъ нерѣдко встрѣчаются въ жизни и переносятся не легко. Но у капитана былъ ясный и спокойный умъ, была нѣжная и любящая душа. Если онъ чему-нибудь отдавался, то отдавался всецѣло, безъ сожалѣній, безъ раскаянья, какъ рыцарь, промѣнявшій шумные пиры своего прадѣдовскаго замка на трудное скитаніе и кровавыя битвы за освобожденіе Христова гроба. Въ капитанѣ было много этого рыцарскаго чувства. Вотъ почему и теперь онъ смотрѣлъ бодрымъ и веселымъ, освоившись вполнѣ съ своимъ новымъ положеніемъ. Положеніе же было вотъ какого рода: въ одинъ прекрасный день капитанъ вдругъ сдѣлался отцомъ семейства; черезъ полгода послѣ этого непредвидѣннаго событія онъ имѣлъ несча-

стѣ потерять одного изъ своихъ дѣтей, а еще черезъ мѣсяцъ быть обрадованнымъ появленіемъ на свѣтъ здороваго внука. Дѣло или, какъ вилите, немного быстро. Читатель, любящій сентиментальныя сцены и событія, можетъ воздержаться отъ преждевременнаго восторга и не восклицать про милѣйшаго капитана: «А стариканка-то, видно, былъ не промахъ!» Капитанъ оставался вообще холостякомъ и отчасти до сихъ поръ чуждался слишкомъ близкихъ отношеній съ прекраснымъ поломъ. Причина неожиданныхъ событій въ его жизни была вовсе не скандалезная, а даже трогательная.

Въ теченіе пяти или шести лѣтъ капитанъ постоянно имѣлъ обыкновеніе, во время пребыванія на сушѣ, отправляться по воскреснымъ днямъ въ одинъ изъ петербургскихъ институтовъ. Нарядившись въ самый новый мундиръ, сидѣвшій на его угловатыхъ плечахъ мѣшкомъ, пригладивъ тщательно свои полусѣдые волосы, все-таки стоявшіе торчкомъ, и разгладивъ усы, которые вообще топорщились въ разныя стороны, какъ щетина, капитанъ являлся въ пріемный залъ. Онъ старался пройти по залу очень осторожно и тихо, при чемъ его приплюснутыя, громадныя ноги помимо его воли производили необычайный шумъ. Самымъ любезнымъ и мягкимъ голосомъ, немного походившимъ на звуки непречищеннаго рупора, онъ обращался къ дежурной классной дамѣ и, предварительно справившись о ея драгоцѣнномъ здоровьѣ, просилъ ее вызвать къ нему Машеньку Серпуховскую. Вполнѣ довольный и своею щеголеватостью, и своею любезностью, капитанъ начиналъ не безъ волненія расхаживать по залу, поправляя, то-есть еще больше, свои чубастые волосы и щетинистые усы. Не безъ пріятной гордости начиналъ онъ замѣчать, что взоры всѣхъ институтскихъ посѣтительницъ съ любопытствомъ обращаются на его никарную особу. Видя, что всѣ лорнеты окончательно направляются въ его сторону, онъ выпрямлялся, поднималъ плечи и шумѣлъ ногами еще болѣе, дѣлаясь вполнѣ развязнымъ и привлекательнымъ. Ему, какъ человѣку добродушному и общежительному, иногда очень хотѣлось въ эти минуты заговорить со всѣми институтскими посѣтительницами тѣмъ дружескимъ тономъ, которымъ онъ привыкъ говорить въ обѣденныхъ залахъ европейскихъ гостиницъ, гдѣ, можетъ-быть, никто не понималъ словъ другъ друга, но зато всѣ были дружны и веселы. Иногда капитану становилось даже грустно, что всѣ эти дамы сидятъ и шепчутся по угламъ, отдѣльно одна отъ другой, какъ будто у нихъ, отдав-

шихъ въ одно училище своихъ дочерей, нѣтъ общихъ интересовъ, общихъ вопросовъ, какъ будто ихъ дочери не составляютъ одну семью, готовящуюся вмѣстѣ наслаждаться и страдать въ жизни. Вспоминалось капитану, какъ его шумныя и веселыя рѣчи собирали около него за границею въ одинъ кружокъ даже чопорныхъ англичанокъ, и думалъ онъ:

«А что, если бы я всталъ посреди зала и сказалъ бы: милостивыя государыни, въ виду этихъ дѣтей, соединившихъ насъ въ одну семью, мы...»

Капитанъ задумался, что бы сказать далѣе.

Но прежде, чѣмъ онъ рѣшался обратиться съ торжественною рѣчью ко всѣмъ институткимъ посѣтительницамъ, къ нему неслась миленькая, живая дѣвочка, рѣзко отличавшаяся отъ всѣхъ дѣвочекъ отсутствіемъ на ней пелеринки и нарукавничковъ. Капитанская шея обвивалась красненькими, угловатыми ручонками, и капитанъ даже не успѣвалъ разгладить своихъ усовъ для поцѣлуя. Но дѣвочка, кажется, не замѣчала, что эта щетина колется, и цѣловала по десятку разъ стараго дядю. Въ эти минуты гордость капитана не имѣла границъ. Онъ ясно видѣлъ, какъ всѣ дѣвочки, а за ними и ихъ родственницы, указывали и поглядывали на него и на его Марусю. Онъ сознавалъ, что не только онъ самъ чрезвычайно ловокъ и щеголеватъ, но что и его Маруся смотритъ красивѣе всѣхъ своихъ подругъ.

— Ты отлично дѣлаешь, Маруська, что этихъ больничныхъ рукавовъ и пелеринокъ не носишь,—говорилъ онъ, поглаживая усы.

Маруся конфузилась. Капитанъ, какъ нарочно, каждый разъ забывалъ, что это отличіе есть признакъ наказанія.

— Это за шалости ихъ съ меня сняли, дядя,—замѣчала дѣвочка, потупляя глазенки.

— Въ наказаніе? Браво! Да ты въ тысячу разъ красивѣе безъ нихъ. Хороши у васъ наказанія, чортъ возьми! Ха-ха-ха!

Капитанъ разражался громкимъ хохотомъ и самодовольно обводилъ глазами пріемный залъ. Потомъ они садились гдѣ-нибудь въ углу; дѣвочка разсказывала объ институтскихъ происшествіяхъ; капитанъ заливался звучнымъ смѣхомъ или громогласно негодовалъ, забывая, что громкія изъявленія не только негодованія, но и восторга, не дозволены обычаями института. Наконецъ, дежурная классная дама подзывала къ себѣ Серпуховскую и замѣчала ей:

— Скажите вашему родственнику, что такъ хохотать нельзя. Если всѣ начнутъ такъ шумѣть, то намъ придется бѣжать отсюда.

Маруся, ругая въ душѣ классную даму, сообщала объ этомъ замѣчаніи дитѣ, и онъ начиналъ удивляться.

— Странныя у васъ женщины, очень странныя!—высоко поднималъ онъ плечи и ершилъ свой чубъ.—Я, кажется, видѣлъ свѣтъ и знаю общество, а такихъ вещей не видывалъ, чтобы людямъ смѣхъ и веселость мѣшали. Вѣдь если бы я въ дамскомъ обществѣ не бывалъ, ну, такъ можно бы подумать, что это не принято, что я вести себя не умѣю. А то у меня, слава Богу, чортъ возьми, сотни знакомыхъ женщинъ есть, даже, могу сказать безъ хвастовства, въ высшемъ кругу знакомыя есть. Да вотъ, въ бытность мою въ Портсмутѣ, самъ командиръ порта, его превосходительство адмиралъ Дондресъ, познакомилъ меня съ тремя первыми аристократками города, когда я былъ на балу въ Crown-Inn'ѣ. Это, знаешь, дитя, такой трактиръ есть въ Портсмутѣ, балы тамъ даются съ платою по три съ половиною шиллинга за билетъ. Ну, ужъ и хохоталъ же я на этомъ балу, глядя, какъ тамъ экосезъ безъ всякой такты танцуютъ тамошніе танцоры!

Увлекшись воспоминаніемъ объ аристократкахъ, бывшихъ на трактирномъ балу, и объ экосезѣ, капитанъ снова началъ хохотать и шумно разсказывалъ свои приключенія на портсмутскихъ балахъ, опять забывая, что такъ громко смѣяться нельзя.

Но какъ бы то ни было, капитанъ былъ весьма доволенъ своими воскреснными похожденіями и даже въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ слѣлалъ въ институтѣ не мало знакомствъ. Такъ, онъ спрашивалъ о здоровьѣ всѣхъ классныхъ дамъ, иногда путая ихъ фамиліи; онъ расшаркивался передъ подслѣповатою княгинею Запольскою, презрительно оглядывавшею его особу въ лорнетъ, какъ какое-то новое, еще невиданное насѣкомое, впервые попавшееся подъ микроскопъ естествоиспытателя; онъ подсаживалъ въ карету старую, дрожавшую на выѣздныхъ изъ повиновенія ногахъ, графиню Третубову и съ собользнованіемъ выслушивалъ, какъ она говорила ему: «Спасибо, родной, спасибо; стара стала, слаба стала, такъ молодые-то вертопрахи и въ карету не подсадятъ»; онъ справлялся «о дѣлишкахъ» у бѣлной вдовы умершаго подъ судомъ полковника Костина и даже иногда при встрѣчахъ со всѣми этими дамами вступалъ съ ними въ

длинные разговоры, не безъ глубокомыслія замѣчая, что нынче очень дурная погода стоитъ.

— Она мнѣ напоминаетъ то время, когда я былъ въ Копенгагенѣ,—разсказывалъ капитанъ.—Бросили мы якорь на большомъ рейдѣ, верстахъ въ 14 отъ города. Вѣтеръ былъ свѣжій, противный, намъ пришлось бороться на веслахъ, противъ...

— Pardon, monsieur, on nous attend,—отвѣчали ему его короткія знакомыя и отходили прочь.

Не падая духомъ, капитанъ расшаркивался и, не успѣвъ сообщить о своемъ пребываніи въ Копенгагенѣ, попрежнему довольный собою, снова путешествовалъ по пріемному залу въ ожиданіи своей Маруси.

— Какой чудакъ!—презрительно говорили про него великосвѣтскія барыни и объясняющіяся на французскомъ языкѣ классныя дамы.

Любила съ нимъ побесѣдовать только бѣдная полковница Костина, которой онъ прислалъ, передъ выпускомъ ея старшей дочери изъ института, чуть не возъ различныхъ принадлежностей женскаго туалета.

— Помилуйте, за что, за что! —весело восклицалъ капитанъ, разглаживая усы, когда Костина со слезами на глазахъ стала благодарить его.—Вѣдь я буду же Маруськѣ приданое при ея выпускѣ дѣлать, а вашу дочь и всѣхъ другихъ институтокъ я сестрами Маруськи считаю. Такъ отчего же мнѣ и о нихъ не позаботиться, если ихъ родители—ну, тамъ по разнымъ случайностямъ фортуны—не могутъ многаго сдѣлать для нихъ.

— Вы добрый человѣкъ, капитанъ! Богъ васъ не оставитъ за это!—шептала съ чувствомъ растроганная Костина.

— Надѣюсь, надѣюсь на Его великую милость!—торжественно заключилъ Хлопко.

Всѣ остальныя институтскія знакомыя капитана обвиняли его въ навязчивости и никакъ не помышляли, что этотъ неуклюжій, взъерошенный чудакъ, съ припомаженными, въ видѣ шоръ, волосами на вискахъ представляетъ собою образецъ вполнѣ общежительнаго европейца, что онъ смѣло разговариваетъ съ каждымъ встрѣчнымъ, какъ съ короткимъ знакомымъ, видя въ каждомъ человѣкѣ своего брата, члена одной большой семьи — человѣчества, что онъ не можетъ молчать, стоя рядомъ съ мыслящимъ существомъ и кипя избыткомъ чувствъ, впечатлѣній и мыслей.

Долго и много путешествовалъ капитанъ и не только на

кораблях, но даже и сухимъ путемъ, возвратившись однажды имѣлъ со своими собратьями по службѣ на родину пѣшкомъ и познакомившись съ непримор скими городами Европы. Это было въ 1809 году. Во время скитаній по бѣлу свѣту онъ потерялъ способность видѣть въ комъ-нибудь незнакомаго и чужого. Англичане, французы, шведы, греки, люди, имена которыхъ онъ затвердилъ съ дѣтства, и люди, которыхъ имена онъ слышалъ только разъ въ жизни, всѣ они были его близкіе, родные, братья по человѣчеству.

— Помилуйте,—говаривалъ онъ:— да на что это похоже, чтобы люди были людямъ чужды? Вы на послѣднюю дворняжку взгляните, вѣдь и та тотчасъ сводитъ знакомство съ какимъ-нибудь ньюфаундлендомъ. А мы, слава Богу, умные, человѣчные, такъ сказать, чѣмъ собаки!

Не умѣя говорить по-голландски и по-шведски, онъ тѣмъ не менѣе легко объяснялся съ голландцами и шведами и даже, во время общихъ пировъ, поощрялъ ихъ на какомъ-то общечеловѣческомъ языкѣ.

— Браво! браво!—похлопывалъ онъ по плечу своихъ друзей на одинъ день, распивая съ ними вино.

Друзья, конечно, понимали его и тоже трепали его по плечу, вступая съ нимъ въ очень продолжительные и жаркіе разговоры и споры.

— Славный народъ эти голландцы!—восхищался капитанъ, возвращаясь въ веселомъ настроеніи духа изъ общества голландцевъ на фрегатъ.

«А молодцы эти шведы! Право, молодцы!» — разсуждалъ онъ, отпировавъ со шведами и немного пошатываясь въ стороны.

Въ концѣ-концовъ, онъ былъ вполнѣ искренно убѣжденъ, что каждый народъ—славный народъ, и всѣ люди—молодцы-люди.

— И вѣдь, какъ подумаешь,—философствовалъ онъ:—у каждаго народа своя исторія, свои герои, свои мученики и свое вино, чортъ возьми! Отличныя вина бываютъ на свѣтѣ!—прибавлялъ онъ, весело смѣясь и ерзая руками по усамъ.

Зато всѣ народы и всѣ люди, за исключеніемъ десятка классныхъ дамъ и великосвѣтскихъ барынь, тоже были убѣждены, что самъ капитанъ Хлопко славный человѣкъ и молодецъ. По крайней мѣрѣ, онъ часто слышалъ, какъ и ему говорили, хлопая его по плечу:

— Brave! Brave!

Такъ проводилъ капитанъ годы своей жизни съ сигарою

въ зубахъ, со стаканомъ грога въ рукѣ, съ оживленными и шумными рѣчами на устахъ, среди своей общечеловѣческой семьи, принимая тосты за Россію, предлагая тосты за Англію, Францію или какую-нибудь другую страну, не пересчитывая грошей, покупая, гдѣ что понравилось, и съ дѣтской наивностью не считая контрабандой какую-нибудь фарфоровую чашку за то, что она сдѣлана гдѣ-нибудь въ Севрѣ, а не въ какомъ-нибудь родномъ городишкѣ, не признавая запрещенную книгу за то, что она издана безъ нашего согласія гдѣ-нибудь въ Брюсселѣ, а не одобрена цензурою гдѣ-нибудь въ Россіи. Правда, и фарфору, и книгъ капитанъ вывозилъ немного и ужъ, конечно, не для продажи, но умѣлъ и это немногое отстоять передъ таможенными досмотрщиками, отчасти вслѣдствіе настойчивости, отчасти вслѣдствіе ненависти ко всякимъ таможнямъ и ихъ агентамъ. Всѣмъ было извѣстно, что капитанъ участвовалъ въ двухъ знаменитыхъ продѣлкахъ одного командира корабля. Однажды этотъ командиръ спустилъ чуть не весь свой экипажъ на берегъ и пронесъ среди строя матросовъ запрещенные товары къ ужасу двухъ таможенныхъ досмотрщиковъ, тщетно суетившихся около маршировавшихъ моряковъ. Въ другой разъ этотъ же командиръ причалилъ на шлюпкѣ къ берегу и пригласилъ досмотрщиковъ осмотрѣть шлюпку; досмотрщики вошли въ нее; командиръ скомандовалъ, и шлюпка отчалила, доплыла до первыхъ свай и здѣсь остановилась; командиръ вѣжливо попросилъ досмотрщиковъ высадиться на сваи и потомъ благополучно перевезъ свои вещи на берегъ. Обѣ эти продѣлки привели въ восхищеніе капитана Хлопко, и онъ долго, долго разсказывалъ о нихъ.

Капитанъ уже давно привыкъ къ своимъ воскреснымъ посѣщеніямъ института, когда его послали снова въ заграничное плаваніе. Это было величайшимъ несчастіемъ для Маруси, но капитанъ старался смотрѣть бодро и утѣшалъ ее, ежеминутно отирая слезы и шутливо объясняя, что онъ ѣдетъ за ея приданымъ. Насталъ день разлуки, насталъ день отплытія эскадры, а за нимъ понеслись надъ капитаномъ сотни дней съ бурями, съ шквалами, со штилемъ, съ высадками на берегъ, съ служебными хлопотами и невзгодами. Какъ только бросали якорь, капитанъ нетерпѣливо взбивалъ свой хохолъ и спѣшилъ на берегъ, ожидая какихъ-нибудь вѣстей съ родины. Иногда вѣсти приходили, иногда ихъ не было; подчасъ онѣ были утѣшительны, подчасъ печальны; все это отражалось на настроеніи духа ка-

китаи, какъ отражается иногда на простуженномъ организмѣ. Чѣмъ больше проходило дней, тѣмъ мрачнѣе становился капитанъ.

Вѣсти изъ Россіи дѣлались съ каждымъ днемъ все безотраднѣе.

«Дядя,—писала Маруся.—жить у отца мнѣ было бы не скучно, если бы онъ не былъ въ ссорѣ со всѣми сосѣдями и родными. (Знаю, знаю, что это неуживчивый человѣкъ!—мысленно воскликнулъ капитанъ. — Недаромъ же онъ былъ отправленъ на Кавказъ, недаромъ же сестру развели съ нимъ и отдали Марусю въ институтъ). Изъ-за его ссоръ мнѣ приходится или сидѣть дома, или выѣзжать одной и слушать, какъ всѣ ругаютъ его. (Ему-то подѣломъ, а каково ей-то, дочери, каково слушать эти вещи про отца!—вздыхалъ капитанъ). Я бы и не выѣзжала, пожалуй, никуда, но дома такъ скучно! Отецъ, какъ мужикъ, все возится въ поляхъ, все толкуетъ съ крестьянами, ругаетъ всѣхъ помѣщиковъ, хотя они, сколько я знаю, люди приличные. Мнѣ приходится сидѣть одной, или слушать болтовню Ѳедосьи Никоновны. (Это что за краля? — задумывался капитанъ). Но я не люблю ее. Мнѣ странно даже, что эта толстая, простая баба всѣмъ распоряжается въ нашемъ домѣ. Она и на меня смотритъ такъ, какъ смотрѣли на насъ классныя дамы, и замѣчаетъ мнѣ, какъ маленькой, что я должна чѣмъ-нибудь заняться. Но чѣмъ же я займусь? Читать нечего, у отца много книгъ, но въ нихъ такія слова употребляются и такія вещи говорятся, что я покраснѣла, заглянувъ въ нихъ. Его противный Вольтеръ смѣется надъ самыми священными вещами. Это просто грѣхъ! Папа же заодно съ Ѳедосьей Никоновной тоже говоритъ, что я должна трудиться и хоть за больными бабами ходить, или дѣтей крестьянскихъ учить. Но вѣдь я не готовилась въ сидѣлки или въ гувернантки къ мужикамъ. (А, каковъ родитель! Дочь хочетъ сдѣлать служанкой мужиковъ! — сердился капитанъ.—Конечно, мужикамъ надо помогать. Да вѣдь она-то еще дитя). Папа, конечно, не сталъ бы совѣтовать такихъ глупостей, если бы ему не сплетничала на меня Ѳедосья Никоновна. Она совсѣмъ необразована, но папа сажаетъ ее за одинъ столъ съ нами и велитъ мнѣ учиться у нея хозяйству, точно я въ кухарки готовлюсь, и совѣстится не спорить съ ней. А она говоритъ глупости, увѣряетъ, что Илья пророкъ на колесницѣ ѣздитъ, когда громъ гремитъ; говоритъ, что собака передъ покойникомъ

вость и что для отвращенія бѣды нужно башмаки подошвой къ стеклу выставить. Когда я заспорила съ нею, папа обратился ко мнѣ и съ насмѣшкой, своимъ язвительнымъ голосомъ, сказалъ мнѣ:—А ты лучше не объ Ильѣ пророкѣ, да не о громѣ думай, а заботься о развитіи своего характера на пользу ближнихъ. Громъ-то хоть изъ навозной кучи греми, это тебя не должно заботить, пока ты не узнаешь, какъ около тебя живутъ люди, да и въ чемъ они нуждаются.—Ну, папа, я глупостей не могу слушать, не дѣлая возраженій,—замѣтила я.—А ты думаешь, ты сама не говоришь съ три короба глупостей при каждомъ словѣ? Эхъ, Маша,—прибавилъ онъ, прикинувшись грустнымъ: — испортили тебя совсѣмъ въ институтѣ. Старайся забыть все, чему тебя учили. Тебя учили только лжи. Не знаешь ты, сколько я вынесъ, чтобъ удержать тебя при себѣ. Подлецы побѣдили!.. — Отецъ сдѣлался страшнымъ въ эту минуту и началъ ругать такихъ людей, которыхъ я обожаю, за которыхъ я молюсь. Немного успокоившись, онъ опять посовѣтовалъ мнѣ учиться у Ѳедосьи Никоновны. — Она хотя и вретъ по части громовъ,—замѣтилъ онъ:—а все-таки баба умная и честная. (Видишь, онъ самъ понимаетъ, что она просто баба!). Она и грошъ сберечь умѣетъ, и хозяйство отлично ведетъ, и мужику при случаѣ поможетъ, хоть и выругаетъ его. Папа долго еще читалъ мнѣ наставленія, но я расплакалась и ушла въ свою комнату. Я дня три не могла говорить съ нимъ. О! какъ я страдала въ эти дни, а онъ, кажется, даже и не замѣтилъ этого. (Извергъ, извергъ рода человѣческаго! Ну, переломилъ бы себя, уступилъ бы ребенку!—чуть не плакалъ капитанъ за свою Марусю). Наднихъ я серьезно посовѣтовала отцу отпустить Ѳедосью Никоновну и обѣщалась сама хозяйничать и дѣлать все, что нужно для него. Я заговорила съ нимъ объ этомъ, потому что онъ былъ въ этотъ день особенно ласковъ со мною и даже грустенъ. Выслушавъ меня, онъ только улыбнулся и шутливо спросилъ: — Ну, а какъ капусту кислую приготовляютъ?—Почему же я знаю, дядя, какъ ее приготовляютъ. (Скажите, пожалуйста, ему нужно, чтобы дочь капусту кислую умѣла приготовлять! Да лавочники-то на что же существуютъ? — обозлился капитанъ). Это, дядя, было низко съ его стороны. Я говорила о серьезномъ дѣлѣ, а онъ все обратилъ въ шутку! Я долго плакала послѣ этого. Развѣ я не сумѣла бы все то же сдѣлать, что дѣлаетъ Ѳедосья Никоновна? А капусту кислую при-

готовилъ бы и пожаръ... Я теперь веду дневникъ своихъ страданій»...

— Гмъ, гмъ! Плохо. Дневникъ страданій ведетъ! Очень плохо! — воскликнулъ капитанъ, ероша волосы. — Погубитъ онъ мою Маруську. Въ разныя стороны они смотрятъ. И зачѣмъ ломать, ну перетѣлывалъ бы ее исподволь. Да и перетѣлывать-то зачѣмъ? Она цвѣтокъ, она птичка, пусть красуется своимъ нарядомъ, своей внѣшней красотой. Не всѣмъ же чернорабочими быть! Мы чернорабочіе, мы будемъ работать и въ часы отдыха любоваться ею... Эхъ, кабы теперь домой!

Капитанъ смотрѣлъ на число, которымъ помѣчено письмо, ужасался, что вѣсти такъ долго не доходятъ до него, и сердился, что фрегатъ не снимается съ якоря. Наконецъ, эскадра отправлялась въ дальнѣйшій путь. Капитанъ, стоя у борта по цѣлымъ часамъ, глядѣлъ угрюмыми глазами въ безбрежную даль моря, озаренную кроткимъ свѣтомъ луны. Ему снилась наяву далекая деревня. Въ тихомъ плескѣ волнъ ему слышался кроткій, призывный плачъ его Маруси.

— Что, капитанъ, моремъ залюбовались? Чудная картина!—подходилъ къ нему кто-нибудь изъ товарищей.

Капитанъ приходилъ въ себя.

— Да, сверху пусто, а внизу мокро! — хмуро отвѣчалъ капитанъ, поворачиваясь спиной и къ морю, и къ непрошенному собесѣднику.

Капитанъ разлюбилъ море. Капитанъ всецѣло отдался своими симпатіями сушѣ.

Черезъ долгое время получались новыя вѣсти:

«Дяди, дяди, что я узнала, голубчикъ,—писалось въ новомъ письмѣ.—Какая это низость, какой это грѣхъ! У этой женщины отъ моего отца есть дѣти! Они мужики! Мои братья—мужики! Дѣти моего отца—мужики! (Подлецъ, подлецъ!—ужасался капитанъ). И можешь себѣ представить, она не вѣнчана съ отцомъ; у нихъ какъ-то такъ, безъ вѣнчанья родились дѣти. Ей-Богу, я тебѣ не лгу это! (Дитя чистое, дитя чистое!—умилялся капитанъ до слезъ). Я по поводу этого говорила съ отцомъ.—«Что-жъ тутъ удивительнаго, что у меня дѣти, — сказалъ онъ. — Вѣдь ты не удивляешься, что ты моя дочь?» — Но она не вѣнчалась съ тобой!—воскликнула я.—«Не для чего вѣнчаться,—отвѣтилъ онъ.—Она въ дворянки не лѣзетъ. Умру я, у нея кусокъ хлѣба будетъ, у дѣтей тоже и хаты будутъ, и земля».—Но они мужики, мои братья — мужики! — взволновалась я

отъ негодованія. —«А ты думаешь дворяне изъ другого тѣста сдѣланы, засмѣялся отецъ. Былъ бы хлѣбъ, да воля, такъ умный человѣкъ и думать не станетъ о дворянствѣ. Недаромъ говорятъ: что твоя честь, коли нечего ѣсть...» Я не вынесла этого разговора и чуть не слегла въ постель. О, какъ бы я хотѣла идти теперь въ гувернантки! Но отецъ не хочетъ доставить мнѣ и этого утѣшенія. Когда онъ узналъ о моемъ намѣреніи, онъ прикинулся грустнымъ и сталъ меня уговаривать: «Неужели ты думаешь, въ самомъ дѣлѣ, идти въ гувернантки?—сказалъ онъ.—Подумай, сколько бѣдныхъ дѣвушекъ ищутъ мѣстъ и не находятъ. Имъ нужны мѣста для куска насущнаго хлѣба, а ты хочешь отбивать у нихъ этотъ хлѣбъ, котораго у тебя и безъ того слишкомъ много. Ты должна здѣсь приносить пользу тѣмъ, которые тебя кормятъ. Пойми, Маша, что кругомъ тебя голодаетъ необразованный, придавленный народъ».—Я жить здѣсь не могу,—отвѣтила я. — «Ну, а въ гувернантки я тебя не отпущу. Лучше поѣзжай къ теткѣ въ Москву, бездѣльничай, вертись на балахъ, а на мѣсто и не думай идти...» О, дядя, дядя, какой онъ деспотъ! Его и сосѣди деспотомъ называютъ, и Михаилъ Николаевичъ Теплицынъ такъ же его зоветъ. Михаилъ Николаевичъ мнѣ и въ гувернантки посовѣтовалъ идти, говоря, что лучше жить у чужихъ, чѣмъ въ этомъ притонѣ разврата и деспотизма. Ахъ, какой милочка Михаилъ Николаевичъ, ты просто влюбился бы въ него! Жаль только, что онъ такой больной и слабый. Но у него препоэтическое блѣдное лицо. И вообрази себѣ: отецъ называетъ его «плаксивой тряпкой». Это низко, это низко! И что такое плаксивая тряпка? Тутъ и смысла-то нѣтъ!»

«Это кто же такой Михаилъ Николаевичъ? А? Любопытно узнать,—разсуждалъ въ раздумьѣ капитанъ.—Надо бы ему написать, чтобы онъ ее какъ-нибудь избавилъ изъ этого омута. И когда это мы вернемся въ Россію, чортъ возьми. Носимся, носимся по-бѣлу свѣту, а дома хоть трава не расти! Ну, служба! Бобылей бы безродныхъ брали, а то тамъ семья, близкіе люди гибнутъ, а ты стой на вахтѣ. Не все же служить государству, нужно и о себѣ, и о своихъ подумать. Или мы государству служить будемъ, а оно намъ службу отслужитъ! Держи карманъ шире, чтобы не просыпалось!»

— А вы все мечтаете, капитанъ?— подходили къ нему товарищи.

— Да вотъ думаю о томъ, что бы вы стали здѣсь дѣлать, если бы вашихъ женъ и дочерей кто вздумалъ опозорить

въ эту минуту,— сердито отвѣтилъ капитанъ, выразившись болѣе нецензурнымъ образомъ, и отошелъ отъ изумленныхъ слушателей.

Капитанъ разлюбилъ морскую службу. Капитанъ всецѣло отдался семейнымъ интересамъ.

А между тѣмъ получилось еще письмо:

«Дяля, милый дяля, какъ я тебя люблю! (Да развѣ я сомнѣвалась въ твоей любви, голубка, что ты вздумала мнѣ писать теперь объ этомъ,—думалъ капитанъ). Добрый мой, золотой, какъ я счастлива, какъ добръ мой Миша! (Господи, Господи, что тамъ случилось,—задрожалъ капитанъ). Какъ онъ меня любитъ! Я тебѣ писала въ прошломъ письмѣ, что я ухожу отъ отца и выхожу замужъ за Мишу, хотя отецъ и не совѣтуетъ мнѣ выходить за него. (Чортъ возьми, ничего этого я и не зналъ! И кто это прошлое ея письмо слопалъ?—сердился капитанъ). Теперь мы обвѣнчаны и ѣдемъ въ Петербургъ. Пріѣзжай скорѣе, голубчикъ мой. Цѣлую тебя милліоны разъ. Миша, какъ я писала тебѣ, хочетъ тоже поскорѣе увидать тебя. Онъ такъ восторженно говоритъ про тебя: «человѣкъ это!» Милочка ты, вотъ какъ я тебя называю».

— Писала, писала, да я-то ничего этого не читалъ!— въ волненіи шагалъ капитанъ по палубѣ.—Скорѣе возвращайся! Да, скоро воротишься тутъ! Черти, черти! Однимъ бы глазомъ взглянуть на ея счастье, ну, а тамъ хоть и въ могилу... А какой благородный человѣкъ этотъ Миша! Ей-Богу, чортъ возьми, благородный! Должно-быть, душа-человѣкъ! Домой, домой! И какъ это люди могутъ шататься за границей? Неужели они не помнятъ отвѣта Ѳемистокла Керксу: «Все, о государь, прахъ отцовъ моихъ, законы, боги, языкъ, обычаи, труды, для него подъятые, слава, для него пріобрѣтенная, дерева, земля, стѣны, камни и самый дымъ отечества намъ сладокъ и пріятенъ».

Капитанъ подошелъ къ толпѣ своихъ товарищей.

— Что вы, бобыли, толкуете?—весело проговорилъ онъ.— О новыхъ пирушкахъ въ кругу иностранцевъ? О новыхъ плескахъ съ чужими женами? и вы думаете, это счастье, это радость? Ложь это, бѣсованье отъ скуки! Дома, у семейнаго очага, въ кругу друзей по радостямъ и горю, вотъ гдѣ таятся и счастіе, и радость человѣка. А здѣсь мы выкидыши, фигляры, дрессированныя собачонки, на которыхъ ходитъ глазѣть праздная толпа зѣвакъ!

Товарищи въ недоумѣніи взглянули на капитана и по-

жали плечами, зная, что онъ выше всего ставилъ до сихъ поръ не узкій семейный кружокъ, а широкое братство-человѣчество.

Взволнованный капитанъ прошелъ въ свою каюту и сѣлъ писать. Передъ нимъ помѣщалось небольшое туалетное зеркало. Долго просидѣвъ за писаньемъ, онъ случайно взглянулъ въ зеркало и удивился, увидавъ, какъ постарѣло его лицо, какъ сильно посѣдѣли его волосы, какъ много морщинъ прибавилось на лбу во время этого похода.

— Ну, теперь отъѣдаться буду, помолодѣю!—весело промолвилъ онъ черезъ минуту и снова вытащилъ изъ кармана письмо своей Маруси.—Вотъ оно—мое здоровье, вотъ она—моя жизнь!—говорилъ онъ, принимаясь за перечитыванье дорогихъ ему строкъ...

— Эхъ, шаль забылъ купить!—внезапно вскочилъ капитанъ и бросился изъ каюты.

На палубѣ онъ осмотрѣлся кругомъ изумленнымъ взоромъ. Фрегатъ въ открытомъ морѣ летѣлъ при десяти узлахъ хода. Капитанъ только теперь вспомнилъ, что они уже нѣсколько часовъ тому назадъ снялись съ якоря.

— Ну, чортъ съ ней, съ шалью! Славный вѣтеръ. Домой несетъ, домой!—пробормоталъ онъ, въ восторгѣ потирая руки.

Прошло еще нѣсколько недѣль, еще нѣсколько дней, еще нѣсколько часовъ, и капитанъ, нагруженный, какъ верблюдъ, едва помѣщаясь среди поклажи въ наемной колескѣ, летѣлъ по мостовой Петербурга.

— Экая краса Петербургъ-то!—бормоталъ онъ, сіяя отъ радости.

— Славный, братецъ, городъ!—обратился онъ къ извозчику.

— Ничего городъ!—поощрительно отвѣтилъ возница.

— Первый въ мірѣ, первый, братецъ, въ мірѣ!—увѣрялъ капитанъ. — Я, слава Богу, насмотрѣлся на города, знаю, что лучше его нигдѣ нѣтъ.

Извозчикъ молчалъ, должно-быть, не раздѣляя восторговъ своего сѣдока.

— Дядя, милый, голубчикъ! — кричала черезъ нѣсколько минутъ Маруся, обвивая руками шею капитана.

— Ну, чортъ возьми, пріѣхалъ! Уфъ!—взъерошилъ капитанъ свои волосы, бросивъ фуражку и нѣсколько узелковъ.— Сюда, братецъ, сюда,—командовалъ онъ дворнику, тащившему чемоданъ и два картона.—Это, знаешь, тебѣ покуда немного, не успѣлъ всего захватить...—говорилъ капитанъ, наклоняясь къ чемодану.—Ахъ да, вотъ деньги, братецъ, извоз-

чику,—сунулъ онъ дворнику деньги.—Остальное себѣ возьми за то, что барыню бережешь... Вотъ тутъ платье... Ахъ ты, голубка моя, голубка!—вдругъ воскликнулъ капитанъ и весь въ слезахъ, рыдая, какъ ребенокъ, опустился на чемоданъ.

— Дядя, милый, о чемъ же ты плачешь?

— Ну вотъ, ну вотъ, не выдержалъ. Глаза слабы стали!.. Маруська, ты не смотри на меня!.. Вотъ и ты расплакалась!..

Капитанъ притянулъ къ себѣ Марусю и, какъ младенца, усадилъ къ себѣ на колѣни.

— Такъ это отъ того у тебя слезы, что глаза стали слабы? А еще о платьяхъ вздумалъ говорить. Даже не взглянулъ на меня! А у самого слезы такъ и катились! — теребила стараго дядю Маруся.

— Голубка, голубка! — прижималъ капитанъ къ своей груди голову племянницы, и оба снова плакали и смѣялись. У обоихъ было такъ свѣтло, такъ отрадно на душѣ.

— Здравствуйте, дядя! — произнесъ мягкій мужской голосъ за спиною капитана.

Капитанъ обернулся и немного нахмурилъ брови, чтобы скрыть слѣды своей чувствительности.

— Здравствуйте! Возьмите вотъ эту плаксу, сдаю вамъ ее съ рукъ на руки,— проговорилъ онъ и пожалъ свободною рукою руку незнакомаго ему молодого человѣка, въ которомъ онъ тотчасъ же узналъ по поэтической блѣдности Мишу.

— Ну, вотъ насъ и благословили послѣ свадьбы! — засмѣялся Михаилъ Николаевичъ.—А это за что же тебя плаксой называютъ?—обратился онъ къ женѣ.

— Не вѣрь ему, не вѣрь! Онъ самъ первый расплакался!—засмѣялась Маруся.

— Да, есть о чемъ плакать! — бойко промолвилъ расхрабрившійся капитанъ.—Ну, пріѣхалъ; всѣ живы, здоровы... Ты замужемъ. Миша... то бишь... Михаилъ... Михаилъ... Да чортъ побери, какъ же васъ по батюшкѣ-то зовутъ?

— Ну, да ужъ зовите Мишей, коли забыли мое отчество,— смѣясь, отвѣтилъ Михаилъ Николаевичъ.

— А и то правда, вѣдь все равно... Спасибо вамъ за нее,—промолвилъ капитанъ, еще разъ сжимая руку Михаила Николаевича, когда Маруся вышла, чтобы велѣть приготовить завтракъ.

— За что, капитанъ? за то, что я женился по любви?

— Нѣтъ, за то, что вы спасли ее изъ дома разврата. Тиранъ, тиранъ ея батюшка!.. Я вѣдь все это долженъ

былъ предчувствовать... Не долженъ былъ оставлять ее... Вѣдь онъ и мою сестру загубилъ... Разошлась съ нимъ, пала, умерла... Да, вотъ за вещами для Маруси надо еще съѣздить,—вдругъ перемѣнилъ капитанъ разговоръ и отвернулся въ сторону; но его щекамъ опять катились слезы.

— Дядя, ты, кажется, сегодня все за мое приданое прячешься,—засмѣялась возвратившаяся въ комнату Маруся.— Пріѣхалъ,—у самого слезы, а онъ о платьяхъ толкуетъ. Теперь опять на глазахъ слезы, а онъ...

— Ну да, ну да, толкуй еще больше! Вотъ сяду на фрегатъ и уѣду!—угрожалъ капитанъ.

Много дѣтски шаловливаго, много трогательнаго было во всей болтовнѣ перваго свиданія послѣ разлуки. О прошломъ, о тяжеломъ никто не вспоминалъ; всѣ были рады, что все это пережито и не возвратится снова.

Съ этого дня началось у капитана спокойное существованіе. Семейная жизнь Маруси, какъ онъ говорилъ самымъ равнодушнымъ тономъ, нисколько не касалась до него.

— Ну, женились, живутъ себѣ своимъ домомъ, а мнѣ-то что за дѣло до нихъ? Мое дѣло сторона!—разсуждалъ онъ среди своихъ сослуживцевъ, дѣлая суровое лицо, и каждое воскресенье, обложенный мѣшками, корзинками, банками, ѣхалъ въ домъ Маруси.

Съ каждымъ днемъ тянуло его все болѣе и болѣе въ Петербургъ, все тяжелѣе и тяжелѣе было исполненіе служебныхъ обязанностей. Скоро онъ рѣшилъ, что онъ уже не служака, что онъ уже поработалъ на своемъ вѣку и не остастся въ долгу у государства, такъ какъ за всѣ его труды, за все его рвеніе, вмѣсто награды, его же обошли два раза чиномъ.

— Нужно и молодымъ уступить дорогу,—говорилъ онъ.— Я былъ честный служака, попрекнуть меня никто не посмѣетъ. Служить же изъ-за чиновъ—поздно, да и не нашему брату на грудь летятъ теперь ордена и звѣзды!

Капитанъ разставался со службой съ извѣстной горечью. Онъ чувствовалъ, что онъ годился бы на что-нибудь лучшее, но что его прямота не нравилась нѣкоторымъ лицамъ, что его честность мозолила глаза подлецамъ. Все это онъ чувствовалъ и прежде, но теперь это чувство стало болѣзненнѣе, живѣе. Капитанъ готовился взять отставку и переѣхать въ Петербургъ, какъ вдругъ надъ его счастливой семьей, надъ его «дѣтьми» разразился одинъ изъ тѣхъ тупыхъ и безсмысленныхъ ударовъ судьбы, передъ которымъ человѣкъ

сознаетъ все свое обидное ничтожество. Какъ-то Михаилъ Николаевичъ поѣхалъ по дѣламъ; на дорогѣ его засталъ проливной дождь. Слабый здоровьемъ Теплицынъ простудился, схватилъ горячку и черезъ нѣсколько дней умеръ, продежавъ все время въ полнѣйшемъ безпамятствѣ...

Въ тупомъ отчаяніи жалась Маруся къ капитану, какъ будто ее бросало въ дрожь отъ сознанія этой безпомощности и беззащитности человѣка передъ безсмысленнымъ случаемъ. Суровый, угрюмый капитанъ хмурилъ брови, обнявъ одною рукою свою голубку и не имѣя силъ утѣшать ее. Что-то злобное, необычайное было въ его глазахъ, въ его нахмуренныхъ бровяхъ, въ его стиснутыхъ зубахъ. По его полусѣдымъ усамъ текли слезы, но онъ не замѣчалъ ихъ, и только крѣпче прижималъ къ себѣ свое дитя, сжимая въ безсильной злобѣ въ кулакъ опущенную руку. Ни одного креста не положилъ онъ во время панихиды. Не молилась и Маруся, все попрежнему нѣмая, неподвижная, припавшая въ изнеможеніи къ плечу дяди. Съ одной изъ панихидъ, не обращая вниманія на посторонихъ посѣтителей, капитанъ унесъ Марусю, какъ ребенка. Кто-то хотѣлъ помочь ему, но онъ молча и угрюмо раздвинулъ толпу людей и пронесъ на мускулистыхъ рукахъ эту дорогую для него ношу. Казалось, онъ ненавидѣлъ и презиралъ въ эту минуту весь этотъ ничтожный міръ. Безъ словъ, безъ криковъ, какъ-то вполнѣ безнадежно простились онъ и Маруся съ покойникомъ, и снова капитанъ на рукахъ донесъ свое сокровище до кареты.

— Она помѣшалась,—говорили одни.

— Ее лѣчить надо,—говорили другіе.

Капитанъ молчалъ и на третій день послѣ похоронъ выписалъ къ себѣ одного изъ своихъ старыхъ друзей, отставного матроса, Лаврентья Осипенко, когда-то спасшаго жизнь капитана.

— Поѣзжай къ себѣ въ Ораніенбаумъ и пріищи домикъ,—говорилъ капитанъ.—Съ садомъ, отдѣльный... Веселенькій, знаешь, долженъ онъ быть... Обои свѣтлые... Да, да, свѣтлые!.. Черное, темное, трауръ напоминаетъ о... О, чортъ возьми, чортъ возьми, анаѳема!—Капитанъ стиснулъ и приподнялъ кулаки, вспомнивъ о смерти.

Осипенко молча покачалъ головой.

— За цѣной не стой! Уютно чтобъ было... Хлопочи, хлопочи, дружище. Самъ заслужу!

Хлопко пожалъ мозолистую и шершавую руку своего

стараго, молчаливаго пріятеля, угрюмо смотрѣвшаго въ землю.

Дней черезъ семь или восемь капитанъ Хлопко уже перевозилъ въ Ораніенбаумъ свою Марусю. Дача близъ моря дѣйствительно была веселенькая, свѣтленькая, уютная. Мебель, занавѣсы, цвѣты,—все было новое. Изъ петербургской квартиры Маруси капитанъ не взялъ ничего. Онъ хотѣлъ вычеркнуть изъ памяти своей племянницы все прошлое. По цѣлымъ днямъ ухаживалъ онъ за ней, поднималъ ее иногда на руки, укладывалъ въ постель, поилъ, какъ ребенка, чаемъ, гулялъ съ ней, читалъ ей книги. Она, какъ больное дитя, повиновалась ему, иногда говорила, иногда слабо улыбалась, иногда тяжело вздыхала, иногда тихо, словно безсознательно, плакала, но это бывало рѣдко. Наконецъ, насталъ великій день въ жизни Маруси: она услышала крикъ ребенка—своего ребенка. Ея жизнь была спасена.

II.

Капитанъ Хлопко стоитъ у руля своего семейнаго корабля.

Семья капитана Хлопко оживилась со дня рожденія малютки. Весь народъ, собранный на ораніенбаумской дачѣ и переселявшійся въ зимнее время въ Кронштадтъ, былъ собранъ для новорожденнаго Володи; всѣ заботы и хлопоты, занимавшія дни и ночи этого народа, были вызваны Володей: всѣ радости и печали, тревожившія душу этого народа, имѣли своимъ источникомъ все того же Володю. Мать ребенка заботилась во-время накормить его грудью и не поручала этой обязанности кому-нибудь другому, хотя всѣ другія заботы, всѣ другія обязанности она со дня своего рожденія привыкла возлагать на другихъ людей. Четырнадцатилѣтняя няня малютки, любимица его матери, выдѣлывала всевозможныя гримасы, пѣла безчисленныя пѣсни, хлопала въ ладоши, прыгала по комнатѣ, все для того, чтобы не плакалъ Володя. Капитанъ постоянно торопился съ прогулокъ и изъ гостей домой, постоянно торопливо пилъ чай, постоянно поспѣшно обѣдалъ, чтобы имѣть возможность поняньчить Володю, и серьезно увѣрялъ всѣхъ, что только онъ одинъ умѣетъ укачать ребенка и прекратить его плачъ.

— Да, вы, просто, носить его не умѣете!—сердито говорилъ онъ, неся плачущаго ребенка на рукахъ чуть не внизъ головой.—Онъ понимаетъ, что на моихъ рукахъ ему и мягче, и удобнѣе. Да и страху у него нѣтъ, что я его уроню. Васъ

самихъ вѣтеръ качаетъ, какъ флюгера. Онъ меня знаетъ. Вы посмотрите, какъ онъ начинаетъ смѣяться у меня на рукахъ!

Неизвѣстно, дѣйствительно ли смѣялся при видѣ капитана трехмѣсячный ребенокъ, но исторически вѣрно только то, что вся остальная команда корабля и во главѣ его четырнадцатилѣтняя смѣшливая Настя прыскала отъ смѣха, глядя на капитана, столь удачно превратившагося въ няньку. Но какъ бы ни нянчилъ ребенка капитанъ или кто-нибудь другой, какъ бы ни смѣялась остальная команда надъ импровизированными нянъками, а все-таки сразу можно было замѣтить, что у всѣхъ этихъ людей съ рожденіемъ Володи вдругъ явилась цѣль существованія, и эта цѣль была въ жизни маленькаго, смѣшно морщившагося и смѣшно сопѣвшаго, существа. Это существо была игрушка, отъ которой въ будущемъ ожидали чудесъ: въ одинъ прекрасный день она должна сама стать на ноги, потомъ она бойко, безъ всякой поддержки, пойдетъ по полу, радостно улыбаясь, еще не зная, что такое опасность, и вызывая и смѣхъ, и страхъ въ зрителяхъ своими попрыгиваньями изъ стороны въ сторону; еще немного дней, и она заговоритъ, станетъ называть «куклу»—«пуколей», будетъ говорить вмѣсто «гляди, гляди»—«гильди, гильди». И какимъ гармоническимъ, какимъ чуднымъ голосомъ будутъ произноситься еще эти безразличныя, неясныя, какъ мысль ребенка, человѣческія слова! Не будетъ въ этомъ голосѣ ни слѣдовъ катарровъ, ни слѣдовъ пьянства, ни слѣдовъ разврата; это будутъ такіе же чистые, мелодическіе звуки, какіе слышатся въ пѣсни птицъ. Эти звуки, которыми говоритъ, поетъ, смѣется и плачетъ каждое безгрѣшное дитя природы. А тамъ начнетъ работать мысль, зародятся вопросы: мама, отчего громъ гремитъ? почему радуга бываетъ? откуда бабочки родятся? Боже мой, Боже мой, найдутся ли у матери отвѣты!.. Рядомъ и одновременно съ вопросами появится стремленіе къ ломкѣ и разрушенію. Что это: проявленіе злой воли или первые проблески духа изслѣдованія, стремленія къ знанію? Вглядитесь попристальнѣе въ это явленіе, и вы найдете утѣшительный отвѣтъ на свой вопросъ: ребенокъ не ломаетъ безцѣльно старой, знакомой ему мебели, не маретъ умышленно своего платья, не бросаетъ во время голода принесенной ему пищи: онъ ломаетъ новую игрушку, онъ выводитъ безобразные контуры на картинкахъ, онъ вертитъ, треплетъ и отбрасываетъ купленную ему, но еще нѣмую и не интересную для

него книжонку... Онъ похожъ на молодую бѣлку, на молодую обезьяну, которыя грызутъ каждый шарикъ, отыскивая въ немъ, какъ въ орѣхѣ, питательное зерно. Полюбовавшись своей картонной лошадкой, маленькій чародѣй безжалостно свертываетъ ей голову и узнаетъ, что эта лошадка сдѣлана изъ толстой сѣрой бумаги и пуста внутри: вознагражденный этимъ открытіемъ, онъ не плачетъ, что сломалъ игрушку, и словно сознаетъ, что для игры годится и безголовая лошадь. Онъ обрываетъ листья съ деревьевъ и цвѣтовъ, пробуетъ ихъ, и узнаетъ, что у кислицы, у барбариса, у щавеля кислые листья, что въ цвѣтахъ клевера, сирени, фуксіи есть сладкій, какъ сахаръ, сокъ, что душистый олеандръ отвратительно горекъ, а горечь настурціи пріятна на вкусъ. Онъ пробуетъ набивать пескомъ свои игрушечныя ведерки, опрокидываетъ ихъ на скамейку и радуется, что у него выходятъ песочныя горки, имѣющія форму его ведеръ; однако, солнце быстро высушиваетъ песокъ, и онъ разсыпается въ разныя стороны. Ребенокъ печально глядитъ на свое разрушенное произведеніе, дѣлаетъ новые опыты и снова терпитъ неудачу; но вотъ ему попадается какая-то сѣрая, свинцоваго цвѣта, масса сырой земли, онъ выдавливаетъ изъ нея форму своихъ ведеръ, и эти формы сохнутъ, но не разваливаются,— онъ спрашиваетъ, узнаетъ, что это глина, и радостно сообщаетъ всѣмъ, что изъ глины можно лѣпить формочки. Не смѣйтесь надъ его открытіями: съ его запасомъ знанія, съ его умственнымъ развитіемъ это великія открытія. Сумѣйте вовремя помочь ему своими свѣдѣніями, сообщите ему при удобномъ случаѣ, что не одни цвѣты клевера, фуксіи и сирени сладки, что сахаръ заключается и въ другихъ растеніяхъ, замѣтьте кстати, что и какъ и изъ какой глины дѣлается; ищите случая сообщить ему и другія знанія и, можетъ-быть, изъ этого ребенка выйдетъ великій ботаникъ, отличный ваятель, смышленый механикъ. Мало ли что можетъ выйти изъ этого маленькаго чародѣя.

Если трудно было навѣрное утверждать, что Володя, эта игрушка-человѣкъ, оправдаетъ въ будущемъ великія ожиданія ближнихъ, то, по крайней мѣрѣ, никто не могъ отрицать того, что въ настоящемъ игрушка уже совершила одно великое чудо: ободрила и сплотила въ тѣсный союзъ нѣсколько разнохарактерныхъ личностей.

Читая эти строки, вы, вѣроятно, и не подозрѣваете, что этотъ маленькій, довольно пухленькій и порядочно крикливый, чародѣй былъ не кто иной, какъ я, бесѣдующій съ вами

теперь, слишкомъ черезъ сорокъ лѣтъ послѣ своего рожденія. Сходства между мной и этимъ маленькимъ ребенкомъ нѣтъ никакого, за исключеніемъ развѣ того, что у меня теперь такъ же рѣдки волосы, какъ они были рѣдки въ ту пору, и что ихъ цвѣтъ почти такой же сѣрый, какимъ онъ былъ въ то время. Темнорусыя, густыя пряди мягкихъ и тонкихъ волосъ, покрывавшія мою голову весною моей жизни, давно разлетѣлись по вѣтру, давно перемѣшались съ сѣдиною, какъ когда-то ярко и свѣжо листья разлетаются и мѣшаются съ своими сухими собратьями среди осеннихъ непогодъ. Какъ тяжело переживается жизнь и какъ коротка кажется она, когда пройдешь трудный и длинный путь и вдругъ оглянешься назадъ! Что сдѣлано, изъ-за чего перенесено все?—Изъ-за того, чтобы устроить, наконецъ, свое гнѣздо, научиться жить, научиться именно тогда, когда не надъ чѣмъ прилагать свое знаніе...

Но, не желая быть выскочкой,—я всегда чувствовалъ отвращеніе къ мѣщанамъ въ дворянствѣ и къ невѣждамъ на профессорскихъ каѳедрахъ,—я постараюсь встать на задній планъ и выдвину впередъ близкихъ мнѣ людей, смиренно ожидая, когда сама жизнь выведетъ меня на сцену и, такъ или иначе, заставитъ представиться обществу, то-есть вамъ. Конечно, я первый понимаю всѣ выгоды такого смиренія, такъ какъ первокласснымъ артистомъ въ дѣлѣ жизни мнѣ никогда не удавалось быть, и на этомъ поприщѣ я постоянно признавалъ превосходство надъ собою, съ одной стороны, такихъ честныхъ добряковъ-философовъ, какъ капитанъ Хлопко, и съ другой стороны—такихъ черствыхъ и себялюбивыхъ практиковъ, какъ Бубновъ,—одинъ изъ вашихъ будущихъ знакомыхъ. Итакъ, обращаюсь къ нашему семейному кораблю.

Начальство и команда на нашемъ семейномъ кораблѣ—на ораніенбаумской дачѣ и въ зимней кронштадтской резиденціи—состояли изъ капитана Хлопко, изъ моей девятнадцатилѣтней матери, изъ нашей крѣпостной четырнадцатилѣтней Насти, игравшей роль няньки, изъ нашей вольноотпущенной толстой ключницы, Аграфены Карповны, приготовлявшей отличныя вареныя и наливки, изъ Лаврентья Осипенко, сторожившаго дачу и завѣдывавшаго ванной, изъ повара, судомойки, прачки, кучера, дворника и Барбоса. Себя я не считалъ: я былъ несовершеннолѣтній наслѣдный принцъ, состоящій подъ бдительной опекой своихъ возлюбленныхъ подданныхъ и помѣстившійся на одномъ кораблѣ съ ними въ качествѣ почетнаго

пассажира. Мои подданные—въ этомъ я долженъ сознаться—очень хорошо управляли моимъ государствомъ, и нашъ корабль ни разу не становился на мель, то-есть въ нашемъ бюджетѣ никогда не было дефицита, ни разу мы не испытывали страха передъ банкротствомъ, никогда не увеличивали податей въ нашемъ наслѣдственномъ имѣніи, иногда даже торжественно прощали недоимки своимъ отдаленнымъ подданнымъ. Съ сосѣдями мы жили мирно, не мѣшались въ ихъ дѣла, не запутывали своихъ отношеній съ ними различными дипломатическими сплетнями и хитростями, войны ни съ кѣмъ не вели, тѣлесныя наказанія въ своихъ владѣніяхъ уничтожили, и такъ какъ всѣ были сыты, обуты, одѣты и имѣли приличныя помѣщенія, то о преступленіяхъ, въ родѣ воровства и чрезмѣрнаго пьянства, въ статистическихъ отчетахъ нашего государства не упоминается. Конечно, привольнѣе всѣхъ, какъ и слѣдовало ожидать, жилось мнѣ: дѣла никакого, а наслажденій—сколько угодно. Но, вполнѣ довольный своею судьбою, я все-таки, вслѣдствіе свойственной человѣку слабости или, что еще вѣроятнѣе, вслѣдствіе избалованности, иногда поддавался искушенію и дѣлалъ попытки захватить власть въ свои руки. Въ эти минуты на кораблѣ дымъ шелъ коромысломъ: въ саду клумбы засыпались пескомъ, аллеи сада покрывались землею; вездѣ валялись безъ нужды оборванные или вырытые и увядшіе цвѣты; стулья въ залѣ выставлялись на середину и переставали быть стульями, а играли вполнѣ несвойственную имъ роль, изображая нѣчто въ родѣ длиннаго поѣзда; няня — милое и веселое созданіе—превращалась въ почтовую лошадь, то-есть въ самое скучное изъ всѣхъ животныхъ; капитанъ Хлопко, ничѣмъ никогда не умѣвшій управлять, дѣлался кучеромъ, и даже, вопреки своему характеру, вооружался кнутомъ; наконецъ, я самъ, объѣвшійся вареньемъ, выпачканный въ землѣ, утомленный, покрытый потомъ, напившійся слишкомъ много холодной воды, дѣлался боленъ. Тогда начиналась бѣготня: кучеръ гналъ лошадей за докторомъ; нянька неслась за лѣкарствомъ; Аграфена Карповна плакала, что она погубила меня, давъ мнѣ въ волюшку наѣсться варенья; капитанъ Хлопко растиралъ горчицу; Лаврентій ворчалъ, а Барбосъ, видя необыкновенную бѣготню, слыша поминутное хлопанье калитки, лаялъ безъ умолку и иногда даже взвывалъ отъ досады, окончательно повергая въ ужасъ набожную Аграфену Карповну, уже называвшую себя мысленно «душегубкою».

Но я выговаривалъ, снова отрекался отъ управленія и сдавалъ власть своимъ подданнымъ, сознавая, что это бремя мнѣ еще не подъ-силу. Вообще я въ дѣтствѣ былъ довольно необыкновеннымъ человѣкомъ и умѣлъ сознать многое, чего не втолкуешь другимъ людямъ. Послѣ подобныхъ неудачныхъ съ моей стороны попытокъ къ управленію, мои опекуны-подданные снова брали власть въ свои руки, засыпали пескомъ покрытыя землею аллеи и заваливали землею песокъ на куртинахъ, подбирали погубленные мною цвѣты и сажали на ихъ мѣсто свѣжія растенія, устанавливали на приличныя мѣста приведенные въ безпорядокъ стулья, возстановляли мое разстроенное здоровье, и наше семейное государство принимало тотъ веселый и спокойный видъ, какой пріятно видѣть и во всякомъ другомъ, даже болѣе обширномъ государствѣ.

Довольно рано началъ я присматриваться къ правленію нашего домашняго государства; можетъ-быть, въ качествѣ наслѣднаго принца я сознавалъ, что это изученіе нужнѣе всего для меня въ будущемъ; можетъ-быть, смотрѣлъ я и на это дѣло съ тѣмъ же безсознательнымъ любопытствомъ, съ какимъ смотрѣлъ и на все остальное, но вѣрно только то, что слѣды, оставленные во мнѣ строемъ нашей домашней жизни, очень глубоко врѣзались въ мою память. Ярко возникаютъ въ моей головѣ воспоминанія о прошлыхъ дняхъ дѣтства. Представляется мнѣ, какъ бы озаренное яркимъ блескомъ солнца утро. Я сижу на высокомъ стулѣ за круглымъ столомъ, въ столовой комнатѣ, и допиваю чай. Около меня Настя, стройная, развивающаяся красавица, съ особенною поспѣшностью моетъ чашки. Матушка въ розовой распашной блузѣ сидитъ у отворенаго окна и пристально читаетъ романъ госпожи Ратклифъ.

— Допивайте, допивайте чай, Володя,—говоритъ недовольнымъ тономъ Настя.—Нечего ножками-то болтать. Мнѣ надо еще гладить... Капотъ сохнетъ...

Матушка слышитъ послѣднія слова Насти, исправляющей уже и должность горничной, и опускаетъ на колѣни книгу.

— Развѣ ты еще не выгладила мой бѣлый капотъ?—спрашиваетъ она.

— Нѣтъ еще. Съ воротничками возилась все утро,—озабоченно отвѣчаетъ Настя.

Мнѣ кажется страннымъ, что Настя могла возиться все утро съ глаженьемъ воротничковъ, когда, по моему мнѣнію, утро едва началось, такъ какъ я и матушка, наша вдов-

ствующая принцесса, встали только за нѣсколько минутъ передъ часомъ.

— Ахъ, ты, пожалуйста, кончи глаженье до завтрака,— говоритъ матушка.—Мнѣ нужно надѣть этотъ капотъ сегодня...

— Да сегодня сыро въ саду,—сквозь зубы замѣчаетъ Настя.

— Нѣтъ. Я увѣрена, что сегодня будетъ хорошій день... Да и у насъ гости будутъ,—отвѣчаетъ матушка.—А гдѣ дядя? я его еще не видала...

— Не знаю-съ, Петръ Акимычъ...

Настя говоритъ отрывисто: она не въ духѣ.

— Здѣсь, здѣсь, голубка! Что случилось?—произноситъ запыхавшійся дядя, шумно входя при послѣднихъ словахъ Насти въ столовую.

— Ничего не случилось, но я удивилась, что ты пропалъ.

— А!.. Ну, выбрали мы мѣстечко!—восклицаетъ дядя съ негодованіемъ въ голосѣ.—Чортъ бы побралъ этотъ Рамбовъ! Ты вообрази, чего въ немъ нѣтъ... Ну, угадай, угадай, чего я не могъ достать!

— Право, не знаю,—задумчиво отвѣчаетъ матушка, ломая себѣ голову, чтобы угадать, чего нѣтъ въ Ораніенбаумѣ.

— Да и не угадаешь. Никто не угадаетъ. Это курамъ на смѣхъ! Поди въ любой магазейнъ въ какомъ-нибудь коронномъ гнѣздѣ въ Нѣметчинѣ, и тебѣ ворохъ навалятъ того, чего здѣсь ни за какія блага не достанешь. Ванили, ванили, матушка, здѣсь нѣтъ! Это на что же похоже? За что же я вчера Петра распекъ? Знаешь, посылаю я его вечеромъ за ванилью, а онъ говоритъ: «здѣсь ее ни за какія деньги не достанешь!» Я на него и напустился. Знаешь, вѣдь, я горячъ, сейчасъ чортъ знаетъ что человѣку наговорю. «Ахъ, ты, говорю, лѣнтяй, лѣнтяй, поискать ванили для барыни не можешь, вотъ ужо я самъ схожу». Ну, матушка, и пошелъ: ищетъ, а не свѣчка—ванилью нигдѣ и не пахнетъ!

Дядя разводитъ руками.

— Что же мы станемъ дѣлать, дядя?—тревожно говоритъ матушка.—Какъ же мы подадимъ кремъ безъ ванили? Вѣдь это просто срамъ! Ужъ лучше бы намъ отказаться отъ гостей.

— Да ты не тужи, Маруська.—успокаиваетъ ее дядя.— Я сегодня штуку удралъ; утромъ ранехонько откомандировалъ свою особу въ Кронштадтъ и...

Дяля внезапно умолкаетъ.

— Ну, и что же?—съ замираніемъ въ сердцѣ перебиваетъ мать.

— И не досталъ ваниля! торжественно заканчиваетъ дядя, дѣлая угрюмое лицо.

— Ахъ!—вырывается жалобное восклицаніе изъ груди матери.

Дяля разражается густымъ, веселымъ смѣхомъ.

— У, злой, злой, вѣчно дразнитъ!—весело смѣется мать и, взявъ изъ рукъ дяди драгоцѣнную ваниль, съ наслажденіемъ втягиваетъ ея запахъ.

Я гляжу на раскрасивѣвшееся, покрытое потомъ, лицо дяди и сознаю, что для него, какъ и для Насти, утро началось гораздо раньше, чѣмъ для насъ.

— А что, чай еще есть?—спрашиваетъ онъ у Насти.

— Сейчасъ самоваръ скипитъ! Долить велѣла,—отвѣчаетъ она...

Черезъ четверть часа самоваръ снова является на столѣ. Настя завариваетъ чай.

— Настя, Настя, ты ужъ лучше не хлопочи съ чаемъ,—говоритъ матушка.—Позови Аграфену Карповну, а сама сядай гладить.

Аграфена Карповна является на зовъ и за Настю разливаетъ чай. Глядя на дядю, истребляющаго чай, я и матушка снова чувствуемъ охоту напиться этой душистой влаги и присаживаемся къ столу. За столомъ идутъ безпечные, веселые разговоры. Аграфена Карповна стоитъ, между тѣмъ, у стола, переминается съ ноги на ногу и, подпершись рукой щеку, ждетъ, когда мы кончимъ и наши бесѣды, и наше чаепитіе. Видно, что ей, по ея выраженію, «сосетъ душеньку», такъ какъ и ее ждетъ дѣло. Въ это время тихонько отворяется дверь столовой, и въ нее просовывается голова въ бѣломъ бумажномъ колпакѣ. Это Петръ—поваръ. Онъ молча дѣлаетъ таинственные знаки Аграфенѣ Карповнѣ. Она не замѣчаетъ его или только дѣлаетъ видъ, что не замѣчаетъ, чтобы не смущать себя еще болѣе воспоминаніями о кладовой. Онъ слегка кашляетъ.

— Что тебѣ?—недовольнымъ шопотомъ спрашиваетъ она, подходя къ дверямъ, какъ по горячимъ угольямъ, едва касаясь пола.

— Лимоновъ нѣтъ,—шепчетъ Петръ.

— Не можешь подождать? Видишь, чай разливаю!

— Холодное не успѣю застудить!

— А прахъ тебя побери и съ холоднымъ!

Аграфена Карповна обращаетъ къ намъ свое тѣстообразное лицо и говоритъ:

— Я сейчасъ; лимоны надо выдать.

На нѣсколько минутъ мы остаемся въ безпомощномъ, достойномъ сожалѣнія состояніи и ждемъ, когда снова явится Аграфена Карповна для разливанія чая и для мытья чашекъ. Еще черезъ нѣсколько времени слышатся торопливые шаги Насти. Она является въ столовую, шурша объ дверь накрахмаленнымъ и выглаженнымъ капотомъ, высоко поднятымъ ею въ воздухѣ. Какое чудное это произведеніе модистки! вышитыя гладью оборки окаймляютъ подолъ и передъ капота, гдѣ вставленъ расширяющійся книзу треугольникъ, состоящій изъ мелкихъ буффъ и прозрачныхъ прошивокъ. На груди вставленъ такой же треугольникъ широкимъ концомъ вверхъ, и около него, и около ворота тоже идутъ вышитыя гладью оборки. Все это расправлено, разглажено, сплоено. Какъ рано нужно было встать Настѣ, чтобы справиться со всѣми этими волнами батиста! Какъ понятно, что Настя такъ сердито разливала чай, оторвавшій ее отъ утюга, заставившій ее снова вспрыскивать высохшія, во время ея отсутствія, оборки капота.

— Прелестно,— восклицаетъ матушка, любуясь своимъ нарядомъ.—Я, дядя, пойду одѣваться... Ты загляни, пожалуйста, въ садъ... Вымелъ ли его кто-нибудь...

— Охъ, ужъ этотъ садъ всѣмъ до зла горя!—говоритъ дядя.—Кучеръ на дворника его сваливаетъ, дворникъ на Лаврентья, Лаврентій чуть не на меня самого!

— Надо бы садовника взять,—замѣчаетъ матушка и идетъ вмѣстѣ съ Настей въ свою уборную, чтобы присѣсть къ туалету и распустить свои пышные волосы, отдавъ ихъ въ распоряженіе искусныхъ рукъ всему научившейся смышленой Насти.

Я хочу бѣжать за дядей, услышавъ, что онъ идетъ въ садъ. Но это не такъ легко сдѣлать. Всѣ возстаютъ противъ меня, увѣряя, что я промочу ноги и простужусь. Я кричу громче всѣхъ, протестуя противъ насилія. Споры разрѣшаются тѣмъ, что Аграфена Карповна спѣшитъ за моими калошами и за суконнымъ армячкомъ. Цѣлый часъ хожу я съ дядей по саду, по двору, около ванной, по конюшнѣ и по экипажному сараю. Здѣсь дворникъ мететъ дворъ и оправдывается, что не успѣлъ вымести сада, проѣздивъ все утро за водой,—тамъ кучеръ чиститъ лошадей и тоже

оправдывается, что онъ не вымелъ сада, проспавшись все утро съ мытымъ экипажей,—далѣе, наконецъ, Лаврентій, хмурый и нерешаный, чинитъ нашу лодку и не оправдывается ни въ чемъ, а сухо отвѣчаетъ дядѣ:

— Садовникъ я, что ли?

Дядя, махнувъ рукой, отходитъ прочь, а Лаврентій очень безцеремонно ворчитъ намъ вслѣдъ:

— Огурцы бы еще заставили разводить!

Наконецъ, упросивъ кого-то изъ прислуги вымести садъ, мы возвращаемся домой и проходимъ въ гостиную, откуда несутся тихіе звуки фортепіано. Комната полна цвѣтовъ и аромата. Какъ свѣтлое видѣніе, вся въ бѣломъ батистѣ, немного склонивъ на пышную грудь свою головку, затѣйливо красующуюся въ безчисленныхъ волнахъ кудрей и косъ, сдерживаемыхъ большою рѣзной гребенкой, матушка сидитъ за фортепіано; ея тонкіе, красивые пальцы едва касаются клавишей; изъ ея груди едва вылетаютъ мелодическіе звуки: это «стонетъ сизый голубочекъ, стонетъ онъ и день и ночь»... Дальше вы знаете, о чемъ пѣлось. Теперь другія птицы, другія пѣсни. Я и дядя тихо усаживаемся въ гостиной и ловимъ эти грустные, нѣжные звуки.

— Чудный голосъ! Чувство, чувство въ немъ слышится,— бормочетъ дядя.

— А-а! вы здѣсь! —оборачивается матушка.

— Здѣсь, голубка! Все готово, теперь только гостямъ стоитъ пріѣхать.

Пріѣзжали и они. Шли толки и разсказы. Молодой, худощавый морякъ, Григорій Даниловичъ Бубновъ, увивался около матушки, увѣряя ее, что она прекрасна, какъ пери. Марѳа Трофимовна Бубнова—его мать—разсказывала, что Трегубскіе, выведенные ею въ люди, наворовали огромные капиталы и теперь подъ судъ попались; что Двоеглазовы дочь при ея помощи хотѣли выдать замужъ, а оказалось, что она давно находится въ связи съ совсѣмъ другимъ человѣкомъ, который, вообразите себѣ, давно женатъ; что Синебрюховы, попавшіе съ ея легкой руки въ подрядчики, вышли изъ мужиковъ, а лѣзутъ въ высшій кругъ общества и только вызываютъ всеобщія насмѣшки. Старый адмиралъ Гейгъ молчаливо смаковалъ новыя сигары дяди и иногда поглядывалъ на свою жену, прямую и сухую нѣмку изъ Риги, дававшую ежеминутно новыя порученія своему мужу даже и въ гостяхъ. Воздушныя бѣлобрысенькія дочери Гейга, преслѣдуемыя, какъ Макбетъ тѣнью Банко, своею гувер-

панткою, потупляли нѣмецки-сентиментальные глазки и сжимали и безъ того крошечные ротики. Столь же бѣлобрысенькіе сыновья Гейга изображали собою вербныхъ херувимовъ и съ ловкостью невидимыхъ духовъ крали у меня лакомства и даже картинки, не измѣняя своихъ невинныхъ, по-ангельски улыбающихся физіономій. Еще двое-трое гостей вели ожесточенные, чисто-русскіе споры, постоянно доходя до колкостей и совсѣмъ недвусмысленныхъ личныхъ намековъ. «Вы, молъ, что?—неучъ!»—«Ну, да, я учился на мѣдныя деньги, да зато ужъ взятокъ, какъ другіе, не стану брать съ нищаго!» Въ кухнѣ, въ людской и въ столовой между тѣмъ шла возня. Поваръ, Аграфена Карповна, Настя, судомойка, всѣ были въ хлопотахъ, всѣ укоряли другъ друга въ недосмотрахъ, въ оплошностяхъ, всѣ были красны, какъ вареные раки. Въ кухнѣ пахло чадомъ, паръ носился клубами, жара и сквозной вѣтеръ были нестерпимы. Наконецъ, оканчивался завтракъ, и всѣ, гости и хозяева, въ веселомъ настроеніи духа разсыпались по саду. Я игралъ съ бѣлобрысыми Гейгами, сразу покорившими своею небесною кротостью мое сердце. Матушка ходила и таинственно разговаривала съ молодымъ Бубновымъ. Гейгъ садился сыграть партію въ карты со старухой Бубновой, своей женой и дядей. Дѣвицы Гейгъ, сентиментально обнявшись, о чемъ-то шептались и обрывали листики полевого цвѣтка съ тихимъ лепетомъ: «Er liebt, von Herzen, mit Schmerzen, ein wenig, gar nicht». А за ними слѣдовалъ молчаливый призракъ гувернантки. Часы до обѣда проходили незамѣтно, хотя и въ этотъ промежутокъ времени я уже успѣвалъ окончательно разссориться съ юными Гейгами, уличить ихъ въ кражѣ, надавать имъ тумаковъ въ спину и убѣжать подъ защиту матери. Лаская меня, она готовилась вести гостей къ обѣденному столу, но вдругъ ей приходила въ голову великолѣпная мысль, что въ такой чудный день было бы отлично отобѣдать на террасѣ. Я летѣлъ въ столовую вѣстникомъ этой счастливой идеи, но,—увы!—эта идея встрѣчалась прислугой съ видимымъ неудовольствіемъ.

— Экъ, когда вздумали!—ворчали Аграфена Карповна и дворникъ, наряженный офиціантомъ въ какой-то куцый фракъ съ воротникомъ въ видѣ хомута.—Столъ накрыли, а теперь тащи все на террасу.

Начинался шумъ быстро и сердито собираемой посуды, отрывистыхъ рѣчей и угловатыхъ, говорившихъ о внутреннемъ раздраженіи, передвиганій стола. Черезъ полчаса мы

весело и шумно садились за столъ на террасѣ и даже бѣлобрысенькія дочери Гейга по-дѣтски хлопали пухленькими и коротенькими ручками отъ восторга. «Das ist eine göttliche idee!» «Обѣдъ на террасѣ—это такъ поэтично!» Обѣдъ оканчивался благополучно, за нимъ слѣдовалъ отдыхъ за кофе и грогомъ. Всѣ дѣлались особенно добродушны, у всѣхъ подрумянивались щеки, у всѣхъ соловѣли глаза, дядя начиналъ разсказывать анекдоты не безъ сальца, адмиралъ Гейгъ силился сказать остроту,—очень жаль, что это ему никогда не удавалось, такъ какъ острота придумывалась въ теченіе всей жизни и навѣрное развеселила бы все общество. Прислуга, между тѣмъ, торопливо убравшая въ гостиную обѣденный столъ и поставившая на террасу маленькіе китайскіе столики для кофе и грога, хлопотала надъ приведеніемъ въ порядокъ всего, что было смято и запачкано во время обѣда. Настя сердито складывала салфетки, скатерть, прибирала на мѣста графины и чистые стаканы; Аграфена Карповна, вѣчно скупая на наше добро, покачивая головой, осматривала и закупоривала бутылки; импровизированный офиціантъ-дворникъ, пыхтя, тащилъ въ кухню тарелки, ножи и вилки; въ кухнѣ опять шла возня. Но возня начиналась и въ конюшнѣ. Кучеръ, уже давно вычистивший лошадей и вымывшій экипажи, предчувствовалъ близкую работу. Дѣйствительно, послѣобѣденное умиленіе господъ дохолило до того, что они начинали искренно вѣрить во все, даже въ прекрасную погоду, и чувствовали непреодолимую любовь къ матери-природѣ. Начинались приготовленія къ катанью. Матушка звала въ свою уборную Настю, чтобы переѣнить бѣлый капотъ на другое платье, такъ какъ гвоздь въ саду и обѣдъ на террасѣ оставили слѣды на батистѣ, порядочно смявшемся и потемнѣвшемъ.

— Ты, Настя, послѣ подгладишь его,—говорила матушка своей горничной.

— Чего тутъ грязь подглаживать! Перестирать надо,—сухо отвѣчала Настя.

— Ну, да, немножко,—добродушно отвѣчала матушка.

Настя молчала.

— Ты, Настя, скучная такая сегодня! Здорова ли ты?—спрашивала матушка съ озабоченнымъ видомъ.

Она давно привыкла и любила видѣть Настю веселою.

— Здорова-съ!—отвѣчала Настя, силясь принять свой обычный веселый видъ, и сообщала барынѣ, что бубновскій

кучеръ говорилъ: «Нашъ-то молодой баринъ врѣзался въ вашу барыню».

Матушка улыбалась, слушая эту болтовню, и потомъ вздыхала:

— Нѣтъ, Настя, я никогда не выйду замужъ, никогда! Я для Володи буду жить.

— Да и Богъ съ ними, съ женихами! И Григорій-то Даниловичъ вамъ не пара, строгъ онъ очень, — говорила Настя.

Переодѣтая въ сѣрое шелковое платье, матушка снова выходила къ гостямъ, и всѣ ѣхали кататься. Даже наша водовозка — лошадь во всѣхъ отношеніяхъ премилая — шла въ дѣло и щеголяла своимъ быстрымъ бѣгомъ, то галопомъ, то рысью унося вслѣдъ за другими лошадьми небольшую щеголеватую телѣжечку, гдѣ помѣщались юные Гейги, я и дядя въ роли кучера. Не знаю, кто испытывалъ больше мученій въ несвойственныхъ имъ роляхъ: дядя ли, превратившійся въ кучера, или водовозка, исполнявшая роль бѣговой лошади. Я думаю, что дядя. Но крайней мѣрѣ, онъ терялъ всякое присутствіе духа, когда изъ передняго экипажа ему кричали: «Э, капитанъ, да вы все отстаете!» и когда онъ долженъ былъ пускать въ ходъ свой кнутъ.

— Ну, Васька, Васюкъ! что-жъ ты оплошалъ? А? Не хорошо, братъ, не хорошо! Покажи-ка имъ себя: н-ну! — разговаривалъ онъ съ водовозкой, подергивая вожжи.

Видя безплодность своихъ увѣщаній, видя, что водовозка имѣетъ явное поползновеніе остановиться, онъ пускалъ, наконецъ, въ дѣло кнутъ и бормоталъ себѣ подъ носъ:

— Несутся, точно на пожаръ, угорѣлые! И выдумали некстати катанье; дождь сейчасъ пойдетъ. Ваську только измучатъ.

А дождь дѣйствительно начиналъ накрапывать, и дядѣ приходилось еще чаще пускать въ дѣло кнутъ, чтобы поспѣть за другими экипажами, летѣвшими обратно на дачу.

— Ну, говорилъ, что не во-время катанье выдумали! — бормоталъ дядя.— Вотъ теперь и у праздника. Перепростудятся всѣ, начнутся насморки и кашли. А все гулянье, дома не сидится!

Порядочно измокшіе, мы возвращались домой. Матушка торопливо звала Аграфену Карповну, поручая ей поскорѣе переодѣть меня и напоить горячимъ: сама же въ сопровожденіи Насти шла перемѣнить немного измокшее платье,

и потомъ являлась въ новомъ нарядѣ въ гостиную и садилась, по просьбѣ гостей, за фортепіано. Долго еще долетали до меня и звуки фортепіано, и звонъ тарелокъ, и щелканье пробокъ отъ шампанскаго. Еще позже могъ я слышать сквозь сонъ, какъ возилась въ столовой прислуга, какъ хлопали двери въ кладовой и погребѣ. Далеко за полночь утихали всѣ эти звуки, и только слышалось постукиванье палки объ доску. Это Лаврентій, сторожившій дачу, гремѣлъ въ затишьѣ безмолвной ночи. Это были отчетливые и рѣдкіе звуки, какъ будто производимые тяжелою рукой суроваго и разгнѣваннаго человѣка. Помню я, какъ однажды ночью я выглянулъ въ ту сторону, гдѣ билъ палкою въ доску Лаврентій. Я увидалъ въ полумракѣ весенней ночи какое-то странное, похожее больше на звѣря, чѣмъ на человѣка, существо въ нахлобученной на глаза овчинной шапкѣ и въ такомъ же накинутомъ на плечи тулупѣ. Изъ-подъ шапки торчали въ разныя стороны косматые волосы, изъ-подъ тулупа выглядывали большія, неуклюжія ноги, мѣрно и тяжело шагавшія по землѣ. Толстая, тяжелая дубина была закинута на плечо, какъ будто готовая для обороны. Я такъ испугался, что долго не могъ уснуть, и потомъ ночью мнѣ снился страшный медвѣдь, шумно пробиравшійся, ломая на пути сучья, по темному лѣсу.

Этотъ-то звѣрь не принималъ никакого участія въ тревогахъ нашей будничной жизни и оставался безстрастнымъ зрителемъ всѣхъ сейчасъ описанныхъ заботъ и волненій, повторявшихся съ небольшими измѣненіями почти каждый день. Жаловалась ли матушка съ нервною раздражительностью на погоду, или сидѣла цѣлый день за книгой или за фортепіано; радовалась ли она ясному дню и выѣзжала на гулянье съ гостями; шила ли, гладила ли, разливала ли чай или чесала голову матушки расцвѣтшая, какъ роза, Настя; варила ли варенья, приготовляла ли наливки, переливалась ли изъ кладовой въ погребъ и изъ погреба въ кухню, везла ли меня пріобщать въ церковь «пава» Аграфена Карповна; парился ли поваръ въ кухонномъ жару за печеньемъ блиновъ, мерзъ ли онъ на ледникѣ за приготовленіемъ крема; потѣлъ ли кучеръ за чищеньемъ лошадей, ругался ли онъ за мытьемъ экипажей, — всегда и во всякое время одинъ Лаврентій оставался безмятежно спокоенъ; онъ какъ будто не признавалъ ни нашего государственнаго устройства, ни нашихъ государственныхъ потребностей.

Это не мало удивляло меня во дни моего дѣтства. Я могъ приказывать всѣмъ, могъ всѣхъ поднимать на ноги и только не могъ я ничего приказывать Лаврентію, и при каждомъ моемъ приказаніи слышалъ отъ него какой-нибудь отвѣтъ въ родѣ того, что это не его, а кучерово или дворниково дѣло. Видя такое упорное непослушаніе и такую стойкую самостоятельность, я началъ робѣть передъ Лаврентьемъ и почувствовалъ къ нему нѣчто въ родѣ уваженія.

Это было хмурое, шершавое, небритое и нечесаное созданіе. Когда-то онъ служилъ въ матросахъ. Впервые познакомился онъ съ дядею довольно оригинальнымъ образомъ: священникъ сообщилъ начальству, что матросъ Лаврентій Осипенко не знаетъ ни одной молитвы и, повидимому, не имѣетъ никакого понятія о религіи. Начальство поручило молодому мичману Хлопко наставить на путь истины матроса Лаврентья. Хлопко призвалъ къ себѣ Лаврентья Осипенко.

— Я, братецъ, слышалъ, что ты молитвъ не знаешь? — сказалъ Хлопко.

— Точно такъ, — отвѣтилъ Лаврентій Осипенко, вытянувшись въ струнку передъ юнымъ начальникомъ.

— Какъ же это, братецъ! Не хорошо, не хорошо! Вѣдь ты ходишь въ церковь?

— Хожу-съ!—отвѣтилъ Лаврентій Осипенко

— Ну, что же ты тамъ дѣлаешь?

Лаврентій Осипенко посмотрѣлъ на своего юнаго начальника недоумѣвающими глазами и промолчалъ.

Начальникъ повторилъ свой вопросъ.

— Стою-съ,—отвѣтилъ нехотя Осипенко.

— Стою-съ, стою-съ! Знаю, братецъ, что не сидишь, а стоишь! у насъ въ церквахъ не сидятъ, а стоятъ! Мы не католики, не протестанты!—разсердился юный мичманъ.— Да стоишь-то ты зачѣмъ?

— Начальство велитъ-съ.

— Да ты на исповѣдь ходилъ?

— Ходилъ-съ!

— Ну, да для чего же ты ходилъ на исповѣдь?

— Начальство приказало.

При этомъ отвѣтѣ юный начальникъ въ свою очередь посмотрѣлъ на Лаврентія Осипенко недоумѣвающимъ взглядомъ.

— Да ты, братецъ, знаешь ли, что̀ такое грѣхъ?

— Не могу знать-съ!

Юный офицеръ только руками развелъ и въ волненіи прошелся по комнатѣ.

— Давно у тебя отецъ и мать померли?—спросилъ онъ ласковымъ тономъ.

— У меня нѣтъ ни отца, ни матери.

— Ну да, теперь нѣтъ, а давно ли они померли?

Матросъ молча глядѣлъ на офицера, опустивъ руки по швамъ.

— Что же ты, братецъ, молчишь? Давно ли они померли? спрашиваю я.

— У меня не было ни отца, ни матери.

— Гм, гм, не было!.. Странно, очень странно! — бормоталъ юноша.—Ну, родные были... Были у тебя родные?

— Никакъ нѣтъ-съ!

— Да ты откуда же?

— Изъ лѣсу-съ.

Офицеръ вытаращилъ глаза и остановился лицомъ къ лицу передъ Лаврентьемъ Осипенко, вглядываясь въ черты лица этого страннаго созданія. Осипенко, весь шершавый, косматый, замаранный дегтемъ, стоялъ въ угрюмомъ безмолвіи и дѣйствительно походилъ на звѣря. Нѣсколько минутъ Хлопко и Осипенко стояли молча другъ передъ другомъ.

— Гдѣ же ты, братецъ, жилъ прежде? — спросилъ не безъ грусти добродушный Хлопко.

— Въ деревнѣ-съ.

— Да, но у кого же, въ чьей семьѣ?

Матросъ молча и угрюмо посмотрѣлъ на офицера. Тотъ повторилъ вопросъ.

— Я не въ избѣ жилъ. Я въ деревнѣ, — отвѣтилъ Осипенко сквозь зубы.

— Какъ, такъ-таки просто въ деревнѣ, на чистомъ воздухѣ?

— Въ полѣ свиней пасъ... Лошадей тоже стерегъ...

— Ну, а зимою?

— По дрова въ лѣсъ ѣздилъ...

— Ну, а спалъ-то, спалъ-то ты, братецъ, гдѣ?

Матросъ опять посмотрѣлъ на юнаго офицера недоумѣвающимъ взглядомъ и, угрюмо усмѣхаясь, немного поежился.

— Разно-съ спалъ... Мало ли гдѣ спять...

Осипенко какъ-то странно захихикалъ и тотчасъ же снова принялъ серьезный видъ.

— Ну, а примѣрно-то гдѣ же?

— Шалашки дѣлалъ... тоже въ хлѣву... на мельницѣ вотъ... Не упомню-съ всего, ваше благородіе... Увольте!..

— Тебя такъ въ солдаты по очереди сдали, или за какую-нибудь вину?

— Надо полагать, по очереди...

— На службѣ ни за что не попадался?

— Никакъ нѣтъ-съ!

— Не воровалъ здѣсь?

— Всѣмъ доволенъ-съ!

Юный Хлопко снова заходилъ по комнатѣ и о чемъ-то думалъ.

— Ты не грамотный?

— Чего-съ?

— Читать умѣешь?

— Никакъ нѣтъ-съ!

— Приходи ко мнѣ завтра, я тебя стану молитвамъ учить.

— Слушаю-съ.

Съ этого дня мичманъ Хлопко полюбилъ матроса Осипенко. Онъ выучилъ его тремъ молитвамъ и десяти заповѣдямъ и на этомъ покончилъ религіозное образованіе матроса. Юный офицеръ иногда давалъ матросу денегъ, иногда кормилъ его и постоянно изъ любознательности разспрашивалъ о его прошлой жизни. Матросъ отвѣчалъ на вопросы коротко, положительно, принималъ подарки и милости, вытянувшись въ струнку, не измѣняя выраженія на своемъ вѣчно хмуромъ и рано состарѣвшемся лицѣ. Ни малѣйшаго чувства, ни одного порыва не прорывалось изъ этой суровой и одеревянѣлой души. Это былъ дикій звѣрь, выученный людьми разнымъ фокусамъ въ родѣ маршировки, лазанья по мачтамъ, повиновенія начальству, отвѣтовъ на вопросы и т. п. Несмотря на это, юный мичманъ любилъ его и считалъ глубокою и честною натурой. Прошло нѣсколько лѣтъ, когда Лаврентью Осипенко удалось еще болѣе скрѣпить свои дружескія отношенія съ Хлопко. Мичманъ Хлопко, купаясь въ морѣ, пошелъ ко дну. Спасеніе уже казалось невозможнымъ, когда на фрегатѣ увидали вынырнувшаго Осипенко съ обезпамятѣвшимъ Хлопко. Когда мичманъ пришелъ въ себя и сталъ горячо благодарить Осипенко, тотъ нахмурилъ еще болѣе свое лицо и грубо пробормоталъ:

— Чего не видали въ водѣ, что сами въ нее лѣзете?

Съ этой минуты въ отношеніяхъ двухъ друзей явилась новая черта: Осипенко сталъ ворчать и дѣлать выговоры своему Хлопко. Въ теченіе многихъ лѣтъ два друга были неразлучны. Осипенко, наконецъ, получилъ отставку, у него въ это время уже были оторваны два пальца на лѣвой рукѣ. Бывшій мичманъ, теперешній капитанъ Хлопко, нанялъ ему мѣсто въ Ораніенбаумѣ при одной изъ дачъ, которая потомъ и сдѣлалась нашею собственностью. Осипенко, поселившись на дачѣ, попрежнему не выражалъ никакихъ нѣжныхъ чувствъ къ капитану Хлопко, хотя и считалъ своею непремѣнною обязанностью являться на квартиру капитана, по крайней мѣрѣ, разъ въ недѣлю. Теперь же они каждое лѣто жили вмѣстѣ, и потому Осипенко могъ избавить себя, хотя на три мѣсяца, даже отъ этихъ слабыхъ изъявленій своей признательности къ Хлопко.

Это-то странное, косматое, почти коричневое существо, съ небритымъ подбородкомъ, въ порванной и запачканной одеждѣ, имѣло смѣлость не принимать никакого участія въ радостяхъ моихъ подданныхъ, восхищавшихся, что они могутъ быть рабами наслѣдующей принцессы и ея наслѣдника принца, ненаглядная Владиміра Михайловича. Лаврентій Осипенко простиралъ свою дерзость до того, что не только среди сіявшихъ радостью и счастіемъ людей смотрѣлъ попрежнему мрачно и угрюмо, но даже осмѣливался ворчать себѣ подъ носъ: «Ишь, сами-то словно малые ребята съ куклой возятся». Это безучастное и почти враждебное отношеніе Лаврентья ко мнѣ очень разнообразно дѣйствовало на моихъ добрыхъ подданныхъ. Моя мать холодно и брезгливо смотрѣла на старика и терпѣла его присутствіе на дачѣ только за то, что онъ спасъ когда-то ея дѣтей, да еще за то, что старикъ имѣлъ счастливую способность не спать по ночамъ и лучше кого-нибудь другого карауллить дачу. Подъ его защитой можно было спать спокойно. Аграфена Карповна вообще не уважала Лаврентья и раздражительно замѣчала ему:

— Ну да, ты ужъ, извѣстно, въ Бога не вѣруешь и дѣтей, Божьяго благословенія, не можешь любить.

— Тебя, нава, видно не благословлялъ никто, что до сихъ поръ дѣтей не рожаешь,— хмуро замѣчалъ Лаврентій.

— Тьфу ты, окаянный! Да я и замужемъ не была! — отплевывалась Аграфена Карповна.

— То-то ты и не знаешь, чье они благословенье.

Настя просто грызлась съ Лаврентьемъ изъ-къ мели и, въ концѣ-концовъ, тоже плевала передъ носомъ старика, восклицая:

— Статуй, статуй безчувственный!

— Ну, значитъ, и отстань, крыса! И приставать, значитъ, нечего! — сурово отвѣчалъ старикъ, забивая больнію гвоздя въ каблукъ топорію сшитаго имъ самимъ сапога!

Но, по странному стеченію обстоятельствъ, Лаврентію постоянно приходилось дѣлать маленькія замѣчанія насчетъ ухода за ея воспитанникомъ.

— Ты это куда бѣжишь, крыса? — спрашивалъ онъ у Насти.

— Гулять съ Владиміромъ Михайловичемъ иду, — отвѣчала она гордымъ тономъ.

— Гулять съ Владиміромъ Михайловичемъ иду! — насмѣшливо передразнилъ ее старикъ. — А ты глотку-то ему повязала платкомъ?

— Ай, батюшки, я и не досмотрѣла!—воскликнула Настя и бѣжала домой за платкомъ.

— Нѣжать, нѣжать, а потомъ возись съ нимъ, какъ слижетъ!—ворчалъ Лаврентій.—Нажили себѣ заботу.

Исполняя добросовѣстно должность ночного стража и смотрителя при ванной, Лаврентій на этомъ покончивалъ всѣ отношенія къ нашему государственному управленію. Его конура около ванны была чѣмъ-то въ родѣ государства въ государствѣ, гдѣ не было ни подданныхъ, ни начальниковъ и былъ только одинъ онъ—и слуга, и господинъ своей особы. Прокарауливъ ночью нашу дачу, осмотрѣвъ ванну, онъ забирался въ свою конуру и принимался за шитье для себя сапогъ, за починку для себя одежды, за изготовленіе сѣтей, за исправленіе лодки. Всѣ эти занятія сопровождались пожевываніемъ хлѣба, понюхиваніемъ табаку, покуриваніемъ коротенькой трубки и иногда чѣмъ-то въ родѣ пѣнія, болѣе похожаго на ворчанье или на вой, чѣмъ на настоящее пѣніе. Наработавшись вдоволь на свою особу, онъ растягивался на спину, какъ настоящій свободный гражданинъ, у себя въ конурѣ или на берегу залива. Пососавъ съ четверть часа трубку, онъ въ полусонѣ придавливалъ въ ней большимъ пальцемъ огонь, засовывалъ ее съ пепломъ въ карманъ штановъ, забивалъ носъ большой понюшкой табаку, поворачивался на бокъ и засыпалъ на два, на три часа. Потомъ, сваривъ себѣ каши или рыбы,—Лаврентій не бралъ съ нашей кухни обѣда,— онъ

посвящалъ время ѣдѣ и, выбросивъ остатки кушанья на берегу, отправлялся на лодкѣ ловить угрей или рыбу. Брошенные на землю объѣдки собирали у конуры Лаврентья разныхъ птицъ и собакъ. И дрокъ, и рыбы налавливалъ онъ много. Иногда осенью заливъ приносилъ къ нему и болѣе цѣнные дары; такъ иногда Лаврентью удавалось съ мартышкинскими крестьянами привести къ вашей разбитую барку съ грузомъ загонувшаго хлѣба. Въ этихъ случаяхъ Лаврентій по цѣлымъ днямъ не выходилъ изъ воды и, стоя въ ней по-поясъ, съ топоромъ или ломомъ въ рукѣ, къ своей овчинной шапкѣ, походилъ на какого-то угрюмаго повелителя водъ. Самая поздняя осень, самые сильные холода выгоняли старика изъ воды, но онъ все-таки бродилъ около своего, скованнаго льдами, царства и сторожилъ, не проситъ ли гдѣ-нибудь помощи какой-нибудь смѣльчакъ, рано задумавшій прокатиться по льду, не сбилась ли гдѣ-нибудь въ пути повозка, ѣхавшая изъ Петербурга. Заливъ былъ знакомъ Лаврентью, какъ черты съ дѣтства любимаго имъ друга. И не только заливъ, но и все льнувшее къ заливу смѣло могло разсчитывать на участіе, на помощь или на совѣтъ старика: каждый мартышкинскій крестьянинъ, каждый извозчикъ изъ Копорья, пріѣзжавшій зимой въ Ораніенбаумъ, каждая птица, селившаяся въ камышахъ, каждый рыболовъ, проплывшій, гоняясь за рыбой, отъ Тверской губерніи или отъ остзейскихъ береговъ до Ораніенбаума, были извѣстны Лаврентью. Рыболовы изъ Тверской губерніи нерѣдко останавливались около нашей каюты и разводили огонь у конуры Лаврентья, развѣсивъ и починяя на этомъ мѣстѣ свои сѣти. Рыболовы съ остзейскихъ береговъ тоже посѣщали его, приплывая на лайбахъ съ женами и дѣтьми. Видя этихъ старыхъ знакомыхъ, старикъ оживлялся, хлопоталъ о сбытѣ ихъ товара бродящимъ по берегамъ Стрѣльны, Петергофа и Ораніенбаума продавцамъ рыбы, давалъ имъ безплатно дровъ и щепокъ для разведенія огня и по цѣлымъ часамъ бесѣдовалъ съ ними о разной рыбѣ, о надеждахъ на уловъ, о предстоящей погодѣ. Въ этой сферѣ онъ являлся почти пророкомъ и, казалось, зналъ каждое облачко, предвѣщавшее грозу или бурю.

Робко и боязливо подходилъ я къ этому существу съ первой моей дѣтской просьбой: «покатать меня на лодочкѣ».

— А что дома-то скажутъ, мѣтушокъ? — хмуро спросилъ онъ, покуривая трубку.

Мнѣ было тогда шесть лѣтъ.

— Я не скажу никому, что я катался,—отвѣтилъ я.

— Ну, пойдемъ,— промолвилъ онъ.

Загасивъ пальцемъ огонь въ трубкѣ и сунувъ ее въ карманъ панталонъ, онъ потащился своей медвѣжьей походкой къ лодкѣ. О, какъ сильно билось мое сердце, когда шершавыя, грубыя руки Лаврентья подняли меня со ступеней ванны и перенесли въ лодку.

— Только не ерзай, пѣтушокъ, не то лодка перевернется. Съ водой шутки плохія!—промолвилъ онъ и, плюнувъ на ладони, взялся за весла.

Лодка понеслась, ловко и быстро минуя разбросанные подъ водой большіе камни. Лаврентій зналъ мѣсто каждаго изъ нихъ.

— Гляди!—кивнулъ онъ головою вверхъ.

Я поднялъ голову. Надо мной, вытянувъ впередъ шеи, низко надъ водой летѣли одинъ за другимъ четыре гуся, тревожно махая крыльями.

— Отсталые! — пробормоталъ Лаврентій. — Ишь, какъ устали, сердечные. Вѣрно болѣзнь приключилась въ дорогѣ.

— А это видишь? —указалъ онъ глазами въ другую сторону неба.

— Это туча?—спросилъ я, видя длинные, дымчатые столбы въ воздухѣ.

— Комары,—слышишь, какъ жужжатъ?

Лаврентій на минуту пересталъ грести.

Я прислушался: въ воздухѣ дѣйствительно раздались звуки, похожіе на журчанье горнаго ручья по камнямъ; дымчатый столбъ то расширялся по небу, то снова суживался и опускался сверху внизъ.

— Что же это они такъ летаютъ?— спросилъ я у Лаврентья.

— Свадьбу правятъ!—отвѣчалъ онъ, принимаясь за весла и поворачивая назадъ.

— Лаврентій, голубчикъ, подвези къ камышамъ. Я нарву ихъ,— сладко умолялъ я старика.

— Зачѣмъ попусту рвать? Пусть растутъ. Птица тутъ живетъ. Вонъ къ осени цвѣсти будутъ, тогда метелокъ, пожалуй, нарвемъ,—отвѣтилъ старикъ, подавая мнѣ надежду на новое катанье въ лодкѣ.

— А ты, Лаврентій, любишь море?— спросилъ я старика, восхищенный катаньемъ и блескомъ заходящаго солнца, заливающаго золотомъ все пространство зеркально гладкой воды.

— Чего его не любить? На морѣ здорово жить, отвѣтилъ

Лаврентій, снова поднимая меня на руки и вынося на лѣстницу ванны.

Я невольно, чтобы не упасть въ воду, обнялъ рукою шею старика, и въ этомъ положеніи мы достигли берега.

Съ этой минуты началась моя дружба съ Лаврентьемъ. Я привязался къ нему, какъ собачонка; можетъ-быть, и онъ почувствовалъ ко мнѣ ту привязанность, которую мы иногда питаемъ къ ласкающемуся щенку. Но каковы бы ни были его чувства къ отношеніи ко мнѣ, я все-таки вспоминаю о нихъ съ самой теплой, съ самой глубокой благодарностью. Онъ первый познакомилъ меня съ природою, онъ первый отучилъ меня отъ излишней изнѣженности, онъ первый свелъ меня съ простыми ребятишками, бѣгавшими ловить рыбу съ «дѣдушкой» Лаврентьемъ, наконецъ,— и это главное—онъ первый безсознательно научилъ меня по возможности обходиться безъ услугъ посторонніхъ людей и видѣть наслажденіе въ трудѣ.

Еще не понимая всей неизмѣримой разницы между образомъ жизни моей матери и Лаврентія, я сразу почувствовалъ, что быть около Лаврентія веселѣе. Онъ вѣчно былъ за работой, вѣчно копошился, вѣчно что-нибудь соображалъ насчетъ будущихъ занятій и, несмотря на свою постоянную суровость и наружную мѣшковатость, былъ бодръ и живъ. Матушка, напротивъ того, постоянно скучала и за чтеніемъ романовъ, и за пѣніемъ «голубка»; ея молодость, ея оживленіе были только кажущимися, въ сущности это была вѣчная хандра, недовольство жизнью и апатія, для временнаго исцѣленія которой нужны были обѣды съ гостями, катанье съ знакомыми и танцовальные вечера. Все лѣтнее время я пропадалъ теперь на берегу около ванны и значительно поздоровѣлъ, повеселѣлъ и пересталъ льнуть къ нарѣзнымъ Аграфены Карповны. Послѣ переѣзда въ Кронштадтъ мнѣ уже стало окончательно скучно въ обществѣ матери, и я началъ посѣщать людскую и Настю. Здѣсь также шла постоянная возня, стирка, стряпня, глаженье, чищеніе посуды. Особенное удовольствіе доставляла мнѣ прислуга, позволивъ почистить какую-нибудь деревянную кастрюлю или тазъ. Иногда я возвращался въ комнаты совершенно измученнымъ, и матушка давала за это выговоръ и мнѣ, и Настѣ. Но въ этихъ случаяхъ дядя вступался за насъ и говорилъ, что не нужно мѣшать мнѣ начкаться.

— Пусть всему научится. Это хорошо, если человѣкъ и стряпать умѣетъ,— разсуждалъ онъ.

— Ахъ, дядя, не будетъ же онъ поваромъ! — восклицала матушка.

— Ну, поваромъ не приведетъ Богъ быть, такъ мало ли что̀ можетъ случиться! На необитаемый островъ попадетъ.

— Я его ни за что не сдѣлаю морякомъ,— вздрагивала моя мать въ испугѣ и прижимала меня къ себѣ.

— Ты не сдѣлаешь, самъ сдѣлается! — говорилъ дядя.— Будущее не въ нашей волѣ.

А я въ это время мысленно уже давалъ обѣтъ быть моряком̀ъ.

Къ концу зимы матушка начала серьезно ревновать меня къ Настѣ, видя, что я бо́льшую часть времени провожу въ людской. Начала она подумывать и о гувернанткѣ для меня, и о переѣздѣ въ Петербургъ. Онъ теперь сталъ уже менѣе ненавистенъ для нея, чѣмъ семь лѣтъ тому назадъ. Но, не рѣшившись покуда ни на что, наша семья снова собралась на дачу, и я сладостно мечталъ о своей встрѣчѣ, о своихъ катаньяхъ по заливу съ Лаврентьемъ. Мои ожиданія скоро сбылись, и мнѣ казалось, что моему счастью не будетъ конца.

III.

Капитанъ Хлопко лишается своего экипажа и переходитъ на другой корабль въ качествѣ простого пассажира.

Въ это лѣто со мной случилось одно изъ тѣхъ происшествій, которыя нерѣдко бываютъ въ жизни шаловливыхъ и бойкихъ дѣтей. Несмотря на всю свою незначительность, оно какъ бы послужило началомъ цѣлаго ряда новыхъ, печальныхъ для меня событій, и потому сильно врѣзалось въ мою память со всѣми мельчайшими подробностями. Дѣло было въ іюнѣ. На дворѣ стоялъ жаркій день. Моя мать гуляла со мною въ оранiенбаумскомъ саду. Съ нами былъ нашъ пенсiонный въ послѣднее время спутникъ, Григорiй Даниловичъ Бубновъ. Матушка, какъ многiя, слабыя отъ природы, изнѣженныя и нервныя молодыя женщины, очень быстро утомлялась во время жара и впадала въ то состоянiе, при которомъ человѣку трудно двигаться и говорить, при которомъ во всемъ тѣлѣ чувствуется истома, а умъ полудремотно предается смутнымъ и безотчетно-тоскливымъ, хотя и неизвѣстнымъ сладости, мечтанiямъ. Въ этомъ состоянiи женщина дѣлается похожею на больного ребенка, пригрѣтаго солнцемъ и дремлющаго подъ волшебныя сказки старой няни: она готова при первой ласкѣ преклонить на чье-нибудь плечо свою усталую голову, ничтожное огорченiе

или матѣринскій испугъ вызывалъ изъ ея глазъ слезы. Послѣ полученной прогулки, когда я еще попрежнему бойко подпрыгивалъ по аллеямъ и забѣгалъ въ траву, завидѣвъ въ ней какой-нибудь полевой цвѣтокъ, моя мать уже окончательно утомилась и не могла идти далѣе. Мы приближались въ это время къ пруду, окруженному тѣнистыми деревьями и рѣдко посѣщаемому дачниками. Григорій Даниловичъ предложилъ моей матери отдохнуть. Она сѣла на скамью и впала въ безмолвное, созерцательное настроеніе, слушая рѣчи своего спутника. Я продолжалъ бѣгать около пруда. Съ обычной своей первостью, мать начала безпокоиться за меня.

— Володя, Володя, не бѣгай: тутъ вода близко,— обратилась она ко мнѣ.

— Ничего, мамочка, тутъ цвѣты желтенькіе, и только ихъ нарву,— крикнулъ я ей въ отвѣтъ и продолжалъ нырять въ высокой, свѣжей травѣ.

Мать съ тайной тревогой слѣдила за мной. Она уже не слушала Григорія Даниловича и отвѣчала ему разсѣянно. Онъ сильно досадовалъ на меня, какъ на виновника невнимательности его спутницы.

— Володя, что же вы бѣгаете, если ваша маман боится за васъ?—крикнулъ онъ мнѣ недовольнымъ тономъ.

Но я и ухомъ не повелъ. Я не привыкъ слушаться постороннихъ, а стеи дѣлали все такъ, какъ хотѣлось мнѣ.

Мать замѣтила, что Бубновъ сердится за мое непослушаніе, и поспѣшила, по своему обыкновенію, оправдать меня и обвинять одну себя.

— Оставьте его,— сказала она.—Я вѣдь и сама знаю, что ребенку нужно движеніе, что его не должно стѣснять. Излишняя осторожность озлобитъ его и сдѣлаетъ трусливымъ... Но что вы станете дѣлать съ первыми! Я и сама не рада, что я такая трусиха... Вы не можете себѣ представить, что со мною дѣлается, если онъ гдѣ-нибудь на прогулкѣ запоздаетъ или съ Лаврентьемъ на лодкѣ далеко заѣдетъ... Я знаю что съ нимъ ничего не сдѣлается, но...

Въ эту минуту я тянулся за водянымъ цвѣткомъ въ прудъ и поскользнулся. На аллеѣ раздался пронзительный крикъ моей матери, и почти въ то же мгновеніе сильная рука вытащила меня изъ воды, гдѣ я безплодно барахтался у берега.

— Негодяй, мать чуть не уморилъ!—злобно прошепталъ мой спаситель и, съ свирѣпымъ взглядомъ погрозивъ мнѣ

пальцемъ, устремился на помощь къ моей матери, лежавшей на скамьѣ съ закрытыми рукой глазами.

Съ ней, кажется, сдѣлалось дурно.

Меня не столько взволновало мое паденіе въ воду, какъ испугалъ грозный видъ и глухой шопотъ Бубнова. Если бы я могъ себѣ представить, что меня смѣютъ когда-нибудь высѣчь, то именно теперь мнѣ слѣдовало бы ждать тѣлеснаго наказанія. Бубновъ хлопоталъ около моей матери. Черезъ нѣсколько минутъ она очнулась.

— Володя! Что съ Володей? — были ея первыя слова.

— Ничего, вонъ онъ стоитъ,— произнесъ Бубновъ, плохо скрывая свое негодованіе. — Но какъ вы себя чувствуете? Я такъ испугался за васъ!

— Благодарю... Ахъ, что было бы безъ васъ! — вздрогнула мать при воспоминаніи о моемъ паденіи и прижала меня къ груди.—Но, Боже мой, онъ весь мокрый, онъ можетъ простудиться.

Она торопливо начала снимать съ себя платокъ, чтобы окутать имъ меня.

Что вы хотите дѣлать?—спросилъ Бубновъ.

— Я раздѣну его, заверну въ свой платокъ и донесу до дому...

— Помилуйте, зачѣмъ же? Онъ добѣжитъ до дачи и согрѣется... Притомъ же теперь такъ тепло...

— Нѣтъ, нѣтъ, онъ простудится!

Бубновъ пожалъ плечами.

— Но нести-то его я вамъ не позволю. Вы и безъ того такъ слабы, а онъ уже не грудной младенецъ, слава Богу. Давайте его мнѣ.

Мать покраснѣла.

— Вы такъ добры, мнѣ, право, совѣстно!..

— Ничего!

Бубновъ уже былъ готовъ раздѣть меня, закутать въ платокъ и взять на руки, но я оказалъ сопротивленіе и бойко заявилъ, что я добѣгу до нашей дачи, что я не маленькій. Мои отговорки не повели ни къ чему и вызвали только новый упрекъ со стороны Григорія Даниловича.

— Кажется, хоть теперь-то можно перестать упрямиться, — сухо замѣтилъ онъ и началъ раздѣвать.

Я инстинктивно чувствовалъ, что онъ меня ненавидѣлъ въ эту минуту заботливыхъ ухаживаній за мною болѣе, чѣмъ когда-нибудь. Мнѣ казалось, что онъ охотно бы утопилъ меня въ этомъ прудѣ, откуда за минуту вытащилъ меня,

если бы только такой поступокъ не произвелъ дурного впечатлѣнія на мою мать.

«Зачѣмъ это онъ меня вытащилъ?—думалось мнѣ.—Это онъ для мамаши, а не для меня сдѣлалъ. А коть я, значитъ, меньше, чѣмъ онъ, люблю мамашу, я ее не берегу и огорчаю ее, а онъ угождаетъ ей».

Эти мысли вызвали во мнѣ горькое раскаяніе за мое дурное поведеніе и возбудили еще болѣе сильную злобу на Бубнова за то, что онъ смѣетъ любить мою мать больше, чѣмъ я люблю ее. Въ продолженіе всей дороги я досадовалъ, что моя мать то прикрывала платкомъ мои ноги, то выговаривала Бубнову, что ей совѣстно безпокоить его, и, такимъ образомъ, какъ бы связывала насъ вмѣстѣ въ своей заботливости. Я негодовалъ, что этотъ человѣкъ занялъ мѣсто въ ея сердцѣ. Прежде она не заботилась ни о комъ въ мірѣ, кромѣ меня. Повидимому, до сихъ поръ матери и въ голову не приходило, что я, ея Володя, могу кого-нибудь стѣснить или обезпокоить. Ни дядѣ, ни Лаврентью, ни Настѣ мать не говорила, что я тревожу ихъ, когда они возились со мною, не доѣдая за обѣдомъ, не досыпая ночью. Теперь же она стѣснялась и заботилась о томъ, что я безпокою какого-то Бубнова. Была ли у матери эта тревога просто слѣдствіемъ того, что Бубновъ былъ мало знакомъ съ нами, или были тутъ слѣды инстинктивнаго пониманія той нелюбви ко мнѣ, которою былъ исполненъ Бубновъ,—не знаю. Но я склоненъ предполагать послѣднее, такъ какъ моя мать, видя меня вѣшающимся даже на незнакомыхъ людей, повидимому, предполагала, что я доставляю имъ величайшее блаженство, сроша ихъ волосы своими руками и марая ихъ платье своими сапогами.

Когда меня принесли домой, мать начала хлопотать, чтобы Настя скорѣе согрѣла меня, хотя я нисколько не озябъ, и тутъ же замѣтила дядѣ:

— Дядя, сойди въ залъ и предложи доброму Григорію Ивановичу переодѣться: онъ, кажется, промочилъ ноги. Мнѣ было неловко спросить его объ этомъ, но я замѣтила, что его сапоги были мокры.

Потомъ, оставивъ меня въ дѣтской за чаемъ, она посѣтила и столовую, и я слышалъ, какъ она предлагала Бубнову ромъ къ чаю, боясь за его здоровье. Бубновъ, вѣроятно, понималъ, что въ этотъ день онъ сталъ въ сердцѣ моей матери на первый планъ послѣ меня. Она посылала дядю за платьемъ для него, она велѣла Аграфенѣ Кирюковнѣ при-

шесть ему рому, она сама двадцать разъ, отрываясь отъ меня, начинала благодарить его. Когда я уснулъ, Бубновъ предложилъ моей матери пройтись по нашему саду, чтобы освѣжиться.

— Какъ вы нервны, какъ вы волнуетесь изъ-за пустяковъ! — говорилъ онъ ей.

— Какъ! Вы считаете пустяками жизнь Володи? — обидѣлась мать.

— Сохрани меня Богъ!—произнесъ Бубновъ.—Но тутъ дѣло шло не о его жизни, а только о его купаньѣ въ одеждѣ,— улыбнулся онъ.— Вѣдь не могъ же онъ утонуть, когда съ вами былъ я. Правда, вы могли растеряться, съ вами могъ сдѣлаться обморокъ, но ничто не могло помѣшать мнѣ вытащить его изъ воды. И вѣдь безъ этихъ приключеній не проходитъ ни одно дѣтство. Особенно бояться ихъ нечего: ушибется малютка — до свадьбы заживетъ; выкупается въ одеждѣ — на солнцѣ высушится; побьетъ его кто-нибудь — такъ вѣдь битая посуда два вѣка живетъ.

Мать улыбнулась.

— Хорошо вамъ говорить! Вы, мужчины, тверже насъ, нервныхъ женщинъ!

— Да вѣдь у васъ нервы не потому слабы, что вы женщина, а потому, что вашъ сынъ—это весь вашъ міръ, ваша idée fixe...

— Вы упрекаете мать за ея любовь къ сыну!

— Нисколько! Любите его еще больше, если это возможно, но не дѣлайте его той картой, на которую ставится вся жизнь. Это слишкомъ азартная и неразсчетливая игра,— неразсчетливая уже потому, что вы не можете въ ней хладнокровно думать и, ставя всю жизнь на одну карту, имѣете больше шансовъ къ проигрышу, чѣмъ къ выигрышу.

Мать молча куталась въ шаль, ей становилось какъ-то не по-себѣ.

— Вотъ хоть бы этотъ испугъ,—продолжалъ Бубновъ, замѣтивъ, что матери какъ будто нездоровится.— Онъ можетъ стоить вамъ здоровья. Не захворайте вы—это отзовется и на Володѣ. Еще два-три подобные испуга— и вы можете поплатиться жизнью, въ проигрышѣ будете и вы, и Володя,— Володя даже болѣе васъ.

Мать готова была заплакать. Я уже представлялся ей круглымъ сиротой.

— Что же дѣлать? Я не могу передѣлать себя.

— Передѣлайте обстоятельства, и вы передѣлаетесь сами,— замѣтилъ Бубновъ вкрадчивымъ тономъ.

Мать мельком взглянула на него, не вполнѣ понимая его мысль.

— Вы и вашъ дядя,— продолжалъ Бубновъ:— вы оба поставили свою жизнь на карту семейной жизни или даже не семейной жизни, а жизни Володи. Но вѣдь вы, такимъ образомъ, принесете только вредъ мальчику. Онъ будетъ воспитанъ какимъ-то китайскимъ божкомъ, которому кланяются, котораго ублажаютъ, но который не видитъ дѣйствительной жизни и не будетъ имѣть средствъ бороться противъ ея невзгодъ, когда онъ настанетъ для него. Когда-нибудь онъ поступитъ въ школу, и тамъ начнется его первый разладъ съ обществомъ: онъ захочетъ, чтобы общество, учителя, школьники — все плясало по его дудкѣ, какъ все повиновалось ему въ его родномъ домѣ. Онъ будетъ неспособенъ понимать, что общество въ теченіе тысячи лѣтъ выработало извѣстные обычаи, правила, законы, и будетъ требовать, чтобы эта тысячелѣтняя мудрость склонилась передъ нимъ, уступила мѣсто его капризу, воспитанному десятидвѣнадцатилѣтнимъ поклоненіемъ семьи. Какъ вы думаете, чья сила возьметъ перевѣсъ въ борьбѣ: силы ли тысячелѣтняго общества, пережившаго и войны, и чуму, и голи татокъ, или плѣненный ребенокъ, боящійся сквознаго вѣтра, плачущій, если у него нѣтъ лишняго яблока, не умѣющій защититься отъ нападенія какой-нибудь шавки, если около него нѣтъ няни?

Мать не говорила ни слова. Григорій Даниловичъ, окончивъ свою рѣчь, тоже нѣсколько времени послѣ молча. Мать первая прервала молчаніе.

— Знаете ли,— начала она тихимъ и смущеннымъ голосомъ:— но сихъ поръ мнѣ казалось, что вы не любите Володю... Вы меня извините...

— Я не умѣю выражать любовь къ дѣтямъ страстными поцѣлуями,— хладнокровно, почти холодно отвѣтилъ Бубновъ.

— Ради Бога, не сердитесь на меня за это предположеніе!— съ полной искренностью протянула мать ему руку.

Она была вполнѣ увѣрена, что каждому человѣку должно быть обидно, если его подозрѣваютъ въ нелюбви къ ея *Володѣ*.

Бубновъ крѣпко пожалъ протянутую ему руку.

Съ этого дня начались довольно близкія дружескія отношенія между мною матерью и Григоріемъ Даниловичемъ. Эта отношенія были вызваны мною, поддерживались и подогрѣвались при помощи общей темы для разговоровъ, то-

сть при помощи толковъ о моей судьбѣ. Но именно я болѣе всѣхъ досадовалъ на эти отношенія. Я не безъ негованія видѣлъ, что мать моя все чаще и чаще оставляетъ меня съ дядей, съ Лаврентьемъ, съ нянней и уходитъ гулять или просиживаетъ по цѣлымъ часамъ вдвоемъ съ Бубновымъ; я даже нѣсколько разъ доходилъ до сильнаго гнѣва, когда она, смѣясь, говорила при мнѣ Бубнову:

— А Володю надо бы пожурить, онъ опять капризничаетъ.

Эта фраза пробуждала во мнѣ нестерпимую боль и оскорбляла мою дѣтскую гордость и чувство независимости. Однажды, услышавъ отъ матери эти слова, я не выдержалъ и вспылилъ.

— Григорій Даниловичъ не родной мнѣ, чтобы я сталъ его слушаться,—проговорилъ я, краснѣя до ушей.

— А развѣ только родныхъ надо слушаться?—спросилъ Бубновъ, пристально смотря на меня.

— Да, родныхъ. Другіе не смѣютъ бранить и наказывать,— смѣло возразилъ я и взглянулъ на Бубнова вызывающимъ на бой взглядомъ.

— А если бы тебя отдали ко мнѣ?

— Это зачѣмъ?—перебилъ я Бубнова. —Такъ бы я и пошелъ къ вамъ! Очень мнѣ нужно!

— Но если бы тебѣ велѣли идти?..

— А я взялъ бы, да и убѣжалъ къ маманѣ!—рѣшилъ я.

Мать улыбнулась моей сообразительности.

— Несмотря на желаніе маманы, чтобы ты жилъ у меня? — продолжалъ допрашивать Бубновъ.

— Маманя никогда не отдала бы меня...

Мать нѣжно взглянула на меня, радуясь, что я такъ твердо увѣренъ въ ея любви, и уже хотѣла обнять меня въ награду за эту увѣренность, но Бубновъ удержалъ ее отъ изліяній материнской нѣжности, слегка покачавъ головою.

— Ну, а если бы маманя отдала?— настойчиво продолжалъ онъ допросъ. — Если бы она захотѣла, чтобы ты жилъ у чужихъ и слушался ихъ?

Я взглянулъ на мать: она сидѣла неподвижно и не опровергала предположеній Бубнова, стараясь не встрѣчаться со мною глазами. У меня дрогнули губы отъ слезъ, которыя я тщетно старался удержать.

— Я... я... я убѣжалъ бы къ дядѣ! —уже рыдая, произнесъ я.

— Молодецъ, братъ, молодецъ!— встрепенулся дядя, дружески хлопнувъ меня по плечу.—Такъ и надо, чортъ побери!

Бубновъ не обратилъ ни малѣйшаго вниманія на восторгъ дяди, конечно, не раздѣляя этого восторга, и молькомъ промолвилъ матери:

— Вы видите, что я правъ.

— Какъ тебѣ не стыдно плакать?—сказала мать и потянула меня къ себѣ.

Я сердито вырвался изъ ея рукъ и убѣжалъ изъ комнаты. Дядя послѣдовалъ за мною, ворча себѣ подъ носъ:

— Глупыя шутки, очень глупыя шутки! Доводить ребенка до слезъ чортъ знаетъ зачѣмъ. Самихъ бы пострашать отправленіемъ въ острогъ,—что бы тогда запѣли!

Бубновъ пропустилъ мимо ушей эту воркотню старика и обратился къ моей матери:

— Видите ли: одно только предположеніе, что его отдадутъ въ чужія руки, заставляетъ его плакать, а что же будетъ, когда его, въ самомъ дѣлѣ, отдадутъ въ школу? Вамъ надо подумать, серьезно подумать о немъ. Жаль, если онъ погибнетъ, вооруживъ всѣхъ людей противъ себя.

Черезъ нѣсколько минутъ мать и Бубновъ гуляли вдвоемъ въ саду. Мать была задумчива и грустна.

— Мой другъ,— моя мать уже нерѣдко называла Бубнова этимъ именемъ:—что же мнѣ дѣлать?—говорила она.—Неужели нужно непремѣнно отдать его въ чужія руки?

Зачѣмъ? Развѣ вы не можете предположить, что можетъ найтись постороннее лицо, которому станутъ близки, какъ свои, всѣ наши интересы и интересы Володи?

Мать молчала.

— Неужели вы думаете навсегда остаться въ томъ положеніи, въ какомъ вы находитесь теперь? Оно станетъ со временемъ тяжело для васъ, когда Володя подрастетъ и будетъ отсутствовать по цѣлымъ днямъ, преданный новымъ интересамъ, новымъ друзьямъ и товарищамъ...

— Я не думаю о себѣ,—вскользь замѣтила мать.

— Нужно и о себѣ подумать, потому что и для Володи не составить особеннаго счастья ваше одинокое, безотрадное положеніе. Вы его свяжете по рукамъ и по ногамъ въ будущемъ, когда онъ увидитъ, что вся ваша жизнь заключается только въ немъ, въ его присутствіи около васъ. Онъ пойметъ, что, отдаваясь своимъ интересамъ, вращаясь внѣ своего дома, въ кружкѣ юныхъ друзей, онъ похищаетъ часть вашихъ радостей, и ему станетъ тяжело, онъ не будетъ

знать, чѣмъ пожертвовать: долею нашихъ радостей или своими инстинктивными стремленіями къ молодой жизни, къ юному поколѣнію людей...

Мать задумалась и опустила на грудь голову.

— Вамъ нуженъ сильный товарищъ-мужчина, который могъ бы долго-долго идти съ вами однимъ путемъ, и согрѣвая ваше сердце, и раздѣляя съ вами заботы объ этомъ ребенкѣ...

Мать не произносила ни слова: она чувствовала, что съ каждой минутой ея лицо горѣло все сильнѣе и сильнѣе, что передъ нею начиналъ разсѣиваться туманъ, заслонявшій будущее.

— Вы не рѣшаетесь?— спросилъ Григорій Даниловичъ тихимъ и вкрадчивымъ голосомъ.

Мать подняла голову и взглянула на Бубнова: его глаза горѣли, на его смуглыхъ, худыхъ щекахъ пробивался румянецъ. Мать, какъ бы сквозь сонъ, потерла рукою свой лобъ.

— Такъ вотъ что!.. Любовь!..—прошептала она въ смущеніи.

— Да, да, любовь, страстная, горячая любовь!—задыхающимся голосомъ проговорилъ Бубновъ и такъ крѣпко обнялъ мою мать, что она невольно вскрикнула и хотѣла освободиться отъ его неожиданныхъ объятій.

Но онъ уже покрывалъ поцѣлуями ея лицо, забывая и то, что ихъ могутъ увидать, и то, что онъ не получилъ еще никакого права ни на объятія, ни на поцѣлуи. Мать въ невольномъ страхѣ дрожала въ его рукахъ, но не отталкивала его.

— Знаешь ли ты: я думалъ иногда, что я съ ума сойду, если это неизвѣстное положеніе продолжится еще?..—страстно шепталъ Бубновъ.—Иногда я готовъ былъ Богъ знаетъ на что рѣшиться, чтобы ты была моею или ничьею!

Мать впервые стояла лицомъ къ лицу съ подобною любовью, совсѣмъ не походившею на тихую и спокойную привязанность моего болѣзненнаго отца, который и женился на моей матери только изъ желанія спасти ее отъ семейнаго гнета. Мать и боялась страсти Бубнова, и въ то же время ей было пріятно находиться подлѣ этого энергичнаго человѣка, шептавшаго ей:

— Обопрись на мою руку — это крѣпкая рука. Ты совсѣмъ ребенокъ, беззащитный, слабый ребенокъ. Но со мною тебѣ нечего будетъ бояться. Я сумѣю вынести тебя

на рукахъ изъ толпы враговъ. Мой здоровый, выносливый разсудокъ сумѣетъ разогнать ложные призраки твоей фантазіи. Ты ищешь любви, ты обожаешь своего ребенка, но, дитя, ты не замѣчаешь, что этой любви мало, что ребенокъ позволяетъ любить себя *покуда*, но настанетъ пора, когда онъ полюбитъ, болѣе чѣмъ тебя, и свою охотничью собаку, и перваго друга-юношу, и первую женщину, можетъ-быть, дрянную, развратную женщину, но такую, которая откроетъ передъ нимъ впервые новую сторону наслажденій, затронувъ въ немъ еще не пробуждавшіяся до той поры страсти...

Моя мать находилась какъ бы въ чаду отъ этихъ рѣчей. Ей грезилась и толпа невѣдомыхъ до сихъ поръ грозныхъ враговъ, изъ среды которыхъ ее выносятъ могучія руки Бубнова; ей грезился и, незнакомый покуда, страшно тернистый путь, по которому она, изнеможенная, идетъ, опираясь на сильнаго Бубнова; ей грезилась и та пора, когда я, бросивъ ее, веселюсь среди новыхъ дорогихъ мнѣ друзей, а она, одинокая, забытая мать, плачетъ и тихо успокаивается на теплой груди Бубнова, ласково шепчущаго ей: «погоди, онъ, нашъ Володя, снова вернется къ намъ!» — и она инстинктивно склоняла свою голову на плечо этого спасителя нашего дальнѣйшаго счастія. Онъ, въ свою очередь, — да спасетъ меня небо отъ клеветы на стараго врага! — тоже не лгалъ передъ нею въ эту минуту и страстно желалъ быть счастливымъ съ этой женщиною-ребенкомъ и даже думалъ составить ея счастіе.

Вечеромъ я уже дремалъ въ своей постелькѣ, когда матушка вошла въ мою комнату и встала на колѣни передъ моей кроваткой.

— Милый, дорогой, я тебя никогда ни на кого не промѣняю, я тебя буду любить больше прежняго, буду разумно любить, не муча своей любовью, не ревнуя къ другимъ! — шептала она, полагая, что я сплю.

Я услыхалъ эти слова, я увидалъ ея слезы и не выдержалъ.

— Мама, ты плачешь? — тихо спросилъ я, открывая удивленные глаза.

— Милый мой, я вполнѣ счастлива! — проговорила она въ забытьи и прильнула къ моей груди головою, кажется, не сознавая, что все это происходитъ наяву, что мы оба не спимъ.

Я обвилъ руками ея шею, и мнѣ было такъ хорошо, такъ сладко уснуть въ эту ночь. Мнѣ снилось, что я боль-

ной, что я несу на рукахъ ребенка и что этотъ ребенокъ—мать моя.

Ни я, ни дядя не подозрѣвали, что происходило около насъ. Мать по-институтски совѣстилась открыть свою тайну и, какъ всѣ слабыя натуры, ждала, что дѣло объяснится само собою. Она просила и Бубнова не сообщать покуда ничего дядѣ. Григорій Даниловичъ немного нахмурился и замѣтилъ, что надо же когда-нибудь сказать обо всемъ старику, такъ какъ не можетъ же старикъ предполагать, что его племянница похоронитъ свою молодость въ четырехъ стѣнахъ. Но, прежде чѣмъ Бубновъ и моя мать посвятили дядю въ свою тайну, онъ случайно узналъ о ней. Однажды, проходя по нашему саду, онъ увидалъ, что Бубновъ сидитъ съ моею матерью, обнявъ ея талію. Дядя прошелъ тихонько стороною, не будучи замѣченъ ими, и вошелъ въ домъ необычайно серьезнымъ. Въ это же время я вбѣжалъ со двора въ комнату и быстро сталъ сообщать дядѣ о похожденіяхъ нашего новаго корабля, сдѣланнаго Лаврентьемъ и спущеннаго мною утромъ у ванны. Дядя не слушалъ меня и шагалъ по комнатѣ, ероша свой хохолъ и приглаживая виски, что, какъ извѣстно, было яснымъ признакомъ душевнаго волненія.

— Да что съ тобою, дядя!—топнулъ я съ досады ногою, видя, что онъ не обращаетъ никакого вниманія на такое великое въ нашемъ семейномъ государствѣ событіе, какъ спускъ моего корабля.

— Ничего, ничего, не тужи, Володя!—похлопалъ онъ меня рукою по плечу, не понимая, о чемъ я говорю и за что сержусь.—Къ берегу причалили. Ну, что-жъ, и прекрасно!

— Да нѣтъ же, не причалили...

— Ну да, ну да, не причалили еще. Причалимъ! И отлично! Не все же по морю плавать, надо когда-нибудь и якорь бросить. Въ томъ-то вся и штука, чтобы лавировать, лавировать, подъ бурей, подъ грозой плыть и все-таки придти къ тихому пристанищу и бросить якорь. Ну, вотъ мы и бросаемъ якорь.

— Да ты о чемъ, дядя, толкуешь? Съ ума ты сошелъ, что ли, такъ ты мнѣ скажи!—началъ я дергать его за полы сюртука, ничего не понимая изъ его рѣчей.

Онъ посмотрѣлъ на меня изумленнымъ и тупымъ взглядомъ, точно до сихъ поръ онъ и не подозрѣвалъ не только о моихъ рѣчахъ, но даже и о моемъ присутствіи въ комнатѣ, и сѣлъ на кресло. Онъ поставилъ меня передъ собою,

раздвинувъ колѣни, положилъ мнѣ на плечи свои руки и сталъ любовно смотрѣть на меня.

— А вѣдь мы, братъ, съ тобой поплывемъ дальше,—заговорилъ онъ, добродушно улыбаясь. — Половину команды на берегъ спустимъ, въ отставку, поднимемъ якорь и на всѣхъ парусахъ далій дальше, въ открытое море!

Я, разинувъ ротъ и вытаращивъ глаза, не безъ страха смотрѣлъ на дядю.

— А! испугался небось? —ободрительно ударилъ онъ меня изо всей силы по плечу. — Все за чужой спиной привыкъ жить! Шалъ, а ты попробуй-ка самъ закрѣпить паруса, да и плыви!

Я немного понятился отъ дяди, онъ всталъ и снова зашагалъ по комнатѣ, ворча что-то себѣ подъ носъ. Когда мать возвратилась въ комнату, дядя уже успѣлъ отчасти успокоиться и началъ разговаривать о разныхъ разностяхъ. Среди разговора о пустякахъ, онъ вдругъ принялъ самое серьезное выраженіе и спросилъ у матери:

— Ты не знаешь купчихи Пятибрюховой? Въ Кронштадтѣ есть такая.

— Шалъ,—отвѣчала мать, стыдливо улыбнувшись надъ фамиліей купчихи.

— Говорятъ, на ней Бубновъ женится,—хмуро продолжалъ дядя.

— Это неправда!—быстро перебила мать и вся покраснѣла.

— Ну, вотъ еще. Я отъ вѣрныхъ людей слышалъ, всѣ кронштадтскіе говорятъ.

— Лгутъ, лгутъ!—загорячилась мать. — Я тебя увѣряю, что это неправда!

— Да, можетъ-быть, онъ отъ насъ скрываетъ, стыдится сказать, что береть купчиху, да еще, вдобавокъ, Пятибрюхову. Вѣдь, чортъ знаетъ, и выкопалъ-то какую!—усмѣхнулся дядя.—Вотъ я его самъ поразспрошу...

— Ахъ, пожалуйста, не спрашивай!— испугалась мать за то, что дядя откроетъ ея тайну.

— Отчего же? Я вообще хочу поговорить съ нимъ насчетъ женитьбы. Пора ему за умъ взяться. Я, знаешь, обиняками намекалъ ему не разъ, ну, а теперь напрямикъ поговорю.

Мать смутилась окончательно и просила дядю не вмѣшиваться въ дѣла Бубнова, такъ какъ онъ совсѣмъ посторонній намъ человѣкъ.

— Ну, маточка, если онъ себя посторонним считаетъ,

пребывая у насъ по цѣлымъ днямъ, такъ ужъ я, конечно, не стану говорить съ нимъ,—обидчиво замѣтилъ дядя.—Странные нынче люди, всѣ посторонніе, всѣ чужіе, ничего между ними дружескаго, родственнаго нѣтъ. Все у нихъ тайны, да секреты.

Дядя хранилъ серьезный видъ и брюзжалъ на молодежь.

Мать сильно взволновало извѣстіе, сообщенное дядей. Она была почти вполнѣ увѣрена, что это одна изъ обычныхъ кронштадтскихъ сплетенъ, не имѣющихъ никакого серьезнаго основанія. Но въ то же время ей казалось страннымъ, почему это вдругъ всѣ стали говорить объ этой женитьбѣ. Размышленія объ этомъ важномъ предметѣ мѣшали моей матери уснуть ночью, но на слѣдующій день она все-таки не рѣшилась объясниться съ Бубновымъ. Ей казался щекотливымъ и самый вопросъ объ этихъ слухахъ, и еще болѣе щекотливымъ казалось произнесеніе фамиліи бубновской невѣсты. Институтская стыдливость или, лучше сказать, щепетильность уцѣлѣла у моей матери вполнѣ.

Но этимъ дѣло не кончилось. Черезъ два дня дядя довольно сурово замѣтилъ матери, что онъ хочетъ попросить Бубнова ѣздить къ намъ порѣже.

— Оно, знаешь, не хорошо,—говорилъ онъ, хмуря брови.—Ты женщина молодая, онъ мужчина тоже не старый: мало ли что станутъ толковать люди!

— Какое намъ дѣло до толковъ?—отвѣтила мать, до сихъ поръ боявшаяся сплетенъ, какъ огня.—И кто толковать станетъ?

— Ахъ, маточка, да всѣ! Первая встрѣчная Акулька станетъ нашу Настю обо всемъ разспрашивать, да еще и при Володѣ, пожалуй!

Мать вспыхнула.

— Да почему знать... можетъ-быть, уже и толкуютъ,—продолжалъ дядя.—Недаромъ же Володя такъ ревнуетъ тебя къ Бубнову... Нѣтъ, нѣтъ, надо сказать, чтобы онъ не ѣздилъ такъ часто. За одну сватается, а за другой ухаживаетъ. Ты вѣдь замужъ не пойдешь никогда, сама говорила, а только наживешь дурную славу. Я наотрѣзъ ему такъ и скажу, что ты уже не замужница...

— Дядя!—тихо произнесла мать.

— И пусть онъ и носу сюда не показываетъ.

— Дядя!—послышался снова голосъ матери.

— А то обиваетъ пороги у молодой, честной женщины, которая и вниманія-то на нихъ не обращаетъ никакого...

— Дяля!— въ третій разъ повторила мать тихимъ и смущеннымъ голосомъ.

Горячившійся до этой минуты дяля взглянулъ на ея раскраснѣвшееся лицо и не выдержалъ—залился густымъ и продолжительнымъ смѣхомъ.

Мать, кажется, поняла, въ чемъ дѣло, и по-дѣтски расплакалась: ей показалось, что дяля насмѣхается надъ нею. Съ трудомъ успѣлъ онъ успокоить ее, объявивъ ей, что все это въ порядкѣ вещей.

— Да что жъ, въ самомъ дѣлѣ, чортъ побери,—горячился дяля: — не вѣкъ же тебѣ въ дѣвкахъ сидѣть? Ты дѣвушка молодая!

— Какая же я дѣвушка, дяля, — перебила его мать сквозь слезы.

— А, чортъ побери! Ну, не дѣвушка, ну, вдова. Не все равно! Есть о чемъ спорить!— разсердился дяля.— Молодая вдова, и потому надо же было когда-нибудь бросить якорь. Я очень радъ, очень доволенъ, что все такъ случилось. Мы съ Володей старые моряки, старые холостяки, поплывемъ дальше.

Мать слушала эту рѣчь довольно серьезно, но, мало-помалу, выраженіе ея лица дѣлалось веселѣе и развеселилось окончательно, когда дяля дошелъ до «старыхъ холостяковъ», причисливъ къ нихъ сонну и меня.

— Только смотри, маточка, пара ли онъ тебѣ?—замѣтилъ дяля.—Строгъ онъ, суровъ...

— Онъ добрый, очень добрый,—перебила матушка.—Онъ такъ любитъ меня и Володю...

— Ну, Володю-то онъ не любитъ...

— Ахъ, нѣтъ, дядя, ты ошибаешься. Я сама ошибалась прежде...

— Дай Богъ, дай Богъ, чтобы любилъ...

Матушка обняла дядю и шопотомъ замѣтила:

— Я безъ него не могу жить!

— А вотъ увидимъ, что Пятибрюхова-то скажетъ!—вдругъ воскликнулъ дяля и нахмурилъ брови.

— Да... скажи, пожалуйста,—начала мать, принимая озабоченный видъ.—Что это за купчиха?

— Пятибрюхова-то? Ха-ха-ха! — разразился дяля смѣхомъ.—Это, братъ, я самъ такую геніальную штуку придумалъ.

Старикъ снова залился неудержимымъ хохотомъ, цѣлуя мою мать въ голову.

Въ теченіе всего дня онъ обращался и къ знакомымъ, и къ Бубнову, и даже ко мнѣ съ новостью, что моя мать возымѣла непреодолимое желаніе познакомиться съ купчихой Пятибрюховой, и что это желаніе тревожило ее нѣсколько дней. Мать краснѣла до ушей и, можетъ-быть, сознавалась въ душѣ, что дѣйствительно эта купчиха безпокоила ее съ того памятнаго дня, когда дядя произнесъ выдуманную имъ фамилію миѳической невѣсты Бубнова.

Не такъ просто и не такъ легко было объясненіе съ главою нашего семейства. Втолковать юному самодуру, въ чемъ дѣло, почти невозможно, и моей матери вторично приходилось выйти замужъ безъ согласія старшаго въ семьѣ. Она такъ и сдѣлала: предупредивъ меня, что мы будемъ зимою жить вмѣстѣ съ Бубновымъ, она приготовлялась къ свадьбѣ, скрывая эти приготовленія отъ меня и задабривая меня поцѣлуями. Я и счетъ потерялъ этимъ поцѣлуямъ! Черезъ нѣсколько времени мнѣ объявили, что мамаша уѣдетъ гостить на нѣсколько дней въ Кронштадтъ. Потомъ мнѣ сказали уже безъ матери, что у меня новый папаша теперь есть, что я скоро пойду къ этому папашѣ, что мы жить съ нимъ будемъ.

— Гришка, Гришка моимъ отцомъ будетъ? Не хочу, не хочу я этого!—крикнулъ я, вспомнивъ, что мать говорила о нашемъ скоромъ переселеніи въ одну квартиру съ Бубновымъ.

— Полноте, Владиміръ Михайловичъ, батюшка, не хорошо такъ говорить! — уговаривала меня Настя.—Что вы говорите! они сердиться будутъ и васъ накажутъ, если узнаютъ...

Я топалъ ногами и кричалъ, что меня никто не смѣетъ наказывать, и что Гришку любить я не стану.

— Дядя, я съ тобой буду жить. Я къ Гришкѣ не поѣду,— объявилъ я дядѣ взволнованнымъ голосомъ, появляясь въ его комнатѣ со слезами на глазахъ.

— Вотъ тутъ-то, братъ, и загвоздка!—произнесъ онъ съ глубокомысленнымъ видомъ.— Я и самъ думалъ, что не зачѣмъ намъ съ тобою ѣхать туда. Вполнѣ былъ въ этомъ увѣренъ до сегодняшняго дня. Такъ нѣтъ! говорятъ, что безъ тебя жить не могутъ. Ну, пересѣли на другой корабль и оставили бы насъ въ покоѣ, а то нѣтъ, давай имъ и тебя!

— А ты развѣ не поѣдешь къ нимъ жить?— спросилъ я.

— Гм!..—откашлянулся дядя, хмуря брови.—Ну, я тамъ лишній. Оно и то сказать, я и здѣсь теперь лишній!

— Лишній! — изумился я, не понимая дядю.

— Да. Что же я свиней пасти буду тутъ, что ли? Мать твоя уѣхала, ты уѣдешь... Для кого же я тутъ буду жить, хлопотать? Вотъ эти розы развелъ я для себя, что ли? Что мнѣ въ нихъ? Для твоей матери развелъ я ихъ, она ихъ любила! Ну, ея нѣтъ теперь здѣсь, къ чорту розы! Вотъ эта телѣжка—мнѣ въ нее не усѣсться. Тебѣ только она была подъ ростъ. Ну, а ты уѣдешь, пропадай и телѣжка! Вотъ оно каково намъ, старымъ холостякамъ. Володя! Живешь, служишь, сначала около тебя пріятели, сослуживцы, родные, ты вездѣ первый, вездѣ распорядителемъ—весело! Вдругъ, глядишь, вышелъ въ отставку,—старые сослуживцы службой заняты, не могутъ съ тобой водиться. Ты на старости пересталъ плясать,—молодежь завербовала другихъ распорядителей для баловъ, считаетъ тебя лишнимъ бревномъ, мѣшающимъ плясунамъ. Женившіеся при твоей помощи сторонятся отъ тебя, ты мѣшаешь ихъ семейному миру. Пригрѣтые тобою какіе-нибудь дальніе родственники ушли, имъ веселѣе жить безъ тебя, ты одинъ. Песъ, потерявшій глаза и голосъ, ты озираешься и видишь, что все кругомъ живетъ не для тебя, что и ты самъ не для себя жилъ, а жилъ для другихъ.

Я плохо понималъ или, лучше сказать, совсѣмъ не могъ понять смыслъ рѣчей дяди, но сознавалъ одно то, что ему тяжело жить одному, и поспѣшилъ успокоить его.

— Дядя, голубчикъ, я тебя не оставлю; мы вмѣстѣ будемъ жить,—говорилъ я.

— Вотъ и я то же думаю. Мы съ тобой старые холостяки. Отчего же бы намъ не жить вмѣстѣ? Да и такое время. теперь: ты учиться станешь, а у нихъ пойдутъ дѣти, мѣшать тебѣ станутъ...

— Какія дѣти? — спросилъ я въ недоумѣніи.

— Ну, да, дѣти... У матери твоей будутъ теперь ещь дѣти...

Эти слова произвели удивительный эффектъ: я разрыдался. Дядя никакъ не могъ успокоить меня. Я все плакалъ и повторялъ, что вѣрно мамѣ мало меня одного, что она перестала меня любить. Съ этой минуты я замѣтно охладѣлъ къ матери, она казалась мнѣ измѣнницей. Мать, съ своей стороны, тоже вела себя передъ свадьбой такъ странно, какъ будто сознавала, что измѣняетъ мнѣ; она какъ бы заискивала во мнѣ, какъ бы совѣстилась меня. Въ мои дѣтскіе и юношескіе годы я приписывалъ эту совѣстливость

именно тому, что мать обманула меня и вышла замужъ безъ моего «родительскаго» благословенія. Прости меня, моя слабая, неопытная, несчастная матушка! Въ скорбные дни моей тревожной юности нерѣдко обвинялъ я тебя за то, что ты вышла замужъ безъ моего сыновняго согласія и благословенія. Можетъ-быть, я страшно ошибался, но всѣ твои и мои несчастія я приписывалъ именно этому браку, заключенному противъ воли твоего сына. Я часто говорилъ себѣ: зачѣмъ спрашиваютъ дѣти согласія отцовъ на бракъ? Вѣдь не отцамъ жить съ женами и мужьями дѣтей? Отцы должны давать не согласіе на бракъ, а свои совѣты, купленные долголѣтнею опытностью. Но возможно ли, честно ли выходить замужъ безъ согласія, то-есть наперекоръ симпатіямъ дѣтей? Вѣдь этимъ дѣтямъ придется подчиняться новымъ личностямъ, имъ придется жить въ новыхъ условіяхъ. А, между тѣмъ, ихъ, несчастныхъ, не спрашивая, вводятъ въ новую, можетъ-быть, ненавистную имъ, семью, навязываютъ имъ новыхъ, можетъ-быть, враждующихъ съ ними, родственниковъ, окружаютъ ихъ новыми условіями жизни, можетъ-быть, антипатичными этимъ дѣтямъ. Давнымъ-давно прошли тѣ годы, когда я при каждомъ новомъ событіи гордо являлся неумолимымъ судьею людей, давно сталъ я спокойно и трезво подвергать безпощадному суду только свою личность, только свои поступки, и потому я старался даже позабыть, насколько была виновата ты, моя мать, вводя меня въ домъ противной мнѣ личности. Но помню я и стараюсь помнить до сихъ поръ, какъ страшно ты заплатила за этотъ поступокъ. Ты такъ горячо любила меня, что мое несчастіе должно было сдѣлаться твоимъ несчастіемъ. И Богъ знаетъ, кто былъ изъ насъ несчастнѣе въ тѣ минуты, когда на меня обрушивались удары, а на тебя сыпались однѣ ласки. Знаю я только одно, что мой юный и еще свѣжій организмъ перенесъ все, а ты, слабая и безпомощная, растаяла и догорѣла, какъ свѣча. Но твой образъ, освященный страданіемъ, является и чище, и свѣтлѣе прежняго передо мною.

И какъ предчувствовали всѣ будущія невзгоды мы съ дядей, когда, наконецъ, рѣшились переѣхать къ тебѣ: я—въ твою квартиру, дядя—въ мезонинъ того же дома, гдѣ жила ты!

— Ну, братъ, я теперь пассажиромъ ѣду!—говорилъ мнѣ дядя, осматриваясь въ своемъ новомъ жилищѣ.—Смотрите, правьте умнѣй, гдѣ подводные камни, гдѣ мели; главное, справляйтесь, откуда и куда вѣтеръ дуетъ!

IV.

Капитанъ Хлопко и я—пассажиры на чужомъ кораблѣ.

На первыхъ же порахъ, при поступленіи въ жилище Бубнова, мнѣ не понравилась фамильярность въ его обращеніи съ моею матерью, а потомъ и со мной. Я не могъ понять, что онъ получилъ право на это. Во-первыхъ, онъ говорилъ ей *ты*, что до сихъ поръ было исключительнымъ правомъ для меня и дяди. Во-вторыхъ, онъ сидѣлъ съ нею на диванѣ, обнявъ ее,—онъ постоянно обнималъ ее,—и, такимъ образомъ, мѣшалъ мнѣ пріютиться около нея. Въ-третьихъ, онъ, въ видѣ ласки, смазалъ меня указательнымъ пальцемъ по носу и, въ видѣ ободренія, или ужъ въ видѣ я и не знаю чего, говорилъ мнѣ: «ну, что ты подѣлываешь, шишъ гороховый?» или: «ну, что ты, гусь лапчатый, перестанешь теперь капризничать?» или просто: «ахъ ты, фитюлька московская!» Я рѣшительно былъ обиженъ и никакъ не могъ постичь, какія значенія могутъ имѣть всѣ такія прозвища; должны ли они означать ласку или брань, и какова вообще степень этихъ прозвищъ въ томъ или другомъ случаѣ: больше ли ласки въ словѣ «голубчикъ», чѣмъ въ словахъ «фитюлька московская», или, если послѣднія слова ругательныя, то равняются ли они словамъ «свинья», «негодяй» или означаютъ нѣчто еще болѣе скверное. Вообще я ломалъ себѣ голову въ теченіе долгаго времени и не пришелъ ни къ какому заключенію. Спросить у матери или у дяди разрѣшеніе этихъ вопросовъ я почему-то не рѣшался. Позже я пришелъ къ тому убѣжденію, что Бубновъ самъ не знаетъ значенія этихъ прозвищъ и произноситъ то или другое изъ нихъ только потому, что оно подвернулось ему на языкъ. Такъ, мою мать, въ видѣ ласки, онъ называлъ «козявкой», хотя ужъ, конечно, въ этомъ словѣ не было ничего ласкательнаго.

Мои долгія размышленія въ позднѣйшее время насчетъ характера Бубнова привели къ такимъ заключеніямъ: прежде всего Бубновъ былъ человѣкъ черствый, сангвиничный, страстный. Его сухощавая, костлявая, жилистая фигура съ загорѣлымъ, бронзоваго цвѣта лицомъ, съ острымъ носомъ, съ тонкимъ и большимъ ртомъ, съ выдающимися скулами, съ сверкающими, какъ бы воспаленными глазами, съ натянувшимися, тревожно бившимися кровью жилами, немного напоминала проголодавшагося въ весеннее время волка. Онъ, умѣя отлично толковать объ отвлеченныхъ предметахъ

и дѣлахъ, не умѣлъ ласкать или порицать человѣка на словахъ: въ томъ и другомъ случаѣ у него и любовь, и злоба выражались какъ-то смѣшно, въ безсодержательныхъ названіяхъ, въ родѣ: «гуся лапчатаго», «пупа гороховаго», «культяпки», «олуха царя небеснаго», «чортовой перечницы» и т. д. Только интонація голоса могла дать почувствовать, что должны были означать эти слова: ласку или брань. Ему нужно было и любовь, и злобу выражать дѣйствіями. Но и тутъ не всякій сразу понималъ, что выражаютъ его дѣйствія. Такъ онъ при мнѣ иногда, въ видѣ ласки, щипалъ щеку моей матери, или, захвативъ обѣ ея щеки большимъ и указательнымъ пальцами, трясъ ея лицо, издавая при этомъ что-то въ родѣ ласковаго рычанья, похожаго на лошадиное ржанье. Послѣ такой ласки у моей матери оставались на щекахъ на нѣсколько минутъ бѣловатыя пятна. Такое же пятно осталось у меня на ухѣ, когда одинъ разъ Бубновъ потрясъ мое ухо почти такъ же, какъ трясъ онъ лицо моей матери; при этомъ онъ издавалъ тоже не человѣческіе звуки, но что-то похожее на шипѣнье змѣи, въ родѣ словъ: «шшь-ты-ы!» Не знаю, за что считала мать расточаемые ей щипки, но что касается до меня, то я, не задумываясь, разревѣлся и побѣжалъ жаловаться на Бубнова дядѣ.

Внѣ этихъ минутъ, когда выражались страстные порывы, Бубновъ выглядѣлъ хмуро и въ своихъ рѣчахъ, и въ поступкахъ являлся холоднымъ, твердымъ и отчасти хитрымъ практикомъ, немного напоминая своей фигурой солдатскую одеревянѣлость и выправку. Онъ, удобно пріютившись на берегу и не пускаясь въ трудныя и опасныя плаванія, поддерживалъ связи съ полезными людьми, не особенно унижаясь передъ ними, не особенно суетясь въ ихъ присутствіи, но держа себя ровно, почтительно, немного натянуто-офиціально, однимъ словомъ, съ тактомъ. По всему было видно, что онъ уже давно созналъ выгоды своего положенія и необходимость этихъ лицъ и выработалъ извѣстныя правила, дающія ему возможность не лебезить, не суетиться, не трусить за промахи въ обществѣ этихъ лицъ. Нельзя было не полюбоваться, глядя со стороны, какъ Бубновъ ловко и спокойно приглашалъ сѣсть этихъ особъ, не садясь прежде ихъ; какъ онъ неторопливо вынималъ и зажигалъ спичку, именно въ то время, когда особа не только вынула, но и успѣла обрѣзать сигару; какъ, гуляя съ особой, онъ умѣлъ уступить ей полшага впередъ и немного пагнуть

свою голову для слушанія умныхъ рѣчей особы, такъ что особа казалась бы и массивнѣе, и выше его, если бы ихъ сряжалъ въ эту минуту en face. Такъ же выработаны были его отношенія къ низшимъ. На службѣ и дома онъ обходился съ низшими не особенно грубо, но холодно. Никогда не восхищался онъ, не изъявлялъ удовольствія, если они что-нибудь исполнили особенно удачно, потому что это ихъ обязанность. Никогда не прощалъ онъ ихъ, если они дѣлали что-нибудь плохо, потому что «простить одного—нужно простить и другого; простить за одну вину—нужно простить и за другую. Ну, а станешь прощать всѣхъ и за все—тогда самъ иди къ нимъ въ слуги или по-міру». Онъ дѣлалъ вычеты изъ жалованья своей прислуги за каждую мелочь.

— И съ меня казна вычитаетъ, если я что-нибудь утрачу, — говорилъ онъ въ этихъ случаяхъ.

Онъ сажалъ подъ арестъ и сѣкъ подчиненныхъ за каждую вину, за которую предписывались эти наказанія.

— Я по закону поступаю,—объяснялъ онъ въ отвѣтъ на просьбы провинившихся.—И меня посадятъ на гауптвахту, и меня выгонятъ изъ службы или разжалуютъ, если я что-нибудь противозаконное сдѣлаю.

Его никто не любилъ, но боялись и слушались всѣ. Большая часть его сослуживцевъ, равныхъ съ нимъ по чину, относилась къ нему съ затаенною злобою и искала только случая, чтобы подкопаться подъ него. Эти люди были его естественными конкурентами и завидовали и его успѣхамъ, и его умѣнью спрятать въ карманъ лишнюю копейку. Бубновъ это зналъ и держалъ ухо востро, пристально слѣдилъ за своими поступками и старался тщательно хоронить предательскіе концы. А концовъ было не мало. Онъ самъ не любилъ никого изъ конкурентовъ-сослуживцевъ, но поддерживалъ со всѣми сношенія. Онъ въ сущности не любилъ и службу, но былъ однимъ изъ ревностнѣйшихъ слугъ, такъ какъ въ службѣ видѣлъ единственную возможность для составленія карьеры и пріобрѣтенія капитала и значенія.

— Мы всѣ машины на одномъ заводѣ,—философствовалъ онъ въ своемъ семейномъ кружкѣ.—Хочешь, не хочешь, а долженъ работать за одно съ другими машинами, иначе тебя выбросятъ вонъ. Подчиненные—это винты и колеса каждой отдѣльной машины. Если дать имъ потачку, если позволить вольничать хоть одному,—испортится вся машина, весь заводъ.

— Но, другъ мой, все это такъ, только вѣдь тутъ въ машинѣ вмѣсто колесъ люди, они хотятъ тоже пожить, у нихъ есть слабости,— вступалась моя мать за человѣчество.

На первыхъ порахъ ее возмущала или, лучше сказать, смущала эта философія.

— Конечно, конечно, моя козявка, есть и у этихъ людей-колесъ, и у этихъ людей-машинъ свои слабости, свое желаніе пожить,— снисходительно соглашался Бубновъ.—Вотъ почему, пиголица ты этакая, и существуешь ты у меня, вотъ почему и иду я къ тебѣ посидѣть послѣ работы. И у каждаго замазаннаго смолой матроса, когда онъ перестаетъ быть винтомъ машины, есть свой хоть грязный уголокъ, есть своя, хоть сальная, дульцинея. Семейная жизнь—это масло колесъ, винтовъ и машинъ завода. И такъ же, какъ я, радъ матросъ, что онъ можетъ въ волю насладиться со своей возлюбленной. И если онъ находитъ во всякую свободную минуту ласку въ своемъ углѣ, если его семейная жизнь не нарушается никакими посторонними вмѣшательствами, если она течетъ съ глазу на глазъ у него и у его жены или любовницы, если у нихъ нѣтъ никакихъ соглядатаевъ, лишнихъ спицъ въ колесницѣ, торчащихъ, какъ бѣльмо на глазу, то онъ счастливъ...

По какому-то странному обстоятельству я съ этой же минуты сталъ считать соглядатаемъ, лишней спицей въ колесницѣ, бѣльмомъ на глазу не кого другого, какъ себя, дядю и мать Бубнова. Я не ошибся. Бубновъ видѣлъ въ семьѣ нѣчто въ родѣ оборонительнаго и наступательнаго союза, состоящаго изъ мужа, жены и ихъ дѣтей. Всѣ другія личности, не только чужіе люди, но и родственники, считались имъ врагами, или, по крайней мѣрѣ, лишними спицами въ колесницѣ. Меня онъ долженъ былъ ненавидѣть еще до своей свадьбы съ моею матерью, такъ какъ я по необходимости долженъ былъ явиться неизбѣжной лишней спицей въ предполагавшемся союзѣ. Кромѣ того, онъ считалъ меня врагомъ и за то, что я долженъ былъ со временемъ законнымъ образомъ похитить часть имущества, переходившаго, при замужествѣ моей матери, во владѣніе бубновскаго союза. Ненависть должна была быть тѣмъ сильнѣе, чѣмъ неизбѣжнѣе было мое вторженіе въ союзъ и его капиталы. Я сначала инстинктивно, а потомъ вслѣдствіе опыта, чувствовалъ эту ненависть и самъ ненавидѣлъ Бубнова. Дядя, кажется, раздѣлялъ со мною это чувство, но крайней мѣрѣ, онъ и я, мы оба спѣшили въ мезонинъ, гдѣ жилъ старикъ, оставляя Буб-

кова кричать на прислугу или развивать свои солдатско-философскіе взгляды на жизнь передъ моею матерью. Въ своемъ мезонинѣ дядя закуривалъ крѣпкую сигару, снова получившую право не разлучаться съ нимъ, и тоже начиналъ, сидя противъ меня, философствовать на ту тему, что мужъ моей матери удивительно умный человѣкъ.

— И какъ это у него все сложилось такъ кругло!—говорилъ дядя, пуская густые клубы душистаго дыма:— и заводъ, и машины, и колеса, и винты, и все это смазано, свинчено, разомъ вертится, разомъ останавливается. А хоть бы насчетъ масла-то онъ замѣтилъ. Хе-хе-хе! Вѣдь недурная это тоже штука: масло — это семейная жизнь! А? Сухъ онъ, суровъ, а все-таки умнѣйшій человѣкъ! Далеко онъ пойдетъ! Ему бы не здѣсь киснуть, въ министрахъ бы быть.

Но, мало-по-малу, восхищеніе дяди начинало остывать, и онъ, усиленно высасывая сигару, задавалъ мнѣ глубокомысленные вопросы:

— Ну, а какъ ты думаешь, Володька? что такое мы съ тобою? Ну, они машины, колеса, винты, а мы-то съ тобою что такое?

— Солдатаи!—мрачно отвѣчалъ я, хмуря свои дѣтскія брови.

— Гм! Недурно сказано!—сердито затягивался дядя своею сигарою.—Н-да, солдатаи, линіи спицы въ колесницѣ! Такъ, такъ! Это въ отношеніи къ ихъ семейному кораблю. Ну, а такъ вообще-то, что мы съ тобой такое? А?

Я молчалъ, плохо понимая глубокую философію дяди, хотя эта философія начинала въ послѣднее время развиваться передо мною ежедневно.

— Нѣтъ, ты не отвиливай, ты прямо отвѣчай на вопросъ,—говорилъ онъ.—Что мы такое вообще?

— Люди, — угрюмо произносилъ я, чувствуя скуку и утомленіе отъ непонятныхъ мнѣ разсужденій.

— Люди! Отлично придумано!—восхищался дядя моею сообразительностью.—Они машины, колеса, винты, а мы люди! А? нѣтъ, ты подумай, какая это философія-то выходитъ! Они вотъ вертись, какъ имъ на заводѣ приказано, ихъ вотъ сейчасъ и выкинутъ за негодный поворотъ, а мы—чортъ побери! мы люди и знать не хотимъ никакихъ заводовъ!

Очень довольный своей философіей, сознавая съ гордостью, что на этомъ пути и мы съ нимъ не уступимъ Бубнову, дядя окончательно затягивался сигарою до огорченія и потомъ снова уже совсѣмъ весело обращался ко мнѣ:

— А какъ ты думаешь, Володька, мать Бубнова что такое?

— Лишняя спица въ колесницѣ,—отвѣчалъ я, уже смѣясь.

Мать Бубнова съ перваго моего свиданія съ нею получила отъ меня названіе «потѣшной».

— А вѣдь, ей-Богу, такъ! Ей-Богу, чортъ возьми! — въ восторгѣ потиралъ дядя руки.—А она этого и не знаетъ, вездѣ хочетъ быть главнымъ колесомъ, ко всѣмъ машинамъ приткнуться хочетъ! Я сбоку-съ; я сбоку-съ!—говорилъ дядя жиденькимъ голосомъ, изображая приткнувшуюся сбоку мать Бубнова.

Мы начинали взапуски хохотать надъ этой толстой, курносой, немного подрумяненной и подбѣленной барыней, довольно двусмысленнаго поведенія и весьма темнаго происхожденія. По ея словамъ, она была женщина болѣзненная и нервная; на видъ это было существо здоровенное, потопившее свои нервы въ жиру. Ей, какъ она говорила, было сорокъ три года; по слухамъ, она пережила полстолѣтія. Она говорила, что вышла замужъ тринадцати лѣтъ, что въ былыя времена было возможно; по разсказамъ кронштадтскихъ старожилокъ, ее благословили лѣтъ двадцати во время одного подсмотрѣннаго ея родителями свиданія съ покойнымъ мичманомъ Бубновымъ, который на мѣстѣ преступленія заявилъ ея родителямъ, что нужно бы было въ сущности не его благословить, а кого-то другого по праву первенства. Такіе казусы случались въ Кронштадтѣ нерѣдко, и родители часто поспѣвали во-время съ образомъ въ рукахъ для благословенія своихъ невинныхъ дѣтей. Какъ бы то ни было, нѣжные любовники были благословлены родителями, и плодомъ благословенія былъ мой отчимъ. Жена мичмана Бубнова, Мароа Трофимовна, какъ до замужества, такъ и послѣ брака, отличалась именно тѣмъ, что стремилась сдѣлаться однимъ изъ главныхъ колесъ того завода, въ видѣ котораго представлялось ея сыну человѣческое общество. Какъ женщина, она, разумѣется, не могла состоять на дѣйствительной службѣ, но, какъ женщина, она умѣла косвенно вліять на ходъ дѣлъ: близкія, очень близкія отношенія къ начальству мужа давали ей возможность оказывать протекцію юношамъ, находившимся съ ней тоже въ довольно близкихъ отношеніяхъ. Близость отношеній съ этими юношами давала ей право, даже налагала на нее обязанность, заботиться объ ихъ семейномъ счастіи и устраивать свадьбы. Постоянная жизнь въ одномъ и томъ же городѣ, постоянное отсутствіе путешествующаго мужа, постоянное стремленіе

расширить кругъ близкихъ сношеній сдѣлали Марѳу Трофимовну колесомъ въ машинѣ,—но, къ сожалѣнію, лишнимъ, пятымъ колесомъ.

— А чортъ возьми эту бабу, обо всѣхъ хлопочетъ, всякую дрянь хочетъ въ люди вывести,—говорили начальники, которымъ уже отчасти надоѣли близкія отношенія съ Марѳой Трофимовной.

— Ну, дала мѣсто—прекрасно, и отвязалась бы, а то виснется на шею,—сѣтовали юные protégés, которымъ и прежде были не особенно дороги близкія отношенія съ Марѳой Трофимовной.

— Вотъ мужа-негодяя навязала, да еще и теперь семейную жизнь разстраиваетъ! жаловались облагодѣтельствованныя, то-есть выданныя замужъ Марѳой Трофимовной, женщины.

Но она не падала духомъ и, непризнанная, вертѣлась около машинъ, приткнувшись гдѣ-то сбоку и мѣшая стройному ходу признанныхъ колесъ завода. Точно такъ же вмѣшалась она и въ жизнь прежде брошеннаго ею сына. Но онъ съ перваго же дня своей женитьбы далъ ей понять, что жить онъ съ нею не намѣренъ, что отдавать ей отчетовъ въ своихъ домашнихъ дѣлахъ онъ не будетъ, что она можетъ только посѣщать его домъ въ качествѣ простой зрительницы. Все это онъ далъ ей понять настолько ясно, насколько онъ умѣлъ это дѣлать, то-есть высказалъ все хладнокровно, не забылъ поставить ни одной точки на і, не оставилъ ни одного мѣста для вопроса или недоумѣнія, ни одной лазейки для атаки. Вслѣдствіе этого Марѳа Трофимовна съ первой же минуты взглянула на мою мать, какъ на личнаго врага. Была и другая причина для вражды: самое замужество матери огорчило Марѳу Трофимовну! обѣщая сдѣлать ее черезъ годъ бабушкою.

— Удивительно рано люди женятся,—говорила старуха, забывая, что ея сыну почти тридцать лѣтъ.—Вѣдь этакъ и я въ бабушки скоро попаду. Правда, я вѣдь тринадцати лѣтъ была выдана замужъ родителями и на тридцатомъ году могла бы быть бабушкою, если бы у меня была дочь. Бабушка тридцати лѣтъ! Прабабушка сорока семи! C'est charmant!

Моя мать въ простотѣ души своей не понимала ни желчнаго тона рѣчей свекрови, ни причины этого тона, и имѣла неосторожность еще болѣе испортить дѣло, когда привезли меня.

— Вотъ мамаша твоего папа,—отрекомендовала мнѣ моя мать Мароу Трофимовну.—Подойди же къ рукѣ бабушки.

— Ахъ, не нужно, не нужно,— гадливо воскликнула Мароа Трофимовна.—Я ненавижу дѣтей! Это что-то такое слюнявое! И притомъ я тебѣ совсѣмъ не бабушка, mon petit,— прибавила она и ушла къ гостямъ, сидѣвшимъ въ гостиной.

— C'est affreux,— заговорила она съ грустью:—когда женщина выходитъ за второго мужа, имѣя отъ перваго брака ребенка. Я вообще никакъ не могу себѣ представить женщину, которая забыла бы перваго мужа, первую любовь, эту поэзію нашей жизни, и не дѣлала бы обидныхъ сравненій между мужьями. Но все же безъ ребенка это воспоминаніе не такъ живо, а тутъ оно живетъ, двигается, говоритъ. Il est palpable, pour ainsi dire. Подобные браки рѣдко бываютъ счастливы. Конечно, я рада, что моя невѣстка является въ этомъ случаѣ счастливымъ исключеніемъ, но я боюсь за будущее, я боюсь за дѣтей моего сына..

Съ этой минуты старуха Бубнова окончательно возненавидѣла мою мать и меня. Но, къ счастью, она ничего не могла сдѣлать для вооруженія своего сына противъ моей матери.

— Твоя жена какая-то вялая,—сказала она ему, улучивъ свободную минуту и желая изслѣдовать почву, гдѣ ей придется дѣйствовать.

Мароа Трофимовна давно убѣдилась, что изслѣдованіе почвы очень важно въ этихъ случаяхъ.

— Слава Богу, что она не похожа на кронштадтскихъ барынь. Я, по крайней мѣрѣ, покойно изъ дому ухожу,—отвѣчалъ Бубновъ, ненавидѣвшій кронштадтскихъ барынь, съ которыми онъ очень бурно провелъ свою юность.

— А, Боже мой, il n'y a point de pire eau, que celle qui dort. Конечно, я ничего про нее не могу и не хочу говорить,—невиннымъ тономъ произнесла старуха.—Я такъ рада, что ты счастливъ! Но вѣдь бойкость—не развратъ, а откровенность характера.

Бубновъ презрительно усмѣхнулся.

— Знаю я эту откровенность по опыту. Я могъ бы вамъ назвать нѣсколькихъ очень откровенныхъ барынь, которыя только въ тѣхъ случаяхъ бывали неоткровенны, когда было бы интересно узнать объ ихъ отношеніяхъ,—ну, хоть бы ко мнѣ.

Старуха Бубнова сдѣлала гримасу.

— Это мило, увлечь женщину и потомъ ее же чернить!

— Ну, не я увлекалъ ихъ, да я и не умѣлъ увлекать, когда мнѣ было пятнадцать лѣтъ. Тогда меня увлекали, меня развращали!.. Впрочемъ, я позволяю каждому червить даже мою жену, если она будетъ увлечена. Да и я, — я первый очерню ее.

— Фи! — гадливо воскликнула Мароа Трофимовна. — On lave le linge sale en famille, какъ говорилъ Наполеонъ.

Бубновъ не могъ удержаться отъ улыбки.

— Ну, Наполеонъ совсѣмъ не эти отношенія имѣлъ въ виду, высказывая свою мысль, — отвѣтилъ онъ. — Впрочемъ, у всякаго свои взгляды на эти вещи. Вы знаете, что для меня совершенно равны проступки, совершенные по увлеченію и по злому умыслу. Что мнѣ за дѣло, какъ подожгли мой домъ, — случайно или нарочно? — я все-таки лишился его и требую возмездія отъ того, кто виноватъ въ этомъ. Что мнѣ за дѣло — по увлеченію или по испорченнымъ нравамъ моя жена принесетъ въ мой домъ незаконнаго ребенка, — я его выпорю и не стану кормить на счетъ своихъ дѣтей.

— Какъ жаль, что у твоей жены законный мальчикъ, — я невинно усмѣхнулась Мароа Трофимовна и тотчасъ же сдѣлала самое невинное лицо. — Я боюсь, что онъ будетъ пользоваться правомъ притѣснять твоихъ дѣтей.

Бубновъ нахмурился.

— Ну, это мы посмотримъ!

— Конечно, но вѣдь онъ, кажется, вдолъ дома.

— Ну, это передѣлается!

Мароа Трофимовна подмѣтила, что ея сынъ хочетъ передѣлать это, и поняла, что ей удобно будетъ на этомъ пути вмѣшаться въ семейную жизнь сына и завертѣться въ качествѣ пятаго колеса этой маленькой машины. Она начала ухаживать за моею матерью, и мать приняла за чистую монету эту лицемѣрную любовь. Матушка вообще, какъ неопытная институтка, почти не видавшая людей и свѣта, плохо отличала подъ надѣтой человѣкомъ маской его настоящую физіономію и вѣрила словамъ. Ей показалось бы страннымъ заподозрить во лжи человѣка, которому не было видимой надобности лгать, а между тѣмъ люди и лгутъ, и лицемѣрятъ большею частію именно безъ всякой серьезной необходимости. Стяжавъ довѣріе моей матери, старуха рѣшалась давать мнѣ при своемъ сынѣ нѣжныя наставленія. Какимъ нѣжнымъ, родственнымъ тономъ обращалась она ко мнѣ, какими ласкательными именами называла она меня и какъ часто вѣрила сл моя бѣдная мать!

— Вольдемаръ, Володечка, au nom de Dieu, не вѣшайся такъ на мамашу. Это ей нездорово,—говорила она мнѣ однажды молящимъ голосомъ, умильно закатывая глаза, и обратилась къ своему сыну:— Твоя бѣдная жена въ такомъ положеніи, что это можетъ ей повредить.

— Ничего,— замѣтила моя мать, лаская меня:— онъ не тяжелъ.

— Ну, все же и не легокъ,—возразила Мароа Трофимовна.— Вы такая слабая!

— Поди прочь!— лаконически произнесъ Бубновъ.— И что у тебя за привычка вѣшаться на людей?

Мать взволновалась.

— Оставь его,— вступилась она за меня.—Я люблю, когда дѣти ласковы.

— Ты знаешь, что я для его же пользы хочу пріучить его порядочно держаться въ обществѣ,— сказалъ Бубновъ по-французски, вѣроятно, полагая, что я еще очень плохо знаю этотъ языкъ.—У него манеры деревенскаго мальчишки; онъ— то волчонкомъ смотритъ, то лѣзетъ лизаться и вѣшается ко всѣмъ на шею.

Мать промолчала; ей было очень тяжело сознаться, что я дѣйствительно похожъ на деревенскаго мальчишку, но спорить съ мужемъ она не могла и не смѣла, такъ какъ онъ заботился о моей же пользѣ. Кромѣ того, онъ былъ такъ уменъ, такъ твердо и вѣрно умѣлъ цѣнить людей и ихъ поступки, что было невозможно съ нимъ не согласиться. Но, сдержавъ себя разъ-другой при мужѣ, моя мать вознаграждала и себя, и меня за это воздержаніе, она баловала и ласкала меня въ отсутствіе Бубнова, позволяла мнѣ дурачиться и вѣшаться ей на шею, сколько мнѣ было угодно. Вслѣдствіе этого я очень скоро понялъ, что Бубновъ дѣйствительно мой врагъ, и что сама мать понимаетъ это. Потому, какъ только приходилъ онъ домой, я убѣгалъ къ дядѣ, гдѣ для меня было такое же временное пристанище, какъ и въ жилищѣ моей матери. Я въ сущности не имѣлъ своего угла и скитался по двумъ палубамъ нашего семейнаго корабля.

— Гм! командиръ, вѣрно, пришелъ,— говаривалъ дядя сквозь зубы, завидѣвъ меня, и пускался въ длинные разговоры со мною о разныхъ «подлецахъ-командирахъ», фрегатахъ, путешествіяхъ и славныхъ народахъ, то-есть обо всѣхъ народахъ, которые встрѣчались ему на жизненномъ пути.

Стóитъ мнѣ на нѣсколько минутъ закрыть глаза при воспоминаніи объ этихъ оживленныхъ бесѣдахъ, и передо мною воскресаетъ изъ тумана прошедшаго маленькая, убого убранная гостиная стараго холостяка въ мезонинѣ бубновскаго дома. Около окна стоитъ большое вольтеровское кресло; противъ кресла помѣщается маленькая скамеечка; здѣсь я и дядя просиживали цѣлые часы въ глубокихъ философскихъ размышленіяхъ и въ мысленныхъ путешествіяхъ по-бѣлу свѣту. Всѣ народы въ своей будничной, общественной и боевой жизни то проходили передъ нами церемоніальнымъ маршемъ, то проносились въ карьеръ, и мы дѣлали имъ генеральный смотръ. Переносился я мысленно въ окруженный почти со всѣхъ сторонъ моремъ Копенгагенъ, гдѣ большая часть бѣдныхъ, непрочныхъ домовъ, по словамъ дяди, построена изъ жиденькихъ плахъ, снаружи обитыхъ досками, а внутри парусиною. Здѣсь добродушные, бѣлокурые, голубоглазые люди, немного флегматичные по натурѣ, не знаютъ роскоши и въ простыхъ нарядахъ, доставшихся внукамъ по наслѣдству отъ дѣдовъ, ходятъ пѣшкомъ, разсыпаясь во всю ширину улицъ и не боясь попасть подъ шальныхъ рысаковъ: ѣздятъ здѣсь немногіе, и то въ крайнихъ случаяхъ. Тихо и сонливо идетъ здѣсь жизнь подъ безрадостный шумъ неугомоннаго и угрюмаго моря; государство мало и потому неохотно мѣшается въ кровопролитныя войны: нѣтъ у него великихъ героевъ, и многіе простодушные бѣдняки даже не знаютъ, за что̀ и кому поставленъ на ихъ площади тяжеловѣсный монументъ: они привыкли къ нему, и имъ нѣтъ дѣла до этого толстаго всадника, сидящаго на бронзовомъ конѣ, нѣтъ дѣла до его давно забытыхъ подвиговъ. Ихъ собственная жизнь, полная лишеній, горя и геройски-хладнокровнаго самоотверженія на морѣ есть тоже сплошной подвигъ; но они свыклись и съ нею и переносятъ ее съ свойственною имъ флегмою, напиваясь до забвенія спиртными напитками, одуряя себя табачною жвачкою, и, ужъ понятно, не просятъ за тяжелую долю ни монументовъ, ни славы, а только куска насущнаго хлѣба. Едва успѣвъ вглядѣться въ этотъ скромный бытъ у домашняго очага скромнаго государства, я былъ какъ бы оглушаемъ шумнымъ смѣхомъ, говоромъ и звучными пѣснями: передо мной вырастали затѣйливыя, какъ кружева кокетки, зданія, разстилалась великолѣпная площадь, какъ бы предназначенная для народныхъ сходокъ, тянулись сотни каналовъ съ разукрашенными гондолами. Посреди всего этого великолѣпія

волновалась пестрая толпа арлекиновъ, монаховъ, пѣвицъ, гондольеровъ, таинственныхъ масокъ, — всѣ они кипѣли въ жгучемъ опьяненіи чудною жизнью подъ лазуримъ небомъ и просили свободы, свободы и свободы, потому что въ виду этого лазурнаго моря, въ виду этого яркаго неба, въ виду этой вѣчно-юной, вѣчно-свободной природы, вдвое болѣе душной кажется тюрьма и вдвое болѣе рѣзкими кажутся звуки цѣпей. Это Venezia la bella. Но какъ ни шумна эта толпа, какъ ни чудно это небо, какъ ни пышны эти зданія, а все-таки легко живется здѣсь только аристократіи и монахамъ. Да и тѣ въ теченіе столѣтій, успѣвъ подавить народъ, подкопались и подъ себя, вѣчно враждуя другъ съ другомъ, вѣчно добиваясь власти, вѣчно поддаваясь побужденіямъ необузданнаго тщеславія. О, какія мрачныя картины и сцены видѣлъ я подъ сводами этихъ дворцовъ! Мнѣ казалось, что я долго-долго самъ своими глазами смотрѣлъ въ большомъ залѣ дворца дожей на то мѣсто, гдѣ виситъ въ рамѣ черная доска съ надписью: «Мѣсто обезглавленнаго Марино Фальеро». Мнѣ казалось, что я слышалъ зловѣщій плескъ волнъ въ каналѣ Орфано, когда ночною порою въ немъ топили инквизиторы неуличенныхъ ни въ чемъ своихъ жертвъ. Долгое время я не находилъ лучшихъ книгъ для чтенія, чѣмъ разнообразный живой дневникъ и изустные разсказы дяди. И когда я, увлеченный его разсказами, спрашивалъ его, откуда онъ все это узналъ, онъ отвѣчалъ мнѣ:

— Видѣлъ я все это, разспрашивалъ обо всемъ. Сидишь, бывало, гдѣ-нибудь въ кофейной или гуляешь съ друзьями за границей, и все это тебя интересуетъ, все забавляетъ. Ну, и разспрашиваешь, записываешь. Многое изъ книгъ вычиталъ. Тамъ вѣдь все это напечатано.

— Неужели, дядя, все это въ книгахъ напечатано?—удивлялся я.

— То ли еще тамъ есть!—говорилъ онъ.

— А отчего Бубновъ не разсказываетъ такихъ исторій?—спрашивалъ я.—Онъ, я думаю, тоже много знаетъ.

— Ничего они не знаютъ! — сердито возражалъ дядя.— Они знаютъ только одно, какъ изъ копейки рубль сдѣлать можно.

— А развѣ это можно?—удивлялся я.

— Можно: у тебя копейка, а украдешь девяносто девять копеекъ—рубль будетъ! — серьезно пояснялъ дядя. — Это, братъ, не моряки, это бобры рѣчные, около берега они все больше себѣ домики строятъ, каждую былинку, каждую ще-

ночку про запасъ тащатъ! А знаешь ли ты, на что они тащатъ? Затѣмъ, чтобы ихъ же, шельмовъ, такіе же, какъ они, разбойники темною ночью ограбили! Копи только умственное богатство, знанія копи, людей изучай, — этого никто не отниметъ, съ этимъ никогда не погибнешь.

Я рѣшился учиться читать, чтобы прочесть все, что напечатано въ книгахъ. И прежде чѣмъ Бубновъ позаботился о моемъ образованіи, я уже бѣгло читалъ по-русски и началъ учиться читать по-французски, произнося французскія слова съ тѣмъ же малороссійскимъ акцентомъ, какъ произносилъ ихъ дядя. Чѣмъ хуже мнѣ становилось жить въ «трюмѣ», то-есть въ жилищѣ Бубнова, тѣмъ скорѣе мнѣ хотѣлось научиться читать, тѣмъ чаще являлся я на «верхнюю палубу», то-есть въ мезонинъ дяди. Но, кромѣ занятій на верхней палубѣ, кромѣ проказъ и шалостей въ трюмѣ во время отсутствія отчима, я наслаждался еще прогулками съ моей милой няней. Изъ всей нашей прежней прислуги осталась при насъ только она. Попрежнему, и даже болѣе прежняго, была она запряжена въ работу, но все-таки находила время гулять со мной. Ей шелъ въ это время двадцать третій годъ. Какъ она расцвѣла, какъ горѣли ея пышныя щеки, какъ весело, иногда насмѣшливо, смѣялись ея синіе, глубокіе глаза и полный пунцовый ротъ, постоянно выказывавшій два ряда бѣлыхъ и ровныхъ зубовъ! Она была такъ хороша, такъ оживлена, что даже я, ребенокъ, не могъ не любоваться ею и постоянно твердилъ ей:

— Ты, няня, хорошенькая!

— Такія ли бываютъ хорошенькія,— смѣялась она. — У меня вонъ носъ курносый. Вотъ ваша мамаша, такъ та хорошенькая.

Это меня ставило втупикъ: мнѣ было непріятно сознаться, что кто-нибудь могъ быть лучше моей матери, а между тѣмъ мнѣ трудно было сказать, что Настя хуже моей матери. Мать никогда не выглядѣла такимъ здоровымъ, живымъ и веселымъ существомъ, какимъ была Настя. У матери не было такихъ розовыхъ щекъ и яркихъ губъ. У матери не было такихъ бойкихъ, бойкихъ даже въ минуту застѣнчивости, глазъ, какіе были у Насти. Глаза матери были такъ томны, такъ утомлены, что казались сонными. Мать, особенно въ послѣднее время, не была такъ стройна, какъ Настя.

Но если я любовался Настей, то еще болѣе любовались ею молодые люди, начиная съ солдатъ и денщиковъ и кон-

чая мичманами и пѣхотными прапорщиками. Нерѣдко я очень радовался и чувствовалъ гордость, когда кто-нибудь изъ нихъ, встрѣчая насъ на гуляньѣ, говорилъ Настѣ:

— Какая вы милочка! или:—Душка!

Меня очень удивляло, что Настя дѣлала сердитые глаза и отвѣчала:

— Милочка, да не про васъ! или: — Ишь, безстыдники, хоть бы посмотрѣли, что со мной ребенокъ идетъ!

— За что ты ихъ бранишь, няня?—спрашивалъ я ее.— Ты вѣдь хорошенькая, они правду говорятъ.

— Прощелыги они!—замѣчала она.—Имъ только бы подмазаться. Вы не слушайте, что они брешутъ.

Но хотя я и слушалъ ихъ, а все-таки не могъ ничего понять изъ ихъ рѣчей, не могъ понять, почему Настя пугала ихъ иногда даже полиціей и обѣщаніемъ пожаловаться на нихъ господамъ. Не понялъ я и того, почему, браня всѣхъ за непрошенныя любезности, не бранила няня нашего денщика, когда онъ, завидѣвъ, что мы идемъ гулять, подносилъ ей то леденцовъ, то цареградскихъ стручковъ. Эти приношенія, истребляемыя мною вмѣстѣ съ Настею, ласки и поцѣлуи, расточаемыя мнѣ нашимъ денщикомъ, когда онъ забирался со мной въ переднюю и строгалъ мнѣ игрушки, подкупили меня въ пользу Василія — такъ звали денщика. Съ каждымъ днемъ этотъ худенькій, задумчивый человѣкъ, съ весноватымъ лицомъ, съ впалою грудью, страдавшій тоской по родинѣ и негодный къ строевой службѣ, все чаще и чаще выходилъ къ намъ, все ласковѣе и ласковѣе становился со мной и съ Настей. Съ нею ему приходилось по обязанности очень часто быть вмѣстѣ; онъ долженъ былъ, по приказанію Бубнова, помогать ей относкою корзины при полосканьи, при катаньи и развѣшиваніи на чердакѣ мелкаго бѣлья. Что могли говорить и чувствовать эти два молодыя существа, находясь и работая вдвоемъ то на плоту, то въ сараѣ, то на чердакѣ,— это никого не заботило. Никого не занимало и то, какъ дѣйствовали на слабаго, тоскующаго парня рѣчи Насти, весело говорившей ему:

— Ну, ужъ куда ты за корзиной тянешься! Донесемъ и безъ васъ. И безъ того лица на тебѣ нѣтъ, а еще надсаживаться хочешь! Васъ вѣрно и на службу-то затѣмъ берутъ, чтобы изъ-подъ пушекъ гонять лягушекъ!

Въ этихъ простыхъ, со смѣхомъ сказанныхъ, словахъ, слышалось своеобразно высказанное участіе, слышалась ласка.

И какъ бы ни былъ шутливъ тонъ этихъ рѣчей, но Василій понималъ, что эта дѣвушка избавляетъ его отъ лишняго труда и тащитъ на своихъ здоровыхъ плечахъ непосильную для него ношу! Не весело шла его жизнь въ нашемъ домѣ. Нерѣдко во время большихъ обѣдовъ Бубновъ безцеремонно при гостяхъ ругалъ Василія за то, что тотъ не умѣетъ порядочно подать блюда. Какъ сейчасъ помню я обѣдъ перваго апрѣля, въ день именинъ моей матери. Василій подавалъ блюдо съ жаркимъ и уронилъ плохо положенную кѣмъ-то изъ гостей ложку на платье старухи Бубновой. Мой отчимъ вспылилъ.

— Олухъ, блюда подать не умѣешь!—крикнулъ онъ.

Марѳа Трофимовна приподняла платье и посмотрѣла на то мѣсто, куда упала ложка. Ея сосѣдка, жена адмирала Гейга, тоже наклонилась посмотрѣть запачканную юбку.

— Какъ шаль, все полотнищъ теперь испоршенъ! — замѣтила Гейгъ, коверкая русскія слова.

— И вообразите, въ первый разъ надѣла! Осенью изъ-за границы привезли матерію,—жаловалась Марѳа Трофимовна.

— И вѣдь сдѣлъ не прикупитъ! Платье бросить нато.

Покуда шелъ этотъ заупокойный разговоръ о скоропостижной смерти платья, Бубновъ вышелъ изъ-за стола. Черезъ минуту онъ вернулся снова, и я замѣтилъ, что его глаза были налиты кровью, а на лбу натянулись жилы. Онъ хмуро сѣлъ за столъ и залпомъ осушилъ стаканъ вина. Слѣдующее блюдо подавала Настя. У нея были заплаканные глаза. Меня мучило любопытство. Какъ только кончился обѣдъ, я выбѣжалъ въ переднюю, но Василья тамъ не было. Я выбѣжалъ на черную лѣстницу и тамъ на крыльцѣ увидалъ своего любимца. Онъ сидѣлъ на ступеняхъ съ подвязанною щекой, еще болѣе блѣдный, чѣмъ онъ бывалъ обыкновенно.

— Василій, что съ тобой?—спросилъ я.

Онъ только рукой махнулъ:

— Избили!

Я стиснулъ отъ злобы кулакъ.

— Вы взгляните, чуть глазъ не выбили.

Щека Василья выглядѣла страшно. Вечеромъ онъ куда-то исчезъ, и на другой день Бубновъ ругалъ его за пьянство, обѣщаясь выпороть его.

Безъ гостей церемоній съ Васильемъ было еще меньше. Мой отчимъ билъ его прямо за столомъ. Это повторялось

такъ часто, что я привыкъ видѣть и подбитые глаза, и человѣческую кровь.

— Гриша! — восклицала въ эти минуты моя мать молящимъ тономъ.

— Ахъ, матушка, не мѣшайся не въ свое дѣло!—рѣзко отвѣчалъ Бубновъ.—Не ручки же цѣловать у этихъ скотовъ.

Иногда Василій, натерпѣвшись горя, наработавшись вдоволь, вычистивъ и сапоги, и платье, и мѣдную посуду, сбѣгавъ десять разъ по разнымъ порученіямъ, сживалъ, пригорюнясь, на крыльцѣ. Настя качала головою и говорила:

— Опять тоску напустилъ на себя!

— Эхъ, Настасья Максимовна, если-бъ вы знали, какъ подъ сердцемъ сосетъ!—вздыхалъ онъ.

— Да вѣдь легче не будетъ, коли горевать станешь!

— Такъ-то оно такъ, — вздыхалъ онъ. — Да все-то думается, что̀ тамъ, какъ у насъ дома-то... Мать тоже, сестренка остались...

— Эхъ ты, парень, сердце-то у тебя доброе!—замѣчала Настя и уже безъ смѣха на лицѣ, немного поблѣднѣвшая, проходила въ комнаты.

Глядя на этихъ людей, особенно видя больное, изнуренное, вѣчно покрытое синяками, лицо денщика, я думалъ: «Отчего это моя мать, дядя и Бубновы почти ничего не дѣлаютъ, а Настя и Василій не знаютъ отдыха; отчего моя мать, дядя и Бубновы спятъ такъ долго, а Настя и Василій ложатся позже всѣхъ, а встаютъ съ пѣтухами; отчего моя мать и старуха Бубнова говорятъ, что очень грѣшно не ходить въ церковь и работать въ праздники, а между тѣмъ Настю и Василья—точно у нихъ другая вѣра и другія заповѣди — не пускаютъ въ церковь въ эти дни и заставляютъ еще больше работать, называя къ себѣ гостей; отчего у моей матери и у Бубновыхъ такъ много комнатъ и платья, а Настя и Василій не имѣютъ ни угла, ни порядочной одежды?» Всѣ эти вопросы долго, долго занимали мой дѣтскій умъ и пережили мое дѣтство, мою юность, и часто потомъ приходило мнѣ на умъ, что, толкуя о рабочихъ англійскихъ фабрикъ, разсуждая объ американскихъ невольникахъ, многіе изъ насъ въ то же время угнетали сильнѣе всѣхъ плантаторовъ свою прислугу. Мы пріучали этого раба къ воровству, вовлекали его въ развратъ, отупляли его умъ, убивали его организмъ, а потомъ, подъ старость, онъ долженъ былъ идти умирать въ больницу, или скитаться по-міру. Если же этотъ рабъ и добивался болѣе

счастливой безбѣдной старости, то это было яснымъ признакомъ, что онъ умѣлъ воровать. Запишите день-за-день всю брань, всѣ выговоры и замѣчанія, подведите итоги всѣмъ работамъ, возлагаемымъ вами на прислугу, вспомните, что когда вы спите, она моетъ посуду послѣ вашего ужина, она чиститъ ваше платье, ваши сапоги послѣ вашихъ прогулокъ, она убираетъ ваши комнаты послѣ вашихъ балокъ, она приготовляетъ вамъ утренній чай, покуда вы отрезвляетесь отъ вчерашней оргіи, она дрогнетъ на тридцати-градусномъ морозѣ, пока вы танцуете или слушаете заѣзжихъ и заморенныхъ пѣвицъ; поймите, что когда вы мирно въ уютной комнатѣ совершаете свои утреннія занятія или дѣлаете визиты, она суетится около огня и бѣгаетъ изъ жаркой кухни на ледникъ, въ лавочку, приготовляя вамъ обѣдъ, отъ котораго ей иногда не остается и объѣдковъ; подумайте, какъ часто, изъ-за пустой забывчивости, вы посылаете ее по десяти разъ въ день съ ничтожными порученіями, зовете къ себѣ безъ всякой надобности, утомляя еще болѣе ея и безъ того затекшія ноги: сочтите, много ли свободнаго времени остается у нея днемъ, чтобы посидѣть и дать отдыхъ усталымъ ногамъ, много ли свободныхъ часовъ имѣетъ она ночью для сна и на какомъ ложѣ, въ какой атмосферѣ проходитъ этотъ сонъ; исчислите всѣ деньги, платимыя вами ей, и всѣ ея нужды и потребности, и вы увидите, что сохранить здоровье, быть вѣчно веселой (вѣдь вы не любите хмураго лица прислуги!) и скопить копейку въ этомъ положеніи — невозможно. Скапливается копейка только кражею. Но неужели вы хотите поощрять воровство, создавая такія отношенія къ людямъ, живущимъ подъ одной кровлею съ вами? А вы думаете, легко ей валяться гдѣ-нибудь въ кухнѣ, на полу, подлѣ вашихъ уютныхъ и со вкусомъ убранныхъ комнатъ; легко услуживать на пирахъ и слышать упреки за воровство, если она возьметъ что-нибудь изъ вашихъ объѣдковъ; легко съ ломотою въ костяхъ бѣгать ночью за лѣкарствомъ для васъ, объѣвшихся мороженымъ или простудившихся въ театрѣ; легко слышать брань и не смѣть даже нахмуриться изъ страха потерять мѣсто? Фабричный работникъ хоть не видитъ всѣхъ подробностей жизни своего хозяина, блескъ чужой роскоши не такъ рѣжетъ глаза этому бѣднягу во мракѣ его собственной нищеты; фабричный, слушая брань хозяина, хоть не встрѣчаетъ поощряющихъ эту брань улыбокъ, которыя встрѣчаются на лицахъ вашихъ знакомыхъ, когда вы браните

свою прислугу. Прибавьте ко всему этому, что она безграмотна, она не въ состояніи даже слушать въ воскресный день чтенія Святого Писанія въ церкви, она видитъ близко всѣ ваши пороки и перестаетъ вѣрить вашимъ нравоученіямъ; она развращается вашими знакомыми, вашими мужьями, вашими сыновьями, она, по большей части, не можетъ обзавестись семьей, не потерявъ мѣста, она должна жить въ безбрачіи и выкидывать дѣтей въ воспитательные дома. Просмотрите факты, и вы увидите, что подкидыши и убитыя при рожденіи дѣти принадлежатъ по большей части вашимъ горничнымъ и, можетъ-быть, вашимъ сыновьямъ и мужьямъ. Да и какъ же уцѣлѣть нравственности этихъ людей? Можно ли удивляться, что прислуга такъ часто идетъ изъ вашихъ домовъ въ публичные притоны разврата? Да и что, въ самомъ дѣлѣ,—тамъ хоть весело живется молодымъ! И тѣмъ грустнѣе всѣ эти факты, что для прекращенія ихъ не нужно осуществленія какихъ-нибудь утопій, не нужно какихъ-нибудь экономическихъ переворотовъ, а нуженъ только практическій взглядъ на дѣло, сознаніе, что лучше приготовить себѣ изъ слуги вѣрнаго товарища, чѣмъ отъявленнаго врага, вора и, можетъ-быть, убійцу. Но всѣ привыкли съ такимъ пренебреженіемъ относиться къ прислугѣ, что даже создали поговорку: «для лакея нѣтъ великихъ людей!» Но то-то и скверно, что многіе такъ-называемые великіе люди не умѣли сдѣлать себя великими въ глазахъ прислуги и, думая о просвѣщеніи и спасеніи міра, забывали просвѣтить и спасти тѣхъ, съ кѣмъ приходилось имъ жить изодня-въ-день. Жалкое величіе, жалкіе люди!

Шелъ второй годъ моей жизни у Бубнова. Наставала весна. Въ воздухѣ повѣяло теплomъ и запахомъ березъ. Въ садахъ идетъ неугомонная возня, хлопоты и пѣніе птицъ. Вездѣ начались постройки и передѣлки домовъ. По улицамъ тянутся возы переѣзжающихъ на дачу. Изъ-за границы приходятъ корабли съ товарами. Въ портахъ кипитъ приготовленіе судовъ къ плаванію. У насъ въ домѣ идетъ спѣшное шитье пеленокъ, свивальниковъ, дѣтскаго бѣлья. Все суетится и хлопочетъ объ устройствѣ своего гнѣзда, своего угла, своего имущества. А тутъ еще подъ бокомъ море весело шумитъ освобожденными волнами, разбивая и унося послѣдніе остатки своихъ ледяныхъ оковъ. Дню конца нѣтъ; давно прошли часы работы, а ночь все не наступаетъ, въ небѣ все еще свѣтло, и какъ-то не хочется спать при этомъ свѣтѣ, хочется подольше насла-

диться имъ, давно невиданнымъ. Въ эту пору рождается любовь. Какъ она зародилась въ сердцахъ Насти и Василья: въ то ли время, когда они сушили въ саду бѣлье, смѣясь молодымъ смѣхомъ, что шаловливый вѣтеръ вырываетъ и уноситъ его у нихъ изъ-подъ рукъ; въ ту ли пору, когда они отдыхали на крыльцѣ черной лѣстницы отъ дневныхъ трудовъ, чутко, молчаливо слушали первый писк птицъ въ саду и вспоминали про родныя деревни, или пришла любовь къ нимъ въ ту минуту, когда и соловей не пѣлъ, и луна не свѣтила, а просто ѣхалъ Василій отъ побоевъ, плакалъ о своей горькой сиротской долѣ, думалъ вышить съ горя, а Настя вышла къ нему, красивая, стройная, съ доброй улыбкой на лицѣ и промолвила: «Полно, парень,— слезами горю не поможешь», — Богъ знаетъ! Но только тутъ была и чистая любовь, и чистая поэзія.

Наконецъ насталъ одинъ день, когда Настя явилась къ моей матери и, упавъ ей въ ноги, начала просить, чтобы ее отдали замужъ за Василья. Матушка подняла ее и сказала, что она поговоритъ съ мужемъ.

— Василій, кажется, человѣкъ хорошій, — замѣтила моя мать.

— Наша сестра съ нимъ не поравняется! — вырвалось у Насти.

— Баринъ, вѣроятно, позволитъ отдать тебя за него, — успокоила ее матушка.

— Будьте мать родная, похлопочите! — проговорила Настя.

— Хорошо, хорошо! ты не безпокойся!

Вечеромъ въ тотъ же день моя мать завела объ этомъ дѣлѣ рѣчь съ Бубновымъ, но выразила мысль о свадьбѣ Насти и Василья стороною, какъ свое предположеніе.

— Этого нельзя сдѣлать,—замѣтилъ Бубновъ.—Она крѣпостная, и намъ не для чего лишаться лишней крестьянки, тѣмъ болѣе, что она все привыкла дѣлать, а тутъ придется выписывать изъ деревни чортъ знаетъ какое бревно. Знающую горничную и няньку трудно найти.

— Да вѣдь она же будетъ жить съ мужемъ у насъ!

— Ну, матушка, во-первыхъ, либо будетъ, либо нѣтъ,— это ея воля, а, во-вторыхъ, я не терплю семейной прислуги,— возразилъ Григорій Даниловичъ.— Держать мужа и жену въ услуженіи — это значитъ завести организованную шайку воровъ, прикрывающихъ другъ друга.

— Ахъ, да, ma chère, — воскликнула Марѳа Трофи-

мовна.—Вы не можете себѣ представить, что это за народъ! Вы въ этомъ неопытны, mon enfant...

— Я думаю, и они любить хотятъ! — замѣтилъ дядя. — Хуже будетъ, если развратничать будутъ и незаконныхъ дѣтей наплодятъ.

— Ah, mon Dieu, противъ этого можно принять мѣры!— проговорила старуха Бубнова.

— Какія, сударыня? Медицинскія, что ли? — заспорилъ дядя.

— Вотъ мило!

— Ну, такъ какія же?

Мать не обращала вниманія на начавшійся рѣзкій споръ между дядею и свекровью. Она взволновалась и обидѣлась за Настю и Василья.

— Они не воры, это грѣхъ говорить! — обратилась она къ мужу.

— Не воры, потому что чужіе, а женятся и будутъ воровать дѣтишкамъ на молочишко, переставъ бояться взаимныхъ доносовъ,— отвѣтилъ мой отчимъ.—Прислуга только тогда и служитъ вѣрно, когда у нея страхъ передъ своей братьей есть. Какъ только они породнятся, такъ тотчасъ же этотъ страхъ пропадаетъ, и начинаются укрывательства. Ни государство, ни частныя лица не должны терпѣть совмѣстнаго служенія родственниковъ. Чѣмъ больше враждуютъ слуги, тѣмъ выгоднѣе господамъ.

— Да вы поймите, что они тоже люди!—вмѣшался дядя.

— И я-съ человѣкъ, а человѣку свойственно беречь свое добро,— рѣзко проговорилъ Бубновъ.—Васька, вы это очень хорошо знаете, не помретъ безъ женитьбы; слава Богу, въ Кронштадтѣ для успокоенія нѣжныхъ чувствъ этого народа есть приличные притоны на каждомъ шагу. Ну, а Настасья выйдетъ еще замужъ за кого-нибудь изъ нашихъ крѣпостныхъ, когда я вышлю изъ деревни и пріучу къ дѣлу другую няньку и горничную. Впрочемъ, я не совѣтовалъ бы никому мѣшаться въ мои домашнія распоряженія!

— Но, другъ мой, сдѣлай это для меня! — попыталась матушка еще разъ попросить мужа.

— Ты сама не знаешь, чего просишь,—раздражительно произнесъ Бубновъ.

— Она его любитъ...

— Тѣмъ хуже, потому что онъ-то ее вѣрно не любитъ и только видитъ выгоды жениться на барской любимицѣ.

Неужели ты думаешь, что тутъ какая-то идилліи совершается, что это его первая любовь? Онъ, я думаю, съ десяти лѣтъ развратничать началъ. Ты только посмотри на его испитую рожу. Карамзина вы начитались... Да они развѣ уже говорили тебѣ объ этомъ? — прибавилъ, нахмуривъ брови, Григорій Даниловичъ.

Мать испугалась.

— Нѣтъ, нѣтъ! Но мнѣ кажется... Они оба молоды. — замялась она.

— Ахъ, ты, сваха непрошенная! — усмѣхнулся Бубновъ. — Впрочемъ, я поговорю съ нимъ.

— Пожалуйста, я тебя прошу объ этомъ!

— Хорошо, хорошо, не заботься! — отвѣтилъ мой отчимъ и перемѣнилъ разговоръ.

Передъ отходомъ ко сну, онъ, вмѣсто всякихъ объясненій, лаконически сказалъ Василью, когда они были одни:

— Ты у меня смотри, шашенъ въ домъ не заводить! Лучше рубль у меня спроси и гуляй, гдѣ хочешь. Бабъ много. На сторонѣ дѣлай, что угодно, а если здѣсь — запорю тебя!

Бубновъ погрозилъ пальцемъ и прошелъ въ спальню моей матери.

На слѣдующій день у Насти были заплаканные глаза. Она сказала матери, что баринъ пригрозилъ Василью и, кажется, не позволитъ ей выйти замужъ.

— Погоди, Настя, — утѣшала мать мою няньку. — Я еще поговорю. Ну, не позволитъ, тогда поищемъ другого...

— Барыня, не могу я ни за кого, кромѣ Василья, выйти, — упала къ ногамъ матери Насти.

— Ну, хорошо, хорошо, — проговорила моя мать. — Все уладится.

Настя съ поникшей головой пошла изъ комнаты. Матери стало ее жаль.

— Настя! — позвала она няню.

Настя воротилась.

— Ну, не плачь! Все уладится, заговорила матушка. — Да!.. Вотъ что я хотѣла еще сказать... Ты знаешь мой голубой кисейный капотъ, возьми его себѣ, щеголяй лѣтомъ...

Настя, всхлипывая, поцѣловала руку моей матери и вышла. Матушка сѣла къ окну и задумчиво стала глядѣть на дорогу. Ей было не по-себѣ. Она чувствовала, что ей нужно какъ-то иначе поступить, что-то другое сдѣлать, но что и какъ сдѣлать — этого она не знала. Она принялась

за шитье рубашечекъ и пеленокъ для ожидавшагося ребенка. Въ послѣднее время эта работа не выходила изъ ея рукъ, и все въ домѣ полно было ожиданія, когда наступитъ великій и радостный день для бубновскаго союза.

Черезъ недѣлю она снова попробовала поговорить съ мужемъ о дѣлѣ Насти. Онъ нахмурилъ брови и ушелъ въ кабинетъ, пожавъ плечами. Онъ понялъ, что мать говоритъ не отъ себя, а по просьбѣ другихъ.

— Что, Маруся, тебѣ Настя говорила о своемъ желаніи замужъ выйти, или ты это сама придумала?—спросилъ дядя.

— Нѣтъ, не сама... Она просила, — отвѣтила мать печально.

Дядя молча покачалъ головой и прошелъ въ кабинетъ Бубнова. Лицо дяди было хмуро и озабочено. Бубновъ изумился необычайному приходу капитана.

— Я къ вамъ по дѣлу,—проговорилъ дядя.

Бубновъ указалъ на кресло, оставивъ начатую работу.

— Вы сколько возьмете за Настю?—спросилъ дядя.

— Я ее не продаю,—отвѣтилъ Бубновъ.

— Ну да, не продаете, но я васъ попрошу ее продать,— проговорилъ дядя.

Бубновъ пристально взглянулъ на дядю и усмѣхнулся.

— На что это она вамъ понадобилась?

— Не мнѣ-съ... Но я хотѣлъ бы, чтобы эта дѣвушка, вырастившая Володьку, ходившая во время болѣзни за Маруской, была счастлива,—горячо заговорилъ дядя. Вы не принадлежали еще къ нашей семьѣ, мы еще не знали вашего лица, когда мы привыкли любить и семью Насти, и ее. Мы сжились, сроднились съ ней, и съ нашей стороны было бы подло дѣлать ее несчастною.

— Ужъ не думаете ли вы, что она умретъ съ горя, не выйдя замужъ за Василья?—спросилъ Бубновъ.

— Думаю-съ, думаю-съ, потому что вижу въ ней такого же человѣка, какъ я.

— Ну, а я не думаю, — холодно возразилъ Бубновъ.— И, во-первыхъ, не продамъ ее, а во-вторыхъ, не отдамъ ее замужъ, по крайней мѣрѣ, теперь, когда у насъ родится ребенокъ, и намъ будетъ нужна вѣрная нянька. За Ваську же не отдамъ и послѣ.

Бубновъ всталъ.

— Васъ же, капитанъ, я еще разъ попрошу не мѣшаться въ мои дѣла,—сурово промолвилъ мой отчимъ.— Если я что дѣлаю, то дѣлаю обдуманно, и наставленій не люблю,

особенно, если наставленія такъ ребячески-непрактичны, какъ ваши.

— Григорій Даниловичъ, — мягкимъ голосомъ промолвилъ дядя, не обращая вниманія на рѣзкія слова Бубнова: — я прошу васъ, именемъ нашего будущаго ребенка прошу, исполнить мою просьбу. Я даю вамъ сколько вы хотите за нее... Вѣдь ея горе — это горе Володи и Маруси... о себѣ я не говорю...

Бубновъ сдѣлалъ нетерпѣливое движеніе.

— У васъ все драмы и трагедіи!

Дядя выпрямился и заерзалъ рукою по вискамъ, приглаживая волосы.

— Ну, такъ помните же мое слово, отзовется этотъ отказъ и на васъ, и на дѣтяхъ вашихъ! — проговорилъ онъ потрясеннымъ голосомъ. — За грѣхи и пороки отцовъ дѣти расплачиваются.

— Капитанъ! — крикнулъ Бубновъ, выходя изъ себя отъ этого пророчества.

— Вы сердитесь, что я люблю и жалѣю вашихъ будущихъ дѣтей? Или вы ненавидите ихъ прежде ихъ рожденія? Стыдно и грѣшно вамъ, Григорій Даниловичъ.

Дядя нетерпеливо, въ раздумьи, вышелъ отъ Бубнова.

— Что? — спросила его матушка, инстинктивно угадавшая, зачѣмъ ходилъ дядя къ ея мужу.

— Подлецъ! — отвѣтилъ дядя и ушелъ къ себѣ въ мезонинъ.

Вечеромъ въ тотъ же день Бубновъ призвалъ къ себѣ въ кабинетъ денщика.

— Ты это въ самомъ дѣлѣ жениться вздумалъ? — рѣзко спросилъ онъ денщика.

Василій былъ пораженъ этимъ неожиданнымъ вопросомъ и откровенно отвѣтилъ:

— Точно такъ, ваше высокоблагородіе, если милость будетъ позволить.

— Ну, а если не позволю? — сухо спросилъ Бубновъ.

Василій побѣлѣлъ, какъ полотно.

— Не погубите, ваше высокоблагородіе.

— Отъ этого, братъ, не гибнутъ!

— Дѣвка ни за грошъ пропадетъ, — прошепталъ денщикъ, уже совсѣмъ смущенный и испуганный.

— А, такъ значитъ у васъ тутъ не на шутку шашни завелись! — крикнулъ Бубновъ. — Признавайся!

Въ комнатѣ раздался звукъ оплеухи.

Василій повалился въ ноги.

— Виноватъ!.. Самъ не знаю... Лукавый попуталъ... Люблю я ее очень...—шепталъ онъ, лежа на полу.

Бубновъ пришелъ въ ярость.

— Въ казармы, мерзавецъ!—крикнулъ онъ, ткнувъ ногою въ лицо денщика.—Въ казармы, бестія!

— Ваше высоко...—прошепталъ Василій.

— Въ казармы, говорятъ тебѣ! сжалъ кулаки Григорій Даниловичъ и прибавилъ крѣпкое слово.

Василій тяжело поднялся съ полу и, шатаясь, крадучись, вышелъ изъ комнаты. На немъ лица не было. За вечернимъ чаемъ Бубновъ былъ угрюмъ и говорилъ мало.

— Долей стаканъ водою, — пробормоталъ онъ, подвигая стаканъ къ моей матери. — Вѣчно пересластишь.

— Я только два куска положила,—оправдалась матушка.

— Ну, значитъ, одинъ нужно положить! Къ сиропамъ привыкли!

Моя мать замѣтила, что онъ не въ духѣ, и молчала. Доливая чай, она рѣшилась робко спросить его по-французски:

— Ты говорилъ съ Васильемъ?

Бубновъ оставилъ стаканъ и повернулся лицомъ къ матери.

— Да, представьте себѣ, — началъ онъ, говоря ей *вы*, что̀ означало сильную степень гнѣва.—Ваша хваленая, любимая дѣвушка скоро сама будетъ матерью!

— Возможно ли! — ужаснулась моя мать, не терпѣвшая разврата и гадливо относившаяся ко всѣмъ незаконнымъ связямъ.—Надо поторопиться свадьбою,—добавила она.

— Ну, нѣтъ-съ! Теперь-то и не должно быть свадьбы. Она развратничала, можетъ-быть, при вашемъ сынѣ развратничала, чтобы принудить васъ освободить и выдать ее замужъ, а вы хотите, чтобы она насмѣялась надъ вами же, доказала бы, что вы, хотя и госпожа ея, а все-таки она можетъ и развратничать, и развращать вашего ребенка, и выходить безъ вашего согласія замужъ. И прекрасное время выбрала, когда у насъ скоро будетъ дитя, когда намъ будетъ нужна нянька. Подлая!

Мать была взволнована.

— Другъ мой, не сердись! Это увлеченіе!

— Послѣ этого, сударыня, всякая женщина, дѣвушка или замужняя—это все равно,—вступившая въ незаконную связь, невинна, должна быть награждена за это? Это прекрасно, если вы сами будете руководствоваться такими взглядами!

Оскорбленная этими словами, моя мать горько заплакала.

— Я не думалъ васъ оскорблять,—спохватился Бубновъ.— Но я нарочно привелъ этотъ рѣзкій примѣръ, чтобы вы знали, до чего можетъ довести то или другое идеальное воззрѣніе на вещи. Надо или прощать всѣ промахи, или не прощать ни одного.

Мать продолжала плакать. Бубновъ прошелся по комнатѣ, чтобы успокоиться, и потомъ подошелъ къ женѣ.

— Ну, полно же, козявка, — ласково промолвилъ онъ, ущипнувъ мою мать за щеку.—Ты должна знать, что я не сомнѣваюсь въ тебѣ...

— Я... я не о себѣ плачу!—рыдая, отвѣтила мать и вышла изъ комнаты, не допивъ чаю.

Григорій Даниловичъ встревожился: онъ боялся вредныхъ послѣдствій отъ этой сцены для своего будущаго ребенка. Это, еще не явившееся на свѣтъ, существо уже успѣло сдѣлаться идоломъ Бубнова. Насмотрѣвшись на всѣ близкія сношенія своей матери, Григорій Даниловичъ такъ провелъ свою юность, что разрушилъ окончательно свое здоровье. За два года передъ женитьбой онъ рѣшился остепениться, возненавидѣлъ дорого стоившій ему развратъ юности и мечталъ только о семейномъ счастіи и о томъ, что и онъ можетъ сдѣлаться отцомъ. Теперь его мечта начинала сбываться, и онъ усердно старался, чтобы никто не помѣшалъ осуществленію его завѣтнаго желанія. Малѣйшій испугъ матушки, внезапный шумъ въ домѣ, все это выводило теперь Бубнова изъ себя. Онъ, кажется, хотѣлъ, чтобы прислуга не отворяла дверей, входя въ комнату, чтобы по улицѣ никто не ѣздилъ, чтобы все смолкло до рожденія его ребенка. Но такая заботливость о спокойствіи жены нисколько не удерживала самого Григорія Даниловича отъ вспышекъ и сценъ. Конечно, за этими вспышками слѣдовало раскаянье и ухаживанье за женою. И теперь огорченіе моей матери, вызванное его вспышкой, испугало его не на шутку, и онъ пошелъ за женою, чтобы успокоить ее и извиниться передъ нею, передъ матерью его будущаго божества.

Я, между тѣмъ, легъ спать. Утромъ я услышалъ у своей постели рыданія. Я открылъ глаза и увидалъ стоящую передо мною Настю. Она была вся въ слезахъ.

— Няня, няня, что ты?—воскликнулъ я, вскочивъ на постели и протирая глаза.

Мнѣ показалось, что въ домѣ случилось несчастіе. Я такъ

привыкъ въ послѣднее время къ тревожному ожиданію рожденія брата, что испугался за мать.

— Батюшка, голубчикъ, Володенька,—рыдала она.—Хоть вы заступитесь за меня передъ мамашей... Погубили они меня, душегубцы!.. Замужъ я хотѣла за Василья выйти... А они... они... его высѣкли... въ казармахъ... высѣкли... Живодеры!

Я дрожалъ всѣмъ тѣломъ. Я не понималъ всего ужаса происходившей около меня драмы, но я видѣлъ слезы Насти, я слышалъ, что моего любимца высѣкли, я зналъ, что его больно высѣкли, такъ какъ онъ наказывался по приказанію Гришки, этого врага моей матери, моего дяди, нашего общаго врага. Этого было довольно. Я быстро одѣвался. Мои глаза горѣли гнѣвомъ, тѣмъ неудержимымъ гнѣвомъ, на который была способна моя горячая, молодая душа.

— Стыдно барынѣ и грѣшно!..—говорила Настя, подавая мнѣ одѣваться и утирая передникомъ слезы.— Я имъ вѣрой и правдой служила... Я ночей не спала, я отдыха не знала... Барыню, какъ мать родную, любила... Развѣ я виновата, что и у меня душа есть... что Василій мнѣ полюбился?... Сами же вышли замужъ... во второй разъ вышли... Мы тоже люди...

Я былъ уже одѣтъ. Я почти не понималъ, что говоритъ Настя.

— Да вы при папашѣ не говорите ничего,—умоляла она.— Тогда и вамъ, и мнѣ будетъ худо... Подождите, какъ онъ уйдетъ...

Я уже ничего не слушалъ и летѣлъ въ столовую, какъ сумасшедшій.

— Такъ вотъ ты какая!—проговорилъ я, появляясь въ столовой передъ матерью и задыхаясь отъ гнѣва.—Сама второй разъ замужъ вышла, а Настинаго Василья сѣчь велѣла.

Мать поднялась со стула, вся блѣдная и трепещущая, слабо вскрикнула, пошатнулась и упала безъ чувствъ на полъ. Дрожа всѣмъ тѣломъ, какъ въ лихорадкѣ, не перемѣняя своей позы, я стоялъ съ сверкающими глазами надъ ея неподвижнымъ тѣломъ, какъ грозный судья, поразившій своимъ приговоромъ преступника. Въ эту минуту вошелъ мой отчимъ.

— Чего ты осовѣлъ?—спросилъ онъ меня грубо, не замѣтивъ моей матери, лежавшей на полу и отдѣленной отъ него столомъ.—Не можешь поздороваться?

Я молчалъ, но мнѣ пробѣжалъ морозъ. Онъ, обойдя столъ, подошелъ ко мнѣ, чтобы взять меня за ухо, и вдругъ увидалъ лежавшую на полу жену.

— Это что? — крикнулъ онъ.—Погоди, я съ тобой раздѣлаюсь. Это твое дѣло!

Черезъ минуту мою мать перенесли въ спальню. Отчимъ разослалъ людей и дядю за докторомъ, за бабкой, за своею матерью, привелъ кое-какъ въ чувство жену и потомъ, черезъ долгое время, возвратился въ столовую, гдѣ я безмолвно стоялъ у окна, сдвинувъ брови и закусивъ губы. Въ моемъ умѣ не было ни раскаянія, ни сожалѣнія, и только одна давящая, безсильная злоба волновала мою кровь. Онъ взялъ меня за ухо. Я хотѣлъ крикнуть, но онъ зажалъ мнѣ ротъ рукою и потащилъ меня наверхъ. Мы поровнялись съ дверями дядиной квартиры, но отчимъ тащилъ меня дальше. Наконецъ, мы достигли чердака.

— До сихъ поръ у тебя не было квартиры,—проговорилъ онъ шипящимъ голосомъ, вталкивая меня въ чуланъ, сдѣланный на чердакѣ. — Ты слонялся изъ угла въ уголъ, какъ блудливая кошка. Теперь у тебя будетъ комната. Сиди въ ней! Но, помни: если твоя мать умретъ или умретъ *мой* ребенокъ, то я...

Онъ не договорилъ отъ удушья и только рванулъ меня за ухо, такъ что я свалился къ его ногамъ. Онъ неторопливо вышелъ, заперъ на ключъ сперва дверь чулана, потомъ двери чердака и тяжелыми медленными шагами удалился съ лѣстницы...

V.

Наказаніе преступниковъ.

Чуланъ на чердакѣ имѣлъ шесть шаговъ въ длину и четыре въ ширину. Хламъ, наваленный въ углу, пара гвоздей, станокъ отъ дилы, зазубрившійся рубанокъ, суповой горшокъ съ отбитымъ краемъ и тому подобныя вещи показывали, что сюда когда-то свалились негодные къ употребленію предметы. Нѣсколько гвоздей, вбитыхъ въ стѣну и двѣ протянутыя подъ потолкомъ бечевки говорили, что здѣсь вѣшались бѣлье. Бечевки были тонки, ихъ было только двѣ — ясно, что здѣсь вѣшались только мелочи, въ родѣ кружевныхъ манишекъ, батистовыхъ платковъ и тому подобныхъ небольшихъ, но дорогихъ вещей. Въ чуланъ вела дверь съ чердака, замыкавшаяся висячимъ замкомъ; въ противоположной сторонѣ было слуховое полукруглое окно. Два изъ

небольшихъ треугольныхъ стеколъ въ окнѣ были разбиты, и въ нихъ подувалъ вѣтеръ. На полу, въ углу, около окна, лежало нѣчто въ родѣ стараго матраца и жесткой подушки, подушка была смята, и, казалось, что на ней еще очень недавно кто-то спалъ. Когда я немного поуспокоился и сталъ осматривать чуланъ, я увидалъ на полу кружку съ водой и краюху чернаго хлѣба. Это было приготовлено для меня. Кромѣ этихъ вещей, хлама и бечевокъ, я замѣтилъ на стѣнѣ подъ самымъ матрацомъ, между какими-то ариѳметическими выкладками, надпись: «мая навекъ». Надпись была сдѣлана такъ близко отъ полу, что ее было можно сдѣлать только лежа. Буквы были написаны неумѣлою, невѣрною рукой, какъ писалъ лавочные счеты Василій. Я догадался, что это писалъ онъ, вспомнивъ только теперь, что этотъ чуланъ былъ единственнымъ собственнымъ угломъ Василья въ лѣтнее время. Уголъ былъ непривлекателенъ, и, вѣроятно, въ жары здѣсь была страшная духота. Зимой же здѣсь нельзя было спать отъ холода, и Василій въ зимнюю пору валялся, какъ собака, на полу въ передней, гдѣ ему приходилось подниматься съ пѣтухами до свѣта, чтобы успѣть прибрать жалкія лохмотья, служившія ему и ложемъ, и покрываломъ. По большей части онъ спалъ, даже не раздѣваясь, такъ какъ въ передней дуло, и, сверхъ того, Бубновъ нерѣдко звалъ къ себѣ денщика даже ночью во время своихъ ночныхъ занятій. Такое положеніе въ домѣ навлекало на Василья вѣчные упреки и брань за то, что его одежда всегда покрыта пылью, а лицо выглядитъ заспаннымъ. «Чортъ его знаетъ,—говорилъ Бубновъ:—онъ точно въ грязи со свиньями валяется и на ходу спитъ».

Постоявъ около надписи, я отошелъ къ окну; къ сожалѣнію, изъ него не было ничего видно, кромѣ неба и верхушекъ деревъ нашего сада. Улицы не было видно, она отдѣлялась отъ чердака этимъ садомъ; да если бы окно и выходило на улицу, то и тогда я увидалъ бы немного: оно было далеко отъ края крыши и не открывалось, такъ что я не могъ бы просунуть въ него голову. Я походилъ по комнатѣ, потомъ сѣлъ на матрацъ, чутко прислушиваясь, не идетъ ли кто-нибудь. Но въ домѣ, повидимому, все замерло, по крайней мѣрѣ, до меня не долетало ни единаго звука. Прошло довольно много времени, когда послышался глухой шумъ: мнѣ показалось, что къ воротамъ нашего дома подъѣхали дрожки, потомъ вторыя, и черезъ нѣсколько минутъ я услышалъ смутные звуки бѣготни—всѣ эти звуки были

глухи, раздавались какъ будто на очень большомъ разстояніи. Мнѣ казалось, что кто-то поднимается на лѣстницу, но это было такъ далеко! Я притаилъ дыханіе и ждалъ, не ко мнѣ ли идутъ. Нѣтъ, шумъ шаговъ затихъ. Мнѣ стало казаться, что обо мнѣ забыли. Эта мысль испугала меня: я началъ представлять себѣ, что меня оставятъ здѣсь навсегда, что я умру съ голоду. Повидимому, это была ни съ чѣмъ несообразная, чисто-дѣтская мысль, но я помню годы, когда я былъ уже далеко не ребенкомъ и когда мнѣ пришлось снова сидѣть въ такомъ же узломъ и, сверхъ того, сыромъ углу, гдѣ вмѣсто полукруглаго окна были четыре грязныя стекла съ желѣзными рѣшетками, куда не долетало даже смутныхъ звуковъ живущаго на свободѣ міра, и тогда опять мнѣ казалось, что меня забыли, и мое сердце сжималось отъ ужаса. Забыть, вычеркнуть человѣка изъ списка живыхъ—это такъ легко! Кто станетъ справляться, куда онъ исчезъ, а если кто-нибудь и вздумаетъ справиться, то къ чему это поведетъ? Отвѣтятъ: пропалъ безъ вѣсти, умеръ,— и конецъ. Отвѣтятъ это такимъ леденящимъ тономъ, съ такимъ холодящимъ взглядомъ, что отпадетъ всякая охота справляться, и любопытные люди, труся за самихъ себя, за свою собственную безопасность, перестанутъ мѣшаться не въ свое дѣло. О, мой ребяческій страхъ, какъ долго я смѣялся надъ тобою,—но потомъ, черезъ долгіе годы, я сталъ серьезнѣе относиться къ тебѣ, и зналъ, что можетъ наступить пора, когда ты снова воскреснешь въ моей душѣ, бросая меня и въ жаръ, и въ холодъ.

Въ ужасѣ я началъ плакать и стучать въ дверь и въ въ стѣну,—никто не откликался. Тоненькія стѣны, по которымъ я билъ кулаками и ногами, издавали жидкіе звуки: эти звуки замирали на чердакѣ и не доходили до дяди, самаго ближайшаго моего сосѣда. Я началъ стучать въ полъ, но оказалось, что онъ былъ очень тонокъ и настланъ въ одну доску по балкамъ, на значительномъ разстояніи отъ земляной насыпи чердака; достучаться до чего-нибудь, дать знать о себѣ кому-нибудь было трудно. Не больше бы пользы принесли и мои крики: чердакъ, какъ я сказалъ, выходилъ окномъ въ садъ, гдѣ теперь не было никого. Утомленный безплодными криками и вознею, я сѣлъ на матрацъ и началъ ѣсть. Меня уже давно томилъ голодъ. Половина хлѣба была съѣдена, половина воды была выпита. Я на нѣсколько времени успокоился. Потомъ во мнѣ снова начало пробуждаться чувство нетерпѣнія и злобы. Оно все росло

и росло съ каждой минутой и стало, наконецъ, нестерпимымъ. Заливаясь горькими слезами, я со злостью, съ яростью сталъ колотить объ полъ руками и ногами. Мнѣ хотѣлось или разбить свою тюрьму, или разбиться самому. Никогда не наказываемый до этой поры, я вдругъ былъ подвергнутъ такому тяжелому для меня испытанію и не могъ покориться. Я легче бы перенесъ сѣченье. Я не боялся физической боли, привыкнувъ къ ушибамъ и порѣзамъ; но потерять свободу, мнѣ, привыкшему къ волѣ, было нестерпимо-трудно. Довольно долго продолжалась моя безпомощная, дикая злоба. Но подъ вліяніемъ физической боли и усталости, мало-помалу, она стала утихать, на смѣну ей появились размышленія о томъ, что моя мать, можетъ быть, умерла. До меня смутно долетали звуки подъѣзжающихъ къ воротамъ и уѣзжающихъ обратно дрожекъ. Кто это ѣздитъ и зачѣмъ? Не служатъ ли теперь панихиду по моей матери? Что я буду дѣлать безъ нея? Оставитъ ли меня Бубновъ здѣсь или возьметъ къ себѣ? Не вступится ли за меня дядя? Неужели и онъ забылъ обо мнѣ и не спроситъ—гдѣ я? Ни на одинъ изъ этихъ вопросовъ не являлось отвѣта: я лежалъ въ полузабытьи, изрѣдка открывая глаза и осматриваясь—гдѣ я. Эта дремота продолжалась довольно долго. Въ чуланѣ, между тѣмъ, становилось все темнѣе и темнѣе. Мысли о матери, о моей будущей судьбѣ начали разсѣиваться передъ ужасомъ настоящаго: я, всегда смѣлый, началъ трусить. Тревожно смотрѣлъ я, уже совершенно очнувшись, въ окно и увидѣлъ, какъ позолотились съ одной стороны края облаковъ, какъ они становились все ярче и ярче и потомъ стали блѣднѣть, а сами облака стали превращаться изъ ослѣпительно-бѣлыхъ и легкихъ въ тяжелыя, свинцовыя тучи, клубившіяся и разстилавшіяся по небу подобно дыму. Я напряженно слѣдилъ за послѣдними бѣлыми мѣстами облаковъ, за ихъ послѣдними золотистыми краями и, кажется, готовъ былъ плакать, молиться, чтобъ удержать хоть на минуту эти послѣдніе отблески дня и солнца. Какъ я дорожилъ въ эту минуту свѣтомъ! Но вотъ погасла и послѣдняя золотая тонкая змѣйка, исчезло и послѣднее бѣлое облачко, и сѣрыя тучи поплыли однообразною, сгущающеюся массой. Я оглядѣлся въ комнатѣ: на полу, на стѣнахъ и въ углахъ около окна былъ уже легкій сумракъ; свѣтлѣе былъ тотъ конецъ чулана, гдѣ была дверь, но, мало-по-малу, потемнѣлъ и онъ. Въ чуланѣ стало дѣлаться холоднѣе. Я сѣлъ въ уголъ и не шевелился, прислушиваясь къ каждому звуку: около меня, за

стѣной, послышалось, что кто-то скребетъ доски,—я пошевелился, застучалъ кулакомъ, закричалъ,—шорохъ утихъ. Черезъ нѣсколько минутъ онъ начался снова и снова затихъ при моемъ движеніи. Несмотря на страхъ, я занялся этимъ явленіемъ на нѣсколько времени и инстинктивно былъ радъ, что на свѣтѣ есть хоть мышь, которая боится меня даже теперь. Мнѣ было даже пріятно пугать ее. Но скоро мое вниманіе было отвлечено новыми звуками: въ крышу надо мной, а потомъ подъ окномъ начали мелко ударять крупныя капли дождя. Сначала это были рѣдкіе, отчетливо отдѣлявшіеся звуки; потомъ они стали чаще слѣдовать одинъ за другимъ; наконецъ, полились быстро, торопливо, какъ бы перебивая, какъ бы стараясь заглушить другъ друга. Мнѣ казалось, что эти ручьи то злобно и бѣшено спорили и воевали между собой, то чудилось, что они, устав враждовать, сливались въ одинъ дружный и грозный потокъ, заливавшій землю. Удивительно дѣйствуютъ эти, въ сущности, однообразные, равномѣрно усиливающіеся, равномѣрно утихающіе звуки! Никакая колыбельная пѣсня няни, никакое баюканье въ люлькѣ, не можетъ такъ успокоить волненіе человѣка, такъ усыпить его измученную душу, какъ эти монотонные переливы ливня. Сперва они меня раздражали; потомъ я какъ будто привыкъ къ нимъ; наконецъ, я напряженно прислушивался къ нимъ, какъ къ пѣнію, и ничего уже не слышалъ, кромѣ нихъ. Мнѣ грезилась необозримая, облитая солнцемъ земля, съ высокими горами, съ обширными равнинами, съ темными лѣсами, съ грозными скалами, омываемыми неугомоннымъ моремъ, и среди этой волшебной страны какіе-то невѣдомые мнѣ люди, казалось, влекли меня за собою и пѣли вокругъ меня странныя, то тревожныя, то усыпляющія пѣсни. Сотни ихъ разнообразныхъ голосовъ, сотни ихъ разнообразныхъ пѣсенъ слились, мало-по-малу, въ одну мелодію, такую мучительно-грустную, хватающую за сердце, но въ то же время такую сладкую, что мнѣ хотѣлось бы долго-долго наслаждаться ею, то улыбаясь, то плача вмѣстѣ съ ними. И вдругъ, среди этихъ яркихъ сновидѣній, раздался страшный пронзительный и долгій плачъ, точно кто-то душилъ ребенка,—я проснулся: по чердаку кто-то прошелся мягкими, будто босыми ногами, и снова не было слышно ни дѣтскаго плача, ни торопливыхъ шаговъ, а только равномѣрно, монотонно, то усиливаясь, то ослабѣвая, лилъ дождь, и мнѣ снова снились незнакомые люди, поющіе предо мной свою пѣсню.

Не знаю, въ которомъ часу я проснулся, но, кажется, было очень рано.

Воздухъ теперь былъ теплѣе на чердакѣ, чѣмъ наканунѣ вечеромъ. Я лежалъ, чувствуя боль въ головѣ и шеѣ, такъ какъ у меня подъ головою была жесткая и неловкая подушка. На лѣстницѣ послышались шаги. Я насторожилъ уши. Я слышалъ, шаги приближались къ чердаку. Я слышалъ, какъ отворилась дверь на чердакъ, какъ потомъ она замкнулась снова и какъ по мягкому земляному полу кто-то приближался къ дверямъ чулана,—наконецъ, ключъ щелкнулъ въ замкѣ у двери чулана. Передо мной появился Бубновъ. Онъ былъ неузнаваемъ. Его лицо совсѣмъ пожелтѣло; глаза были воспалены; на лбу и шеѣ натянулись толстыя, тревожно бившіяся жилы. Онъ молча заперъ за собой дверь на крючокъ и подошелъ ко мнѣ. Онъ взялъ меня одною рукою за руку повыше локтя, и я мгновенно увидалъ, что въ другой его рукѣ былъ пучокъ-прутьевъ. Я сдѣлалъ попытку освободиться, но онъ сдавилъ мою руку. Эта первая боль пробудила во мнѣ чисто-животную злобу, и я съ быстротою молніи впился зубами въ его руку, стараясь отпихнуть его свободною рукой. Онъ выпустилъ меня на мгновеніе и тотчасъ же схватилъ меня за плечи.

— Волченокъ!—прошепталъ онъ, тряся меня изо-всей силы.—Брата убилъ!.. Каинъ!.. Первое мое дитя... убилъ!..

Онъ не говорилъ, а хрипѣлъ удушливымъ голосомъ. Я чувствовалъ, что его желѣзные пальцы конвульсивно сжимались на моемъ плечѣ. Я напрасно бился: его пальцы точно врѣзались въ мое тѣло и занѣмѣли на мнѣ. Онъ взялъ меня за шею и наклонилъ мою голову. Черезъ минуту она была стиснута между его костлявыми ногами. Я еще разъ попробовалъ освободиться, но онъ еще крѣпче сдавилъ ногами мою голову, и въ то же время я почувствовалъ, что съ меня срывалась нижняя одежда.

— Убью тебя... убью!—дрожащимъ голосомъ шепталъ онъ, и я почувствовалъ первый ударъ, проскользнувшій по моему тѣлу, какъ прикосновеніе раскаленнаго желѣза.

Бубновъ сѣкъ артистически, продергивая по тѣлу розгами. Я впервые испыталъ эту жгучую, острую боль, мнѣ казалось, что изъ меня вырѣзали куски мяса.

Не знаю, долго ли продолжалось сѣченье. Очнувшись, я увидалъ, что я, полураздѣтый, растрепанный, лежу на полу поперекъ матраца, а у окна, спиною ко мнѣ, стоитъ Бубновъ. Его лихорадочно подергивало. Я хотѣлъ пошевелиться,

прикрыть свое обнажен.е тѣло одеждой, но почувствовалъ боль и вскрикнулъ. Бубновъ очнулся; онъ обернулся ко мнѣ съ быстротою звѣря, заслышавшаго новые крики еще не вполнѣ задушенной имъ жертвы.

— Не смѣй реветь! — проговорилъ онъ мнѣ въ ярости.— Не смѣй! Тебя убить бы стоило... Убійца!.. Сына моего убилъ!..

По желтымъ щекамъ Бубнова катились крупныя, одинокія слезы. Онъ былъ и страшенъ, и жалокъ.

— Лежи здѣсь... Помни, что я тебя буду пороть за каждую мелочь... Ты заплатишь мнѣ за брата...

Я съ ужасомъ слушалъ отчима: онъ походилъ на помѣшаннаго. Животная, необузданная разсудкомъ скорбь о сынѣ, задушенномъ при рожденіи; звѣрское желаніе убить виновника этой смерти, послѣдній проблескъ самообладанія, заставлявшій воздержаться отъ совершенія преступленія; дикая ярость на врага за то, что онъ живъ и смѣетъ издавать слабые крики протестующей противъ насилія жизни, — всѣ эти чувства мѣшались въ потрясенной душѣ Бубнова. Кто зналъ всю его прошлую жизнь, кто зналъ, какъ онъ отчаивался имѣть когда-нибудь дѣтей, какъ лихорадочно онъ ждалъ рожденія перваго ребенка, только тотъ могъ понять, что испытывалъ этотъ животно-страстный, суровый человѣкъ. Сверхъ того, Бубновъ былъ алченъ, былъ скрягою въ душѣ, и зналъ, что его сынъ долженъ былъ закрѣпить за его фамиліей часть имѣнія моей матери, часть моего имѣнія. И грязные помыслы, и чистыя чувства, все это смѣшалось теперь для Бубнова въ одно: сынъ былъ его идоломъ прежде своего появленія въ свѣтъ, и вдругъ это божество умираетъ, задыхается при рожденіи. Отчего? Кто былъ причиною этой смерти? Ясно, что то лицо, которое было причиною обморока матери. Это лицо — былъ я. Значитъ, я убійца своего брата, я Каинъ, убившій невиннаго Авеля. Но вслѣдствіе какого поступка съ моей стороны упала мать въ обморокъ? Чѣмъ былъ вызванъ этотъ поступокъ? Объ этомъ не спрашивали ни ее, ни меня. Да и зачѣмъ? Не все ли равно для Бубновыхъ, какимъ способомъ, вслѣдствіе чего, я убилъ брата: умышленный или неумышленный проступокъ — все-таки проступокъ и долженъ быть наказанъ. Искать причины проступка — это было бы слишкомъ долго, и, въ концѣ-концовъ, привело бы къ прародителю человѣчества, какъ къ первой причинѣ всѣхъ проступковъ. Да, впрочемъ, при трезвомъ обсужденіи дѣла, едва ли и самъ прародитель могъ

бы быть признанъ виновникомъ въ своемъ проступкѣ,— причины грѣха лежали, можетъ-быть, еще глубже». Это была бубновская философія, наказывавшая послѣдняго уличеннаго на мѣстѣ преступника. Какъ часто я слышалъ ее, какъ неизгладимо врѣзалась она въ мою память! Голодъ ли, холодъ ли, угнетенія ли довели человѣка до преступленія, что за дѣло имъ, сытымъ Бубновымъ, до этихъ причинъ, когда украденъ кусокъ ихъ мяса, частица ихъ золота, на которое они промѣняли свою человѣческую душу!

Черезъ часъ Бубновъ снова зашелъ ко мнѣ, принесъ мнѣ фуражку, шинельку и велѣлъ мнѣ одѣться. Я одѣлся съ трудомъ, такъ какъ у моихъ панталонъ отлетѣли пуговицы, и они сами были разорваны около пояса. Кое-какъ справившись съ своимъ туалетомъ, я вышелъ съ отчимомъ изъ дома, гдѣ всѣ еще спали, и онъ свелъ меня въ квартиру своей матери. Дорогой я впалъ въ безпамятство.

Въ домѣ Маріи Трофимовны пролежалъ я безъ памяти, между жизнью и смертью, около трехъ недѣль. Въ это время и моя мать лежала больна и не могла навѣстить меня. Дядя посѣщалъ меня каждый день, онъ просиживалъ ночи у моей постели, нахмуривъ брови и опустивъ на грудь свою полусѣдую голову. Старуха Бубнова и Бубновъ сотни разъ совѣтовали ему не слишкомъ долго сидѣть у меня, такъ какъ мнѣ было нужно спокойствіе, но дядя отвѣчалъ имъ, что я буду такъ же спокоенъ, какъ теперь, если около меня соберется весь флотъ. Онъ былъ правъ, я никого не замѣчалъ, ничего не слышалъ, и, даже очнувшись, бредилъ чердакомъ, убитымъ братомъ, увѣряя всѣхъ, что я слышалъ его голосъ, слышалъ, какъ онъ плакалъ, что его убили и не дали ему пожить. Напрасно увѣрялъ меня дядя, что и чердакъ, и голосъ брата — все это игра моего воображенія, что братъ родился мертвымъ, что я съ самой минуты его рожденія былъ увезенъ къ Маріѣ Трофимовнѣ и не сидѣлъ ни на какомъ чердакѣ, — я стоялъ на своемъ и утверждалъ, что слышалъ голосъ брата. Дядя въ волненіи хмурилъ брови и приглаживалъ виски, полагая, что я снова начинаю бредить. Я снова впадалъ въ забытье.

Помню я день, когда мнѣ стало совсѣмъ легко, когда мнѣ было такъ сладко почувствовать, что я здоровъ, что я живъ. У моей постели попрежнему сидѣлъ ласкавшій меня дядя. Онъ не позволялъ мнѣ говорить и не соглашался поднять шторы, заслонявшія отъ меня свѣтъ яркаго дня. Я чувствовалъ, что за этими плотными шторами сверкаютъ живые

лучи солнца; я жадно всматривался въ одну золотистую полоску, проскользнувшую какъ-то случайно въ этотъ полумракъ. Эта слабая полоска была лучомъ надежды, она говорила мнѣ, что скоро, скоро увижу я солнце, людей, уличное движеніе. Дядя молчаливо слѣдилъ за мною добрыми, любящими глазами. Имъ обоимъ было такъ хорошо, точно я послѣ труднаго и опаснаго плаванія, обреченный на гибель, неожиданно вернулся къ моему доброму старику, и онъ, не желая нарушать сладости первой минуты свиданія, запрещалъ мнѣ говорить объ ужасахъ прошлаго и хотѣлъ молча налюбоваться чертами милаго ему лица. Изрѣдка по его щекамъ скатывались слезы на полусѣдые усы, и тотчасъ же онъ старался улыбнуться и принять бодрый видъ. Иногда онъ невольно пожималъ мнѣ руку и серьезнымъ, добрымъ голосомъ шепталъ мнѣ:

— Молодецъ, молодецъ! Трудную, очень трудную болѣзнь перенесъ.

Я смѣялся, слыша эту незаслуженную похвалу.

— Ну, не смѣйся, не велѣно! Начальство запретило,— бормоталъ онъ.

Въ это время дверь тихо отворилась и въ комнату вошла Марѳа Трофимовна.

— Ну, что?—спросила она.

— Спасенъ, теперь совсѣмъ спасенъ!—весело отвѣтилъ дядя.

Въ эту минуту онъ, кажется, пересталъ ненавидѣть даже ее. Я закрылъ глаза.

— Что онъ спитъ?—спросила она.

Дядя взглянулъ на меня и сказалъ:

— Да, уснулъ!

Я въ эту минуту тайкомъ пожалъ ему руку: я ненавидѣлъ Бубнову.

Она вздохнула.

— Пересталъ онъ бредить?—спросила она.

— Пересталъ.

Послѣдовалъ новый вздохъ.

— Какой странный былъ этотъ бредъ. C'est horrible! Мальчикъ понимаетъ, вѣроятно, что онъ убилъ своего несчастнаго брата,— драматическимъ тономъ проговорила Марѳа Трофимовна.—Я не могу теперь безъ содроганія смотрѣть на этого ребенка, мнѣ тотчасъ же представляется несчастное, убитое имъ дитя!

Дядя встрепенулся и закрутилъ хохолъ, приглаживъ виски.

— Ну, сударыня, грѣхъ и стыдъ обвинять чистаго младенца въ убійствѣ!—произнесъ онъ, потрясеннымъ отъ негодованія голосомъ.

— Я не обвиняю его, но говорю, что онъ самъ, должно-быть, чувствуетъ это,—пожала она плечами.

— А вамъ все-таки грѣхъ и стыдъ говорить это! Вы извините мою грубость. Я старый матросъ, сударыня. Я видѣлъ, какъ бѣдняки, отцы семейства, въ морѣ тонули, я видѣлъ, какъ шальныя пули припибали на мѣстѣ полную силъ молодежь, я, сударыня, видѣлъ, какъ линьками сѣдыхъ стариковъ стегали,—да, сударыня, я видѣлъ и это, своими глазами видѣлъ,—а у меня сердце поворачивается, когда я слышу, что вы, женщина, обвиняете дитя въ убійствѣ! Каково же должно быть это его юному, нѣжному сердцу, если онъ услышитъ ваши слова?—Каково будетъ это его матери, если до нея дойдутъ ваши рѣчи? Вамъ и грѣшно, и стыдно! Вы—женщина!

Дядя говорилъ тѣмъ искреннимъ, хватающимъ за сердце голосомъ, который всегда вырывался изъ его груди въ минуты волненія. Марѳа Трофимовна еще разъ пожала плечами.

— Но вѣдь не легче для его матери и потеря несчастнаго ребенка, убитаго имъ,—сказала она.—Я думаю, ей долженъ быть такъ же дорогъ и тотъ погибшій младенецъ, какъ этотъ, погубившій его.

Я лежалъ, закрывъ глаза, въ какомъ-то нѣмомъ ужасѣ и оцѣпенѣніи: вокругъ меня былъ мракъ, призракъ убитаго младенца снова носился предо мной, его плачъ рѣзко раздавался въ моихъ ушахъ. Мнѣ хотѣлось оправдаться передъ всѣми, хотѣлось отогнать этотъ призракъ. Но никому, кромѣ дяди, не смѣлъ я говорить о братѣ; дядя же считалъ всѣ мои рѣчи объ этомъ предметѣ послѣдними остатками бреда и каждый разъ тревожился за мое здоровье при этихъ объясненіяхъ.

Какъ только вышла изъ комнаты Марѳа Трофимовна, я снова открылъ глаза и заговорилъ о братѣ.

— Птица, птица,—перебилъ меня дядя въ волненіи:—ничего этого не было. Все это пустяки! Сумасбродная баба бредитъ. Спи! Ты еще нездоровъ.

— Пойми ты меня, дядя,—увѣрялъ я его: — что я на чердакѣ...

— Ну, ну, мы опять на чердакъ заходимъ,—замахалъ рукою дядя, съ усмѣшкой на лицѣ и съ нѣкоторымъ стра-

хомъ въ душѣ. Будемъ лучше лежать на постели и ждать, когда мы въ состояніи будемъ ходить по садамъ. Потерпи, птичка, потерпи еще немного, и мы скоро съ тобой не будемъ ни на какіе чердаки забираться. И на что намъ чердаки нужны? Что въ нихъ? Плевки они не стоятъ!

— Да ты не шути, дядя! — молилъ я его, чувствуя, что онъ считаетъ мои слова бредомъ.

— Тс! Спать, спать! Начальство спать велитъ!—шутливо проговорилъ онъ густымъ басомъ и погрозилъ мнѣ пальцемъ.

Я покачалъ головою и со вздохомъ опять закрылъ глаза: опять тотъ же мракъ, опять тотъ же призракъ брата носился надо мною, опять въ ушахъ раздавался его плачъ. Долго, долго суждено было этому призраку никогда не жившаго человѣка тревожить мою дѣтскую душу.

Черезъ два мѣсяца меня перевезли домой. Я выросъ во время болѣзни, но былъ худъ и слабъ. Иногда я пробовалъ поднять кресло и не могъ; я съ удивленіемъ и любопытствомъ разсматривалъ свои руки: это были одни кости, обтянутыя кожей. Но перемѣна во мнѣ была все-таки не такъ значительна, какъ перемѣна въ моей матери. Мать сама бродила. Она была блѣдна, увяла духомъ. Оставаясь одна, она выглядѣла апатичною. Въ выраженіи ея лица было что-то сухое и сосредоточенное. Она стала очень нетерпѣлива и раздражительна въ сношеніяхъ съ прислугой. Она подчасъ спокойно и равнодушно, почти небрежно и холодно выносила мои ласки, отчасти изъ желанія не навлекать на себя и на меня подозрѣній и непріятностей со стороны мужа и свекрови, отчасти изъ смутнаго чувства невольнаго отвращенія ко мнѣ, какъ къ существу, вызвавшему и напоминающему недавнія несчастія. Да, это чувство закралось въ ея измученную душу. Иногда же мать дѣлалась болѣзненно, мучительно нѣжною со мною, точно стараясь загладить все, что я перенесъ. О, если бы она знала все, что перенесла моя дѣтская душа! Она, вѣрно, еще теплѣе отнеслась бы ко мнѣ и забыла бы мой невольный проступокъ. Бывали минуты, когда мать начинала плакать, вспоминая о своемъ умершемъ ребенкѣ, и горько роптала за его смерть. Но вслѣдъ за этимъ ропотомъ она испуганно говорила, что Богъ отнимаетъ дѣтей за грѣхи ихъ родителей, и молилась. Ея набожность, пугливая, напряженная, возрастала съ каждымъ днемъ.

Среди этого натянутаго, мучительнаго положенія представлялась тысяча случаевъ коснуться того или другого

больного мѣста, и раны постоянно раскрывались. Я смотрѣлъ волчонкомъ изъ-за угла; старуха Бубнова, указывая на меня гостямъ, что-то шептала имъ и, по судорожному подергиванію ея жирныхъ плечъ, я понималъ, что она называетъ меня убійцей брата. Бубновъ иногда мимоходомъ дергалъ меня за ухо, если замѣчалъ, что я начиналъ рѣзвиться.

— Я мамашѣ пожалуюсь!—угрожалъ я.

— А, второго моего ребенка уморить хочешь!—шипѣлъ онъ, и на его лицѣ выражалось нѣчто зловѣщее.

Я мгновенно притихалъ, понявъ, что у меня будетъ еще братъ, и боялся ступить лишній шагъ. Большею частью я сидѣлъ у дяди въ мезонинѣ. Дядя тоже хмурился. Уже никогда не восхищался онъ теперь умомъ Бубнова и видимо тяготился жизнью въ нашемъ домѣ. Но, среди всего этого натянутаго положенія, всѣ какъ будто сговорились не упоминать двухъ именъ — имени моей няни и имени Василья. Этихъ людей уже не было въ нашемъ домѣ. Ихъ, кажется, не было и на свѣтѣ, по крайней мѣрѣ, люди старались не произносить этихъ именъ и какъ будто вычеркнули, хотѣли вычеркнуть ихъ изъ списка живыхъ.

Уже приближалась зима, когда эти имена вдругъ должны были припомниться многимъ, припомниться въ видѣ страшнаго призрака. Это было осенью, ночью. Тяжело это время для угрюмыхъ злодѣевъ: тяжело оно и для ихъ измученныхъ жертвъ. Холодный, рѣзкій вѣтеръ порывисто дуетъ постоянно съ моря, дико воетъ въ обезлиственныхъ деревьяхъ, въ дымовыхъ трубахъ, въ снастяхъ кораблей, въ каждой щелкѣ, въ каждомъ отверстіи. Неугомонное, почернѣвшее подъ свинцовыми тучами, море реветъ, не умолкая, яростно бьется мутными волнами въ берегъ, брызжетъ бѣлою пѣною, какъ бы стараясь затопить землю и снести съ нея все, созданное людьми. Мелкій, частый и холодный дождь все льетъ, и льетъ, и пробираетъ до костей. Стѣны домовъ отсырѣли и покрылись темными пятнами. Мрачнѣе прежняго выглядятъ сѣрыя и красныя громады укрѣпленій съ мѣрношагающими, промокнувшими до костей, часовыми, съ торчащими изъ каждаго отверстія пушками. Изрѣдка появляющееся солнце бросаетъ на землю косые, какъ бы кровавые, лучи и почти не грѣетъ. Гнилой воздухъ грозитъ гриппами, тифами, лихорадками, горячками, смертью. На улицахъ жутко. Онѣ пусты или наполнены пьяными матросами, пришедшими изъ плаванія и шатающимися отъ кабака къ ка-

баку, отъ одного притона разврата къ другому. Изъ этихъ кабаковъ и притоновъ несутся дикія пѣсни, напоминавшія не столько о весельѣ, сколько о близкой дракѣ. Прохожіе кутаются въ шинели, идутъ скорыми шагами, молча, съ озабоченными или сердитыми лицами; видно, что ихъ выгнала изъ теплой комнаты только необходимость или нужда. Въ эту минуту хочется сидѣть дома, у свѣркающаго огонька, въ дружномъ кружкѣ; хочется успокоить разстроенные нервы, разогнать хандру. Но гдѣ присѣсть и успокоиться тому, у кого дома — адъ кромѣшный, или у кого нѣтъ ни одного близкаго любящаго существа, или у кого, наконецъ, просто нѣтъ своего угла? Проводить время въ одиночествѣ? Но подъ этотъ свистъ вѣтра, подъ вой моря, въ этотъ пробирающій до дрожи холодъ, невеселыя мысли приходятъ въ голову. Невольно являются тѣни тѣхъ людей, которые вслѣдствіе нашихъ преступковъ, или вслѣдствіе своей злобы, загубили нашу жизнь, отравили наше спокойствіе, отогнали нашъ сонъ. Макбету не даетъ покоя убитый имъ Банко; Гамлета преслѣдуетъ мысль объ отомщеніи преступному дядѣ, но у обоихъ «зарѣзанъ сонъ». Въ этомъ положеніи, въ эту пору одни измученные люди бросаются въ воду; въ эту пору другіе изстрадавшіеся люди идутъ съ ножомъ въ жилища своихъ враговъ или карауляТъ ихъ въ темную ночь на большой дорогѣ. Отмстить или умереть — дѣлается задачей жизни этихъ изстрадавшихся людей.

Такою-то порою, около полуночи, когда всѣ въ домѣ спали, Бубновъ, по своему обыкновенію, прошелъ заниматься въ свой кабинетъ. Входя въ комнату, онъ былъ пораженъ какимъ-то страннымъ, едва слышнымъ шорохомъ. Онъ подозрительно обвелъ глазами комнату; но все было на своихъ мѣстахъ, все было пусто, тяжелые занавѣсы крупными складками спускались у оконъ до самаго полу. Онъ сѣлъ писать.

Бубновъ былъ не трусъ, не былъ онъ и суевѣренъ, но въ этотъ вечеръ его томилъ невольный, почти безсознательный страхъ. Этотъ подозрительный шорохъ, слышанный имъ при входѣ въ комнату, не выходилъ у него изъ головы. Написавъ нѣсколько минутъ, Бубновъ оставилъ перо, подошелъ къ окну, приподнялъ занавѣсъ и осмотрѣлъ мѣсто. Окно было плохо заперто, но подъ занавѣсами не было никого. Бубновъ заперъ раму на задвижку и на минуту прислушался. Въ комнатѣ была мертвая тишина, и только вѣтеръ завывалъ въ саду. Осмотрѣвъ другое окно, загля-

нувъ подъ диванъ и не найдя ничего, Бубновъ пожалъ плечами и сѣлъ снова. Работа, однако, не шла впередъ. Онъ задумался. Что ему вспомнилось въ эти минуты ночного, одинокаго раздумья—волновали его душу ненавистные призраки-обличители или возникли въ его головѣ воспоминанія о тяжелыхъ сценахъ,—неизвѣстно. Но ему не работалось. Машинально, точно ему снова послышался проклятый шорохъ, онъ всталъ, чтобы осмотрѣть еще разъ комнату, и въ то же мгновеніе отскочилъ въ сторону: около его бока блеснула сталь, задѣвшая его за руку. Не прошло нѣсколькихъ секундъ, какъ желѣзная рука Бубнова уже сжимала, какъ въ тискахъ, чью-то слабую руку, вооруженную ножомъ. Ножъ со звономъ упалъ на полъ. Бубновъ торопливо крикнулъ. Въ комнату вошелъ нашъ новый заспанный денщикъ, давно дремавшій въ одеждѣ на полу передней.

— Кучера и дворника!—лаконически произнесъ Бубновъ.

Денщикъ посмотрѣлъ на барина и на неожиданнаго ночного посѣтителя отупѣвшими глазами.

— Чего осовѣлъ, болванъ!—угрюмо проговорилъ Бубновъ.

Денщикъ бросился за прислугой.

— На грабежъ пуститься задумалъ,—шипѣлъ Бубновъ, сдавливая руки ночного гостя.— Не удалось домашнимъ воришкой сдѣлаться, въ разбойники пошелъ. Силу бы прежде нагулялъ!

Блѣдное, худое и маленькое существо, опустивъ молодое, еще не опушенное усами, лицо на впалую, чахоточную грудь, не произносило ни одного слова. На этомъ лицѣ не отражалось даже чувства нестерпимой боли, а эта боль должна была ощущаться въ сдавленныхъ до излома костей рукахъ. Въ комнату черезъ пять минутъ явилась прислуга.

— Вяжите его!- скомандовалъ Бубновъ людямъ.

Болѣзненнаго, блѣднаго человѣка связали. Онъ не сопротивлялся.

— Никому въ домѣ ни слова объ этомъ! — погрозилъ Бубновъ слугамъ. — Если барыня хоть что-нибудь узнаетъ, — запорю!

Денщикъ и крѣпостные люди сурово молчали. На ихъ лицахъ не было слѣдовъ злобы на преступника. Имъ было, повидимому, просто странно видѣть въ роли отважнаго убійцы этого тщедушнаго, изрѣдка вздрагивавшаго всѣмъ тѣломъ, человѣка, не произносившаго ни слова, не дѣлавшаго никакихъ усилій для сопротивленія, не помышлявшаго

вымолвить какую-нибудь мольбу о прощеніи. Бубновъ, холодный, угрюмый и молчаливый, наскоро одѣлся и пошелъ за людьми, которые повели преступника.

Во всѣ слѣдующіе дни Бубновъ былъ пасмурнѣе обыкновеннаго и шептался съ своею матерью. Она, въ качествѣ пятаго городского колеса, должна была узнать отъ кронштадскихъ вѣстовщиковъ о ночномъ происшествіи въ домѣ ея сына, и потому нужно было пригрозить ей, чтобы она не смѣла ничего разсказывать объ этомъ у насъ въ семьѣ. Моя мать, давно привыкшая къ угрюмому характеру мужа, была, однако, въ эти дни поражена выраженіемъ его лица и спросила, что съ нимъ. Онъ односложно отвѣтилъ: «ничего!» и вышелъ изъ ея комнаты.

Рѣдко кто запомнитъ такое простое и несложное дѣло, какъ дѣло Василья, покусившагося убить Бубнова. Онъ не запирался, не путалъ никого, не просилъ ни о чемъ. Онъ разсказалъ подробно, съ убійственнымъ хладнокровіемъ, что онъ давно задумалъ сдѣлать это «дѣло» и все не рѣшался до послѣдняго времени, когда случайно услыхалъ въ лавкѣ, что у насъ будутъ на слѣдующій день вставлять окна. Это ничтожное само по себѣ обстоятельство сразу заставило его рѣшиться совершить задуманное «дѣло», такъ какъ при вставленныхъ окнахъ было бы трудно попасть въ домъ. Еще хладнокровнѣе разсказалъ преступникъ, какъ онъ забрался въ нашъ садъ, какъ влѣзъ въ окно еще утромъ, когда оно, по обыкновенію, было открыто денщикомъ на полчаса для освѣженія воздуха въ кабинетѣ, какъ просидѣлъ весь день въ гардеробной комнатѣ, смежной съ кабинетомъ Бубнова, какъ потомъ хотѣлъ спрятаться за занавѣсы, но отказался отъ этого намѣренія, услыхавъ шаги Бубнова. Далѣе преступникъ сказалъ, что ему больше нечего разсказывать, что онъ во всемъ повинился.

— Обокрасть думалъ? — говорили ему.

— Убить хотѣлъ,—лаконически отвѣчалъ онъ.

— Что тобя побудило къ преступленію? — допрашивали его.

— Ихъ высокоблагородіе знаютъ.—еще односложнѣе отвѣчалъ онъ, взглянувъ на Бубнова своими потухшими, стеклянными глазами.

— Какъ не знать!—насмѣшливо и злобно замѣтилъ Бубновъ, отворачиваясь отъ него.—Онъ у меня, нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, крѣпостную дѣвку развратилъ, вѣроятно, желая сдѣлать ее своей сообщницей. Потомъ, когда

его за развратное поведеніе выпороли, онъ задумалъ убить меня и ограбить.

Худой и больной человѣчекъ не спускалъ съ Бубнова своего тусклаго взгляда. Въ этомъ взглядѣ было много убійственнаго, гробового спокойствія. Ему замѣтили, что онъ вѣрно не твердо рѣшился на убійство и почувствовалъ раскаяніе въ минуту совершенія преступленія.

— Его высокоблагородіе знаетъ, почему я не убилъ его,—отвѣтилъ преступникъ.

Бубнова обозлила необходимость отвѣчать за преступника, и онъ замѣтилъ, что преступникъ можетъ говорить и самъ. Снимающіе допросъ обратились къ преступнику съ вопросомъ, почему онъ съ такимъ упорствомъ не хочетъ говорить самъ за себя.

— Его высокоблагородіе знаетъ все лучше,—отвѣтилъ онъ равнодушно, какъ будто считая Бубнова своимъ сообщникомъ.

— Я знаю только одно, что ты зарѣзалъ бы меня и теперь,—яростно произнесъ Бубновъ.—Говори, мерзавецъ!

— Зарѣзалъ бы!—отвѣтилъ преступникъ, и по его тѣлу впервые въ этотъ день пробѣжала та нервная дрожь, которую замѣтили наши люди, заставъ его въ комнатѣ барина. На мгновенье его тусклые и безжизненные глаза сверкнули яркимъ огнемъ и потухли снова. Онъ только безсознательно потеръ рукою свою впалую грудь, точно ее сдавило въ эту минуту еще болѣе. Слово грубой брани на мигъ пробудило въ немъ жизнь. Такъ вздрагиваетъ раненый человѣкъ, лежавшій безъ чувствъ, если прикоснуться къ его ранѣ. Но это минутная вспышка: за нею наступаетъ еще болѣе полное безпамятство.

Не добившись ничего отъ преступника, допрашивающіе все узнали отъ самого Бубнова. Преступнику осталось только согласиться, что Бубновъ говорилъ правду, и подтвердить еще разъ, что его высокоблагородіе все знаетъ лучше его самого. Бубновъ впервые въ жизни почувствовалъ нѣчто въ родѣ ужаса, какъ будто онъ самъ совершилъ преступленіе, какъ будто допрашивали именно его, а не эту тѣнь человѣка, готовую скоро безотвѣтно и безслѣдно исчезнуть со свѣта.

Прошло нѣсколько времени, шла зима; въ нашемъ домѣ все было уныло, похоронно. Только однажды я замѣтилъ, что прислуга какъ-то особенно перешептывается между собою, что Бубновъ какъ-то необыкновенно хмурился, что

дядя не могъ посидѣть пяти минутъ на одномъ мѣстѣ и все ходилъ изъ угла въ уголъ, бойкая волосы и бормоча что-то себѣ подъ носъ. Со всею силою дѣтскаго любопытства я старался узнать, что случилось у насъ въ домѣ, но никто не давалъ мнѣ отвѣта. Тревожно провелъ я ночь послѣ этого дня. Меня томилъ какой-то страхъ, точно я ожидалъ какого-то собиравшагося надъ нами несчастія. На слѣдующій день прислуга перешептывалась еще болѣе, ежеминутно сходясь вмѣстѣ на черной лѣстницѣ. Я около полудня вышелъ побѣгать по двору и прошмыгнулъ въ дворницкую къ своему пріятелю Гаврюшкѣ, сыну дворника.

— А вы, Владиміръ Михайловичъ, ничего не слыхали?— спросилъ онъ меня.

— Нѣтъ,—отвѣтилъ я.

— То-то!—отвѣтилъ Гаврюшка.—Вамъ не велѣно сказывать. Строго-на-строго запретили... Сегодня, вишь, Василья наказывали.

— Какъ! За что?— воскликнулъ я, блѣднѣя.

— Сквозь строй провели,—объяснилъ Гаврюшка.—Барина Григорья Даниловича убить хотѣлъ... Народу, баба видимо-невидимо набралось за валикъ... Васька блѣдный такой былъ... Исполосовали совѣмъ... Такъ на телѣжкѣ, какъ плеть, и увезли... А ничего, не кричалъ... Словечка не вымолвилъ... Меня тятька тоже выпороть пообѣщалъ, что я убѣгъ туды.

Я въ остолбенѣніи слушалъ этотъ разсказъ мальчугана и ужъ не пошелъ играть съ нимъ въ снѣжки. Я быстро воротился домой. Меня била лихорадка. Образъ Василья, проходящаго сквозь строй, преслѣдовалъ меня, какъ будто я самъ былъ зрителемъ этой страшной картины. Только черезъ нѣсколько дней я успокоился. А кругомъ меня тянулась та же самая похоронная жизнь.

Я сидѣлъ въ комнатѣ дяди, учился у него, читалъ съ нимъ книги безъ разбора, иногда я устававалъ, и дядя читалъ мнѣ вслухъ разныя путешествія и исторіи. Я порядочно овладѣлъ французскимъ языкомъ, на которомъ прежде я умѣлъ вести только самые несложные разговоры. Но зато я навсегда испортилъ свое французское произношеніе. Не мало успѣховъ сдѣлалъ я и въ нѣмецкомъ языкѣ. Наши разговоры въ это время вертѣлись постоянно на толкахъ о далекихъ странахъ и о жизни отдаленныхъ по времени или пространству народовъ. Разговоровъ о нашемъ домѣ, о близкихъ намъ лицахъ мы избѣгали; намъ тайно хотѣлось,

чтобы и этого дома, и многихъ изъ этихъ лицъ не существовало на свѣтѣ. Такъ, въ домѣ, гдѣ не слишкомъ давно умеръ человѣкъ, мужъ бросилъ жену, любимый другъ измѣнилъ своему другу или, вообще, совершилась какая-нибудь нравственная утрата, всѣ говорятъ о посторонннихъ предметахъ, касаются всевозможныхъ вопросовъ и не касаются только одного изъ нихъ—главнаго. Иногда у дяди срывалось съ языка брань на Бубновыхъ, но онъ спѣшилъ перемѣнить разговоръ и лаконически замѣчалъ: «а, чортъ съ ними!» Я тоже мысленно посылалъ ихъ къ черту и старался не говорить о нихъ. Я необыкновенно поздоровѣлъ и сталъ не по лѣтамъ серьезенъ. Мое воображеніе развилось при чтеніи о лишеніяхъ, встрѣчаемыхъ путешественниками, о пыткахъ, перенесенныхъ разными народами и историческими героями. Невеселая наша жизнь, притѣсненія, постоянное одиночество или бесѣды съ такимъ идеалистомъ, какъ дядя, навели меня на мысль, что и меня ждутъ впереди страданія, что я долженъ приготовиться къ нимъ, и я, экзальтированный до крайности, сталъ развивать въ себѣ физическія силы и пробовать свою выносливость. Меня радовало, если мнѣ удавалось поднять что-нибудь тяжелое или справиться въ борьбѣ съ Гаврюшкой. Помню, что я однажды въ эту зиму взялъ горячій уголь въ руки и держалъ его до тѣхъ поръ, пока онъ остылъ. Изъ моихъ глазъ градомъ катились слезы, моя ладонь болѣла очень долго, но я былъ радъ и торжествовалъ въ душѣ, вспоминая разсказъ объ Іоаннѣ Гуссѣ. Меня стали особенно привлекать такія зрѣлища, какъ рѣзаніе куръ, и хотя мнѣ было очень жалко бѣдныхъ хохлушекъ, но я не убѣгалъ и смотрѣлъ до конца на ихъ казнь, помня, что дядя разсказывалъ о многихъ людяхъ, падающихъ въ обморокъ при видѣ крови.

А въ семьѣ не было никакихъ перемѣнъ, никакихъ радостей. Бубновъ былъ молчаливъ и насмуренъ и иногда ѣдко жаловался на враговъ, сознавая съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе, что ему готовы насолить всѣ, что они только ищутъ для этого удобныхъ случаевъ. Мать хворала, была все въ той же апатіи; у нея скоро долженъ былъ родиться ребенокъ, и потому она почти никуда не выѣзжала. Дядя брюзжалъ и начиналъ говорить, что въ этомъ домѣ просто адъ, что на немъ какое-то проклятіе лежитъ. Бубновы, повидимому, все еще тосковали о моемъ умершемъ братѣ. Но, въ дѣйствительности, можетъ-быть, ихъ смущалъ не призракъ этого никогда не жившаго на свѣтѣ ребенка,

а тревожили живые, загубленные во цвѣтѣ силъ люди—эта крѣпостная дѣвушка, вѣчная труженица, вѣрная раба, не досыпавшая ночей, не отдыхавшая днемъ, и этотъ закабаленный, сдѣлавшійся вещью человѣкъ, томившійся тоскою по родинѣ, изнывшій отъ плетей розгами и линьками, валявшійся на полу, какъ песъ,—эти люди, оторванные отъ семьи и наказанные за то, что и они, въ праздники своей жизни, въ годы кипучей юности, когда сердце такъ страстно ищетъ любви и ласки, ставъ по волѣ господъ бокъ-о-бокъ другъ съ другомъ, глядя на семейныя радости своихъ паръ, смѣли полюбить другъ друга и на минуту забыть свое горе. Можетъ-быть, тревожилъ Бубновыхъ и тотъ не родившійся ребенокъ, который, подобно моему брату, долженъ былъ явиться на свѣтъ почти въ эту же пору: родился онъ или вмѣстѣ съ моимъ братомъ сошелъ въ могилу, какъ новый обличитель земныхъ прегрѣшеній—этого никто не зналъ, кромѣ Бубновыхъ. Никто не зналъ и того, какъ вынесъ я эту жизнь, какая злоба кипѣла во мнѣ, какія недѣтскія проклятія посылалъ я Бубнову, какъ горячо я клялся, стоя на колѣняхъ, отомстить ему за бѣдныхъ моихъ любимцевъ, какъ искренно давалъ я обѣтъ никогда, никогда не притѣснять никого, и какъ часто обращался я къ Богу съ этими страстными дѣтскими клятвами! Мнѣ не пришлось отомстить врагу этихъ бѣдныхъ людей, мнѣ не пришлось подставить за нихъ свою грудь, но я хотѣлъ бы, положа руку на сердце, смѣло сказать, что я сдержалъ послѣднее свое обѣщаніе, и ухожу въ могилу, не унося на себѣ проклятій этой темной забитой толпы, проливающей за насъ свой потъ и свою кровь. Я ошибался во многомъ, я много понялъ слишкомъ поздно, но ни разу никто не могъ сказать, что я притѣсняю ближняго; здѣсь я былъ на-сторожѣ, во всеоружіи и зорко слѣдилъ за собою.

VI.

Капитанъ Хлопко высаживается на берегъ, я слѣдую за нимъ.

Видя наше незавидное положеніе, возмущаясь до глубины души всѣмъ, происходящимъ вокругъ, капитанъ еще чаще и чаще сталъ толковать о необходимости своего переѣзда изъ дома Бубнова, тѣмъ болѣе, что Бубновъ и его мать относились къ нему далеко не любезно и довели свою небрежность и невнимательность въ обращеніи съ нимъ до послѣдней степени.

На одномъ изъ семейныхъ вечеровъ, старуха Бубнова очень безцеремонно замѣтила при капитанѣ.

— Ахъ, я не выношу моряковъ стараго закала. Ils sont insupportables! Это что-то вѣчно пьющее, какъ бочка. Нашъ милѣйшій Карлъ Францовичъ Гейгъ составляетъ единственное счастливое исключеніе.

Дядю это задѣло за живое.

— Не знаю, про какихъ моряковъ вы говорите. Но вы забываете, сударыня, что Рикорды, Головнины, Бестужевы въ наше время служили или начали свое поприще,— серьезно замѣтилъ дядя, гордо поднявъ голову.

Бубновъ злобно усмѣхнулся.

— Такъ вы и Бестужевыми гордитесь, всѣ какъ!

— Горжусь, отъ всей души горжусь,—не смогнувъ отвѣтилъ дядя.—Это люди были! Они могли увлекаться, но никогда не могли сдѣлаться мелкими барышниками, идущими въ плаваніе изъ-за лишняго гроша, везущими на продажу контрабандное тряпье, разсчитывающими, какъ бы ловчѣе съэкономить и утянуть матросскій грошъ.

— Такъ вамъ, пожалуй, нравится и увлеченіе Бестужевыхъ? Я этого и не зналъ,—шипѣлъ Бубновъ, у котораго уже натягивались и тревожно бились жилы на лбу.

— Не увлеченіе; оно не имѣетъ ничего общаго съ нашимъ разговоромъ о старомъ флотѣ,—твердо и горячо возразилъ дядя.—Объ ихъ увлеченіи я не стану разговаривать съ вами. Да и они расплачиваются за него, а лежачихъ бьютъ только подлецы. Но какъ за честныхъ моряковъ, я всегда стану за нихъ грудью и всегда громко, хоть на площади, повторю за Николаемъ Бестужевымъ все, что онъ написалъ о морской жизни. Онъ понималъ морскую жизнь, какъ братство, какъ семью, и зналъ, что первый раздоръ между моряками будетъ первымъ шагомъ къ гибели флота.

Эти рѣчи были слишкомъ смѣлы для того времени. Въ нашей гостиной смолкли разговоры. Всѣмъ стало какъ-то неловко, почти страшно. Но дядя не унялся. Онъ всталъ и снова обратился къ Бубнову.

— Я понимаю, Григорій Даниловичъ, — сказалъ онъ: — что вы не можете хвалить этихъ людей. Вы служите и хотите составить себѣ карьеру. Это ваша цѣль, и я ничего не могу сказать противъ этого. Но, не имѣя смѣлости высказывать прямо и откровенно своихъ мнѣній, не мѣшайте, по крайней мѣрѣ, другимъ, не спорьте съ ними, если они го-

верить правду. Вы знаете, что я не служу, не связанъ ничѣмъ, и знаете тоже, что я врякъ. И намъ ли говорить о флотѣ? Вы здѣсь на сушѣ, у камелька пригрѣлись, съ берега смотрите, какъ другіе идутъ на борьбу съ бурями — какой же вы морякъ!

Дядя вышелъ въ другую комнату.

— Непріятно, что капитанъ говоритъ у васъ въ домѣ такія вещи,—замѣтилъ адмиралъ Гейгъ.

Этотъ туповатый, выстриженный подъ гребенку и по-солдатски вытянутый нѣмецъ былъ посаженымъ отцомъ и покровителемъ Бубнова, находясь когда-то въ близкихъ отношеніяхъ къ Маріѣ Трофимовнѣ.

Бубновъ пожалъ плечами.

— Что вы станете дѣлать съ этими чудаками! Впрочемъ, я надѣюсь, что дѣла скоро перемѣнятся.

— Вѣдь мало ли что можетъ случиться: онъ скажетъ что-нибудь, а тамъ узнаютъ,—вопросъ: кто его слушалъ, зачѣмъ не заявили, какъ отнеслись къ его словамъ?

Гейгъ озабоченно обводилъ общество безсмысленнымъ взглядомъ струсившаго тупоумія. Казалось, онъ спрашивалъ: ужъ не донесетъ ли изъ васъ, господа, кто-нибудь?

— Да, намъ надо разъѣхаться,—хмуро промолвилъ Бубновъ и перемѣнилъ разговоръ.

Но Гейгъ не ободрялся и покачивалъ головой, о чемъ-то размышляя. На прощаньи онъ еще разъ напомнилъ Бубнову о дядѣ.

— Вы поторопитесь... Мало ли что можетъ случиться. Я ни за кого, я даже за себя не отвѣчаю... Вспомните, какое мы время недавно пережили: холера, Польша!..

Гейгъ многозначительно поднялъ кверху указательный палецъ правой руки.

Бубновъ успокоилъ его.

Дядя мозолилъ Бубновымъ глаза и раздражалъ ихъ своимъ яснымъ спокойствіемъ, являясь безмолвнымъ обличителемъ ихъ дрянности. Онъ понималъ, что онъ лишній въ ихъ домѣ, что ему будетъ легче не видать этой семейной жизни, но медлилъ переѣздомъ, надѣясь взять меня съ собою. Мы обжились съ нимъ въ мезонинѣ и болѣе прежняго любили другъ друга. Ему было жаль оставить меня на жертву. Онъ попробовалъ замѣтить, что пора начать серьезно учить меня.

— Да, я его скоро отдамъ въ школу,—отвѣтилъ ему на это Бубновъ.

Мы сидѣли всѣ въ столовой и пили чай.

— Я думаю, лучше бы его отдать въ Петербургѣ въ школу,—замѣтилъ дядя.

— На полный пансіонъ отдавать его еще рано, а я думаю прежде подготовить его здѣсь въ гимназію и потомъ отослать въ Петербургъ.

— И приготовлять тамъ удобнѣе,—возразилъ дядя.—Впрочемъ, онъ знаетъ почти все, что нужно для вступительнаго экзамена даже во второй классъ. У попа развѣ придется Законъ Божій подучить, ну, да это недолго вызубрить. Я могъ бы взять все на себя и переѣхать съ нимъ на время въ Петербургъ.

— Гдѣ же вамъ, капитанъ, возиться съ нимъ! И, сверхъ того, вы слишкомъ сильно балуете его, а теперь съ нимъ нужна строгость и строгость. Вы меня извините за откровенность, но я долженъ вамъ замѣтить, что и теперь вліяніе вашей излишней доброты очень дурно отражается на его характерѣ.

Дядя вскипятился.

— Извините, я дѣтей притѣснять не считаю возможнымъ и не могу, — сердитымъ басомъ отвѣчалъ онъ, расправляя усы.—Я старый матросъ, я не сморгну подъ пулей, не поблѣднѣю передъ непріятелемъ, но воевать съ дѣтьми, съ беззащитными, у меня силы не хватитъ,—тутъ я самъ слабъ, какъ ребенокъ.

Бубновъ сидѣлъ хладнокровно, положивъ ногу на ногу, и, покуривая сигару, ироническимъ тономъ возразилъ дядѣ:

— Очень жаль, капитанъ, что вы превращаетесь въ этихъ случаяхъ въ малолѣтка, такъ какъ съ дѣтьми-то и не должно быть ребенкомъ, а нужно собрать все свое благоразуміе, всю свою опытность, чтобы не испортить ихъ на всю остальную часть ихъ жизни. Потакая капризамъ и прихотямъ ребенка, родители и вообще старшіе расчищаютъ имъ путь къ каторгѣ.

— Я думаю къ ней гораздо ближе тѣ, которыхъ только били и никогда не умѣли ласкать въ дѣтствѣ,—сурово замѣтилъ дядя.

Бубновъ пропустилъ безъ отвѣта замѣчаніе капитана и продолжалъ развивать свою мысль:

— Сегодня онъ неумышленно, по глупости, сдѣлается причиной чужого несчастія или смерти...

Мать вздрогнула при этихъ словахъ.

— Завтра, — продолжалъ Бубновъ наставительнымъ те-

комъ:—онъ причинитъ то же несчастіе, но причинитъ его съ полнымъ сознаніемъ, потому что онъ не привыкъ подчиняться никакимъ условіямъ, кромѣ своей разнузданной вольной волюшки...

— Ну-съ, а я того мнѣнія держусь, что, тиранія ребенка, вы со всѣми своими мудрыми правилами озлобляете его и дѣлаете негодяемъ,—произнесъ дядя.

Бубновъ улыбнулся и, отпивъ глотокъ чаю, насмѣшливо промолвилъ:

— Вы, капитанъ, всегда горячитесь. У васъ очень пылкая кровь! Кто же станетъ говорить, что тиранить ребенка полезно? Это такъ же дурно, какъ и баловать его. Но вы забыли одно: я вамъ говорилъ, что вы, капитанъ, положительно балуете его, а вы говорите, что тиранить его еще хуже. Но не можете ли вы мнѣ сказать, кто именно здѣсь тиранитъ ребенка?

Бубновъ, постукивая по полу ногой, произнесъ послѣднія слова такимъ холоднымъ и твердымъ тономъ, что моя мать испугалась и поспѣшила вмѣшаться въ разговоръ.

— Полно, Гриша! Конечно, дядя не думалъ, что ты можешь тиранить Володю,—сказала она.—Но ты знаешь, что мнѣ самой иногда кажется, что ты слишкомъ... слишкомъ... жестко, то-есть не то чтобы жестко, а слишкомъ... слишкомъ... равнодушно обращаешься съ нимъ.

Мать робѣла и путалась, подыскивая выраженія.

Бубновъ сострадательно покачалъ головой.

— Ну, тутъ и ты, и капитанъ должны винить только себя,—серьезно замѣтилъ онъ.—Вы до того обабили мальчика, что нужно иногда быть съ нимъ строже, чѣмъ съ другими дѣтьми. Чѣмъ меньше будете вы потакать ему, тѣмъ легче будетъ мнѣ исправить его.

Дядя встрепенулся и заерзалъ пальцами по усамъ.

— О, если только я служу причиной вашей суровости въ отношеніи Володи, то я готовъ уступить вамъ мѣсто,—сказалъ онъ съ искреннимъ чувствомъ.—Я здѣсь пассажиръ, вы капитанъ этого корабля. Вы можете прямо отдать приказъ мнѣ не выходить изъ моей каюты, а нѣтъ, такъ можете меня и просто на берегъ высадить... Впрочемъ, я и самъ объ этомъ подумывалъ.

— Если я васъ хорошо понимаю, то вы говорите о своемъ переѣздѣ?—сухо и вскользь спросилъ Бубновъ, допивъ чай и передавая стаканъ моей матери.

— Кажется, я говорю ясно, и сомнѣній тутъ быть не можетъ.

— Пожалуйста, не клади мнѣ такъ много сахару,—замѣтилъ Бубновъ моей матери и потомъ обратился къ дядѣ:— Ну, капитанъ, покуда вашъ переѣздъ не нуженъ. Намъ очень пріятно, что вами, а не кѣмъ-нибудь другимъ, заняты лишнія комнаты въ нашемъ домѣ.

Мать была обижена за дядю этимъ небрежнымъ тономъ своего мужа и съ грустью промолвила:

— Дядя, какъ тебѣ не стыдно считать себя лишнимъ у насъ!

— Мало ли что бываетъ, мало ли что бываетъ, дитя!— проговорилъ онъ взволнованнымъ и горячимъ голосомъ. — Бываютъ случаи, что живыхъ людей прямо за бортъ выбрасываютъ въ море, такъ-таки, безъ всякихъ церемоній, прямо въ море...

— Фи, дядя! — вздрогнула мать, отвернувшись въ сторону.

Ее возмутила промелькнувшая въ ея воображеніи картина.

— Да, да, дитя, и, повидимому, дорогихъ, близкихъ людей выбрасываютъ. Говорятъ, лучше нѣсколькими пожертвовать, только бы самимъ спастись. Правда, иногда и остальные, принеся эту кровавую жертву, гибнутъ,— гибнутъ, обремененные еще однимъ лишнимъ несмываемымъ грѣхомъ братоубійства,—но вѣдь они спастись думали!

Дядя развелъ руками и всталъ. Онъ былъ взволнованъ, держался особенно прямо и гордо.

— Дай Богъ, чтобы вы были правы, думая, что для спасенія этого ребенка нужно выбросить меня изъ родной семьи,— торжественно обратился онъ къ Бубнову:—дай Богъ! Если же вы ошибаетесь, если вы даже не убѣждены въ пользѣ своего поступка, если для Володи будетъ еще хуже послѣ моего удаленія отъ близкихъ моему сердцу, — то, да проститъ васъ Богъ за то, что вы отравили лишнимъ горемъ и безъ того невеселую жизнь стараго матроса.

Дядя едва говорилъ, въ его голосѣ слышались слезы. Мать поспѣшно встала и подошла къ нему съ утѣшеніемъ на губахъ.

— Ничего, дитя, ничего!—проговорилъ онъ ласково, поотцовски погладивъ ее по головѣ рукою, и тихо вышелъ, отстранивъ ее съ дороги, не давъ ей обычнаго поцѣлуя.

Мать съ глубокимъ упрекомъ во взглядѣ посмотрѣла на мужа. Онъ безстрастно докуривалъ сигару.

— Старый чудакъ! — проговорилъ онъ. — Какъ всѣ эти старые отставные холостяки быстро превращаются въ бабъ!

— Ты его огорчил! — произнесла мать.

— Конечно, как же не огорчиться человѣку, когда ему говорятъ, что онъ своею работой портитъ ребенка, — насмѣшливо промолвилъ Бубновъ. — А какъ ты думаешь, — продолжалъ онъ послѣ минутнаго молчанія, и въ его голосѣ зазвучала рѣзкость: — какъ ты думаешь, не въ правѣ ли огорчиться тотъ, кому говорятъ, безъ всякихъ церемоній, безъ всякихъ основаній на это, что онъ тиранитъ ребенка, притѣсняетъ беззащитнаго? Но тотъ, кому не сказали ничего обиднаго, разрѣчился, и его жалѣютъ, а тотъ, кого хотѣли глубоко оскорбить, молчитъ, и его же обвиняютъ за жестокость. Это образецъ вашей женской логики и непосредственнаго чувства.

Мать сробѣла и сконфузилась.

— Не сердись, Гриша. Мнѣ, право, жаль дядю! — проговорила она виновато.

— Да кто же тебѣ говоритъ, что мнѣ не жаль его? Мнѣ всѣхъ дураковъ жаль. Но мнѣ еще болѣе жаль Владиміра. Дядя отжилъ, а твой сынъ только еще начинаетъ жить.

— Милый мой, умный, люби его! — припала мать къ плечу мужа.

— Ребенокъ! — проговорилъ онъ и приласкалъ ее, какъ малое дитя.

На слѣдующій день дядя объявилъ мнѣ, что онъ скоро переѣзжаетъ отъ насъ. Я сказалъ, что уйду, убѣгу за нимъ.

— Полно, птица моя, — промолвилъ старикъ, лаская меня. — Нужно перенести все, покуда уляжется буря и станетъ дуть попутный вѣтеръ. Пройдетъ еще годъ, и ты тоже переѣдешь съ этого кордона. Я старъ, я слабъ, я не могу болѣе жить здѣсь. Ну, а ты молодъ — крѣпись! Когда-нибудь, скоро, будемъ жить вмѣстѣ.

Я кусалъ губы, чтобы затаить слезы.

— Дядя, останься у насъ еще, голубчикъ! — умолялъ я его.

— Птица, птица моя, развѣ я рвусь, что я уѣзжаю? Меня не хотятъ болѣе держать здѣсь. А развѣ мнѣ легко жить противъ ихъ воли въ ихъ домѣ? Моя шея ужъ не умѣетъ гнуться... Да она и прежде не умѣла гнуться, — махнулъ онъ рукою.

Дядя ходилъ по комнатѣ въ суровой задумчивости.

— Бороться я съ ними, съ этими хитрыми людьми, не умѣю, — говорилъ онъ. — Я съ моремъ, съ бурей, съ открытыми врагами всю жизнь боролся. Крѣпи паруса, мачты

долой, стой съ фитилемъ у пушки, — вотъ что я понимаю, вотъ что я умѣю дѣлать; а подъ чужимъ флагомъ плыть, тайныя вылазки дѣлать, сонныхъ людей въ плѣнъ брать — не приходилось, во всю жизнь не приходилось. Дай Богъ, чтобы и тебѣ не пришлось научиться этой наукѣ. Погибнешь въ открытомъ бою, примешь ударъ съ оружіемъ въ рукѣ, стоя лицомъ къ лицу съ врагами — честь и слава тебѣ. Начнешь тайкомъ подкапываться подъ враговъ, — самого, можетъ-быть, въ подкопѣ завалитъ землей; начнешь прикидываться другомъ враговъ—они же тебя соннаго зарѣжутъ! Смѣлѣй иди прямою дорогой и всему смотри въ глаза: и радости, и горю, и людскимъ неправдамъ! Кровь холодѣетъ отъ нихъ, волосъ дыбомъ становится,—зато крѣпче, честнѣе станешь.

Дня черезъ три дядя объявилъ Бубнову, что онъ нашелъ квартиру въ Петербургѣ.

— Капитанъ, для чего вы такъ торопитесь? — спросилъ Бубновъ.—Правда, ваши три комнаты понадобятся намъ мѣсяца черезъ два подъ дѣтскія, но покуда вы можете спокойно располагать ими.

— Въ томъ-то и дѣло, что не могу спокойно располагать ими,—отвѣтилъ дядя, дѣлая удареніе на словѣ «спокойно».— Да и вамъ лучше будетъ, когда въ домѣ убавится однимъ лишнимъ колесомъ.

— Капитанъ, мнѣ хотѣлось бы разстаться съ вами безъ ссоры, — многознаменательнымъ тономъ замѣтилъ Бубновъ.

— Не знаю, какъ вы хотите разстаться со мною,—грустно сказалъ дядя: — но, видитъ Богъ, что я-то никакъ, ни съ ссорой, ни безъ ссоры, не хотѣлъ разстаться съ Марусей и Володей,—ну, а вотъ все-таки разстаюсь!

Бубновъ нахмурилъ брови.

— Вы опять хотите представить меня человѣкомъ, который угнетаетъ не только младенцевъ, но даже и стариковъ, въ родѣ васъ,—насильно усмѣхнулся онъ.

— Меня угнетать нельзя,—гордо отвѣтилъ дядя.—Если мое сердце болитъ за Марусю и за Володю, то вѣдь мало ли отчего болѣло оно въ жизни! Ихъ, особенно Володю, мнѣ жаль, а лично мнѣ вы ничего не можете сдѣлать. Я уже успѣлъ, слава Богу, перерасти васъ, и могу смотрѣть на людей вашихъ лѣтъ, какъ на мальчиковъ, обрывающихъ крылья у бабочекъ...

Бубновъ пожалъ плечами.

— Будетъ время,—торжественно продолжалъ дядя, при-

стально глядя на Бубнова, плохо скрывавшаго свое нетерпѣніе и раздраженіе: —будетъ время, когда вы увидите, что мнѣ вы ничего не успѣли сдѣлать и что всѣ ваши теперешніе поступки отзовутся только на васъ. Дай вамъ Богъ встрѣтить такъ же ясно и спокойно свою старость, свою смерть, какъ встрѣчаю ихъ я: передо мной, въ часы моихъ молитвъ, не являются ни загубленные мною люди, ни кровавыя тѣни тайно убитыхъ мною враговъ.

— Капитанъ! — яростно воскликнулъ Бубновъ, сдѣлавъ шагъ къ дядѣ.

Дядя спокойно и ясно посмотрѣлъ на него, тихо покачавъ головою.

— Развѣ васъ обижаетъ, что я желаю вамъ въ старости не знать угрызеній совѣсти? — ровнымъ голосомъ произнесъ онъ.

Бубновъ въ кровь закусилъ губы и скороговоркой проговорилъ:

— Прощайте!

Онъ поспѣшно вышелъ изъ комнаты, откуда не торопился выйти дядя. Казалось, въ эту минуту побѣда осталась за дядей, и онъ покидалъ поле битвы просто изъ состраданія къ ничтожному, гнусному врагу, обратившемуся въ бѣгство.

Моя мать очень долго плакала, узнавъ о скоромъ переѣздѣ дяди. Бубновъ старался утѣшить ее и доказывалъ, что все это дѣлается къ лучшему, что это нужно для полноты нашего счастья. Счастье! это слово какъ-то странно звучало теперь для матери. Она не знала, гдѣ это счастье, въ чемъ оно заключается, какъ оно, невѣдомое ей, можетъ быть полнѣе безъ дяди. Любимая мечта минувшихъ дней, оно давнымъ-давно не манило мою мать радужными и яркими призраками, къ которымъ когда-то стремилась она. Нѣжный и страстный любовникъ-мужъ, вѣчно смѣющійся и рѣзвый красавецъ-сынъ, безмятежный и полный старческой красоты отецъ семейства — дядя, жизнь гдѣ-нибудь въ Италіи, въ Малороссіи, подъ сверкающимъ и теплымъ небомъ, — все это разбилось теперь вдребезги, подъ молотомъ будничной, грубой и непривѣтной жизни, не оставивъ въ больной душѣ даже уголка для созданія новаго идеала счастія. Мать тупо старалась приличиться къ хозяйству, тревожиться изъ-за несметеной паутины въ углу, сердиться изъ-за опоздавшаго получасомъ завтрака, утомляться изъ-за чищенья ягодъ для варенья — и, къ несчастію, все это не клеилось въ ея рукахъ, не волновало ее, не занимало ея

времени. А время тянулось убійственно медленно, и каждый звукъ маятника словно говорилъ, что безцѣльному дню, безцѣльной жизни и конца не будетъ. Мать иногда брала романъ,—она такъ любила романы въ былые дни!—и читала, читала,—потомъ книга выпадала изъ рукъ на колѣни...

— Что вы это читаете? спрашивала старуха Бубнова.

— Не знаю,—безсознательно отвѣчала мать.

— Какъ не знаете? Вотъ мило!—смѣялась Марѳа Трофимовна.—Vous êtes distraite!

На щекахъ матери пятнами вспыхивалъ стыдливый румянецъ.

— Да... то-есть я взяла книгу... о хозяйствѣ задумалась,—мѣшалась она и, отложивъ книгу въ сторону, шла въ людскую, звала горничную и дѣлала выговоръ, что пыль не сметена съ мебели.

Нѣтъ, не пыль отвлекала ея вниманіе отъ книги, терзала ея душу!

Противъ всѣхъ моихъ ожиданій, мнѣ стало не хуже жить безъ дяди. Правда, я чувствовалъ какую-то пустоту вокругъ себя, какой-то холодъ, но острой, жгучей боли во мнѣ не пробуждало ничто. Казалось, изъ дому вынесли дорогого для меня покойника, и всѣ прежніе враги, не сдѣлавшись моими друзьями, забыли обо мнѣ, перестали меня преслѣдовать, какъ неопаснаго непріятеля, не имѣющаго сильнаго союзника. Это не было слѣдствіемъ уваженія къ чужой скорби, но просто слѣдствіемъ презрѣнія къ ничтожеству непріятельскихъ силъ. Я ходилъ въ школу, сидѣлъ въ своей, бывшей дядиной, комнатѣ, появлялся въ семьѣ только во время обѣдовъ, чая, завтраковъ, наслаждался подчасъ довольно холодными и сдержанными ласками матери, но и то только въ отсутствіи моего отчима и старухи Бубновой. Меня старались не замѣчать. Все было направлено въ эту пору къ спокойствію матери, все дышало приготовленіями къ величайшему торжеству въ домѣ—къ рожденію бубновскаго наслѣдника. Наконецъ, насталъ этотъ торжественный, давно ожидаемый день. Я былъ удаленъ отъ моей матери, чтобы снова не погубить другого брата.

— Ахъ, ради Бога, скажите этому несчастному мальчику, чтобы онъ не бѣгалъ по лѣстницѣ,—молила Марѳа Трофимовна, обращаясь къ прислугѣ.

— Скажи ему, что я его веревками перевяжу,—добавлялъ Бубновъ, посылая ко мнѣ денщика.

Но не нужно было никакихъ угрозъ для того, чтобы

я сидѣлъ смирно въ эти дни. Я снова вспомнилъ теперь, какъ, слишкомъ гордъ тому назадъ, я былъ причиной смерти моего брата, какъ я мучился на чердакѣ. По какому-то инстинктивному желанію посмотрѣть на мѣсто своихъ первыхъ мученій, я пошелъ на чердакъ. Тамъ все было по-старому, тѣ же два выбитыя стекла, тотъ же хламъ въ углу, тѣ же бечевки подъ потолкомъ и та же яркая, еще не смытая ни людьми, ни временемъ надпись: «мая навекъ». А гдѣ же та рука, которая чертила въ минуту юной любви эти слова? Гдѣ та цвѣтущая дѣвушка, которая дала обѣтъ этой вѣчной любви? Мнѣ вспомнилось утро, когда Василій какъ бы прошелъ передъ моими глазами сквозь строй, и мнѣ стало жутко; изъ глазъ полились слезы... А тамъ внизу, быть-можетъ, шли въ эту минуту первыя радости отца и матери, услыхавшихъ первый крикъ новорожденнаго младенца. Я сталъ на колѣни и тихо началъ молиться: «Господи, спаси маму, дядю, брата, Настю, всѣхъ, всѣхъ добрыхъ и бѣдныхъ людей!» Я перечислялъ всѣ имена знакомыхъ мнѣ лицъ, и не молился только за Бубнова и за его мать. Я ненавидѣлъ ихъ всѣми силами страстной дѣтской души.

Черезъ нѣсколько дней позвали меня къ матери. Мать была одна.

— Посмотри на своего брата,—сказала она.

Я на цыпочкахъ подошелъ къ мѣсту, гдѣ лежалъ мой братъ, и осторожно приподнялъ надъ нимъ кисею. Передо мной лежалъ спеленатый, какъ куколка, ребенокъ съ краснымъ, неузнаваемымъ лицомъ.

Мнѣ очень хотѣлось поцѣловать его, но я не смѣлъ: я боялся, что онъ проснется и заплачетъ, что объ этомъ узнаютъ Бубновы, и что меня снова обвинятъ въ покушеніи на убійство. Осторожно опустивъ кисею, я отошелъ отъ брата. Моя мать, тревожно слѣдившая за каждымъ моимъ движеніемъ, кажется, удивилась, что я не поцѣловалъ его, но ничего не сказала мнѣ насчетъ этого.

— Люби Мишу!—промолвила она.—Онъ маленькій, не обижай его.

— Я буду его любить,—въ смущеніи отвѣтилъ я.

Мнѣ показалось, что и мать сомнѣвается въ моей способности любить брата.

Она вздохнула.

— Ну, ступай,—промолвила она.

Я пошелъ.

— Ты даже не поцѣловалъ и меня,—замѣтила она мнѣ съ упрекомъ.

Я вернулся и, потупивъ глаза, поцѣловалъ ея руку.

— Какой ты нынче странный!—произнесла она.—Здоровъ ли ты?

— Я здоровъ.

— Такъ что же съ тобой?

— Ничего!

— Ты мнѣ скажи, если кто-нибудь обидѣлъ тебя...

Я, насупивъ брови, молчалъ. Моя мать вздохнула и снова промолвила мнѣ:

— Ступай!

Я вышелъ снова на цыпочкахъ, осторожно.

Съ этого дня моя мать начала слѣдить за моими отношеніями къ брату и замѣчала, что я не цѣлую его, что я не играю съ нимъ,—это убѣдило ее, что я не люблю брата. Старуха Бубнова, съ своей стороны, въ качествѣ пятаго колеса нашей семейной машины, отъ бездѣлья производила свои наблюденія и сообщала матери, что братъ меня не любитъ, что у него есть, какъ у чистаго ангела, отвращеніе ко мнѣ. Дѣйствительно, братъ не любилъ меня: онъ шелъ ко всѣмъ на руки, но я не смѣлъ протянуть ему своихъ рукъ, и онъ не тянулся ко мнѣ. Онъ подставлялъ свои губы для поцѣлуевъ всѣмъ, за исключеніемъ меня, потому что я никогда не рѣшался поцѣловать его. Онъ отворачивался отъ меня, какъ отъ неинтереснаго собесѣдника, и лѣзъ къ кому-нибудь, кто смѣлъ взять его на руки и няньчиться съ нимъ. Меня тяготили эти натянутыя отношенія, и я радовался возможности не быть въ одной комнатѣ съ моимъ маленькимъ братомъ. Ему было около года. Я въ эту пору уже мечталъ о скоромъ поступленіи въ гимназію, когда въ одинъ прекрасный день у меня сдѣлалась корь. Я слегъ въ постель. Дня черезъ три начались признаки той же болѣзни и у брата. Онъ заразился ею отъ меня.

Бубновъ былъ въ отчаяніи, хотя болѣзнь была незначительна.

— Этотъ ребенокъ,—говорилъ онъ про меня:—рѣшительно вноситъ несчастіе въ нашу семью. На немъ точно проклятіе какое-то лежитъ!

Мать содрогнулась отъ этихъ словъ. Она вспомнила слова своего отца: «Не Богъ, а дѣти тебѣ покажутъ, что значитъ идти въ разбродъ съ честнымъ отцомъ». Запуганная окончательно мужемъ и его матерью, болѣзненная, нервная, до-

шедшая до набожности не вслѣдствіе инстинктивнаго стремленія къ высшему заступнику несчастныхъ, а вслѣдствіе страха передъ невѣдомымъ, грознымъ мстителемъ за наши ошибки, она теперь суевѣрно, съ лихорадочнымъ ужасомъ, смотрѣла на меня, какъ на живой бичъ карающаго, гнѣвнаго Бога, посланный ей въ наказаніе за грѣхи. Она по цѣлымъ часамъ, стоя на колѣняхъ, молилась за спасеніе другого, невиннаго ребенка, призывала гнѣвъ Божій только на себя одну и, наконецъ, рѣшилась удалить меня изъ дома тотчасъ послѣ моего выздоровленія. Я поправился довольно скоро.

— Молись, молись за брата,—говорила мнѣ мать.—Ты опять можешь сдѣлаться невольнымъ виновникомъ смерти второго брата. Это потому, что ты никого не любишь, что ты капризный, упрямый и злопамятный ребенокъ...

— Мама, мама, если бы ты знала, что я вынесъ, что я видѣлъ!— не выдержалъ я и зарыдалъ передъ нею.

Я мучился, сознавая, что съ каждымъ днемъ я все болѣе и болѣе теряю ея любовь.

— Всѣ должны безропотно нести свой крестъ!—сухо замѣтила она, уже не трогаясь моими слезами.—Терпѣнія, смиренія у тебя нѣтъ! Молись, чтобъ Богъ смягчилъ твое жестокое сердце.

Она говорила глухо и черство, какъ говорятъ схимники, пророчащіе гибель грѣшному міру. Въ ея голосѣ было что-то рѣзкое, сухое и безсердечное. Глаза ея горѣли, но были сухи, какъ ея запекшіяся губы, какъ все ея лицо. Изрѣдка голосъ ея обрывался, и слышался удушливый, напоминающій о смерти кашель.

— Богъ съ тобой, поѣзжай, — шептала она, отправляя меня.— Молись больше, тебѣ нужна молитва.

Я покидалъ родительскій домъ съ сухими глазами, но съ жгучею, тайною болью. Я, повидимому, разлюбилъ мать и никогда не любилъ брата, но, между тѣмъ, я тревожно искалъ на лицѣ матери хотя единаго проблеска ласковой улыбки, я умѣлъ бы въ слезахъ къ ея ногамъ, если бы я могъ хоть на минуту подмѣтить на ея лицѣ этотъ желанный лучъ любви: но ея лицо было сурово, какъ могила, схоронившая навсегда всѣ радости, всѣ надежды и хранящая только слѣды страданія, ужаса и смерти. Въ ночь передъ своимъ отъѣздомъ я на цыпочкахъ пробрался въ комнату брата и наклонился надъ его голубельемъ. Долго я разсматривалъ это чистое и милое младенческое личико съ полуоткрытыми губ-

ками. Здѣсь мысленно я давалъ обѣты быть вѣчно, вѣчно защитникомъ брата и не покидать его никогда. Тихо склонился я къ его дѣтской головкѣ и осторожно поцѣловалъ его. Мнѣ казалось, что это дитя улыбнулось въ отвѣтъ на мой первый поцѣлуй. Мнѣ хотѣлось разбудить его, взять его на руки, покрыть поцѣлуями, сказать, что я не злой, что я не врагъ ему, что я никогда не убивалъ его брата, что я подставлю за него свою грудь. Дитя, что поняло бы ты изъ этихъ смутныхъ и отрывочныхъ рѣчей болѣзненнаго и страстнаго мальчика? Или, можетъ-быть, ты поддалось бы его искренней ласкѣ и прильнуло бы своими дѣтскими губками къ этимъ губамъ, никогда до сихъ поръ не цѣловавшимъ тебя?..

Двери родного дома затворились за мной.

Передо мной открывалась новая дорога: выброшенный изъ своей старой семьи, изъ своего стараго гнѣзда, я вступалъ въ столицу, въ центръ общественной жизни, гдѣ мнѣ нужно было учиться, чтобы имѣть силы и средства сдѣлаться членомъ, помощникомъ, слугой моей новой семьи— общества.

— Ну, братъ, теперь мы оба на берегу,—говорилъ мнѣ мой милѣйшій дядя, Петръ Акимовичъ, встрѣчая меня въ своей петербургской квартирѣ.—Поплывемъ дальше.

VII.

Въ мирномъ жилищѣ стараго холостяка.

Дядя занималъ двѣ комнаты отъ жильцовъ. Кромѣ дяди, въ этой же квартирѣ жили два холостые чиновника, одинъ комиссаріатскій, другой почтамтскій, да занимала маленькую каморку тридцатилѣтняя дѣвица Фуфайкина, вскрикивавшая и потуплявшая глаза при встрѣчахъ въ коридорѣ съ дядею и двумя чиновниками. Хозяйка, шведка, вѣчно страдавшая флюсомъ, жалась съ своимъ больнымъ, чахоточнымъ мужемъ за ширмами въ кухнѣ. Комнаты у дяди были недурны; онъ обставился въ нихъ совершенно по-холостому. Входя къ нему, можно было сразу угадать, что здѣсь живетъ холостякъ пожилыхъ лѣтъ. На стѣнахъ висѣли картины довольно свободнаго содержанія, изображавшія барыню въ ночномъ костюмѣ, спасаемую молодымъ человѣкомъ во время пожара, гречанку съ непозволительно-открытой грудью и томными глазами, двухъ католическихъ монахинь, воюющихъ въ кельѣ передъ лежащимъ на полу и схватившимся за бока отъ смѣху юношей. Всѣ эти картины были ярко раскрашены

и обклеены въ рамки изъ пестрой стальной бумаги, — рамки были, очевидно, домашняго издѣлія. Въ углу кабинета, гдѣ за ширмами помѣщалась кровать, около широкаго турецкаго дивана, стоялъ особаго рода табачный столъ, какихъ теперь уже почти не существуетъ. Средина этого стола состояла изъ шестиугольнаго, выложеннаго свинцомъ и наполненнаго табакомъ, ящика; вокругъ ящика, въ краяхъ, были сдѣланы круглыя отверстія для чубуковъ. Въ то время еще курился «Жуковъ». Чубуковъ здѣсь было множество, одни красовались въ голубыхъ съ бѣлыми гирляндами бисерныхъ чехлахъ, другіе были украшены затѣйливо вырѣзанными янтарями. У окна стоялъ письменный столъ, на которомъ вмѣсто письменныхъ принадлежностей виднѣлись обрѣзки стальной и синей матовой бумаги, картоны и бордюры, тутъ же стояла чашка съ крахмаломъ, лежали трехугольники, линейки и перочинные ножи. Подъ столомъ покоилась, почивая мирнымъ сномъ на кожаной подушкѣ, «Сучка», лягавая собака, державшаяся преимущественно для подаванія туфлей, для стоекъ надъ сухаремъ, для разыгрыванія роли умершей и тому подобныхъ штукъ. На охоту она ходила рѣдко, и то не съ здѣсь, а съ кѣмъ-нибудь изъ его многочисленныхъ друзей. Но это обстоятельство нисколько не мѣшало дядѣ повѣсить на стѣну крестообразно два ружья надъ головою «турчанки», подъ которою висѣли пороховница, дробовикъ и жестянница. Всѣ эти вещи, отлично отполированныя и блестѣвшія дѣственною чистотой, придавали очень милый видъ и стѣнѣ, и «турчанкѣ». По другую сторону дивана помѣщалась этажерка съ книгами. Тотчасъ же послѣ моего пріѣзда нѣкоторыя книги почему-то исчезли съ этажерки. Точно такъ же исчезли со стѣны, висѣвшія надъ этажеркой, двѣ картинки. Черезъ нѣсколько времени я отыскалъ и эти книги, и эти картинки, наскоро засунутыя дядею за его кровать. Но, къ моему удивленію, содержаніе картинокъ, снятыхъ со стѣны, и гравюръ, украшавшихъ книги, осталось для меня совершенно непонятнымъ. Я не могъ сообразить, почему дядя спряталъ ихъ, и заключилъ только одно, что на нихъ, повидимому, изображена какая-то иностранная баня. Кромѣ всего этого, у дяди повсюду лежало множество рамокъ, коробочекъ, шкатулочекъ; онѣ ясно показывали, что онъ посвящаетъ свои досуги клеенію различныхъ картонныхъ бездѣлушекъ. Клееніе рамокъ и коробочекъ, украшавшихся мелкими вырѣзанными картинками комическаго содержанія, было тогда въ такой же модѣ, какъ передъ крымской войной занятіе потишома-

ніей, а въ настоящее время пильной работой. Скука изобрѣтательна на игрушки. Такъ какъ въ описываемое мною время вся жизнь дяди была сплошнымъ досугомъ, и такъ какъ вѣчно клеить невозможно, то онъ и старался проводить возможно большее количество времени за чаемъ, кофе, обѣдомъ; извѣстное число часовъ онъ убивалъ на прогулку, на обученіе собаки, на ея кормленіе; иногда онъ шелъ куда-нибудь подальше завтракать въ трактиръ, чтобы убить утро. У него явились трактирные знакомые; явились знакомые по собакѣ, то-есть они брали его собаку на охоту, или онъ бралъ ихъ собакъ на-племя. И какъ просто завязывались эти знакомства! Идетъ, бывало, дядя съ своею «Сучкой» по Невскому проспекту или по Морской, вдругъ его нагоняетъ и останавливаетъ незнакомый господинъ.

— Извините! Это ваша собака?—спрашиваетъ прилично одѣтый незнакомецъ.

— Моя,—отвѣчаетъ не безъ гордости дядя.

— Не продадите ли вы ее?

— Нѣтъ-съ. Я самъ радъ, что успѣлъ ее пріобрѣсти.

— Благородный песъ! У меня есть одинъ точно такой же. Вотъ бы поддержать племя!

— Гм!—кашляетъ многозначительно дядя.

— Если вы позволите, вашъ адресъ!

Дядя даетъ подробный адресъ своей квартиры и спрашиваетъ, съ кѣмъ онъ имѣетъ честь говорить.

— Петръ Григорьевичъ Ефимовъ,—отвѣчаетъ незнакомецъ.

— Скажите, не встрѣчалъ ли я васъ въ Лондонѣ?—задумывается дядя.

— Очень можетъ быть, я былъ при посольствѣ.

— Ба! такъ мы старые знакомые!

Ефимовъ и дядя въ восторгѣ. Оказывается, что они оба страстно любятъ собакъ, оба холосты, оба путешествовали, оба принадлежатъ къ числу совершенно свободныхъ и живущихъ на свои небольшіе капиталы людей. Затѣмъ дѣло обставлялось долгими переговорами, визитами другъ къ другу и тому подобными церемоніями, занимавшими довольно большое количество часовъ. Послѣ всего этого Ефимовъ и дядя дѣлались пріятелями.

Ежедневно проводилъ дядя извѣстный промежутокъ времени въ разговорахъ съ хозяйкою. Выйдетъ, бывало, онъ, будто бы случайно, въ коридоръ изъ своей комнаты, а она въ это время проходитъ въ кухню изъ комнаты почтамтскаго

чиновника, Матвѣя Трифоныча Семкина,—ну, и начинается бесѣда:

— А что, Христина Карловна, какъ ваши зубы?—спрашиваетъ дядя.

— Ахъ, бѣдные мои зубы, ахъ, несчастные мои зубы! Опять флюсъ!—восклицаетъ хозяйка.

— Не хорошо, не хорошо! Вы бы къ доктору сходили.

— Лавочникъ теперь взялся лѣчить. Кладетъ онъ заговоренный прутъ отъ вѣника и лицомъ къ мѣсяцу вѣлитъ становиться и растирать, растирать щеку.

— Ну, и трете?

— Нѣтъ, не тру.

— Ай, ай, ай, что же вы запускаете болѣзнь?—съ упрекомъ качаетъ головой дядя.

— Да мѣсяца теперь нѣтъ!

— Да! Вотъ оно что!—задумывается дядя.—Ну, нечего дѣлать, съ Богомъ спорить не станешь,—подождите.

— Вотъ и жду! А ужъ какъ болятъ, какъ болятъ!

— Ну, а мужъ-то что? — справляется дядя о мужѣ хозяйки.

— Все лежитъ, все лежитъ! Кашлялъ сегодня, всю ночь кашлялъ.

— Лѣчиться, лѣчиться ему надо!

— Тутъ доктора не помогутъ: теперь ледъ на Невѣ идетъ, вотъ онъ и хвораетъ.

— Ну, авось скоро установится... А не слыхали, что Нева-то не встала?

— Нѣтъ, лавочникъ говорилъ, что еще не встала... Я пойду, тамъ у меня котлеты... Рубить надо...

— Ступайте, ступайте съ Богомъ.

Хозяйка идетъ на кухню. Дядя задумчиво стоитъ у дверей и потомъ кричитъ ей вслѣдъ:

— А что, Дормидонъ Дормидонычъ не возвращался?

— Нѣтъ еще! Богъ его знаетъ, запоздалъ что-то, — откликается хозяйка.

— Дѣла, вѣрно; ревизія какая-нибудь!— разсуждаетъ дядя и задумывается о Дормидонѣ Дормидоновичѣ Тюшинѣ, и о ревизіи въ комиссаріатѣ, и о своемъ свободномъ времени, которое надо употребить съ пользою, то-есть на клееніе коробочекъ и рамокъ.

Конечно, при такомъ образѣ жизни коробочки и рамки клеились довольно медленно, и дядя, тайно радуясь множеству занятій, иногда жаловался, что у него нѣтъ времени

доклеить ту или другую вещь. Засѣвъ за работу, онъ углублялся въ нее со всею свойственною ему философскою серьезностью и обдуманностью. Но не проходило и часу, какъ въ коридорѣ раздавался осторожный звонокъ.

— Дормидонъ Дормидонычъ вѣрно изъ должности идетъ,— мысленно разсуждалъ дядя.—Скоро и Володька прибѣжитъ. Надо велѣть накрывать на столъ.

Оставивъ работу, онъ отправлялся въ коридоръ и ощупью пробирался въ кухню.

— Ахъ!—раздавался подъ самымъ его ухомъ болѣзненный крикъ Антониды Павловны Фуфайкиной.

— Виноватъ-съ!—вскрикивалъ въ свою очередь дядя.—Вѣроятно, на ногу-съ наступилъ. Темно здѣсь.

— Нѣтъ-съ,— слышался застѣнчивый шопотъ.—Я такъ.

— А то, знаете, у кого мозоли, такъ это, чортъ побери, какая боль, если наступятъ!—разсуждалъ дядя.

— Что вы говорите! — сконфуженно шептала дрожащая дѣвица Фуфайкина и удалялась въ свою каморку.

Въ это время въ коридорѣ весело и рѣзко снова звенѣлъ колокольчикъ, шаловливо подергиваемый нетерпѣливой дѣтской рукой. Дядя бѣжалъ отъ кухонныхъ дверей къ входнымъ дверямъ и уже издали кричалъ:

— Слышу, слышу, Володенька!

— Ахъ! — раздавался испуганный крикъ, и мимо дяди, какъ летучая мышь, шурша накрахмаленнымъ платьемъ, прошмыгивала въ свою каморку дѣвица Фуфайкина.

— Фу, какъ испугала, чортъ побери! И когда это она опять въ коридоръ успѣла выйти?—разсуждалъ дядя, отыскивая крючокъ у двери.

Черезъ минуту, вприскочку я летѣлъ въ комнату и кричалъ:

— Обѣдать, обѣдать, дядя! Проголодался, какъ собака! А у тебя еще и не накрыто. Давай, я самъ накрою столъ.

Бросивъ книги на полъ, я бѣжалъ въ кухню, хваталъ тарелки, ножи, вилки, снова мчался въ комнату дяди, снова несся въ кухню, подпрыгивалъ, шалилъ, а дядя, весь раскраснѣвшійся, едва переводя духъ, возился у стола. Наконецъ, мы садились обѣдать.

— Ну, что ученье?—спрашивалъ дядя.

Это было уже мѣсяца черезъ два послѣ моего поступленія въ гимназію.

— Ничего, идетъ. Только скучно, дядя.

— Ну, братъ, корень ученія...

— Что ты толкуешь! Научился же я у тебя говорить по-французски и по-нѣмецки безъ скуки. А тутъ ковыряешь, ковыряешь столы, пока учитель тянетъ: mein Vater ist gut und dein Vater ist gut, meine Mutter ist gut und deine Mutter ist gut. Иногда просто вздремнешь.

— Не хорошо, птица!

— А зачѣмъ они скверно учатъ?

— Значитъ лучше не умѣютъ!—серьезно замѣтилъ дядя въ отвѣтъ на мою первую жалобу на учителей.—А ты все-таки учись.

— Ну, а ты что наклеилъ?

— Какая тутъ клейка! «Сучка» сегодня что-то прихворнула. А тутъ пришла наша Христина Карловна, жалуется на зубную боль, поболтали съ нею, глажу и Дормидонъ Дормидонычъ идетъ. Ну, думаю, теперь и Володька скоро вернется. А ты тутъ, какъ тутъ! Что это только съ Фуфайкиной: какъ ни выйдешь, она, какъ бѣльмо на глазу, въ коридорѣ—и ахаетъ!

Дядя всталъ, чтобы велѣть подать слѣдующее кушанье, и вышелъ въ коридоръ: у самыхъ нашихъ дверей раздалось пронзительное «ахъ».

— Тьфу ты, проклятая!—прошепталъ дядя, возвращаясь въ комнату.

Я хохоталъ до слезъ.

— Да что она у васъ все ахаетъ? — сердито спросилъ дядя у хозяйки, подававшей кушанье.

— Она—барышня, мужчинъ боится.

— Да за какимъ же дьяволомъ она все въ коридоръ выходитъ?

— Ахъ, какой вы! — покачала головой хозяйка, выходя изъ комнаты.

— Не понимаю! Рѣшительно ничего тутъ не понимаю!—разсуждалъ дядя.

Окончивъ обѣдъ, дядя, по обыкновенію, легъ отдыхать. Я сѣлъ за уроки и поигрывалъ, между прочимъ, съ «Сучкой», валяясь на мягкомъ турецкомъ диванѣ.

— Ты, Володька, сладкаго не хочешь ли? Тутъ въ шкапу, на нижней полкѣ, есть пастила, — говорилъ изъ-за ширмъ дядя, поворачиваясь на другой бокъ.

— Проснешься, вмѣстѣ поѣдимъ!—откликнулся я съ дивана, обогрѣвшись на этомъ мягкомъ ложѣ.

— Да я и теперь не сплю. Что-то безсонница нынче мучаетъ. Ворочаешься-ворочаешься, а сна все нѣтъ. Ста-

рость, братъ, видно, подходитъ. Вотъ и кости ломитъ. Тьфу ты, проклятая, опять ахнула!— проворчалъ дядя, услышавъ за стѣной испуганный крикъ Фуфайкиной.—Это вѣрно Матвѣй Трифонычъ пришелъ.

Черезъ четверть часа дядя начиналъ присвистывать и выводить различные трубные звуки горломъ. Его храпу подтягивала и «Сучка», жалобно тявкая во снѣ. Подучивая уроки, я думалъ въ это время: «вѣрно письмо будетъ, что «Сучка» во снѣ лаетъ». Уроки уже были приготовлены, когда въ кабинетъ шумно вошла хозяйка и опустила на полъ дрова. Полудремотно, въ полумракѣ, я смотрѣлъ, какъ она укладывала въ печь полѣнья, какъ потомъ они начинали медленно разгораться и трещать, выбрасывая яркія искры. «Вѣрно гости будутъ», думалось мнѣ. За ширмами раздавался скрипъ кровати: это потягивался проснувшійся дядя.

— Печь затопили, мадамъ?—спросилъ онъ

— Да.

— Ну, и хорошо. Теперь чайку напьемся около огонька. А что Дормидонъ Дормидонычъ не ушелъ?

— Дома.

— И Матвѣй Трифонычъ у себя?

— Сейчасъ встали. Соснули немного.

— Ну, пойду погляжу, что они дѣлаютъ. А ты, Володька, зажги свѣчи.

Еще черезъ нѣсколько минутъ въ комнату возвратился дядя, а за нимъ неслышными шагами двигались два чиновника: толстый и лысый, вѣчно улыбающійся и вѣчно конфузящійся, Дормидонъ Дормидонычъ Тюпинъ, и худой и мрачный, вѣчно занимающійся богословскими вопросами, Матвѣй Трифонычъ Семкинъ.

Недавно одинъ ученый замѣтилъ, между прочимъ, что портняжное ремесло ведетъ къ трусости и воровству, а занятіе сапожниковъ развиваетъ мудрствованіе и революціонныя идеи. Не думайте, что я заговорилъ объ этомъ для того, чтобы предложить обществу ходить безъ сапогъ. Давать такіе совѣты значило бы посягать на здоровье общества. Я просто хочу дополнить эти выводы, хотя и не знаю, можно ли теперь серьезно дѣлать ихъ, но если можно, то я предлагаю вопросъ: не зависѣли ли характеры Семкина и Тюпина отъ рода ихъ занятій? Тюпинъ изъ бѣдныхъ, забитыхъ армейскихъ офицеровъ попалъ въ мелкіе комиссаріатскіе чиновники и, постоянно распекаемый начальствомъ,

зорко слѣдящимъ, не думаетъ ли онъ ее по чину взять взятку, слѣдующую высшимъ, очень легко могъ привыкнуть конфузиться при всякомъ разговорѣ, предчувствуя вездѣ близость распеканій. Такъ же легко могъ онъ привыкнуть къ постояннымъ улыбочкамъ, имѣя ежедневно передъ глазами тузовъ-подрядчиковъ изъ рода самодуровъ, которые любятъ только преемствующихся. Хотя Тюпину, какъ мелкой сошкѣ, и не перепадало взятокъ отъ этихъ тузовъ, но, гѣмъ не менѣе, отъ нихъ отчасти зависѣла его судьба, такъ какъ они имѣли вліяніе на начальство, и не подлыбываться къ нимъ, не улыбаться передъ ними заискивающей улыбочкой было невозможно. Есть еще болѣе вѣроятія въ предположеніи о вліяніи службы на характеръ Семкина. Почтамтъ, какъ извѣстно, всегда давалъ самый большой процентъ мистиковъ и масоновъ. Рѣдкость распеканій со стороны начальства, не вмѣшивающагося въ малоинтересную раздачу писемъ, и, напротивъ того, возможность ежедневно распекать отъ скуки публику, несущую и получающую письма и посылки; почти механическій трудъ раздачи корреспонденціи, оставляющій въ праздности умственныя способности: можетъ-быть, размышленія о тайнахъ писемъ летящихъ со всѣхъ концовъ свѣта,— все это могло способствовать развитію нѣкотораго свободомыслія и стремленія философствовать о судьбахъ человѣчества или впасть въ мистицизмъ и заняться разрѣшеніемъ религіозныхъ вопросовъ. Я не вижу серьезныхъ изслѣдованій и потому предоставляю разрѣшить эти вопросы болѣе глубокимъ умамъ. Для меня важно только то, что Семкинъ и Тюпинъ были характерныя личности того времени.

— Къ огоньку, къ огоньку, — радушнымъ тономъ говорилъ дядя своимъ гостямъ.

Гости, одѣтые по-домашнему, въ рваные и замасленные халаты, усѣлись къ огню, и мрачный старецъ, Матвѣй Трифонычъ, обратился ко мнѣ съ своимъ обычнымъ вопросомъ:

— Благополучно ли изволили окончить труды дневные?

— Я приготовилъ уроки,—отвѣтилъ я.

— И возблагодарили Всеблагаго за ниспосланныя на вашу долю силы?

Я молчалъ.

— Всеблагаго надо благодарить. Ниспосылаетъ Онъ каждой своей твари нужную ей силу и совершаетъ она въ посильной работѣ, покрытая потомъ, путь свой во славу Всеблагаго, Всещедраго духа.

— Какъ? Что? Кто смѣетъ о религіи толковать? А, это вы, Матвѣй Трифонычъ! Какъ живете? Шелъ къ Дормидону Дормидонычу. Хозяйка говоритъ: «у сосѣда въ гостяхъ!» — А холостой? — спрашиваю. — «Холостой», говоритъ. — Ладно, говорю, что за церемоніи! Иду. Позвольте, гдѣ же хозяинъ?

Эти слова, соскакивавшія съ языка неожиданнаго гостя, какъ горный потокъ съ камней, были произнесены совершенно незнакомою мнѣ и дядѣ личностью, внезапно появившеюся въ кабинетѣ. Трудно было предвидѣть, какъ коротко суждено намъ познакомиться съ этимъ человѣкомъ. Неизвѣстная личность имѣла длиннѣйшіе и ужасающіе черные усы, торчавшіе въ обѣ стороны и доходившіе до плечъ, подвязанную черной косынкой руку и потертый, блестящій саломъ, военный мундиръ. Дормидонъ Дормидонычъ сконфузился, улыбнулся и заерзалъ на стулѣ, обращаясь къ дядѣ съ извиненіемъ за своего знакомаго, но тотъ перебилъ Тюпина.

— Имѣлъ удовольствіе видѣть капитана на охотѣ. Варили кашу, — отрывисто произнесъ незнакомецъ, глядя на дядю, вышедшаго изъ-за ширмъ. — А вы меня знаете? — спросилъ онъ надменнымъ тономъ.

— Не имѣю этой чести,—отвѣтилъ въ смущеніи дядя.

— Сашка Ярышкинъ, на я ударѣніе! — гордо произнесъ отставной офицеръ, закручивая концы усовъ и мѣряя дядю глазами, будто желая узнать, не провалится ли дядя подъ землю отъ изумленія, услышавъ эту фамилію.

Но дядя, къ сожалѣнію, ничего не слыхалъ объ Ярышкинѣ, а потому и не провалился подъ землю.

— Очень пріятно познакомиться, — проговорилъ онъ. — Но, къ несчастью, до сихъ поръ не имѣлъ чести слышать вашей фамиліи.

— Что? Не слыхали? Удивительно! Непостижимо! Сашка Ярышкинъ, Сашка Ярышкинъ! Да меня весь Петербургъ знаетъ, вся Россія знаетъ, отъ горъ могучаго Кавказа до нашихъ невскихъ береговъ.

Дядя сконфузился за свое незнаніе.

— Извините,—пробормоталъ онъ.—Но я постоянно проводилъ жизнь на морѣ, пріѣзжалъ...

— Да, да, конечно! Скитальческая жизнь. Вдали отъ родины... море, — заговорилъ покровительственнымъ тономъ Ярышкинъ, какъ бы оправдывая дядю за его невѣдѣніе.— Самъ въ нѣкоторомъ родѣ былъ изгнанникомъ страны род-

кій. Былъ сосланъ. Десять лѣтъ на Кавказѣ... пять пулями.

— Скажите, пожалуйста! — скорбно воскликнулъ дядя.

Въ это время подали чай, ромъ, сливки, сухари и пастилу. Дормидонъ Дормидоновичъ съ соболѣзнованіемъ, какъ мокрая курица, посмотрѣлъ на эти яства и попробовалъ встать съ мѣста.

— Ужъ я пойду-съ къ себѣ,—жалобно произнесъ онъ съ печальной улыбкой.—Гостя надо принять.

— Помилуйте, зачѣмъ же?—началъ дядя.—Если господину Ярышкину...

— Ярышкину, на я ударенію,—грозно произнесъ отставной кавказецъ.— Я дворянинъ. Происхожу не отъ какого-нибудь ярышки. Ярь былъ, гдѣ отличились мои предки. Ярышкиными и именовались съ тѣхъ поръ.

— Извините,— пробормоталъ сконфуженный дядя и обратился къ Тюпину.—Я попрошу васъ, Дормидонъ Дормидонычъ, остаться у меня, и мнѣ будетъ пріятно угостить господина Ярышкина.

Тюпинъ вздохнулъ и отеръ салфеткою потъ со своего лба и затылка.

— Благодарю!—произнесъ небрежно Ярышкинъ и, осматривая комнату ястребиными глазами, подошелъ ко мнѣ.

— Учитесь?—спросилъ онъ.

— Учусь,—отвѣтилъ я.

— Военнымъ будете?

— Статскимъ.

— Баба!

Ярышкинъ повернулся на каблукахъ, присѣлъ къ чайному столу и небрежно развалился на турецкомъ диванѣ, захвативъ самый большой изъ чубуковъ и пуская въ присутствующихъ клубы дыма.

— Позвольте спросить, если это не будетъ нескромностью, за что были на Кавказъ переведены?—спросилъ дядя, разливая чай.

— Не переведенъ: сосланъ!—пустилъ клубъ дыма Ярышкинъ.

— Да, сосланы,—поправился дядя.—За что же?

— За благородство души!

Дядя такъ и замеръ отъ удивленія, держа въ воздухѣ поднятый чайникъ.

— Благородство души и неукротимость!—повторилъ кавказецъ.—Я неукротимъ! Вы меня не знаете! Я неукротимъ!

Ссора- бацъ въ рожу! Уважай мое дворянское достоинство! Скандалъ—я тутъ, какъ тутъ: кто правъ? Кто виноватъ?— бацъ, бацъ, вотъ вамъ! Не смѣйте скандалить. Благородство души — это у насъ врожденное. Мы старые дворяне. Вы помните Трегубскаго?

— Не имѣлъ...

— Ну, толстое брюхо, коротенькія ножки, всегда въ синемъ фракѣ, свѣтлыя пуговицы, песочнаго цвѣта брюки, бѣлый жилетъ, въ Измайловскомъ полку, около Троицы...

Я удивлялся въ душѣ, какъ это можетъ человѣкъ такъ скоро говорить, точно дробь выбиваетъ на барабанѣ или горохъ сыплетъ.

— Не имѣлъ чести знать,— повторилъ дядя.

— Какая тутъ честь! Подлецъ былъ! Дворянинъ, въ корпусѣ воспитанъ и—подлецъ! Оплеуха—гривна. Бросай пятакъ—ртомъ ловитъ. Въ дураки играетъ: выиграетъ—рубль, проиграетъ — оплеуха. Всему Петербургу извѣстенъ! — поясниль отставной офицеръ, описывая своимъ яркимъ языкомъ Трегубскаго.—Не могъ я богопротивной рожи видѣть. Увижу—въ рыло, гривну въ зубы и баста! Зналъ мою руку, шельма! Увидитъ,—нѣтъ, говоритъ, не дамъ себя бить за гривну, давай двѣ. Въ екатерингофскій праздникъ вымазалъ дегтемъ, вывалялъ въ пуху, въ перьяхъ, арбузную корку на голову, на лошадь рыломъ къ хвосту — маршъ о натюрель на гулянье! Ну, тамъ бомондъ, особы, сановники. Какъ? Что? Кто штуку выкинулъ? Генералъ-губернаторъ говоритъ: «Это вѣрно Сашка Ярышкинъ!» Гляжу—скачутъ. Допросъ. Не запираюсь. Я сдѣлалъ. Этотъ подлецъ дворянское достоинство роняетъ, посмѣянію долженъ быть преданъ. По благородству души поступилъ. На гауптвахту! Повинуюсь. День сижу, два сижу — клопы, вонь, скука! Водки! Пью! День пью, другой пью, — силъ нѣтъ! Трахъ! Окно высадилъ, офицера въ морду! Какъ? Что?—подъ судъ! На Кавказъ! Ѣду!

— Удивительная исторія!—изумился дядя.

— Покорности нѣтъ Всеблагому и Все... — началъ Семкинъ.

— Что?—грозно перебилъ кавказецъ, сверкая глазами.

— Я вполнѣ съ капитаномъ-съ согласенъ: исторія ваша удивительная, — боязливо пробормоталъ струсившій Семкинъ.

Кавказецъ подлилъ въ чай рому.

— То-то!—гнѣвно проговорилъ онъ.—А вы знаете, что

тамъ Кавказъ? А? Горы и черкесы, черкесы и горы! Тамъ стрѣляютъ, тутъ стрѣляютъ, внизу стрѣляютъ, вверху стрѣляютъ, куда ни повернись — вездѣ стрѣляютъ. Стоимъ это мы — передъ нами пропасть, верста глубины, внизу потокъ, орѣшники съ корнями вырываетъ, какъ щепки. За пропастью сакли — непріятели. Взять ихъ! говоритъ начальство. Повинуемся. Къ врагамъ рукой подать, почтешь — на мѣсяцъ пути хватитъ. Идемъ въ обходъ! Взбираемся, лѣземъ на горы, на утесы, выше, на самую верхушку. Холодъ, дождь, снѣгъ, зубъ на зубъ не попадаетъ, ноги отвалились, лихорадка, солдаты мрутъ, такъ идутъ и мрутъ, идутъ и мрутъ. Стой! Стали. Руби лѣсъ! Рубимъ. Дѣлай гроба! Дѣлаемъ. У кого лихорадка, тотъ и дѣлай гробъ, помретъ — хлопотъ меньше. Стоимъ недѣлю-другую. Чортъ побери, лихорадкѣ конца нѣтъ,— а тутъ недалеко мирные. Начальство отдаетъ приказъ: разбить мирныхъ! Нападаемъ — разнесли! Конецъ. Идемъ назадъ, рапортуемъ — столько-то убитыхъ, столько-то раненыхъ, — двадцать георгіевъ за храбрость! Уважаю!

Дяля въ изумленіи покачивалъ головою во все время этого правдоподобнаго разсказа. Кавказецъ, подливъ еще ромъ и осушивъ стаканъ, затянулся трубкою и пускалъ густые клубы дыма, выдѣлывая изъ нихъ кольца въ воздухѣ. Я забылъ даже и пастилу и весь превратился въ слухъ.

— Удивительно! — вздохнулъ дядя. — Но какъ же это вы на мирныхъ-то шли? — спросилъ онъ не столько изъ недовѣрія къ разсказу, сколько изъ сожалѣнія къ мирнымъ.

— Что-о? Мирные? Да вы чего имъ въ зубы-то смотрите? А? Мирные! Бестіанцы! — съ негодованіемъ воскликнулъ кавказецъ, стуча кулакомъ по столу. — Придется плохо — ну, и въ мирные, отлегло — они къ своимъ. То, се, пятое, десятое — снюхаются — глядь! мирные на насъ вылазку устраиваютъ. Утромъ въ крѣпостцѣ все развѣдаетъ, со всѣми переговоритъ, все высмотритъ, шельмецъ, — ночью на насъ идетъ. Лазутчики! Благородный человѣкъ этого не допуститъ. Бей ихъ, вѣшай! А то мирные — чортъ возьми! Насолили же мы имъ. Ночь, тьма, глазъ выколи, заберемся къ нимъ, все захватимъ — сотню быковъ, чанъ въ десять бочекъ съ виномъ, вырытый изъ земли — концы въ воду. Они съ жалобой — начальство говоритъ: ищите, если что найдете, я не потерплю насилія! Фью! ищи,— найдешь послѣ дождичка въ четвергъ! Вино выпили, чанъ въ куски,

быковъ— трахъ, трахъ! располосовали подъ сѣдла—все благополучно!

— Богопочитанія въ васъ мало, — рискнулъ заговорить Матвѣй Трифонычъ своимъ гробовымъ голосомъ. —Легко вы на все смотрите, Александръ Семеновичъ, а между тѣмъ, не знаемъ мы, грѣшные, гдѣ насъ самихъ можетъ постичь милосердіе и гнѣвъ Всевышняго и Всеблагаго Духа.

— Что? бояться? Чего бояться? Подавайте мнѣ сюда враговъ! Сколько ихъ? Со всѣми управлюсь! Рѣжь, вѣшай и баста! — проговорилъ уже не твердымъ голосомъ кавказецъ.

— Захочетъ Всеблагій — и справитесь, не захочетъ — и падете во прахъ передъ дуновеніемъ Его. Все мы— земли и въ землю отыдемъ!—изрекъ торжественнымъ и глухимъ тономъ Семкинъ.

— Это истинно-съ, — подтвердилъ шопотомъ Тюпинъ, отирая салфеткою потъ съ своего краснаго лба и жирнаго затылка.— И, какъ подумаешь, какими путями Провидѣніе до раскаянія доводитъ грѣшниковъ, такъ это даже удивительно. Вотъ хоть бы игра—можно сказать, что это грѣшное и богопротивное дѣло, а между тѣмъ, сколь многихъ оно привело къ познанію истиннаго Бога и просвѣтленію души. По истинѣ пути Господни неисповѣдимы и мудрость Его велика, какъ говоритъ Матвѣй Трифонычъ.

— Да неужели же вы думаете, что игра способствуетъ вѣрѣ? — усумнился дядя. — Это что-то странно, Дормидонъ Дормидонычъ.

— Враки! Надувай и выиграешь! — пробормоталъ въ дремотѣ захмелѣвшій кавказецъ.

— Нѣтъ-съ. Это вы слишкомъ легко судите. Могу-съ васъ увѣрить въ противномъ. Ей-Богу-съ! — завѣрялъ Тюпинъ.— Это вамъ и Матвѣй Трифонычъ могутъ засвидѣтельствовать. Могу васъ завѣрить и по собственному опыту, что многіе игроки, настоящіе игроки, не только въ различныя примѣты, но и въ Бога вѣрить начали, если до прежде того этой вѣры не имѣли.

— Странно, очень странно!—удивлялся дядя.—Признаться сказать, мнѣ еще не приходилось задумываться надъ этимъ вопросомъ. Съ игроками не сходился...

— Такъ-съ. А вотъ я вамъ могу разсказать одну поистинѣ поучительную исторію. Ее и Матвѣй Трифонычъ знаетъ. Если вы позволите-съ...

— Пожайлуста, разскажите, намъ торопиться некуда.

Ты, Волынка, можешь на мою постель лечь, — обратился ко мнѣ дядя.

— Я, дядя, не хочу еще спать, — отвѣтилъ я, заинтересованный обѣщаніемъ Тюшина разсказать исторію.

Тюшинъ налилъ себѣ рому въ чай, снова вытеръ салфеткой лобъ и затылокъ и началъ разсказывать.

У Тюшина былъ неисчерпаемый источникъ разсказовъ. Онъ разсказывалъ длинно, обстоятельно, входя въ мельчайшія подробности дѣла и постоянно ссылаясь на авторитетъ Матвѣя Трифоныча. Теперь дѣло шло о какомъ-то плохомъ шуллерѣ изъ армейскихъ офицеровъ стараго времени, обыгранномъ на нижегородской ярмаркѣ. Проигравъ казенныя деньги, онъ остался безъ гроша и рѣшился заложить ризу съ образа, давъ клятву, если онъ отыграется, сдѣлать еще лучшую ризу на образъ. Случай помогъ, офицеру подвернулся подъ руку какой-то купчикъ, который и былъ обыгранъ.

— Съ этого времени, — окончилъ Тюшинъ: — онъ и въ Бога, и въ святыхъ сталъ вѣрить, и бывало играетъ, можетъ-быть, и нечисто, а ужъ на праздникъ не забудетъ лампаду зажечь или тамъ молебенъ въ Николинъ день отслужить. А все потому, что понималъ онъ, что не выиграй онъ въ этотъ разъ — и вся его фамилія лишилась бы дворянскаго достоинства за растраченныя имъ казенныя деньги.

— Странно, очень странно! — удивлялся дядя. — Я до сихъ поръ имѣлъ случай замѣтить только вліяніе морскихъ кораблекрушеній на обращеніе заблудшихъ на путь истины.

— Ну, да, это ужъ извѣстно-съ: кто на морѣ не бывалъ, тотъ Богу не маливался, говоритъ поговорка, — произнесъ Тюшинъ.

— Государи мои, да вѣдь и игра тоже — крушеніе на морѣ житейскомъ, — вздохнулъ Семкинъ.

— Да, крушеніе! — замѣтилъ дядя. — Впрочемъ, чего не бываетъ съ человѣкомъ, какихъ переворотовъ не происходитъ съ нимъ! Иная женщина молодая, здоровая, смотритъ на все легко, порхаетъ, какъ птичка, и вдругъ, глядишь, опустились у нея крылушки, тоска на нее напала, молится, постится... Крушеніе!

Я понималъ, о комъ вспоминаетъ дядя. И каждый разсказъ, каждый случай будилъ въ немъ эти тяжелыя воспоминанія.

— Да-съ, судари мои, тоже многое и отъ порчи бы-

вастъ,—заключилъ Тюпинъ.—Вотъ, зналъ я тоже одну чухонку...

Новый разсказъ завлекъ вниманіе слушателей. Изъ него, къ величайшему моему ужасу, я узналъ, что во многихъ домахъ водятся привидѣнія и домовые. Фактъ былъ несомнѣнный, такъ какъ Тюпинъ прямо указывалъ на эти отверженные Богомъ дома; одинъ изъ нихъ находился въ Конюшенной, другой въ Садовой, близъ церкви Покрова, третій на Троицкомъ проспектѣ, большой, желтый каменный домъ, гдѣ жили одни черкесы, и то потому, что они домовыхъ не боятся. Но всѣ эти разсказы о киданьи домовыми известки съ печей, о танцующей мебели, о сапогѣ, влетѣвшемъ въ священную воду во время молебна, были ничто въ сравненіи съ послѣднимъ разсказомъ Тюпина о «дикихъ въ Коломнѣ». Эти несчастные дикіе были дѣти одной чухонки, брошенной обольстившимъ ее бариномъ. Жила она у церкви Покрова, въ угольномъ деревянномъ домѣ, и держала тамъ своихъ дѣтей, мальчика и дѣвочку, до восемнадцати лѣтъ, какъ звѣрей, безъ одежды, безъ сношеній со всѣмъ остальнымъ міромъ. Только случай помогъ имъ однажды пробраться на галлерею и обратить на себя вниманіе жильцовъ. Они не умѣли говорить по-человѣчески и визжали, увидавъ людей, отбиваясь отъ нихъ, когда ихъ хотѣли увезти изъ дому. Во все время этого разсказа я то блѣднѣлъ, то краснѣлъ, дрожа отъ каждаго шороха, точно меня самого готовился кто-то запереть въ отдѣльную каморку и превратить въ дикаго. Кто помнитъ жизнь того времени, тотъ, вѣроятно, и слышалъ эти разсказы и интересовался ими никакъ не меньше, чѣмъ современное общество интересовалось дѣломъ госпожи Шлегель. Но разница между интересомъ тѣхъ исторій и интересомъ госпожи Шлегель заключалась въ томъ, что послѣдняя исторія была напечатана въ газетахъ, передавалась громко въ обществѣ, а тѣ исторіи, несмотря на свой частный характеръ, передавались таинственно, въ тѣсныхъ дружескихъ кружкахъ, какъ нѣчто опасное, подрывающее вѣру во что-то, довѣріе къ кому-то. Казалось, разсказчики и слушатели боялись, что кто-нибудь посторонній услышитъ ихъ и схватитъ, какъ причастныхъ къ дѣлу. Трудно себѣ представить теперь, какими необычайными подробностями, какими сверхестественными эффектами обставлялись эти подспудныя исторіи, и какъ долго волновали онѣ сердца средняго класса петербургскаго общества.

Когда Тюпинъ окончилъ разсказъ «о дикихъ въ Коломнѣ», было уже довольно поздно, и гости почувствовали, что пора разойтись по своимъ комнатамъ.

Кавказецъ, сквозь сонъ потягивавшій во время разсказовъ ромъ, докурилъ, кажется, десятую трубку и внезапно обратился къ поднявшемуся съ мѣста Тюпину:

— Объясниться надо! — пробормоталъ онъ заплетающимся языкомъ.—Моя несчастная тетка просила...

И безъ того красный, Дормидонъ Дормидоновичъ покраснѣлъ еще болѣе и скороговоркою перебилъ кавказца, въ смущеніи присѣвъ и сгорая на стулѣ.

— Не могу-съ, ей-Богу, не могу-съ въ настоящую минуту!—заговорилъ онъ сконфуженнымъ голосомъ.— Не при деньгахъ-съ!

— Однако, ея положеніе, ея дѣти? Вы человѣкъ? Человѣкъ ли вы, спрашиваю я васъ? — приставалъ кавказецъ, съ трудомъ поднимаясь съ дивана.

— Ей-Богу-съ, въ настоящую минуту я не при деньгахъ,— шепталъ Дормидонъ Дормидоновичъ.

Онъ, кажется, желалъ въ эту минуту провалиться сквозь землю.

— Позвольте,—вмѣшался дядя.—Тутъ рѣчь идетъ о деньгахъ. Дормидонъ Дормидонычъ мой другъ, и я, кажется, не сдѣлаю нескромности, спросивъ, о какихъ деньгахъ вы говорите. Можетъ-быть, долгъ...

— Долгъ, именно долгъ честнаго и благороднаго человѣка и мочь ближнему!—торжественно произнесъ кавказецъ, придерживаясь за стулъ.—Не стыжусь бѣдности моихъ родственниковъ. Я благородный человѣкъ. Несчастная тетка, вдова, пятеро дѣтей, несчастныя обстоятельства, нужда...

— Скажите, чего вы желаете?—спросилъ дядя.

— Помощи! Помощи надо. Извлечь изъ пропасти нищеты. Квартира — болото. Комнаты — прахъ и запустѣніе. Дѣти — нагота и голодъ. Мужъ умеръ, хоронить нечѣмъ. Все продали. Тетка — женщина. Слабость и стыдливость— ничѣ не можетъ достать средствъ.

— Ахъ, горькая участь, горькая участь!—прошепталъ дядя.

— Какъ племянникъ, какъ родственникъ, забочусь, бьюсь. Самъ лишенъ средствъ и возможности...

— Вы не сердитесь на меня, если я предложу вамъ для передачи небольшую сумму денегъ,—началъ дядя.

— Товарищъ по оружію, честный человѣкъ! — пробормоталъ кавказецъ.—Руку!

Дядя протянулъ кавказцу руку и деньги. Кавказецъ пожалъ первую и спряталъ послѣднія въ карманъ.

— Несчастныя малютки, вы будете завтра сыты, предъ вами загорится огонь и согрѣетъ васъ, какъ эта теплая рука дворянина!—проговорилъ онъ торжественнымъ тономъ, потрясая руку дяди.—Я самъ дворянинъ... Проливалъ кровь, пули, враги... Отечество оставило безъ куска хлѣба... Подобенъ Самсону...

— Провидѣніе!—пробормоталъ Матвѣй Трифонычъ.

— Я тронутъ, тронутъ! — бормоталъ кавказецъ, проводя рукой около глазъ, и сталъ прощаться.

Семкинъ и Тюпинъ тоже распрощались и ушли въ свои комнаты, проводивъ предварительно кавказца.

— Ну, Володька, засидѣлись мы нынче, — проговорилъ дядя.—Сейчасъ устроимъ твою постель и на-боковую. Мягко ли тебѣ здѣсь спать на диванѣ?

— Отлично, дядя,—отвѣтилъ я.

— Ну, спи съ Богомъ. Не у всѣхъ дѣтей, птица, есть и такая постель. Иныя лежатъ и на голыхъ доскахъ, голодныя и холодныя... У меня вотъ изъ головы не выходитъ тетка этого Ярышкина. Шутка ли: ни гроша денегъ и пятеро дѣтей! Мало мы всѣ о ближнихъ думаемъ, помогаемъ имъ только тогда, когда ихъ крикъ мѣшаетъ нашему сну, когда ихъ раны наши глаза намозолятъ... А онъ странный человѣкъ, очень странный. Подвыпилъ немного. Ну, да кто не грѣшенъ... Спи!

Крѣпко и сладко уснулъ я, хотя меня сначала и пугали воспоминанія о домовыхъ, о заколдованномъ сапогѣ, о дикихъ въ Коломнѣ и тому подобныхъ ужасахъ.

— А вѣдь Фуфайкина опять ахаетъ!—покачалъ головой дядя, укладываясь за ширмами на свою постель. — Вѣрно Дормидона Дормидоныча въ коридорѣ встрѣтила.

Рано утромъ я шелъ, не торопясь, въ гимназію терпѣть скуку и зѣвать надъ переводами вѣчныхъ: «mein Haus ist gross und dein Garten ist klein», «ma mère est bonne et ton père est vieux»... Гораздо болѣе интересовали меня размышленія о томъ, какія новыя личности попадутся мнѣ вечеромъ въ квартирѣ дяди и какіе новые исторіи и анекдоты услышу я отъ нихъ.

VIII.

Старое время и старые люди.

— Вотъ, птица, и Рождество подкатило на парусахъ,—

говорилъ мнѣ дядя въ послѣдніе дни рождественскаго поста.

Сначала мы хотѣли на рождественскіе праздники ѣхать въ Кронштадтъ. Но потомъ отложили поѣздку, такъ какъ Бубновъ написалъ дядѣ, что, во-первыхъ, Миша не такъ здоровъ и ему нужно спокойствіе, а во-вторыхъ, поѣздка по морю въ трескучіе морозы можетъ повредить моему здоровью, уложить меня въ Кронштадтѣ въ постель и помѣшать ходу моихъ занятій. Очевидно, мы были лишними въ родномъ гнѣздѣ.

— Завтра, птица, намъ надо пораньше на Сѣнную собраться, провіанту надо закупить,—продолжалъ дядя.— Запишемъ-ка, что намъ нужно купить.

Дядя усѣлся передъ чайнымъ столомъ, я вскарабкался на диванъ съ ногами и обнялъ старика за шею, смотря черезъ его плечо на бумагу.

— Десять гусей и трехъ индюшекъ,—записывалъ дядя.— Двадцать-пять паръ куръ.

— Дядя, неужели мы все это съѣдимъ?

Дядя отложилъ въ сторону карандашъ и обратился ко мнѣ лицомъ.

— А ты думаешь, не съѣдимъ?—усмѣхнулся онъ.

— Не съѣдимъ!—положительнымъ тономъ отвѣтилъ я.

— Ну, а если другіе помогутъ, если помогутъ тѣ, у которыхъ нѣтъ и куска хлѣба,—тогда съѣдимъ или нѣтъ?

— Ну, тогда-то съѣдимъ!

Дядя снова взялся за карандашъ.

— Два пуда муки, пудъ гречневыхъ крупъ. На пять платьевъ ситцу...

Дядя остановился.

— Какъ ты думаешь, птица, — обратился онъ ко мнѣ съ серьезнымъ видомъ, почесывая карандашомъ кончикъ носа: — что купить Христинѣ Карловнѣ: ситцу на платье или шалевый платокъ, или на салопъ матеріи?

— На салопъ, дядя; у нея салопъ худой-прехудой!— сообразилъ я.

— Да, да, совсѣмъ худой. Ну, такъ на салопъ!—дядя сталъ записывать и снова оставилъ карандашъ.—А вѣдь у нея, птица, кажется, совсѣмъ нѣтъ платка-то? Вотъ и зубы у нея прошли: пожалуй, куда-нибудь соберется въ гости на праздникахъ, а платка-то и нѣтъ.

— Да, платка у нея точно что нѣтъ,—задумался я.

Дядя тоже задумался, покусывая карандашъ.

— Ну, такъ знаешь ли что? Купимъ мы ей и матерію на салопъ, и платокъ.

— Ну, да ужъ купимъ, дядя!—рѣшилъ я.

— Да и то сказать, иначе и сдѣлать нельзя,—разсуждалъ онъ.—Ну, я подарю на салопъ, а ты-то такъ просто, что ли, ее поздравишь? Сухая ложка ротъ деретъ. Увидитъ, что ты о ней не подумалъ передъ праздникомъ, и скажетъ, что у тебя черствое сердце, что ты ее и порадовать не хотѣлъ. Такъ рѣшено, птица, на салопъ матеріи и платокъ. Платокъ на твой счетъ...

— А развѣ у меня есть деньги, дядя?—полюбопытствовалъ я, зная, что у меня нѣтъ ни гроша въ карманѣ.

Дядя засмѣялся.

— Погляди-ка въ письменномъ столѣ, въ правомъ ящикѣ,—сказалъ онъ съ лукавымъ видомъ.

Я побѣжалъ къ письменному столу, открылъ ящикъ и замеръ отъ удивленія на мѣстѣ: онъ былъ полонъ пачками ассигнацій, подъ которыми лежали какіе-то очень цѣнные, но неизвѣстные мнѣ въ ту пору и потому неинтересные для меня билеты. Старикъ съ любопытствомъ слѣдилъ за мною.

— Дядя, это все мое?—воскликнулъ я, указывая на деньги.

— Твое, птица, твое.

— Откуда же?

— Отъ меня.

Я подошелъ къ дядѣ, не вполнѣ понимая его слова.

— Да, птица, это все твое, потому что я и самъ—твой. Есть люди, птица, которые не любятъ тебя, не любятъ они и меня, не подозрѣвая, что у меня есть деньги. Люди вѣдь все больше за деньги другъ друга любятъ. Они, можетъ-быть, ограбятъ тебя, приберутъ и твое наслѣдственное имѣніе, и твои деньги. Но ты не ропщи на нихъ и не завидуй тѣмъ, кому они передадутъ твое состояніе. На твой вѣкъ и безъ того станетъ! Съ излишкомъ станетъ. Ты видишь, мы живемъ не богато, комнатъ у насъ не много, мебелишка простая, старая, устрицъ да шампанскаго у насъ нѣтъ, баловъ мы не даемъ, лошадей не держимъ, пѣшкомъ ходимъ. Но если бы ты захотѣлъ, птица ты моя, такъ возилъ бы я тебя на ворономъ рысакѣ въ гимназію, завелъ бы для тебя отдѣльныя комнаты и отдѣльнаго камердинера, стали бы около тебя лизоблюды вертѣться...

Дядя остановился и поглядѣлъ на меня серьезнымъ и

испытующимъ взглядомъ. Я молчалъ и ждалъ, что онъ скажетъ далѣе. Я еще не понималъ всей прелести роскоши, не завидовалъ еще никому, не хотѣлъ еще никого перещеголять и затмить своимъ блескомъ, и потому равнодушно глядѣлъ на картину возможной перемѣны въ образѣ нашей жизни. Лицо дяди начало свѣтлѣть.

— Но если бы ты захотѣлъ этой жизни, — продолжалъ онъ: — то завтра мы поѣхали бы на Сѣнную покупать гусей, куръ, муки, ситцевыхъ платьевъ, салоповъ и платковъ. Не поѣхали бы мы съ тобою послѣзавтра въ Коломну и въ Измайловскій полкъ въ бѣдныя конуры голодныхъ людей, гдѣ тебя, птица, встрѣтятъ малыя, полунагія дѣти и ихъ больныя матери, какъ встрѣтили когда-то удрученные горемъ, угнетенные врагами люди родившагося въ міръ Христа. Я не кощунствую, дитя! Да, каждый, несущій половину своего состоянія бѣдному брату, есть одинъ изъ лучей того великаго солнца, которое согрѣло міръ и назвалось Христомъ. Только отъ него услышали богатые, что никогда не войдутъ они въ царствіе небесное, и что все оно есть наслѣдіе нищихъ. Если бы мы перемѣнили образъ жизни, птица, мы не стали бы давать бѣднякамъ денегъ на воспитаніе дѣтей, не выросли бы эти дѣти честными и образованными людьми и не нашли бы они ни силъ, ни средствъ бороться съ такими полпцами, какъ твой отчимъ. Мы сами, птица ты моя, живя въ роскоши, въ довольствѣ, не видя нищеты, не заходя въ ея жилища, окруженные лестью и рабскою угодливостью, очерствѣли бы и стали бы, подобно Бубнову, угнетать бѣняковъ, живя на ихъ трудовыя деньги. Но помни, вѣчно помни, птица, что бѣдняки обогатили когда то нашихъ предковъ, что мы, раздавая деньги, отдаемъ только старые долги. И когда ты вырастешь, когда ты узнаешь все, тогда вспомни, что далеко-далеко живутъ еще болѣе бѣдные люди, чѣмъ тѣ, которыхъ ты скоро увидишь, — и эти люди кормятъ теперь твою мать, твоего отчима и твоего брата. Можетъ-быть, они перейдутъ къ тебѣ, помоги имъ и не бери ни единаго гроша отъ этихъ голодныхъ и угнетенныхъ людей. Твои деньги, твои средства покуда здѣсь у меня, потомъ они будутъ въ твоихъ собственныхъ рабочихъ рукахъ. На мои деньги ты выучишься и подготовишься къ жизни, а потомъ проживешь своимъ трудомъ честно и спокойно, какъ жилъ я.

Я обнялъ дядю со слезами на глазахъ и увѣрялъ его, что я буду честно жить. Я разсказалъ ему, что я клялся

уже жить честно и не притѣснять бѣдныхъ, клялся въ то время, когда засѣкали Василія.

Лицо дяди мгновенно омрачилось.

— Его кровь на нихъ лежитъ, — угрюмо проговорилъ онъ.—Я сдѣлалъ все, чтобы спасти его и Настю. Я много хлопоталъ и кланялся въ ту пору...

Онъ задумался и началъ ходить по комнатѣ, взбивая хохолъ.

— Крестьянамъ волю нужно дать, рабовъ не должно держать. Это будетъ въ твое время. Это будетъ ваше дѣло,— шепталъ онъ взволнованнымъ и пророческимъ голосомъ.— Мы можемъ только гроши подавать. Мы сами рабы, въ рабскихъ понятіяхъ выросли...

Онъ еще тревожнѣе шагалъ по кабинету.

— Я сказалъ, что кровь Василія на Бубновѣ,—угрюмо прошепталъ онъ.— Я лгалъ. Она и на мнѣ лежитъ. Видитъ Богъ, что я не предвидѣлъ, не въ силахъ былъ предвидѣть этого!.. Когда-то, птица, имѣніе, крестьяне, Настя — все принадлежало мнѣ... Я не торговалъ людьми и не притѣснялъ ихъ, но я считалъ себя въ правѣ передать ихъ своей сестрѣ и ея дочери,—твоей матери. Твоя мать была такая добрая, у нея имъ было такъ легко жить!.. Добрая, да слабая,— ну, и поддалась чужому вліянію, поддалась и позволила загубить Настю, а за нею погибъ и Василій... А кто виноватъ? Кто отдалъ ножъ въ руки ребенка? Я, я, старый дуракъ, старый грѣховодникъ! Вотъ я всегда-то такъ поступаю, заднимъ умомъ крѣпокъ.

Я подошелъ къ дядѣ съ лаской и сталъ ходить рядомъ съ нимъ.

— Никогда никому не дари и не продавай крестьянъ. Старайся лучше пріобрѣсти ихъ,— отрывисто говорилъ онъ.— Твой вѣкъ дологъ, и ты увидишь великія времена. Люди долго грѣшатъ, но когда-нибудь грянетъ громъ—и они покаются. Было время, птица,—около этой поры ты родился,— когда мелькнула первая молнія. Можетъ-быть, прежде твоей смерти раздастся громовой ударъ.

Дядя присѣлъ на диванъ, я помѣстился, какъ въ былые годы дѣтства, у его ногъ на скамейку, и онъ началъ мнѣ разсказывать странныя вещи. Въ этотъ вечеръ я впервые услышалъ о Радищевѣ, о Новиковѣ, о тайномъ обществѣ, о дѣйствіяхъ въ Рославльскомъ уѣздѣ нѣсколькихъ передовыхъ дворянъ во время голода въ Смоленской губерніи въ двадцатомъ году, и тому подобныхъ людяхъ и событіяхъ.

Далеко за полночь продолжалась наша бесѣда. Сильно билось мое дѣтское сердце отъ пламенныхъ и живыхъ разсказовъ дяди.

— Вотъ какъ надо жить, птица, — заключилъ онъ разсказъ. — Теперь не такіе люди живутъ, теперь бубновское время настало. Всѣ идутъ врозь, всѣ о себѣ только думаютъ.

Онъ четко и шерные благословѣнно и торжественно благословилъ меня передъ отходомъ ко сну. По его щекамъ катились одинокія слезы. Я невольно поцѣловалъ его руку. Этотъ человѣкъ казался мнѣ въ эту минуту, несмотря на всѣ его добродушныя ошибки, такимъ честнымъ, такимъ безупречнымъ существомъ, какимъ всею душою хотѣлось сдѣлаться и мнѣ. Въ тѣ годы я еще не могъ понять, почему дядя, несмотря на свою доброту, несмотря на свою честность, не умѣетъ ничего сдѣлать и постоянно попадаетъ впросакъ.

Рано утромъ мы отправились за покупками, весело болтая и комплиментно припоминая, чего бы купить еще. Нагрузивъ одни сани закупленными товарами, наложивъ и въ свои сани множество провизіи, мы отправились домой. Цѣлый день у насъ продолжалась возня надъ дѣлежомъ и укладкою провизіи въ разныя корзинки, на которыхъ дядя велѣлъ мнѣ написать карандашомъ различныя фамиліи, чтобы не спутаться при развозкѣ этихъ вещей. Утомленные, но веселые, наскоро пообѣдавъ, наскоро напившись чаю, мы улеглись пораньше спать, и на слѣдующій день отправились въ Коломну, къ знакомымъ дядѣ бѣднякамъ. Трудно описать впечатлѣніе, произведенное на меня этими визитами. Тутъ были страданія и бѣдность, ярко бросавшаяся въ глаза своими лохмотьями и грязью и до тѣхъ поръ неизвѣстная мнѣ; сырой и пропитанный прѣлымъ запахомъ гнили воздухъ; тряпье, наваленное вмѣсто постелей; нищета лицъ и та убійственная покорность судьбѣ, царствовавшая преимущественно въ семействахъ чиновничьихъ вдовъ, отысканныхъ дядею въ Измайловскомъ полку, то рѣзкое озлобленіе, замѣчавшееся въ сиротствующихъ семействахъ мастеровыхъ, жившихъ около бердовскихъ заводовъ. Вдовы чиновниковъ выглядѣли черносалопницами, разсказывали о посѣщеніяхъ ревизоровъ, о выдачахъ изъ комитетовъ трехрублевой помощи, благословляли аристократическихъ покровителей, выдающихъ имъ по полтиннику въ мѣсяцъ, въ видѣ пенсіи; вдовы мастеровыхъ злобно жаловались, что имъ ни откуда никто не выдастъ пособія, что ихъ никуда не при-

нимаютъ въ услуженіе, такъ какъ у нихъ дѣти, и разсказывали возмутительныя вещи о томъ, какъ ихъ надуваютъ при расчетахъ за ихъ труды, стирку бѣлья, мытье половъ, щипанье пакли. Разсказы о содержаніи въ полиціи за нищенство, о нищенскомъ комитетѣ, о тюрьмахъ; пребываніе среди этого омута маленькихъ гимназистовъ, воспитывавшихся на дядины деньги; искреннія выраженія благодарности, расточаемыя дядѣ; его ласковое обращеніе съ бѣдняками; его разспросы о ходѣ ихъ ученія; его веселое и дѣтски-добродушное согласіе выпить чуть ли не въ десятый разъ цикорнаго кофе; его бодрость и шутливость, сразу дѣлавшія его членомъ этихъ семействъ и другомъ ихъ дѣтей,—все это такъ разнообразно и сильно подѣйствовало на меня, что я находился въ какомъ-то чаду и плохо понималъ, плохо отвѣчалъ, слыша благословенія себѣ и совѣты любить такого дядю, какъ мой.

— Ну, птица, видѣлъ ты, какъ живутъ бѣдные? — говорилъ дядя, возвращаясь со мною домой. — Теперь не будешь думать, что я скуплюсь и живу скрягой, и не захочешь другой жизни. Погоди немного, будешь почаще ходить къ этимъ людямъ, подружишься съ ихъ дѣтьми, и тогда станешь плевать и на чины, и на роскошь. Все прахъ и суета, и только честность и любовь къ людямъ имѣютъ цѣну... Жаль, что я не могу помочь многимъ. По грошамъ помогать не хочу, это подлая помощь, бросанье обглодковъ людямъ, какъ уличнымъ псамъ. Ну, а чтобы серьезно помогать всѣмъ,—нужны не мои средства. Что я дѣлаю—это капля въ морѣ. А между тѣмъ, это море сразу бы можно высушить... Ты только подумай, что у иныхъ изъ этихъ бѣдняковъ приходится одно дрянное окно на десять человѣкъ, а сколько оконъ въ Петербургѣ-то: я думаю каждый человѣкъ могъ бы имѣть, по крайней мѣрѣ, по одному окну... Да нѣтъ, я думаю, по два пришлось бы. Интересно мнѣ было бы сосчитать это, выкладку, знаешь, такую сдѣлать... Эхъ, люди, люди!

Дядя вздохнулъ, махнулъ рукою и присѣлъ къ письменному столу.

— Ну, а теперь за работу. Надо доклеить еще коробочку для мадамъ Фридлихъ. Она женщина не бѣдная, ее не удивишь подаркомъ. Ну, а нѣмки любятъ разные Arbeitskasten'ы. Да къ тому же это и не купленное, а наши труды,—вдвое больше удовольствія ей принесетъ. Чувствительный, славный народъ эти нѣмцы!

Дядя усѣлся за окончаніе загѣянной рабочей шкатулки, гдѣ были устроены различныя отдѣленія для катушекъ, для вязательныхъ спицъ, для иголокъ и тому подобныхъ принадлежностей женскихъ работъ. Я занялся отрѣзываніемъ обрѣзковъ и цвѣточной бумаги по данной мѣркѣ и намазываніемъ ихъ крахмаломъ. Наши занятія были прерваны на нѣсколько минутъ неожиданнымъ посѣщеніемъ Ярышкина. Онъ въ послѣднее время являлся довольно часто къ дядѣ за деньгами, и почти постоянно отъ него несло водкою. Теперь онъ едва стоялъ на ногахъ.

— Капитанъ, извините! Не въ своемъ видѣ! — заговорилъ онъ заплетающимся языкомъ. — Надо принять во вниманіе! Благородству души и бѣдственное положеніе родныхъ. Передъ такимъ праздникомъ! Не выдержалъ. Съ горя! Тетка слабая женщина, безъ всякихъ средствъ... Больныя дѣти... Голодъ.

Дядя порылся въ кошелькѣ.

— Вотъ вамъ покуда рубль, а завтра я пришлю вашей теткѣ пособіе черезъ Дормидона Дормидоныча, — промолвилъ онъ, подавая кавказцу рубль ассигнаціями.

— Что-съ? Вы меня подозрѣваете? — крикнулъ грознымъ, но прерывающимся голосомъ Ярышкинъ.

— Я никогда не подозрѣваю подобныхъ вамъ благородныхъ людей, — съ невозмутимымъ спокойствіемъ отвѣтилъ дядя. — Но вы сами говорите, что вы не въ своемъ видѣ. У васъ могутъ вытащить деньги, а пословица говоритъ: не вводи вора въ грѣхъ!

— Капитанъ, руку! Вы честный человѣкъ. Вы понимаете благородныхъ людей! — торжественно произнесъ кавказецъ, пожимая дядѣ руку.

— Вамъ нужно отдохнуть и успокоиться, — проговорилъ дядя.

— Да, вы правы. Моя душа потрясена, потрясена! Прощайте, другъ и благодѣтель несчастныхъ!

Ярышкинъ еще разъ пожалъ руку дяди и, шатаясь, вышелъ изъ комнаты.

— Дядя, зачѣмъ ты даешь ему денегъ? Онъ ихъ пропьетъ, — сказалъ я, когда кавказецъ удалился.

— Ну, птица, не разоритъ насъ рубль или два въ мѣсяцъ. — добродушно проговорилъ дядя. — Онъ тоже несчастливъ, хотя, конечно, своеобразно, весьма своеобразно несчастливъ. — ну, да вѣдь несчастье не въ одномъ видѣ, а въ тысячѣ видовъ является.

— А ты видѣлъ его тетку?

— Нѣтъ, но Дормидонъ Дормидонычъ говоритъ, что она не богата. Ей нужно нѣсколько помочь, хотя я и не могу совершенно улучшить ея положеніе въ настоящую минуту. Нельзя изъ-за нея лишать помощи тѣхъ, которые уже надѣются на меня. Когда-нибудь послѣ, какъ они поправятся, загляну и къ ней. Средствъ, средствъ, птица, у меня недостаетъ, а то всѣмъ бы, кажется, помогъ.

Дядя тяжело вздохнулъ и снова принялся за работу.

Я задумался. Мнѣ казалось, что дядю надуваетъ кавказецъ, и что ему помогать не слѣдуетъ. Меня начинали теперь занимать новые вопросы. Я въ этотъ день увидалъ бѣдность, и впервые понялъ, что не одни слуги страдаютъ на свѣтѣ, что въ каждомъ углу города гибнутъ люди, не имѣющіе куска хлѣба и такъ же подавленные, какъ и какой-нибудь Василій или какая-нибудь Настя. Но кто же виноватъ въ этомъ? Какъ облегчить ихъ участь?—спрашивалъ я себя и не находилъ въ своемъ умѣ отвѣтовъ.

Было уже довольно поздно, на улицѣ было почти темно, когда къ нашему дому подкатилъ экипажъ, нѣчто въ родѣ зимней повозки, и на улицѣ раздался громкій крикъ:

— Гопъ! гопъ!

— Господинъ Фридлихъ! господинъ Фридлихъ!—крикнулъ мнѣ дядя и, поспѣшно накрывъ салфеткою нашу работу, побѣжалъ къ дверямъ.

Черезъ минуту, переваливаясь на коротенькихъ, толстыхъ и почти не сгибавшихся, какъ бревна, ногахъ, вошелъ въ комнату мужчина необъятной толщины и средняго роста. Его добродушное, розоватаго цвѣта лицо, съ нѣжною атласистою кожею, окаймлялось густыми, мягкими какъ шелкъ, совершенно сѣдыми волосами. Въ нихъ не было ни одного темнаго волоса, ихъ цвѣтъ отъ корней до конца былъ бѣлъ и блестящъ, какъ яркое, полированное серебро.

— А, душенька, наконецъ-то я увидалъ васъ!—дружески проговорилъ онъ почти чистымъ русскимъ языкомъ, обращаясь ко мнѣ.

Онъ протянулъ мнѣ мягкую и широкую руку, поцѣловавъ меня въ губы. Такъ же поцѣловался онъ и съ дядей, назвавъ его Хлопченькой.

— А меня Вильгельмина послала, голубчикъ. Боялась, что забудешь канунъ Рождества.

— Какъ же можно забыть, это день ея рожденья!—сказалъ дядя.

— Ну, да, да! А потомъ она велѣла спросить, поѣдешь ли ты въ Кронштадтъ?

— Нѣтъ, не думаю, но если ей надо, я съѣзжу!

— За коимъ лѣшимъ?—засмѣялся господинъ Фридлихъ.— Не то, не то я хотѣлъ тебя просить. Если не поѣдешь, такъ переѣзжай къ намъ въ Екатерингофъ, или, по крайней мѣрѣ, отдай своего юношу къ намъ на праздники. У насъ, знаешь, тамъ барыньки, мальчики—чудо!

Фридлихъ сложилъ три пальца, поднесъ ихъ къ своимъ полнымъ губамъ и вкусно причмокнулъ.

— И мы, старики, тряхнемъ стариной. А? Гросфатера? Экосезъ? Минуэтъ? Катанье съ горъ? Этакую какую-нибудь пупочку скатить? А? Что скажешь про это, капитанъ?

Фридлихъ дружески похлопалъ дядю по брюху. Онъ весь сіялъ и въ его масляныхъ глазкахъ засверкалъ тотъ огонекъ, который, должно-быть, горѣлъ въ былые дни очень яркимъ и слишкомъ скоро сжигающимъ чужія сердца пламенемъ.

— А что, чортъ побери, я закачусь опять къ вамъ по-прошлогоднему,—засмѣялся дядя.

— Драдедамъ Драдедамыча тоже пригласимъ,—проговорилъ Фридлихъ, и самъ весело засмѣялся, радуясь, что такъ наивно сострилъ, исковеркавъ имя Тюпина.

Къ моему удивленію, дядя тоже засмѣялся отъ этой чисто-нѣмецкой остроты.

— Драдедамъ Драдедамычъ будетъ у насъ на своемъ мѣстѣ, такъ какъ въ дамахъ недостатка не будетъ. Ну, а ужъ гдѣ дамы, тамъ и Драдедамы Драдедамовичи должны быть,—продолжалъ пояснять Фридлихъ свою остроту, и опять въ его масляныхъ глазкахъ засверкалъ отблескъ стараго пламени.—А я нынче, Хлопченька, окончательно скажу пассъ.

— Да вы, Карлъ Карловичъ, который годъ пассовать собираетесь?—спросилъ дядя.

Онъ говорилъ Фридлиху большею частью *вы*.

— Ну, нынче окончательный конецъ!

Фридлихъ наклонился къ уху дяди, пошепталъ что-то, оба печально покачали головами, дядя сказалъ «плохо!», и потомъ оба залились смѣхомъ. Глазки Фридлиха такъ и бѣгали, такъ и сверкали. Черезъ минуту онъ уже прощался съ нами и, торопливо ёрзая по полу толстыми, несгибающимися ногами, съ перевалкой вышелъ неслышными шагами изъ комнаты, ласково поцѣловавъ меня на прощаньи.

— А какую я тутъ, голубчикъ, мамзель на лѣстницѣ встрѣтилъ!—проговорилъ онъ дядѣ въ коридорѣ и причмокнулъ свои три сложенные вмѣстѣ пухлые пальца.

Затѣмъ я услышалъ, какъ Фридлихъ поцѣловался съ дядей, назвалъ его еще разъ голубчикомъ и Хлопченькой, и уѣхалъ, предварительно погладивъ свою лошадку, жирную и выхоленную, какъ любой купеческій ребенокъ.

— Вотъ, птица, передъ тобой сейчасъ стоялъ, можетъ-быть, лучшій петербургскій музыкантъ и, во всякомъ случаѣ, вполнѣ честный и добрый простякъ,— заговорилъ дядя съ свойственною ему восторженностью, проводивъ Фридлиха и усаживаясь за продолженіе прерванной работы.

Я до сихъ поръ только мелькомъ слышалъ о Фридлихѣ и удивился, что онъ такой великій человѣкъ.

— Да, его исторія—поучительная исторія, — продолжалъ дядя, наклеивая бордюры на коробку.—Родился онъ гдѣ-то, должно-быть, около Риги и, можетъ-быть, около кабака. Его отецъ былъ бродячій арфистъ. Получивъ плохое образованіе, шляясь съ отцомъ изъ трактира въ трактиръ, обходя съ фуражкою слушателей музыки за подаяніемъ, росъ онъ среди разврата и учился у отца играть на арфѣ. Карлуша былъ юноша и красавецъ, онъ игралъ на арфѣ съ глубокимъ чувствомъ, онъ появлялся съ арфой на публичныхъ гуляньяхъ и въ трактирахъ... Ты, дитя, не знаешь еще, что такое развратъ, но когда ты это узнаешь, то поймешь, надъ какой бездной стоялъ въ это время Фридлихъ. Быть-можетъ, онъ и погибъ бы, если бы судьба не привела его въ Петербургъ. Здѣсь онъ встрѣтилъ одну молоденькую дѣвушку. Одни говорятъ, что она жила у однихъ господъ чѣмъ-то въ родѣ гувернантки, другіе говорятъ, что она просто пѣла въ трактирахъ. Она была сирота, не имѣла ни гроша за душой, но была хороша собою. Фридлихъ влюбился въ нее. Черезъ полгода они поженились. Это было около 1812 года, когда въ Петербургѣ шли кутежи и попойки купеческой молодежи и маменькиныхъ сынковъ, ожидавшихъ со страхомъ прихода Наполеона въ нашу столицу. Никогда еще не бросались въ Петербургѣ такъ безумно деньги, никогда еще не бывало въ немъ такихъ оргій, какъ въ эту пору всеобщаго переполоха. Многіе недальновидные богачи спѣшили прожить весело послѣдніе дни жизни и убить послѣднюю копейку, чтобъ она не досталась врагу. Въ «Красненькомъ Кабачкѣ» стонъ стоялъ, и днемъ, и ночью неслись туда тройки, гремѣла тамъ музыка, шли

танцы, раздавались пѣсни; часто слышались крики опьянѣвшихъ и дерущихся людей, нерѣдко совершались страшныя и кровавыя преступленія. Страшенъ разбогатѣвшій и необразованный человѣкъ передъ приближеніемъ опасности. Въ эту-то пору, въ это-то мѣсто разврата попали Фридлихъ и его жена, оба молодые, оба красивые собою. Если бы они не были честными людьми, если бы онъ не былъ истиннымъ артистомъ, они нажили бы себѣ состояніе. Золото горстями сыпали кушцы въ передникъ Вильгельмины Фридлихъ: женщины отдавали свои кольца, свои часы и цѣпочки Карлушѣ за одну улыбку... Но, дитя, молодые Фридлихи попрежнему оставались честны и попрежнему любили другъ друга и свое искусство. Имъ было тяжело въ этомъ омутѣ, и молодой Фридлихъ всячески добивался возможности попасть въ число театральныхъ музыкантовъ. Наконецъ, его мечта сбылась... Онъ имѣлъ счастіе играть передъ разными вліятельными лицами, былъ обласканъ, и черезъ два-три года красавецъ Карлуша былъ моднымъ петербургскимъ учителемъ музыки. Аристократки наперерывъ приглашали его въ учителя къ своимъ взрослымъ дочерямъ. Арфа вошла въ моду, и много графинь и княгинь, теперь уже постарѣвшихъ и посѣдѣвшихъ, развили и свои музыкальныя способности, и свой музыкальный вкусъ подъ руководствомъ этого бродячаго арфиста... Никто никогда не зналъ, какою дорогою цѣною, какими тяжелыми лишеніями купилъ свое счастіе этотъ курчавый и бѣлокурый, какъ рафаэлевскій херувимъ, музыкантъ, никто не видалъ у него пасмурнаго лица, и только эта серебряная сѣдина, рано украсившая его голову, можетъ подчасъ заставить человѣка подумать, что бѣдняку не легко досталось его счастье. Войдя въ моду, сдѣлавшись другомъ значительныхъ, первенствующихъ въ государствѣ лицъ, Фридлихъ не измѣнился и зажилъ простою, честною жизнью артиста, у котораго открытъ и кошелекъ, и домъ для каждаго, кто ищетъ отдыха и забвенія невзгодъ... Жизнь у насъ тяжела, она многихъ выбрасываетъ за бортъ, многихъ гонитъ за правду, для многихъ оказывается мачехой, и имъ нуженъ отдыхъ. Для этихъ людей Фридлихъ — неоцѣнимое сокровище... Ну, да ты увидишь, какъ онъ живетъ. Погоди, птица, мы еще повеселимся!

Дядя доклеилъ коробку, полюбовался ею, потомъ поставилъ ее сушить и послалъ меня пригласить Тюпина и Семкина къ чаю. Мирно проговоривъ до полуночи, наши гости разошлись, а я легъ спать въ сладкихъ грёзахъ о завтрашнемъ днѣ.

На слѣдующій день у насъ начались сборы. Дядя бралъ съ собою небольшой мѣшокъ съ бѣльемъ и платьемъ для меня. Я съѣздилъ за конфетами для госпожи Фридлихъ и по дорогѣ заѣхалъ съ запискою отъ дяди къ ювелиру, гдѣ взялъ небольшое, довольно красивое кольцо для салфетки, сдѣланное въ видѣ змѣи. Собравшись въ путь, дядя позвалъ хозяйку и вручилъ ей подарки, сказавъ, что она можетъ безъ насъ принимать гостей въ нашей гостиной. Христина Карловна до того растерялась, что заговорила по-шведски, на что дядя отвѣтилъ очень серьезно: «gut! gut!» Захвативъ мѣшокъ съ бѣльемъ, коробку, конфеты и змѣю для салфетки, мы понеслись по направленію къ Екатерингофу.

Здѣсь въ теченіе многихъ лѣтъ жилъ Фридлихъ, занимая домъ комнатъ въ десять. У дома, когда мы подъѣзжали къ нему, уже стояли сани и карета. За стеклами оконъ мелькали чьи-то розовыя, молодыя лица. Мы еще не успѣли расплатиться съ извозчикомъ, какъ двери подъѣзда распахнулись, и въ нихъ появилась сіяющая физіономія Фридлиха. Онъ былъ безъ фуражки, въ своемъ неизмѣнномъ широкомъ долгополомъ сюртукѣ, въ неразлучномъ съ нимъ бѣломъ батистовомъ галстукѣ, съ бирюзовыми большими запонками на груди рубашки.

— Хлопченька, Хлопченька, здравствуй! — весело проговорилъ онъ, цѣлуя дядю и меня. — Ничего не оставилъ въ саняхъ, голубчикъ?

— Нѣтъ, все захватилъ,—отвѣтилъ дядя.

— Ну, пойдемъ, пойдемъ. Озябъ, я думаю.

— Я-то не озябъ, а вотъ вы все молодитесь, на морозъ въ сюртукѣ выходите съ открытой головой.

— Привыкъ, голубчикъ, привыкъ. Прежде и босикомъ бѣгалъ.

Фридлихъ засуетился около меня, разматывая съ моей шеи шарфъ.

— Сюда, сюда, въ мужскіе аппартаменты,—говорилъ онъ, вводя меня въ свѣтлую и блестящую чистотой комнату. — Здѣсь, душенька, гребенка есть, щеточка, приформитесь, а потомъ пойду васъ знакомить съ обществомъ. Есть вамъ пара, гимназистикъ. Славный мальчуганъ.

Фридлихъ говорилъ какимъ-то мягкимъ, женственнымъ голосомъ и охорашивалъ меня, какъ заботливая мать охорашиваетъ своего ребенка. Можетъ-быть, этимъ ласкающимъ, закрадывающимся въ душу голосомъ приголубливалъ онъ въ былыя времена женщинъ... Окончивъ приглаживанье

волосъ и чищенье одежды, я пошелъ за хозяиномъ черезъ гостиную въ залъ. И гостиная, и залъ, и всѣ другія комнаты въ домѣ Фридлиха были обиты свѣтлыми обоями, были украшены простыми бѣлыми и легкими занавѣсами изъ кисеи и филе; на окнахъ и въ углахъ стояло множество взлелѣянныхъ, чистыхъ и свѣжихъ цвѣтовъ; старинная и немного тяжеловатая, но удобная и прочная мебель съ свѣтлою обивкой состояла большею частію изъ дивановъ и креселъ; стульевъ было немного; во всѣхъ комнатахъ, за исключеніемъ зала, несмотря на торжественный день, съ пола не были сняты дорожки, проложенныя отъ однѣхъ дверей къ другимъ; подъ нѣкоторыми изъ столовъ лежали красивыя и выхоленныя собаки польской породы, сѣрыя съ коричневыми пятнами и волнистой шерстью. Входя въ залъ, я былъ изумленъ шумнымъ смѣхомъ, пестротою и разнообразіемъ одеждъ и лицъ. Старухи и совсѣмъ молоденькія дѣвушки, старики и юноши, нѣмцы и русскіе мѣшались здѣсь въ одну общую дружескую семью.

— Моего голубчика Хлопченьки племянникъ, — громко проговорилъ Фридлихъ, обращаясь къ гостямъ. — Славный парнюга! А вы, барышни, зачѣмъ же это на него такими лисьими глазками смотрите? Ай, ай, ай, не хорошо! Красавецъ? Такъ-то такъ, только не про васъ онъ здѣсь, для него вонъ тутъ въ уголку есть дружокъ.

Въ кружкѣ дѣвушекъ раздался легкій смѣхъ. Фридлихъ подвелъ меня къ худенькому и блѣдному мальчику почти такихъ же лѣтъ, какъ я. Онъ сидѣлъ за большимъ томомъ иллюстрированной нѣмецкой газеты и разсматривалъ картины.

— Это Гриша Макаровъ, а это Володя Теплицынъ, а я вашъ покорнѣйшій слуга Карлуша Фридлихъ, — проговорилъ хозяинъ. — Затѣмъ имѣю честь кланяться и желаю вамъ недолго смотрѣть другъ на друга козлами.

И я, и Макаровъ не могли не улыбнуться и невольно протянули другъ другу руки. Черезъ четверть часа Макаровъ мнѣ показывалъ виды разныхъ городовъ въ нѣмецкой газетѣ, а я сообщалъ ему свои свѣдѣнія объ этихъ городахъ. Прошло еще съ четверть часа, и къ намъ присѣли двѣ пятнадцатилѣтнія дѣвушки, заинтересовавшіяся и картинками, и моими разсказами. Оживленная бесѣда и споры завязались быстро. Прошло съ часъ времени, когда я обернулся назадъ, чтобы оглядѣть залу: за мной въ комнатѣ ходила, говорила и спорила пестрая толпа людей, среди

которыхъ, шаркая тяжелыми на подъемъ ногами и переваливаясь, сновалъ неутомимый хозяинъ.

— А которая же мадамъ Фридлихъ?—спросилъ я у Макарова.

— Ея здѣсь нѣтъ. Она стряпаетъ,—отвѣтилъ онъ.

— Развѣ у нихъ нѣтъ прислуги?

— Есть, но она всегда готовитъ сама, прислуга только помогаетъ ей. Ее до двухъ часовъ никто не увидитъ изъ гостей и только вашъ дядя, да господинъ Вальденрейхъ смѣютъ войти къ ней въ кухню въ это время.

— А кто этотъ Вальденрейхъ?

— Вотъ онъ, высокій, черноволосый... Онъ нѣмецкій актеръ.

— Актеръ?—изумился я.—Такъ здѣсь и актеры есть?

— Ха-ха-ха,—засмѣялась одна изъ дѣвушекъ, сидѣвшихъ съ нами.—Чему же вы удивились? И мой папа актеръ.

— И на сценѣ они играютъ?—снаивничалъ я.

— Играютъ.

— А мой отецъ музыкантъ,—замѣтила другая дѣвушка.—Вотъ вечеромъ концертъ сюрпризомъ устроятъ за чаемъ.

У меня замерло сердце. Я впервые стоялъ лицомъ къ лицу съ людьми, успѣвшими прославиться въ обществѣ своими талантами, я впервые готовился услышать искусныхъ музыкантовъ, вѣроятно игравшихъ не однихъ «голубковъ», которыми когда-то услаждала мой дѣтскій слухъ моя бѣдная мать. Въ минуту этихъ размышленій двери столовой распахнулись, и въ нихъ появился хозяинъ.

— Прошу къ столу!—обратился онъ къ гостямъ.

Всѣ поднялись со своихъ мѣстъ. Въ столовой сверкалъ хрусталемъ, фарфоромъ, серебристо-бѣлыми салфетками и тонкою скатертью большой столъ. У одного изъ его угловъ, опершись о спинку стула, стояла невысокаго роста, очень полная и разгорѣвшаяся отъ кухоннаго жара женщина лѣтъ сорока пяти. Въ ея темныхъ волосахъ, пробранныхъ по-мужски на боку, пробивалась легкая сѣдина. На ней было гладкое палеваго цвѣта ситцевое платье и черный шелковый передникъ; талья, несмотря на толщину, была еще стройна и затянута въ корсетъ. Женщина стояла прямо, съ серьезнымъ лицомъ, принявъ немного театрально-величественную и надменную позу. Хозяинъ первый подошелъ къ ней и поцѣловалъ ея руку. Его примѣру послѣдовали и гости. Она подставляла свою руку съ величіемъ царицы, не трогаясь съ мѣста и не наклоняя головы. Я подошелъ

къ ней послѣднимъ. Она подняла мою голову и поцѣловала меня въ лобъ.

— Я очень люблю вашего дядю, — проговорила она. — Онъ добрый человѣкъ, будьте и вы такимъ.

Она еще разъ наклонилась ко мнѣ и еще разъ поцѣловала меня въ лобъ.

— Садитесь, господа. Откушенныхъ мѣстъ только два,— замѣтила она, взявъ за руку меня и Макарова и посадивъ насъ около себя.

— Устала, мамочка? — спросилъ Фридлихъ жену, когда всѣ усѣлись за столъ.

— Я же каждый день стряпаю, — спокойно и не безъ гордости отвѣтила она, и велѣла подавать кушанье.

— Ну, господа, обѣдъ будетъ не роскошный, но зато все чисто, вкусно и здорово приготовлено,—проговорилъ хозяинъ.

Онъ не хвасталъ; обѣдъ дѣйствительно былъ и вкусенъ, и состоялъ изъ здоровыхъ, чисто и отлично приготовленныхъ блюдъ. Меня болѣе всего удивило отсутствіе всякой суетливости и обращеній съ приказаніями къ бывшей въ комнатѣ прислугѣ, состоявшей изъ двухъ молоденькихъ дѣвушекъ. Какъ я замѣтилъ, госпожа Фридлихъ объяснялась съ ними глазами и бровями, выразительно и строго указывая имъ на пустыя тарелки и опорожненныя блюда. Бесѣда гостей не прерывалась ни на минуту. Обѣдъ кончился тостомъ за здоровье хозяевъ. За этимъ тостомъ Фридлихъ поднялся съ мѣста и громко сказалъ:

— Теперь еще тостъ: да любитъ молодежь другъ друга, какъ въ наше время она любила.

— Будутъ работать и любить будутъ, — безапелляціоннымъ тономъ замѣтила хозяйка, осушая рюмку.

Всѣ шумно встали изъ-за стола и снова поцѣловали руку попрежнему стоявшей въ царственномъ величіи хозяйкѣ, потрудившейся надъ приготовленіемъ обѣда. Около часу прошло за питьемъ кофе; нѣкоторые изъ гостей-стариковъ удалились отдохнуть въ отведенныя имъ комнаты. Молодежь занялась ѣдою сладкаго и, кажется, нетерпѣливо ожидала чего-то.

— А что, господа, не худо бы на горы!—наконецъ возгласилъ хозяинъ.

Всѣ поднялись съ мѣстъ, всѣ зашумѣли, всѣ бросились въ переднюю за теплой одеждой. Здѣсь уже стояла на стражѣ у дверей хозяйка и осматривала каждаго изъ гостей.

— Шею, шею закройте! Иначе не пущу! Что? Шарфа

нѣтъ? У меня ихъ десять. Спросите у горничной, — говорила она то тому, то другому повелительнымъ тономъ.

— А вы, Вильгельмина Федоровна, не идете съ нами? — приставала къ ней молодежь.

— Изъ окна посмотрю на васъ,—отвѣчала она.

Черезъ полчаса мы всѣ съ хохотомъ и криками бѣжали по лѣстницамъ небольшихъ ледяныхъ горъ, устроенныхъ въ саду при домѣ Фридлиха. Самъ Фридлихъ, одѣтый попрежнему въ свой просторный сюртукъ и только повязавшій шерстянымъ шарфомъ горло, суетился болѣе всѣхъ. Онъ отлично катался съ горъ. За недостаткомъ саней нѣкоторые рьяные катальщики проносились по льду на рогожахъ, забѣжали въ снѣговыя насыпи на краяхъ горъ и выползали изъ снѣгу, всѣ покрытые бѣлымъ, со съѣхавшими на затылокъ или на глаза фуражками. Болѣе всѣхъ отличался Дормидонъ Дормидонычъ. Весь красный, запыхавшійся, покрытый потомъ, онъ то и дѣло валялся въ снѣгъ, унося съ собою и дамъ, большею частію немолодыхъ, не находившихъ лучшихъ кавалеровъ или боявшихся вѣрить свою участь слишкомъ юнымъ и неопытнымъ рукамъ.

— Дрядедамъ Дрядедамычъ, съ вами опять несчастіе!— весело крикнулъ Фридлихъ, видя увязнувшаго и карабкающагося въ снѣгу Тюпина.

— Санки-съ виноваты и тутъ, знаете, язвина во льду,— оправдывался Тюпинъ, полируя платкомъ свое мокрое отъ поту и отъ снѣгу красное лицо.—Надо бы, знаете ли, какънибудь это сравнять. А то я...

— Берегитесь!—раздалось сверху.

Окончательно растерявшійся Тюпинъ отскочилъ въ сторону, наткнулся на груду снѣгу и неожиданно погрузился въ нее, какъ въ кресло.

— Что, устали развѣ?—снова крикнулъ ему Фридлихъ.

— Нѣтъ-съ! Это я такъ! — отозвался Дормидонъ Дормидонычъ, сидя въ снѣгу съ ангельски-невинною улыбкою.

— Птица, ты не простудись! — словилъ меня за руку въ дядя на лѣстницѣ.

— Вотъ вздумалъ!—вырвался я изъ его рукъ и стрѣлой умчался на верхъ.

Дядя и Вальденрейхъ тоже катали дамъ, но оба исполняли это съ неподражаемою серьезностью и особенною граціей. Вальденрейхъ—одно изъ честнѣйшихъ и безупречнѣйшихъ существъ, встрѣченныхъ мною въ мірѣ,—имѣлъ особенную способность никогда ничего не понимать сразу и

нѣчто обдумывать каждый поступокъ, каждое дѣло, каждое слово. Если ему начинали что-нибудь разсказывать, то онъ тотчасъ же глубокомысленно и протяжно восклицалъ:

— А-а, батюшка мой!

Затѣмъ онъ быстро прибавлялъ:

— Это не можетъ быть!

И васъ можно было поздравить, что вы до тѣхъ поръ не отдѣлаетесь отъ Вальденрейха, покуда не опишете ему всѣхъ мельчайшихъ подробностей, всѣхъ ничтожнѣйшихъ обстоятельствъ исторіи, одежды и физіономій дѣйствующихъ лицъ, мѣстности, гдѣ она случилась, часъ, въ который она началась, и минуты, въ которую она кончилась. Все это Вальденрейхъ умѣлъ вытянуть изъ разсказчика неотступными приставаніями и допросами, все это онъ очень медленно и очень глубокомысленно принималъ въ соображеніе, каждое усвоенное свѣдѣніе онъ сопровождалъ многозначительнымъ пришелкиваніемъ языкомъ, или выражавшимъ удивленіе постукиваніемъ зубами, или, наконецъ, приговариваніемъ: та, та, та! какъ бы выражавшимъ, что Вальденрейхъ начинаетъ, наконецъ, постигать «суть» дѣла. Это былъ скептикъ по натурѣ. Не менѣе глубокомысленно обдумывалъ онъ, какъ нужно скатить ту или другую даму, какъ она должна сѣсть, какъ она должна подобрать платье.

— Фрицинька, ты циркуль бы взялъ, а то свинѣешься!— кричалъ ему Фридлихъ.

— А-а! Убить можно, если неосмотрителенъ будешь!— отвѣчалъ серьезнымъ тономъ Вальденрейхъ, и съ еще болѣе серьезнымъ видомъ летѣлъ съ горы. Въ эти минуты его серьезность могла разсмѣшить до слезъ самаго мрачнаго ипохондрика.

Уже было почти совсѣмъ темно, когда въ одномъ изъ оконъ отворилась форточка, и госпожа Фридлихъ крикнула:

— Карлъ, пора къ чаю!

Опять въ столовой былъ накрытъ столъ, опять хозяйка сидѣла за работою, разливая чай.

— Ну, весело катались?—спросила она у меня.

— Ахъ, очень весело! — воскликнулъ я радостнымъ тономъ, сіяя отъ восторга.—Я первый разъ еще катался съ горъ. У насъ дома не дѣлали горъ.

— Это здорово. Вотъ выучитесь на конькахъ кататься, тоже грудь развиваетъ и ноги.

— Я попрошу да...

Я не кончилъ фразы и насторожилъ уши. Въ залѣ тор-

жественно полились звуки музыки. Четыре солиста играли бетховенскій квартетъ. Всѣ гости мгновенно смолкли. Хозяйка оставила чай и, вытянувшись въ струнку, слушала музыку. Я никогда до сихъ поръ не слышалъ такой игры и сразу понялъ, что я вообще не слыхалъ музыки, а слышалъ только жалкое бездушное и деревянное бренчанье фортепіанныхъ костяшекъ и фортепіанныхъ струнъ. Я очнулся подъ шумъ рукоплесканій и увидалъ, какъ хозяйка, со свойственною ей царскою снисходительностью, благодарила артистовъ за принесенное ей удовольствіе ихъ мастерской игрою. Гости между тѣмъ окружили хозяина и приставали къ нему съ какими-то просьбами.

— Ну, тряхну стариной,—улыбнулся онъ и вышелъ изъ столовой; черезъ минуту онъ явился въ комнату съ арфой.

Въ столовой опять воцарилась тишина, и среди этой тишины полились мѣрные, гармоническіе, чистые и сладкіе звуки. Казалось, это льется горный потокъ, дождь, слезы. Я слушалъ, слушалъ, впившись глазами въ пальцы Фридлиха, то быстро перебѣгавшіе, то какъ бы замиравшіе на струнахъ. Эти каскады яркихъ-яркихъ звуковъ, эти едва слышные, подобные падающимъ каплямъ дождя, вопли струнъ вдругъ унесли меня далеко-далеко, въ тотъ темный и узкій чуланъ на чердакѣ, гдѣ когда-то я прислушивался къ звукамъ дождя и засыпалъ убаюканный ими. Кровь прилила къ моей головѣ, на глаза навернулись слезы, я невольно облокотился на столъ и положилъ голову на обѣ руки. Я ощущалъ, какъ подъ пальцами въ моихъ вискахъ сильно билась кровь. А звуки становились все спокойнѣе и спокойнѣе, тише и тише и, наконецъ, замерли совсѣмъ. Такъ бушуетъ, клокочетъ, то тише, то сильнѣе, потомъ успокаивается, наконецъ совсѣмъ замираетъ въ едва слышномъ звукѣ горе, радость, жизнь.

Всѣ гости остались довольны игрою Фридлиха. Онъ унесъ свою арфу и, возвратившись въ комнату, пригласилъ молодежь и стариковъ играть въ фанты. Въ залѣ составился большой кружокъ. Дѣло заключалось въ томъ, что одинъ изъ играющихъ долженъ былъ отыскивать кольцо, быстро передававшееся изъ рукъ въ руки. Тотъ, у кого оно находилось, обязывался поцѣловать нашедшаго кольцо и стать на его мѣсто. Первый, не успѣвшій, по своей неловкости, занять мѣста и потому обреченный отыскивать кольцо, былъ Дормидонъ Дормидонычъ. Вслѣдствіе этого игра приняла сразу самый комическій характеръ. Дормидонъ Дормидо-

нимъ, пыхтя и краснѣя, совался изъ стороны въ сторону, подскакивалъ къ самымъ хорошенькимъ дѣвицамъ, осматривалъ ихъ руки и съ самымъ плачевнымъ видомъ убѣждался, что кольцо не у нихъ. Наконецъ, ему удалось найти кольцо у одной дѣвушки. Онъ предварительно вытеръ губы и осторожно поцѣловалъ ее въ щеку, спия отъ радости. Кольцо снова заходило по рукамъ, но, къ величайшему изумленію общества, оно снова застряло въ рукахъ Дормидона Дормидоныча.

— Что же вы не передаете кольцо? — шопотомъ спросилъ его сосѣдъ.

— Нѣтъ-съ, зачѣмъ же-съ! — въ смущеніи отвѣтилъ Тюпинъ, отводя въ сторону стыдливые глаза, и зажалъ покрѣпче кольцо.

Дѣло въ томъ, что ему хотѣлось, чтобы отыскивающая кольцо особа еще разъ прикоснулась къ его губамъ. Но она настойчиво искала кольцо у другихъ и не обращала ни малѣйшаго вниманія на Тюпина. Волей-неволей ему пришлось передать кольцо. Оно заходило снова по рукамъ. Я сначала совсѣмъ не обратилъ вниманія на то обстоятельство, что дѣвушка, ходившая въ кругу, большею частью оставалась около того мѣста, гдѣ сидѣлъ я. Вслѣдствіе этого я былъ захваченъ ею врасплохъ и долженъ былъ поцѣловать ее. Я думалъ, что я никогда не отыщу кольца, но, къ моему удивленію, оно было сразу найдено мною и найдено именно у той же дѣвушки, которая за минуту взяла его у меня. Второй нашъ поцѣлуй былъ такъ звонокъ, что мы и за нами все общество не могло удержаться отъ смѣха. Довольно долго продолжалась эта игра. За нею начался польскій, потомъ ужинъ, послѣ котораго хозяйка посовѣтовала мнѣ и Макарову лечь спать. Остальные гости продолжали танцовать.

Долго я и Макаровъ, помѣщенные на одну широкую постель, не могли уснуть и болтали подъ звуки доносившейся до насъ музыки. Когда и какъ мы уснули — не знаю, но мы уже были вполнѣ знакомы другъ съ другомъ и даже сдѣлались друзьями. Конечно, ни я, ни Макаровъ не подозрѣвали въ то время, что дружба, заключенная на такомъ безпечно-веселомъ, на такомъ мѣщански-добродушномъ вечерѣ, спугнется внезапною грозой болѣе крупныхъ событій и, наконецъ, мгновенно замретъ подъ пистолетнымъ выстрѣломъ... Теперь все еще было вполнѣ свѣжо, и если въ обществѣ болѣли какія-нибудь раны, бушевали какія-нибудь

страсти, то эта буря шумѣла далеко отъ мирныхъ жилищъ средняго класса столичныхъ жителей, къ которому принадлежали разные Фридлихи, Семкины, Тюпины, Вальденрейхи и тому подобныя личности.

Отпировавъ подобнымъ образомъ три дня, Фридлихи устроили на четвертый пикникъ въ складчину, на пятый отправились всей компаніей на балъ къ однимъ знакомымъ, на шестой были на обѣдѣ и на вечеринкѣ у другихъ знакомыхъ, и только второго января, поздно вечеромъ, возвратились я и дядя домой, куда я и не заглядывалъ во все это время, и гдѣ дядя появлялся только на два, на три часа. Входя въ коридоръ нашего жилища, я услышалъ испуганное «ахъ!» Фуфайкиной, увидѣлъ тутъ же краснаго и сконфуженнаго Дормидона Дормидоныча и понялъ, что шумные праздники кончились, что снова наступаетъ наша мирная и однообразная жизнь. Надо признаться, что я порядочно усталъ въ эти десять дней; но нельзя отрицать и того, что они долго-долго ярко блестѣли въ моихъ воспоминаніяхъ и вызывали мою улыбку то тѣми, то другими изъ своихъ комическихъ происшествій. Пошлой и печальной стороны этой жизни я еще не понималъ.

У Фридлиховъ тоже шла теперь, какъ я узналъ отъ дяди, совершенно тихая будничная жизнь. Вильгельмина Федоровна стряпала, шила, читала газеты и книги; Карлъ Карловичъ давалъ уроки, игралъ въ театрѣ, хлопоталъ на концертахъ, тоже читалъ книги и газеты, и только въ воскресные дни Фридлихи принимали у себя двухъ-трехъ короткихъ друзей.

Позже я узналъ, что Фридлихъ не былъ никогда хорошимъ музыкантомъ, хотя и былъ артистомъ въ душѣ и игралъ съ чувствомъ. У него недоставало музыкальнаго образованія, техники. Успѣхи его въ обществѣ объяснялись неимѣніемъ соперниковъ и особенною ловкостью Фридлиха, его искательностью и даже склонностью къ интригамъ. Многіе обвиняли его за это, какъ дурного человѣка, и звали «интриганомъ». Другіе оправдывали его и указывали примѣрами, что эти качества присущи каждому артисту. Мнѣ кажется, что и тѣ, и другіе судьи ошибались. По натурѣ самъ Фридлихъ былъ простой малый и добрый человѣкъ; любовь же его къ искусству не могла имѣть ничего общаго со страстью къ интригамъ и умѣньемъ льстить и угождать знати, какъ не имѣетъ ничего общаго съ этими рабскими качествами любовь къ наукѣ, къ ремеслу, къ про-

мышленности. Но дѣло въ томъ, что Фридлиха постигла та же участь, которая такъ часто выпадала на долю артистовъ и всѣхъ вообще людей, страстно преданныхъ той или другой отрасли человѣческой дѣятельности. У насъ въ тѣ отдаленныя времена музыкальное дѣло зависѣло большею частью отъ людей, не имѣвшихъ съ нимъ ничего общаго, не смыслившихъ ни іоты въ музыкѣ. Чтобъ добиться чего-нибудь для успѣховъ своего любимаго дѣла, нужно было изгибаться кольцомъ и интриговать, иначе успѣхъ могъ остаться за первымъ барабанщикомъ, а неудача выпала бы на долю перваго скрипача. Фридлихъ рано понялъ это, рано привыкъ въ «Красномъ Кабачкѣ» обращаться съ самодурами и завоевалъ себѣ хорошее положеніе угодливостью, мягкостью и льстивостью въ обращеніи съ вліятельными лицами. Этотъ успѣхъ далъ ему возможность способствовать успѣхамъ новыхъ музыкантовъ, для которыхъ онъ устраивалъ концерты, продавалъ по дорогой цѣнѣ билеты на эти концерты у своихъ знакомыхъ артистовъ и всѣми средствами вербовалъ въ поклонники музыкальнаго искусства даже такихъ личностей, которыя не сразу отличали звуки скрипки отъ звуковъ флейты.

— Купчикъ-голубчикъ! — весело потирая руки, говаривалъ Фридлихъ про одного разжившагося подрядчика. — Только музыку шампанскихъ пробокъ понимаетъ, а все-таки за кресло въ первомъ ряду сто рублей платитъ! И за то спасибо.

Долгое время его дѣятельность приносила пользу и давала денежныя средства музыкантамъ и одному изъ музыкальныхъ обществъ. Долгое время не зналъ онъ ни отдыха, ни покоя, и быстро, переваливаясь съ боку на бокъ, носился, несмотря на толстую фигуру, по концертнымъ заламъ, ублажая высокопоставленныхъ милостивцевъ и покровителей музыки. Среди этихъ хлопотъ нерѣдко добивался онъ желаемаго при помощи тогдашнихъ аристократическихъ дамъ, смотрѣвшихъ неравнодушно на ловкаго и сладкорѣчиваго красавца-арфиста съ масляными и сверкающими глазами. Эти-то нѣжныя, слишкомъ нѣжныя отношенія Фридлиха къ его богатымъ ученицамъ вносили въ его семейную жизнь страшныя бури. Вильгельмина Федоровна никакъ не могла помириться съ той мыслью, что ея Карлъ измѣняетъ ей, и дѣлала ему сцены, провожая его въ театръ и на уроки, дрожа отъ холода въ саняхъ и справляясь по часамъ, не пробылъ ли онъ гдѣ-нибудь лишнихъ пяти минутъ. Но нѣ-

когда страшныя громовыя тучи разсѣялись съ годами и превратились въ легкія облака, иногда на минуту затмевавшія кроткій свѣтъ семейной жизни Фридлиховъ. Посѣдѣли волосы и потухли масляные глазки Карла Карловича, и сталъ онъ пробавляться только невинными шуточками и намеками легонькаго свойства; увидала Вильгельмина Федоровна, что ревновать къ кому-нибудь мужа просто не стоитъ, и успокоилась. Если же когда-нибудь и пробуждалось уснувшее чувство ревности, то оно вносило такой комическій элементъ въ ихъ жизнь, что трудно было удержаться отъ улыбки, слыша упреки одной стороны и оправданіе другой. Эта чета, когда я познакомился съ нею, была окружена многочисленною толпою знакомыхъ, или, лучше сказать, друзей, такъ какъ знакомыми были Фридлиху чуть ли не всѣ петербургскіе жители. Друзья Фридлиховъ состояли большею частью изъ артистовъ и людей, не сдѣлавшихъ себѣ карьеры. Чиновникъ, не умѣвшій брать взятокъ; холостякъ, не нашедшій по душѣ невѣсты; офицеръ, не вынесшій военной службы и вышедшій въ отставку; небогатая женщина, успѣвшая заработать кусокъ хлѣба трудомъ, но отстранившаяся отъ развращеннаго или сплетничающаго общества; молодой, кончившій курсъ въ университетѣ, купеческій сынокъ, бросившій отцовскую торговлю, заплативній зажиленныя отцомъ у кредиторовъ деньги и оставшійся съ небольшими средствами; студентъ или гимназистъ, забытый семьей и перебивающійся уроками, — всѣ эти недовольные обществомъ или утомленные борьбой люди или въ домъ Фридлиховъ и были ихъ друзьями. Но небогатые, такъ или иначе добывающіе трудомъ свой хлѣбъ, они не бѣгали къ Фридлихамъ ежедневно съ визитами, со сплетнями, съ жалобами, съ интригами. Нѣтъ, наработавшись въ своихъ углахъ, натерпѣвшись всякихъ невзгодъ, они собирались на отдыхъ въ мирный загородный домъ на три, на четыре дня и, стряхнувъ съ себя всѣ заботы, какъ городскую пыль, безпечно пировали, веселились, шумѣли, пили, ѣли и спали. Иногда здѣсь устраивались неожиданныя, но счастливыя свадьбы, до устройства которыхъ Фридлихъ былъ страшный охотникъ. Порой здѣсь разыгрывались трагикомическія сцены отчаянія какого-нибудь простодушнаго Дормидона Дормидоновича, ухаживавшаго за шестнадцатилѣтней дѣвушкой и внезапно узнавшаго о ея бракосочетаніи съ другимъ, болѣе юнымъ поклонникомъ ея красоты. Какъ бы ни были похожи на перемежающуюся лихорадку

пиры у Фридлиховъ, но въ нихъ было много шумной веселости и внѣшней привлекательности. Явись они при нормальномъ состояніи общества—и ими было бы можно только восхищаться. Но они явились вслѣдствіе той же духоты, того же гнета, той же безтѣлительности общества, вслѣдствіе которыхъ въ то время совершались оргіи, устраивались конскіе вечера, билась зеркала въ трактирахъ другими людьми. Теперь трудно представить себѣ ту глухую и душную жизнь, которую перестрадало наше поколѣніе. Для меня эти пиры въ тѣ годы имѣли обаятельную прелесть. Я и Макаровъ—онъ сталъ ходить къ намъ по воскреснымъ днямъ—во весь Великій постъ мечтали о наступленіи Святой недѣли. Настала и прошеслась и эта праздничная недѣля въ шумныхъ пирахъ у Фридлиховъ; настало за нею и время ученія и повторенія всей выдолбленной въ теченіе года школьной премудрости.

Съ сильнѣйшей скукой отправлялся я въ понедѣльникъ на Осминой недѣлѣ въ гимназію, у меня болѣла голова, нервы были разстроены. Въ классѣ мнѣ стало еще хуже и, возвратившись домой, я поскорѣе улегся спать. Мнѣ уже не приходилось вставать съ дивана въ продолженіе двухъ мѣсяцевъ. Докторъ объявилъ, что у меня очень опасная скарлатина. Дядя не спалъ ночей и возился со мною до разстройства своего собственнаго здоровья. Написалъ онъ въ Кронштадтъ о моей болѣзни и получилъ неутѣшительный отвѣтъ: оказалось, что и моя мать больна и не можетъ выѣхать въ Петербургъ. Когда мнѣ стало лучше, дядя поѣхалъ къ моей матери. Она едва ходила, у нея уже развилась чахотка. Поговоривъ съ нею и Бубновымъ, дядя увидалъ, что мои родные не желаютъ моего переселенія къ нимъ на лѣто, и рѣшился взять двѣ комнаты у Фридлиховъ на время каникулъ. Мы перебрались въ Екатерингофъ. Первое время я былъ слабъ и страдалъ глухотой, но скоро свѣжій воздухъ, здоровая пища и добрый уходъ Вильгельмины Федоровны совершенно укрѣпили меня, и я былъ въ состояніи раздѣлять съ Фридлихами и ихъ друзьями ихъ обычныя лѣтнія удовольствія.

Вѣроятно, многіе еще помнятъ лѣтнюю жизнь Фридлиховъ въ Екатерингофѣ, и ужъ, конечно, никто изъ старыхъ петербургскихъ охотниковъ не забылъ прекрасныхъ собакъ польской породы, сопровождавшихъ Фридлиха и толпу его друзей на охоту въ окрестностяхъ Екатерингофа.

Рано на зарѣ нѣсколько челноковъ, высмоленныхъ и окра-

шепныхъ черною краскою съ свѣтло-зелеными бортами, неслось по направленію къ Круглому и сосѣднимъ съ нимъ островамъ. Въ челнокахъ помѣщались дамы и мужчины, старики и дѣти, собаки и погребцы съ провизіей, ружья и удочки, палатки и кожаные матрацы. Крики: «Гопъ, гопъ! кушъ! причаливай правѣй!»—оглашали воздухъ. Фридлихъ, запыхавшійся, но вѣчно неутомимый, переносилъ поклажу на берегъ, иногда переносилъ туда и дамъ, что доставляло ему неизъяснимое удовольствіе. Мой дядя, наряженный въ охотничьи сапоги и не дотрогивавшійся до ружья, укрѣплялъ вмѣстѣ съ Вальденрейхомъ палатки, не довѣряя никому этого требующаго точности и обдуманности дѣла. Загѣмъ слѣдовало уженье рыбы дамами; мужчины шли за дичью. Потомъ разводился огонь, варился картофель, яйца, рыба, приготовлялся чай, подъ наблюденіемъ госпожи Фридлихъ, и начинался завтракъ. Шумъ и толки объ успѣхахъ, планы на вечернюю охоту и ловлю рыбы, разсказы о встрѣчахъ съ знакомыми охотниками, визиты этихъ охотниковъ, все это занимало не мало времени. А тамъ опять слѣдовала охота, начиналось уженье рыбы; мелкій народъ, въ родѣ меня, занимался загстовленіемъ червей, стрѣльбою въ цѣль изъ луковъ и игрою въ горѣлки. Наконецъ, между женщинами заводился таинственный шопотъ, и меня ставили караулить отъ мужчинъ извѣстную мѣстность берега, прикрытую кустарниками, — черезъ минуту до меня начинали доноситься всплескиванья воды и звонкій хохотъ дѣвушекъ и женщинъ: тамъ шло купанье. Во мнѣ пробуждалась зависть, и я, подговоривъ дядю, бѣжалъ съ другими мальчуганами за небольшой мысъ острова, гдѣ, наскоро раздѣвшись, тоже бросался въ воду. Дядя оставался посреднѣ мыса охранителемъ женщинъ отъ прихода мужчинъ и избавителемъ мальчиковъ отъ вторженія женщинъ.

Поздно вечеромъ, послѣ обѣда и ужина, одна часть охотниковъ отвозилась на екатерингофскій берегъ, другая часть размѣщалась по палаткамъ и проводила иногда по три, по четыре ночи на островѣ, никогда не оставаясь здѣсь только на праздники, когда на острова наваливалъ разный сбродъ, больше пьющій водку, чѣмъ наслаждающійся охотою и рыбной ловлей. Воскресные посѣтители острововъ состояли большею частью изъ сенатскихъ, таможенныхъ и управскихъ чиновниковъ, сапожныхъ мастеровъ, портныхъ и тому подобнаго, всѣми неправдами зашибающаго копейку, люда; будничные—то-есть наши знакомые—принадлежали

почти исключительно къ артистическому міру, къ актерамъ, музыкантамъ и отчасти состояли изъ отщепенцевъ общества, о которыхъ я упоминалъ выше. Вотъ этотъ народъ жилъ въ Екатерингофѣ, въ Емельяновкѣ, въ Тентелевой, въ Волынкиной деревняхъ. Въ то время на Крестовомъ и на близкихъ съ нимъ островахъ еще не было недостатка въ дачахъ; бекасы и турухтаны не переводились, въ половинѣ августа появлялся дупель, въ сентябрѣ шли стоянки на утокъ. Не худо ловилась и рыба. Потому-то лѣтнимъ удовольствіямъ не было конца вплоть до поздней осени, и все охотничье и рыболовное общество совершенно забывало, что вблизи стоитъ душный и чопорный городъ съ его взяточничествомъ, стѣсненіями, интригами, сплетнями, щегольствомъ и житьемъ на чужія деньги.

Какъ быстрый, свѣтлый сонъ, промелькнула для меня эта счастливая пора, и я только тогда вспомнилъ о зимѣ и гимназіи, когда къ Фридлихамъ явился въ гости Макаровъ.

— Какъ, ты уже пріѣхалъ?— изумился я, увидавъ его.

— Да вѣдь послѣзавтра начинаются классы, — отвѣтилъ онъ.

Я призадумался. Но черезъ минуту я пересталъ думать о классахъ и ученьи и сталъ восторженно разсказывать своему другу, какъ я провелъ лѣто. Онъ хмуро слушалъ меня и, кажется, не раздѣлялъ моего восторга.

— Ну, а ты веселился въ Орлѣ?—спросилъ я.

— Какое веселье! Мать все хвораетъ, жалуется, раздражительна стала,—проговорилъ онъ.—Ѣздили въ Воронежъ на богомолье. Хотѣли въ Кіевъ, да разсчитали, что дорого за усердіе заплатить придется...

— Развѣ вы бѣдны?

Макаровъ посмотрѣлъ на меня удивленными глазами.

— Мы-то?— по-провинціальному переспросилъ онъ.—У меня съ братьями до семидесяти тысячъ капитала.

— А на поѣздку въ Кіевъ денегъ пожалѣли?

Макаровъ усмѣхнулся.

— Хотимъ, вѣрно, чтобы восемьдесятъ было...

Онъ былъ, видимо, недоволенъ кѣмъ-то, но кѣмъ — этого онъ не сказалъ. Я не сталъ разспрашивать, зная, что онъ скрытенъ и несообщителенъ. Болѣзненный, худенькій, съ узенькими глазами, смотрѣвшими немного исподлобья, съ тонкими и блѣдными губами, съ нѣсколько выдвинутой впередъ, какъ бы всматривающейся во что-то, головой, онъ сразу производилъ на встрѣчнаго такое впечатлѣніе, что

отъ него трудно было ждать дѣтской откровенности или безпечнаго смѣха.

IX.

Сплошной рядъ неожиданныхъ и разнообразныхъ событій.

Такъ шло время моего пребыванія у дяди, мало чѣмъ отличаясь отъ перваго года моей петербургской жизни. Мнѣ уже шелъ шестнадцатый годъ. Попрежнему шли пиры Фридлиховъ, такъ же застѣнчиво краснѣлъ, умильно улыбался и нѣжно увивался за всѣми дѣвицами Дормидонъ Дормидонычъ, вызывая всеобщій смѣхъ своею неловкостью, и попрежнему не везло ему въ его ухаживаньяхъ. Чаще прежняго посѣщалъ насъ кавказецъ, рисуя еще болѣе яркими чертами бѣдственное положеніе своей тетки. Антонида Павловна Фуфайкина продолжала пугаться и ахать въ коридорѣ и, наконецъ, начала вызывать серьезныя опасенія въ дядѣ.

— Знаешь, я начинаю бояться, — говорилъ онъ мнѣ съ глубокомысленнымъ видомъ.—У нея, кажется, тутъ неладно,— указывалъ онъ на свой лобъ.—Не случилось бы какой бѣды. Вѣдь этакъ вдругъ ни съ того, ни съ сего бросится... Ты вотъ все дурачишься, въ коридоръ выбѣгаешь, не поплатился бы потомъ... Объ этомъ надо подумать и принять мѣры.

Я смѣялся и увѣрялъ дядю, что ничего не случится, что у Фуфайкиной, вѣроятно, такая привычка пугаться и ахать. Наша пугливая сосѣдка съ нѣкотораго времени очень серьезно начала занимать меня и Макарова. Сначала мы просто выбѣгали въ воскресные дни въ коридоръ, чтобы услышать ея крикъ и вдоволь нахохотаться; потомъ мы стали наблюдать и подсматривать за ней, и замѣтили, что особенно вліяютъ ея вскрикиванія на Дормидона Дормидоновича. Встрѣчаясь съ нею, онъ пускался въ длинныя извиненія, запинаясь отъ смущенія, и выражалъ соболѣзнованіе къ ея одинокому беззащитному положенію. Антонида Павловна потупляла глаза и со вздохомъ, немного въ носъ, произносила:

— Ахъ, я такъ несчастна!

— Извѣстно-съ, вы дѣвица, — начиналъ храбриться Тюпинъ. — Я-съ, кажется, милліона не взялъ бы, чтобы быть дѣвицей. Это ужъ самое послѣднее дѣло!

— Ахъ, вы меня обижаете!

— Помилуйте-съ,— конфузился Тюпинъ.

— Ахъ, нѣтъ!

— Извините-съ, я ей-Богу-съ! — лепеталъ окончательно сконфуженный Дормидонъ Дормидоновичъ.— Простите...

Я и Макаровъ выбѣгали въ эту минуту откуда-нибудь изъ засады, и пугливая пара, вскрикнувъ, исчезала въ свои комнаты, сопровождаемая нашимъ безшабашнымъ смѣхомъ.

Среди этой безпечной и веселой жизни въ обществѣ юныхъ холостяковъ случалось мнѣ испытывать и скуку, и заботы. Скуку наводила на меня гимназія; заботы вызывало желаніе прогулять классы. Для достиженія послѣдней цѣли были къ моимъ услугамъ головныя боли, подвязанныя на два, на три часа щеки и разстройство желудка. Находясь, очень часто, въ утренніе часы въ такомъ болѣзненномъ состояніи, я не имѣлъ возможности хорошо учиться и долженъ былъ засидѣться въ классѣ на третій годъ. Снова потерявъ надежду перейти въ слѣдующій классъ, я немного упалъ духомъ. Конечно, болѣе всего заботило меня не мое будущее, а то, что скажутъ Бубновы, узнавъ о моей неудачѣ. Еще болѣе безнадежно взглянулъ на дѣло нашъ директоръ и объявилъ мнѣ, что мои родные сдѣлаютъ лучше, если возьмутъ меня изъ гимназіи до репетицій, такъ какъ въ противномъ случаѣ меня не оставятъ на третій годъ въ классѣ, а просто-напросто исключатъ. Легко ему было толковать! Не такъ легко было мнѣ оставить училище, имѣя семью, поморщившуюся при извѣстіи и о моей первой школьной неудачѣ. Въ одинъ изъ апрѣльскихъ дней я рѣшился заявить о своихъ тревогахъ дядѣ, сказавъ, что я боюсь опять «провалиться». Онъ встрѣтилъ это извѣстіе съ свойственнымъ ему философскимъ хладнокровіемъ.

— Ну, что-жъ, третій годъ въ классѣ, такъ третій!— промолвилъ онъ.—Я самъ былъ обойденъ два раза чиномъ. И вѣдь если бы меня не обошли, такъ я бы теперь адмираломъ, чортъ возьми, былъ! Вотъ оно что? Да это, братъ, все пустое, если человѣкъ сознаетъ свою правоту. Негодяю, подлецу, дармоѣду, вотъ тѣмъ должно быть досадно, что ихъ не повышаютъ, что къ нимъ никакой аттенціи не имѣютъ. А вотъ я и не тужу. Что мнѣ въ адмиральствѣ? Сытъ я, уважаемъ всѣми, кругъ знакомства большой имѣю, и всякому подлецу прямо въ глаза гляжу, будь онъ хоть раза-адмиралъ. Не моего усердія не хватило для достиженія высшихъ чиновъ, а справедливости у другихъ людей не нашлось въ душѣ. Ну, а это не мнѣ, а имъ стыдъ и срамъ.

Это разсужденіе нисколько не поправляло дѣла и не было

утѣшительно для меня. Напротивъ того, въ немъ было что-то такое, что безъ вѣдома дяди глубоко уязвило мое сердце. Я втайнѣ почувствовалъ, что я не могу такъ хладнокровно относиться къ своимъ неудачамъ, что я не могу свалить ихъ причину на другихъ. Не безъ краски на лицѣ, я объяснилъ дядѣ, что всѣ его слова справедливы, что онъ и безъ адмиральскаго чина счастливъ, но что меня не только не переведутъ въ слѣдующій классъ, а даже и изъ гимназіи исключатъ. Все это выразилъ я въ длинной-предлинной и запутанной рѣчи, смутившись окончательно.

— А-а! — изумился дядя, выслушавъ меня до конца, и въерошилъ хохолъ.—Въ чистую, значитъ, отставку. Ну, это еще рано, очень рано! Служить бы еще надо, непремѣнно надо. А то отставной гимназистъ — слишкомъ малый чинъ! Конечно, есть еще меньшіе чины, только отъ этого-то чина такъ лѣнью и пахнетъ. Неудобно всю жизнь этотъ запахъ слышать, весьма неудобно!

Я въ это время началъ очень прилежно раскапывать замазку у стеколъ и искоса поглядывалъ на дядю, избѣгая встрѣчи съ его взглядами. Онъ ходилъ большими шагами по комнатѣ, взбивая свой хохолъ и приглаживая виски. Онъ, видимо, сознавалъ необходимость распечь меня и никакъ не умѣлъ взяться за это дѣло.

— Какъ же тутъ быть?—спросилъ онъ черезъ нѣсколько минутъ.

Я, ничего не отвѣчая, продолжалъ ковырять замазку.

— Если и оставятъ, то съ твоимъ слабымъ здоровьемъ трудно учиться, — разсуждалъ онъ. — Въ такомъ болѣзненномъ состояніи лучше бросить науку, отказаться отъ нея. Что-жъ, вотъ мужики и грамоты не знаютъ. Конечно, ихъ зато каждый и надуваетъ, ими зато всѣ и помыкаютъ, какъ скотами какими-нибудь. Но вѣдь что же станешь дѣлать со своимъ здоровьемъ, если оно не позволяетъ учиться! И радъ бы въ рай, да грѣхи не пускаютъ. Духъ бодръ, да плоть немощна, говоритъ пословица.

Я стиснулъ губы и чувствовалъ, что мои щеки и уши пылали, какъ въ огнѣ. Дядя не замѣчалъ моего волненія.

— Я теперь здоровѣе сталъ, — началъ я сквозь зубы и нахмурилъ брови.

— Ну вотъ еще!—возразилъ дядя, продолжая шагать по комнатѣ.—Давно ли болѣли зубы? Кажется, въ день рожденія господина Фридлиха? Да, да, именно, въ этотъ день, какъ сейчасъ помню. Все утро промучился, бѣдняга, и едва могъ

поѣхать къ нимъ на обѣдъ. Голова тоже болѣла. Когда бишь? Да, вспомнилъ,—въ день именинъ госпожи...

Я не выдержалъ, по моимъ щекамъ катились крупныя слезы.

— Ты, дядя, не говори объ этомъ!.. Я... я... буду здоровъ,—прошепталъ я, отвернувшись въ сторону и кусая ногти.

— Гм, гм! Не говорить объ этомъ? странно, очень странно!—задумчиво разсуждалъ онъ и, увидавъ мои слезы, вдругъ перемѣнилъ тонъ.

Въ его голосѣ уже послышалась веселость.

— Объясниться съ директоромъ надо. А то такъ, ни съ того, ни съ сего, нельзя выходить въ отставку. По-военному они поступаютъ, чортъ побери! Впрочемъ, вѣроятно, тутъ какое-нибудь недоразумѣніе! Я, птица, объяснюсь. Это все ничего! Не тужи!

— Вотъ подрядчика Сивкова сына оставили на третій годъ,— плачевно и съ негодованіемъ въ голосѣ разсуждалъ я.

— Ну, значитъ, и тебя оставятъ,—съ увѣренностью замѣтилъ дядя.—Это ложная тревога, чтобы войско не дремало. Военная хитрость. Объяснюсь и оставятъ. Я думаю завтра идти. Какъ ты полагаешь? Вѣдь чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше. Къ Бубнову и писать не будемъ.

— Разумѣется,—поспѣшилъ я согласиться съ дядей.

— Ну, а на будущій годъ, птица, я возьму изъ гимназіи учителей. Учи уроки подъ ихъ руководствомъ. Баста гулять!—дружески похлопалъ дядя меня по плечу.—Бодрѣй гляди. Я все улажу! Нечего хмуриться. Еще захвораешь, пожалуй, а мы, братъ, скоро на рыбную ловлю отправимся. Вишь, весна-то какъ катитъ на всѣхъ парусахъ. Поди-ка скоро и летъ вскроетъ. Посинѣлъ онъ, словно больной въ чахоткѣ... Эхъ, что-то Маруська! Плоха она была, какъ въ послѣдній разъ ее видѣлъ! Загубили, бѣднягу.

Дядя сдѣлался грустнымъ и снова зашагалъ по комнатѣ. Поблагодаривъ его, я пошелъ спать. Успокоенный имъ и обрадованный извѣстіемъ о скоромъ наступленіи рыболовнаго сезона, я уснулъ спокойно. На слѣдующій день, рано утромъ, мы отправились къ директору. Дядя прошелъ къ нему на квартиру, я остался въ коридорѣ ожидать результатовъ объясненія.

Съ свойственными дядѣ ловкостью и умѣньемъ вести дипломатическіе переговоры появился онъ передъ начальникомъ гимназіи и дружески отъ всей души пожалъ руку послѣдняго.

— Мнѣ нужно съ вами переговорить, господинъ директоръ,—началъ дядя, развязно подвигая себѣ стулъ.

Нашъ директоръ, Германъ, былъ довольно добродушнымъ обрусѣвшимъ нѣмцемъ. Онъ отлично зналъ различные древніе языки и очень туго понималъ самыя простыя вещи изъ обыденной жизни. Сдѣлавшись директоромъ, онъ продолжалъ рыться въ старыхъ книгахъ, подобно кроту, отыскивая подъ землею слѣды древней, исчезнувшей жизни, но совершенно не понималъ, какія обязанности налагало на него его званіе. Понялъ онъ только одно, что съ этимъ званіемъ, какъ съ званіемъ древняго римскаго сенатора, соединяется не мало значенія, и потому старался держаться передъ простыми смертными съ офиціальною, невозмутимою важностью. Эта натянутая важность такъ тяготила его, что онъ или старался поскорѣе отдѣлаться отъ посѣтителей, или просто отсылалъ ихъ къ инспектору, управлявшему всѣмъ. Только по этой важности директорской физіономіи люди догадывались, что передъ ними стоитъ лицо значительное; не будь этой важности, и они прошли бы мимо добродушнаго старикашки, даже не уступивъ ему дороги. Но никакой важный и сухой видъ человѣка не могъ поразить моего дядю, обращавшаго очень мало вниманія на лица и платья людей. Не поразило его и директорское величіе. Онъ усѣлся на стулъ и готовъ былъ начать дружескія рѣчи. Директоръ не безъ изумленія взглянулъ на него и, не перемѣняя своего натянутаго офиціальнаго положенія, остался стоять, надѣясь черезъ минуту освободиться и отъ своего посѣтителя, и отъ своей ненавистной парадной важности.

— Я слышалъ, что вы хотите исключить моего племянника. Тутъ вышло маленькое недоразумѣніе,—началъ дядя.

— Я тутъ не вижу именно никакого недоразумѣнія,— сухо отвѣтилъ директоръ и началъ протирать стекла своихъ очковъ, вѣроятно, вслѣдствіе непривычки стоять безъ дѣла. — Вашего родственника на законномъ основаніи исключаютъ. Онъ на третій годъ въ классѣ засидѣлся. А это именно...

Директоръ, постоянно прибѣгая къ помощи своего «именно», говорилъ такимъ русскимъ языкомъ, что даже и этотъ живой языкъ казался въ его устахъ какимъ-то мертвымъ языкомъ давно отжившаго народа. Дядя, конечно, не могъ не почувствовать, какъ тяжело объясняться этому доброму нѣмцу, и поспѣшилъ перебить его и вывести изъ затрудненія.

— Помилуйте! — воскликнулъ онъ. — Да вы присядьте,

пожалуйста, — любезно пригласилъ дядя директора сѣсть, какъ могъ это сдѣлать только самый радушный хозяинъ.

Директоръ важно пожалъ плечами и, кажется, не вполнѣ сознавая, какъ должно ему поступить въ данномъ случаѣ, не уронивъ своего сана, сѣлъ на край кресла, вытянувшись въ струнку и величественно положивъ одну руку на столъ.

— Помилуйте! За что же исключать? — продолжалъ дядя. — Да Богъ съ нимъ, пусть онъ сидитъ хоть пять лѣтъ въ одномъ классѣ.

— Именно этого нельзя! Мы законами руководствоваться обязаны и именно въ этомъ...

— Да какой же тутъ можетъ быть законъ? — снова перебилъ дядя, облегчая директору объясненіе. — Какое дѣло закону, скоро ли выучится мой племянникъ или нѣтъ? Если ужъ я, его родственникъ и попечитель, не сѣтую, что онъ сидитъ такъ долго въ классѣ, то и пусть его сидитъ. И можетъ ли законъ опредѣлять, во сколько времени выучится мой племянникъ? Вѣдь законъ-съ съ нимъ не знакомъ! Хе-хе-хе!

Дядя взъерошилъ самодовольно усы, оставшись въ восторгѣ отъ своего остроумія. Директоръ захлопалъ глазами. Какъ хлопанье крыльями у пѣтуха является предвѣстіемъ пѣсни, такъ у директора хлопанье глазами было яснымъ признакомъ того, что онъ собирается много говорить и что ему довольно трудно исполнить это желаніе.

— Но вы извольте забывать, что, въ одномъ классѣ три года сидя, онъ именно изъ лѣтъ выйдетъ и маленькихъ дѣтей, которыя съ нимъ на одной скамейкѣ сидятъ, портить будетъ.

Директоръ остановился и въ упоръ началъ смотрѣть на дядю, пораженный своей сообразительностью и умѣньемъ вполнѣ точно и толково выражаться по-русски.

— Такъ-съ, такъ-съ! — живо заговорилъ дядя. — Но вѣдь вы примите въ соображеніе то, что мой племянникъ изъ лѣтъ не вышелъ. Выйди онъ изъ лѣтъ, — а! это другое дѣло. Нельзя, никакъ нельзя оставить женатаго больнаго учиться рядомъ съ невинными людьми. Но вѣдь мой Володька изъ лѣтъ не вышелъ. Ну, значитъ, это уладилось! — издохнулъ широкимъ вздохомъ дядя, точно у него камень съ груди свалился, и протянулъ руку.

Но директоръ съ отупѣвшимъ видомъ снова заморгалъ глазами, составляя мысленно новую рѣчь, и слегка нома-

халъ рукою въ воздухѣ. Казалось, онъ хотѣлъ сказать этимъ жестомъ: «погодите, погодите протягивать руку, я еще не все сказалъ».

— Вы опять изволили забывать, — началъ онъ черезъ минуту: — что, кромѣ лѣтъ, есть еще именно другія условія, исключающія учениковъ заставляющія. Они лѣнивы и мѣшаютъ другимъ ученикамъ, заградивъ имъ дорогу къ наукѣ. У насъ комплектъ назначенъ, и на мѣсто, гдѣ лѣнтяй сидитъ, не можетъ прилежный поступить потому именно...

— Позвольте-съ, позвольте-съ, господинъ директоръ,— съ негодованіемъ вскочилъ со стула дядя. — Да вѣдь гимназія-съ дворянами устроена. Она для дворянъ существуетъ. Въ ней за свои деньги дворяне учатся. Такъ какъ же это комплектъ? За свои деньги я не могу найти мѣста своему родственнику или сыну? Ну-съ, а если у дворянъ вдругъ народится больше комплекта дѣтей, что вы тогда станете дѣлать съ этими сверхъ-комплектными поросятами?

Директоръ пожалъ плечами и тоже всталъ.

— Извините,—началъ онъ, сухо откланиваясь.

Но дядя въ пылу негодованія успѣлъ уже захватить его за пуговицу вицмундира.

— Нѣтъ-съ, вы разрѣшите мнѣ этотъ вопросъ, — почти кричалъ капитанъ. — Я говорю, если всѣ дворяне переженятся, если у дворянъ народится слишкомъ много дѣтей, если всѣ эти дѣти отлично выдержатъ экзамены, если за нихъ за всѣхъ представятъ деньги, а въ гимназіи будетъ полный комплектъ,—что же тогда будетъ?

Директоръ сердито заморгалъ глазами.

— Тогда ихъ не примутъ, именно не примутъ,—раздражительно отвѣтилъ онъ, теряя послѣдніе слѣды офиціальнаго хладнокровія.

— Вы шутите!

— Мнѣ кажется именно, что вы изволите шутить. Эти простыя вещи каждый человѣкъ понимать долженъ.

— Ну, нѣтъ-съ, это не простыя вещи, очень не простыя.

— Я васъ попросилъ бы оставить пуговицу, — замѣтилъ директоръ.

— Гдѣ пуговица?—съ изумленіемъ спросилъ дядя.

— Именно у васъ въ рукахъ.

— А чортъ ее возьми!—почти оттолкнулъ директора капитанъ.—Привычка-съ! Виноватъ!

Директоръ, быстро хлопая глазами, принялъ совсѣмъ суровый и важный видъ.

— Я вамъ еще замѣтить долженъ, — началъ онъ: — что вашъ родственникъ, кромѣ лѣни, очень дурную нравственность оказываетъ, онъ...

— Ну, ужъ это-то неправда! — загорячился дядя, перебивая его.

— Что же вы думаете, что я ко лжи прибѣгаю? — обидѣлся директоръ.— Онъ именно два раза за куреніе табаку пойманъ былъ.

— А-а! — повеселѣлъ дядя. — Вотъ всегда я говорилъ, что онъ весь въ меня, весь въ меня, чортъ побери! Вы не можете себѣ представить, господинъ директоръ, какой я лѣнтяй былъ и всегда за куреніе табаку попадался. И вѣдь, бывало, какъ сумѣю провести всякую бестію изъ начальства.

Дядя совсѣмъ развеселился и снова сдѣлался любезнымъ.

— Вы забываете именно, что я, — началъ директоръ обиженнымъ тономъ, опять теряя официальную невозмутимость...

— Помилуйте, развѣ я сказалъ что-нибудь обидное для васъ? Я про наше корпусное начальство говорю, какъ я его надувалъ. И вѣдь какія я выдумывалъ штуки, — дружески говорилъ капитанъ. — Вообразите себѣ, придешь это въ...

— И вы все это именно своему родственнику разсказывали?

— Какъ же, какъ же! Иногда засидимся мы это, знаете, съ нимъ вечеромъ, вспомню я старину и разсказываю...

— Скажите, живы у него родители?

Дядя съ грустью вздохнулъ.

— Отецъ умеръ. Мать жива, за вторымъ замужемъ, больна, несчастная!

— Именно несчастная!—покачалъ головою директоръ.— Именно ее мнѣ жаль...

— А вы развѣ знавали ее? Въ институтѣ, можетъ-быть...

— Не имѣлъ этого удовольствія...

— Странно, странно!..

— Вы меня извините, у меня дѣла...

— Позвольте...

Но директоръ поклонился и вышелъ. Ему, вѣроятно, впервые пришлось такъ долго пробыть въ парадной одеждѣ, и воображаю, какъ легко вздохнулъ бѣдняга, надѣвъ свой

шлафрокъ и черную бархатную шестиугольную шапочку съ золотой кистью, постоянно согрѣвавшую его старческую голову.

Дядя вышелъ ко мнѣ не столь хмурымъ, сколько озадаченнымъ и сбитымъ съ толку.

— Странно, очень странно! — говорилъ онъ, пожимая плечами и выходя со мною изъ гимназіи. — Кажется, директоръ добрый человѣкъ и мать твою жалѣетъ, хоть и самъ говоритъ, что не знаетъ ея, а тебя не хочетъ оставить. И что это за законъ такой: за свои деньги не имѣешь права учить ребенка, и даже если прилежный онъ, да въ комплектъ не попалъ, такъ и сиди безъ образованія. Ничего не понимаю, рѣшительно ничего! И вѣдь какъ я тонко обо всемъ этомъ съ нимъ разсуждалъ, а нѣтъ-таки, подлецъ, уперся на своемъ, и хоть ты ему колъ на головѣ теши. А вѣдь я у него чуть пуговицу не оторвалъ!—захохоталъ дядя и началъ разсказывать мнѣ, какъ онъ по привычкѣ захватилъ пуговицу директорскаго вицмундира.

Несмотря на веселость дяди, я хмурился и сильно побаивался моего выхода изъ гимназіи. Болѣе всего страшило меня то обстоятельство, что непріятная вѣсть можетъ разстроить и безъ того мою все прихварывавшую мать. Я попросилъ дядю не писать ничего, а съѣздить въ Кронштадтъ для объясненія съ Бубновымъ. Дядя согласился и замѣтилъ, что нужно только подождать начала навигаціи, такъ какъ по льду опасно ѣхать въ эту пору. Вечеръ въ этотъ день я провелъ невесело. Впервые начало возникать во мнѣ недовольство собою. До сихъ поръ я судилъ только о поступкахъ другихъ людей, негодовалъ только на нихъ и ни разу не подумалъ провѣрить себя, явиться своимъ судьею. Можетъ-быть, и теперь я не взглянулъ бы на свои дѣйствія, если бы моему воображенію не представлялась яркая картина болѣзни моей матери и того горя, съ которымъ встрѣтитъ она извѣстіе о моемъ исключеніи изъ гимназіи. Мысль, что это извѣстіе можетъ убить мою мать, начала преслѣдовать меня, какъ роковая и неотразимая тѣнь. Ни шутки дяди, ни встрѣча въ коридорѣ съ Дормидономъ Дормидоновичемъ и Фуфайкиной не развлекали меня. На слѣдующій день я уже не пошелъ въ гимназію, й это противное зданіе, откуда я еще такъ недавно стремился убѣжать, вдругъ стало такъ дорого, такъ мило для меня, что я, кажется, отдалъ бы все за возможность идти туда. Мнѣ представлялось, что тамъ идутъ репетиціи, что

мои товарищи получатъ отличные баллы, что ихъ переведутъ въ слѣдующій классъ, что они незамѣтно дождутся выпуска изъ гимназіи и сдѣлаются умными, образованными людьми, а я... Что со мной будетъ? что изъ меня выйдетъ? что скажетъ Бубновъ? какъ перенесетъ это моя мать? Съ чисто-дѣтскою наивностью я въ то время полагалъ, что для меня уже нѣтъ никакого исхода, и что съ исключеніемъ изъ гимназіи связывается гибель всего моего будущаго счастія. Съ давнихъ поръ я привыкъ слышать, что образованные и служащіе люди выходятъ только изъ гимназій и корпусовъ, и эти учебныя заведенія казались мнѣ какими-то святилищами, откуда выдаются патенты на право гражданства и служенія отечеству.

Дядя покачивалъ головою, видя, что я тоскую, замѣчая, что у меня красные глаза. День показался мнѣ невыносимо-долгимъ, и къ вечеру тоска приняла еще большіе размѣры. Я уже плакалъ не украдкою, а даже при дядѣ.

— Ну, съѣдимъ куда-нибудь, разсѣемся,—говорилъ онъ, лаская меня.

— Никуда я теперь не поѣду! Мнѣ глаза къ людямъ показать стыдно,—отвѣчалъ я.—Что теперь со мной будетъ?

— Не захворай опять! Все обойдется, устроимъ какъ-нибудь! Учителей возьмемъ.

Дядя еще утѣшалъ меня, когда къ намъ вошла наша хозяйка и сказала ему, что его спрашиваетъ какая-то дама. Дядя изумился и велѣлъ просить неожиданную посѣтительницу въ гостиную, самъ же началъ оправлять свою одежду и приглаживать волосы.

— Постичь не могу, кто бы это могъ быть,—бормоталъ онъ, немного волнуясь и направляясь изъ кабинета въ другую комнату.

Тамъ уже ждала его женщина лѣтъ тридцати-двухъ, довольно плохо одѣтая, хотя и не безъ претензій на моду. Ея полное лицо было довольно бѣло, щеки были довольно румяны и вообще она еще не могла назваться отцвѣтшимъ существомъ. Ея черные, масляные глазки, нелишенные мелкаго и, если можно такъ выразиться, откровеннаго лукавства, зорко смотрѣли и быстро перебѣгали съ предмета на предметъ, словно высматривая добычу.

— Съ кѣмъ имѣю удовольствіе говорить?—обратился къ ней дядя, вѣжливо расшаркиваясь передъ нею.

— Благодѣтель! Вдова корнета Елкина, Матрена Марковна. Не имѣла до сихъ поръ случая благодарить васъ

лично. Не трафлялось встрѣтиться. Только въ молитвахъ приносила за васъ благословенія,—довольно жеманно и чопорно заговорила посѣтительница, хотя этотъ тонъ какъ-то не вязался съ отрывистыми фразами ея рѣчей.

Повидимому, ея тонъ былъ искусственный, принятый на случай, а отрывочность ея фразъ была обычнымъ способомъ выражаться и немного припахивала кухонною сварливостью, рыночнымъ сплетничаньемъ, вообще привычкою тараторить.

— Если не ошибаюсь, я вижу тетушку господина Ярышкина,—началъ дядя, приглашая посѣтительницу сѣсть.

— Злодѣй, злодѣй! Онъ изъ меня душеньку мою вымоталъ! Вы меня извините, не могу не плакать. Обнаковенно я слабая женщина,—заговорила такъ же отрывочно и тѣмъ же тономъ Елкина, отирая сухіе глаза.—Если бы не онъ, никогда не рѣшилась бы придти къ незнакомому мужчинѣ. Я вдова... Заступничества ищу... Какъ къ родному, какъ къ покровителю прибѣгаю къ вамъ.

— Приказывайте-съ, чѣмъ могу служить? — промолвилъ дядя, какъ истинный дамскій угодникъ.

— Я вамъ все по порядку... Вы видите, я женщина не старая, въ соку, — произнесла Елкина и быстро потупила глаза. — Я вдова, у меня дѣти, я беззащитна. Когда онъ пріѣхалъ, я была рада. Все же мужчина, и никакой морали не можетъ-быть, такъ какъ онъ родной племянникъ мнѣ, покойной сестрицы Пелагеи Марковны сынъ. Вотъ поселился онъ у меня, и вижу я, что онъ пьетъ, пьетъ и буйствуетъ. Тянетъ съ меня послѣдній грошъ, послѣднія тряпки.

— Боже мой, Боже мой, кто бы могъ это подумать! — воскликнулъ дядя.—Онъ такъ жалѣлъ васъ!

— Жалѣлъ! Онъ кровопивецъ мой, тирранъ, тирранъ! — воскликнула Елкина съ азартомъ. — Ну-съ, силъ моихъ не стало, говорю я ему: выѣзжай. Не выѣду, говоритъ. Хорошо-съ, я въ полицію. Велѣли ему выѣхать. Только вы себѣ представьте. Выѣхалъ онъ и начинаетъ ходить, каждый день ходитъ ко мнѣ и ночуетъ, ходитъ и ночуетъ.

— Ну, вы бы не пускали.

— Нельзя-съ. Я женщина, у меня дѣти, а онъ мужчина. Только отворишь двери, — онъ тутъ, какъ тутъ, входитъ, садится и буйствуетъ. Садится и буйствуетъ!

— Ну, вы бы къ полиціи опять обратились.

— Обратилась. Спрашиваютъ: избилъ онъ кого-нибудь?

Никого, говорю, не избилъ. Говорятъ: укралъ онъ у васъ что-нибудь? Ничего не воровалъ, говорю. Такъ чего же намъ надо? спрашиваютъ. Чтобы онъ ко мнѣ не ходилъ, объясняю, подписку съ него возьмите. Этого, говорятъ, нельзя, такихъ законовъ нѣтъ. Онъ ходитъ, какъ родной. Не родной онъ мнѣ, а тирранъ, тирранъ, говорю.

— Ну-съ?

— Ну, вотъ и ходитъ, и до сихъ поръ ходитъ. «Вы, говоритъ, тетенька, душу свою спасаете тѣмъ, что меня призрѣваете, вамъ за это на небесахъ отплатится». Какою? На небесахъ отплатится! Да здѣсь-то я мученица, мученица.

— Что же тутъ дѣлать?—развелъ дядя руками.

— Заступничества вашего прошу, благодѣтель мой. Спасти себя прошу.

— Я ужъ и не знаю, какъ тутъ быть? — размышлялъ дядя.

— Не можете ли вы кого-нибудь попросить, полиціймейстера, что ли? Житья мнѣ нѣтъ. Я женщина слабая, мнѣ ходу не даютъ. А вы мужчина, человѣкъ заслуженный, васъ, можетъ-быть, послушаютъ.

— Я похлопочу, постараюсь что-нибудь сдѣлать, — говорилъ дядя.— Но это такое странное, необыкновенное дѣло... Первый разъ въ жизни слышу, чтобы человѣкъ въ своемъ домѣ не могъ избавиться отъ непрошеннаго посѣтителя.

— Да, просто небывалое дѣло! Вѣдь я переѣзжать пробовала...

— Ну, и что же?

— Переѣхала, пошла на рынокъ, ворочаюсь домой, а мой соколъ сидитъ и пьянехонекъ!

Дядя только руками развелъ.

— Все потому, что я женщина, что у меня мужчины нѣтъ. Живи-ка у меня хоть вотъ такой человѣкъ, какъ вы, такъ мой тирранъ и глазъ бы ко мнѣ не показалъ, порога бы моего за версту обѣгалъ.

Дядя задумался.

— Я на васъ, благодѣтель мой, всю надежду возлагаю,— начала снова Елкина.—Я знаю вашу доброту, ваше мягкое сердце. Тоже слухомъ земля полнится, слышала, что вы отецъ сиротамъ, защита слабымъ.

— Я попрошу васъ навѣдаться ко мнѣ, а я, между тѣмъ, переговорю кое-съ-кѣмъ. Авось что-нибудь удастся сдѣлать.

Елкина еще разъ упомянула о добродушіи дяди, замѣтила вскользь, что ему, должно-быть, тяжело жить безсемейною жизнью, сказала съ глубокимъ вздохомъ, что она знаетъ по опыту, каково вдовствовать или быть холостымъ, и, прося позволенія навѣдаться черезъ нѣсколько дней о своемъ дѣлѣ, ушла.

— Вотъ тоже несчастная женщина!—говорилъ дядя, возвращаясь въ кабинетъ.— И кто могъ подумать, что нашъ кавказецъ такой подлецъ. Все о любви къ роднымъ толковалъ, а самъ измучилъ, истерзалъ беззащитную вдову. Это надо довести до свѣдѣнія высшихъ лицъ. Что-жъ, вѣдь я не какой-нибудь подьячій, я могу и до губернатора дойти. Если понадобится, буду хлопотать о высылкѣ его изъ города. Нельзя же позволять людямъ такъ вольничать. Этакъ никому житья не будетъ.

Я почти не слышалъ дядю и не принималъ никакого участія въ его новыхъ тревогахъ. Мое горе давило меня и заглушало всѣ посторонніе интересы. Прошло дня два. Я ходилъ, какъ человѣкъ, потерявшій что-то и не имѣющій силъ отдѣлаться отъ мысли объ этой потерѣ. Сколько ни старался дядя утѣшать меня, это ему не удавалось. Не весело было и ему самому. На третій день послѣ объясненія съ директоромъ, оставивъ меня за книгою, онъ отправился немного разсѣяться къ одному изъ своихъ отставныхъ товарищей по службѣ. Входя въ его квартиру, онъ услыхалъ свою фамилію.

— А вотъ и я, хоть не чортъ, а легокъ на поминѣ,— промолвилъ онъ, здороваясь съ пріятелемъ и его гостемъ, молодымъ морякомъ Марковымъ.

— А! вы еще не уѣхали?—удивился Марковъ.

— Нѣтъ, я рѣшилъ ѣхать, когда ледъ разойдется,—отвѣчалъ дядя, не сообразивъ, что Марковъ никакъ не могъ знать о его намѣреніи ѣхать въ Кронштадтъ.

— Значитъ, племянника одного отправили?

— Нѣтъ, и онъ здѣсь. Что ему тамъ дѣлать?

Марковъ съ изумленіемъ взглянулъ на дядю и потомъ на хозяина.

— Я думаю, ему бы пріятно было исполнить сыновній долгъ,— проговорилъ онъ нерѣшительнымъ тономъ.

— Что такое? Какой сыновній долгъ?— тревожно спросилъ дядя.

Хозяинъ тихо покачалъ головой Маркову и обратился къ дядѣ.

— Ты, вѣроятно, ничего не знаешь,—началъ онъ съ видимою осторожностью.

— Что? объ чемъ?

— Извините,—промолвилъ Марковъ:—я, право, затрудняюсь... Непріятно передавать печальныя новости... Дѣло въ томъ, что ваша племянница...

У дяди дрогнули усы.

— Ну?—глухо прошепталъ онъ.

Офицеры переглянулись между собою, словно спрашивая другъ у друга, что дѣлать.

— Она больна...

Дядя тяжело опустился на стулъ и схватился руками за голову.

— Умерла!—прошепталъ онъ потрясеннымъ голосомъ, и на его полусѣдые усы потекли крупныя слезы.

— Ради Бога, успокойся!.. Эхъ, какой же ты слабеха!.. Она жива... но больна... опасно больна,—уговаривалъ его хозяинъ, какъ-будто не досказывая чего-то.

Дядя вскочилъ и схватилъ фуражку.

— Куда же ты? Теперь нельзя ѣхать... Не ѣзди... Зачѣмъ спѣшить...

Но дяди уже не слушалъ болѣе; въ его ушахъ звучала только одна фраза, что Маруся еще не умерла; въ его умѣ вертѣлась только одна мысль о возможности попасть къ Марусѣ во-время, и онъ бѣжалъ по городской грязи, какъ восемнадцатилѣтній юноша.

— Ѣдемъ, ѣдемъ!—крикнулъ онъ мнѣ бросающимъ въ дрожь голосомъ, вбѣгая въ комнату.—Маруся... твоя мать... больна... умираетъ... Марусенька!

Онъ безъ силъ опустился на диванъ и закрылъ лицо руками. Его старая, сѣдая голова дрожала. Я совершенно растерялся. Я не плакалъ. Во мнѣ словно что-то оборвалось. Я бѣгалъ изъ угла въ уголъ, надѣвалъ не то, что нужно, торопился, но вещи падали изъ рукъ. Дяди тоже то выбѣгалъ къ хозяйкѣ, то совалъ что-то въ дорожный мѣшокъ и не могъ справиться съ дѣломъ. Въ эту минуту въ нашу комнату вошелъ Дормидонъ Дормидоновичъ. Онъ былъ сконфуженъ и неловокъ болѣе обыкновеннаго.

— Я слышу, вы въ Кронштадтъ собираетесь,—началъ онъ робкимъ голосомъ съ заискивающей улыбочкой.—Я вотъ все не рѣшался сообщить вамъ... и опоздалъ... Хотѣлъ звать васъ на свадьбу...

— Только о свадьбахъ и думаете. Какъ бы чужой вѣкъ

заѣсть... Женщину уложить въ могилу!—со злобою пробормоталъ дядя, утискивая что-то кулакомъ въ мѣшокъ.

— Что это вы, Петръ Акимовичъ, какія слова говорите... Я и мухи-то не убью, пусть ее летаетъ, коли ее Богъ создалъ,—въ смущеніи оправдывался Тюнинъ.

— Всѣ вы хороши!—проговорилъ сквозь зубы дядя.

— Я бы отложилъ до мая для васъ... Только Антонида Павловна говоритъ, что въ маѣ бываютъ несчастныя свадьбы,—объяснялъ Тюнинъ несмѣлымъ тономъ.

— Да убирайтесь вы къ чорту съ вашими свадьбами!—обернулся къ нему дядя.—Тутъ человѣкъ умираетъ, а онъ свадьбою въ глаза тычетъ?

Дормидонъ Дормидоновичъ словно пустилъ корни въ полъ и замеръ на мѣстѣ. Дядя накинулъ на себя теплую одежду и пошелъ изъ комнаты. Я послѣдовалъ за нимъ.

— Скоты, право скоты, — бормоталъ дядя, выходя на улицу.—Туда же, о женитьбѣ думаютъ. Мало несчастныхъ людей показалось, еще дюжину наплодить хотятъ... Примѣры, кажется, передъ глазами. Сами видятъ, какъ гибнутъ люди... Ахъ, Маруська, Маруська!.. Поспѣемъ ли? И выдалась же погода такая... Вотъ и твой отецъ отъ этой погоды умеръ... Кажется, весь свѣтъ объѣздилъ, а подлѣе города не видалъ, чѣмъ этотъ Петербургъ... Охъ, Господи, что-то теперь съ Марусей дѣлается! На крыльяхъ бы, кажется, полетѣлъ.

Мы наняли экипажъ до Ораніенбаума, такъ какъ напрямикъ въ Кронштадтъ было невозможно ѣхать. Санной дороги до Ораніенбаума тоже не было. Съ петергофскаго шоссе исчезли послѣдніе слѣды снѣга, и оставалась только одна весенняя грязь. Мы тащились почти всю ночь до Ораніенбаума.

— Вотъ если бы Лаврентій былъ живъ, разомъ бы доставилъ насъ въ Кронштадтъ,—говорилъ дядя, отыскивая повозку въ Ораніенбаумѣ.

X.

Продолженіе предыдущей главы.

Рано на зарѣ намъ приходилось ѣхать по льду. Около постоялаго двора было только три извозчика, и тѣ собирались, повидимому, въ свои деревни. Дядя сталъ подговаривать ихъ перевезти насъ въ Кронштадтъ. Ни одинъ не соглашался, говоря, что теперь опасно ѣхать. Послѣ долгихъ переговоровъ одинъ изъ нихъ взялся перевезти насъ за двѣ красненькихъ. Это была баснословная по тому времени цѣна,

но дядя не стоялъ за цѣной и готовъ былъ дать даже вдвое. Мы усѣлись въ повозку и поѣхали. Утро было довольно свѣжее и ясное, хотя на небѣ и бродили бѣлыя тучки. Нельзя было сказать, каковъ будетъ день: рѣзкій вѣтеръ могъ и разогнать эти одинокія тучи, и сплотить ихъ въ одну густую массу. Какъ только лошади ступили на ледъ, такъ тотчасъ же съ закрытыми глазами можно было сказать, что поверхность льда превратилась въ снѣгъ, «исчахла», какъ выражался извозчикъ. Подъ санями не слышалось того глухого, похожаго на стукъ по пустой бочкѣ, звука, который слышится во время морозовъ на ухабахъ при ѣздѣ по льду. Теперь, напротивъ того, полозья саней, какъ-то шурша, врѣзывались въ исчахнувшій ледъ, поминутно вызывая звуки расплескивавшейся подъ ними воды. Ухабовъ почти не было; они всѣ сгладились въ одну синевато-сѣрую поверхность, блестѣвшую въ нѣкоторыхъ мѣстахъ яркими пятнами скопившейся на ней воды. Полозья саней не оставляли на снѣгу плотнаго блестящаго слѣда, и прорѣзанныя ими колеи тотчасъ же заливались водой. Прошло не болѣе десяти минутъ, какъ вѣтеръ началъ крѣпчать; онъ былъ рѣзокъ и пронзителенъ и дулъ съ моря.

— Не-моровить хочетъ, что ли?—проборможталъ дядя.

— Снѣгъ пойдетъ, — замѣтилъ извозчикъ. — Ишь тучи какія.

Дѣйствительно, минутъ черезъ пять повалилъ сухой снѣгъ. Съ каждой минутой дорога, и безъ того едва замѣтная, заметалась снѣгомъ, за которымъ уже не стало видно почти ничего. Мы кутались въ шинели отъ холоду. Извозчикъ ѣхалъ все тише и тише.

— Что же ты спишь!.. Клюкву, что ли, мы продавать ѣдемъ? — сердито крикнулъ дядя.

— Нельзя скоро ѣхать, дороги не видно! Ишь, значки-то поснимали, черти. Палокъ жаль, —разсуждалъ извозчикъ.

Въ это время впереди что-то треснуло, и насъ разомъ осадило назадъ. Извозчикъ, прежде чѣмъ мы опомнились, соскочилъ съ облучка, гдѣ онъ сидѣлъ, приткнувшись на всякій случай къ краю. Дядя схватилъ меня и торопливо потащилъ изъ повозки. Одна изъ лошадей, пристяжная, стояла въ бокъ, почти подъ прямымъ угломъ къ санямъ, боязливо сторонясь отъ трещины; другая лошадь, коренная, стояла какъ-будто на колѣняхъ, растянувшись брюхомъ и задними ногами по льду. Оказалось, что она провалилась передними ногами въ трещину. Извозчикъ хлопоталъ около

пея. Увидавъ, что мы сами находимся внѣ опасности, дядя сталъ помогать извозчику. Кое-какъ, послѣ долгихъ усилій, при помощи подложенной подъ брюхо лошади оглобли, имъ удалось вытащить ея переднія ноги и оттащить ее отъ трещины. Она тяжело дышала и совсѣмъ присмирѣла.

— Тутъ не проѣдешь,—замѣтилъ извозчикъ:—видно съ дороги сбились, надо пойти поискать пути.

Онъ отправился искать, нѣтъ ли гдѣ настилки черезъ трещину. Я съ дядей остался у повозки. Удалившись на нѣсколько шаговъ, извозчикъ вдругъ скрылся изъ виду. Я впервые увидалъ такую странную картину. Казалось, мы были окружены сплошною бѣлою массою. Сѣжники были видны только на нашей одеждѣ, на повозкѣ и лошадяхъ; далѣе же онѣ превращались въ тяжелую бѣлую пелену, охватывавшую насъ и снизу, и сверху, и съ боковъ. Если бы передъ нами не было трещины, если бы повозка не оставалась въ прежнемъ положеніи, то черезъ минуту мы могли бы сбиться, съ которой стороны мы ѣдемъ и по какому направленію нужно продолжать путь. Все было бѣло; ни въ которой сторонѣ воздухъ не казался ни свѣтлѣе, ни темнѣе; терялась всякая возможность опредѣлить, гдѣ свѣтитъ солнце. Дядя крикнулъ извозчику:

— Держись трещины, не-то заплутаешься!

Но на его крикъ не послышалось отвѣта. Вѣроятно, извозчикъ не слыхалъ этого крика. И не мудрено: кругомъ насъ однообразно и ровно гудѣлъ вѣтеръ; это не были порывистые звуки, они не усиливались и не утихали, но однообразно и непрерывно гудѣли въ воздухѣ, какъ шумитъ въ ухѣ, если приложить къ нему раковину или что-нибудь подобное. Только тутъ шумъ былъ сильнѣе и самое страшное въ немъ было то, что онъ былъ до одуренія однообразенъ, не нарушался никакими другими звуками и не прерывался ни на минуту. Вообще однообразіе—будетъ ли это однообразіе звуковъ, картинъ или всего строя жизни—явленіе страшное: оно сначала раздражаетъ нервы, доводитъ до злобы, до одурѣнія, потомъ навѣваетъ болѣзненную тоскливость и, наконецъ, приводитъ къ апатіи, къ идіотской покорности. При немъ минуты кажутся часами, часы—днями. Нетерпѣливо слушалъ я шумъ вѣтра и раздражительно ожидалъ, что вотъ-вотъ онъ утихнетъ или разразится какимъ-нибудь бѣшенымъ порывомъ. Но вѣтеръ не утихалъ и не усиливался. Я началъ дрогнуть. Дядя посовѣтовалъ мнѣ бить ногой объ ногу и похлопывать руками. Черезъ чет-

верть часа, показавшуюся мнѣ часа въ два, извозчикъ вернулся къ намъ.

— Обратно нужно ѣхать, — рѣшилъ онъ.— Досокъ нигдѣ не осталось.

— Да ты нашелъ ли дорогу?—спросилъ дядя.

— Отчего не найти, тамъ вонъ и теперь лошадь замерзла.

— Какъ лошадь замерзла?

— Да извѣстно какъ, пошла въ трещину и застряла. Тамъ трещина непорока.

— Такъ надо туда ѣхать, авось переберемся.

— Что я ворогъ себѣ, что ли, что переѣзжать стану! Полно-ка, мнѣ лошади-то не чужія. Не я ихъ кормлю, а онѣ меня кормятъ.

— Да я тебѣ заплачу за все...

— Богъ съ вами и съ вашими деньгами. Дуракъ былъ, что и ѣхать-то согласился въ экую мятель. Сказано, надо назадъ воротиться.

Дядя нахмурился.

— Ты поѣзжай въ Ораніенбаумъ, — обратился онъ ко мнѣ.—Я пойду...

— Я пойду съ тобой,—отвѣтилъ я.

— Богъ глупости! Поѣзжай назадъ, если тебѣ приказываютъ! — съ необычайной строгостью сказалъ онъ.

— Сказалъ, что не поѣду безъ тебя, такъ и не поѣду!

— Утонуть, что ли, захотѣлось?

— Да ты тяжелѣе меня, ты скорѣе можешь утонуть, а если ты пройдешь, пройду и я.

— Глупый, я одинъ кое-какъ добреду, а вдвоемъ пропадемъ.

— Ну, такъ я подальше пойду, а не вмѣстѣ съ тобой...

Дядя топнулъ ногой, забывъ, что подъ нимъ былъ растаявшій снѣгъ, а не полъ, и обрызгалъ меня водою.

— Что ты сердишься-то! — замѣтилъ я.

— Ну, что-жъ? твоя воля, тони, если охота пришла,— пробормоталъ сердито старикъ, но его голосъ уже дрожалъ.

Мнѣ было совершенно непонятно, почему дядя вдругъ началъ бояться за мою жизнь, когда намъ приходилось идти налегкѣ пѣшкомъ, тогда какъ онъ и не думалъ, повидимому, объ опасности, когда мы ѣхали въ тяжелой повозкѣ. Было ли это слѣдствіемъ увѣренности, что опытный извозчикъ не поѣдетъ, если опасность серьезна, и сумѣетъ спасти и насъ, и себя? Напомнилъ ли ему объ опасности первое предостереженіе? Или просто ему казалась на людяхъ и

смерть красна? Не знаю. Но было ясно, что теперь онъ трусилъ, конечно, за меня, а не за себя.

— Упрямъ, упрямъ ты!—проговорилъ онъ мнѣ и велѣлъ извозчику довести насъ до того мѣста, гдѣ замерзла лошадь.

Мы дошли до этого мѣста, придерживаясь трещины.

— Ну, попробуемъ перейти,—сказалъ дядя, и сталъ щупать ногою дохлую лошадь.

Обледенѣвшая, она плотно засѣла въ трещину, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ еще за день была настилка, въ видѣ моста. По всей вѣроятности, лошадь провалилась такъ же, какъ и наша коренная, только передними ногами, и уже послѣ соскользнула въ воду и ея третья нога. Четвертая нога лошади была страшно выгнута, словно выломана, и врѣзалась въ рыхлую поверхность льда. Замерзшая вода покрыла тонкой корой животное, снѣгъ запорошилъ его, такъ что нельзя было даже отличить цвѣта шерсти. Нога, врѣзавшаяся въ чахлый ледъ, была едва примѣтна. Все животное представляло какую-то неуклюжую и неровную глыбу, похожую на тѣ гранитные камни, которые выдаются изъ-подъ воды около Ораніенбаума и Петергофа, и только напряженно-вытянутая шея, да морда, приподнятая и покоившаяся на льду противоположной стороны трещины, хранили еще прежній видъ и ярко свидѣтельствовали о послѣднихъ страшно мучительныхъ усиліяхъ животнаго спастись и не захлебнуться. Этотъ трупъ представлялъ довольно твердую опору для ногъ, а, главное, избавлялъ насъ отъ необходимости скакать черезъ трещину, что было бы особенно неудобно при неизвѣстности, не соскользнутъ ли наши ноги съ ломающейся поверхности льда и не подломятся ли его края подъ напоромъ быстро ударившагося объ него груза. Расплатившись съ извозчикомъ, мы осторожно и съ замираніемъ въ сердцѣ перешли черезъ трещину и пошли пѣшкомъ, не зная, далеко ли до Кронштадта и возможно ли до него добраться. Дядя хмуро молчалъ и тыкалъ въ ледъ палкою, пробуя его твердость, и смотрѣлъ внизъ, чтобы не сбиться съ дороги и не попасть въ полынью. Только слабые и разъѣзженные слѣды навоза, еще не совсѣмъ занесеннаго въ нѣкоторыхъ мѣстахъ снѣгомъ, указывали намъ путь. Вода брызгала изъ-подъ ногъ во всѣ стороны и, несмотря на высокія калоши, я чувствовалъ, что ноги у меня сыры. Навстрѣчу намъ не попадалось ни души, и некого было спросить, далеко ли было идти до цѣли нашего путешествія. Мы шли уже около часу, когда я началъ замѣчать

вдали, въ самомъ низу, какую-то длинную сѣроватую полосу, выдѣлившуюся изъ-подъ сплошной бѣлой пелены, окружавшей насъ. Мое сердце начало биться сильнѣе, и я уже шагалъ бодрѣе. Въ сторонѣ отъ насъ мелькнули три фигуры мужиковъ: они гуськомъ пробирались изъ Кронштадта въ Ораніенбаумъ; шедшій впереди былъ вооруженъ палкою и ощупывалъ ею ледъ. До насъ долетали звуки ихъ веселыхъ и безпечныхъ голосовъ. Съ каждой минутой бѣлая пелена стала дѣлаться прозрачнѣе, сѣроватая полоса впереди все темнѣла и расширялась. Наконецъ, передъ нашими глазами показались довольно смутныя, черныя очертанія зданій и надъ ними клочокъ синевато-сѣраго неба. Мы не говорили другъ другу ни слова, хотя каждый изъ насъ видѣлъ, что было впереди, и уже надѣялся благополучно дойти до берега. Но какой-то невольный, почти суевѣрный, страхъ заставлялъ насъ не высказывать этой надежды, точно она непремѣнно должна была обмануть насъ при первомъ нашемъ словѣ о ней. Мы боялись сглазить счастливый конецъ путешествія. Дядя съ каждымъ шагомъ все тщательнѣе и тщательнѣе ощупывалъ ледъ, обходилъ каждое подозрительное мѣсто и все осторожнѣе ступалъ усталыми ногами. Все такъ же безмолвно мы поднимались на небольшую крутизну: передъ нами были Петербургскія ворота.

— Ну, слава Богу!—перекрестился дядя на образъ и обнялъ меня.—Озябъ?

— Ничего, благо живы!—отвѣтилъ я.

— Да, да, живы! Жива ли она?

Дядя во всю дорогу отъ Ораніенбаума до Кронштадта впервые упомянулъ о моей матери. Можетъ-быть, во все это время его мысль была занята однимъ мною. Мы оставили въ первой попавшейся гостиницѣ свой мѣшокъ, наняли извозчика—въ Кронштадтѣ уже ѣздили на дрожкахъ, такъ какъ снѣгъ давно превратился въ грязь,—и поѣхали къ дому Бубнова. Подъѣзжаемъ: двери подъѣзда открыты. Мы входимъ на лѣстницу, въ переднюю. Нигдѣ нѣтъ ни души. Снявъ съ себя шинели и калоши, мы направились въ залъ. Тамъ было какъ-то особенно могильно-пусто: посрединѣ комнаты стояло ведро съ грязною водою; на полу лежали мочалка и нѣсколько тряпокъ; изъ одного угла были отодвинуты стулья и полъ смоченъ водою. Мы съ дядей торопливо пошли дальше и встрѣтились въ дверяхъ зала съ незнакомой женщиной. У нея были босыя ноги и поддернутая подъ лифъ грязнаго платья юбка. Она возвращалась къ мытью половъ.

— Что барыня?—спросилъ дядя.

— Вывезли-съ!—отвѣтила она.

— Какъ? Что? Умерла?—глухо прошепталъ дядя.

— Какъ же-съ! Вотъ за полчаса ихъ въ церковь отпѣвать повезли. Четвертаго дня...

Дядя схватилъ меня за руку и потащилъ въ переднюю. Мы одѣлись снова и пошли. Намъ было тяжело идти. Мы были похожи на странниковъ, пришедшихъ изъ-за десятковъ верстъ въ родной уголъ и не нашедшихъ въ этомъ углу ничего родного, ихъ встрѣчаютъ, не узнаютъ, холодно говорятъ, что ихъ родные свезены на погостъ, и они должны снова идти дальше. Куда? зачѣмъ?—неизвѣстно. Усталые, пораженные горемъ, мы шли молча, шли медленно. Наконецъ, передъ нами была церковь; близъ паперти стояли собственные экипажи и наемныя дрожки; на паперти толпились нищіе, слѣпые и хромые, старики и дѣти. Мы вошли въ храмъ. Мутный свѣтъ сѣраго дня, тяжелыя волны разстилавшагося дыма, одуряющій запахъ ладана и удушливый воздухъ отъ стѣснившагося, парящагося въ теплой одеждѣ народа, гнусливое, нестройное пѣніе на клиросѣ, заунывное и монотонное бормотанье стараго священника и посреди храма на возвышеніи гробъ,—бѣлый гробъ, украшенный пальмовыми листьями и плющемъ, говорящій объ угасшей жизни, объ угасшей молодости. Мы съ трудомъ пробирались сквозь толпу, дошли до катафалка и стали всходить по его обитымъ сукномъ ступенямъ. Дядя припалъ своею сѣдой головой къ холодной груди этого, какъ бы сдѣланнаго изъ воска, трупа, одѣтаго въ бѣлое подвѣнечное платье. Я стоялъ, склонивъ голову, и глядѣлъ на мертвую мать. Она была худа, что-то страдальческое, боязливое выражалось въ ея лицѣ, и какъ-то странно было видѣть на ней этотъ подвѣнечный нарядъ. Зачѣмъ это такъ часто вѣнчаютъ и хоронятъ женщинъ въ одномъ и томъ же платьѣ? Неужели бракъ и смерть такъ близко стоятъ другъ отъ друга, такъ походятъ другъ на друга? Мнѣ было жаль, до нестерпимой боли жаль мою мать, но слезы не лились изъ моихъ глазъ; сердце и грудь какъ-то сдавило, точно кто-то сжалъ меня въ удушающихъ объятіяхъ. Чѣмъ дольше глядѣлъ я на этотъ трупъ, тѣмъ сильнѣе и сильнѣе начала примѣшиваться къ моей тоскѣ злоба на моихъ враговъ. Эта черта была одною изъ господствующихъ въ моемъ характерѣ; при каждомъ горѣ, при каждомъ несчастіи я не столько отдавался имъ самимъ, сколько неудержимой злобѣ на тѣхъ,

кто вызвалъ эти несчастія и это горе. Нерѣдко мнѣ приходилось въ этихъ случаяхъ обрушивать весь гнѣвъ на самого себя и казнить себя за тотъ или другой поступокъ. Подъ вліяніемъ злобы, я оторвалъ глаза отъ трупа матери и сталъ искать своихъ и ея враговъ. Внизу, почти наравнѣ съ нашими ногами, въ изголовьи, у гроба стояли, какъ окаменѣлые, Бубновъ, его мать, Миша съ нянькой, Гейги. Они почти съ ужасомъ, дикими глазами смотрѣли на меня и на дядю, какъ на выходцевъ съ того свѣта. Кругомъ ихъ шепталась толпа; ясно было, что идутъ толки о нашемъ внезапномъ появленіи, о нашемъ страшномъ положеніи на катафалкѣ. Можетъ-быть, кто-нибудь говорилъ о необходимости свести насъ оттуда, о томъ, что, можетъ-быть, дяди лишился чувствъ и можетъ уронить гробъ, о томъ, что я неприлично стою—спиною къ алтарю. А я какъ-то злобно думалъ въ эту минуту, что никто не смѣетъ подойти къ намъ, что всѣ они чужіе моей матери, чужіе по своимъ чувствамъ, и только мы одни имѣемъ право теперь стоять около этого гроба. Мнѣ казалось, что Бубновъ и его мать боятся и должны бояться насъ. Наконецъ, дяди слегка пошевелился и медленно поднялся отъ гроба.

— Простись съ ней,—тихо сказалъ онъ мнѣ.

Я поцѣловалъ лицо и руки матери. Ея руки отогрѣлись отъ губами дяди и были влажны отъ его слезъ. Только теперь и изъ моихъ глазъ хлынули неудержимыя слезы. Злоба, гордость передъ Бубновыми, размышленія о моихъ правахъ стоять на этомъ мѣстѣ, все разомъ исчезло и уступило мѣсто простому и искреннему горю осиротѣвшаго юноши.

— Ну, полно!.. Она теперь покойна!.. Теперь только мы будемъ мучиться!.. Мы мужчины, намъ легче бороться...

Дядя взялъ меня подъ руку и повелъ со ступеней катафалка; я продолжалъ плакать. Меня уже не интересовала любопытная толпа, и помнилъ я только одно, что я простился, навсегда простился съ своею матерью. Дядя отвелъ меня въ передній уголъ церкви и тамъ у окна сталъ со мною. Проходя къ окну, мы уже не продирались бокомъ сквозь толпу—она разступилась передъ нами. Несмотря на то, что мы встали въ сторонѣ, на насъ были обращены всѣ взгляды; мы были новымъ развлеченіемъ для скучающаго люда. Когда кончилось отпѣваніе, мы подошли послѣдніе къ гробу и простились еще разъ съ матерью. Кое-какъ добрались мы до кладбища, и потомъ, когда стали засыпать

могилу, сѣли на дрожки и уѣхали, прежде чѣмъ кто-нибудь изъ Бубновыхъ успѣлъ подойти къ намъ.

Мы проѣхали прямо въ гостиницу, взяли тамъ номеръ и, наскоро переодѣвшись, сѣли вдвоемъ за обѣдъ. Ѣда не шла въ горло, мы оба устали, измучились и тотчасъ же послѣ обѣда улеглись спать. Я чувствовалъ ознобъ; дядя натеръ меня водкой съ уксусомъ и укуталъ. Къ вечеру я чувствовалъ себя лучше, но дядя не велѣлъ мнѣ вставать и сѣлъ на мою постель, приказавъ подать чаю и рому. Ему тоже нездоровилось. Но ни онъ, ни я не раскаивались за свое путешествіе. Мы смутно сознавали, что, отказавшись отъ этого путешестія, мы долго упрекали бы себя за излишнюю трусость и мучились бы мыслью, что, можетъ-быть, еще была возможность застать матушку въ живыхъ. Подливъ мнѣ и себѣ рому въ чай, дядя сидѣлъ у меня на постели и дѣлался все разговорчивѣе и разговорчивѣе. Въ его голосѣ появился оттѣнокъ тихой грусти.

— Господи, Господи, сколько лѣтъ прошло, какъ все измѣнилось съ той поры, когда она въ первый разъ бросилась мнѣ на шею въ институтѣ, при первомъ моемъ посѣщеніи!—вспоминалъ онъ о быломъ.—И тогда я былъ немолодъ, и горе всякое вынесъ, и тонулъ, и подъ пулями стаивалъ, а все живу, все живу! А вотъ она, молодая, взлелѣянная мной, любимая, умерла! И на что я, старый песъ, нуженъ? Выброшенъ на берегъ, забытъ старыми пріятелями по службѣ, выкинутъ изъ родного гнѣзда, былъ почти позабытъ даже ею, голубкою, и все живу, все живу!.. Что я теперь? Ты думаешь, мнѣ весело между моими новыми пріятелями? Ты думаешь, они меня любятъ, заботятся обо мнѣ!

Старикъ печально покачалъ головою.

— Нѣтъ, Володя, нѣтъ, птица, не любятъ они меня, и другъ друга они не любятъ,—съ горечью проговорилъ онъ.—Это стадо барановъ, сбѣжавшихся въ кучу подъ бурей! Если бы я потонулъ сегодня съ тобою, никто и не спросилъ бы: гдѣ капитанъ? Въ другой трактиръ, должно-быть, ходитъ сталъ, въ другой городъ, можетъ-быть, переѣхалъ... Въ другой трактиръ, въ другой городъ!.. Что-жъ имъ и, въ самомъ дѣлѣ, тужить обо мнѣ? Развѣ мало старыхъ холостыхъ капитановъ на свѣтѣ. Развѣ не найдется другой, такой же выброшенный инвалидъ, на мое мѣсто? Найдется! Такъ же не будетъ у него съ ними ничего братскаго и такъ же забудутъ его на другой день послѣ его смерти. Да, Володя,

долго я жилъ на свѣтѣ, и могу тебѣ сказать, что люди забываютъ своихъ друзей-покойниковъ тотчасъ послѣ похоронаго обѣда, а своихъ друзей-путешественниковъ черезъ три дня послѣ ихъ отъѣзда, и то если у путешествующихъ остались молодыя жены или полюбовницы: первые два дня друзья утѣшаютъ ихъ, потомъ утѣшатъ, и ужъ тогда ни они, ни жены не говорятъ объ уѣхавшихъ. Бываютъ случаи, что мы долго помнимъ друзей, но это бываетъ тогда, когда друзья остались намъ должны... Враговъ только помнятъ люди... Да, Володя, я ни въ кого не вѣрю, не люблю я людей; у всѣхъ у нихъ—изъ глазъ вонъ и изъ ума вонъ... И отчего это все такъ идетъ на свѣтѣ? Одинъ другого обманываетъ и всѣ несчастливы!...

Дядя смолкъ, налилъ себѣ еще чаю и подлилъ рому въ стаканъ. Мнѣ стало очень тяжело отъ этихъ рѣчей растосковавшагося старика.

— Дядя, неужели ты думаешь, что и я тебя когда-нибудь позабуду?—печально спросилъ я у него.

— Позабудешь, позабудешь, Володя, или просто разлюбишь,—горько отвѣтилъ онъ.—Твоя мать больше меня любила, чѣмъ ты... А и она позабыла... Да и что я тебѣ? Дядя, да еще и не дядя, а двоюродный дѣдъ, сбоку припека, седьмая вода на киселѣ... Ну, женишься ты, жена, дѣти будутъ, тогда я лишняя спица въ колесницѣ буду... Я болтунъ, я баловникъ, ну, вотъ надоѣмъ и тебѣ, и твоей женѣ, да еще бояться станете, что дѣтей вашихъ испорчу.

— Дядя, да я, можетъ-быть, никогда не женюсь.

Дядя оставилъ стаканъ и съ серьезнымъ лицомъ обратился ко мнѣ.

— Что? Нѣтъ, братъ! Старымъ бобылемъ не думаешь ли вѣкъ доживать? Развѣ мало насмотрѣлся на мою жизнь? Плоха жена, плохи дѣти, а все же лучше чужихъ... Хоть кто-нибудь у гроба поплачетъ... А то пса не найдется, который бы своимъ воемъ далъ знать людямъ, что между ними не стало одного человѣка. Женись, Володька, будь счастливъ, а если я доживу до той поры, такъ ты обо мнѣ не заботься... Что обо мнѣ думать!.. Дотяну кое-какъ вѣкъ до могилы... Старикамъ туда и дорога... Въ Китаѣ, вонъ, говорятъ, ихъ живьемъ въ лѣсъ молодежь выбрасываетъ!.. И по дѣломъ, не копти даромъ неба!.. Чего съ ними церемониться...

Еще долго говорилъ старикъ въ этомъ тонѣ. Потрясеніе, усталость, ромъ—все это вызвало въ немъ лихорадочное

состояніе и раздражило его желчь. Подъ его рѣчи я незамѣтно задремалъ. Прошло довольно много времени въ полнѣйшей тишинѣ. Дядя смотрѣлъ на меня любовными глазами, наконецъ, я почувствовалъ, что онъ поднялся съ постели и черезъ нѣсколько минутъ къ моей рукѣ прикоснулись его колючіе усы. Я въ дремотѣ открылъ глаза; дядя стоялъ на колѣняхъ передъ моей постелью и цѣловалъ мою руку. Я молча обнялъ рукою шею старика.

— Нѣтъ, нѣтъ, птица, не забывай меня, старика!.. Не забывай!.. Это не все равно для меня!—бормоталъ онъ въ волненіи, и его крупныя слезы катились мнѣ на лицо.

XI.

Планы дяди разрушаются снова на основаніи законовъ.

Прошелъ день, другой,—дядя и я не шли къ Бубнову. Я ненавидѣлъ его и не хотѣлъ съ нимъ встрѣчаться. Дядя тоже думалъ, по свойственному ему практическому смыслу, что всѣ наши сношенія окончились со смертью моей матери. Онъ строилъ теперь планы нашей будущей жизни и рѣшился нанять отдѣльную квартиру уже не отъ жильцовъ, а завестись небольшимъ хозяйствомъ и пригласить учителей для приготовленія меня въ послѣдній классъ гимназіи, или, если возможно, прямо въ университетъ.

— Скучно тебѣ не будетъ. Будемъ жить потихоньку. Макаровъ будетъ ходить въ гости по воскресеньямъ,—мечталъ дядя.—Въ будни трудъ, въ праздникъ отдыхъ и веселье. Меньше будемъ принимать гостей, рѣже сами станемъ по чужимъ домамъ рыскать. Въ театръ станемъ ѣздить. Глядишь—два года-то и пролетятъ, подрастешь, поступишь въ университетъ,—ну, тогда и меня не нужно, самъ на ноги встанешь, будешь знать, куда идти.

Въ разсужденіяхъ объ этомъ свѣтломъ и мирномъ будущемъ, я еще тѣснѣе, если это было возможно, сошелся съ дядей и относился къ нему съ невыразимой теплотой. Потеря матери заставила меня подумать о возможности потерять и это послѣднее дорогое мнѣ существо, и я почти съ болѣзненной любовью жался къ старику. Мы ждали только начала навигаціи, чтобы уѣхать въ Петербургъ. На четвертый или на пятый день ледъ взломало окончательно, и мы уже стали надѣяться на скорый отъѣздъ изъ Кронштадта. Нетерпѣливо ожидая этой счастливой минуты и сидя со мною въ трактирномъ нумерѣ, дядя дѣлалъ различныя выкладки по части нашего будущаго бюджета и поминутно оставлялъ каран-

дашь для совѣщанія со мной насчетъ той или другой статьи расходовъ. Одного или нѣсколькихъ учителей взять? Держать ли лакея или одну кухарку нанять? Довольно ли трехъ комнатъ или нужны четыре? Все это нужно было серьезно обдумать. Среди этихъ разсужданій насъ заставъ «половой», принесшій доложить, что дядю спрашиваетъ какой-то «офицеръ».

— Кто бы это былъ?—изумился дядя, но не успѣлъ онъ встать и застегнуть сюртукъ, какъ къ намъ уже вошелъ безъ всякихъ церемоній Бубновъ.

Дядя отступилъ на шагъ отъ него, какъ отъ непріятнаго и неожиданнаго посѣтителя. Непрошенный гость сухо поздоровался съ дядей и почти не взглянулъ на меня.

— Я едва нашелъ васъ, всѣ трактиры объѣздилъ,—проговорилъ Григорій Даниловичъ.

Дядя угловато поправилъ хохолъ, видимо посылая гостя въ душѣ ко всѣмъ чертямъ.

— Какъ это вы его отъ экзаменовъ оторвали!—замѣтилъ съ упрекомъ Бубновъ.—Онъ и безъ того второй годъ сидитъ въ классѣ, а тутъ еще засядетъ и на третій. Откуда вы узнали, что Мари умерла.

— Марковъ былъ такъ добръ, сообщилъ, что она больна,—отвѣтилъ дядя.—Я ему такъ благодаренъ.

— Дуракъ!—проворчалъ Бубновъ.—Зналъ, что она умерла, и пустилъ васъ ѣхать. Я нарочно не давалъ вамъ знать о ея болѣзни, чтобы не разстраивать мальчика и не мѣшать ему приготовляться къ экзаменамъ.

— Экзамены десять разъ еще могутъ быть въ жизни, а мать теряютъ только одинъ разъ,—неохотно и угрюмо проговорилъ дядя, не имѣя силъ побѣдить и скрыть свое неудовольствіе.

— Да, но вѣдь потеря эта должна была совершиться такъ или иначе, и его счастье нисколько не зависѣло отъ того, простился ли онъ лично или мысленно съ нею, тогда какъ отъ экзаменовъ зависитъ его будущность,—отвѣтилъ поучительнымъ тономъ Григорій Даниловичъ. — Впрочемъ, теперь нечего говорить объ этомъ, ошибки не поправишь... Ты говорилъ директору, зачѣмъ ты ѣдешь?—обратился онъ ко мнѣ, садясь на стулъ.

До этой минуты онъ говорилъ обо мнѣ, какъ объ отсутствующемъ и, казалось, дѣйствительно не замѣчалъ меня, какъ какое-нибудь ничтожное насѣкомое, какъ пылинку,

валяющуюся подъ его ногами. Услышавъ его вопросъ, я затруднился отвѣтомъ.

— Я тебя спрашиваю, говорилъ ли ты директору, позволилъ ли онъ отложить экзамены?—строго спросилъ Григорій Даниловичъ, не дождавшись моего отвѣта.

Дядя видѣлъ мое замѣшательство и вмѣшался въ разговоръ.

— Я долженъ вамъ сказать, что Володя выходитъ изъ гимназіи. Я хочу...

— Что?—перебилъ его Бубновъ. — Кто ему позволитъ выходить изъ гимназіи?

— Я хочу взять къ нему учителей...

— Позвольте-съ, я не знаю, чего вы хотите, можетъ-быть, вы хотите его прямо сдѣлать сенаторомъ,—это до меня не касается! Но я-съ, я хочу, чтобы онъ учился въ гимназіи,—дерзко и грубо сказалъ Бубновъ.

Дядя взбилъ хохолъ и торопливо пригладилъ виски.

— Не забудьте, что я ему дѣдомъ прихожусь, началъ... онъ.

— Мнѣ совершенно все равно, если бы вы были ему хоть племянникомъ,—насмѣшливо отвѣтилъ Григорій Даниловичъ, заботливо обрѣзая кончикъ вынутой изъ кармана сигары.—Но я его опекунъ и имѣю полное право, даже обязанъ, заботиться о немъ. Вы сдѣлаете очень благоразумное дѣло, если не станете мѣшаться въ наши отношенія.

— Я имѣю столько же правъ на опеку, сколько и вы,—загорячился дядя.

— По духовной моей жены опека переходитъ ко мнѣ,—отвѣтилъ Григорій Даниловичъ.

— А, и духовную умѣли подсунуть умирающей женѣ!—съ горечью покачалъ головою дядя.

— Капитанъ!—крикнулъ угрожающимъ тономъ Бубновъ.

— Что прикажете, Григорій Даниловичъ?—спокойно спросилъ дядя.

Бубновъ отвернулся отъ него и снова обратился ко мнѣ.

— Надѣюсь, что ты еще не вышелъ изъ гимназіи?

— Нѣтъ, но...—началъ я несмѣло.

— Что за но? Ужъ не исключили ли тебя?

— Не исключили... Исключатъ, если не выйду... Я не могу перейти въ другой классъ.

— Ну, такъ что же. Опять въ этомъ будешь сидѣть.

— Нельзя...

Я совсѣмъ не могъ говорить, хотя Бубновъ велъ себя въ этотъ день особенно сдержанно и не кричалъ, не бѣсно-

вался, какъ въ другое время. Дядя понялъ, какъ тяжело мнѣ объясняться съ отчимомъ и, пересиливъ, переломивъ себя, снова вмѣшался въ разговоръ.

— У нихъ законы, правила... Комплектъ назначенъ,— произнесъ онъ.

— Какіе тамъ законы! Что вы мнѣ толкуете!—сердито сказалъ Бубновъ.

— Если его не взять, то его исключатъ. Трехъ лѣтъ нельзя сидѣть въ одномъ классѣ. Это ужъ такое правило.

— Э, капитанъ, вы точно малый ребенокъ. Взятку дать нужно или протекцію имѣть,—небрежно и презрительно произнесъ Григорій Даниловичъ.

— Помилуйте, я самъ говорилъ съ директоромъ. Добрѣйшій человѣкъ и...

— Предлагали денегъ?

— Нѣтъ.

— Ну, такъ не зачѣмъ и говорить было,—цинично рѣшилъ Бубновъ.—Что вы ему такое, чтобы онъ сталъ для васъ снисхожденіе дѣлать и, можетъ-быть, выговоры получать за послабленіе? Родня вы ему, что ли? А ты теперь у меня перестанешь лѣниться. Я не намѣренъ потакать тебѣ. Запру тебя пансіонеромъ, и живи тамъ. Никуда отпускать не велю, шагу съ мѣста не сдѣлаешь. Теперь пойдемъ со мною...

Дядя тревожно заерзалъ рукою по усамъ и подошелъ къ Бубнову.

— Зачѣмъ же? Ему и здѣсь хорошо,—въ смущеніи заговорилъ онъ.—Онъ мнѣ не...

— Я очень вѣрю, что ему хорошо здѣсь, и совсѣмъ не для того беру его, что ему у меня будетъ лучше,—сухо перебилъ Бубновъ, покуривая сигару. — Но я думаю, всѣмъ покажется страннымъ, что онъ живетъ въ трактирѣ, имѣя здѣсь семью. Впрочемъ, я мало обращаю вниманія на толки. Но онъ долженъ жить у меня, какъ у своего законнаго опекуна. Я желалъ бы, чтобы онъ отнынѣ и навсегда развивался безъ посторонняго вмѣшательства.

— Что же это? вы отнимаете отъ меня единственное мое утѣшеніе?—взволновался дядя и добавилъ трогательнымъ, задушевнымъ тономъ:—Послушайте, Григорій Даниловичъ, оставьте его мнѣ. Вамъ онъ ненуженъ, вы будете и спокойнѣе, и счастливѣе безъ него. Ручаюсь вамъ, что я не потребую ни копейки на его воспитаніе. Ручаюсь за него, что онъ не спроситъ у васъ отчета въ дѣлахъ, когда будетъ совершеннолѣтнимъ.

— Ну, капитанъ, за другихъ ручаться трудно, особенно тогда, когда эти другіе — несовершеннолѣтніе, — сухо отвѣтилъ Бубновъ.—Вы угадали, мнѣ не особенно легко брать его къ себѣ, не особенно пріятно отнимать его у васъ. Я знаю, что онъ испорченъ и не любитъ меня. Но, какъ опекунъ, я хочу взять его покуда къ себѣ, а потомъ буду воспитывать по своему усмотрѣнію. Можетъ-быть, мнѣ удастся показать ему, что изъ всѣхъ окружавшихъ его людей только я желалъ ему добра. Ни мой домъ, ни гимназія не будутъ закрыты для васъ. Но отдать его вамъ вполнѣ я не могу. Вы непрактичны, вы провели большую часть жизни, скитаясь по морямъ, по чужимъ краямъ, вы привыкли къ праздной и праздничной жизни, а потому и не знаете нашей трудовой, будничной жизни и ея условій. Вашъ поступокъ съ директоромъ ясно показываетъ, что вы невольно можете погубить мальчика, оставивъ его безъ образованія. Я же, какъ вы знаете, не гонялся за путешествіями, за приключеніями и, вмѣсто авантюристской карьеры, избралъ болѣе дѣйствительный и прочный путь. Какъ практическій человѣкъ, я могу ручаться, что если мальчикъ даже и останется такимъ же лѣнтяемъ и негодяемъ, какимъ былъ до сихъ поръ, то я все-таки сумѣю вытянуть его, что называется, за уши и добуду ему необходимые для службы дипломы. Какъ онъ пойдетъ дальше, — это будетъ его дѣло.

— Такъ, значитъ, вы окончательно рѣшились...—началъ дядя.

— У меня нѣтъ неокончательныхъ рѣшеній.

Бубновъ всталъ.

— Позвольте мнѣ привезти его къ вамъ завтра,—промолвилъ дядя съ трустью.—Вѣроятно, я не слишкомъ испорчу его въ эти сутки,—добавилъ онъ съ горечью.

Бубновъ пожалъ плечами.

— Я думаю, что о такой бездѣлицѣ не стоитъ и толковать...

Онъ сухо откланялся и вышелъ.

— Ну, вотъ, птица ты моя, птица, насъ и на разные берега выбрасываютъ!—проговорилъ дядя, ходя по комнатѣ и обнявъ меня одною рукою. — Ни ты, ни я не будемъ теперь имѣть гнѣзда. Я кое-какъ буду слоняться изъ одного угла въ другой, не торопясь домой, гдѣ никто не будетъ ждать моего прихода. Ты будешь дико озираться среди новыхъ товарищей, будешь искать друзей, не найдешь ихъ, можетъ-быть, и тоскливо станешь сознавать, что некуда тебѣ бѣжать отъ этой чуждой тебѣ толпы...

Дядя замолчалъ и шагалъ все скорѣе и скорѣе.

— И отчего это онъ вдругъ сталъ заботиться о тебѣ? Вѣдь это, можетъ-быть, раскаяніе?.. Онъ говорилъ, что я не умѣю дѣла вести, что я не сумѣю тебя на дорогу поставить. Онъ хочетъ вывести тебя въ люди... Вѣдь это его, можетъ-быть, совѣсть мучаетъ... Тоже человѣкъ онъ, сердце у него не камень... Ну, что же, если онъ будетъ хлопотать о тебѣ, то и слава Богу. Тяжело намъ будетъ, рѣдко будемъ видѣться... Ну, да, авось, стерпится—слюбится.

Дядя вналъ все болѣе и болѣе въ успокоительный тонъ. Кажется, старикъ, еще такъ недавно толковавшій о своей ненависти и неровѣрии къ людямъ, отчасти вѣрилъ, что и у Бубнова могутъ быть добрые порывы. Кромѣ того, онъ старался говорить въ примирительномъ духѣ и для ободренія меня. Онъ видѣлъ, что я хмуро молчалъ, что я, повидимому, упалъ духомъ, и потому старался разсѣять мои черныя думы. Но я не отвѣчалъ на его утѣшенія. Меня занимали сотни смутныхъ мыслей и душила злоба на отчима. За нѣсколько минутъ передъ тѣмъ я сробѣлъ передъ давно несталкивавшимся со мной врагомъ, но онъ снова задѣлъ и разбередилъ мои старыя раны, и воскресилъ во мнѣ готовность къ борьбѣ, къ сопротивленію. Я чувствовалъ, что я теперь отвыкъ отъ гнета, что я не отступлю ни на шагъ въ борьбѣ съ этимъ врагомъ. У меня явилось желаніе убить его, растоптать ногами. Меня даже разсердило, что дядя говоритъ о совѣсти Бубнова. Я въ эту минуту никакъ не могъ представить себѣ, что у подобныхъ Бубнову людей могутъ быть остатки совѣсти и чувства.

Грустно провели мы вечеръ въ тоскливыхъ воспоминаніяхъ о прошломъ и въ скорбныхъ размышленіяхъ о будущемъ. И юноша, видящій до того скверное настоящее, что онъ уже въ этомъ возрастѣ долженъ жить по-старчески воспоминаніями, и старикъ, не имѣющій возможности ободрить и завлечь мальчика свѣтлою картиною великаго будущаго, были равно жалки. Чѣмъ-то тихимъ и покорнымъ вѣяло отъ рѣчей дяди; что-то затаенно злобное звучало въ моихъ замѣчаніяхъ. Я попрежнему, даже сильнѣе прежняго, ненавидѣлъ Бубнова и тщетно искалъ въ своемъ юномъ умѣ объясненіе тому образу дѣйствій, который выказалъ мой отчимъ, рѣшившись взять меня къ себѣ. Зачѣмъ онъ бралъ меня въ свой домъ? Зачѣмъ хотѣлъ хлопотать о моей участи, когда была, по моему мнѣнію, возможность бросить и забыть меня, какъ бросили и забыли всѣ Настю?

Отвѣта на эти вопросы не являлось въ неопытномъ умѣ, еще непонимавшемъ никакихъ денежныхъ отношеній, связывавшихъ меня съ отчимомъ; но все-таки съ заключеніями дяди о проснувшейся въ Бубновѣ совѣсти я не соглашался, и мнѣ казалось, что мой отчимъ хочетъ взять меня для того, чтобы тиранить меня и мстить мнѣ. Я не понималъ, что и это заключеніе было такимъ же идеализмомъ, какъ заключеніе дяди; я не понималъ, что Бубновъ не станетъ тратить своего спокойствія для такихъ отвлеченностей и безполезныхъ глупостей, какъ мщеніе. Мщеніе безопасному врагу для Бубнова было бы такъ же нелѣпо, какъ и раскаяніе, и только такихъ людей, какимъ былъ я въ ту пору, да какимъ былъ дядя, могли занимать подобныя чувства.

На слѣдующій день я отправился съ дядей къ Бубнову. Онъ встрѣтилъ насъ спокойно, холодно, но вѣжливо. Въ гостиной на полу игралъ мой братъ. Онъ не обратилъ на насъ никакого вниманія. Я не подошелъ къ нему. Я видѣлъ въ немъ въ эту минуту не брата, не сына моей матери, а любимца и божество Бубнова.

— А у меня сегодня будетъ адмиралъ Гейгъ,—замѣтилъ Бубновъ, указывая дядѣ на кресло.—Я хочу съ нимъ поговорить о мальчикѣ.

Дядя промолчалъ.

— Сегодня, кажется, опять вѣтеръ съ моря?—произнесъ Бубновъ, глядя въ окно.

— Да, холодно.—отвѣтилъ дядя, тоже взглянувъ въ сторону.

Разговоръ оборвался.

— Не хотите ли, капитанъ, сигару?

— Благодарю... Контрабанда?—спросилъ дядя, взявъ сигару и вертя ее въ рукѣ.

— Да, весной еще купилъ. Отлежаться далъ,—отвѣтилъ Бубновъ, подавая дядѣ спичку.

— Хорошія сигары,—потянулъ дядя первый дымокъ, повертѣвъ зажженную сигару около носа.

Опять разговоръ прекратился.

— Не думаете ли вы ѣхать въ деревню?—спросилъ дядя, не зная, что начать говорить.

— Нѣтъ, я былъ тамъ за мѣсяцъ до смерти Мари... Смѣнилъ старосту, и все теперь пойдетъ хорошо. Часть лѣса за рѣкой я продалъ еще при женѣ довольно выгодно.

— Какъ, неужели это вы и нашу липовую рощу продали?—воскликнулъ дядя съ грустью.—Боже мой, Боже мой, если бы это знала моя покойная сестра! Вѣдь, вы представьте

себѣ, тамъ все почти сплошная липа. Что это былъ за ароматъ лѣтомъ! Мы съ сестрой тутъ цѣлые дни проводили въ дѣтствѣ...

— А вы, капитанъ, хорошо знаете имѣніе моей покойной жены?

— Еще бы!—со вздохомъ произнесъ дядя.—Каждый кустикъ, каждое деревцо знакомо. Я росъ тамъ... Въ моемъ имѣніи...

— Нѣтъ, я говорю про имѣніе вашей покойной сестры, доставшееся моей женѣ.

— То-есть про мое имѣніе,—твердо перебилъ дядя.—Я подарилъ его сестрѣ, когда родилась Маруся...—голосъ дяди дрогнулъ: старикъ закашлялся и замолчалъ.

— Странно, жена мнѣ никогда не говорила объ этомъ,—съ удивленіемъ промолвилъ Бубновъ.

— Да и я не говорилъ ей объ этомъ... Не считалъ нужнымъ,—сухо замѣтилъ дядя.

Опять нѣсколько минутъ прошло въ молчаніи. Бубновъ, вѣроятно, думалъ въ это время: «А вѣдь я думалъ, что ты все-таки немного умнѣе. Такія имѣнія дарить просто идіотство». У дяди вертѣлось въ головѣ: «Подлецъ, подлецъ, я думаю всѣхъ крестьянъ пустилъ по-міру. Душегубецъ!»

— У васъ, кажется, сигара погасла?—раздался вопросъ.

— А! да,—послышался отвѣтъ.

Закурили снова сигару и замолчали.

— Какъ долго замѣшкался Гейгъ. Пора бы завтракать,—глухо зазвучало въ комнатѣ замѣчаніе хозяина.

— Вѣрно, дѣла!—еще глуше пронеслось соображеніе гостя.

Опять тишина. Миша уже давно ушелъ къ нянькѣ. Я ужъ давно позѣвывалъ, прикрывая ротъ рукою, а приступамъ къ разговору все еще не видѣлось конца. Эти два человѣка, ненавидѣвшіе или презиравшіе другъ друга въ душѣ, несмотря на все свое желаніе быть любезными, не могли найти ни одного предмета для бесѣды и сознавали, что убить время въ обмѣнѣ пустыми фразами невозможно. Если бы это положеніе продолжилось еще часъ или два, то свиданіе, вѣроятно, кончилось бы очень печально, и собесѣдники послали бы другъ друга къ чорту. Конечно, такой конецъ дружескаго свиданія былъ бы крайне не приличенъ, на зато онъ былъ бы искреннѣе всѣхъ фразъ, произнесенныхъ въ это утро. Затруднительное положеніе дяди и Бубнова окончилось съ приходомъ Гейга. Бубновъ даже повеселѣлъ, пожимая руку адмирала. Гейгъ сухо и церемонно раскланялся

съ дядей. Дядя тоже не особенно любезно справился о его здоровьѣ.

— Прошу въ столовую!—произнесъ Григорій Даниловичъ.

Въ столовой уже сидѣли Миша и какая-то краснощекая и полная пернавская нѣмка, съ церемонно потупленными глазами. Ей было лѣтъ тридцать, она жила у Бубнова въ теченіе послѣдняго года, въ качествѣ экономки и няньки, для практическихъ занятій нѣмецкимъ языкомъ съ Мишею. Гейгъ поцѣловалъ Мишу и освѣдомился о здоровьѣ рекомендованной имъ на мѣсто пернавской нѣмки; она застѣнчиво и кротко поблагодарила «seine Exellenz» за высокое и благосклонное вниманіе.

Мы усѣлись за столъ.

— А я къ вамъ заѣзжалъ вчера съ маленькой просьбой, адмиралъ,—обратился Бубновъ къ Гейгу, наливая ему красное вино въ стаканъ.—Или вамъ бѣлаго угодно?

— Нѣтъ, я покуда краснаго выпью,—отвѣтилъ Гейгъ, какъ бы подавая надежду, что онъ выпьетъ потомъ и бѣлаго.—А что такое случилось?

— Вы, кажется, знаете кого-то по министерству народнаго просвѣщенія...

— По министерству народнаго просвѣщенія?—глубокомысленно повторилъ Гейгъ, какъ бы припоминая что-то.—Да, попечителя учебнаго округа знаю.

— Вы бы очень обязали меня, если бы замолвили ему словечко въ пользу вотъ этого недостойнаго джентльмена. Бубновъ указалъ на меня, и я уподобился пернавской нѣмкѣ, опустивъ застѣнчиво глаза внизъ и чувствуя, что мои щеки начинаютъ горѣть.

— Мы, знаете, съ лѣнцой,—продолжалъ мой отчимъ въ ироническомъ тонѣ и въ то же время передалъ блюдо съ котлетами Гейгу, а потомъ дядѣ. — Не могъ-съ два года сряду выдержать экзамена и теперь имѣетъ несчастіе быть изгнаннымъ изъ гимназіи.

Я сидѣлъ, какъ на иголкахъ, потупивъ голову и кусая губы.

— Похвальнаго не много,—вставилъ Гейгъ.

— Кажется, что такъ. Но теперь надо попробовать отдать его въ пансіонеры, чтобы тамъ употребили нѣкоторыя лѣкарственныя мѣры для истребленія лѣни. Лѣнь, вѣдь, знаете, какъ моль, если ее почаще выколачивать, пропадаетъ.

— Хи-хи-хи!—робко и стыдливо захихикала пернавская нѣмка, пораженная и восхищенная хозяйскимъ остроуміемъ.

Бубновъ холодно взглянулъ на нее, и она быстро умолкла, потупивъ стыдливые глаза.

— Да, это иногда не мѣшаетъ,—вставилъ глубокомысленно Гейгъ.

— Такъ вотъ я хотѣлъ просить васъ, адмиралъ,—продолжалъ Бубновъ:—написать кому-нибудь изъ вліятельныхъ лицъ въ министерствѣ, чтобы сказали директору гимназіи о невыключеніи виновнаго и объ оставленіи его на третій годъ въ шестомъ классѣ.

— О, это пустяки!—сказалъ Гейгъ.—Я, кромѣ того, вспомнилъ, что мой братъ коротокъ съ графомъ Сиверскимъ. Они напишутъ тамъ...

— О, да этакъ мы, пожалуй, сдѣлаемъ нашего джентльмена важнѣе самихъ учителей,—презрительно усмѣхнулся Бубновъ.

— Пожалуй, что и такъ,—важно улыбнулся Гейгъ

На столъ подали кофе. Пернавская нѣмка занялась разливаніемъ и въ то же время уговаривала раскричавшагося Мишу.

— Будь благодаренъ адмиралу за хлопоты,—сухо обратился ко мнѣ Бубновъ: —и помни, что твоя лѣнь отзовется непріятно не только на тебѣ, но и на тѣхъ лицахъ, которыя примутъ на себя хлопоты и заботы о тебѣ. Адмиралу будетъ совсѣмъ не лестно, если его protégé останется неудачникомъ...

— Я надѣюсь, что молодой человѣкъ будетъ стараться,—обратился ко мнѣ адмиралъ, избѣгая мѣстоименій второго лица.

Дядя слегка кивнулъ мнѣ головою. Я понялъ этотъ знакъ и поспѣшилъ пробормотать:

— Я буду стараться.

— Это необходимо. Наука это... это... свѣтъ, — изрекъ адмиралъ и развелъ рукой передъ своимъ лицомъ.—Наука и послушаніе. У меня тоже дѣти, надо брать съ нихъ примѣръ. Учатся и всегда тихи.

— А что вашъ ревматизмъ, адмиралъ?—спросилъ Бубновъ у Гейга, замѣчая, что адмиралъ такъ же мало годился въ проповѣдники, какъ и въ остряки.

— Въ колѣнкахъ теперь, — отвѣтилъ Гейгъ. — Самыя, знаете, чашки болятъ, и особенно, когда пройдусь подальше—ну, тогда просто шагу съ лѣстницы не могу сдѣлать. Все больше одной ногой ступаю, а другую волочу, одной ступаю, а другую волочу. Хоть съ костылемъ ходи, а то палка даже не помогаетъ.

Такимъ образомъ, наполнивъ свой желудокъ котлетами, салатомъ и сыромъ, осушивъ приличное количество стакановъ вина и кофе, поговоривъ обо мнѣ, о ревматизмѣ и о погодѣ, Гейгъ уѣхалъ.

— Ну, теперь это дѣло сдѣлано,—сказалъ Бубновъ, обращаясь къ дядѣ.

— Но оставятъ ли?—сомнѣвался дядя.

— Еще бы!

Бубновъ съ озабоченнымъ видомъ посмотрѣлъ на часы. Дядя понялъ, что пора было убираться вонъ, и простился со мною и съ хозяиномъ. Я стоялъ, какъ приросшій къ полу, и даже не шелъ провожать дядю въ переднюю. Еще наканунѣ я считалъ себя способнымъ на борьбу съ врагомъ; теперь я снова присмирѣлъ, стоя лицомъ къ лицу съ этимъ человѣкомъ, опять въ мою юную душу закралась подлая, рабская трусость. Я походилъ на собачонку, поджавшую хвостъ, передъ грознымъ взглядомъ своего господина и забывшую, что природа дала ей зубы.

— Ѳедотовъ!—крикнулъ Бубновъ тотчасъ по уходѣ дяди.

Въ комнату вошелъ денщикъ, старикъ съ краснымъ отъ спиртныхъ напитковъ носомъ, одѣтый въ заплатанный и сальный сюртукъ съ слишкомъ короткими, очевидно, обрѣзанными рукавами.

— Проводи Владиміра Михайловича въ его комнату, наверхъ,—обратился Бубновъ къ денщику.

— Слушаю-съ!—отвѣтилъ Ѳедотовъ, держа руки по-швамъ и плотно прислонившись къ стѣнѣ.

— Опять винищемъ отъ тебя несетъ, подлецъ!

— Никакъ нѣтъ-съ!

— Свинья! Ступай!

— Маковой росинки во рту не было...

— Тебѣ говорятъ: убирайся!

— Это какъ вамъ угодно, только я, ваше высоко...

— Пошелъ вонъ!—топнулъ ногою Бубновъ.

Ѳедотовъ крякнулъ, презрительно пожалъ плечами, повернулъ направо кругомъ около самой стѣны и, пропустивъ меня впередъ, пошелъ со мною по лѣстницѣ, крѣпко придерживаясь за перила.

— Ишь, носъ-то собачій,—бормоталъ онъ, поднимаясь по лѣстницѣ.—Чутье!

Онъ отомкнулъ мнѣ дверь, впустилъ меня въ комнату, когда-то бывшую спальнею дяди, и вышелъ вонъ.

Я остался одинъ...

XII.

Работа мысли и переломъ въ моемъ характерѣ.

Стоитъ мнѣ на нѣсколько минутъ отдаться своимъ воспоминаніямъ, и въ моей памяти, среди другихъ картинъ прошлаго, воскресаетъ угрюмая картина заброшенныхъ комнатъ мезонина въ старомъ деревянномъ домѣ. Въ углахъ виситъ паутина, на мебели покоится слоями пыль; сама мебель, старая, потемнѣвшая, съ кожаной черной обивкой, неуклюжа, тяжела и неудобна. Въ комнатахъ нѣтъ ни души, кромѣ шестнадцатилѣтняго юноши, стройнаго, высокаго, съ довольно красивымъ, нѣжнымъ лицомъ, съ большими задумчивыми глазами. Его щеки такъ часто блѣднѣютъ, такъ часто вспыхиваютъ румянцемъ, — видно, что въ его душѣ всѣ впечатлѣнія отражаются и сильно, и быстро. Его большіе глаза такъ грустны, такъ часто блестятъ, на мгновеніе преступающими на длинныя рѣсницы слезами, — видно, что ему тяжело жить, что въ его умѣ идетъ какая-то тревожная работа мысли. Вокругъ него все тихо, не слышно ни дѣтскаго смѣха, ни юношескихъ споровъ, ни старческихъ добродушныхъ наставленій. Мѣрно и глухо звучатъ его шаги въ комнатахъ. Подходитъ онъ иногда къ окну и смотритъ сквозь грязныя стекла двойныхъ рамъ въ садъ. Тамъ начинается весеннее оживленіе природы, и съ грустью думаетъ онъ: «Даже зимнихъ рамъ не позаботились выставить, чтобы я могъ подышать чистымъ воздухомъ. И за что это они ненавидятъ меня? Почему не хотятъ понять, что я не желаю и даже не могу сдѣлать имъ зла?» Онъ отходитъ отъ окна, и снова бродитъ тревожными шагами по комнатѣ, то волнуясь, то тоскуя, то предаваясь роковымъ, неотступнымъ и непосильнымъ вопросамъ о строѣ людской жизни. «Почему всѣ идутъ въ разбродъ?» спрашиваетъ онъ у себя. Этотъ вопросъ не надуманъ имъ отъ скуки, не навѣянъ ему чтеніемъ книгъ; этотъ вопросъ вытекъ изъ склада всей его жизни, изъ всѣхъ событій его прошлаго. Юноша помнитъ свою семью, единодушно и дружно жившую въ родномъ гнѣздѣ; помнитъ онъ, какъ вдругъ распалась эта семья, и начались въ ней раздоры, мученія, гибель ея членовъ. Вспоминается ему другой уголокъ, такой же мирный, какъ старое родное гнѣздо; здѣсь жилъ онъ счастливо, пригрѣвшись подъ крыломъ стараго родственника, и вдругъ вырвали его изъ этого тихаго пристанища, вырвали, чтобы бросить въ какую-то тюрьму, оберегаемую ненавистными тюремщиками.

«Почему,—думалось ему,— люди не связаны одною общею любовью, почему они не составляютъ одну большую семью, дружескую и мирную, какъ наша старая семья до второго замужества моей матери? Почему моя мать разлюбила меня и дядю, и почему дядя оставилъ ее, а не меня, въ это время, почему я отдалился отъ матери, а не отъ дяди? Что насъ поссорило?—То, что она полюбила моего отчима, нелюбимаго нами. Если бы она не любила, а ненавидѣла этого человѣка, подобно намъ, то мы не разошлись бы. Но почему же дядя былъ нуженъ мнѣ и всѣмъ, стоявшимъ на моей сторонѣ людямъ, а не моей матери? Не потому ли, что мы видѣли въ дядѣ такого же защитника, какого видѣла моя мать въ своемъ мужѣ? Но если бы всѣ люди ненавидѣли моего отчима, то не сдѣлались ли бы они друзьями, не стали ли бы помогать другъ другу для того, чтобы побѣдить своего общаго врага? И что такое друзья? Это люди, у которыхъ есть общій врагъ,—рѣшилъ юноша. Но кто же можетъ быть общимъ врагомъ людей? Не тотъ ли человѣкъ, который запрещалъ бы имъ высказывать ихъ мысли и чувства, предписывая имъ въ то же время повиновеніе своимъ прихотямъ, держалъ бы ихъ въ рабствѣ, наслаждаясь свободой, пользовался бы ихъ трудомъ, живя въ праздности, лишалъ бы ихъ куска хлѣба, жирѣя отъ обильныхъ яствъ, доводилъ бы ихъ до преступленій притѣсненіями, становясь ихъ судьею и палачомъ? Но гдѣ же такое существо? Мой отчимъ притѣснялъ и могъ притѣснять только немногихъ близкихъ къ нему людей.—«Дьяволъ врагъ человѣка», вспоминались юношѣ слова старой ключницы.—Дьяволъ... Но что такое дьяволъ? Гдѣ онъ? Какъ бороться противъ него? Его, можетъ-быть, и нѣтъ? Но если противъ него нельзя бороться, если онъ, можетъ-быть, и не существуетъ, то кто же можетъ быть общимъ врагомъ людей?» Юноша тревожно ходитъ по комнатѣ, не имѣя силъ рѣшить этотъ мучительный вопросъ, и ему кажется, что у людей не можетъ быть общаго врага, и что потому они вѣчно будутъ идти въ разбродъ. Его юный умъ покуда видитъ только возможность вражды къ лицу, и онъ еще не понимаетъ, что его вражда къ отчиму въ сущности есть вражда къ извѣстной идеѣ, которую въ данномъ случаѣ только проводитъ въ жизнь и воплощаетъ въ себѣ его отчимъ. Онъ не понимаетъ, что и невѣдомый ему дьяволъ есть не что иное, какъ олицетвореніе идеи, инстинктивно ненавидимой всѣмъ человѣчествомъ, но противъ которой оно еще не нашло силъ успѣшно бо-

роться. Прійдя къ такимъ заключеніямъ, юноша рѣшается искать людей, которые ненавидѣли бы однихъ и тѣхъ же лицъ, ненавидимыхъ и имъ. «Это будутъ мои друзья, — думалось ему. — Ну, а если мы побѣдимъ врага, тогда мы и разойдемся?» Опять начинается цѣлый рядъ вопросовъ. «Почему же мы всѣ дружно жили въ старомъ родномъ гнѣздѣ? Потому, что не ссорились, явился не хитрый, но вполнѣ разумный отвѣтъ. А почему люди ссорятся? Не потому ли, что однимъ одно, а другимъ другое нравится? Да, изъ-за этого люди спорятъ, а потомъ ссорятся. Значитъ, надо, чтобы мои друзья ненавидѣли однихъ и тѣхъ же людей и полюбили одинъ и тѣ же вещи. Но почему же дядя не считаетъ друзьями своихъ трактирныхъ и другихъ знакомыхъ, которые любятъ, какъ и онъ, одинъ и тѣ же вещи,— охоту, уженье рыбы, разсказы, анекдоты, дрессировку собакъ и тому подобное?» На этотъ вопросъ опять не можетъ отвѣтить юноша; но ему уже смутно чуется, что и дядя, и его знакомые не любятъ, въ сущности, ни охоты, ни уженья рыбы, ни разсказовъ, а занимаются этимъ отъ нечего дѣлать. Но что же они любятъ? Къ чему они стремятся?

Юноша ходитъ одиноко по комнатѣ, какъ узникъ по тюрьмѣ; онъ не можетъ уйти изъ этого дома на чистый воздухъ, не вызвавъ брани своего тюремщика. А на улицѣ и въ саду такъ ярко, такъ свѣтло, такъ привольно! «Боже мой, Боже мой, если бы я былъ такъ же свободенъ, какъ прежде!—восклицаетъ юноша.—Свобода и друзья, что можетъ быть лучше васъ на свѣтѣ! О, мои дѣтскіе годы, незабвенные, зачѣмъ вы прошли, прошли навсегда? Вотъ въ зелени пріютилась веселая дача, вблизи синѣетъ заливъ, съ берега смотритъ няня, какъ я несусь на лодкѣ со старымъ матросомъ, возвращаясь съ катанья домой; я бѣгу въ гостиную, убранную цвѣтами; дядя цѣлуетъ меня, слушаетъ мои торопливые разсказы, а матушка, вся въ бѣломъ, кроткая, задумчивая, сидитъ у фортепіано и тихо-тихо поетъ грустную пѣсню. Гдѣ же вы всѣ, милые, дорогіе, откликнитесь, придите ко мнѣ на помощь!» Юноша вдругъ умолкаетъ и блѣднѣетъ: передъ нимъ проносятся тѣни измученныхъ— няньки, ея жениха, матери, и ему слышится чей-то горькій плачъ. «Это мой братъ, убитый мною, плачетъ», шепчетъ онъ и пугливо озирается въ комнатѣ; ему кажется, что изъ каждаго угла смотрятъ на него красные отъ слезъ глаза матери, брата, няньки, ея жениха, и чудится юношѣ, что отчасти онъ послужилъ причиною гибели всѣхъ этихъ до-

рогихъ ему людей. Онъ дрожитъ и рыдаетъ. Нервное раздраженіе доходитъ до послѣдней степени, любовь и ненависть дѣлаются безпредѣльными, охватываютъ все его существо, требуютъ исхода, подталкиваютъ къ борьбѣ, — къ борьбѣ на жизнь и смерть. Несчастный юноша долженъ или погибнуть, или побѣдить враговъ, завоевать себѣ независимое положеніе, опредѣлить передъ врагами свой характеръ, свою нравственную силу. Со всею смѣлостью неопытности онъ рѣшается поставить на карту свою жизнь и выиграть битву теперь или пасть навсегда. Станетъ ли у него силы? Никто, и онъ самъ не замѣчалъ до сихъ поръ, насколько развитъ его умъ, насколько опредѣлился его характеръ. Его считали его друзья и его враги слабымъ ребенкомъ, и онъ ни разу ничѣмъ не заявилъ, что онъ уже далеко не дитя и, тѣмъ болѣе, не слабое дитя. Теперь нужно было выступить на сцену.

Этотъ юноша былъ я. Я томился въ пустомъ мезонинѣ бубновскаго дома и былъ счастливъ только въ тѣ минуты, когда ко мнѣ пріѣзжалъ дядя. Но онъ пріѣзжалъ все рѣже и рѣже; ему было тяжело встрѣчаться съ моимъ отчимомъ. Не легки были эти встрѣчи и для меня: меня раздражало, если Бубновъ дѣлалъ мнѣ выговоры, какъ лакею; меня оскорбляло, если онъ не замѣчалъ меня, какъ ничтожную былинку; я вспыхивалъ румянцемъ стыда, когда онъ считалъ нужнымъ вступаться за меня, если пятое колесо, Мароа Трофимовна впутывалась въ наши отношенія и нападала на меня. Моя ненависть къ отчиму была такъ велика, такъ глубоко запала въ мою душу, что я даже не замѣчалъ перемѣны въ его обращеніи со мной. Мнѣ все казалось, что онъ готовъ выдрать меня за уши, посадить на чердакъ, назвать мерзавцемъ, а между тѣмъ Григорій Даниловичъ обходился со мною уже далеко не такъ грубо, какъ прежде. Неизвѣстные мнѣ въ ту пору планы и дальновидные расчеты отчима заставляли его побѣдить ненависть ко мнѣ и понемногу стараться привлечь меня на свою сторону. Я сразу могъ бы замѣтить эту перемѣну, если бы меня не ослѣпляла злоба и если бы самъ Бубновъ могъ быстро и вполнѣ освоиться со своею новою ролью заботливаго родственника. Но это было такъ трудно для него! Онъ часто произвольно и ловко мѣнялъ тѣ или другія маски въ частныхъ сношеніяхъ съ посторонними людьми; онъ былъ опытный и умный актеръ, выдрессированный въ школѣ всеобщей лжи и повальнаго лицемѣрія, гдѣ каждый ста-

рается выслужиться и утопить своего собрата; но ему было тяжело и непривычно прикрывать маской терпимости и добродушія искажавшееся отъ порывовъ злости лицо при столкновеніяхъ со мной, со своимъ старымъ врагомъ. Иногда онъ начиналъ кричать на меня и вдругъ умолкалъ на полусловѣ, быстро шагалъ по комнатѣ, выпивалъ стаканъ воды и впадалъ въ отечески-добродушный, наставительный тонъ. Къ несчастью, этотъ тонъ нисколько не смягчалъ мою душу, взволнованную за минуту грубою бранью, и я, давъ слово не уступать врагу, давалъ ему отпоръ рѣзкими отвѣтами. Эти отвѣты снова вызывали бурю, которая опять кончалась потокомъ кроткихъ увѣщаній. Если бы кто-нибудь со стороны подглядѣлъ наши отношенія, то онъ, вѣроятно, нашелъ бы въ нихъ много комизма. Волкъ въ лисьей шкурѣ казался бы менѣе смѣшнымъ, чѣмъ Бубновъ въ роли моего нѣжнаго родственника.

Однажды между нами было довольно странное объясненіе, давшее мнѣ понять, что мой отчимъ менѣе страшенъ для меня, чѣмъ я думалъ, и послужившее причиной большой перемѣны въ нашихъ отношеніяхъ. У меня совсѣмъ износились сапоги, такъ что изъ нихъ выглядывали пальцы. Мои чулки были не въ лучшемъ положеніи. Объ этомъ мнѣ замѣтилъ раза два Ѳедотовъ. Я замѣчалъ это и самъ и съ горечью думалъ, что меня держатъ, какъ нищаго.

— Вы бы барину сказали, чтобы купилъ обувь,—говорилъ мнѣ Ѳедотовъ.

— Я не хочу съ нимъ говорить,—отвѣтилъ я.

— Ну, такъ босымъ нашляетесь! Эти скареды ни о чемъ сами не вспомнятъ.

Ѳедотовъ ненавидѣлъ и ругалъ Бубнова, какъ и вся остальная прислуга.

— Креста-то на вороту нѣтъ, мальчика-то какъ притѣсняютъ! Черти, право, черти!—ворчалъ денщикъ, выходя отъ меня изъ комнаты.

Это негодованіе на моего отчима начало примирять меня съ постоянно пьянымъ и грязнымъ денщикомъ: я увидалъ въ немъ своего сторонника. На слѣдующій день я получилъ новое доказательство сочувствія ко мнѣ со стороны Ѳедотова. Во время утренняго чая Григорій Даниловичъ обратился ко мнѣ:

— Что же ты молчишь,—началъ онъ:—у тебя сапоги съ ногъ сваливаются. Ѳедотовъ мнѣ показывалъ ихъ. Босымъ,

что ли, станешь ходить? Я не Святой Духъ, чтобы знать, что тебѣ нужно.

Я поблѣднѣлъ отъ злости, услышавъ рѣзкій тонъ выговора.

— А вы думаете, что я Святой Духъ и могу знать, что вы мнѣ купите, если мнѣ что-нибудь нужно,—проговорилъ я взволнованнымъ голосомъ.

Бубновъ грозно нахмурилъ брови и смѣрялъ меня глазами. Я въ упоръ смотрѣлъ на него съ лихорадочнымъ замираніемъ въ сердцѣ передъ ожидаемой бурей. Трусость забитаго раба и отвага раздраженнаго юноши мѣшались въ моей душѣ. Но отчимъ, противъ моего ожиданія, промолчалъ и сталъ пить чай, отвернувшись отъ меня. Мнѣ было особенно досадно, что пернавская нѣмка глядѣла на меня въ эту минуту съ тѣмъ негодованіемъ, на какое способны только нѣмки, родившіяся ключницами, компаньонками и нянъками и изображающія на своихъ лицахъ оттѣнки всѣхъ чувствъ, которыя волнуютъ ихъ господъ. Пернавская нѣмка была изъ этого сорта женщинъ. Она смѣялась, когда Бубновъ желалъ быть веселымъ или остроумнымъ, она дѣлала грозный видъ, когда Бубновъ кого-нибудь бранилъ; она теряла аппетитъ, когда Бубнову не нравилось какое-нибудь кушанье. Теперь она, видимо, негодовала на меня, и это раздражило еще болѣе мою душу; мнѣ захотѣлось, во что бы то ни стало, высказаться.

— Обо мнѣ заботится дядя, и я ждалъ его,—началъ я снова, вызывая Бубнова на бой.

— Зачѣмъ тебѣ дядя?—спросилъ онъ отрывисто.

— Я хотѣлъ попросить его о покупкѣ сапогъ.

— Его не для чего просить. Христарадничать привыкъ у чужихъ людей! Ты долженъ мнѣ говорить, что тебѣ нужно,—сердито произнесъ мой отчимъ и сейчасъ же измѣнилъ тонъ.—Я забочусь о тебѣ, я хлопочу за тебя, я хочу, чтобы у тебя все было, а ты этого понять не хочешь...

Нѣмка изобразила на своемъ лицѣ умиленіе, вѣроятно, передъ добродушіемъ господина Бубнова.

— Но у меня даже и окна не выставлены въ комнатѣ,—возразилъ я, желая обличить отчима и доказать ему, что онъ вовсе не хлопочетъ обо мнѣ.

Бубнова передернуло. Онъ понялъ, какъ плохо освоился онъ со своею новою ролью, какъ многое упустилъ изъ виду.

— У меня даже пыли не сметаютъ и половъ не моютъ,—продолжалъ я высчитывать доказательства невнимательности ко мнѣ.

Бубновъ не выдержалъ и вспылилъ.

— Ты это что же, грубіянить вздумалъ? Не хочешь ли ты, чтобы я самъ у тебя полы вымъ? — крикнулъ онъ, багровѣя отъ гнѣва.

Я молча всталъ съ мѣста.

— Куда ты? Отвѣчай, если съ тобой говорятъ! — крикнулъ Григорій Даниловичъ, яростно ударивъ по столу рукой.

— Вы не говорите со мной, а ругаете меня за то, что я по вашему желанію сказалъ, что мнѣ нужно, — отвѣтилъ я, сдерживая свое волненіе и говоря ровнымъ и холоднымъ тономъ.

Я былъ блѣденъ, какъ полотно.

Бубновъ нахмурилъ брови, негодуя, кажется, уже не на меня, а на себя, и прошелся по комнатѣ. Онъ ясно понималъ, что онъ все хуже и хуже играетъ принятую имъ роль. Я не трогался съ мѣста и слѣдилъ за нимъ. Наконецъ, онъ заговорилъ мягкимъ тономъ:

— Ты самъ виноватъ, что я постоянно сержусь на тебя,—произнесъ онъ.— Ты точно упрекать меня вздумалъ за то, что людники забыли выставить рамы и вымыть полы у тебя въ комнатѣ. Ты, вообще, принимаешь въ разговорахъ со мной такой тонъ, который одинъ стоитъ наказанія. Наглостью ничего не возьмешь. Помни лучше пословицу, что ласковый теленокъ двухъ матокъ сосетъ...

— А вы сами бранили меня, когда я ласкался къ матери, — проговорилъ я, не спуская глазъ съ Бубнова.

— Что-о?—гнѣвно спросилъ Бубновъ и, встрѣтившись со мною взглядомъ, внезапно замолчалъ.

Мнѣ было пріятно слѣдить за этими быстрыми вспышками гнѣва и стремленіями къ сдержанности. Я не понималъ, какія причины заставляютъ Бубнова смириться, я не зналъ, насколько хватитъ у него силы воздерживаться отъ бури, и смѣло игралъ въ опасную игру, раздражая дикаго звѣря. Впервые мнѣ показалось, что я теперь справлюсь съ этимъ человѣкомъ. Походивъ по столовой, Бубновъ крикнулъ:

— Седотовъ!

Денщикъ явился на зовъ и остановился у стѣны.

— Ты это что, мерзавецъ, худыми сапогами Владиміра Михайловича мнѣ въ глаза тычешь, а пыли смести въ его комнатахъ и не подумаешь? Тамъ полы не мыты, паутина не сметена. Что же, ужъ не я ли самъ долженъ за всѣмъ смотрѣть? Зачѣмъ же я васъ, подлецовъ, держу?

Въ комнатѣ раздался звукъ оглушительной пощечины.

Ѳедотовъ только пошатнулся въ сторону, да глазами моргнулъ.

— Я васъ научу дѣлать дѣло! — кричалъ Бубновъ.—Вы думаете, что Владиміръ Михайловичъ ребенокъ, что онъ не станетъ жаловаться мнѣ, что ему можно, спустя рукава, служить?.. Чтобы сегодня же все было прибрано у него! Не то я тебя...

Бубновъ снова ударилъ Ѳедотова по щекѣ.

— Убирайся, скотъ!

Ѳедотовъ крякнулъ и, повернувшись по-солдатски, исчезъ изъ комнаты.

— Совѣтую и вамъ смотрѣть за прислугой, — обратился Григорій Даниловичъ къ ключницѣ. — Я не люблю даромъ деньги платить! У меня судъ коротокъ: паспортъ въ зубы и вонъ изъ дому.

Онъ походилъ еще по комнатѣ и вышелъ въ свой кабинетъ. Я чувствовалъ, что мой отчимъ выместилъ свою злобу на прислугѣ, не имѣя возможности прибить меня. Прошло нѣсколько минутъ въ полнѣйшей тишинѣ. Только возвратившійся въ комнату Ѳедотовъ громко возился около буфета.

— Ви толшенъ блакотарить папа, што онъ таки добри,— обратилась ко мнѣ съ наставленіемъ пернавская нѣмка, успѣвшая всплакнуть.

— Добрый изъ чужого кармана, — пробормоталъ вѣчно ворчавшій что-нибудь и дѣлавшій замѣчанія Ѳедотовъ, устанавливая посуду въ буфетномъ шкапу.

— Што ти кафаришь? — строго спросила нѣмка. — Ти лакей, ти мушикъ, ти не толшенъ...

— Чай-то скоро отопьете?—грубо перебилъ ее Ѳедотовъ, не отвѣчая на вопросъ.

— Гробеянъ! Ступай, я пазаветъ,—отвѣтила пернавская нѣмка съ гордостью.

Денщикъ вышелъ, ворча себѣ подъ носъ: «Ишь, нѣмкой родилась, такъ и важничаетъ, что въ ключницахъ состоитъ». Онъ, по обыкновенію, успѣлъ пропустить въ горло «шкаликъ» послѣ побоевъ и выглядѣлъ, попрежнему, бойко и безпечно. Съ него все сходило, какъ съ гуся вода; выпьетъ водки и успокоится. Я торопливо допилъ чай и пошелъ изъ комнаты.

— Вольдемаръ! Вольдемаръ!—крикнула нѣмка. — Ви не поблакотарилъ меня за шай.

Я на-ходу шаркнулъ ногой и пробормоталъ:

— Благодарю!

— Фуй, каки невѣша! — покачала она презрительно головой.

Я, между тѣмъ, бѣжалъ въ переднюю къ денщику. Его мелькомъ сказанная фраза запала мнѣ въ умъ и требовала объясненій.

— Ѳедотовъ, скажи мнѣ, пожалуйста, на чьи это деньги Бубновъ будетъ мнѣ сапоги покупать? — спросилъ я.

— Извѣстно, на ваши! — отвѣтилъ Ѳедотовъ.

— У меня мало денегъ.

— Въ карманѣ нѣтъ, а у Григорья Даниловича онѣ лежатъ, — отвѣтилъ денщикъ. — Имѣніе-то маменькино вамъ и Михайлу Григорьевичу принадлежитъ. Баринъ-то только опекуномъ приставленъ...

— И много у меня денегъ?

— На вашъ вѣкъ хватитъ. Люди говорятъ, что лѣсъ продали, такъ одной липы было тамъ на двадцать десятинъ...

— А-а! — изумился я, не вполнѣ ясно сознавая, что такое десятина, и сколько можетъ стоить эта липовая роща.

Я далъ Ѳедотову на водку за эту новость. Я торжествовалъ, мое сердце било тревогу. Я началъ рыться въ бѣльѣ, повыбросалъ все плохое, написалъ цѣлый списокъ того, что мнѣ нужно, и за завтракомъ явился въ столовую прямо къ Бубнову. У него былъ въ гостяхъ Гейгъ, приходившій къ намъ почти ежедневно завтракать или ужинать. Бубновъ, кажется, изумился, что я иду не на свое мѣсто, а обхожу столъ, чтобы подойти къ нему.

— Вотъ я написалъ, что мнѣ нужно, — сказалъ я, положивъ на столъ списокъ.

— Хорошо, — небрежно отвѣтилъ отчимъ, отодвинувъ въ сторону бумажку.

— Мнѣ еще надо нѣмецкаго учителя, — бойко проговорилъ я.

— Что? — взглянулъ на меня съ удивленіемъ Бубновъ.

— Я по-нѣмецки началъ забывать въ гимназіи, такъ мнѣ приготовиться хочется, — объяснялъ я все тѣмъ же спокойнымъ тономъ.

— Приготовишься и въ гимназіи. Не къ спѣху, — отвѣтилъ мой отчимъ и обратился лицомъ къ Гейгу.

Но я не смутился.

— Вѣдь Миша учится же говорить по-нѣмецки, а ему еще менѣе къ спѣху ученье, — сказалъ я.

— Ну, и ты практикуйся у мадамъ Шварцъ, попроси, чтобы она говорила съ тобой по-нѣмецки, — посовѣтовалъ Григорій Даниловичъ, не обращая ко мнѣ лица.

— Зачѣмъ мнѣ просить ее? Я хочу у учителя учиться,— отвѣтилъ я.

— Страсть къ ученью пробудилась,—замѣтилъ Гейгъ.

— Впрочемъ, совершенно непонятная и, кажется, вызванная настойчивостью, — процѣдилъ сквозь зубы мой отчимъ.

— Это иногда хорошо. Соревнованіе, знаете. Хочетъ перегнать другого,—глубокомысленно разсуждалъ Гейгъ.— Видитъ, что братъ начинаетъ лепетать по-нѣмецки, ну, и самому хочется.

— Да, хочется, покуда это кажется легко. Я увѣренъ, что на второй же урокъ это рвеніе охладѣетъ.

— Но вы попробуете?

— Конечно, отчего же не попробовать, — проговорилъ Бубновъ, побрякивая вилкой по тарелкѣ.

Брянчанье вилкой и покусыванье усовъ ясно говорили, что мой отчимъ не въ духѣ.

— Возьмите нашего учителя. Онъ нѣмецъ добрый,—посовѣтовалъ Гейгъ, котораго домъ представлялъ какой-то разсадникъ нѣмцевъ и нѣмокъ, ищущихъ мѣстъ. — Это, знаете, дѣло великое—соревнованіе. Вотъ и я взялъ для математики дворникова сынишку, а то мои все учатъ, а какъ до математики дойдетъ дѣло—ну, и пассъ! Теперь стало лучше, какъ Ванька при нихъ учится; стыдятся, что мужикъ можетъ перегнать ихъ.

Бубновъ перемѣнилъ разговоръ, прибѣгнувъ къ вопросу о ревматизмѣ Гейга. Когда онъ вышелъ съ Гейгомъ послѣ завтрака изъ столовой, я всталъ изъ-за стола, чтобы идти въ свой мезонинъ. Я нарочно пошелъ около госпожи Шварцъ и, поровнявшись съ нею, гордо взглянулъ на нее: она ждала моей благодарности, но я улыбнулся и направился къ дверямъ.

— Вольдемаръ, — крикнула она строгимъ тономъ. — Вы опять забыли.

— Что?—спросилъ я.

— Поблагодарить меня.

— За что?

— За фрюштикъ.

— Да развѣ онъ вашъ?

— Но я распоряжайся...

— За это намъ деньги платятъ.

— О, это не вы платите!

— Нѣтъ я, деньги мои и Мишины. Я еще могу выругать васъ, что вы худо смотрите за всѣмъ, какъ, вонъ, Бубновъ Федотова ругаетъ.

Я очень нагло смотрѣлъ на пермавскую нѣмку. Она покраснѣла еще болѣе отъ злобы.

— О, я бутетъ жаловаться,—заговорила она чуть не со слезами.

— Ну, да вѣдь и у меня языкъ есть!

Повернувшись на каблукахъ, я ушелъ изъ комнаты. Мнѣ было весело; но мнѣ вдругъ проснулась та смѣлость, которой я такъ долго искалъ въ своей душѣ. Не знаю, жаловалась ли пермавская нѣмка на меня или нѣтъ, но Бубновъ не сдѣлалъ мнѣ никакого замѣчанія.

На третій день послѣ моего смѣлаго объясненія съ отчимомъ, ко мнѣ явился незнакомый господинъ, объявившій, что онъ Федоръ Федоровичъ Дилицъ, учитель нѣмецкаго языка. Я очень обрадовался ему. Мнѣ хотѣлось не усовершенствовать свои познанія, но просто имѣть подъ рукой хоть какое-нибудь живое существо.

По виду учитель былъ не изъ храбрыхъ: бѣлокурый, голубоглазый, плохо одѣтый, неловкій, онъ былъ серьезенъ, но не суровъ. Это былъ какой-то буршъ, можетъ-быть не всегда кроткій въ классѣ, часто выходившій изъ терпѣнія, попросту дравшій за уши лѣнивыхъ учениковъ, но дѣлавшій все это потому, что онъ слишкомъ любилъ и свою Германію, и свой языкъ. Онъ пламенно желалъ сдѣлать изъ маленькихъ варваровъ цивилизованныхъ людей. Ко мнѣ онъ почувствовалъ симпатію съ перваго же урока. Вѣроятно, причиной этой симпатіи было мое желаніе усовершенствоваться въ нѣмецкомъ языкѣ. Дилицъ не могъ знать, изъ какого мутнаго источника вытекло это желаніе. Если прибавить, что вообще на дому учителя становятся мягче въ обращеніи съ учениками вслѣдствіе нѣкоторой боязни употреблять крутыя мѣры и отчасти вслѣдствіе меньшаго числа причинъ къ раздраженію, то каждый пойметъ, что мнѣ было очень легко учиться у Дилица. Кромѣ грамматики, диктовки и переводовъ, онъ занимался со мною чтеніемъ Шиллеровыхъ «Разбойниковъ» и «Донъ-Карлоса», переводя и объясняя мнѣ темныя для меня мѣста. Какъ увлекли меня рѣчи Карла Мора, какъ страстно полюбилъ я маркиза Позу! Опять мнѣ вспоминается юноша, повто-

ряющій въ пустой комнатѣ монологи этихъ людей, примѣняя ихъ рѣчи къ своему положенію. Иногда ему кажется, что онъ стоитъ въ положеніи Карла Мора, окруженный интригами, лишенный любви матери, можетъ-быть, ограбленный отчимомъ. Отчимъ, кажется, ему мстительнымъ и коварнымъ Франценъ Моромъ. Порой юноша твердитъ взволнованнымъ голосомъ вслѣдъ за донъ-Карлосомъ:

Sprich mir von allen Schrecken des Gewissens,
Von meinem Vater sprich mir nicht
. . . . . .
Ich hasse meinen Vater nicht—doch Schauer
Und Missethäters-Bangigkeit ergreifen
Bei diesem fürchterlichen Namen mich.
Kann ich dafür, wenn eine knechtische
Erziehung schon in meinem jungen Herzen
Der Liebe zarten Keim zertrat...

Онъ видитъ, что у него въ домѣ смотрѣли на наказаніе любимаго имъ денщика, на страданіе его няни такъ же, какъ смотрѣли въ Испаніи какія-нибудь маркизы Мондекаръ на сожженіе людей. Ему кажется, что семья его отчима, если бы ее спросили, какъ можетъ она холодно смотрѣть на эти муки, также отвѣтила бы:

Es sind ja Ketzer, die man brennen sieht!

Страстная, полная горечи исповѣдь донъ-Карлоса передъ маркизомъ Позой; полные мужественной твердости и мужественной смѣлости разговоры маркиза съ королемъ; глубокая любовь къ угнетенному народу, все это воспламеняло и облагораживало душу юноши. Если теперь я благодарю кого-нибудь, то именно Дилица за то, что онъ во-время далъ мнѣ въ руки эти великія, пламенныя произведенія. Попадись мнѣ въ то время Гейне, и моя мысль приняла бы, можетъ-быть, другое направленіе, можетъ-быть, я не понялъ бы глубины этого поэта, увидалъ бы только его шутливую сторону, уловилъ бы, подобно многимъ недальновиднымъ юношамъ, его кажущееся легкимъ отношеніе къ жизни и не остановился бы передъ разными тяжелыми вопросами человѣчества съ тою серьезностью и страстностью, къ которой пріучили меня произведенія Шиллера, сдѣлавшіяся надолго моими любимыми друзьями.

Незамѣтно для самого себя, я дѣлался мягче и нѣжнѣе подъ вліяніемъ чистыхъ и благородныхъ произведеній великаго поэта. Мало-по-малу, я пересталъ такъ равнодушно относиться къ своему маленькому брату, какъ относился

къ нему въ началѣ лѣта; мнѣ снова вспомнились мои дѣтскія клятвы любить этого ребенка и быть его защитникомъ. Я нерѣдко проводилъ цѣлые часы въ играхъ съ этимъ мальчикомъ, и онъ, обыкновенно капризный въ сношеніяхъ съ горничною нѣмкой и остальной прислугой, дѣлался и послушнымъ, и милымъ малюткой, играя со мною. Недалеко ушедшій отъ дѣтскаго возраста, я, конечно, умѣлъ занять его лучше всѣхъ этихъ наемныхъ, утомленныхъ и озлобленныхъ людей. Но, почувствовавъ снова любовь къ Мишѣ, я все-таки не могъ полюбить его отца или даже просто перестать ненавидѣть его. Явленіе Бубнова въ комнату сразу пробуждало во мнѣ гадкое и мелочное чувство затаенной ненависти; я спѣшилъ уйти отъ брата, несмотря на его слезы и просьбы поиграть съ нимъ еще. Это не ускользнуло отъ вниманія Григорія Даниловича и, можетъ-быть, его испугала мысль, что я возненавижу ради него его сына.

Однажды ему удалось застать насъ въ полномъ разгарѣ игры: мы съ братомъ въ потѣ лица возводили на полу большую крѣпость изъ картъ. Завидѣвъ отчима, я направился къ дверямъ.

— Играйте, играйте, я не мѣшаю, — промолвилъ Бубновъ.—Куда же ты бѣжишь?—обратился онъ ко мнѣ.

— Въ свою комнату,—отвѣтилъ я.

— Ты очень странно ведешь себя, Владиміръ, — замѣтилъ отчимъ.—Ты бѣгаешь при мнѣ отъ Миши, какъ отъ пугала. Развѣ я тебѣ запрещалъ играть съ нимъ?

Я остановился и обернулся поблѣднѣвшимъ лицомъ къ Бубнову.

— Да, вы запрещали,—отвѣтилъ я дрожащимъ голосомъ.

Бубновъ нахмурилъ брови.

— Ты не дитя и долженъ понять, что если прежде я боялся довѣрить тебѣ Мишу, какъ ребенку, то теперь я могу не бояться, что ты ушибешь его или раздразнишь,— сказалъ онъ сдержаннымъ тономъ.

Я молча смотрѣлъ на него.

— Вы должны быть дружны,—продолжалъ онъ.—Ты,— какъ старшій братъ, можетъ-быть, когда-нибудь даже будешь въ состояніи помочь Мишѣ, и потому мнѣ пріятно, если ты будешь его любить.

Бубновъ подошелъ ко мнѣ, чтобы потрепать меня по плечу; но я такъ привыкъ къ побоямъ со стороны отчима, его первая ласка была такъ необычайна, что я невольно

быстро отступилъ на шагъ отъ него, и его рука проскользнула въ воздухѣ, не коснувшись моего плеча. Бубновъ стиснулъ зубы отъ досады на неудачную попытку впервые приласкать меня и, повернувшись, шумно вышелъ изъ комнаты. Мой отчимъ ясно увидалъ, что моя ненависть къ нему гораздо сильнѣе, гораздо глубже, чѣмъ онъ предполагалъ, и это обезпокоило его не на шутку. Онъ никакъ не думалъ, что юноша могъ помнить въ теченіе многихъ лѣтъ, какъ его ругали и сѣкли въ дѣтствѣ. «Мало ли кого ругаютъ и сѣкутъ въ дѣтствѣ, а кто вспоминаетъ объ этомъ со злобой? Это такое обыденное и ничтожное явленіе!» могъ разсуждать мой отчимъ, и вдругъ ему встрѣтился человѣкъ, смотрѣвшій иначе на это дѣло. Какъ же было не удивляться, не волноваться? Въ послѣднее время Бубновъ былъ болѣе оживленъ, чѣмъ когда-нибудь, надеждами достигнуть своей цѣли—значительнаго состоянія. Отчасти онъ уже успѣлъ присвоить при жизни моей матери часть моего имѣнія; теперь онъ могъ многое украсть у меня, играя роль опекуна; но всего этого было еще недостаточно, и Бубновъ строилъ планы сдѣлать меня ручнымъ и воспользоваться, при моей помощи, расположеніемъ и имуществомъ одной личности, о которой я не имѣлъ никакого понятія. Чѣмъ яснѣе становились для самого Бубнова его расчеты, тѣмъ настойчивѣе онъ старался превратиться въ моего добродушнаго родственника. Первая неудавшаяся попытка приласкать меня убѣдила его, что нужно прибѣгнуть къ болѣе радикальнымъ мѣрамъ для примиренія.

Въ этотъ же день вечеромъ я лежалъ на диванѣ въ своей комнатѣ и читалъ книгу, когда моя дверь отворилась, и въ нее неожиданно вошелъ Григорій Даниловичъ. Это былъ его первый визитъ ко мнѣ. Съ дѣтскихъ лѣтъ я привыкъ, что наши свиданія наединѣ всегда ознаменовывались драньемъ за уши, бранью, щелчками, и потому не мудрено, что я совершенно инстинктивно вскочилъ съ дивана и хотѣлъ отбѣжать къ окну, чтобы стать въ оборонительное положеніе.

Во мнѣ была полная готовность бороться съ отчимомъ, во что бы то ни стало, бороться всѣми способами, хотя бы при помощи физической силы.

Мое движеніе не ускользнуло отъ вниманія моего отчима.

— Лежи, лежи, Володя,—довольно ласково и мягко про-

говорилъ онъ, назвавъ меня впервые этимъ именемъ.— Читалъ?

— Да,— отвѣтилъ я, не трогаясь съ мѣста.

— Я зашелъ къ тебѣ сказать, что ты на-днях поѣдешь въ Петербургъ.

— На-днях!—съ невольной радостью воскликнулъ я, и въ моей юной головѣ даже мелькнула мысль, что Бубновъ понялъ, какъ тяжело мнѣ жить у него, и потому ускоритъ мой отъѣздъ.

Бубновъ кивнулъ въ отвѣтъ головою и придвинулъ ногой стулъ къ дивану. Онъ сѣлъ. Я продолжалъ стоять и слѣдить за нимъ пристальнымъ взглядомъ. Мой отчимъ былъ какъ-то особенно сдержанъ.

— Мнѣ странно, Володя, твое поведеніе.—началъ онъ наставительнымъ тономъ:— ты сторонишься отъ меня, какъ отъ чужого, какъ отъ врага, и не хочешь понять, что я забочусь о тебѣ. Мы связаны и родственными связями, и общими интересами, и должны быть друзьями, должны любить другъ друга. Тебя страшно вооружили противъ меня. Твой дядя, людишки, всѣ наговаривали тебѣ на меня, какъ на какого-то тирана. Правда, я горячъ и строгъ, но я не желалъ никогда тебѣ зла, не желалъ быть несправедливымъ съ тобою. Если со мной люди не умѣютъ жить, такъ въ этомъ не моя вина. Вѣдь вонъ и съ капитаномъ не всякій можетъ ужиться. Со мной нужно умѣть ладить, промолчать во-время, подождать, когда я успокоюсь. Ты самъ былъ виноватъ, выводя меня изъ терпѣнія. Ты былъ избалованъ, на мнѣ лежала обязанность исправить тебя. Я зналъ по опыту, что плетью обуха не перешибешь, что для жизни нужна извѣстная выдержка, которой не было у тебя. Неужели ты думаешь, что мнѣ самому не приходится покоряться и людямъ, и обстоятельствамъ? Я уже не молодъ, и это мнѣ тяжело,—однако же, стараюсь переломить себя, стараюсь достигнуть своей цѣли. Я тебя всегда любилъ, какъ сына...

Во все время этой вкрадчивой рѣчи, напоминавшей тѣ рѣчи, которыхъ заслушивалась когда-то моя мать, я молчалъ. Въ моей душѣ была страшная тревога; мнѣ хотѣлось крикнуть отчиму, этому Францу Мору, прикинувшемуся моимъ другомъ, что онъ лжетъ. Услышавъ его послѣднюю фразу, я не выдержалъ.

— Значитъ, вы не любите Мишу,—перебилъ я его, взглянувъ прямо ему въ глаза.

Онъ не сразу понялъ меня.

— Какъ не люблю?—спросилъ онъ.—Я его люблю.

— Что же вы его не бьете?

Бубновъ хотѣлъ что-то сказать, но я не далъ ему времени опомниться.

— Что же вы его не выталкиваете изъ дому? Что же вы его не засаживаете на чердакъ? Что же вы его не называете негодяемъ? — страстнымъ голосомъ продолжалъ я обличать отчима.

Я былъ взволнованъ и блѣденъ, на моихъ глазахъ сверкали слезы. Григорій Даниловичъ смотрѣлъ на меня изумленными глазами. Я, вытянувшись во весь ростъ, положивъ руки на спинку стула, стоялъ передъ нимъ, со всею отвагою рѣшившейся на бой и оскорбленной до глубины души юности.

— Ну, Володя, это все старое, давно прошедшее,—проговорилъ онъ, дѣлая страшное усиліе надъ собой, чтобы не раскричаться.

Его голосъ былъ ровенъ, лицо спокойно, и только предательскія жилы натянулись и бились на лбу.

— Ты самъ былъ виноватъ...

— Нѣтъ, Григорій Даниловичъ, это было недавно, и не я былъ виноватъ,—страстно заговорилъ я, рѣшившись излить все, что накопилось въ душѣ.—Вы притѣсняли меня, вы ненавидѣли меня, вы обѣщались убить меня и ужъ вѣрно не исправили бы меня этимъ. Изъ-за васъ меня разлюбила мать, изъ-за васъ она выбросила меня изъ роднаго дома. А если бы вы знали, какъ я любилъ ее! Если-бъ Мишѣ пришлось испытать хоть долю того, что вынесъ я, то онъ былъ бы очень-очень несчастливъ и проклялъ бы тѣхъ, кто былъ виною этихъ несчастій! Я не могъ вамъ сдѣлать зла, но вы считали меня врагомъ, а я былъ маленькимъ, слабымъ ребенкомъ!

Я, тихо, неутѣшно рыдая, закрылъ руками глаза. Григорій Даниловичъ давно уже всталъ и шагалъ по комнатѣ. Его шаги рѣзко нарушали наступившую тишину. Богъ знаетъ, что происходило въ его душѣ, но онъ не кричалъ, не топалъ на меня ногами, не протягивалъ руки для нанесенія мнѣ побоевъ. Прошло минутъ десять. Шаги отчима зазвучали тише.

— Ну, полно, не плачь! — проговорилъ Бубновъ, останавливаясь передо мной.—Мы оба виноваты. Стараго нечего вспоминать!

Бубновъ еще прошелся по комнатѣ. Теперь вполнѣ понимаю я, какъ тяжело было ему съ непривычки щеголять передо мною въ новой роли заботливаго и нѣжнаго родственника. Его лицо было зелено, глаза налились кровью, а голосъ звучалъ кроткими и мягкими нотами. Да, у этого человѣка была громадная сила воли. И какъ подумаешь, на что она ушла, то невольно становится и горько и смѣшно, что люди попусту тратятъ подобныя силы, не принося добра ни себѣ, ни другимъ и дѣлая только безцѣльное зло.

— Дядя, дядя тебя пріучилъ видѣть всюду драмы, да злодѣевъ! У тебя его характеръ. Воображеніе твое испортили,—продолжалъ онъ.—Я, впрочемъ, радъ, что мы дошли до объясненій. Ты видишь, что я отнесся къ тебѣ, какъ къ взрослому, хотя я имѣлъ возможность и полное право, если бы захотѣлъ, обращаться съ тобой иначе. Я не привыкъ выслушивать подобныхъ выходокъ, я привыкъ расплачиваться за нихъ какъ слѣдуетъ...

— Отчего же вы не попробуете?—смѣло перебилъ я его, снова поднявъ голову и рискуя вызвать бурю.

Онъ пропустилъ мимо ушей эту фразу, только его шаги опять зазвучали громче. Черезъ минуту онъ шагалъ снова такъ же тихо, какъ и прежде.

— Совѣтую тебѣ отбросить всѣ дядюшкины поученія и стоять поближе ко мнѣ,—продолжалъ онъ ласково.—Я тебѣ пригожусь. Можетъ-быть, горячо любить меня ты не будешь, а благодарность ко мнѣ со временемъ почувствуешь, даже за то, что я былъ строгъ съ тобой.

— Не будете притѣснять, не будемъ и ссориться,—отвѣтилъ я, не вполнѣ понимая, что сдѣлалось съ Бубновымъ.

Довольно дружно пробесѣдовали мы еще съ часъ, и потомъ сошли внизъ и усѣлись всѣ за чай. Пернавская нѣмка удивлялась, что Бубновъ такъ ласковъ со мною. Не ускользнула эта перемѣна даже отъ недальновиднаго Гейга и Маровы Трофимовны, ужинавшихъ у насъ на слѣдующій день. Среди разговоровъ, пернавская нѣмка замѣтила мнѣ что-то по-русски. Она всегда говорила со мной на этомъ языкѣ.

— Вы бы по-нѣмецки говорили, такъ васъ хоть за благородную считали бы,—замѣтилъ я:—а то, когда вы говорите по-русски, такъ васъ за сапожницу принять могутъ.

— Ви невѣжа, ви невѣжа!—раскраснѣлась она отъ негодованія и приложила платокъ къ глазамъ.

— Ого, молодой человѣкъ острить начинаетъ! —засмѣялся генеральскимъ смѣхомъ Гейгъ.

— Да, онъ находчивъ,—отвѣтилъ Бубновъ:—я это замѣтилъ въ послѣднее время.

— Il est impertinent!—вставило свою замѣтку пятое колесо.

Они, можетъ-быть, всѣ были правы: я былъ дѣйствительно и остеръ, и находчивъ, даже иногда нагълъ въ обращеніи съ подобными личностями, какъ пернавская нѣмка. Притѣсненія, испытанныя въ дѣтствѣ, жизнь среди взрослыхъ, постоянное чтеніе книгъ развили меня не по лѣтамъ, и я уже принадлежалъ къ числу тѣхъ юношей, отъ которыхъ ожидаютъ чудесъ въ будущемъ. Какъ рѣдко оправдываются эти надежды, на какія мелочи уходятъ эти юныя силы! Прощаясь съ бубновскимъ домомъ, я чувствовалъ, что я выхожу изъ него уже не тѣмъ мальчикомъ, какимъ, четыре мѣсяца тому назадъ, я боязливо вошелъ въ него. До этого времени я игралъ скорѣе пассивную, чѣмъ активную роль. Теперь у меня была уже и цѣль въ жизни—пріобрѣтеніе друзей, готовыхъ воевать съ общими врагами и любящихъ одни и тѣ же предметы; у меня было и новое стремленіе—стремленіе къ свободѣ и независимости, родившееся подъ гнетомъ впервые сознанной обидной зависимости и постыднаго рабства. Я испыталъ свою способность бороться и увидалъ, что я не смущаюсь передъ врагомъ, что, напротивъ того, я дѣлаюсь крѣпче, находчивѣе, умнѣе въ минуты борьбы; въ моей душѣ, дремавшей до сихъ поръ, пробудилась страстность, способность къ глубокому чувству. Еще одна особенность моего характера проявилась въ это время,—это недѣтская сдержанность, внѣшняя холодность въ минуты страстнаго гнѣва и раздраженія. Этой особенности моего характера, зародившейся, можетъ-быть, въ тѣ минуты, когда я и Бубновъ шопотомъ, исподтишка угрожали другъ другу при жизни матери, было суждено развиться до поразительныхъ размѣровъ. Я помню надменную, непокорную женщину, которая не боялась никакихъ бурныхъ сценъ, никакой борьбы, и которая падала духомъ, дрожала и блѣднѣла, когда ей слышался этотъ холодный, ледяной тонъ...

Наканунѣ выѣзда изъ бубновскаго жилища я долго ходилъ по своей комнатѣ, вспоминая прошлое. Мнѣ грезилась моя мать, замученная, охладѣвшая ко мнѣ и дядѣ, какъ охладѣла она ко всему на свѣтѣ и прежде всего къ своей

собственной жизни, моляшася во искупленіе какого-то грѣха, лежащаго на ея сердце. Съ нѣмой скорбью плакать я объ этой погибшей мученицѣ и просить прощенія у ея тѣни, если я когда-нибудь невольно влилъ и свою долю яда въ ту чашу, которую ей пришлось испить капля-по-каплѣ до самаго дня. Ни одного упрека, ни одной жалобы на нее не шевельнулось теперь въ моей душѣ, и только безпредѣльная, святая любовь сына наполняла мое сердце. Мало-по-малу, изъ-за этого призрака выступили передо мною другіе образы измученныхъ людей: мнѣ вспомнилась Настя, поруганная, убитая горемъ, вытолкнутая куда-то съ разбитымъ сердцемъ. За ней выдвинулась тѣнь блѣднаго, забитаго денщика... Инстинктивно, со свѣчей въ рукѣ, я поднялся на чердакъ, на мѣсто своихъ дѣтскихъ страданій. Тамъ все хранило прежній видъ, только бечевки оборвались подъ потолкомъ, только выли было больше на хламѣ въ углу, только вѣтеръ сильнѣе свисталъ въ окончательно разбитыя стекла полукруглаго окна. А вотъ и надпись, не стертая временемъ и людьми, на стѣнѣ чулана: «мая навѣки!» Какъ сладко мечталъ Василій у себя въ каморкѣ объ этихъ словахъ, какъ заботливо выводилъ онъ ихъ на стѣнѣ! Это тѣ золотыя буквы, которыми записывались великія истины. Гдѣ онъ? Засѣкли ли его или сохранили его жизнь для каторги, довели до пьянства, до новыхъ преступленій! Слава Богу, если засѣкли! Хорошо, что не сталъ онъ, подобно Федотову, тѣмъ грязнымъ, сонливымъ, вѣчно полупьянымъ воришкой-денщикомъ, которому ежедневно раскалачиваютъ зубъ за зубомъ, пока не выбьютъ послѣдняго, за воровство, за лѣнь, за пьянство, а онъ и воруетъ, и лѣнится, и пьетъ, и нагло оправдывается съ каждымъ днемъ все больше и больше. Нечесаный, въ оборванномъ сюртучишкѣ, съ неумытымъ лицомъ, съ краснымъ носомъ, съ своимъ собственнымъ запахомъ, вызывающимъ отвращеніе господъ, сталъ бы и Василій развратничать съ каждой судомойкой, съ каждою падшей женщиной, сидящей въ кабакѣ, съ каждой молоденькою дѣвочкою-нищей. И все-таки, въ концѣ-концовъ, умеръ бы онъ гдѣ-нибудь подъ заборомъ или сорвалъ бы съ пьяныхъ глазъ съ кого-нибудь эполеты, прошелъ бы сквозь строй и угодилъ бы въ арестантскія роты. Добромъ онъ не кончилъ бы.

Въ тяжелыхъ думахъ, вспоминая о прошломъ и стараясь проникнуть завѣсу будущаго, стараясь угадать, будетъ ли оно такъ же темно и безрадостно, какъ мое былое, стоялъ

я у окна. Кругомъ все было тихо и неподвижно, только вѣтеръ шумѣлъ въ саду и, врываясь въ разбитое окно, шевелилъ мои волосы и освѣжалъ мое лицо. Но вотъ одинъ изъ его порывовъ загасилъ поставленный на полъ огарокъ свѣчи, и я очутился снова въ томъ же мракѣ, который окружалъ меня во время моего заключенія въ чуланѣ. Мнѣ стало не по-себѣ, я вспоминалъ, что въ этой тьмѣ, въ этомъ мѣстѣ мнѣ слышался плачъ убитаго мною брата. Я не шевелился съ мѣста, но мнѣ пробѣгала дрожь, и вдругъ, среди этой тишины, за стѣною раздался знакомый мнѣ крикъ, похожій на дѣтскій вопль; я стремительно, въ ужасѣ выбѣжалъ изъ чулана: по земляному полу чердака послышались давно слышанныя мною легкіе шаги. Я, какъ окаменѣлый, остановился на порогѣ и смотрѣлъ во мракъ испуганными глазами: въ углу чердака сверкали во тьмѣ четыре яркіе огненные глаза и раздавалось чье-то шипѣнье. Я сталъ всматриваться: въ углу сидѣли двѣ кошки... Такъ вотъ чьи крики, чья бѣготня стоили мнѣ столькихъ мукъ! Такъ вотъ какое ничтожное созданье было причиной моего суевѣрнаго дѣтскаго страха! Въ эту минуту я отдѣлался отъ послѣдняго кошмара дѣтства, отдѣлался навсегда и отъ самаго дѣтства: оно прошло безвозвратно.

XIII.

Старчество и юность.

Мы пріѣхали въ Петербургъ, остановились въ гостиницѣ и потомъ отправились въ гимназію. Бубновъ вмѣстѣ со мною прошелъ къ директору. Здѣсь въ залѣ насъ встрѣтили самъ Германъ и инспекторъ Соловьевъ. Бубновъ довольно развязно и немного свысока поздоровался съ ними. Меня удивило, что директоръ держалъ себя съ Бубновымъ особенно любезно и не съ тою офиціальною важностью, какъ съ прочими посѣтителями. Я не зналъ, что онъ уже получилъ письма отъ тѣхъ лицъ, которыя хлопотали за меня.

— Я попрошу васъ, господинъ директоръ, обратить на моего сына особенное вниманіе,—сказалъ Бубновъ, дружески положивъ руку на мое плечо.—Это юноша съ способностями и быстрымъ соображеніемъ.

— Вы знаете именно, что мы на всѣхъ вниманіе обращаемъ, а тѣмъ болѣе именно...—началъ директоръ.

Но Бубновъ безцеремонно перебилъ его:

— Ну, мнѣ нѣтъ дѣла до другихъ, но насчетъ его я

должен откровенно высказать вам, что он засидѣлся въ классѣ по непонимательности учителей. Я прямо утверждаю, что лѣность учениковъ — это небрежность учителей.

— Но наши учителя именно...

— Я вѣрю, что они прекрасные люди, — сухо продолжалъ Бубновъ: — но я все-таки знаю, что они не всегда принимаютъ должныя мѣры для исправленія учениковъ. Поставитъ ученику дурной баллъ — и конецъ весь; тогда какъ тутъ нужна внимательность, нужно поставить худой баллъ, да приказать ученику завтра же отвѣтить невыученный сегодня урокъ; завтра не знаетъ — пусть послѣзавтра спросить. А то вѣдь учителя иногда по цѣлымъ мѣсяцамъ не спрашиваютъ иного ученика и не знаютъ не только того, приготовилъ ли онъ уроки, но даже понимаетъ ли онъ ихъ? Я и учился-съ не очень давно и присматриваюсь потомъ къ дѣлу обученія, а потому знаю-съ и что, и какъ, и почему дѣлается такъ или иначе въ этомъ мірѣ. Я не желаю платить приватныхъ суммъ учителямъ.

Инспекторъ, маленькій, юркій человѣчекъ, заправлявшій всѣми дѣлами гимназіи, не выдержалъ этого намека и быстро выдвинулся впередъ.

— Позвольте, — горячо и отчасти грозно вступился онъ за учителей: — я не могу допустить оскорбленія учителямъ. Они...

Бубновъ холодно и пристально взглянулъ сверху внизъ на Соловьева и, не отвѣчая ему, обратился къ директору:

— Они, — началъ Бубновъ: — даютъ *приватные* уроки.

Бубновъ сдѣлалъ сильное удареніе на словѣ приватные, и началъ отчеканивать свои фразы.

— Я это знаю *навырное*. Вы, конечно, тоже не станете этого отрицать и не будете спорить со мною. Но такъ какъ мнѣ сдѣлали выговоръ, — иронически продолжалъ мой отчимъ: — то я долженъ оправдаться и замѣтить, что, кромѣ *приватныхъ* уроковъ, дающихъ возможность плохимъ ученикамъ переходить изъ класса въ классъ, есть еще множество другихъ льготъ, не знаю, чѣмъ вызванныхъ. Какъ фамилія того ученика, который остался у васъ на третій годъ въ классѣ? — обратился мой отчимъ ко мнѣ.

— Сивкова откупщика сынъ остался, да баронъ Розенъ, — отвѣтилъ я.

— Да, да, Сивковъ и Розенъ, — повторилъ Бубновъ, точно онъ, и въ самомъ дѣлѣ, слышалъ прежде объ этихъ ученикахъ отъ меня. — Они на третій годъ остались.

— Они-съ представили свидѣтельства о болѣзни,—снова высунулся впередъ инспекторъ.

— А! свидѣтельства о болѣзни!—протяжно повторилъ Бубновъ.—Это дѣло было бы интересно изслѣдовать. Я поговорю о нихъ у попечителя.

Бубновъ сухо поклонился директору и едва кивнулъ головою инспектору.

— Пиши, пожалуйста, мнѣ обо всемъ откровенно, какъ пойдутъ теперь твои дѣла,—очень громко говорилъ мнѣ мой отчимъ, проходя со мною по залу.—Ты напрасно скрывалъ свои неудачи.

— Позвольте васъ попросить остаться на минуту,—послышался сзади насъ вкрадчивый и любезный голосъ инспектора.

Бубновъ обернулся.

— Вы именно немного погорячились,—подошелъ Германъ къ Григорію Даниловичу.

— Вы это совершенно напрасно,—мягко вставилъ свое замѣчаніе Соловьевъ.—Тѣ письма, которыя мы получили насчетъ вашего сына отъ попечителя и графа Сиверскаго, такъ рекомендуютъ мальчика, что не обратить на него вниманія было бы невозможно.

— Да, но вѣдь вы сами говорили, что особеннаго вниманія здѣсь ни на кого не обращаютъ, и потому я могу предположить, что мой сынъ снова засядетъ на три года въ классѣ,—сухо прозвесъ Бубновъ.

Онъ былъ великолѣпенъ въ своемъ невозмутимомъ величіи.

Инспектора всего передернуло, и его лицо какъ-то тупо осклабилось улыбкой. Директоръ потерялъ послѣдніе слѣды своей официальной важности и вполнѣ походилъ на того добраго и слабаго старичишку, какимъ онъ былъ на самомъ дѣлѣ. Снявъ очки, онъ протиралъ ихъ стекла и, видимо, не зналъ, что дѣлать и что говорить. Въ этихъ случаяхъ онъ обыкновенно предоставлялъ все на волю Божію, или лучше сказать, на волю юркаго и опытнаго въ практическихъ дѣлахъ инспектора.

— Вы меня извините, я долженъ торопиться,—продолжалъ Бубновъ, взглянувъ на часы.—Мы условились съ Сиверскимъ и попечителемъ встрѣтиться ровно въ часъ.

Началось пожатіе рукъ.

— Я надѣюсь, что вы не сердитесь?—промолвилъ инспекторъ.

— Нисколько, хотя я и не люблю обходами и намеками

договариваться до того, что можно высказать коротко и ясно въ двухъ словахъ. Я самъ-съ служу и знаю, какъ и что дѣлается у насъ, — многозначительно замѣтилъ Бубновъ.

Онъ взялъ меня подъ-руку и вышелъ со мною, провожаемый директоромъ и инспекторомъ до лѣстницы. Меня изумляли и надменный, развязный тонъ Григорія Даниловича въ обращеніи съ моими начальниками, и небрежное напоминаніе о назначенномъ свиданіи съ важными особами, и его дружеское обращеніе со мною. Онъ хотѣлъ показать моимъ начальникамъ, что онъ насквозь видитъ ихъ положеніе, что онъ имѣетъ возможность по-пріятельски шепнуть кому слѣдуетъ о ихъ грѣшкахъ, что, наконецъ, я стою съ нимъ въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ и могу при случаѣ сообщить все, что дѣлается въ закулисномъ мірѣ училища. Съ свойственнымъ ему умѣньемъ онъ высказалъ все это такъ, что не оставалось никакихъ недоразумѣній ни о его значеніи, ни о моей будущей роли гимназическаго шіона, самой выгодной изъ всѣхъ ролей въ мірѣ. Черезъ полчаса мы были у генерала Гейга, брата знакомаго читателю адмирала. Генералъ Гейгъ видалъ меня нѣсколько разъ прежде и принялъ какъ знакомаго. У него сидѣло нѣсколько человѣкъ гостей, собравшихся къ нему по случаю дня рожденія его жены. Между гостями были и адмиралъ Гейгъ, и попечитель, и графъ Сиверскій. Ради свиданія съ послѣднимъ Бубновъ и ускорилъ нашу поѣздку въ Петербургъ. А я, въ дѣтской наивности, сначала думалъ, что онъ сдѣлалъ это изъ сожалѣнія къ моему одинокому положенію въ его домѣ! О, вѣчные обманы дѣтской наивности!

Попечитель и графъ Сиверскій спросили Григорія Даниловича о результатахъ его хлопотъ. Григорій Даниловичъ поклонился теперь уже не своею холодной важностью, а любезной и живой предупредительностью. Поговоривъ съ нимъ, особы удостоили меня своего высокаго вниманія. Старый графъ Сиверскій добродушно похлопалъ меня по щекѣ, а попечитель, нахмуривъ брови, сказалъ:

— Учись хорошенько, справляться буду. Березовой каши на васъ жалѣютъ!

Эти фразы произнеслись какъ-то отрывисто, по-солдатски. Послѣ этого привѣтствія меня отправили на половину юныхъ сыновей хозяина, гдѣ я встрѣтилъ и моихъ старыхъ знакомыхъ херувимовъ, воровавшихъ въ былые годы и мои конфеты, и мои картинки. Теперь имъ было уже около семнадцати и восемнадцати лѣтъ, и они со смѣхомъ раз-

сказывали о своихъ продѣлкахъ съ какими-то «Машками» и «Дашками».

Мнѣ было скучно между ними; я еще ничего не понималъ относительно прелестей «Дашекъ» и «Машекъ».

Послѣ завтрака Бубновъ пришелъ на половину молодыхъ Гейговъ. Тутъ еще шли шумные разговоры юношей о грязныхъ похожденіяхъ.

— Что, господа, пируете?—развязно улыбнулся Григорій Даниловичъ, потрепавъ по плечу одного изъ сыновей адмирала.—Рады, что старички заболтались, да что гувернеровъ нѣтъ. Знаемъ-съ, и мы такъ пожили!

Онъ взялъ меня подъ-руку и, пожавъ руку молодежи, вышелъ изъ комнаты. Мы сѣли въ коляску и поѣхали. Бубновъ былъ очень веселъ: онъ, кажется, выпилъ болѣе обыкновеннаго.

— Ну, что скажете, Владиміръ Михайловичъ, —насмѣшливымъ тономъ обратился онъ ко мнѣ, развалясь въ колескѣ.— Такъ ли обдѣлываетъ свои дѣла вашъ любезный дядюшка, Петръ Акимовичъ Хлопко? Поступили ли бы вы снова въ гимназію при его содѣйствіи? Не будете ли вы теперь играть въ гимназіи важной роли? Не пріятно ли вамъ будетъ и хорошо учиться, и видѣть, что на васъ обращаютъ особенное вниманіе? А кому вы этимъ обязаны, не своему ли врагу и злодѣю, Григорію Даниловичу Бубнову?

— Благодарю васъ!—сконфуженно проговорилъ я, не зная, что отвѣчать.

Бубновъ перемѣнилъ тонъ и заговорилъ ласково:

— Теперь твоя будущность отъ тебя зависитъ, —сказалъ онъ.—Я сдѣлалъ все, что возможно сдѣлать. Но помни, что въ жизни нельзя пробавляться одними сентиментами, какъ это дѣлаетъ капитанъ. Въ свѣтѣ нужно или кричать и приказывать, или слушать крики и приказанія. Все, чего бы ты ни вздумалъ достигнуть, достается съ бою, и кто раньше всталъ, да палку взялъ, тотъ и капралъ, а остальные—пѣшки. У тебя есть характеръ, но тебя обабили, нервы тебѣ раздражили, въ обмороки падаешь. Это скверно, Тебѣ бороться придется, а ты въ обморокъ шлепнешься—ну, враги и обдѣлаютъ дѣло, пока ты лежать будешь.

Я невольно улыбнулся этому удачному примѣру.

— Ты вотъ меня врагомъ считаешь, а первый твой врагъ— это дядя,—продолжалъ Бубновъ.—Онъ обабилъ тебя; онъ укралъ у тебя два года изъ жизни, не обращая вниманія на твое ученіе; онъ попусту становился между мной и тобой

и мѣшалъ тебѣ увидѣть мои хорошія стороны. Ты безъ него давно бы слушалъ мои совѣты и мои наставленія, и какъ бы я ни горячился, ты сумѣлъ бы привязаться ко мнѣ. Ужиться со всѣми можно. Только нужно съ волками жить, такъ по-волчьи и выть.

Я снова улыбнулся.

— А вы меня все браните, что я волчонкомъ смотрю, — отвѣтилъ я не безъ бойкости.

— Да вѣдь ты остроумѣемъ отличаешься!—засмѣялся Бубновъ.—Удачно, удачно остришь! Это пригодится. Ты, братъ, далеко пойдешь! Не забудь насъ, когда генераломъ будешь...

— Вы тогда ужъ министромъ будете,—совсѣмъ весело отвѣтилъ я.

Бубновъ взглянулъ на меня немного изумленными глазами и задумался.

— Какъ время-то идетъ!— пробормоталъ онъ какъ бы про себя.—Семнадцатый годъ пошелъ. Давно ли былъ ребенкомъ...

Онъ такъ удивлялся моему развитію и моей находчивости, какъ будто мы встрѣтились съ нимъ впервые, послѣ долгой разлуки. Ему показалось даже, что я не совсѣмъ обыкновенный юноша, что я слишкомъ уменъ для своихъ лѣтъ, что можно надѣяться на мою блестящую будущность.

— Развивайся, развивайся,—проговорилъ онъ.—Пройдетъ еще годика четыре, и тебѣ придется показать свои способности. Ты узнаешь, что у тебя есть средства сдѣлаться богачомъ и осчастливить и себя, и Мишу. Только нужно будетъ осторожно и терпѣливо дѣйствовать, нужно сначала пріучиться съ людьми ладить. Дядюшка убивалъ въ тебѣ эту необходимую способность!

Я совершенно не понималъ, о чемъ говоритъ мой отчимъ. Онъ же не считалъ нужнымъ и умѣстнымъ объяснить мнѣ заранѣе, какимъ путемъ и какія богатства придется пріобрѣсти мнѣ въ будущемъ. Ему хотѣлось сначала сдѣлать изъ меня практическаго человѣка и уже потомъ объяснить мнѣ, какія интриги, какія хитрости могутъ увеличить наше благосостояніе.

Возвратившись въ гостиницу, мы пообѣдали, и потомъ Бубновъ повезъ меня къ дядѣ. У крыльца квартиры дяди онъ простился со мною очень дружески и сказалъ мнѣ, чтобы я писалъ къ нему, если мнѣ что-нибудь понадобится. Я не могъ надивиться полной перемѣнѣ въ нашихъ отношеніяхъ, и еще долгое время она была загадкою для меня. Но время разрѣшаетъ всевозможныя загадки, разрѣшило оно

и эту. Теперь я видѣлъ только одно, что Бубновъ даже пересталъ тяготиться своею новою ролью и вполнѣ освоился съ нею, не дѣлалъ даже попытокъ крикнуть на меня или отнестись ко мнѣ съ прежнею грубостью. Взглянувъ на наши отношенія въ это время, каждый посторонній зритель сказалъ бы, что Бубновъ и я представляемъ, достойный подражанія, трогательный образецъ дружеской связи между отчимомъ и пасынкомъ.

— Здравствуй, птица моя, здравствуй!—говорилъ дядя, обнимая меня въ своей новой квартирѣ.

Я отъ души поцѣловалъ его.

— А у тебя, дядя, хорошенькія комнаты,—замѣтилъ я черезъ нѣсколько минутъ, осматривая его жилище.—Прошелъ ли у Христины Карловны флюсъ?

— Не знаю, птица, не знаю, я давно ея не видалъ.

Я удивился.

— Да развѣ ты не у нея живешь?

— Нѣтъ, братъ, тамъ цѣлая исторія случилась, послѣ разскажу. Сперва напьемся чайку,—засуетился онъ.

— Да у кого же ты нанимаешь квартиру?—спросилъ я.

— У тетки нашего кавказца,—шопотомъ отвѣтилъ дядя и завозился около буфетнаго шкапа.

Я въ изумленіи вытаращилъ глаза на дядю, и мнѣ пришлось еще болѣе изумиться: у дяди не было ни единаго сѣдого волоска. Его почти бѣлые виски, его сѣрый хохолъ, его нѣгіе усы—все было черно, какъ смоль. Я только теперь замѣтилъ эту перемѣну и глядѣлъ съ разинутымъ ртомъ на милое моему сердцу существо.

— Это, братъ, все цѣлая исторія, просто, братъ, понять ничего не могу,—ворчалъ онъ, устанавливая на столъ чашки.

Я понималъ еще менѣе, какія событія могли помолодить голову дяди на двадцать лѣтъ. Я сказалъ—голову, а не лицо, потому что его лицо страшно постарѣло и осунулось. Горе провело на его лбу еще нѣсколько глубокихъ, неизгладимыхъ морщинъ и отражалось въ его глазахъ въ тѣ минуты, когда онъ умолкалъ и задумчиво смотрѣлъ куда-то вдаль,—можетъ-быть, въ то свѣтлое прошлое, которое сверкало тѣмъ ярче, тѣмъ ослѣпительнѣе, чѣмъ мрачнѣе и безцвѣтнѣе становилось настоящее стараго холостяка. Но для чего явилось это подкрашиваніе сѣдины? Это было что-то въ родѣ лака, наведеннаго жалкимъ маляромъ на мрачную картину Рембрандта, что-то въ родѣ новаго дешеваго флага, мизерно треплющагося надъ грандіозными развалинами стараго замка. Покуда

я молчаливо смотрѣлъ на дядю, стараясь угадать, что произошло съ нимъ, служанка принесла самоваръ.

— Ну, Волюшка, тяжелое время мы съ тобой пережили!— вздохнулъ дядя, усаживаясь со мною пить чай.

— Да, дядя,—отвѣтилъ я.—Не знаю, какъ тебѣ, а мнѣ тяжело жилось.

— А мнѣ... Не говорилъ я тебѣ, когда видѣлись, не хотѣлъ къ твоему горю своего горя прибавлять,— съ горечью заговорилъ дядя.—А жилось мнѣ такъ, что хоть въ могилу ложись... Маруська, Маруська! Мало я плакалъ, стоя надъ ея могилой, а послѣ и вспомнилось все, горько вспомнилось... И ея не стало, и ты далеко... И что за годъ выдался, кого ни встрѣтишь, всѣ въ горѣ, у всѣхъ утраты: точно моръ какой на людей напалъ. Вѣдь вотъ у Христины Карловны мужъ умеръ...

— Неужели?—удивился я.—Что же она, бѣдная, дѣлаетъ?

— На мѣсто пошла,—отвѣтилъ дядя.— И жильцовъ у нея убавилось, какъ женился Дормидонъ Дормидонычъ... Новыхъ впускать не захотѣла, ну, и пошла на мѣсто... И вѣдь, кажется, что она мнѣ была не родная, не близкая, а тяжело было разставаться съ нею. Да что про нее говорить! Даже скучно стало, какъ переѣхали Дормидонъ Дормидонычъ и Фуфайкина, точно вотъ друзей лишился... Выйдешь въ коридоръ,—никто тамъ и не ахаетъ, все пусто... Пробовалъ и на охоту съ Фридрихомъ ѣздить, да нѣтъ, безъ тебя мнѣ и тамъ было какъ-то пусто, безлюдно. Радъ былъ, что у Матрены Марковны квартира очистилась...

Дядя тяжело вздохнулъ и умолкъ. У него было что-то тяжелое на душѣ.

— Хорошо тебѣ здѣсь жить?—спросилъ я.

— Какъ тебѣ сказать?—немного нахмурился дядя.— Матрена Марковна ухаживаетъ за мной, какъ за ребенкомъ, благодѣтелемъ своимъ считаетъ... Она добрая, сердце у нея мягкое... Я ей очень, очень благодаренъ, что она въ такое время пригрѣла меня... Вѣдь сама пришла ко мнѣ, говоритъ: «вамъ, капитанъ, покой, вамъ попеченія женщины нужны...» Поняла она, знаешь, какое время я переживалъ, и сжалилась...

— Ну, дядя, ты хорошихъ хозяевъ и безъ нея нашелъ бы,—замѣтилъ я.

— Конечно, конечно,—согласился дядя и какъ-то замялся.—Только, знаешь, чужіе, незнакомые, все это не то...

— Да вѣдь и она тебѣ не родная,—сказалъ я.

Дядя тревожно взбилъ хохолъ и, совсѣмъ растерявшись, пробормоталъ:

— Разумѣется, разумѣется, чужая!

Я съ удивленіемъ глядѣлъ на него. Старикъ совсѣмъ опустился, совсѣмъ присмирѣлъ.

— Ну, а что же кавказецъ—ходитъ къ вамъ?—спросилъ я.

— Ходитъ, - махнулъ рукой дядя.— Сначала я, было, хотѣлъ запретить ему посѣщать нашу квартиру. Но Матрена Марковна женщина добрая, мягкая, къ тому же она ему тетка, любитъ его, какъ сына своей любимой умершей сестры,—ну, она и сжалилась надъ нимъ, упросила меня, чтобы я не выгонялъ, не позорилъ его... И то сказать: мнѣ до него мало дѣла, я и отказать ему отъ дома хотѣлъ только потому, что сначала она просила объ этомъ. Впрочемъ, онъ и самъ теперь присмирѣлъ, меньше буйствуетъ... Пьетъ, знаешь, но не буйствуетъ.

Дядя умолкъ и задумался, устремивъ свои глаза въ ту даль прошлаго, куда не заходили никакія Матрены Марковны, гдѣ не безобразничали никакіе кавказцы, гдѣ людскіе образы были такъ же чисты и свѣтлы, какъ ихъ любовь.

— Эхъ, птица, сердце-то у меня такое, что кто меня обласкаетъ, тотъ мнѣ и родня,—проговорилъ онъ съ грустью черезъ нѣсколько минутъ.—И устарѣлъ я, очень устарѣлъ. Какъ ребенка, меня на помочахъ водить можно, осѣдлать, какъ объѣзженную клячу, можно...

— Дядя, что же ты волнуешься? — спросилъ я. — Тебя горе измучило. Отдохнешь и станешь бодрѣй.

Дядя только рукой махнулъ.

— Ну, бросимъ этотъ разговоръ, бросимъ! — промолвилъ онъ.— Вырастешь, все узнаешь, все поймешь.

— А ты погляди на меня,—засмѣялся я, стараясь казаться веселымъ:—мнѣ ужъ и расти не для чего больше.

— Да, да, высокъ сталъ,—улыбнулся онъ, хотя его лицо и не просвѣтлѣло.—А и худъ же ты сталъ, красивъ, но худъ, очень худъ.

— Потолстѣю!.. А что, Макарова видѣлъ ты?

— Нѣтъ, братъ, у него тоже горе, тоже мать умерла.— вздохнулъ дядя.—Да, кромѣ того, онъ изъ гимназіи вышелъ.

— Какъ такъ?—изумился я этому неожиданному извѣстію.

— Повздорилъ съ учителемъ. Тотъ сказалъ, что не позволитъ ему перейти въ послѣдній классъ, а Макаровъ и ляпни ему: «я и самъ не желаю переходить, говоритъ,— потому что выхожу изъ гимназіи».

— И его не удержали?

— Кому удержать-то было? Матери уже не было на свѣтѣ, сестрицы мало заботятся о своихъ обязанностяхъ, ну, и вышелъ...

— Гдѣ же онъ теперь?

— На лѣто куда-то уѣхалъ... Лѣчиться вздумалъ... Это всегда такъ: какъ наслѣдственныя деньги въ карманѣ заведутся, такъ и наслѣдственные недуги откроются...

— Что-то онъ будетъ дѣлать?—задумался я.

— Что?—въ раздумьи повторилъ дядя. — Сперва мостовую гранитъ, да наслѣдственное имѣніе проѣдать станетъ, потомъ соскучится отъ безпѣлья, пулю въ лобъ пуститъ, либо какой-нибудь бабѣ въ лапы попадетъ, да такъ подъ ея башмакомъ и кончитъ свой вѣкъ. Эта, братъ, участь ждетъ всѣхъ насъ, холостяковъ въ отставкѣ. Если деньги есть, да дѣла нѣтъ, такъ только и есть два пути: въ могилу или подъ бабій башмакъ...

Дядя опять нахмурился и зайрзалъ рукой по хохлу.

— Ну, дядя, неужели нельзя найти дѣла?—возразилъ я.

— Какъ не найти дѣла,—отвѣтилъ дядя и заходилъ по комнатѣ.—Только для дѣла, птица, нужна подготовка, нужна привычка къ труду, выработка характера. А какъ и чему насъ учили? Когда мы успѣли привыкнуть къ труду? Гдѣ у насъ характеръ? Много ли знаетъ Макаровъ? Не пріучился ли онъ только ненавидѣть трудъ въ гимназіи? Можетъ ли у него, у молодого барченка, быть характеръ? Да что онъ! Ты меня возьми въ примѣръ. Ну, учился я, нахватался вершковъ наукъ, служилъ во флотѣ, остался добрымъ и честнымъ человѣкомъ, — а за какое дѣло я могу взяться, что я умѣю дѣлать, что я знаю? — Ничего. И какой у меня характеръ? Мы всѣ люди безъ характеровъ. Сердцемъ мы живемъ, волноваться, расчувствоваться можемъ, а съ этимъ далеко не уѣдешь, развѣ только попадешь подъ вліяніе какой-нибудь...

Въ это время дверь отворилась, и въ комнату появилась сіяющая улыбкой Матрена Марковна съ желтыми бантами на шеѣ и на головѣ и въ яркомъ ситцевомъ капотѣ. За ея юбку держалась цѣлая стая ребятишекъ, выглядывавшихъ любопытными глазами изъ-за платья матери.

— Ахъ, капитанъ, пришла домой, слышу, что къ вамъ Володенька пріѣхалъ.—воскликнула она сентиментальнымъ голосомъ.—Думаю: нѣтъ, нѣтъ, во что бы то ни стало, пойду, взгляну на него, на наше милое дитя.

Я поднялся съ мѣста; она быстро окинула меня глазами и, кажется, изумилась, встрѣтивъ во мнѣ совсѣмъ не ребенка, а вполнѣ развитаго юношу.

— Я такъ полюбила васъ заочно,—заговорила она, нѣжно пожимая мнѣ руку.—Мы такъ часто бесѣдовали съ добрѣйшимъ капитаномъ о васъ.. Ахъ, эти долгіе лѣтніе вечера, проведенные въ воспоминаніяхъ о васъ, никогда не исчезнутъ изъ моей памяти! Капитанъ становится такъ молодъ, такъ горячъ, говоря о васъ, о вашей покойной матушкѣ, о вашей прошлой жизни. Я завидую, я завидую вамъ...

Я молча смотрѣлъ на нее и ждалъ, чѣмъ кончится этотъ монологъ. Дядя, какъ-то принизившись, опять сидѣлъ на диванѣ и разводилъ ложкою узоры изъ пролитой на подносъ воды.

— Капитанъ полюбилъ нашу семью, мы какъ родные,— продолжала Матрена Марковна, еще разъ протянувъ мнѣ руку.—Будьте и вы въ нашемъ домѣ, какъ у себя. Полюбите моихъ малютокъ...

Въ эту минуту малютки, какъ по данному сигналу, выбѣжали изъ-за матери и бросились къ дядѣ, несмотря на то, что она приказывала имъ поздороваться со мною.

— Дядя Петя, дай сахалцу?—залепетали они. — Можно взять сухаликовъ?

Дядя молчаливо сталъ надѣлять ихъ и сахаромъ, и сухарями. Они шумѣли и возились около него, споря между собою изъ-за подачекъ.

— Капитанъ, глядя на нихъ, вспоминаетъ ваше дѣтство, дѣтство вашей матушки,—поясняла Матрена Марковна, потупляя глаза.—Малютки такъ любятъ его, такъ ласкаются къ нему. Я не могу безъ слезъ смотрѣть на эту картину... Я женщина съ сердцемъ, я молода, несчастна...

Я не говорилъ ни слова, глядя, какъ дѣти продолжали карабкаться на диванъ къ дядѣ и выгребать въ ротъ сахаръ и сухари, осматривая жадными глазами столъ. Смущенный дядя не препятствовалъ опустошенію сахарницы и сухарницы и старался не глядѣть на меня.

— Они, мой бѣдныя сиротки, и васъ обожаютъ,—продолжала Матрена Марковна, нѣжно бросая на меня свои слишкомъ пламенные взгляды.—Они же молятся, какъ за капитана, такъ и за васъ.

— За меня, за что же?—изумился я.

— Ахъ, нѣтъ, нѣтъ!—воскликнула въ экстазѣ Матрена Марковна, сжимая мою руку.—Я знаю, какъ дороги вы на-

шему ангелу капитану, я знаю, что онъ все дѣлаетъ ради насъ... Это ангелъ, ангелъ!.. О, полюбите ихъ и вы, полюбите меня, бѣдную, несчастную вдову!

Матрена Марковна быстро прослезилась и прижала мою руку къ своему сердцу, то есть къ своей полной, по-мѣщански раскушенной груди. Я невольно покраснѣлъ отъ этого прикосновенія. Матрена Марковна быстро потупила стыдливые взоры.

— Дѣти, дѣти, пойдемте, милыя. Мы не должны нарушать семейнаго мира,—проговорила она. — Извините, я не стану васъ безпокоить. Уйду, уйду, говорите, наслаждайтесь свиданіемъ. Ахъ, я знаю, что значитъ родственная любовь. Это... это... чувство!

Матрена Марковна исчезла, сопровождаемая ухватившимися за ея подолъ и уже перебранившимися дѣтьми. Я молча смотрѣлъ на дядю, онъ продолжалъ чертить узоры на подносѣ и, повидимому, глубоко размышлялъ о чемъ-то. Я не прерывалъ его думъ. Я инстинктивно понималъ, что дядю что-то мучаетъ, что въ его жизни случилось нѣчто необыкновенное.

— Такъ-то, птица,—вздохнулъ онъ тяжелымъ вздохомъ, точно заканчивая какой-то тяжелый разговоръ со мною.— Ничего не бойся въ жизни, бойся только перваго шага. Первый шагъ во всякомъ дѣлѣ—это гибель или удача. Помни это и будь остороженъ. Перваго шага никогда не дѣлай. Я часто платился за первые шаги, твоя мать платилась за нихъ, всѣ за нихъ расплачиваются.

Онъ всталъ, не обращая вниманія на мой недоумѣвающій взглядъ.

— Эхъ, если бы десятка два лѣтъ съ костей,—постучалъ онъ кулакомъ по столу.—Все бы передѣлалъ. Тогда бойкъ я былъ. Ошибусь—и сейчасъ же все поверну по-своему. А теперь обабился, ослабѣлъ...

Онъ потеръ рукою свой лобъ и замолчалъ. Я уже давно замѣтилъ, что дядя дѣйствительно страшно постарѣлъ, несмотря на подчерненные волосы. Онъ даже, какъ будто, путался иногда въ разговорахъ, онъ не оживлялся попрежнему, не произносилъ хватающихъ за сердце рѣчей. Теперь его рѣчь текла вяло, точно онъ говорилъ не то, что хотѣлъ бы сказать, точно въ его душѣ было какое-то тяжелое и невысказанное чувство, подавляющее въ немъ всѣ другіе заботы и интересы. Контрастъ между нами былъ теперь тѣмъ поразительнѣе, что я въ эту пору кипѣлъ, болѣе чѣмъ

когда-либо, жизнью и надеждами. Мнѣ хотѣлось идти впередъ и впередъ съ объятіями, открытыми для всѣхъ, мнѣ хотѣлось работать, совершить нѣчто великое, завербовать и счастіе, и славу; его не манило ничто въ будущемъ и мучила только какая-то, можетъ-быть, ничтожная, ошибка, совершенная имъ. Я, казалось, руками готовъ былъ порвать желѣзныя цѣпи, сдвинуть съ своей дороги цѣлыя зданія; онъ не чувствовалъ въ себѣ силы оборвать какую-нибудь ничтожную нитку, опутавшую его, устранить со своего пути какую-нибудь гнилую щепку. Я радъ бы былъ сдѣлать тысячи новыхъ смѣлыхъ шаговъ въ различныхъ направленіяхъ, чтобы достигнуть своей цѣли; онъ скорбѣлъ, что сдѣлалъ какой-то одинъ невѣрный шагъ, можетъ-быть, вполнѣ нестоящій никакого серьезнаго вниманія. До сихъ поръ дядя заботился обо мнѣ, указывалъ мнѣ дорогу, защищалъ меня отъ невзгодъ; теперь роли, повидимому, должны были скоро перемѣниться, и, можетъ-быть, мнѣ нужно было сдѣлаться нянькою, защитникомъ, опекуномъ дряхлѣющаго старика.

«Ну, что же, — думалъ я, не ложась спать и ходя по гостиной, когда дядя уже давно спалъ въ своемъ кабинетѣ.—Буду няньчится съ нимъ, буду заботиться о его спокойствіи, какъ онъ няньчился прежде со мной и заботился обо мнѣ. Когда-то онъ говорилъ мнѣ: не тужи, Володя, я буду жить съ тобою,—и я успокаивался. Теперь приходитъ пора мнѣ сказать ему: не тужи, дядя, я стою около тебя! Онъ разсказывалъ мнѣ, что во время кораблекрушеній не разъ выбрасывали за бортъ лишнихъ людей. Но онъ не былъ лишнимъ для меня, онъ недаромъ берегъ мое дѣтство, развилъ во мнѣ честныя мысли, вселилъ въ мое сердце теплую любовь. Если всѣ бросятъ его, если всѣ будутъ считать его лишнимъ, то я громко крикну, что это честный и добрый старикъ, достойный уваженія со всѣми своими ошибками и заблужденіями. Я заставлю уважать его, заставлю Мишу, всѣхъ своихъ друзей съ благоговѣніемъ смотрѣть на его сѣдую голову. Но не только ихъ заставлю я уважать его, я добьюсь того, что даже Бубновъ придетъ къ нему и станетъ, какъ нищій—нищій честностью—ждать ласковаго слова, снисходительнаго прощенія отъ капитана Хлопко. А проститъ ли его капитанъ? Боже мой, развѣ въ состояніи не простить кого-нибудь капитанъ Хлопко!»

Я осмотрѣлся въ комнатѣ. Кругомъ лежалъ на предметахъ кроткій бѣловатый свѣтъ начинающагося дня. Небо

было безоблачно и ясно. О, если бы такъ ясна и безоблачна была моя послѣдующая жизнь! Но если и не будетъ она такъ свѣтла, что за дѣло? Развѣ грозы и бури не приносятъ своей доли пользы, развѣ не дѣлается воздухъ чище послѣ нихъ, развѣ не становится человѣкъ бодрѣе, переживъ ихъ, развѣ не старается онъ искать средствъ для борьбы съ ними, увидавъ ихъ разрушительное вліяніе? И что за жизнь безъ борьбы и безъ торжества побѣды? Праздная и всѣмъ довольная, ни къ чему не стремящаяся и ничѣмъ не возмущаемая, наводящая скуку, истому и сонъ, ненавистна она молодой силѣ. Эта сила кипитъ и бушуетъ въ каждой жилкѣ молодого существа; она хочетъ помѣряться съ другими силами, она хочетъ сама завоевать свое счастье, она съ презрѣніемъ смотритъ на брошенные ей, какъ нищей, дары случая. Я былъ полонъ такихъ юныхъ силъ, надеждъ и стремленій, и такъ же страстно привѣтствовалъ предстоящую жизнь, полную борьбы и тревогъ, какъ привѣтствовалъ этотъ наступавшій свѣтлый день.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

I.

Капитанъ Хлопко принимаетъ на своемъ опустѣвшемъ кораблѣ завербованныхъ мною рекрутовъ.

Въ нашей бѣдной событіями, убійственно однообразной жизни нерѣдко выдаются не только дни, но и цѣлые годы, какъ двѣ капли воды, похожіе другъ на друга. Такіе годы всегда представлялись мнѣ чѣмъ-то въ родѣ переходовъ изъ комнаты въ комнату, изъ канцеляріи въ канцелярію въ одномъ и томъ же департаментѣ. Можетъ-быть, въ новой комнатѣ вы найдете столы иначе разставленными, чѣмъ въ старой; можетъ-быть, здѣсь вы встрѣтите у чиновниковъ менѣе потертые мундиры, менѣе тупыя лица, чѣмъ лица и мундиры у чиновниковъ въ другой комнатѣ, но типъ самыхъ комнатъ и чиновниковъ остается все тотъ же; на немъ лежитъ та же, все елизывающая, все сглаживающая, все стирающая, печать каленщины. Жалокъ тотъ, кто втянется, мало-по-малу, въ эту жизнь, на кого она наложитъ свою роковую печать, уничтожающую всѣ оттѣнки личностей и дающую огульныя клички цѣлымъ массамъ людей, которые уже становятся не какими-нибудь Ванями или Иванами Ивановичами, а кадетами, гимназистами, купцами, чиновниками, офицерами, чѣмъ-то въ родѣ статуэтокъ, вылитыхъ

въ одну общую для нихъ званій форму. Но не весела у насъ участь и того, кому не подъ ростъ пришлась назначенная ему судьбою форма, кто не можетъ втиснуть себя въ нее и рвется на волю, хочетъ самостоятельно создать для себя подходящія характеру условія жизни, не похожія на условія, признанныя нормальными и освященныя съ незапамятныхъ временъ. Такой человѣкъ не жалокъ,—да онъ и не требуетъ сожалѣній,—но жалка его участь, полная порывовъ, страданій и обыкновенно оканчивающаяся его паденіемъ и торжествомъ старыхъ формъ жизни. Нерѣдко и на мою долю выпадали эти однообразные годы, нерѣдко и мнѣ приходилось выбирать между борьбой, полной страданій, и между втискиваніемъ себя въ опредѣленную форму. Я выбиралъ первое. Но подобные годы, подобную глухую борьбу трудно и скучно описывать. Еще труднѣе рѣшиться на описаніе ихъ, когда, по общепринятымъ понятіямъ, человѣкъ даже не имѣетъ и права на борьбу съ существующимъ. Тутъ одинъ шагъ до смѣшного. Вообразите себѣ, напримѣръ, шестнадцати или семнадцатилѣтняго мальчика, задыхающагося и стремящагося къ борьбѣ среди той обстановки, которая признана необходимою для него и для его сверстниковъ. Развѣ это не смѣшно? Мальчикъ задыхается отъ того, что придумали взрослые! Мальчикъ хочетъ иначе устроить свою жизнь! Мальчикъ думаетъ бороться! «Ахъ, Боже мой, зачѣмъ же его не высѣкли!» слышу я восклицаніе нервныхъ барынь.

Но все-таки мнѣ необходимо сказать хоть нѣсколько словъ объ этихъ однообразныхъ, скучныхъ годахъ моей гимназической жизни среди одинаково одѣтыхъ пансіонеровъ въ одноцвѣтныхъ комнатахъ, съ одинаковою мебелью...

Большая рекреаціонная и гимнастическая зала, несмотря на свою голубовато-сѣрую однообразную окраску, имѣла менѣе казенный видъ, чѣмъ всѣ остальныя комнаты гимназіи. Я любилъ эту залу. Лѣстницы, веревки, козлы, мягкія подстилки, сваленныя въ уголъ, безпорядочно разставленные стулья придавали ей нѣсколько оживленный видъ. Сверхъ того, въ рекреаціонные часы зала наполнялась гимназистами-пансіонерами, спѣшившими вполнѣ воспользоваться минутами свободы. Здѣсь собирались дѣти всѣхъ возрастовъ, всѣхъ сословій, различные по характерамъ, по способностямъ. Одни изъ нихъ лазали по лѣстницамъ и развивали свои физическія силы и ловкость; другіе одиноко сидѣли въ различныхъ углахъ, съ книгами въ рукахъ, и старались

развить свои умственныя способности; третьи прохаживались по-парно и тихо бесѣдовали между собою, отдаваясь первымъ стремленіямъ къ дружбѣ. Шумъ и смѣхъ заглушали голосъ гувернера, и руководитель юношества, изъ опасенія охрипнуть, наконецъ, умолкалъ и оставлялъ это юношество ходить хоть на головахъ, конечно, удерживая за собою право раздѣлаться за все съ непокорными послѣ рекреаціи. Предоставленная самой себѣ, здѣсь формировалась часть новаго поколѣнія людей, дѣятелей общественной жизни. Можетъ-быть, нѣкоторымъ изъ этихъ дѣтей суждено было впослѣдствіи занять видныя мѣста въ обществѣ, приносить ему пользу или вредъ. Можетъ-быть, другимъ изъ нихъ было предназначено затеряться въ массѣ погибшихъ отщепенцевъ общества, залохнуться гдѣ-нибудь въ глуши, въ нищетѣ, въ полу-невѣжествѣ. Большей части предстояла именно эта скорбная участь. Это можно было сказать впередъ, такъ какъ въ первый классъ вступило этихъ дѣтей, готовящихся къ плодотворной дѣятельности, до сорока человѣкъ, а уже въ третьемъ ихъ было только двадцать-пять. Пятнадцать встрѣтили препятствія на первыхъ шагахъ по далекому и трудному пути къ развитію. Однихъ изъ рано погибшихъ дѣтей взяли изъ гимназіи родители вслѣдствіе своей глупости или вслѣдствіе своей нищеты; другіе засидѣлись на три года въ классѣ, вслѣдствіе своей лѣности или тоже вслѣдствіе своей нищеты, не дающей ни средствъ, ни возможности учиться; третьи, впрочемъ, немногіе, захирѣли и погибли, какъ цвѣты, захваченные морозомъ. И чѣмъ дольше приходилось дѣтямъ идти по приготовительному пути къ дѣятельности, тѣмъ болѣе рѣдѣли ихъ ряды, еще такъ недавно тѣсные, оживленные и весело бросившіеся къ источнику знанія. Но, глядя и на этихъ, уцѣлѣвшихъ рекрутовъ общественной дѣятельности, становилось не особенно весело. Среди нихъ уже многіе огрубѣли и превратились въ машины. Они зубрятъ безсознательно уроки, получаютъ хорошія отмѣтки, аккуратно являются въ классы, но дѣлаютъ свое дѣло съ бездушіемъ зачерствѣлыхъ чиновниковъ. Отвѣчаютъ они съ безразличнымъ равнодушіемъ, отъ точки до точки, и чудеса Моисея, и великія евангельскія истины, и перечисленіе произведеній французскаго города Бордо, и разсказъ о царствованіи Іоанна Грознаго, и оду «Богъ» Державина. Прервутъ ихъ учитель лаконическимъ «довольно» на полуслогѣ, и они, не договоривъ послѣднихъ слоговъ начатаго слова, поспѣшно садятся на мѣста, стушевываются,

исчезаютъ, какъ тѣни въ китайскомъ фонарѣ, и украдкою отираютъ выступившія на лбу крупныя капли пота, нисколько не жалѣя, но даже радуясь, что ихъ «спросили не до конца». Книга, откуда отвѣчался урокъ, откладывается въ сторону, на ея мѣсто является другая книга, откуда нужно вызубрить другой урокъ къ слѣдующему часу. И самъ вызубренный урокъ тщательно прячется въ головѣ въ какой-то потаенный, дальній уголъ, чтобы онъ не мѣшалъ, не сбивалъ съ толку во время отвѣчанія другихъ уроковъ. Голова дѣлается ящикомъ, куда засунуты въ разные уголки тѣ или другіе предметы знанія, вынимающіеся оттуда только по востребованію другихъ, но никогда не подвергающіеся пересмотру или провѣркѣ по иниціативѣ самого владѣльца этого ящика. Владѣлецъ знаетъ, что эти предметы онъ долженъ хранить въ своемъ ящикѣ до поступленія въ университетъ или на службу, и радуется, что скоро настанетъ пора, когда можно будетъ свалить эти предметы въ самую дальнюю кладовую, предоставивъ ихъ на истребленіе времени, какъ негодный хламъ, не имѣющій ничего общаго съ дальнѣйшею дѣятельностью. И въ самомъ дѣлѣ, что общаго можетъ видѣть владѣлецъ ящика, съ одной стороны, между чудесами Моисея и между произведеніями города Бордо и, съ другой стороны, между такимъ ученіемъ, «которое должно освободить человѣка отъ всѣхъ конечныхъ стремленій и цѣлей и сдѣлать его настолько равнодушнымъ къ нимъ, что для него должно быть все равно, существуютъ эти вещи или нѣтъ», и между докладами N-скому губернатору за нумеромъ такимъ-то «объ изслѣдованіи крестьянской дѣвки Авдотьи Безпятовой, якобы засѣченной помѣщикомъ Николаемъ Добротворскимъ?» Конечно, тутъ нѣтъ ничего общаго, и потому ученикъ рѣшается задалбивать все и не думать ни о чемъ. Какъ только онъ рѣшится думать, такъ тотчасъ же ему придется получить худой баллъ или за чудеса Моисея, или за произведенія города Бордо и тѣмъ испортитъ свою карьеру. Рядомъ съ этими скопцами знанія выработался и другой типъ,—типъ дипломныхъ барышниковъ. Какъ лошадиный барышникъ спекулируетъ на лошадяхъ, такъ эти барышники спекулируютъ на баллахъ, медаляхъ, дипломахъ. Они покупаютъ на чистыя деньги эти предметы, чтобы обмѣнять ихъ потомъ на теплыя и видныя мѣста. Они ничего не знаютъ изъ того, за что получили хорошія отмѣтки, золотыя медали и блестящіе дипломы. Они и не заботятся объ этомъ знаніи,

они только стремятся сдѣлать выгодную сдѣлку при помощи этихъ удостовѣреній въ знаніи. Они богаты, они уже впрыгнулись въ веселую жизнь, поняли цѣну чистыхъ перчатокъ, модной одежды, дорогихъ рысаковъ, пьяныхъ баловъ, балетнаго разврата, и знаютъ, что все это доступно при капиталѣ и что капиталъ даетъ двойные проценты при помощи дипломовъ.

И дѣти, только-что ступившія на путь знанія, еще весело и шумно забавляющіяся новой игрушкой, и кончающіе этотъ путь скопцы знанія, тщательно перетаскивающіе изъ книги и втискивающіе въ одинъ изъ своихъ умственныхъ ящиковъ новую порцію науки, и хлыщеватые дипломные барышники, развязно прогуливающіеся взадъ и впередъ по залѣ и кичливо рисующіеся передъ гимназической «мелюзгой», какъ они будутъ рисоваться послѣ передъ общественной мелюзгой, передъ безпиломнымъ народомъ,—всѣ эти лица, волнуясь и шумя, бранясь и нѣжничая, проходили передо мной по рекреаціонной залѣ. Помѣстившись на широкій подоконникъ, я по цѣлымъ часамъ изо дня въ день глядѣлъ на эту пеструю массу, и здѣсь впервые пробудилось во мнѣ скорбное сознаніе, что у меня нѣтъ ничего общаго съ нею, что едва ли и она найдетъ что-нибудь общее со мною. Меня не занимали извѣстія, что откупщикъ, отецъ Сивкова, купилъ себѣ новый домъ, а отецъ барона Розена получитъ звѣзду. Ихъ тоже не могло занимать, что я желалъ бы сдѣлать счастливымъ своего дядю или что мнѣ тяжело стоять въ дурныхъ отношеніяхъ къ отчиму. Но это, можетъ-быть, происходило отъ того, что дѣло шло о нашихъ частныхъ, личныхъ интересахъ? Нѣтъ, были у насъ и общія дѣла, но и здѣсь не было общихъ интересовъ. И скопцы знанія, и дипломные барышники, и вся остальная масса моихъ товарищей по училищу преслѣдовали не тѣ интересы, которые преслѣдовалъ я. Наши цѣли были такъ же различны, какъ знанія и состоянія, а значитъ и цѣли нашихъ отцовъ. Мнѣ очень часто приходилось бороться, именно, противъ тѣхъ порядковъ и лицъ, которые были дороги и милы моимъ товарищамъ. Такъ, напримѣръ, Сивковъ очень любилъ и уважалъ шпіонящаго гувернера Прохорова, служившаго когда-то въ сенатѣ и имѣвшаго дѣла съ откупщиками. Уволенный изъ сената, Прохоровъ поступилъ гувернеромъ въ гимназію и взялъ подъ свое крыло сына своего прежняго благопріятеля Сивкова. Я же чувствовалъ приливы злости, когда Прохоровъ кошкой прокрадывался

босикомъ въ ночную пору въ наши спальни и ловилъ тѣхъ, кому вздумалось почитать при тускломъ свѣтѣ лампы, висѣвшей въ спальнѣ. Я возмущался, когда Прохоровъ тайкомъ пробирался во время уроковъ къ шкапикамъ, стоявшимъ около нашихъ кроватей, и съ жаднымъ любопытствомъ шарилъ въ нашихъ ящикахъ, перечитывая письма, унося неучебныя книги, похищая понравившіяся подъ руки картины, а потомъ ябедничалъ инспектору на насъ. И какъ ожесточенно преслѣдовалъ онъ меня!

— Рано, батюшка, рано романчики стали почитывать!— пищалъ онъ однажды, обревизовавъ мой шкапъ.

— У меня нѣтъ романовъ,—отвѣтилъ я.—У меня вотъ только «Отечественныя Записки» были, и да ихъ кто-то укралъ.

Прохоровъ поблѣднѣлъ отъ злости, услышавъ мою грубость, и перемѣнилъ тонъ.

— А въ «Отечественныхъ-то Запискахъ» ты что читаешь? Ужъ не ученыя ли статьи? Да твоему ли уму понять ученыя статьи! Тутъ-то у тебя, кромѣ сквознаго вѣтра, ничего нѣтъ!—постучалъ онъ по моему лбу костлявымъ суставомъ согнутаго указательнаго пальца.—Да если бы и было тутъ что-нибудь, если бы ты и точно не вралъ, что ты ученость-то эту происходишь, такъ тебя нужно бы березовой кашей ужъ за то попотчивать, что ты такія книги въ руки берешь. Это бунтовщики, шушера голоштанная, проходимцы безпардонные пишутъ! Да ты у меня такъ не отдѣлаешься, голубчикъ! Я Дмитрію Карповичу пожалуюсь на тебя, грубіянъ мальчишка!..

Услышавъ брань и угрозу инспекторскаго наушника, я рѣшился на защиту.

— Что-жъ, говорите! Эти книги мнѣ графъ Сиверскій прислалъ. Онъ вѣрно не зналъ, что ихъ нельзя читать,— отвѣтилъ я твердымъ и спокойнымъ тономъ.

Прохоровъ пристально, ястребинымъ взглядомъ всматривался въ мои глаза. Я сдѣлалъ усиліе, чтобы скрыть свое душевное волненіе, чтобы не выдать своей отважной лжи.

— У меня есть еще одинъ томъ «Отечественныхъ Записокъ»,—продолжалъ я наглую ложь.—Вы возьмите и его; а то я, все равно, не могу отдать графу Сиверскому разрозненный экземпляръ журнала.

Я повернулся, чтобы пройти въ спальню и достать изъ-подъ подушки нумеръ опальнаго журнала, но Прохоровъ остановилъ меня.

— У васъ не отнимать хотятъ книги,—проговорилъ онъ мнѣ тѣмъ вѣжливымъ тономъ, которымъ начальники называютъ подчиненныхъ мерзавцами:—но вамъ даютъ выговоръ за то, что вы таскаете посторонніе вещи въ гимназію. Этимъ и воровство расположается, и отнимается время у нашего ученья.

«Нѣтъ,—мелькнула въ моей головѣ мысль:—ты этимъ отъ меня не отдѣлаешься».

— Но вѣдь Синковъ же приноситъ съ собой и читаетъ здѣсь книги,—замѣтилъ я вслухъ.

— Онъ-съ Юрія Милославскаго, онъ-съ произведенія господина Булгарина читаетъ,—горячо и выразительно произнесъ Прохоровъ.

— А вы думаете, что Милославскаго и Булгарина и сторожа воровать не станутъ?—засмѣялся я.

Прохоровъ сжалъ въ безсильной злобѣ кулаки и прошипѣлъ:

— Я-съ добьюсь, что васъ исключатъ, я-съ до высшаго начальства дойду!

— Вы бы тогда и пожаловались попечителю, когда онъ въ послѣдній разъ призывалъ меня къ себѣ во время своего посѣщенія гимназіи!—замѣтилъ я, зная, что Прохоровъ очень хорошо помнитъ, какъ заботливо справлялся попечитель обо мнѣ.

Прохоровъ плюнулъ передъ моимъ носомъ и пошелъ прочь.

Но я не угомонился и рѣшился сдѣлать еще одинъ, самый смѣлый шагъ.

— Я попрошу васъ, Иванъ Иванычъ, подтвердить своимъ письмомъ къ графу Сиверскому, что у меня дѣйствительно украли здѣсь книги,—обратился я къ гувернёру, и мое сердце забило тревогу: ну, какъ вдругъ Прохоровъ, въ самомъ дѣлѣ, напишетъ къ графу письмо?

— Никто-съ вашихъ книгъ не воровалъ; я ихъ взялъ, чтобы вы не читали ихъ въ классахъ,—отвѣтилъ онъ находу.—Въ субботу получите ихъ отъ меня.

Онъ удалился, ворча себѣ подъ носъ:

— Въ Сибири, въ каторгѣ сгніешь послѣ! Такимъ разбойникамъ другой дороги нѣтъ!

Я молча проводилъ его глазами. Меня волновало не то, что я кончу свой вѣкъ въ Сибири, но то, что я уже теперь долженъ бороться при помощи лжи и наглости, что такая борьба возможна только съ подобными глупыми и

грязными личностями, какъ Прохоровы, Соловьевы и ихъ друзья. Не будь за ними грязныхъ дѣлишекъ, смотри каждый изъ нихъ прямо въ глаза высшему начальству, и мнѣ было бы невозможно пугать ихъ моею ложью, моею ролью мнимаго шпіона. Я чувствовалъ всю выгоду этой роли и всю низость моихъ враговъ, но не радовался ни тому, ни другому. Мой характеръ былъ еще слишкомъ пылокъ для подобной радости. Мнѣ еще хотѣлось и открытыхъ битвъ, и честныхъ враговъ; подобно дядѣ, я чувствовалъ отвращеніе къ интригамъ, къ подкопамъ противъ подкоповъ и, къ несчастью, именно, такимъ образомъ, приходилось мнѣ отстаивать свои права на чтеніе книгъ, на свѣжую пищу, на справедливыя отмѣтки, однимъ словомъ, на все, что должно бы доставаться на долю каждаго безъ всякой борьбы, безъ всякихъ интригъ, безъ всякихъ преступленій.

Эта борьба, унижавшая меня въ моихъ собственныхъ глазахъ, прямо показала мнѣ, что не только между мною и какими-нибудь Сивковыми и Розенами не было ничего общаго, но что также не было ничего общаго между мною, этими личностями и начальствомъ гимназіи. Мы были пришиты другъ къ другу на живую нитку. Наша связь тяготила насъ, и мы всѣ мечтали только о томъ, какъ бы отдѣлаться другъ отъ друга. Учителя и ученики радовались только праздникамъ, учителя заботились о посѣщеніи уроковъ, но не о развитіи науки, преподавая по устарѣлымъ учебникамъ. У насъ тогда смотрѣли очень снисходительно на это обученіе по отжившимъ учебникамъ, гдѣ все сдѣлалось ложью. Говорилось, что учителя покоряются необходимости, что откажись кто-нибудь изъ нихъ учить по этимъ негоднымъ книгамъ, и на его мѣсто явился бы другой, который сталъ бы учить по тѣмъ же книгамъ. Это отговорка взяточниковъ: не я возьму, другой возьметъ. Но вѣдь и іезуиты могли подобнымъ образомъ оправдываться, когда они разсказывали своимъ ученикамъ, что Людовикъ XVI, по нѣкоторымъ обстоятельствамъ, уѣхавъ изъ Франціи, передалъ начальство надъ войскомъ генералу Бонапарте, которому потомъ отдалъ на время свою корону. Однако, кто же станетъ называть подобныя лекціи наукой? Кто признаетъ честными учителей, согласившихся преподавать эту сознательную ложь? Кто оправдаетъ наказанія, выпадавшія на долю учениковъ, не выучившихъ этой лжи? Кто обвинитъ этихъ учениковъ за ихъ нежеланіе учить эту наглую ложь? И мои товарищи считали преподаваемую имъ науку

ненужною обузою и, незаинтересованные ею, заботились только сдать кое-какъ урокъ, чтобы позабыть его черезъ часъ. Учителя, сознавая ненужность сообщаемаго ими, только ставили тѣ или другія отмѣтки ученикамъ, не заботясь о результатахъ дурныхъ отмѣтокъ. Ученики, дорожа не наукой, а отмѣтками, старались получить хорошіе баллы не прилежаніемъ, но болѣе легкими способами: обманами, подсказываніями, считываніями и списываніями уроковъ, должническимъ исправленіемъ балловъ въ журналахъ, помарками. Все это было ясно и учителямъ, и ученикамъ, и обществу, и никто не заботился объ этомъ, какъ-будто такое положеніе учебной канцеляріи было нормально, какъ-будто стремиться къ лучшему было бы и нелѣпо, и невозможно. Апатія и безразличіе общества были убійственны. Можетъ-быть, и я втянулся бы въ этотъ канцелярскій міръ, даже навѣрное втянулся бы и успокоился бы на этомъ, но моя предыдущая жизнь развила во мнѣ сильнѣе всего одно стремленіе—стремленіе къ единенію, къ братству, къ дружбѣ. Я слишкомъ сильно пострадалъ отъ разъединенія членовъ своей семьи, и потому не могъ не цѣнить союза людей. По цѣлымъ часамъ сижпвалъ я въ рекреаціонной залѣ, томясь своимъ одиночествомъ, и все ждалъ, когда же явится у меня друзья. И вотъ, мало-по-малу, изъ девяти учениковъ седьмого класса начали выдѣляться три личности и все ближе и ближе подходить ко мнѣ. Это были гимназисты Шепелевъ, Палицынъ и Левъ.

Трудно опредѣлить минуту, съ которой юноши изъ знакомыхъ превращаются въ друзей, трудно опредѣлить, какъ и чѣмъ начинается дружба, трудно это сдѣлать, особенно тогда, когда пройдетъ съ этой минуты, завязавшей дружбу, много и тяжелыхъ, и веселыхъ лѣтъ, когда къ друзьямъ успѣешь привыкнуть уже настолько, что, кажется, будто при первой своей встрѣчѣ съ ними ты любилъ ихъ такъ же сильно, какъ любишь ихъ въ настоящее время. Не могу и я сказать теперь, при какихъ обстоятельствахъ, въ какое время и почему сошелся я съ этими людьми. Мнѣ кажется только, что сначала я обратилъ на себя ихъ вниманіе своей борьбой съ начальствомъ гимназіи, и они поощряли меня на эту борьбу; потомъ они заинтересовались тѣми книгами, которыя читалъ я, и сообщили мнѣ, что они тоже много читаютъ; далѣе, насъ начали связывать воспоминанія о горькихъ дняхъ дѣтства, вызвавшія откровенность. Когда откровенность сдѣлалась полною, безграничною, мы уже

были друзьями, и намъ казались уже странными, смутными тѣ дни, когда мы сидѣли рядомъ на школьныхъ скамьяхъ, какъ чужіе, не обращая вниманія другъ на друга.

Все въ той же рекреаціонной залѣ, гдѣ такъ тяжело, такъ медленно переживалъ я свое одиночество, начала крѣпнуть наша дружеская связь. Теперь я уже никогда не сидѣлъ одиноко на своемъ завѣтномъ мѣстѣ: меня окружали они. Наши разговоры и споры чаще всего вертѣлись на толкахъ о гимназическомъ начальствѣ, какъ разговоры слугъ и работниковъ вертятся на толкахъ о хозяевахъ; мы то негодовали за скверную пищу, то жаловались на невозможность свободно читать книги, то смѣялись надъ нелѣпыми распоряженіями и уроками исторіи и словесности; въ концѣ-концовъ, мы постоянно переходили къ одному вопросу: долго ли намъ еще сидѣть въ гимназіи, скоро ли мы выйдемъ изъ этихъ стѣнъ? Какъ узники считаютъ дни, остающіеся до свободы, такъ мы считали дни, остающіеся до выпуска; какъ узники представляютъ свою свободу, если можно такъ выразиться, болѣе свободною, чѣмъ она будетъ на самомъ дѣлѣ, такъ и мы представляли себѣ университетъ въ болѣе яркихъ краскахъ, чѣмъ его настоящія краски. Съ каждымъ днемъ все тяжелѣе и тяжелѣе становилось наше положеніе; намъ хотѣлось куда-нибудь вырваться, гдѣ-нибудь отдохнуть отъ надзора, отъ гнета. Извѣстно, куда приводятъ по большей части подобныя стремленія безсемейныхъ восемнадцатилѣтнихъ юношей—въ публичные дома! Отъ этого выхода спасла насъ случайная исключительность моего положенія: у меня былъ болѣе мирный пріютъ, гдѣ я могъ принять своихъ друзей. Я предложилъ имъ ходить по праздникамъ на отдыхъ къ моему дядѣ. Они безвыходно сидѣли въ гимназіи и съ радостью готовы были принять это предложеніе. Ихъ смущало только одно: будутъ ли пріятны ихъ визиты старику? Они знали его только по моимъ разсказамъ, да по виду, встрѣчая его разъ въ недѣлю въ коридорѣ, когда онъ пробирался на свиданіе со мною. Они, какъ мнѣ показалось, просто боялись его, такъ какъ всѣ встрѣченные ими до сихъ поръ старики или третировали ихъ, какъ мальчишекъ, или дѣлали имъ зло, или досаждали имъ своею ворчливостью. Я только разсмѣялся, услышавъ ихъ опасенія, и обѣщалъ познакомить ихъ съ дядей. Въ первую наступившую за этимъ разговоромъ среду, когда дядя явился ко мнѣ, съ своею обычною аккуратностью, я сообщилъ ему о желаніи моихъ товарищей познакомиться съ нимъ.

— Ну, что-жъ, птица, познакомь насъ!—отвѣтилъ онъ.— Я люблю молодежь. И имъ будетъ удобнѣе придти къ намъ въ гости, когда познакомятся со мною. Тебѣ давно бы пора обзавестись знакомыми. Нелюдимъ ты сталъ, все хмуришься...

Старикъ пригладилъ свои виски и обтянулъ сюртукъ, словно приготовляясь къ свиданію съ важными особами. Я позвалъ своихъ друзей. Они явились въ пріемную комнату. Началась рекомендація.

— Очень пріятно, очень пріятно познакомиться, молодые люди!—важно произнесъ дядя, пожимая имъ руки.—Прошу заглядывать въ нашу хату. Мы съ Володькой живемъ по-холостому. Можно во всякое время являться безъ церемоній. Парадной формы и застегнутыхъ мундировъ не требуется. У насъ, знаете, все нараспашку, и сюртуки, и душа.

Молодежь поблагодарила капитана за приглашеніе. Она все еще стояла въ смущеніи, не зная, что начать говорить со старикомъ. Что общаго могло быть между этимъ обломкомъ старой жизни и этими молодыми побѣгами новаго времени?

— Ну, что ваши дѣлишки? Я слышалъ отъ Володьки, что вы все воюете съ инспекторомъ,—началъ дядя, усаживаясь среди насъ.—И чего этотъ колпакъ-директоръ смотритъ? Я, знаете, одно время просто былъ увѣренъ, что онъ хорошій человѣкъ, а не такая тряпица, какою онъ оказался на дѣлѣ. У меня вѣдь съ нимъ была пресмѣшная исторія. Вы, можетъ-быть, слышали, что Володьку исключить хотѣли, ну, вотъ-съ, я и пошелъ объясниться съ директоромъ...

Дядя началъ разсказывать свое комическое объясненіе съ Германомъ и развеселилъ слушателей. Громче всѣхъ хохоталъ своимъ заразительнымъ, неудержимымъ смѣхомъ Шевъ.

— И каково же было мое удивленіе,—закончилъ старикъ:— когда всѣ эти правила и законы оказались несостоятельными передъ однимъ какимъ-нибудь письмомъ графа Сиверскаго! Вѣдь послѣ этого всѣ ихъ правила только для проформы существуютъ; ими только трусовъ, да беззащитныхъ пугать можно.

— Да вѣдь они чиновники-взяточники, это всѣмъ извѣстно!— замѣтилъ Палицынъ рѣзко.

— Конечно!—положительнымъ тономъ подтвердилъ Шевелевъ съ свойственнымъ ему лаконизмомъ.

Палицынъ началъ съ иронiей разсказывать о продѣлкахъ

инспектора, довольно хорошо извѣстныхъ намъ и очень заинтересовавшихъ дядю.

Но, несмотря на вниманіе, съ которымъ старикъ слушалъ анекдоты о нашемъ начальствѣ, онъ время отъ времени поглядывалъ на Леева и задумчиво потиралъ лобъ, какъ-будто въ его головѣ трезожно носились какія-то неясныя мысли, какіе-то смутные образы. Наконецъ, онъ обратился къ Лееву:

— Скажите, пожалуйста, не родня ли вы Ольгѣ Дмитріевнѣ Хмѣльницкой? Въ Николаевѣ жила она въ двадцатыхъ годахъ...

— Это моя мать,—отвѣчалъ Леевъ.

— Боже мой, Боже мой, такъ вѣдь мы старые знакомые съ вами!—воскликнулъ дядя съ просіявшимъ лицомъ.—Вѣдь я вашу матушку точно такою же молодою зналъ, какъ вотъ вы теперь молоды. То-то я говорю съ вами, а самъ все думаю, какъ эти глаза могли попасть въ нашъ подлѣ-новатый Петербургъ? Вѣдь такіе глаза, батюшка, какъ ваши, только у вашей матушки и были. Ихъ весь флотъ, заѣзжавшій въ Николаевъ, зналъ! За нихъ, батюшка, каждый молодой морякъ душу отдалъ бы въ то время!.. Такъ, такъ! И я любовался ими, много любовался! Въ нихъ вѣдь не наше полинялое небо, какъ у петербургскихъ чухонокъ, отражалось, въ нихъ яркая южная лазурь сверкала!

Дядя крѣпко пожалъ руку Леева.

— Ну, а теперь здорова ли она, все такъ же ли весела, все такъ же ли поетъ и звонко смѣется?—разспрашивалъ дядя, оживленный воспоминаніями.—Вѣдь у васъ и смѣхъ-то вашей матушки: мертвыхъ разбудитъ!

— Она умерла,—грустно отвѣчалъ Леевъ, обожавшій свою мать.

— И она!—взволнованнымъ голосомъ воскликнулъ дядя, вспомнивъ о другой дорогой ему покойницѣ.—Господи, Господи, всѣ-то эти полныя силъ и красоты женщины гибнутъ такъ рано!..

Онъ всталъ и заходилъ по комнатѣ.

— И вѣдь какое живое, какое веселое было это существо,—шепталъ онъ, отдаваясь воспоминаніямъ.—Стоило увидать ее, чтобы позабыть и горе, и скуку. Одинъ ея смѣхъ, одна ея улыбка,—да что я говорю!—одни ея глаза теплые могли ободрить человѣка! Грѣли они, батюшка, грѣли, какъ то небо, подъ которымъ они впервые взглянули на Божій міръ!.. Умерла!.. Да, да, рано умираютъ хорошіе люди. Живите хоть вы, пользуйтесь жизнью, дайте хоть намъ, ста-

рикамъ, закрыть глаза подъ нашъ веселый говоръ, и не дай Богъ, чтобы намъ пришлось пережить васъ.

Дядя снова подѣлъ къ намъ.

— Вы на меня не глядите, что я разстроился,—промолвилъ онъ, похлопывая по плечу Лесева.—Живите настоящимъ, мечтайте о будущемъ, а я только, глядя на васъ, на всѣхъ, буду вспоминать о прошломъ. Узнаете и вы когда-нибудь, какъ отрадно подъ старость, переживъ и горе, и невзгоды, сидѣть у своего очага и смотрѣть на свѣжую вступающую въ жизнь юность. Недаромъ нашъ великій Пушкинъ сказалъ, что «пусть у гробового входа младая будетъ жизнь играть». Это высокая человѣческая мысль! Старость между стариками хороша только тогда, когда тутъ же кипитъ и бушуетъ всѣми своими силами молодость. Мраченъ и не веселъ вѣковой лѣсъ, если нагота его старыхъ дуплистыхъ стволовъ не покрыта молодыми побѣгами!

Дядя пожалъ всѣмъ намъ руки и сталъ прощаться.

— Такъ и знайте, молодые люди, что старикъ, капитанъ Хлопко, готовъ быть для васъ такимъ же дядею, какимъ онъ былъ для вашего друга, Володьки... Познакомитесь короче со мною, полюбите меня. Меня вѣдь всѣ любили... Правда, есть одинъ человѣкъ, который не любитъ меня, ну, да не дай Богъ никому изъ васъ сдѣлаться похожимъ на него!

Молодежь проводила дядю до швейцарской.

— Вотъ милѣйшій-то человѣкъ!—съ увлеченіемъ воскликнулъ Лесевъ, когда мы остались одни.—И, чортъ возьми, сколько у него въ рѣчахъ поэзіи и теплоты. Не даромъ онъ много жилъ и видѣлъ.

Палицынъ и Шепелевъ раздѣляли мнѣніе о моемъ дядѣ и уже смотрѣли на старика, какъ на своего короткаго знакомаго. Я нисколько не удивлялся хорошему впечатлѣнію, произведенному дядей на молодежь, такъ какъ мнѣ трудно было представить себѣ человѣка, который не сошелся бы съ дядей. Я уговорился со своими друзьями, что они придутъ къ дядѣ въ воскресенье. Въ субботу я пошелъ домой. Дяди не было дома. Меня встрѣтила Матрена Марковна съ довольно постной физіономіей.

— А я вамъ, Владимиръ Михайловичъ, маленькій репримандъ хочу сдѣлать,—жеманно проговорила Елкина.

Она стояла въ странныхъ отношеніяхъ къ дядѣ и ко мнѣ: онъ, какъ-будто, боялся ея и называлъ ворчуньей даже тогда, когда она совсѣмъ не ворчала; со мной она сначала

заигрывала до неприличія, то являясь будить меня въ самомъ непривлекательномъ полуночномъ костюмѣ, то врываясь въ мою комнату съ какимъ-нибудь ненужнымъ вопросомъ, когда я уже бывалъ раздѣтъ и приготовлялся ко сну, потомъ она начала на меня коситься и ехидно-вкрадчивымъ тономъ дѣлала мнѣ замѣчанія при дядѣ. Въ настоящую минуту, ожидая «реприманда», я совершенно не подозрѣвалъ, о чемъ пойдетъ рѣчь, и молчалъ, воздерживаясь отъ улыбки.

— Вы нашего ангела-капитана совсѣмъ не бережете,— продолжала она сентиментальнымъ тономъ.—Вы его убиваете...

— Я? чѣмъ это?—изумился я этому обвиненію въ новомъ покушеніи на убійство.

— Какъ же, помилуйте, онъ эти дни покою не знаетъ, бѣгаетъ и хлопочетъ, бѣгаетъ и хлопочетъ, и все для какихъ-то вашихъ знакомыхъ! Говоритъ, ночевать они будутъ здѣсь по субботамъ. Онъ вѣдь старенькій, ему не подъ лѣта возиться со всѣми. За нимъ за самимъ уходъ, да уходъ нуженъ. И что ему за веселье съ молодежью? Ужъ извѣстно, гимназисты не пара морскому капитану. Это все ваши прихоти.

— Мои или нѣтъ, это не ваше дѣло,—улыбнулся я.

— Нѣтъ-съ мое!—воскликнула Елкина. — Можетъ-быть, *другимъ* дѣла нѣтъ до него, а не мнѣ. Я, какъ благодѣтеля, какъ отца, почитаю капитана. Ангелъ, ангелъ! Конечно, его можно всякому заставить все дѣлать, пользуясь его ангельскою добротою. Но тоже и разорять человѣка не слѣдъ. Это и вчуже обидно видѣть.

Мнѣ надоѣло ея нытье.

— Да вы что же это мнѣ говорите, вы бы дядѣ все это сказали,—замѣтилъ я.

— Поссорить, поссорить вы меня хотите съ капитаномъ!— воскликнула вспыхнувшая Елкина.—Что-жъ? я беззащитная вдова! Меня можно обидѣть. Изъ-за вашихъ мальчишекъ мнѣ и безъ того досталось. А тоже я не могу не говорить, потому что я хозяйка. Мнѣ работы прибавится, если всякаго съ улицы заводить на ночлегъ сюда станутъ. У меня тоже не трахтиръ!

— Такъ я посовѣтую дядѣ переѣхать, чтобы вамъ не было такъ трудно,—сказалъ я.

— Такъ вотъ вы какой!—захныкала Матрена Марковна.— Я хлопочу, я забочусь, я ночей не сплю изъ любви къ благодѣтелю, а вы подбивать его противъ меня хотите! Видно

въ свои руки забрать его думаете. Побалаживаете ему теперь, а, небось, пришлось бы жить съ нимъ, такъ увидали бы, что онъ уже, какъ дите, ухода требуетъ. Ему подай, ему принеси, его приголубь!

— Вамъ за это деньги платятъ,—отвѣтилъ я, перебивая ее.

Матрена Марковна зарыдала.

— Деньгами, деньгами попрекаютъ!—истерически рыдая, заговорила она.—Деньгами! Да развѣ можно заплатить за мараль, которую я терплю за моего благодѣтеля? Онъ мужчина, я женщина! Я вдова!.. Онъ самъ это знаетъ... Онъ,—, ангелъ, ангелъ!—давно бы безъ васъ...

— Ужъ не думаете ли вы, что онъ женился бы на васъ?—засмѣялся я.—Полноте! Живите, какъ жили, и не ссорьтесь со мною! Ссора доведетъ только до того, что онъ переѣдетъ отъ васъ.

Елкина испугалась и заговорила жалостнымъ тономъ:

— Я, Владиміръ Михайловичъ, не ссорюсь съ вами. Это грѣхъ вамъ говорить! Я моего благодѣтеля жалѣю... А васъ я любила и люблю завсегда. Вы-то только понять этого не хотите...

Она сдѣлала нѣжные и застѣнчивые глазки. Мнѣ надоѣло это объясненіе.

— У меня дѣло есть, извините,—сказалъ я и выпроводилъ ее изъ комнаты.

Мнѣ была отвратительна эта женщина, глупая и безалаберная, прибиравшая понемногу въ свои руки дряхлѣвшаго и одинокаго старика. Но я чувствовалъ, что, принудивъ его переѣхать отъ нея, буду не въ состояніи заботиться о немъ, покуда я нахожусь въ гимназіи. Мнѣ оставалось молчать и ждать той поры, когда мы снова будемъ жить вмѣстѣ. Сверхъ того, я очень смутно понималъ отношенія дяди съ Елкиной. Дядя какъ-то совѣстился говорить объ этихъ отношеніяхъ и дѣлалъ видъ, что онъ смотритъ на Елкину, какъ и на всякую другую квартирную хозяйку. Я, съ своей стороны, хотя и понималъ уже различныя интимныя отношенія людей, но въ разговорахъ съ дядей старался обходить эти вопросы, несмотря на мою полную откровенность съ нимъ. Это, впрочемъ, всегда такъ бываетъ въ жизни. Старики стыдятся говорить съ юношами о своихъ послѣднихъ любовныхъ интрижкахъ, сознавая, что время для этихъ интрижекъ давно прошло, и онѣ могутъ быть только смѣшны. Юноши тоже стыдятся говорить старикамъ о своихъ первыхъ сердечныхъ

дѣлахъ, понимая, что еще не наступила пора для этихъ дѣлъ. И тѣ, и другіе инстинктивно чувствуютъ, что смѣшно и, можетъ-быть, даже грустно ходить по-малину, какъ спустя лѣто, такъ и до начала лѣта... Черезъ часъ послѣ моего прихода возвратился и дядя, навьюченный покупками. Дворникъ несъ за нимъ цѣлый узелъ съ подушками и одѣялами.

— А твои друзья гдѣ? — весело спросилъ онъ, выгружая покупки.

— Они завтра придутъ,—отвѣтилъ я.

— Эхъ, для чего же завтра!—воскликнулъ дядя съ сожалѣніемъ.—Сегодня могли бы придти. Кое-какъ помѣстились бы, переночевали бы. А я, братъ, и подушки, и всякую штуку купилъ... Вотъ ужъ не люблю этихъ церемоній... Точно между чужими,—ворчалъ старикъ.—Оно вѣдь, знаешь лучше, если по субботамъ забираться будутъ.—добродушно объяснялъ онъ.—Въ воскресенье торопиться придется въ гимназію, а въ субботу хоть до утра сиди, рано подыматься никто не заставитъ.

Я, несмотря на всю мою привычку къ добродушію дяди, былъ растроганъ его заботливостью обо мнѣ и обо всемъ, что было близко мнѣ.

— Спасибо тебѣ, дядя, что ты такъ заботишься,—проговорилъ я, обнимая его.

— Дурень, дурень ты, птица!—покачалъ головой старикъ въ отвѣтъ на мою благодарность.

Я понялъ, что дѣйствительно мнѣ нечего благодарить его, что всѣ мои благодарности, все-таки, не сравняются съ тою любовью, съ тѣми попеченіями, которыми онъ окружалъ меня. Отплачивать за любовь дяди можно было не словами, а такою же любовью, такими же попеченіями о немъ.

— Только нужно, дядя, дать что-нибудь лишнее Матренѣ Марковнѣ за посѣщеніе моихъ друзей,—замѣтилъ я.

— Я ужъ уговорился съ нею,—замѣтилъ дядя, нахмуривъ брови.—Странные, право, есть люди на свѣтѣ. За все ворчатъ. Все бы имъ однимъ жить. Всѣмъ-то они завидуютъ. Общежитія никакого не знаютъ,—пробормоталъ онъ въ раздумьи.—Смѣшная она, все въ моемъ карманѣ считаетъ...

— Какое же она имѣетъ право?—промолвилъ я.

— Ну, птица, она женщина простая, добрая, любитъ меня, вотъ и боится, что я разорюсь.

— Вели ты ей даешь много, дядя.—покачалъ я головой.

— Что ты, что ты, птица! Ты посмотрѣлъ бы, какъ я на

нее вчера накинулся! Такъ накричалъ, такъ набурлилъ, что нодѣ самому стыдно стало... Ты вѣдь знаешь меня!..

— И вслѣдствіе того пошелъ къ ней, извинился и сунулъ лишній рубль ея ребятишкамъ?—улыбнулся я.

— Ну, что-жъ, Володька? Ну, извинился, ну, сунулъ лишній рубль!—загорячился онъ.—А ты думаешь: надо обидѣть человѣка и не сознаваться въ своей ошибкѣ? Вѣдь я знаю, что она и ворчитъ на меня не изъ дурного чувства, а изъ заботливости обо мнѣ. Она не виновата, что не понимаетъ меня, что она не умѣетъ выразить своей привязанности ко мнѣ иначе. Простые люди вообще не всегда умѣютъ понять насъ. Вотъ и Лаврентій: бывало цѣлыми днями ворчалъ на меня, а развѣ я былъ бы къ правѣ прогнать его или разсердиться на него? Онъ мнѣ добра желалъ.

— Полно, такія ли отношенія Матрены Марковны къ тебѣ, какъ отношенія Лаврентія?—снова покачалъ я головой.—Лаврентій не требовалъ платы за свою привязанность.

— Птица, птица! за привязанность можно платить или не платить, а все-таки не купишь ея, если ея нѣтъ,—съ упрекомъ сказалъ старикъ.

Я промолчалъ. Мнѣ не хотѣлось увѣрять его, что Матрена Марковна совсѣмъ не привязана къ нему. Намъ подали кофе. Дядя сталъ разливать. Онъ былъ, видимо, чѣмъ-то встревоженъ, наконецъ, не выдержалъ и поднялся съ мѣста.

— Нѣтъ, не могу я пить.—проговорилъ онъ, взбивая свой хохолъ.—Какъ же это: все приготовилъ, а они не придутъ. Я, птица, схожу за ними, отведу ихъ къ намъ. Это, чортъ знаетъ, что такое, первый блинъ и комомъ!

Онъ поспѣшно сталъ одѣваться. Я не возражалъ, я понялъ, что старикъ хочетъ доставить мнѣ какъ можно болѣе полное удовольствіе, и не мѣшалъ ему хлопотать. Черезъ два часа онъ появился снова въ своей квартирѣ съ сіяющимъ дѣтски-радостнымъ лицомъ.

— Ура! взялъ, всю команду веду съ собою!—кричалъ онъ мнѣ, появляясь въ комнатѣ.—Навралъ, сказалъ, что мое рожденье сегодня,—ну, и отпустили!

За дядею показались смѣющіяся лица освобожденныхъ узниковъ, моихъ друзей.

— Разстегивайтесь, будьте, какъ дома,—скомандовалъ дядя.—А какой мы лагерь устроимъ. Вотъ сюда на турецкій диванъ подушекъ навалимъ, въ повалку всѣхъ уложимъ...

— Да ты, дядя, не хочешь ли насъ уложить спозаранку?—захохоталъ я.

— Ну, вотъ выдумалъ! Сидите хоть до утра,—отвѣтилъ онъ.—Мы еще прежде поужинаемъ, я завалюсь на боковую и предоставлю въ ваше распоряженіе гостиную. А вѣдь хорошо бы, господа, жить всѣмъ вмѣстѣ. Я бы держалъ образы правленія, управлялъ бы кораблемъ. Матрена Марковна кухонною частью завѣдывала бы, получая за это вознагражденіе. Размѣстились бы всѣ по комнатамъ, какъ кому удобнѣе по карману и по характеру, и поплыли бы въ открытое море! Обѣдъ вмѣстѣ, чай и кофе вмѣстѣ, въ театръ вмѣстѣ, послѣ театра чаекъ и маленькая закусочка...

Послѣднюю фразу дядя произнесъ какъ-то таинственно и сладко подмигивая, точно эта «закусочка» была отчасти недосягаемымъ и отчасти запрещеннымъ блаженствомъ.

— Ну, а весна-то настанетъ. Вы зубрите тамъ науки разныя, а я хлопочу, хлопочу, чтобъ устроить какое-нибудь этакое partie de plaisir... Чудо!

Эти планы, высказанные съ тѣмъ увлеченіемъ, котораго я уже давно не замѣчалъ въ дядѣ, сразу увлекли насъ и завязали оживленные разговоры. Черезъ часъ долговязый красавецъ Леевъ, снявъ съ себя сюртукъ, уже ходилъ, по мѣткому замѣчанію дяди, «журавлемъ» и очень пространно толковалъ объ удобствахъ проектируемой капитаномъ жизни.

— И не только веселѣе будетъ жить, но и тратиться меньше придется. А то вѣдь просто разоришься, живя отдѣльно,—важно разсуждалъ онъ.

— А ты боишься разориться?—спросилъ я, взглянулъ на товарища.

Въ комнатѣ раздался взрывъ хохота. Всѣ знали, что у Леева, кромѣ надѣтой на немъ *казенной* одежды, нѣтъ ничего. Леевъ посмотрѣлъ на насъ съ удивленіемъ большими голубыми глазами, на минуту задумался, и вдругъ такъ же, какъ мы, разразился смѣхомъ.

— Молодецъ за то, что не тужитъ!—похлопалъ его по плечу мой дядя.

— Да ужъ вѣдь сколько не тужи, а рубашки изъ этого не сошьешь,—развелъ руками Леевъ, съ самымъ серьезнымъ видомъ, точно какъ тому и слѣдовало быть, чтобы онъ ходилъ безъ рубашки по выходѣ изъ гимназіи.

Передъ чаемъ, оставивъ своихъ друзей въ гостиной, я на минуту вышелъ къ дядѣ въ кабинетъ, гдѣ онъ хлопоталъ надъ приготовленіемъ закуски.

— Ну, братъ, вотъ народъ, такъ народъ!—проговорилъ восторженнымъ шопотомъ старикъ.—У! далеко пойдутъ. Глу-

бокомысліе-то, глубокомысліе-то какое у этого толстаго-то, вотъ что шарикомъ-то выглядитъ.

— А! Это ты про Шепелева говоришь,—догадался я.

— Да, да, про него! Ну, тоже и добродѣтельный помѣщикъ этотъ Палицынъ,—ему не уступитъ,—продолжалъ дядя.—А ужъ Тинка-то твой, Тинка—просто прелесть! Такъ вотъ взялъ бы и расцѣловалъ бы его. И что за глазищи у него, точно въ небѣ въ нихъ все свѣтло, такъ вотъ душа и отражается въ этихъ ясныхъ глазахъ. Далеко, далеко они пойдутъ!

Я задумчиво слушалъ дядю. Мнѣ Прохоровъ тоже пророчилъ, что я далеко пойду—въ Сибирь...

II.

Дружескій кружокъ.

Мечты дяди о нашемъ житьѣ въ одной квартирѣ такъ и остались мечтами. Матрена Марковна не согласилась взять къ себѣ въ нахлѣбники моихъ друзей, при ихъ выходѣ изъ гимназіи, представивъ дядѣ различные «резонты», почему это невозможно. Въ числѣ ея доводовъ было и то, что она женщина молодая, въ соку, и потому можетъ заслужить «маральо», впустивъ къ себѣ въ квартиру молодежь. Но сильнѣе этого довода подѣйствовали на дядю собственныя его тайны, быть-можетъ, пробужденныя Елкиной же, размышленія о томъ, что молодежь, помѣстившись у насъ, слишкомъ близко увидитъ его отношенія къ этой женщинѣ и, можетъ-быть, осмѣетъ его. Онъ самъ съ горечью сознавалъ смѣшную сторону этихъ отношеній и съ неменьшей горечью чувствовалъ, что оборвать ихъ у него нѣтъ силы. Матрена Марковна всегда умѣла во-время расплакаться передъ нимъ о томъ, что онъ хочетъ ее покинуть, умѣла во-время сказать ему:

— Что-жъ, благодѣтель, это все въ вашей волѣ! Я бѣдная женщина, меня можно бросить. Только кто васъ этакъ любить станетъ, какъ я, это Богъ знаетъ! Вѣдь Владиміръ-то Михайловичъ, да его друзья тоже гулять начнутъ. Вы ихъ и не увидите съ утра до поздней ночи, а за вами уходъ нуженъ, вамъ ласка нужна. Конечно, можетъ-быть, и есть такіе люди, которые вамъ служить будутъ, только любви-то вы нигдѣ не найдете!.. Я вѣдь не о себѣ плачу, мнѣ не впервые горе горевать! Васъ, васъ, ангела моего, отца нашего, мнѣ жаль!

Дядя таялъ, слыша эти рѣчи, видя слезы на этихъ огнен-

ныхъ и плутовскихъ глазахъ, и измѣнялъ свои намѣренія насчетъ переѣзда. Ненормально сложившееся прошлое давало теперь свои плоды. Проводя постоянно холостую жизнь, живя постоянно для другихъ, видя, какъ эти другіе бросали его, при первой возможности обзавестись своимъ домишкомъ, онъ впервые попалъ въ руки женщины, которая стремилась не бросить, а пригрѣть его и быть его рабой до тѣхъ поръ, пока этого захочетъ онъ самъ. Дядя никого и никогда не бросалъ въ жизни; напротивъ того, онъ негодовалъ на другихъ, что они такъ скоро оставляютъ своихъ старыхъ друзей, а потому ему было тяжело теперь рѣшиться на одинъ изъ тѣхъ поступковъ, которыми другіе люди такъ часто заставляли страдать его самого. Сверхъ того, отношенія его къ Матренѣ Марковнѣ доставляли ему возможность имѣть постоянно около себя и дѣтей, хотя капризныхъ и избалованныхъ, но все-таки ласкавшихся и весело шумѣвшихъ около него, и еще нестарую, полную жизни женщину, встрѣчавшую его съ нѣжными улыбками, съ льстивыми словами, и въ то же время эти отношенія не лишали его ни одной изъ его старыхъ, холостыхъ привычекъ, не измѣняли ни на волосъ его холостой обстановки: онъ могъ во всякую минуту или остаться одинъ въ своихъ комнатахъ, заняться клеенькомъ коробочекъ, чтеніемъ, мечтами, или, по своему желанію, окружить себя призракомъ семейной жизни—дѣтьми и ихъ матерью. Не имѣя силы прямо объявить мнѣ о невозможности переѣзда моихъ друзей къ Матренѣ Марковнѣ, онъ старался молчать объ этомъ предметѣ и тревожно спѣшилъ замять разговоры о нашемъ будущемъ житьѣ-бытьѣ. Но, несмотря на это, мнѣ удалось уловить двѣ-три фразы, объяснившія мнѣ все. Я давно привыкъ угадывать и тайные помыслы, и недосказанныя желанія дяди по выраженію его физіономіи, по его темнымъ намекамъ. Теперь мнѣ представлялись вопросы: нужно ли настоять на своемъ и вытянуть дядю изъ власти Матрены Марковны, или должно покориться обстоятельствамъ и оставить все по-старому? Прежде, чѣмъ я успѣлъ отвѣтить на эти вопросы, у меня въ головѣ возникли новыя мысли. Я понялъ, что я хлопочу собственно о себѣ, о своихъ личныхъ интересахъ, о своихъ личныхъ удобствахъ, а что дядѣ нѣтъ никакой нужды въ переѣздѣ отъ Матрены Марковны, что онъ, живя у нея, подвергается развѣ одной опасности—опасности разориться. Мнѣ невольно пришло въ голову, что мы, я и мои друзья, едва ли окружимъ его лучшимъ уходомъ, чѣмъ тотъ уходъ

и тѣ заботы, которыми, такъ или иначе, ради грязныхъ или ради чистыхъ побужденій, окружаетъ его эта женщина. Мнѣ показалось, что я долженъ заботиться только о томъ, чтобы старикъ не подпалъ вполнѣ подъ вліяніе этой женщины, чтобы она не измѣнила его привычекъ, чтобы она не притѣсняла его, какъ притѣсняютъ ловкіе люди дряхлѣющихъ стариковъ. Живя съ дядей, я могъ выполнить роль сидѣлки, могъ слѣдить за ихъ отношеніями и видѣть, чего лишаютъ старика или чѣмъ отравляютъ его спокойствіе.

Не имѣя возможности жить со мною, мои друзья постарались, по крайней мѣрѣ, найти себѣ квартиру поближе къ той улицѣ, гдѣ жилъ я съ дядей. Палицынъ занялъ отдѣльную комнату отъ жильцовъ. Шепелевъ и Леевъ помѣстились рядомъ съ нимъ въ одной комнатѣ. Шепелевъ получалъ отъ семьи очень небольшія деньги на содержаніе, а Леевъ покуда жилъ однѣми надеждами, получивъ отъ своего опекуна только сто рублей на платье и на плату въ университетъ. Комната Шепелева и Леева была не изъ очень удобныхъ, но почему-то именно въ ней чаще всего собирались мы. Это происходило, можетъ-быть, оттого, что здѣсь мы менѣе всего стѣснялись. Въ комнатѣ Палицына было слишкомъ прибрано, слишкомъ чисто! У меня мои друзья все-таки боялись безпокоить дядю; въ жилищѣ Макарова царствовала излишняя роскошь, заставлявшая Леева говорить, что онъ вѣчно труситъ разбить какую-нибудь статуэтку, и только въ комнатѣ Шепелева не стѣснялся никто и ничѣмъ.

Возникаетъ она снова передо мною изъ мрака прошедшаго, какъ живая, въ табачномъ дыму, съ одной желѣзной кроватью, съ однимъ горбатымъ диваномъ, ложемъ Леева, получившимъ названіе «верблюда», съ пузатымъ комодомъ, котораго ящики неплотно задвинуты, словно для удовлетворенія любопытства гостей, съ разбитымъ, занесеннымъ пылью и засиженнымъ мухами зеркаломъ, неизвѣстно для чего украшавшимъ одну изъ стѣнъ, такъ какъ, отражаясь въ немъ, самыя красивыя физіономіи принимали уродливую форму какихъ-то широкихъ и приплюснутыхъ сверху рожъ. На письменномъ столѣ синяя помадная банка играетъ роль чернильницы, въ столѣ недостаетъ одного ящика, но и другой ящикъ могъ бы не существовать, такъ какъ здѣсь царствуетъ полнѣйшая откровенность, и все студенческое добро, письма, лекціи, книги и деньги, когда онѣ были, что случалось только въ экстренныхъ случаяхъ, все лежало наружѣ

и не пряталось никогда. Да какъ и прятать что-нибудь, когда все платье приходилось носить на себѣ, когда лекціи нужно было постоянно имѣть подъ руками, когда книги брались только на короткій срокъ для прочтенія, когда денегъ не имѣлось ни у кого? Всѣ эти предметы и другія менѣе замѣчательныя вещи, какъ, напримѣръ, нѣсколько стульевъ, ломберный столъ и вѣшалка у дверей, должны были озаряться свѣтомъ при помощи единственнаго окна, выходившаго на дворъ. Но окно какъ-разъ приходилось около стѣны, неизвѣстно для чего выпятившейся впередъ, и потому свѣтъ доставлялся комнатѣ въ очень небольшихъ дозахъ и облекалъ предметы въ какой-то туманный колоритъ, сглаживая рѣзкость контуровъ, уничтожая контрастъ свѣтлыхъ и темныхъ красокъ. Такъ, черный комодъ едва отдѣлялся отъ бурой стѣны и почти сливался съ нею, при помощи широкой, темно-сѣрой и мутной тѣни, почти постоянно отбрасываемой имъ. Прибавьте къ этому клубы дыма и вѣчную пыль, сметаемую съ мебели не хозяйкой, но сюртуками гостей, и вы поймете, почему я называлъ эту студенческую комнату—комнатою туманныхъ картинъ. Теперь, вспоминая ее, я никакъ не могу представить ее иначе, какъ съ ея неизмѣннымъ обитателемъ Тишкой, или, иначе сказать, Тихономъ Николаевичемъ Леевымъ. Онъ, по неимѣнію теплой одежды, а отчасти по свойственной ему малороссійской лѣни, рѣдко выходилъ изъ нея, и большею частью узнавалъ о событіяхъ міра и перемѣнахъ погоды изъ нашихъ разсказовъ и изъ неразлучныхъ съ нимъ газетъ и журналовъ.

Представляется мнѣ зима въ полномъ разгарѣ; на дворѣ морозно, бѣлый иглистый снѣгъ скрипитъ подъ полозьями саней и ярко блеститъ, озаряемый лучами полуденнаго солнца. Я, продрогшій и запорошенный снѣгомъ, возвращаясь съ утреннихъ лекцій съ толпой моихъ друзей, забѣгаю отогрѣться въ знакомую мнѣ студентскую квартиру. Въ ней царствуетъ туманный полумракъ; только край «верблюда», да письменный столъ озарены яркимъ солнечнымъ свѣтомъ; но и этотъ яркій уголъ задернутъ облаками дыма. Въ другомъ, самомъ сумрачномъ, углу тоже мерцаетъ что-то—это огонь въ топящейся печкѣ. Передъ печкой отодвинута смятая, еще неприбранная, кровать Шепелева. На кровати, спустивъ ноги къ стѣнѣ и обративъ къ огню семнадцатилѣтнее, нѣжное лицо съ очаровательными голубыми глазами, сидитъ долговязый, гибкій, какъ тростникъ, Тишка, въ однихъ брюкахъ и рубашкѣ, съ всклокоченными вьющи-

мися волосами пепельнаго цвѣта, съ трубчонкой въ зубахъ. Я быстро подбѣгаю къ нему и холодными руками шаловливо дотрагиваюсь до его плеча.

— Ну, чортъ, кто тамъ! Оставь! Холодно! — по-дѣтски сердится онъ и передергиваетъ плечами.

Онъ только-что открылъ глаза и не вполнѣ сознаетъ, кто, откуда и зачѣмъ пришелъ къ нему. Если бы никто не пришелъ въ это утро къ нему, онъ докурилъ бы трубку и снова завалился бы спать; по крайней мѣрѣ, по его глазамъ замѣтно, что яркое пламя успѣло и пригрѣть его, и навѣять на него сладкія грёзы, и погрузить его въ тихую полудремоту. Я сбрасываю съ себя шинель, разматываю съ шеи вязаный шарфъ, закуриваю коротенькую трубку, сажусь на постель около Тишки, а онъ все продолжаетъ молча смотрѣть на огонь.

— А ты, Тишка, это только еще глаза продрать успѣлъ?— смѣюсь я.

— Чортъ возьми, проспалъ сегодня! — хмуро, по-дѣтски баситъ Тишка.

Его моложавое, худенькое личико принимаетъ суровое, но, тѣмъ не менѣе, крайне смѣшное выраженіе, какъ выраженіе надувшагося ребенка.

— Да когда же ты раньше-то встаешь! — замѣчаю я съ невольнымъ смѣхомъ.

Съ Тишкой вообще всѣ говорили смѣясь; серьезно говорить съ нимъ какъ-то никто не считалъ возможнымъ, къ нему относились, какъ къ ребенку. Да онъ и былъ еще ребенкомъ.

— Не встаю рано! — повторяетъ Тишка въ раздумьи. — Ну, да, теперь сплю до часу... Да развѣ можно вставать раньше, когда денегъ нѣтъ?.. Тутъ забыться радъ... Ничего на умъ нейдетъ... Когда были деньги, ну, тогда и не спалъ столько...

— Да когда же у тебя были деньги?—хохочу я.

Тишка широко открываетъ свои и безъ того большіе голубые глаза и, кажется, изумляется. Черезъ минуту онъ тоже начинаетъ хохотать, потому что дѣйствительно денегъ у него еще никогда не бывало, если не считать знаменитыхъ ста рублей, явившихся первымъ «событіемъ» его самостоятельной жизни.

Левъ былъ сирота. Онъ родился на югѣ, въ Николаевѣ, и былъ малороссъ по матери. Югъ и мать были предметами его обожанія; судьба отняла у него и то, и другое,

уложивъ въ могилу его молодую мать и забросивъ его самого, Богъ знаетъ зачѣмъ, въ Петербургъ. По выходѣ изъ гимназіи, онъ жилъ, какъ птица небесная, питаясь скудно на тѣ крохи, которыя перепадали ему отъ случайныхъ уроковъ. Трудно было сказать что-нибудь про его доброту или щедрость. Я почти увѣренъ, что онъ былъ добръ и щедръ, что онъ отдалъ бы товарищу одинъ изъ своихъ двухъ сюртуковъ, если бы у него были два сюртука; я увѣренъ, что онъ раздѣлилъ бы пополамъ съ другомъ рубль, если бы у него былъ когда-нибудь въ карманѣ рубль. Но, къ несчастію, у него не было ничего лишняго, и что у него было, то было необходимо для того, чтобы не ходить въ костюмѣ Адама перваго. Не имѣя возможности дѣлиться чѣмъ-нибудь съ другими, онъ казался иногда постороннимъ людямъ жаднымъ и даже пронырливымъ. Помню я случай, когда Тишку попотчивалъ кто-то дорогой сигарой; онъ взялъ ее, но не выкурилъ, а отдалъ одному изъ своихъ товарищей, взявъ въ промѣнъ три дешевыя сигары. Былъ еще случай: Шепелевъ и Палицынъ зубрили весною лекціи къ экзамену. Тишка лежалъ, задравъ ноги на своемъ «верблюдѣ», и мечталъ объ ѣдѣ. Онъ не ѣлъ въ этотъ день ничего. Съ свойственной ему дѣтской восторженностью онъ вдругъ началъ сообщать своимъ друзьямъ, что въ ближайшей колбасной есть «преотличнѣйшіе пирожки». Разсказъ Тишки о качествахъ пирожковъ былъ до того сладокъ и обольстителенъ, что Палицынъ соблазнился и далъ Тишкѣ денегъ на покупку пирожковъ для всей компаніи. Тишка пошелъ за пирожками, вошелъ въ колбасную, велѣлъ дать пирожковъ, но не могъ удержаться отъ соблазна попробовать одинъ изъ нихъ на мѣстѣ. Пирожокъ былъ съѣденъ, но не только не утолилъ голода, а даже возбудилъ сильнѣйшій аппетитъ. Тишка съѣлъ еще пирожокъ, наконецъ, истребилъ и третій... Между тѣмъ Палицынъ и Шепелевъ, обѣдавшіе въ этотъ день довольно исправно, но возбужденные къ ѣдѣ разсказами Тишки о пирожкахъ, нетерпѣливо ждали возвращенія своего посланнаго. Часы шли за часами, а онъ не приходилъ. Около двѣнадцати часовъ ночи онъ вернулся домой хмурый и молчаливый, и сталъ раздѣваться. Палицынъ и Шепелевъ бросились къ нему съ вопросами о пирожкахъ.

— Колбасная заперта,—угрюмо отвѣтилъ онъ и легъ на своего верблюда.

— Эхъ, а я, было, разлакомился!—вздохнулъ Палицынъ.—Давай же деньги.

— Ну чего пристал, видишь спать хочу! — проворчал Тишка, поворачиваясь къ стѣнѣ. — Завтра возьмешь.

На слѣдующій день онъ съ хохотомъ разсказывалъ эту исторію, описывая яркими красками, какъ онъ поглощалъ пирожокъ за пирожкомъ и какъ онъ хохоталъ въ душѣ надъ разлакомившимися товарищами.

Тяжелое положеніе Тишки, повидимому, нисколько не вліяло на него. Онъ былъ вѣчно веселъ, остеръ, смѣшливъ. Глядя на него, можно было назвать его поверхностною и мелкою натурою. Но въ сущности онъ глубоко ненавидѣлъ свое положеніе и не говорилъ о немъ только потому, что легче отъ разговоровъ не станетъ, что горе и само по себѣ скверно и не для чего его усиливать разсказами.

— Мало, что ли, его въ натурѣ, что нужно съ него еще коши списывать? — говорилъ онъ.

Но это же горькое положеніе сдѣлало то, что Тишка стремился побольше спать въ свободное время, желая забыться отъ думъ. Чтобы эти думы не приходили ему въ голову и не лишали его сна, онъ постоянно или читалъ, или предавался «геніальнымъ», какъ онъ говорилъ со смѣхомъ, размышленіямъ, напримѣръ, о томъ, почему конусообразный кусокъ сахару называютъ «головой». Конечно, такія размышленія могли усыпить его живой умъ точно такъ же, какъ скоро разогнали бы первую дремоту этого ума мысли о горькой дѣйствительности. Иногда Тишка мечталъ и о другихъ предметахъ, о своей завѣтной цѣли: о Малороссіи, гдѣ онъ, подъ старость, съ трубкою въ зубахъ, подъ яснымъ и теплымъ небомъ, будетъ сидѣть на порогѣ своей хаты, иловнукъ на все свое прошлое горе, смѣясь надъ всѣми людьми, ломающими себѣ ноги и головы въ стремленіяхъ за почестями, славой и богатствомъ. Лѣнивый по натурѣ, онъ работалъ только потому, что нужно жить, жить же на чужой счетъ или при помощи разныхъ плутенъ онъ не могъ. Кромѣ того, въ трудѣ онъ видѣлъ средство для достиженія завѣтной цѣли. Трудъ ему доставался легко: Тишка выучивалъ въ нѣсколько минутъ то, на что другіе посвящали цѣлые часы. Таковы были главныя черты этого еще не окрѣпшаго, только-что вступившаго въ жизнь ребенка. Были въ его характерѣ еще двѣ черты, которыя подмѣтилъ въ немъ только я, — это стремленіе къ полной независимости и крайнее самолюбіе. Никакія выгодныя условія, никакіе недостатки не могли бы его принудить взять мѣсто гувернера. Малѣйшій несправедливый упрекъ доводилъ его

чуть не до слезъ. Его любили всѣ за его радушіе, за его веселость, за его откровенность, даже за его дѣтскую капризность. Онъ, какъ избалованный ребенокъ, пользовался этимъ и нерѣдко заставлялъ насъ всѣхъ оказывать ему мелкія услуги, не требуя отъ него того же. Замѣчая это, мы смѣялись и называли его эгоистомъ; онъ съ наивнымъ, видимымъ лукавствомъ старался оправдаться и тутъ же прорывался, заставляя насъ и налить ему воды, и подать спичку, и зажечь свѣчу. Болѣе всѣхъ насъ услуживалъ ему Шепелевъ. Тишка жилъ съ нимъ въ одной комнатѣ, постоянно ругалъ Шепелева за всякую малость и постоянно защищалъ его, если кто-нибудь изъ насъ рѣшался за что-нибудь обвинять Шепелева. Мы называли этихъ двухъ друзей Филемономъ и Бавкидой, Аѳанасіемъ Ивановичемъ и Пульхеріей Ивановной. Сходство съ послѣдними личностями усиливалось еще тѣмъ обстоятельствомъ, что Тишка постоянно пугалъ Шепелева своимъ переѣздомъ съ квартиры.

Увидавъ Шепелева, Тишка и теперь тотчасъ же обратился къ нему.

— Что же кофе не несутъ?—опять нахмуривается онъ.—Ты велѣлъ, Шепелевъ?—обращается онъ къ своему сожителю, только-что пришедшему со мной изъ университета.

— Нѣтъ, я думалъ, что ты уже распорядился,—положительнымъ и густымъ басомъ отвѣчаетъ толстый, какъ сдобная булка, Шепелевъ.

— Распорядился!—съ негодованіемъ въ голосѣ восклицаетъ Тишка.—Я всталъ, трубку вотъ закурилъ,—объясняетъ онъ, какъ бы выражая своими словами, что и этихъ трудовъ вполнѣ и даже черезчуръ достаточно для него.

Шепелевъ идетъ своимъ мѣрнымъ, положительнымъ шагомъ въ кухню хлопотать о кофе.

— Ступа, право ступа чугунная!—ворчитъ Тишка на Шепелева.—Ты посмотри, какъ онъ ходитъ, шагу не прибавитъ! Кажется, отецъ родной у него умирай, а онъ походки не измѣнитъ! Увалень!.. Тутъ въ горлѣ совсѣмъ пересохло, а онъ не можетъ похлопотать о кофе.

Въ комнатѣ раздается смѣхъ надъ негодованіемъ Тишки. Тишка опять широко раскрываетъ глаза, соображаетъ что-то и снова начинаетъ смѣяться. Черезъ пять минутъ приносятъ кофе, всѣ усаживаются къ ломберному столу, на «верблюда» и на стулья.

— Шепелевъ, дай мнѣ, пожалуйста, стаканъ,—ласково говоритъ Тишка.

— Самъ не можешь взять!—отвѣчаетъ Шепелевъ, стараясь говорить равнодушно.

— Трудно тебѣ, что ли?—замѣчаетъ Тишка.—Видишь, я у печки сижу, нельзя отойти, когда она топится. Кровать еще, пожалуй, загорится! — голосъ Тишки принимаетъ такой убѣдительный, вкрадчивый тонъ, что возражать нѣтъ возможности.

Шепелевъ убѣждается этими доводами и не только подноситъ Тишкѣ стаканъ, но и поправляетъ простыни на постели, чтобы ихъ не втянуло въ печку. Кофе окончательно пробуждаетъ Тишку и разгоняетъ его дремоту.

— Чортъ знаетъ, какую кислятину хозяйка варитъ,— ворчитъ онъ, прихлебывая кофе и отплевываясь.—Ты, Шепелевъ, потакаешь ей; раскачь ее не можешь. Баба ты, право, баба! Ужъ только лѣнь мнѣ, а то бы я показалъ тебѣ, какъ нужно держать себя съ этимъ народомъ. Двѣнадцать рублей лупитъ съ насъ за этакую каморку! Да это такимъ дуракомъ нужно быть, какъ Шепелевъ, чтобы дать такую цѣну за эту конуру! Съ него шкуру деруть, а онъ, какъ овца, стоитъ и молчитъ. Дай только мнѣ разбогатѣть, такъ вотъ переѣду и покажу тебѣ, какъ надо жить!

Тишка еще долго бранжитъ на Шепелева, а Шепелевъ невозмутимо и глубокомысленно молчитъ, прислушиваясь къ начавшимся между мной и двумя студентами разговорамъ. Въ эту минуту раздается звонокъ, и въ комнату является блѣдный и желтый, несмотря на морозъ, Макаровъ, закутанный въ соболью шубу. Онъ уже познакомился и подружился съ моими друзьями.

— А! Сигарку принесъ?—спрашиваетъ Тишка, не успѣвъ поздороваться съ Макаровымъ.

— Въ магазинѣ ихъ много,—отвѣчаетъ небрежно Макаровъ, сбрасывая на пыльный стулъ свою дорогую шубу и здороваясь съ нами.

Тишка потянулся и поднялся съ мѣста. Макаровъ въ это время вынулъ сигару изъ серебрянаго портсигара и, усмѣхаясь, посмотрѣлъ на Тишку: Тишка больше всѣхъ благъ любилъ сигары. Съ опечаленной рожицей, видя, что его не угощаютъ сигарами, Тишка вынулъ свой «Жуковъ», чтобы набить трубку. Я замѣтилъ это и предложилъ ему свои сигары. Онъ торопливо оставилъ «Жуковъ», засунулъ въ карманъ коротенькую трубку и взялъ мою сигару.

— Экой ты жадный!—насмѣшливо замѣтилъ Макаровъ.— Все бы на чужой счетъ пожить.

— Ну!.. вотъ жадный! —воскликнулъ Тишка дѣтски-обиднымъ тономъ.

Мы взглянули на него; онъ былъ красенъ, какъ ракъ.

— Совсѣмъ я не жадный!—повторилъ онъ дрожащимъ голосомъ.

Я на его глазахъ подмѣтилъ слезы. Что-то дѣтски-огорченное выражалось на его миломъ, юномъ лицѣ. Въ эту минуту онъ съ своими продранными рукавами рубашки, съ своими заплатанными панталонами и своимъ еще дѣтски-чистымъ лицомъ былъ и жалокъ, и дорогъ мнѣ. Мнѣ было досадно, что Макаровъ такъ безтактно дразнитъ этого ребенка. Я поспѣшилъ начать разговоръ:

— Ну, а что, прочелъ новое обозрѣніе литературы?—спросилъ я у него.

— Еще бы!—отвѣтилъ онъ.—Всю ночь до четырехъ часовъ читалъ. Чортъ возьми, что за силища у Бѣлинскаго.

— А все-таки онъ западникъ, вашъ петербуржецъ,—замѣтилъ Палицынъ.

— Ну, да, твои славянофилы лучше. Смиренномудріе народа изобрѣли,—засмѣялся Тишка.

— Да я ихъ за отысканное ими смиренномудріе народа люблю, что ли?—промолвилъ Палицынъ.—Это чепуха. Они не тѣмъ важны, а тѣмъ, что указываютъ на необходимость изучать народъ. Можетъ-быть, и навѣрное даже, все сказанное ими о народѣ окажется враньемъ; но, чтобы доказать это, нужно самому приняться за изученіе народа, нужно показать, много ли смиренномудрія въ холстинникахъ-ярославцахъ, въ халуйскихъ офеняхъ, въ пугачевскихъ сподвижникахъ, въ приволжскихъ бурлакахъ. Конечно, ваши западники не провираются такъ грубо, только такое значеніе имѣютъ ихъ толки о разныхъ Вальтеръ-Скоттахъ, Жоржъ-Зандахъ, Кукольникахъ, Бенедиктовыхъ? И теперь-то эта, такъ называемая, русская литература имѣетъ вліяніе едва ли на одного человѣка изъ тысячи...

— Ну, ну, не слишкомъ ли мало ты придаешь значенія литературѣ,—засмѣялся Тишка.

— А ты думаешь какъ? Читающихъ людей у насъ не больше пятидесяти тысячъ, да и изъ тѣхъ половина дальше священныхъ книгъ, да какихъ-нибудь полицейскихъ вѣдомостей не идетъ. А сколько милліоновъ народонаселенія въ Россіи? Но если теперь значеніе литературы такъ ничтожно, если теперь она и не можетъ и не умѣетъ вліять на народъ, то лѣтъ черезъ двадцать у теперешней литера-

туры не останется и пяти тысячъ читателей. Будутъ о ней помнить развѣ по статьямъ двухъ-трехъ изъ нашихъ же западниковъ. Ну, а то, что дѣлаетъ теперь народъ, его развитіе, его добродѣтели и пороки, весь складъ его теперешней жизни, отзовется не только на всемъ теперешнемъ обществѣ, но и на внукахъ нашихъ. Да, братъ, сколько ни толкуй ты мнѣ о литературѣ, сколько ни поклоняйся — Кукольнику или Жоржъ-Занду, — а все-таки ничего ты не подѣлаешь съ этой массой, покуда не изучишь ее, покуда не пойдешь рядомъ съ нею. Вотъ Ломоносовы и Державины и всѣ имъ подобные поэты оды на побѣды россійскаго оружія писали, а народъ пугачевщину поднялъ, секты разныя создалъ. Жуковскіе, да Карамзины проливали слезные токи нѣмецкой сентиментальности, а народъ спасалъ Россію отъ нашествія двунадесяти языковъ. При чемъ тутъ была ваша западническая литература? При чемъ она теперь съ ея байронизмомъ, оплакивающимъ измѣнчивость любви и дружбы, не находящимъ мѣста отъ пресыщенія, когда рядомъ не измѣнчивая любовь, не лживая дружба, не пресыщеніе, а крѣпостное право гнетъ въ бараній рогъ народныя спины?

Палицынъ говорилъ съ одушевленіемъ, хотя въ другое время, при другихъ разговорахъ, онъ обыкновенно выглядѣлъ невозмутимо-спокойнымъ и даже сонливымъ человѣкомъ. Единственный сынъ добродушной помѣщичьей четы, напоминавшей собою Маниловыхъ, онъ былъ нѣженъ, мягокъ и добръ; его широкая, атлетическая, развившаяся на свободѣ фигура была красива; лицо было гладко, безъ морщинки, безъ прыщика, безъ подтековъ, и дышало спокойствіемъ силы; густая грива темныхъ вьющихся волосъ придавала его головѣ видъ львиной головы; мы въ шутку называли его Самсономъ. Онъ выросъ среди народа, всею душою ненавидѣлъ чиновничество, смотрѣлъ на все совершавшееся вокругъ, на университетскія лекціи, на административную рачительность, на литературную дѣятельность, какъ на мелочную работу муравьевъ.

— Сегодня бульвары разведутъ, черезъ десять лѣтъ начнутъ заниматься уничтоженіемъ бульваровъ, — говорилъ онъ.—Сегодня Жоржъ-Занда ругаютъ, черезъ десять лѣтъ ему поклоняться станутъ. Теперь Пушкина хвалятъ, черезъ десять лѣтъ ругать его будутъ. Сегодня съ каѳедры проповѣдуютъ Гегеля, черезъ десять лѣтъ будутъ говорить, что Гегель — ерунда. Сегодня признаютъ необходимыми форменные

мундиры или бритые подбородки, какъ при Петрѣ, черезъ десять лѣтъ признаютъ ненужными и мундиры, и бритье бородъ, какъ до Петра. Только объ этихъ перемѣнахъ и идетъ тревога, а уничтожить чиновничье взяточничество или литературные доносы не только не могутъ, но и не думаютъ уничтожать. Вѣрно думаютъ, что для народа важнѣе всего, кто займетъ мѣсто: бородатый воевода или безбородый городничій.

Видя вездѣ мелочность дѣла, онъ искалъ какого-то широкаго, общаго движенія и, не находя этого движенія, иногда впадалъ въ такое тоскливое настроеніе, которое заставляло его выкидывать сотни оригинальныхъ и эксцентрическихъ выходокъ. Иногда онъ утромъ выпивалъ, вмѣсто чаю, двѣ-три рюмки водки и торжественно увѣрялъ всѣхъ, что это самый полезный напитокъ: «и ѣсть послѣ этой выпивки не хочется, и веселъ на цѣлый день становишься», объяснялъ онъ. Подчасъ онъ исчезалъ вдругъ куда-то на два, на три дня, и потомъ оказывалось, что онъ шлялся по окрестнымъ деревнямъ Петербурга: «посмотрѣть захотѣлось, такъ ли здѣсь крестьяне живутъ, какъ у насъ въ Орловской губерніи», — говорилъ онъ. Бывали и такіе дни, когда онъ неподвижно по цѣлымъ днямъ лежалъ на своей постели, подложивъ подъ голову руку: «Все вотъ лежу, пусть университетскіе годы проходятъ», — отвѣчалъ онъ на вопросъ, зачѣмъ онъ лежитъ безъ дѣла.

Горячая рѣчь Палицына, вызванная вопросомъ о статьѣ Бѣлинскаго, завязала споры. Горячѣе всѣхъ спорилъ Тишка, доказывая, что малое значеніе литературы зависитъ не отъ ея внутренней ничтожности, а отъ недостатка образованія въ обществѣ, недостатка, зависящаго не отъ литературы. Не вмѣшивался въ споры только Шепелевъ. Этотъ лимфатическій и золотушный простякъ обыкновенно дремалъ во время нашихъ споровъ и оживлялся только тогда, когда рѣчь заводилась о математикѣ. Математика была его конькомъ, его любимицей, за которую онъ претерпѣлъ даже гоненіе отъ своихъ родителей, скупыхъ, грубыхъ и сухихъ людей, мечтавшихъ только о томъ, чтобы ихъ сынъ получилъ выгодное мѣсто. Глубоко несчастный въ семьѣ, забитый съ дѣтства, толстый на видъ, но больной по натурѣ, Шевелевъ старался казаться положительнымъ, сильнымъ и рѣзкимъ, но въ сущности онъ былъ и мечтателемъ, и слабымъ, и крайне несамостоятельнымъ человѣкомъ. Онъ говорилъ басомъ, ходилъ твердыми шагами, возражалъ лако-

ническими рѣшающими фразами, что не мѣшало ему подпадать подъ вліяніе каждаго человѣка, если этотъ человѣкъ рѣшался приласкать его. Ласка и доброта, невѣдомыя ему въ семьѣ, подкупали его вполнѣ, дѣлали его рабомъ. Я и Левъ имѣли на него огромное вліяніе, и я надѣялся, что изъ него выйдетъ добрѣйшій и милѣйшій учитель математики.

Вотъ весь нашъ кружокъ, если не считать тѣхъ товарищей, которые хотя и появлялись иногда въ нашемъ кружкѣ, но не имѣли съ нимъ той крѣпкой связи, которая соединяла насъ, какъ старыхъ товарищей по гимназіи. Я не сказалъ ничего о Макаровѣ, но онъ еще выступитъ на сцену...

Кромѣ этого кружка, было у меня еще множество другихъ знакомствъ, начиная со старыхъ пріятелей дяди, Фридлиховъ, Тюпиныхъ и кончая моими новыми знакомыми, изъ которыхъ особенно дорогъ мнѣ былъ одинъ офицеръ Левинъ. Этотъ человѣкъ былъ преподавателемъ въ одномъ изъ корпусовъ и собиралъ около себя кружокъ молодежи и передовыхъ людей, выступавшихъ на литературное поприще. Я съ нимъ познакомился у генерала Гейга. Онъ давалъ мнѣ для прочтенія иностранныя книги, сочиненія Фурье, Сенъ-Симона и тому подобныхъ соціалистическихъ писателей. Въ его домѣ я слышалъ рѣзкіе споры насчетъ недостатковъ тогдашняго строя нашей жизни и не менѣе рѣзкіе планы преобразованія этого строя. Здѣсь встрѣчалось множество недовольныхъ обществомъ людей. Впрочемъ, недовольныхъ въ то время было много вездѣ; одни отъ недовольства, дошедшаго до отчаянія, бросались въ пьянство и кутежи или впадали въ апатію; другіе отъ недовольства, еще заставлявшаго искать лучшаго исхода, тѣшились мечтами и надеждами, создавали планы лучшаго будущаго. Соціализмъ, освобожденіе крестьянъ, толки о сепаратизмѣ, все это находило своихъ приверженцевъ въ кругу этой надѣющейся на лучшее молодежи. Жизнь, послѣ долгаго сна, начинала закипать съ новою силою, подталкивала къ крайней идеализаціи будущаго, къ наивной вѣрѣ въ свои силы и въ свои планы, къ торопливому осуществленію юношескихъ надеждъ. Большая часть изъ этихъ надеждъ были крайне несостоятельны и не разсѣевались только благодаря необходимости таить ихъ, обмѣниваться ими шопотомъ, въ тѣсномъ кругу. Отсутствіе гласности и невозможность выражать какія-нибудь, хотя отчасти рѣзкія, мнѣнія поддер-

живали тогда самыя нелѣпыя и неосуществимыя мечты, придавали этимъ мечтамъ прелесть запрещеннаго плода. Не опьянѣть отъ этихъ тревожныхъ порывовъ къ лучшему, испытавъ всю одуряющую пустоту, скуку, гадость и безцѣльность прошлаго, было невозможно, особенно, если человѣку было двадцать или двадцать пять лѣтъ. Не могъ не увлечься и я этими порывами, не могъ уже потому, что я пережилъ бубновскій гнетъ, клялся въ дѣтствѣ быть защитникомъ угнетенныхъ, слышалъ пламенныя рѣчи дяди и видѣлъ пустоту окружающей меня жизни среди Фридриховъ, Тюпиныхъ, Гейговъ и тому подобныхъ, Богъ знаетъ для чего жившихъ людей. Въ моей головѣ въ это время созрѣвалъ планъ освобожденія моихъ крестьянъ, еще вполнѣ неосуществимый, вполнѣ неопредѣленный, но я давалъ себѣ слово, такъ или иначе, исполнить эту задачу. Во мнѣ даже пробудилась нѣкоторая гордость, когда я понялъ, какъ трудно будетъ мнѣ добиться исполненія своего завѣтнаго желанія.

III.

Макаровъ.

Посѣщая лекціи, бѣгая на уроки, поглощая всѣ литературныя новости, мы жили бодрою, молодою жизнью, какъ живетъ большая часть небогатыхъ студентовъ. Изъ всего нашего студенческаго кружка, только я могъ прожить безъ нужды, не зарабатывая денегъ. Но я рѣшился не брать своихъ денегъ у Бубнова и, по возможности, не зависѣть отъ дяди, по крайней мѣрѣ, относительно одежды и удовольствій. Мнѣ хотѣлось научиться работать, чтобы имѣть средства и силы исполнить въ будущемъ тѣ планы, которые начали уже смутно возникать въ моей головѣ. Проработавъ день, мы сходились вмѣстѣ по вечерамъ, отправлялись иногда въ театръ, порой проводили долгіе часы за чтеніемъ вслухъ или за оживленными спорами. Многое въ этихъ спорахъ было незрѣло, рѣшалось вкривь и вкось, но желаніе добиться истины звучало въ каждомъ рѣзкомъ словѣ, въ каждой горячей фразѣ. Не такою жизнью жилъ только Макаровъ. Его положеніе въ нашемъ кружкѣ было довольно странное: его всѣ любили, къ нему всѣ ходили, но каждый какъ-будто ожидалъ, что изъ него выйдетъ, что онъ предпримете; всѣ какъ-будто сознавали, что не можетъ же онъ прожить всю жизнь такъ, какъ онъ жилъ покуда, гимназистомъ въ отставкѣ.

Болѣзненный отъ природы и раздражительный вслѣдствіе

болѣзненности; готовый растрогаться и сознаться въ своихъ ошибкахъ при первомъ тепломъ и искреннемъ упрекѣ или обличеніи; дѣлающій еще болѣе ошибокъ «на зло», упорно отстаивая свой ошибочный образъ дѣйствія, даже во вредъ себѣ, если только на него нападали грубо и сухо; вѣчно ищущій любви и доходящій въ этихъ исканіяхъ до женственной безнадежности, до мучительной тоски; разочаровывающійся вслѣдствіе подозрительности, которая воспиталась въ немъ чуть не съ пеленокъ — таковъ былъ Макаровъ. Болѣзненность ему передалась по наслѣдству родителями; ихъ же наслѣдственное имѣніе довело Макарова до недовѣрчивости, такъ какъ онъ видѣлъ, что всѣ, кто вертѣлся около него въ жизни, любили его за «на водку», или за даванье въ долгъ денегъ, или за угощенье всѣмъ, чѣмъ можетъ угостить богатый человѣкъ. Съ дѣтства онъ не видалъ ни одной привязанности, которая не была бы слѣдствіемъ его щедрости. Вотъ почему онъ особенно сильно привязался ко мнѣ: я былъ совершенно независимъ и никогда не заискивалъ ни въ комъ, а тѣмъ болѣе въ немъ, такъ какъ онъ скорѣе могъ считать себя обязаннымъ мнѣ за свои прошлыя пребыванія у меня по праздникамъ, а не наоборотъ. Но счетовъ между нами не было, и наша дружба имѣла чистый характеръ двухъ равно-обезпеченныхъ и равно-свободныхъ людей. Только въ послѣднее время, послѣ выхода Макарова изъ гимназіи, онъ нѣсколько отдалился отъ меня, и я хотя видѣлся съ нимъ, но не зналъ въ сущности ни его плановъ насчетъ будущаго, ни подробностей его настоящаго образа жизни. Я видѣлъ его двѣ богато-убранныя комнаты, его роскошное платье, его красиво-переплетенныя книги, его наружное довольство, но того, что скрывалось подъ всѣмъ этимъ, я не могъ разсмотрѣть. Несообщительность была однимъ изъ непобѣдимыхъ качествъ его характера; она развилась еще въ дѣтскіе годы, когда ему приходилось скрывать отъ чинной, сухой и холодной семьи каждую свою шалость, каждую свою ребяческую продѣлку. Но, смотря на лицо Макарова, я догадывался, что онъ переживаетъ что-то тяжелое: его лицо было худо, желто и смято. Поступивъ въ университетъ, я надѣялся оживить этого человѣка при помощи своихъ друзей, надѣялся подтолкнуть его къ дѣятельности при помощи книгъ и нашихъ толковъ о будущемъ. Это было въ тѣ годы, когда печатались такія вещи, какъ «Буддизмъ и дилетантизмъ въ наукѣ», «По поводу одной драмы», произведенія Гоголя, стихотво-

ренія Кольцова, Лермонтова и т. п. Дѣйствительно, Макаровъ съ жадностью взялся за книги и прислушивался къ нашимъ спорамъ. Передовые люди того времени только-что начали свою проповѣдь, и эта проповѣдь главнымъ образомъ указывала человѣку на то, что онъ долженъ, и для блага общества, и для своего личнаго счастья, быть прежде всего гражданиномъ. «Лица нашей драмы,—писалось въ одной статьѣ,—отравили другъ другу жизнь, потому что они слишкомъ близко подошли другъ къ другу, и, занятыя единственно и исключительно своими личностями, они собственными руками разрыли пропасть, въ которую низверглись; страстность ихъ, не имѣя другого выхода, сожгла ихъ самихъ. Человѣкъ, строящій домъ свой на одномъ сердцѣ, строитъ его на огнедышащей горѣ. Люди, основывающіе все благо своей жизни на семейной жизни, ставятъ домъ на пескѣ. Быть-можетъ, онъ простоитъ до ихъ смерти, но обезпеченія нѣтъ, и домъ этотъ, какъ домы на дачахъ, прекрасенъ только во время хорошей погоды». «Въ заглавіи романа Фредерики Бремеръ,—писалось въ другой статьѣ,—стоятъ не однѣ «радости» семейныя, но и «огорченія». А! такъ эта утопія имѣетъ и свои огорченія, даже въ романахъ! Прочтите романъ г-жи Бремеръ, и то ли еще увидите! Вы увидите, что для полнаго семейнаго счастія мало одной любви, но еще болѣе нужно эгоистическаго сосредоточенія въ маленькой и тѣсненькой сферѣ домашняго быта,—нужна значительная доля умственной ограниченности, которая только одна даетъ человѣку силу заткнуть уши отъ всѣхъ другихъ обаятельныхъ словъ бытія и закрыть глаза на всѣ другія обаятельныя картины широко раскинувшейся безконечно-разнообразной жизни... И какая разница въ этомъ отношеніи, напримѣръ, между семейственною Германіею нашего времени и общественнымъ древнимъ міромъ! Въ первой жизнь такъ узко, такъ душно опредѣляется для людей съ ихъ младенчества, семейный эгоизмъ полагается въ основу воспитанія; во второмъ человѣкъ родился для общества, воспитывался обществомъ, и потому дѣлался человѣкомъ, а не филистеромъ». Прибавьте къ этому воспоминаніе о Чичиковыхъ, Плюшкиныхъ, Собакевичахъ, Маниловыхъ и всѣхъ этихъ людяхъ, желавшихъ какъ можно болѣе украсть у общества средствъ для постройки своего гнѣзда, и вы поймете, что въ молодомъ умѣ тогда должна была невольно сложиться мысль о необходимости приносить пользу тому обществу, среди котораго приходится жить. Но за что же

приняться? Этотъ вопросъ уже давно смутно поднимался въ головѣ Макарова, наполнялся скукою, бездѣйствіемъ, тоскою; теперь же онъ неотразимо и ясно сталъ передъ юношею, какъ какой-то роковой призракъ, какъ idée fixe. Недоучившійся юноша бросался на все и вездѣ встрѣчалъ предметы, ясно говорившіе о недостаточности его образованія. Читалась ли историческая статья, слышались ли выходки Палицына противъ юриспруденціи, говорилъ ли Шепелевъ о высшей математикѣ, шумѣлъ ли Леевъ въ философскихъ спорахъ, вездѣ и всегда Макарову или приходилось умолкать, или, что было еще хуже, претерпѣвать пораженіе на всѣхъ пунктахъ. Иногда онъ былъ, видимо, правъ, но его забрасывали безцеремонно авторитетными именами, можетъ-быть, переврапными цитатами изъ книгъ—и онъ не могъ указать, что и эти имена, и эти цитаты приводились невѣрно. Помню я, какъ однажды Макаровъ просіялъ и въ то же время принялъ какой-то таинственный видъ. Въ теченіе цѣлой недѣли не могъ я добиться, что у него за тайна. Наконецъ, онъ не выдержалъ и открылъ мнѣ, что онъ написалъ повѣсть.

— Форма-то ея плоха,—говорилъ онъ.— Только это ничего. Мнѣ важно, что я въ ней новую теорію выдумалъ.

Онъ торопливо началъ мнѣ передавать эту «новую теорію».

— А, это идея Фурье,—замѣтилъ я.

— Какого Фурье?—спросилъ онъ, никогда не встрѣчавши этого имени ни въ гимназическихъ учебникахъ исторіи, ни въ другихъ книгахъ.

Я началъ ему разсказывать все, что зналъ объ идеяхъ Фурье.

— Да не можетъ быть!—топнулъ онъ ногою.— Вѣдь не могъ же я украсть у него эти мысли, когда я и имени-то его не слыхалъ.

— Да кто же тебѣ говоритъ, что ты укралъ что-нибудь у него,—замѣтилъ я съ сожалѣніемъ, видя его печаль.— Это часто такъ бываетъ, что на различныхъ концахъ міра создаются одни и тѣ же теоріи.

Я передалъ Макарову свои свѣдѣнія о Бабёфѣ, о Томасѣ Морусѣ и Сенъ-Симонѣ. Онъ ходилъ въ волненіи и былъ какъ-то особенно жалокъ и желтъ.

— Чортъ возьми,—крикнулъ онъ, наконецъ: — тутъ сидишь, порохъ въ девятнадцатомъ столѣтіи выдумываешь, а его уже давно выдумали! Что же это за образованіе, что это за языкъ такой, на которомъ не найдешь даже элемен-

тарныхъ свѣдѣній по тѣмъ или другимъ вопросамъ! Нѣтъ, надо иностраннымъ языкамъ учиться, тогда все перечитаю, все...

— И то, братъ, всего не перечитаешь, потому что и книгъ-то по многимъ вопросамъ сюда не привозятъ,—замѣтилъ я.—Вотъ за границу поѣзжай...

— Да, да, только бы иностранными языками запастись, а то съ русскимъ далеко не уѣдешь...

Макаровъ задумчиво и грустно ходилъ по комнатѣ.

— Знаешь ли ты, иногда я голову себѣ расколотилъ бы объ стѣну,—заговорилъ онъ глухо.—Ну, на что я живу? Кому я нуженъ? Почему ко мнѣ всѣ ходятъ? Потому, что у меня деньги есть, въ долгъ я даю, кормить могу всѣхъ... Сдѣлайся я завтра нищимъ, и всѣ плюнутъ на меня. Совѣта у меня спросить, объясненія потребовать по какому-нибудь предмету нельзя—я неучъ. Въ практической жизни наставить другого на путь истины или самому взяться за практическую дѣятельность—тоже нѣтъ силъ, нѣтъ подготовки...

— Учись, работай,—проговорилъ я задумчиво.

— Палки надо мной нѣтъ, вотъ что горе!—злобно проговорилъ онъ.—То боленъ, то лѣнь, то забудешь во-время заняться, а тамъ гости, самъ идешь куда-нибудь, а время уходитъ, да уходитъ. Вы вѣдь почему работаете, работаете даже надъ нелюбимой наукой, которую называетъ Палицынъ надувательствомъ по закону? Не потому ли, что у васъ назначено и время для занятій, и время для экзаменовъ? Вѣдь не прилежнѣе же меня Палицынъ, Шепелевъ и Леевъ! Вѣдь они такіе же лежни по натурѣ...

— Ну, я съ тобою не совсѣмъ согласенъ,—замѣтилъ я.—Есть люди, которые и безъ палки учатся, и такіе-то люди и хороши... Впрочемъ, дѣло не въ томъ. Тебѣ нужно, чтобы кто-нибудь контролировалъ твои занятія,—возьми учителей, подготовься въ университетъ.

Макаровъ сконфуженно закусилъ губу и молча продолжалъ ходить по комнатѣ. Ему было трудно что-то высказать.

— Знаешь ли что,—началъ онъ черезъ нѣсколько минутъ.—У меня нѣтъ тайнъ отъ тебя... Я вотъ все тебѣ разскажу... Я, видишь ли ты, долгое время не могъ рѣшиться взять учителя... Стыдно было... Выросъ, на лѣсъ глядя, а ума нѣтъ... Дѣти, можетъ-быть, гдѣ-нибудь на сторонѣ есть, а отцу азбуку учить нужно... Ну, однако, скрѣпя сердце, нанялъ я учителя, не такъ, чтобы очень молодого,

а лѣтъ сорока... Что же ты думаешь?.. Приходитъ онъ ко мнѣ.—Вы, говоритъ, это одни живете?—Одинъ, говорю.—Развѣ родныхъ нѣтъ?—продолжаетъ разспрашивать.—Не имѣется, отвѣчаю.—И не служите?—Не служу, изъ процентовъ съ капитала живу.—А! Мило обзавелись. А вотъ я, батенька, радъ бы хоть подъ старость этакъ обставиться... Начали урокъ. Объяснять онъ тонкости французской грамматики, а самъ нѣтъ-нѣтъ, да и заговоритъ о театрѣ, о томъ, какъ онъ въ рѣкъ ходитъ, какъ тамъ француженки-магазинщицы бываютъ... Смѣшно разсказывалъ онъ, бывало, забудемся и хохочемъ. Потомъ опять о глаголахъ начинаетъ толковать... Глянешь урокъ и брешетъ.—Что же вы не задали мнѣ урока къ будущему разу?—спросилъ я.—Э, выучите, сколько можете. Какъ же мнѣ вамъ задавать?—отвѣтилъ онъ.—Да вы на меня, какъ на школьника, смотрите,—говорю я.—Хе-хе-хе! я думаю, у самого ребятишки есть?—подмигнулъ онъ съ чисто французскою сальностью.—Ну, это къ дѣлу не идетъ.—Вы не обижайтесь за шутки. Я вамъ задамъ урокъ, если хотите... Хорошо, задалъ. А у меня, какъ на зло, въ тѣ дни гости за гостями, ну, и не могъ я приготовиться къ уроку. Приходитъ учитель, спрашиваетъ, я ни въ зубъ толкнуть.—Ну, что-жъ? къ будущему разу приготовитесь.—замѣтилъ онъ. Проболтали мы съ нимъ, заплатилъ я ему деньги за болтовню, и самъ чувствую, что вѣдь не наказывать же ему меня за лѣнь. Такъ пошли наши уроки, черезъ пень въ колоду валимъ, толку на грошъ нѣтъ... Плюнулъ я, наконецъ, и отказалъ учителю. Пробовалъ и другихъ брать, еще хуже выходило... Палка, братецъ, палка по мнѣ плачетъ! Сперва, вишь ли, меня дубасили ею: повернулся—бѣда, не довернулся—бѣда, ногти начинаешь съ досады грызть, кричатъ: ne rongez pas vos ongles! А потомъ, грахъ! обрѣлись поводья: тѣмъ, кто билъ, рты землею затянули, а тому, кого били, все ихъ достояніе передали. Ну, ужъ тутъ не только что ногти грызть было можно, а и встать на столъ при всемъ обществѣ задирать позволялось... Крѣпостничество меня заѣло, крѣпостничество во всѣхъ его проявленіяхъ, и въ семейномъ быту, и въ сношеніяхъ съ меньшею братьею.

Макаровъ въ волненіи провелъ рукою по волосамъ, точно желая освободить свою голову отъ какого-то лежащаго на ней гнета.

— Подлецъ и общество-то наше!—проговорилъ онъ съ ненавистью.—Дядя у меня есть генералъ, такой-сякой. До

шестнадцати лѣтъ обязанъ я былъ у него ручки цѣловать, а на-дняхъ пріѣзжаетъ онъ ко мнѣ, доложили, я кричу: скажите ему, что я еще сплю! Слышитъ онъ это, бестія, говоритъ дѣвушкѣ: «Я подожду!» Ждетъ. «Ахъ, несъ ты этакій старый, я же тебя проморю», думаю я. Прошло съ часъ, надоѣло мнѣ лежать, бока даже ломить начало. Звоню. Пришла служанка. Просите, говорю изъ-за драпри, его превосходительство. Входитъ онъ.—Бонъ-журъ, монъ неве, кричитъ мнѣ. Бонъ-журъ, монъ окль, отвѣчаю я изъ-за драпри. Извините, я еще встаю. Боялся васъ задержать долго.— Ничего, ничего!—Вы позвольте мнѣ одѣться.— Э, братецъ, вѣдь я не барыня!.. Сбрасываю одѣяло, снимаю рубашку и остальныя принадлежности. — Эхъ, чортъ возьми! ворчу вполголоса. Не вынулъ бѣлья. Что ты Надо что-нибудь? Позвонить прислугу? спрашиваетъ дядя. — Нѣтъ, у меня вѣдь дѣвушка прислуживаетъ, а я раздѣтъ откликаюсь я.—Такъ я тебѣ подамъ, что надо.— Будьте такъ добры... Гляжу, его превосходительство лѣзетъ ко мнѣ за драпри. — Э, братъ. да ты въ костюмѣ прародителя! хихикаетъ онъ и собственною своею дланью хлопаетъ меня по спинѣ.—Достаньте, монъ онкль, вотъ тутъ, въ нижнемъ ящикѣ комода бѣлье... Досталъ, подалъ.—Мерси, говорю.—А онъ на кровать присѣлъ, глядитъ, какъ я облачаюсь, тогда какъ какіе-нибудь четыре года назадъ безъ галстука я не смѣлъ къ нему показаться, не подвергаясь опасности быть наказаннымъ... Чортъ, чортъ старый! векселямъ подошелъ срокъ. Нужно было, чтобы я ихъ отсрочилъ... А что ты думаешь, если бы я его заставилъ на колѣни встать передъ собою. да за это посулилъ бы векселя-то въ печь бросить,— всталъ бы онъ или нѣтъ? Вѣдь всталъ бы, ей-Богу, всталъ бы! Холопы! Крѣпостничествомъ вспоенные холопы!

Макаровъ въ раздражительности смялъ между пальцами сигару и швырнулъ ее въ сторону.

— Они еще толкуютъ о законахъ, о нравственности, о приличіяхъ общества! Деньги,— вотъ законы, вотъ нравственность, вотъ приличія общества! Да ты знаешь ли, что я между развратными женщинами находилъ болѣе человѣчныхъ, чѣмъ они?

По его лицу пробѣжало какое-то мягкое и въ то же время грустное выраженіе.

— Я тебѣ никогда не разсказывалъ о своихъ похожденіяхъ въ этомъ мірѣ. Тамъ у меня есть подруги и знакомыя. Ты вѣдь въ этомъ дѣлѣ школьникъ передо мною, такъ послушай.

Макаровъ началъ свой разсказъ.

Разсказъ Макарова.

— Ты помнишь, изъ гимназіи я вышелъ, поговоривъ съ учителемъ, и тотчасъ же захворалъ горячкой. Она, должно-быть, уже начиналась наканунѣ. А можетъ-быть, потрясеніе подѣйствовало. Какъ бы то ни было, но первое время полной свободы провелъ я въ постели, и когда я поднялся, то силы мои были порядочно надорваны, нервы разстроены. Съѣздить на воды и возвратившись сюда, я былъ одинокъ. Ни друзей, ни знакомыхъ, ни родныхъ близкихъ у меня не было. Братъ служилъ съ полкомъ въ провинціи. Дядя и ихъ кружокъ были мнѣ противны. Ты былъ въ гимназіи, куда я не хотѣлъ и носу показывать. Тоска стала меня одолѣвать страшная. Шлялся я по театрамъ, по трактирамъ и тутъ свелъ два-три шапочныя знакомства. Однажды мнѣ предложили ѣхать въ танц-классъ. Поѣхалъ я. Пляшутъ тамъ нарумяненныя женщины, юнкеришки сальныя штуки выкидываютъ, по угламъ въ отдѣленныхъ комнатахъ парочки сидятъ, все грязно, пошло и скверно, а главное — пьяно. Я не выдерживаю грязи, въ этомъ я остался аристократомъ, — у насъ вѣдь Палашекъ разныхъ во время обѣда драли, если гдѣ находили грязь, — потому я сказалъ одному изъ своихъ знакомыхъ, что мнѣ гадокъ этотъ облагороженный названіемъ кабакъ, и что я уѣду. Онъ въ эту минуту стоялъ съ какой-то дѣвушкой у буфета. —Ахъ, какъ вы обижаете наше сословіе! — неумѣло кокетничая, замѣтила она. Она совсѣмъ еще молодая дѣвчурка была. —Да онъ еще не посвященный! — засмѣялся юнкеръ. —Такъ съ васъ литки надо! — захихикала она. —Чего съ меня надо? — спросилъ я. —Шампанскаго, — отвѣтилъ юнкеръ. Я велѣлъ дать шампанскаго. Пьемъ. Они налили три бокала и принудили меня выпить. Я слабъ и хмѣлѣю скоро: за однимъ бокаломъ послѣдовалъ другой, третій. Я былъ уже пьянъ и все жаловался моей новой знакомой, какъ мнѣ тяжело, какъ мнѣ больно, что вотъ я въ этотъ омутъ втянулся, — всплакнулъ даже и о матери вспомнилъ. Глаза-то у пьяныхъ на мокромъ мѣстѣ. Потомъ, должно-быть, съ горя, я пустился въ пляскѣ. Жара и духота въ залахъ, вино, гнилая атмосфера, насыщенная нечистыми испареніями, запахомъ грязныхъ одеждъ, вонь отъ масла, все это подѣйствовало на меня страшно; я упалъ посреди залы безъ чувствъ. Надо мной стали смѣяться танцоры, и, конечно, мой знакомый юнкеръ былъ одинъ изъ

первыхъ, такъ какъ ему должно было быть смѣшнѣе прочихъ видѣть, какъ это мальчикъ не можетъ развратиться сразу, не упавъ въ обморокъ въ ихъ трущобѣ. Но женщина, бывшая съ нимъ, вырвалась отъ него и подбѣжала ко мнѣ.— Онъ вѣдь первый разъ здѣсь!— жалобно проговорила она нѣсколькимъ изъ своихъ знакомыхъ и попросила ихъ принести воды. Кто-то изъ этихъ падшихъ женщинъ убѣжалъ за водою, другія подняли меня и унесли въ другую комнату.—Бѣдненькій, онъ еще совсѣмъ мальчикъ! — проговорила моя покровительница, разстегивая мой жилетъ и вспрыскивая меня водою. Ей помогала вспрыскивать меня еще другая молоденькая дѣвушка, намочившая мнѣ волосы и въ забытьи гладившая ихъ, какъ можетъ гладить волосы падшаго брата только чистая душою молодая сестра.—Гдѣ онъ живетъ? спрашивали онѣ другъ у друга и не могли узнать моего адреса. Мой знакомый юнкеръ давно уже исчезъ. Я пришелъ немного въ себя, но отвѣчать связно не могъ.—Дома, поди-ка, достанется, — замѣтила со смѣхомъ одна изъ женщинъ.—Я его къ себѣ свезу,—проговорила моя молоденькая покровительница и, при помощи подругъ, вывела меня изъ комнаты и увезла съ собой. Она жила одна со служанкой. Не зная, кто я, не зная, буду ли я живъ, не захвораю ли я къ утру, она смѣло ввела меня въ свой домъ и просидѣла надо мной всю ночь. Когда я очнулся совершенно и открылъ по утру глаза, я увидалъ себя въ незнакомой, небогатой комнатѣ; около моего изголовья дремала, облокотясь на ручку кресла и опустивъ на ладонь головку, блѣдная, худенькая дѣвушка. Съ ея полудѣтскаго лица сошли румяна; оно было грустно и утомлено; казалось, она уснула среди тяжелыхъ думъ. Я не шевелился и боялся разбудить ее. Я впервые видѣлъ спящую дѣвушку и, признаюсь, если бы меня привели къ ней въ эту минуту и спросили, кто она, то я сказалъ бы, что это чистое, доброе и безгрѣшное дитя. А она жила по желтому билету, каждый день была полу-пьяна и мѣняла любовниковъ тридцать разъ въ мѣсяцъ, а можетъ-быть и болѣе. Наконецъ, она проснулась и, улыбнувшись, сказала:

— Ну, слава Богу, и вы очнулись!

Я сталъ благодарить ее. Я не зналъ, что мнѣ дѣлать.

— Я васъ напою чаемъ,—сказала она и пошла къ своей служанкѣ. Тамъ начались какіе-то переговоры. Дѣвушка воротилась ко мнѣ, немного раскраснѣвшаяся и разстроенная. Послѣ я узналъ, что кухарка просила у нея на чай денегъ,

но у нея ихъ не было. Въ лавкѣ же имъ тавно не вѣрили. Она упросила кухарку, чтобы та сдѣлала покупку на свои деньги.

— А какъ мнѣ васъ жалко было, такъ жалко, точно брата роднаго,—сказала она.—Я сама, какъ первый разъ тамъ была, упала. А теперь вотъ ничего, привыкла Тамъ только воздухъ такой, что сразу ошибетъ тебя, а потомъ весело станетъ. Вотъ юнкера любятъ ѣздить туда.

— Неужели и вамъ тамъ весело?—спросилъ я.

— Ничего, весело. Тамъ это, видѣли, какія комнаты, бархатная мебель. Ну, и тоже благородные люди тамъ бываютъ. Шампанское подаютъ, диссертъ...

Я обвелъ глазами комнату моей новой знакомой и удивился той бѣдности, которая сквозила изъ-за внѣшняго лоска. Вся было старо—занавѣски, обивка стульевъ, но все это подкрахмалено, подштопано.

— Много вы добываете?—спросилъ я.

— Гдѣ ужъ много! День на день не придется, иногда и ничего не достанешь. Вотъ теперь долговъ заплатить не могу...

— Вы бы работали.

Она засмѣялась.

— А вы бы сыскали работу?

— Что-жъ? можетъ-быть, и сыщу. Вотъ мнѣ бѣлье нужно шить...

— Э, что вы говорите! Ну, сошью вамъ бѣлью, а послѣ что? Жди опять, когда кто дастъ. Знаю я эту работу. Да вальцевъ на сторонѣ не много найдешь, а въ магазинъ не стоитъ шить. Вы вотъ знаете ли, какъ намъ за бѣлье-то платятъ въ магазинахъ? Они намъ половинную цѣну даютъ, да еще и то не всегда есть работа, не всегда за нее деньги отдаютъ. Ну, а станешь въ магазинѣ шить, такъ чуть не поддашься хозяину или тамъ кому-нибудь изъ ихнихъ, ну, и начнутъ пилить. Такъ это вотъ и горбъ гни, и голодомъ сиди, и никакого удовольствія не имѣй, а тутъ, по крайности, я и свободное время имѣю, и веселюсь: все-таки, если у меня эта теперь бѣдность здѣсь, такъ я вечеромъ тамъ вонъ, какъ барыня, на бархатѣ сижу...

— Да вѣдь васъ за долги могутъ посадить въ тюрьму.

— Такъ я и далась!.. Меня въ публичный домъ примутъ. Меня и теперь зовутъ туда, да я еще и сама туда не иду.

— Да тамъ еще скверно!—ужаснулся я.

— Отчего это? Тамъ общество... Правда, нашу сестру

прижимаютъ эти самыя содержательницы, особливо, если, вотъ какъ я, придешь туда съ долгомъ... Ну, да вѣдь ужъ все равно, сколько бы тамъ на тебя не насчитали — мало ли, много ли, а выйти оттуда не выйдешь.

— Да вѣдь тамъ и женщины скверныя живутъ...

— Чѣмъ скверныя? Вы нѣшто жили съ ними? Нѣтъ, вотъ отъ насъ ушла одна изъ магазина туда, изъ благородныхъ. Только бѣдная она была, а обучена всему была,—такъ ее тамъ это долго ни до чего не допускали: ты, говорятъ, только играй намъ на музыкѣ, а не гуляй, можетъ-быть, тебѣ судьба какая выпадетъ... И даже это содержательницу упросили, чтобъ она ее, за эту за самую игру на фортепіанахъ, держала.

Ну, и что же?

— Ничего, жила такъ-то съ мѣсяцъ. Потомъ это сталъ туда часто одинъ офицеръ ходить, все подлѣ нея сиживалъ, уговаривалъ ее. Ну, она слушала, слушала, и говоритъ разъ: «нѣтъ ужъ, Богъ съ нею, съ моею судьбою, можетъ мнѣ никогда ее и не видать, а по-крайности поживу я хоть разъ, какъ мнѣ хочется, потѣшу свою молодость...» Такъ она съ этимъ офицеромъ и гуляла...

Ну, а послѣ?..

— Въ больницѣ умерла...

Мы оба замолчали, хозяйка хлопотала около чаю.

— А вы, я думаю, боялись, что я умру здѣсь?..

— Ахъ, ужъ какъ мнѣ жалко васъ было!

Да и полиціи, я думаю, боялись, что придерется...

— Вотъ-то вы мнѣ что сказали! всплеснула отъ ужаса руками хозяйка и даже поблѣднѣла. —А я-то, дура, и не подумала сгоряча-то. Вотъ бы угодила себѣ, нечего сказать. Экое дѣло заварила бы!

Она совсѣмъ растерялась и подозрительно взглянула на меня, хотя уже бояться было нечего.

Я просидѣлъ у нея почти три часа и ушелъ, обѣщаясь зайти завтра утромъ.

Не ѣздите сегодня никуда, сказалъ я.

— Хорошо вамъ говорить, а я этакъ и съ голоду помру.

— Я дамъ вамъ денегъ.

— За что это? Нѣшто я васъ для денегъ везла сюда? Вы еще мальчикъ, такъ мнѣ жаль васъ было.

Я настоялъ на томъ, чтобы она взяла деньги. Она объявила, что она беретъ это въ долгъ...

Съ этого дня я все чаще и чаще бывалъ у нея. Я упро-

сить ее не ѣздить на балы, не принимать никого изъ мужчинъ. Она не хотѣла брать у меня денегъ даромъ, и потому я нашилъ себѣ въ это время столько бѣлья, что мнѣ его еще долго не износить. Я смотрѣлъ на нее, какъ на сестру. Смотрѣть на нее иначе я не могъ. Я еще былъ слишкомъ чистый шестнадцатилѣтній мальчикъ, и въ сущности еще боялся женщинъ и стыдился интимныхъ отношеній съ ними. Въ пансіонской жизни я отвыкъ отъ женскаго общества, и потому Маша мнѣ казалась скорѣе товарищемъ, чемъ любовницей. Такъ прошли три мѣсяца. Мы не скучали, повидимому; иногда я разсказывалъ ей свою исторію; она передавала мнѣ свое прошлое; нерѣдко мы ѣздили въ театръ. Я не замѣчалъ, что она худѣла; я не хотѣлъ понять, почему она иногда говорила мнѣ:

— А вѣдь вы меня не любите!

Неопытный вчерашній пансіонеръ, я былъ еще увѣренъ что можетъ существовать платоническая любовь. Тьфу ты, гадость какая! Какой чепухи не вобьетъ въ голову пансіонская жизнь! Черезъ полгода съ ней познакомился мой братъ. Онъ пріѣхалъ въ Петербургъ въ отпускъ.

Макаровъ вставалъ и прошелся по комнатѣ. Его лицо покраснѣло. Онъ кусалъ губы. Черезъ минуту онъ продолжалъ рѣзкимъ тономъ и скороговоркой, какъ бы желая досказать все поскорѣй:

— Ну, вотъ познакомился. Сталъ тоже ходить къ ней, иногда безъ меня. Я сталъ въ ней замѣчать перемѣну. Она дѣлалась разсѣянною, волновалась. Иногда плакала о чемъ-то. Одинъ разъ я ее спросилъ, о чемъ она плачетъ?

— Не ходите вы ко мнѣ больше,— сказала она.— Такъ съ вами жить, какъ сестра съ братомъ, я не могу, а иначе не хочу. Вы такой молоденькій. Губить васъ я не могу. Я васъ очень, очень люблю, Григорій Ивановичъ, а потому ужъ вы не ходите ко мнѣ. Я вотъ намедни и вашу маманю покойную видѣла. Сердитая она такая пришла ко мнѣ и грозитъ мнѣ пальцемъ. Я это лежу и чувствую, что не сплю, а ее вижу... Это она за васъ мнѣ грозила. Мнѣ и на томъ свѣтѣ худо будетъ. Я тоже хоть и развратная была, а Бога помню.

Я былъ опечаленъ этою рѣчью. Я началъ уговаривать Машу, чтобы она успокоилась, что это все пройдетъ, что мы станемъ жить попрежнему.

— Нѣтъ, ужъ даромъ я отъ васъ денегъ не стану больше брать и любить васъ не буду, я ужъ теперь опять въ танцъ-классъ ѣздила...

Я былъ совсѣмъ дитя, я расплакался...

Съ тѣхъ поръ я долго не встрѣчался съ нею. Она кутила съ моимъ братомъ, потомъ опять со всѣми, потому что ему она надоѣла. Послѣ я встрѣчалъ ее, но уже и я, и она встрѣчались хладнокровно; она всегда благодарила меня, но я не благодарилъ ее, потому что, со дня нашей разлуки, я сталъ не выше ея въ отношеніи разврата, хотя, правда, мужчины вѣдь не развратничаютъ, публичнымъ мужчиной не называютъ того, кто мѣняетъ любовницъ. Только женщинъ называютъ публичными, если онѣ продаютъ любовь. Это тоже одинъ изъ законовъ общества: платишь—тебя уважаютъ, получаешь плату—тебя презираютъ, точно не все равно, покупаетъ или продаетъ человѣкъ тѣло и душу своего собрата или свою собственную. Да что я говорю! развѣ не гнуснѣе тотъ, кто покупаетъ изъ прихоти, чѣмъ тотъ, кто продаетъ ради нужды?

Въ эту минуту въ комнату появились наши друзья.

— Ну, господа, опять философствуете: бытіе есть небытіе, что дѣйствительно, то разумно, и что разумно, то дѣйствительно!—съ хохотомъ проговорилъ Тишка, входя въ комнату въ нахлобученной на уши шапчонкѣ, въ холодной шинелишкѣ и въ теплыхъ огромныхъ рукавицахъ.—Вотъ я выспался, а теперь Макаровъ вѣрно кофе велитъ подать и напоитъ жаждущаго, во спасеніе своей души.

— Ты вѣдь вѣчно или алчешь, или жаждешь,—усмѣхнулся Макаровъ не совсѣмъ пріятной улыбкой, приказавъ подавать кофе.

Онъ былъ недоволенъ, что гости пришли не во-время.

— Вотъ ужъ это, братъ, дѣйствительно, хотя и неразумно,—отвѣчалъ, смѣясь, Тишка.—Чортъ возьми, ну, что можетъ быть дѣйствительнѣе голода и что, между тѣмъ, въ немъ разумнаго?—Эта мысль клиномъ засѣла въ мою голову, спать не дастъ. И не голодалъ, что ли, Гегель, что ему она не пришла въ голову... Э, да у тебя сигарки новыя. Фью!

Тишка подошелъ къ сигарамъ и съ дѣтскимъ наслажденіемъ разсматривалъ ихъ.

— Ну, не для тебя,—лаконически и сухо отвѣтилъ Макаровъ.

Тишка съ невыразимымъ комизмомъ почесалъ въ головѣ. Я засмѣялся.

— А онъ еще коммунизмъ проповѣдывать хочетъ,—замѣтилъ я Тишкѣ:—а сигары для себя одного держитъ.

— Ну, ужъ, братецъ, это намъ прилично коммунизмомъ заниматься, а ему нечего, — отвѣтилъ Леонъ. — Извѣстно, всѣ эти господчики не только чѣмъ другимъ не облагодѣтельствуютъ человѣчества, а и сигарки ему не предложатъ.

— Ты въ этомъ увѣренъ?— съ замѣтнымъ раздраженіемъ произнесъ Макаровъ.

— Еще бы!—засмѣялся Тишка, не замѣчая этого раздраженія.

— Ну, такъ я и не стану опровергать твоего убѣжденія фактами, — насмѣшливо произнесъ Макаровъ.

Мы усѣлись пить кофе. Хозяинъ предложилъ каждому изъ насъ по сигарѣ, но обошелъ Тишку. Тишка сидѣлъ, какъ провинившійся школьникъ. Макаровъ насмѣшливо подмигивая обществу, указывая глазами на Леона.

— А славныя сигары!— началъ Макаровъ потягивать душистый дымъ сигары. — Ты не хочешь ли тоже покурить, Тишка?— Обратился онъ къ Леону.

— Ну, ну, давай, полно ломаться!—оживился Тишка.

— А, такъ ты думаешь, что я ломаюсь? Ну, такъ и сиди безъ сигары!—снова капризно произнесъ хозяинъ.

Тишка сидѣлъ, какъ въ воду опущенный. Мнѣ начинала дѣлаться противна эта сцена. Я понималъ, что передо мной находятся два взрослые ребенка, раскапризничавшіеся изъ-за пустяковъ, но въ то же время я сознавалъ, что имъ пора и выйти изъ дѣтскаго возраста и перестать такъ нелѣпо капризничать. Послѣ кофе разговоръ какъ-то не клеился. Макаровъ уже не просто капризничалъ, а, видимо, злился; ему было досадно отчасти на себя, за свою глупую выходку барченка, отчасти на Тишку, не пожелавшаго разыграть какую-нибудь шутовскую роль для полученія подачки отъ раздраженнаго барченка. Просидѣвъ съ часъ, я поднялся съ мѣста — мнѣ просто было гадко глядѣть на эти два надутыя лица. За мною поднялись и другіе гости. Это немного утишило Макарова, такъ какъ мы обыкновенно собирались къ нему на весь вечеръ. Выходя отъ него, мы ни слова не сказали о глупой исторіи, но не говорили и ни о чемъ другомъ. Было очевидно, что эта глупая исторія, такъ или иначе, задѣла каждаго за живое. Возвратившись домой, я невольно задумался объ этомъ, повидимому, пустомъ случаѣ. Я сознавалъ, что онъ далеко не такъ ничтоженъ, какъ кажется. Уже въ теченіе довольно долгаго времени я замѣчалъ подобныя мелочныя выходки Макарова. Онъ дѣлался съ каждымъ днемъ все раздражительнѣе и начиналъ все грубѣе

и грубѣе обходиться съ моими друзьями. Въ каждомъ его мелочномъ спорѣ, въ каждомъ его поступкѣ проглядывало какое-то пренебреженіе къ товарищамъ, какое-то желаніе подчинить ихъ безусловно себѣ, какое-то стремленіе пустить имъ пыль въ глаза. Трудно было сказать, гдѣ будетъ конецъ его дерзостямъ. Не лучше было и отношеніе товарищей къ нему. Они знали, что онъ человѣкъ больной, что онъ проводитъ половину года въ постели, что онъ раздражается отъ каждой мелочи, что онъ, несмотря на всѣ свои усилія, не можетъ освободиться отъ барскихъ замашекъ, и спускали ему многое. Но сегодня спускалась шутка, завтра двусмысленный намекъ, послѣзавтра грубость, а тамъ приходилось спускать и такія вещи, за которыя съ людьми прерываютъ знакомство. Эти отношенія были гибельны для характеровъ обѣихъ сторонъ: они не только не отучали Макарова отъ его замашекъ, но, напротивъ того, способствовали развитію въ немъ его капризовъ; остальныхъ товарищей, и въ особенности ребенка Тишку, они незамѣтно пріучали къ холопству, къ потаканью чужимъ слабостямъ. Я рѣшился прекратить эти дикія отношенія близкихъ мнѣ людей другъ къ другу, и напомнить, что имъ пора начать посерьезнѣе смотрѣть на жизнь. Чтобы поспокойнѣе объясниться съ Макаровымъ, я заходилъ къ нему нѣсколько дней. Но прежде чѣмъ я успѣлъ обдумать свое объясненіе съ нимъ, случай натолкнулъ меня на него. Я встрѣтился съ Макаровымъ у воротъ того дома, гдѣ онъ жилъ.

— Что ты нынче мимо воротъ проходишь?—остановилъ онъ меня взволнованнымъ голосомъ.

— Да вѣдь я и часто мимо тебя прохожу. Не всегда же есть свободное время для посѣщеній!—отвѣтилъ я.

— Это что-то странно!—замѣтилъ онъ.—Прежде было время, а теперь пѣтъ. Никто изъ васъ глазъ не показывалъ пять дней.

— Вѣрно заняты были,—отвѣтилъ я.—А развѣ ты не заходилъ къ нашимъ?

— Что же я стану пороги обивать, коли ко мнѣ нейдутъ!—раздражительно промолвилъ Макаровъ.

— Ты, кажется, визитами начинаешь считаться?

— Зайдемъ ко мнѣ, на улицѣ, не приходится объясняться,—сказалъ онъ, вмѣсто отвѣта.

Я неохотно согласился на это, чувствуя, что подобное начало объясненія не предвѣщало хорошаго конца. Макаровъ былъ, кажется, не совсѣмъ здоровъ, и потому

раздражался больше обыкновеннаго. Мы вошли въ его квартиру.

— Вы, кажется, всѣ обозлились за что-то на меня въ послѣднее свиданіе, — началъ онъ, закуривая сигару.

— Не обозлились, но удивились такому обращенію съ Лёвымъ, — отвѣтилъ я. — Ты относся къ нему, какъ къ какому-то холопу.

— Ну, да, — вспылилъ Макаровъ. — Онъ самъ либеральничаетъ, ходитъ ко мнѣ ради кофе и сигаръ, такъ я и обращаюсь съ нимъ, какъ съ холопомъ.

— Во-первыхъ, онъ не ради кофе и сигаръ ходитъ къ тебѣ, — замѣтилъ я: — а во-вторыхъ, ты самъ же говорилъ, что гадки не тѣ, которые продаютъ себя, а тѣ, которые покупаютъ другихъ.

Макаровъ вспыхнулъ.

— И тѣ, и другіе гадки, — проговорилъ онъ. — Я ненавижу и тѣхъ, и другихъ, и если я не могу отдѣлаться отъ покупателя людской привязанности, то-есть отъ себя, то я желалъ бы, по крайней мѣрѣ, отдѣлаться отъ тѣхъ, которые продаютъ мнѣ эту привязанность.

— А, если ты такъ смотришь на нашъ кружокъ, то, конечно, очень жаль, что мои друзья не знаютъ этого, — проговорилъ я холоднымъ тономъ. — Ты долженъ бы былъ сказать это прямо. Это было бы честнѣе.

Макаровъ побѣлѣлъ, услышавъ въ моемъ голосѣ холодныя ноты. Я взялся за фуражку.

— Куда ты?

— Домой.

— Ты, кажется, разсердился?

— Развѣ можно сердиться на различіе во вкусахъ? — отвѣтилъ я. — Тебѣ не нравятся мои друзья, а мнѣ они нравятся. Тебѣ они не нужны, а мнѣ нужны. Я тебѣ очень благодаренъ, что ты разъяснилъ мнѣ дѣло. Я не люблю ложныхъ положеній.

— Ты понимаешь, что на тебя я никогда не смотрѣлъ такъ, какъ на нихъ...

— Ты и не могъ смотрѣть на меня такъ, какъ смотришь на нихъ. Я самъ имѣю столько же средствъ, сколько и ты, я даже имѣю больше, чѣмъ ты, такъ какъ у меня есть рабочія руки. Но я никогда не отдѣляю дѣла моихъ друзей отъ своего дѣла, и если кто отдѣляется отъ нихъ, тотъ отдѣляется и отъ меня.

— Что же это — ссора? — почти плача спросилъ Макаровъ.

— Какая же тутъ ссора? Просто разошлись во взглядахъ и стремленіяхъ, ну, такъ не для чего и мѣшать другъ другу!..

Я пожалъ ему руку и ушелъ, не пускаясь въ дальнѣйшія разсужденія.

IV.

Юношескіе планы.

Впервые, въ теченіе двухъ лѣтъ студенческой жизни, мнѣ пришлось взглянуть серьезно на нашу дружескую связь. До сихъ поръ мы жили мирно, работали, обмѣнивались взглядами, спорили, вырабатывали свои убѣжденія, веселились, занимали другъ у друга деньги, помогали одинъ другому и, повидимому, были убѣждены, что наше счастливое положеніе основано на прочныхъ началахъ. Но теперь я увидѣлъ, что въ нашихъ отношеніяхъ есть одна существенная ошибка: я и Макаровъ были богаты, остальная братія почти не имѣла ничего и перебивалась трудомъ. Кто знаетъ студенческій бытъ, тотъ пойметъ, что возможность постоянно имѣть работу, что расчетливое распоряженіе своими малыми средствами, умѣнье прожить безъ временныхъ займовъ, средства для экстренныхъ расходовъ на покупку какого-нибудь сюртука или брюкъ, все это недоступно бѣднякамъ изъ студентовъ. Не были эти блага доступны и моимъ друзьямъ; во время безработицы, во время шитья одежды, во время случайныхъ кризисовъ имъ приходилось дѣлать займы въ размѣрахъ 10 или 25 рублей. Эти займы дѣлались или у ростовщиковъ, если у занимающаго еще были часы, или у меня и у Макарова, если и часы были заложены. Я никогда не задумывался объ этихъ займахъ и открывалъ кошелекъ по востребованію друзей. Но теперь я невольно обратилъ на нихъ свое вниманіе. Я понялъ, что занимающимъ было не легко брать у насъ деньги, что они не всегда могли разсчитывать на нашъ карманъ, что, можетъ-быть, имъ невольно приходилось краснѣть, когда я и Макаровъ неумышленно жаловались на безденежье при нихъ, еще не отдавшихъ намъ долга, что, наконецъ, они, противъ своей воли, стояли въ зависимости отъ насъ, и мы могли бы, если бы захотѣли, злоупотреблять своимъ выгоднымъ положеніемъ. Одолженія не ведутъ къ ложнымъ отношеніямъ только тогда, когда они взаимны. Самый независимый по характеру человѣкъ, занимая постоянно у друга деньги, можетъ, пожалуй, и не сдѣлаться холопомъ этого

друга, но, по всякомъ случаѣ, будетъ чувствовать, что онъ фактически зависитъ отъ прихоти этого друга. Нужно было найти средство для уничтоженія, хотя отчасти, этой зависимости бѣдныхъ членовъ нашего кружка отъ болѣе богатыхъ. Я, хотя и смутно, начиналъ видѣть это средство; но, кромѣ этого вопроса, въ моей головѣ зашевелилась мысль о томъ, что, связанные университетомъ, связанные чисто-внѣшнимъ образомъ, мы можемъ разойтись, какъ только выйдемъ изъ университета, что даже и раньше между нами могутъ возникнуть такія же недоразумѣнія, какія возникли между нами и Макаровымъ, и мы разойдемся. Я понялъ, что нужно начать какое-нибудь прочное, долговѣчное дѣло, которое связало бы насъ въ нашихъ интересахъ, которое заставило бы насъ держаться другъ за друга, для успѣшнаго развитія этого дѣла, полезнаго вообще, и для насъ въ частности. Со всею юношескою пылкостью, я составилъ планы нашей дѣятельности, и какъ бы ни были они ошибочны и незрѣлы, но и теперь, вспоминая о нихъ, я не краснѣю за свое увлеченіе, хотя, конечно, и не горжусь имъ, какъ открытіемъ какой-то новой Америки. Итакъ. Мои планы были плодомъ того времени, когда каждый, мало-мальски развитый юноша, толкавшійся, подобно мнѣ, въ различныхъ слояхъ общества, читавшій вызывающія къ общественной дѣятельности статьи, видѣвшій, что главное несчастіе общества заключается въ разъединеніи общихъ интересовъ и въ стремленіи свести ихъ на частные интересы семьи, старался найти какое-нибудь такое дѣло, которое связало бы его съ обществомъ и общество съ нимъ самимъ.

Дня черезъ два, обдумавъ свои планы, я собрался провести вечеръ у Тишки, гдѣ надѣялся застать и Шепелева, и Палицына. Я не ошибся. Они были дома, но куда-то собирались.

— Куда вы?—спросилъ я.

— Къ Макарову собираемся, давно онъ что-то не былъ у насъ,—отвѣтилъ Палицынъ.

— Ну, не стоитъ тащиться, проспимъ и безъ него,—замѣтилъ я.

— Что ты поссорился съ нимъ, что ли?—спросилъ Палицынъ.

— Итакъ. Но, право, господа, мы ходимъ къ нему слишкомъ часто и, можетъ-быть, надоѣдаемъ ему. Иногда мнѣ кажется, что мы злоупотребляемъ...

— Ну, вотъ выдумалъ!—замѣтилъ добродушный Палицынъ. Неужели онъ можетъ думать, что мы къ нему ради угощенія ходимъ?

— А я, ей-Богу, и ради угощенія, и ради его самого хожу къ нему,—захохоталъ Тишка.

— Полно балаганить!— невольно разсердился я, хотя и понималъ, что Тишка шутитъ.—Пора перестать ребячиться! Вѣдь ты не пошелъ бы за угощеніемъ къ своимъ чиновнымъ роднымъ?

— Ну, что я у нихъ забылъ?.. стану я ко всякимъ подлецамъ шляться! — отвѣтилъ Тишка.

— Ну, а у Макарова ты считаешь возможнымъ угощаться и выпрашивать сигары, думаешь, что между друзьями нѣтъ счетовъ. А ты присмотрись, какъ онъ обращается съ тобою!

— Э, онъ раздражителенъ и привыкъ къ барскимъ замашкамъ!

— А ты имъ потакаешь? Добрый, молъ, человѣкъ, пусть его поломается. Скоро сапоги заставитъ тебя снимать!

— А этого не хочетъ ли?—со смѣхомъ показалъ Тишка палецъ.

Я пожалъ плечами. Я ясно видѣлъ, что Тишка и не подозрѣваетъ, какъ въ самомъ дѣлѣ смотритъ на него Макаровъ.

— Да полно дурачиться! —нетерпѣливо замѣтилъ я. — Я тебѣ серьезно говорю, что ты позволяешь ему слишкомъ много. И разсмотри, что онъ можетъ искать въ тебѣ? Вѣдь ты идешь къ нему, а не онъ къ тебѣ.

— Э, братъ! Угощеній у меня нѣтъ, такъ ко мнѣ и не идутъ...

— А ты сдѣлай такъ, чтобы къ тебѣ и безъ угощеній шли. Вообще, господа, я недавно говорилъ съ Макаровымъ, и онъ невольно навелъ меня на ту мысль, что всѣ мы связаны чисто внѣшнимъ образомъ и стоимъ въ ложныхъ отношеніяхъ. Мало того, что мы не оказываемъ благотворнаго вліянія на него, но и сами только портимъ свои характеры, потакая его дурнымъ привычкамъ.

Я началъ развивать свои юношескіе планы. Мнѣ казалось, что было бы не худо всѣмъ намъ откладывать въ общую кассу извѣстный процентъ съ нашихъ заработковъ. Деньги, которыя должны образоваться изъ этихъ взносовъ, могли бы служить намъ пособіемъ въ минуты временнаго безденежья, или тогда, когда намъ нужно будетъ дѣлать

экстренныя затраты на покупку одежды. Брать изъ кассы деньги можно за проценты, изъ которыхъ составлялся бы запасный капиталъ. Я зналъ, что откладывать часть своихъ заработковъ можетъ каждый, такъ какъ въ нашемъ житьѣ-бытьѣ чаще всего, при случайныхъ получкахъ денегъ, часть ихъ уходила безъ толку; копить деньги мы не умѣли и, послѣ долгаго безденежья, тратили ихъ на пустяки, «прорываясь», какъ говорили мои друзья. Мы въ этомъ походили на тѣхъ людей, которые, послѣ долгаго великопостнаго воздержанія, объѣдаются на Пасхѣ. Старая жизнь не только не указала намъ пути къ плодотворной общественной дѣятельности, но даже не сумѣла сдѣлать изъ насъ мелкихъ практиковъ. Да и какъ было требовать отъ нея этого, когда она сама шла такимъ непрактичнымъ путемъ! Гдѣ было научиться практичности: не между ли чиновниками, думавшими нажиться казнокрадствомъ и взяточничествомъ, не между ли купцами, думавшими пріобрѣсти богатства злостными банкротствами, не между ли помѣщиками, думавшими прожить безбѣдно, разоряя крестьянъ непосильными оброками? Нѣтъ, это были плохіе практики!.. Ихъ дѣтямъ приходилось начинать съ азбуки, чтобы научиться сводить концы съ концами... Вѣрная отдача занятыхъ безъ залога денегъ могла быть полезна для развитія извѣстной стойкости въ нашемъ характерѣ. Я считалъ необходимымъ устроить нашу ссудную кассу независимо отъ нашего пребыванія въ университетѣ и потому предлагалъ допустить въ члены проектируемой кассы и дядю, и такія личности, какъ, напримѣръ, Дормидона Дормидоновича, терпѣвшаго по временамъ съ женою нужду отъ неумѣнья сводить концы съ концами и протягивать по одежкѣ ножки. Эта наука вообще не далась еще русскимъ, и каждый, точно нарочно, старается жить, не соображаясь съ своимъ карманомъ.

Мой проектъ былъ принятъ единодушно. Мои друзья понимали, что дѣло осуществимо, и что оно можетъ принести пользу даже въ томъ случаѣ, если они сами не въ состояніи будутъ откладывать много. Касса могла пополняться моими и дядиными взносами; менѣе внесшіе члены могли занимать наши деньги и все-таки не стоять въ зависимости отъ насъ, такъ какъ за занятыя деньги будутъ вноситься проценты. Но этотъ планъ былъ только началомъ моихъ дальнѣйшихъ плановъ. Я развилъ передъ моими друзьями еще одинъ планъ: мы всѣ приготовлялись въ учителя и не надѣялись служить чиновниками, такъ какъ въ то время

всѣ мы, да и не мы одни, смотрѣли съ отвращеніемъ на чиновниковъ. Мнѣ казалось, что было бы недурно, прослуживъ годъ гдѣ-нибудь въ министерствѣ, открыть сообща школу.

— Вѣдь каждый изъ насъ долженъ гдѣ-нибудь нанимать квартиру, говорилъ я. — Ну, такъ и наймемте квартиру вмѣстѣ съ отдѣльными комнатами подъ школьное помѣщеніе. Жить вмѣстѣ довольно дешево, обзаведеніе школы станетъ не слишкомъ дорого, тѣмъ болѣе, что все можно заводить по мѣрѣ прибавленія учениковъ. Теперь въ маленькихъ школахъ учатъ скверно, учителей не держатъ и берутъ довольно дорого. Мы станемъ брать половину, у насъ будетъ четыре учителя, а можетъ-быть, и больше, и потому учениковъ въ первый же годъ наберется много. Если насъ будетъ, положимъ, считая и священника, только пятеро учителей, то каждому изъ насъ будетъ достаточно посвятить на дѣло пятьдесятъ два часа въ мѣсяцъ, то-есть два часа въ день, и уже школа будетъ существовать; въ ней будетъ по четыре урока въ каждомъ изъ двухъ классовъ въ день, не считая уроковъ священника, которые будутъ оплачиваться особенно и будутъ только два раза въ недѣлю. Если бы даже подобная школа оплачивала на первыхъ порахъ квартиру и отопленіе, такъ и то хорошо. За два часа дневного труда очень выгодно имѣть помѣщеніе и отопленіе. Въ остальное свободное время мы могли бы давать уроки на сторонѣ.

Увлеченный этими планами, я заходилъ, конечно, слишкомъ далеко и воображалъ, что наша школа дастъ гигантскіе плоды, что чуть ли не вся Россія осчастливится этою школою.

— Сначала одна подобная школа возникнетъ, потомъ люди, видя ея успѣхи, станутъ подражать намъ,— говорилъ я съ юношескимъ жаромъ.— Это дастъ возможность подорвать существованіе разныхъ пошлыхъ школъ, содержимыхъ ничего незнающими промышленницами. Мнѣ кажется, что только распространеніе образованія и... можетъ что-нибудь сдѣлать, и потому самое лучшее начать съ этого...

Мои мечтанія прервалъ Палицынъ.

— Эхъ, ты, петербуржецъ!— воскликнулъ онъ. — Вы все думаете, что каждая буря начинается въ стаканѣ воды, а я вамъ скажу, что буря начинается въ океанѣ, и уже оттуда проходитъ въ ваши протухлыя Фонтанки. Вы, что ли, съ своими идейками оторвали Малороссію отъ Польши?

Америку отъ Англіи? Вслѣдствіе того онѣ оторвались, что ли, что какія-нибудь школы завелись, въ родѣ твоей? Нѣтъ, братъ, и школы-то подобныя могутъ быть слѣдствіемъ начинающагося движенія, а не его причиной.

— Я вполнѣ согласенъ съ тобою,—замѣтилъ я:—но для чего ты это говоришь?

— А для того, чтобъ ты не думалъ, что твоя новая школа повернетъ міръ!—проговорилъ Палицынъ.

— Я и не думаю переворачивать міръ. Я просто полагаю, что намъ надо же будетъ что-нибудь дѣлать въ жизни, и такъ какъ отраднѣе всего дѣлать честное дѣло и дѣлать его сообща, то я и предложилъ свой планъ. Встрѣтится болѣе плодотворное дѣло, возьмемся за него, а покуда ограничимся хоть этимъ...

— Да и я согласенъ работать на этомъ пути,—отвѣтилъ Палицынъ.—Не буду же я лежать на боку. Но зло меня разбираетъ, что приходится муравьемъ быть. Такого бы мнѣ дѣла хотѣлось, чтобы у меня духъ отъ него занялся, чтобы со мной тысячи людей впередъ двинулись, чтобы каждая жилка забилась, чтобы безъ вина голова опьянѣла. Вотъ такое дѣло покажи мнѣ—ну, тогда я и не стану спорить, что изъ него выйдетъ общая польза!

— А покуда такого дѣла нѣтъ, будемъ приносить пользу хоть своему муравейнику,—замѣтилъ я.

— Будемъ, будемъ, отчего не приносить? все равно, жизнь какъ-нибудь прожить надо.—вздохнулъ Палицынъ.

— А что, сигары для учителей будутъ въ школѣ?—засмѣялся Тишка.

— Будутъ, если учителя серьезно будутъ заниматься дѣломъ и поменьше ребячиться! — улыбнулся я.

— Ну, братъ, я совсѣмъ старичкомъ сдѣлаюсь,—шутилъ Левъ.

Разговоръ пошелъ довольно живо, касаясь то ссудной кассы, то школы.

— Да, кстати,—замѣтилъ Палицынъ:—что у тебя вышло съ Макаровымъ?

— Ничего. Просто сказалъ онъ, что не нуждается въ насъ.

— Ну, и чортъ его возьми, коли не нуждается,—замѣтилъ Левъ.—Пусть себѣ киснетъ дома.

— Придетъ!—полудремотѣ произнесъ басомъ Шепелевъ.

Его басъ и лаконизмъ замѣчанія разсмѣшили насъ, такъ какъ во весь вечеръ Шепелевъ только безмолвно слушалъ наши разговоры и, наконецъ, незамѣтно вздремнулъ.

— Ну, ты спалъ бы,—шутливо похлопалъ его по головѣ Палицынъ.

— Конечно, придетъ. Что онъ будетъ одинъ-то дѣлать? — проговорилъ, позѣвывая, Шепелевъ.

— Спать будетъ, какъ ты въ благородномъ обществѣ спишь.

— Я встаю рано,—лаконически и положительно произнесъ Шепелевъ.

Мы снова засмѣялись.

— А что, насчетъ кассы и школы ты согласенъ? спросилъ я.

— Конечно! Вѣдь математику преподавать будутъ, отвѣтилъ рѣшающимъ тономъ Шепелевъ, точно онъ давнымъ-давно считалъ это дѣло рѣшеннымъ и не находилъ нужнымъ говорить о немъ попусту.

Часа въ два ночи я ушелъ домой. Мнѣ было какъ-то особенно весело и отрадно, что мои планы принялись моими товарищами, что разработка этихъ плановъ, можетъ-быть, откроетъ въ нихъ новыя стороны, новыя выгоды и, во всякомъ случаѣ, еще тѣснѣе сблизитъ насъ. Тяготила меня только ссора съ Макаровымъ. Я въ это время впервые понялъ, какъ горячо, какъ нѣжно я любилъ этого больного человѣка, полнаго и честныхъ стремленій, и безсилія. Онъ былъ вполнѣ тѣмъ, что Мюссе назвалъ Fenfant du siècle. Новые порывы къ чему-то лучшему уживались въ немъ рядомъ со всѣми ошибками прошлаго. Онъ ненавидѣлъ барство—и былъ бариномъ до мозга костей. Онъ стремился къ великимъ дѣламъ — и не могъ совершить даже самаго ничтожнаго дѣла. Эти противорѣчія стремленій и характера разъѣдали его, изводили, какъ ржа желѣзо. Сотни разъ хотѣлось мнѣ снова зайти къ нему, подать руку помощи, но каждый разъ во мнѣ являлась мысль: не лучше ли оставить его и подождать, что возьметъ въ немъ перевѣсъ — честныя ли стремленія или дурныя стороны характера? Если побѣда останется за первыми—онъ придетъ къ намъ, оторвется отъ той безпутной молодежи, которая, не видя другого исхода для своихъ кипучихъ силъ, бросилась въ развратъ, въ оргіи, въ танцъ-классы. Въ этотъ омутъ ей не запрещалось отцами уносить ея силы, и онъ отвлекалъ эти силы отъ серьезной работы. Если же побѣда останется за дурными сторонами характера Макарова, тогда — ну, тогда отнесемъ заживо и похоронимъ его въ своей памяти! Дни, между тѣмъ, неслись впередъ, я все болѣе и болѣе рас-

ширялъ кругъ своего знакомства, толкался въ различныхъ кружкахъ общества и замѣчалъ, что вездѣ растетъ недовольство настоящимъ, вездѣ сказываются стремленія къ чему-то лучшему, къ какому-то исходу. Ярче всего высказывались это недовольство и эти стремленія въ кружкѣ Левина. Здѣсь, какъ я уже замѣтилъ, собирался кружокъ молодыхъ людей, выходившихъ на литературное поприще или посвятившихъ себя учительской дѣятельности. Иногда разговоры этого кружка были слишкомъ смѣлы, иногда слышалось въ нихъ, какъ въ рѣчахъ Палицына, негодованіе на мелкость дѣла и выражалось стремленіе къ болѣе широкому дѣлу, къ болѣе радикальнымъ мѣрамъ. Каждый вечеръ, проведенный здѣсь, возбуждалъ меня еще сильнѣе къ дѣятельности и давалъ мнѣ темы для долгихъ бесѣдъ и споровъ съ моими друзьями. Планъ нашей ссудной кассы, между тѣмъ, уже совершенно сложился, и она была основана съ капиталомъ въ сто рублей, внесенныхъ десятью членами изъ нашихъ близкихъ знакомыхъ. Дядя, вполнѣ сочувствовавшій всему, чему сочувствовалъ я, былъ избранъ на первый случай кассиромъ. Рѣшено было, что мы будемъ брать по одному проценту въ мѣсяцъ, что отдавать занятыя деньги можно съ разсрочкою, что вклады будутъ дѣлиться на обязательные — въ видѣ десяти процентовъ съ заработка — и на необязательные, вносимые по желанію каждаго. Проценты должны будутъ откладываться въ запасный капиталъ и, только въ случаѣ выхода кого-нибудь изъ кассы, будутъ выдаваться ему вмѣстѣ съ внесеннымъ имъ капиталомъ. Дядя посмѣивался, что мы скоро дома выстроимъ изъ процентовъ; мы въ такомъ же шутливомъ тонѣ увѣряли его, что не только дома, но и деревни купимъ; но, несмотря на эти шутки, мои друзья поняли, что только при помощи кассы Леову удалось сшить себѣ сюртукъ, а Палицыну уѣхать въ деревню прежде, чѣмъ ему выслали оттуда деньги его родители, походившіе на Маниловыхъ даже и своимъ неумѣніемъ жить. Не будь кассы, и ни тотъ, ни другой не могли бы скопить кое-какихъ деньжонокъ или обойтись безъ обращеній къ милостивцамъ въ родѣ меня или Макарова. Покуда мы еще шутливо смотрѣли на нашу небольшую кассу, хотя и чувствовали ея пользу. Гораздо серьезнѣе принялись мы всѣ за разработку плана школы; вычисляли, что будетъ стоить квартира, отопленіе и прислуга, составляли программу самой школы. Въ эту программу мы внесли, кромѣ обыкновенныхъ предметовъ перво-

начальнаго обученія, параграфъ о чтеніяхъ въ классахъ по субботамъ тѣхъ книгъ, которыя мы найдемъ полезными для дѣтей, и параграфъ о посѣщеніи съ дѣтьми ботаническаго сада и музеевъ зоологическаго и горнаго. Споры, какъ преподавать и на что налечь въ особенности, были безконечны и повторялись часто. Иногда Леевъ прерывалъ ихъ шутливыми замѣчаніями о томъ, какъ мы всѣ переженимся и займемъ своими помѣщеніями цѣлый каменный домъ. Но эти шутки не только не мѣшали дѣлу, а доставляли намъ минуты отдыха послѣ серьезныхъ вопросовъ. Мало выдавалось въ моей жизни такихъ оживленныхъ, бодро переживаемыхъ лѣтъ. И сколько бы ни было ошибокъ въ моихъ тогдашнихъ стремленіяхъ, но я до сихъ поръ увѣренъ, что они дали бы здоровые и сочные плоды, если бы не захватило ихъ морозомъ въ то время, когда только-что начали завязываться ихъ почки. Теперь мнѣ приходится, вспоминая объ этихъ стремленіяхъ, какъ бы извиняться за ихъ незрѣлость, за ихъ несовершенство, за ихъ ребяческія стороны. Но, Боже мой, развѣ мы виноваты, что дѣтству не удалось дожить до мужества? Развѣ мы виноваты, что намъ приходилось добираться ощупью, впотьмахъ до того, до чего давно добрались люди на другомъ краю свѣта? Развѣ виноваты русскіе самоучки-механики, изобрѣтающіе въ XIX столѣтіи часы и дѣлающіе эти часы изъ дерева? Развѣ мы, наконецъ, виноваты, что на двадцать первомъ или на двадцать третьемъ году мы не были мудры, какъ пятидесятилѣтніе старики? И гдѣ же были тѣ мудрецы Бубновы, которые потомъ упрекали насъ за ребяческія надежды? Они наживали взяточничествомъ и казнокрадствомъ дома, они проводили вечера въ игорныхъ домахъ и въ пьянствѣ, они заботились не о развитіи нашихъ знаній, не о направленіи нашихъ силъ, но объ искаженіи этихъ знаній, объ истребленіи этихъ силъ. Они нажили дома, они завербовали себѣ уваженіе; мы прожили все, мы сдѣлались отщепенцами общества; но мы и теперь смѣло можемъ сказать имъ, что побѣда осталась за нами: ихъ дома разрушаются, наши идеи живутъ. Живутъ наши идеи въ ихъ собственныхъ бубновскихъ дѣтяхъ; покидаютъ эти дѣти съ омерзеніемъ полуразрушенные, безлюдные дома отцовъ, купленные на украденныя у ближнихъ деньги, эгоистически замкнутые отъ всего, что не составляетъ ихъ бубновской семьи, и идутъ эти дѣти на честный трудъ, къ иной тысячеголовой семьѣ,—обществу, съ которымъ и горе выносится легче, и

веселье хлестетъ шумнѣе, и, наконецъ, по пословицѣ, становится красна и самая смерть. Да, мы были дѣти, наши стремленія были незрѣлы, но все-таки задатки будущаго лежали въ дѣтяхъ, въ незрѣлыхъ стремленіяхъ, а не въ подходящихъ къ могилѣ Бубновыхъ, не въ ихъ отжившихъ цѣляхъ

Среди разнообразныхъ событій этой жизни весною я случайно узналъ отъ Шепелева, что Макаровъ боленъ. Добрякъ Шепелевъ тайкомъ отъ насъ посѣщалъ иногда нашего попавшаго въ опалу друга.

— Ты зайдешь къ нему?—спросилъ онъ меня.

— Зачѣмъ? Онъ не шелъ къ намъ, что же и мнѣ навязываться,—отвѣтилъ я.

— Конечно, — согласился Шепелевъ и угрюмо ушелъ отъ меня.

Прошло дня два. Я сидѣлъ у себя дома и читалъ новыя книги, доставленныя мнѣ Левинымъ. Ко мнѣ вошла Матрена Марковна.

— Письмо къ вамъ,— сказала она и положила на столъ толстый пакетъ.

Я взялъ его и распечаталъ. Я сразу узналъ первый и нервный почеркъ Макарова, хотя письмо и было написано, повидимому, слабой, дрожавшей рукой. Письмо было длинно, но я приведу его цѣликомъ. Передавать содержаніе подобныхъ писемъ, уловить въ сжатомъ разсказѣ всѣ едва замѣтныя тонкости настроенія, отражающагося въ подобныхъ письмахъ, почти невозможно. По крайней мѣрѣ, я не берусь за это, зная, что это мнѣ не по силамъ.

Письмо Макарова.

«Ну, вотъ я и слегъ, слава Богу, Володя! Теперь хоть одна болѣе или менѣе основательная надежда явилась — надежда на смерть. Но прежде, чѣмъ я умру, я хочу поговорить съ тобою. Ты былъ довольно долго моимъ другомъ, и я никогда не считалъ тебя не чѣмъ инымъ, никогда не подозрѣвалъ въ лицемѣріи,—вотъ почему я пишу именно къ тебѣ. Есть еще другая причина, заставляющая меня писать именно къ тебѣ, — это то обстоятельство, что ты старше всѣхъ въ томъ кружкѣ, который я еще такъ недавно называлъ *своимъ* кружкомъ, или, лучше сказать, который называлъ меня своимъ членомъ. Ты не только старше по лѣтамъ, но и имѣешь вліяніе на кружокъ, по своему развитію, по своимъ связямъ съ *передовыми*. Ты

вѣдь не просто студентъ, а человѣкъ, бывающій въ одномъ обществѣ и не роняющій себя въ разговорахъ съ литературными знаменитостями, не просто будущій писака или учителишка, а проповѣдникъ идей извѣстнаго направленія, значитъ, съ тобой нужно объясниться о томъ, о чемъ я, можетъ-быть, не считалъ бы нужнымъ объясниться отдѣльно съ кѣмъ-нибудь изъ членовъ твоего кружка. Я пишу это письмо къ тебѣ, какъ къ представителю кружка. Ты знаешь, что я въ теченіе трехъ лѣтъ сжился съ вами — съ тобой я былъ друженъ гораздо раньше. Я привыкъ глядѣть на все вашими глазами. Не думай, что мнѣ легко доставалось это согласіе во взглядахъ. Я долженъ былъ ломать въ себѣ все, что привили ко мнѣ съ дѣтства, что я всосалъ съ молокомъ; я долженъ былъ отказаться отъ такихъ истинъ, которыя завѣщала мнѣ моя мать въ день своей смерти. Это было не легко дѣлать. Но я дѣлалъ. Почему же? По мелочности, по вѣтренности своей натуры? Но ты, кажется, можешь обвинить меня во всемъ, даже въ томъ, что я въ минуту раздраженія убью человѣка, но не въ поверхностности, не въ вѣтренности, не въ мелочности натуры. Ты знаешь, что я чувствую глубоко и боль, и радость, и каждое впечатлѣніе не скользитъ по мнѣ, какъ по гладкой поверхности воды, а, такъ сказать, врѣзывается въ меня неизгладимыми чертами. Изъ-за чего же такой впечатлительный человѣкъ, такое болѣзненно-отдающееся всему существо отреклось отъ взглядовъ, всосанныхъ съ молокомъ, привитыхъ во время чистыхъ дѣтскихъ молитвъ, воспринятыхъ на первой исповѣди, гдѣ я дрожалъ, цѣлуя крестъ Спасителя, и думалъ, что я, тогда еще чистое дитя, снова распинаю своими грѣхами Христа, какъ разбойникъ? Неужели ни у кого изъ всего кружка, и у тебя у перваго, не возникло мысли, что подобныя жертвы не приносятся даромъ? Я краснѣю за васъ, потому что вы дѣйствительно не подумали этого. Я краснѣю еще болѣе за тебя, потому что ты не только не подумалъ этого, но обвинилъ меня въ нелюбви къ вамъ всѣмъ и къ вашимъ идеямъ. На основаніи чего ты заключилъ объ этомъ? На основаніи того, что я остаюсь при своихъ барскихъ привычкахъ и часто невыносимо-дурно обращаюсь съ нѣкоторыми изъ васъ; на основаніи того, что я самъ сказалъ тебѣ, что они, твои друзья, мнѣ не нужны? Но разбери дѣло. Давали ли мнѣ отпоръ члены твоего кружка? Отучали ли они меня, мало-по-малу, отъ барства? Не были ли они также виноваты, не посту-

нали ли они также противъ своихъ принциповъ, холостствуя, хотя и неумышленно, передо мною? Гадко барство, но гадко и холопство, если и баринъ, и холопъ въ принципѣ сознаютъ нелѣпость рабства и холопства. Такъ же гадки легкія отношенія людей другъ къ другу, и въ легкости отношеній былъ виноватъ не я одинъ. Но меня осудили, а ихъ оправдали, потому что ихъ трое, а я одинъ. Теперь разбери еще вотъ что: я говорилъ, что не нуждаюсь въ твоихъ друзьяхъ. Да, не нуждаюсь, повторяю это и теперь. Не нуждаюсь въ нихъ, какъ въ холопахъ, не нуждаюсь въ нихъ, какъ въ прихлебалкахъ, не нуждаюсь въ нихъ, какъ въ льстецахъ, не говорящихъ мнѣ ничего въ глаза, когда я не правъ. Не знаю, какъ ты смотрѣлъ на это, но я смотрѣлъ на эти отношенія съ глубочайшимъ негодованіемъ. Ты скажешь мнѣ, зачѣмъ я прямо не высказалъ имъ этого? Но дѣло въ томъ, что они сами должны были понять, что мы сошлись не для того, чтобы разыгрывать роль Манилова, или дамъ, пріятныхъ во всѣхъ отношеніяхъ. Они не поняли этого и отнеслись ко мнѣ, какъ къ блажному ребенку, которому позволяютъ все, лишь бы онъ не плакалъ. Несмотря на это, я не разставался съ ними, потому что многое въ нихъ было и осталось дорого мнѣ. Но, должно-быть, для нихъ не осталось ничего дорогого во мнѣ, потому что они такъ быстро отшатнулись отъ меня. Я ихъ не упрекаю, даже отчасти радуюсь за нихъ въ этомъ случаѣ: они стали въ моихъ глазахъ выше прежняго, отрекаясь отъ меня, вслѣдствіе вліянія моего взгляда на нихъ, и не оставшись въ прежней роли ради моей щедрости. Нравственные интересы оказались выше матеріальныхъ. Конечно, я радъ въ этомъ случаѣ за *нихъ*, но не за *себя*; понявъ, что они лучше на дѣлѣ, чѣмъ казались по виду, я еще тяжелѣе чувствую утрату. Но, чѣмъ тяжелѣе мнѣ эта утрата, тѣмъ болѣе долженъ я упрекать тебя, такъ какъ ты одинъ виноватъ во всемъ. Ты первый показалъ, что ты нетерпимъ, не снисходителенъ къ людскимъ ошибкамъ извѣстнаго разряда: ты прощаешь унижающагося, но никогда не простишь заклающагося. Теперь вѣдь мода на меньшихъ братій! Но позволь мнѣ не модничать — я имѣю на это неоспоримое право, такъ какъ передъ смертью непремѣнно приходится смывать и румяна, и мушки, и снимать модные парики и французскіе кафтаны. Кто такіе — эти меньшіе братья? Тѣ, которые голодаютъ? Тѣ, которые ходятъ съ протянутой рукой? Тѣ, которые должны взятками

кормить семью? Да? Только? Ну, а испорченный воспитаніемъ юноша, имѣющій и хлѣбъ, и деньги, но ненавидящій свое положеніе, ищущій опоры — не меньшій братъ тебѣ, развившему свой умъ, закалившему свой характеръ? А сытая, окруженная блескомъ женщина, не имѣющая законнаго исхода изъ своего положенія куклы стараго мужа, — не принадлежитъ она къ числу меньшей братіи? А несчастная кающаяся развратница, хотя и имѣющая средства, но презираемая обществомъ, не находящая опоры — не одна изъ вашей меньшей братіи? Нѣтъ! это сытые люди! Они, можетъ-быть, и плачутъ, но что вамъ за дѣло до этихъ слезъ! Вы видите ихъ богатую одежду и топчете ихъ въ грязь! Вы не хотите знать, что каждый человѣкъ, который хоть разъ заплакалъ о своихъ ошибкахъ, хоть разъ выразилъ недовольство своимъ положеніемъ — есть уже вашъ меньшій братъ, несмотря на свою сытость и на свою одежду. Вы должны пользоваться случаемъ, чтобы подать ему руку помощи и разжечь въ немъ ту слабую искру честности, которая погаснетъ, если вы, защитники меньшей братіи, отшатнетесь отъ него, какъ отшатнулись отъ него всѣ гонители меньшей братіи, всѣ довольные настоящимъ положеніемъ тупицы и наживающіеся негодяи. Легко отыскивать бѣдность, когда видишь на людяхъ рубище. Легко помогать человѣку, когда онъ прямо проситъ на хлѣбъ. Но есть болѣе трудное дѣло—поддержаніе шатающихся людей, еще не нашедшихъ честнаго пути, но уже начинающихъ ненавидѣть свой прежній подлый путь. Покуда вы будете смотрѣть на внѣшность, покуда вы будете примѣнять различныя мѣрки къ сытымъ и голоднымъ, до тѣхъ поръ вы ничего не сдѣлаете. Сытые, но недовольные своей судьбой люди будутъ видѣть въ васъ просто завистниковъ и будутъ, въ концѣ концовъ, вести войну противъ васъ же и задушатъ, задушатъ васъ! И кто у насъ сытые люди? Мы всѣ нищіе духомъ, мы всѣ алчущіе и жаждущіе правды. Чему насъ учили? Къ чему насъ готовили наши отцы? Къ тому, чтобы мы были учителями, преподавали по Кайданову исторію, зная ея нелѣпость; чтобы мы были помѣщиками, сознавая позорность крѣпостного права; чтобы мы были чиновниками, не имѣя силъ прекратить взяточничество и грабежъ; чтобы мы были писателями, едва научившись грамотѣ? Мы всѣ нищіе духомъ, повторяю тебѣ еще разъ. Намъ всѣмъ нужна помощь, нуженъ исходъ, или мы задохнемся подъ разваливающимся зданіемъ старой жизни... Мнѣ

тяжело писать къ тебѣ, но я допишу до конца, не кончу сегодня письма, кончу его завтра, послѣзавтра, черезъ недѣлю, но все же кончу. Я даже не боюсь, что тебя слишкомъ опечалитъ эта скорбная исповѣдь. Въ ней, вѣроятно, столько грамматическихъ ошибокъ, что онѣ одинъ въ состояніи разсмѣшить тебя, какъ извѣстная надпись на воротахъ: «одаеца фатера съ небелью». Дѣйствительно, я думаю, смѣшно видѣть рядомъ высокія стремленія и безграмотность... Но къ дѣлу. Увидавъ въ моихъ убѣжденіяхъ и поступкахъ разладъ, ты счелъ меня за фразера и отшатнулся отъ меня. Но неужели ты думаешь, что произносить фразы, противорѣчащія нашимъ убѣжденіямъ, такъ легко, неужели ты думаешь, что мнѣ это было почему нибудь выгодно? Неужели мнѣ не было бы веселѣе въ другихъ кружкахъ, гдѣ всѣ говорятъ, что мои поступки прекрасны, что мои пороки — добродѣтели, гдѣ, наконецъ, уже просто потому веселѣе, что тамъ и пляшутъ, и пьянствуютъ, и развратничаютъ? Или ты думаешь, что пріятно опасаться каждую минуту замѣчаній насчетъ того, что я противорѣчу самому себѣ? Или ты думаешь, что мнѣ выгодно говорить честныя фразы? Нѣтъ, не дождаться ни намъ, ни дѣтямъ нашимъ той блаженной поры, когда честныя рѣчи и честныя стремленія будутъ приносить доходы! Ты скажешь, что о честности толкуютъ и подлецы. Да, это правда, но подлецы не негодуютъ за то, что ихъ не обличаютъ въ подлости. Ты знаешь, за что я негодовалъ на твой кружокъ, и потому можешь опредѣлить, что я такое.

«Я кончилъ объясненія. Теперь позволь тебѣ сказать, что я, не надѣясь долго прожить, взялся за перо, какъ для оправданія себя въ вашихъ глазахъ, такъ и для того, чтобы обратиться къ вамъ съ просьбой: вамъ часто придется сталкиваться съ подобными мнѣ, слабыми по характеру и честными въ душѣ, людьми, не отталкивайте ихъ такъ, какъ вы оттолкнули меня! Если эти люди будутъ только вашими знакомыми, то, отринутые вами, они, можетъ-быть, еще болѣе опустятся и свернутъ съ прежняго пути, видя, что честные люди не хотятъ даже и знаться съ ними. Если они будутъ вашими друзьями, будутъ любить васъ, какъ я любилъ, то, отвергнутые вами, они пострадаются, измучаются, какъ пострадался я. Вы не знаете, сколько ночей провелъ я безъ сна, анализируя себя, доискиваясь, дѣйствительно ли я такъ гадокъ, что честные люди должны бѣжать отъ меня, какъ отъ чумы. Я сравнивалъ себя съ

людьми, которые хуже во сто разъ, чѣмъ я, и когда я попробовалъ увеличить во сто разъ то наказаніе, которому вы подвергли меня, то оказалось, что, оставаясь послѣдовательными, вы должны, по крайней мѣрѣ, колесовать ихъ. Дай Богъ, чтобы вы были непослѣдовательными! Дай Богъ, чтобы вы въ своей безупречности не сошлись на одной доскѣ съ древними инквизиторами, которые казнили ближнихъ по кровожадности своей натуры! Если бы я менѣе любилъ тебя, я никогда не рѣшился бы писать къ тебѣ. Но мнѣ хочется еще разъ сказать тебѣ, что я до послѣдней минуты буду считать тебя своимъ другомъ, буду любить тебя.

Твой Макаровъ».

Трудно передать чувства, волновавшія меня во время чтенія этого письма. Мнѣ было не только больно за свой поступокъ, но и страшно за его послѣдствія. Я чувствовалъ, что я оборвалъ главныя и послѣднія нити жизни этого человѣка, котораго я любилъ и продолжалъ любить. Я хотѣлъ въ сущности дать ему урокъ, хотѣлъ или переломить его характеръ, или убѣдиться окончательно, что онъ неисправимъ. Но я никакъ не разсчитывалъ, что болѣзненная и впечатлительная натура не вынесетъ такой крутой мѣры, что съ нею надо было поступать осторожнѣе. Это былъ одинъ изъ тѣхъ случаевъ, которые долго не забываются и заставляютъ человѣка осторожнѣе дѣйствовать относительно ближнихъ. Много было въ моей жизни подобныхъ уроковъ, начиная съ той минуты, когда я, своею дѣтскою выходкой, можетъ-быть, послужилъ невольною причиною смерти брата и подлилъ яду въ отравленную и безъ того жизнь матери. Не прошли даромъ эти и подобные имъ уроки, часто повторявшіеся въ былыя времена, и сдѣлали они меня, можетъ-быть, гуманнѣе, терпимѣе, но нерѣдко они же дѣлали меня въ критическія минуты жизни нерѣшительнымъ и слабымъ. Я сталъ доискиваться тѣхъ или другихъ причинъ, человѣческихъ дѣйствій, и иногда относился не такъ строго къ посторонним людямъ, какъ, можетъ-быть, отнесся бы къ себѣ, стоя на ихъ мѣстѣ. Но это была болѣзнь нашего времени: излишняя терпимость, двойственность, нерѣшительность, самогрызеніе. Все это вытекало изъ тѣхъ обстоятельствъ, изъ которыхъ слагалась наша жизнь: домашнее самодурство, ежовыя рукавицы, отсутствіе общественной жизни и рядомъ съ этимъ далеко ушедшія впередъ теоріи, иногда утопичныя до крайности. Мы хотѣли подвести другихъ подъ мѣрку этихъ теорій,

казнили людей въ видѣ исполненія за то, что они оказывались ниже этихъ теорій нравственнымъ ростомъ, потомъ обрывались и сами на каждомъ шагу и бичевали себя.

Какъ сейчасъ помню я ту минуту, когда я вступилъ послѣ долгой разлуки въ комнату Макарова. Онъ лежалъ на постели, худой, желтый, съ впалыми и тусклыми глазами. Около его постели сидѣла молодая, стройная и красивая женщина, — его квартирная хозяйка, ухаживавшая за нимъ во время болѣзни. Увидѣвъ меня, она встала и вышла.

— А, это ты! — промолвилъ онъ тѣмъ безстрастнымъ тономъ, которымъ говорятъ ближіе къ могилѣ люди.—Спасибо, что зашелъ. За мной вотъ все добрѣйшая Марья Васильевна ходитъ, спасибо ей.

Я сжалъ его руку. Я не могъ говорить. Мнѣ стало страшно, какъ будто передо мною умиралъ человѣкъ, не вполнѣ убитый мною. Я, конечно, не считалъ возможнымъ объясняться насчетъ нашей размолвки, боясь разбередить его больныя раны и встревожить его, а между тѣмъ другихъ предметовъ для разговора не являлось въ головѣ.

— Тебѣ надо бы куда-нибудь уѣхать отъ нашего пронзительнаго климата, — произнесъ я, сознавая всю нелѣпость своего совѣта, но желая хоть какъ-нибудь нарушить могильное молчаніе, прерываемое только тяжелымъ дыханіемъ больного.

— Куда-нибудь около Смоленской,—отвѣтилъ онъ.

— На Кавказъ бы,—замѣтилъ я, не вполнѣ понимая его.

— А-а! ты говоришь о путешествіи, а я о похоронахъ, — сказалъ онъ.—Странно думать о покойникѣ человѣку, который пошевелиться не можетъ...

Я молчалъ. Онъ, повидимому, началъ дремать. Я тихо всталъ и взялся за шляпу.

— Ты уже идешь?—открылъ онъ глаза.

— Я зайду вечеркомъ...

— Ну, спасибо... Я долго не могу уснуть по вечерамъ... Днемъ все дремлю...

Вечеромъ я снова былъ у него. Разговоръ опять не шелъ. Онъ попросилъ меня прочитать что-нибудь вслухъ. Я обрадовался предложенію и взялъ книгу. Я прочелъ только двѣ-три страницы, когда увидалъ, что онъ уже уснулъ. Подумавъ немного, я рѣшился остаться у него, улегшись въ другой комнатѣ на кресло. Утромъ онъ позвонилъ. Я вошелъ къ нему за драпировку.

— Ты уже здѣсь?—удивился онъ.

— Я у тебя ночевалъ. Не хотѣлось поздно возвращаться домой...

Онъ протянулъ свою руку и слабо пожалъ мою.

— Эхъ, Володя, Володя, хорошіе мы люди, только думаемъ мы мало въ минуты горячности... Сценъ намъ потрясающихъ нужно, чтобы мы поняли страданье... Внѣшности нужно... Молоды мы очень...

Онъ закашлялъ глухимъ и хриплымъ кашлемъ.

— Ну, не волнуйся! Будетъ время, поговоримъ,—промолвилъ я.

— Что ты, въ загробную жизнь сталъ вѣрить, что ли, что надѣешься на наше объясненіе?—усмѣхнулся онъ.

Онъ, какъ всѣ слабыя и болѣзненныя личности, былъ крайне мнителенъ и мучился увѣренностью, что онъ скоро умретъ. Около полудня къ нему пріѣхалъ докторъ и нашелъ, что больному замѣтно лучше. Пульсъ бился ровнѣе. По уходѣ доктора, Макаровъ снова попросилъ меня прочитать что-нибудь вслухъ.

V.

Примѣрныя отношенія пасынка и отчима.

Такъ пошли дни за днями, Макарову становилось все лучше и лучше. Черезъ мѣсяцъ онъ уже могъ кое-какъ уѣхать изъ Петербурга. Я проводилъ его до одной изъ первыхъ станцій... Прошло и лѣто, настала и осень. Мои друзья, уѣзжавшіе на лѣто въ провинцію,—Палицынъ и Шепелевъ къ роднымъ, Леевъ на уроки,—возвратились въ столицу. Возвратился и Макаровъ. Онъ былъ не особенно здоровъ, но выглядѣлъ бодрѣе, и была надежда, что его здоровье укрѣпилось на время. Его встрѣча съ нашимъ кружкомъ была одною изъ тѣхъ встрѣчъ послѣ размолвокъ, какія могутъ быть только въ молодые, свѣтлые годы жизни. Тутъ не было ни колкостей, ни затаенной вражды, никто не имѣлъ зуба противъ другого, и каждый откровенно сознавался въ своихъ ошибкахъ, еще откровеннѣе всѣ посмѣялись надъ собой, назвали все ребячествомъ, и дѣло было, повидимому, забыто. Остались только глубокіе слѣды во мнѣ и въ Макаровѣ, въ единственныхъ личностяхъ, знавшихъ и о письмѣ, и о причинахъ болѣзни Макарова. Никогда не жили мы лучше и дружнѣе, чѣмъ въ это время, никогда не работали мы такъ дѣятельно, какъ теперь. Макаровъ, перенесшій тяжелую болѣзнь, началъ вѣрить, что у него «желѣзная натура», что онъ можетъ прожить еще долго, и

рѣшился взяться за дѣло. Смѣясь и шутя, онъ уговорился съ членами нашего кружка, чтобы они давали ему уроки и подготовили его къ университетскому экзамену.

— Не однимъ же вамъ учить въ нашей будущей школѣ,— смѣялся онъ.—Я тоже не отстану отъ васъ. Пора и за работу приниматься, а то вы меня все дармоѣдомъ считаете...

Онъ горячо принялся за ученье. Съ такимъ же жаромъ онъ вступилъ въ члены нашей ссудной кассы и старался придумать, нельзя ли какъ-нибудь расширить ее. Не менѣе оживленія было и во мнѣ. Я почувствовалъ, что мои планы, до сихъ поръ казавшіеся мнѣ чѣмъ-то въ родѣ сладкихъ грёзъ, все болѣе и болѣе начинаютъ принимать видъ вполнѣ осуществимыхъ проектовъ. Я понялъ, что школа можетъ пойти отлично, при тѣхъ матеріальныхъ средствахъ, которыми располагали Макаровъ и я, что силъ для обученія дѣтей у насъ пятерыхъ достаточно, что дружеское согласіе, царствовавшее теперь въ кружкѣ, должно было укрѣпиться еще болѣе, при помощи сближенія Макарова съ друзьями-учителями, что, наконецъ, при развитіи этого согласія, можно надѣяться на возможность общей жизни въ одной квартирѣ. Часто въ эту пору, въ страстномъ нетерпѣніи, я восклицалъ:

— Когда же настанетъ время, когда можно будетъ сказать: теперь пора начинать дѣло?

Громадныхъ усилій надъ собою стоило мнѣ терпѣливое выжиданіе этой поры. Только трезвая мысль о томъ, что поспѣшишь—людей насмѣшишь, сдерживала меня и заставляла ждать. Мое духовное оживленіе выразилось, между прочимъ, и тѣмъ, что я написалъ въ эти дни множество стихотвореній и повѣсть. Ахъ, это были очень скверные стихи и очень плохая, очень молодая повѣсть съ дѣйствующими лицами, не походившими на тѣхъ, кого я хотѣлъ описать. Но и стихами, и повѣстью я отдалъ дань своему времени, когда всѣ образованные люди подозрѣвали въ себѣ литературныя способности, и время, то-есть тогдашняя публика, поощрила мою первую литературную попытку: мнѣ говорили, что у меня есть талантъ. Одна барыня изъ институтокъ даже воскликнула, закатывая глазки:

— Ахъ, monsieur Теплицынъ, у васъ удивительный талантъ: вы и прозу, и стихи пишете!

Да, я писалъ много стиховъ, но, къ несчастію, а можетъ-быть и къ счастію, право не знаю, они не появлялись въ печати, по нецензурности своего содержанія. Это были какія-то

проповѣди въ стихотворной формѣ, повторявшія, съ однообразіемъ попугая: «Впередъ, впередъ, работай, работай!»

— Батюшка, да дай хоть духъ-то перевести, этакъ отъ работы-то и руки отвалятся!— говорилъ мнѣ со смѣхомъ Лёвъ, читая мои проповѣди.

Но, конечно, я не поддавался и громилъ его за стремленіе быть лежебокомъ.

— Ужъ это что и говорить,— хохоталъ Лёвъ.—Я вонъ и теперь питаюсь падающими съ неба галушками.

Вообще, я началъ слыть за молодого человѣка, «подающаго надежды». Много насъ было тогда, подающихъ надежды, да такъ мы всѣ и остались, доживъ до сѣдыхъ волосъ, дѣятелями и знаменитостями in spe... я всѣми средствами старался въ эту пору завести знакомства даже въ томъ обществѣ, гдѣ вращались графы Сиверскіе. Мнѣ казалось необходимымъ заручиться ихъ покровительствомъ, такъ какъ прошлый опытъ показалъ мнѣ, что у насъ во многихъ случаяхъ было легче всего добиться желаемаго при помощи какого-нибудь рекомендательнаго письма отъ вліятельныхъ лицъ. Мнѣ лично эти письма были не нужны, я имѣлъ состояніе, я умѣлъ работать и могъ бы прожить, не кланяясь никому, но эти письма были необходимы для дозволенія открыть школу, для благосклоннаго взгляда на нее. Срокъ моего выхода изъ университета приближался быстро. Бубновъ жилъ въ это время въ Петербургѣ, вступивъ въ статскую службу и отдавъ Мишу въ корпусъ. Мы видѣлись съ нимъ не очень часто, но стояли въ отличныхъ отношеніяхъ. Онъ обставился въ столицѣ на широкую ногу, не потому, конечно, что прошла его скупость, но потому, что жить широко, принимать у себя обоихъ Гейговъ, графовъ Сиверскихъ было выгодно. Пернавская нѣмка попрежнему жила у него въ экономкахъ и, кажется, умѣла оберегать его интересы, по крайней мѣрѣ. Бубновъ былъ доволенъ ею, и хотя держалъ ее въ черномъ тѣлѣ, но стоялъ съ ней, повидимому, въ довольно близкихъ отношеніяхъ. Со мною онъ теперь обходился съ тактомъ, какъ онъ обходился со всѣми «нужными» людьми. Иногда онъ даже интимничалъ со мною, высказывая свои опасенія за будущность Миши. Мишѣ шелъ еще только пятнадцатый годъ, но онъ уже подавалъ надежды на будущаго кутилу. Избалованный, добрый и ласковый, онъ тратилъ очень много въ корпусѣ, прикармливая товарищей, любилъ прокатиться по Невскому на лихачѣ, щеголялъ одеждою. Бубновъ обожалъ и какъ-то старался

скрывать его въ моихъ глазахъ, хотя я ни словомъ не намекалъ, что его сынъ растетъ и пользуется благами жизни не такъ, какъ росъ и пользовался ими я въ его года. Представляя мнѣ опекунскіе расчеты, не встрѣтивъ съ моей стороны никакихъ претензій, Бубновъ понималъ, что я вижу, какъ преувеличена имъ цифра расходовъ на меня и, кажется, оцѣнилъ мое молчаніе объ этомъ преувеличеніи. Онъ видѣлъ, что я человѣкъ довольно практичный и не похожу на дядю, а значитъ не могъ сомнѣваться въ томъ, что я все вижу и все понимаю изъ того, что дѣлалось и дѣлается имъ. Но, я думаю, онъ не вполнѣ понималъ, почему я не обличаю его, и, несмотря на видимую, наружную любезность, смотрѣлъ на меня съ тѣмъ подозрительнымъ безпокойствомъ, съ какимъ обыкновенно смотритъ одинъ ловкій плутъ на другого, еще болѣе ловкаго, замаскированнаго плута. Еще ни разу, въ теченіе всѣхъ тѣхъ лѣтъ, которыя прошли со дня нашего примиренія, онъ не вспоминалъ о сдѣланныхъ имъ намекахъ на мое будущее богатство. Только теперь, видя мое развитіе и зная о близости моего выхода изъ университета, онъ считалъ нужнымъ и своевременнымъ напомнить мнѣ нашъ, полузабытый мною, разговоръ. Однажды я сидѣлъ у него. Мы были одни. Бубновъ долго распространялся передо мною о добродѣтеляхъ Миши, горячо просилъ меня не оставлять брата, въ случаѣ смерти его, Бубнова, и, пожимая мои руки, когда я увѣрилъ его, что я съ самыхъ дѣтскихъ лѣтъ считалъ своею обязанностью быть заступникомъ и покровителемъ брата.

— Ну, а вы сами надѣетесь служить? — спросилъ меня отецъ.

Онъ говорилъ мнѣ «ты» съ тѣхъ поръ, какъ я былъ въ университетѣ. Сперва «вы» говорилось въ шутку, потомъ по привычкѣ.

Нѣтъ, постоянно служить не буду, — отвѣтилъ я: — хотя годъ и думаю пробыть на службѣ для полученія чина. Мнѣ хочется въ имѣніе съѣздить, потомъ открыть школу...

Мужики ваши въ хорошемъ положеніи, — проговорилъ Бубновъ. — Я всегда держался той системы, что если мужикъ богатъ, то богатъ и баринъ...

Это совершенно вѣрно, — согласился я съ нимъ, не желая объяснять ему своихъ взглядовъ на дальнѣйшій ходъ дѣла.

— Можетъ-быть, намъ придется управлять имѣніемъ до совершеннолѣтія Миши.

— Какъ это можетъ случиться?

— Я не молодъ. Умереть могу...

— Ну, авось, еще доживете до тѣхъ поръ...

— Во всякомъ случаѣ, если бы это случилось, то я спокойно передамъ вамъ опеку надъ нимъ... Мнѣ рѣдко случалось говорить съ вами подробно о вашихъ взглядахъ на различныя вещи, потому я не могу сказать, во многомъ ли мы сходимся. Но, во всякомъ случаѣ, я привыкъ настолько уважать васъ, что, не задумываясь, отдалъ бы навсегда въ ваши руки и имѣніе моего сына, и его самого, если бы это было въ моей власти...

Онъ протянулъ мнѣ руку. Мы обмѣнялись любезными фразами.

— Благодарю васъ,—сказалъ я.—Но я думаю, Мишель и не будетъ нуждаться въ вѣчномъ попечительствѣ...

— Кто знаетъ, кто знаетъ! Онъ молодъ, онъ воспитывается въ закрытомъ заведеніи, онъ мало знакомъ съ жизнью...

— Да вѣдь и я не болѣе его былъ знакомъ съ жизнью четыре года тому назадъ. Познакомится и онъ...

— Дай Богъ, дай Богъ!—вздохнулъ Бубновъ.—Вы вѣдь не изъ дюжинныхъ, быстрыми шагами къ славѣ идете,—съ тонкою насмѣшливостью добавилъ мой отчимъ.

Онъ замолчалъ; его, видимо, безпокоила какая-то мысль, но онъ не зналъ, какъ бы ловчѣе приступить къ дѣлу.

— Вы, вѣроятно, знаете, что у васъ есть дѣдъ?—началъ онъ черезъ минуту, пошаривъ въ портъ-сигарѣ и закуривая сигару.

— Я думаю, что знаю, живя съ нимъ,—разсмѣялся я.

— Я не о капитанѣ говорю,—нахмурился Бубновъ, становившійся всегда насмурнымъ при воспоминаніи о капитанѣ Хлопко.—У васъ есть другой дѣдъ.

— Другой?—удивился я.—Какой это?

— Отецъ вашей матери.

— Неужели онъ еще живъ?

— Живъ.

Мы замолчали. Дѣдъ нисколько не интересовалъ меня, я никогда не видалъ его, почти никогда не слыхалъ о немъ, за исключеніемъ тѣхъ давно прошедшихъ младенческихъ дней, когда дядя еще посылалъ его ко всѣмъ чертямъ. Бубнова хотя и очень интересовалъ предметъ разговора, но ему было трудно выяснить мнѣ свои мысли, не уронивъ себя въ моихъ глазахъ.

— Я былъ у него во время своей поѣздки въ деревню,—

началъ небрежнымъ тономъ Бубновъ.—Странный старикъ! Онъ велѣлъ мнѣ сказать, что онъ никакого Бубнова не знаетъ, хотя я велѣлъ доложить о себѣ, какъ о мужѣ его дочери...

— Но вѣдь онъ и въ самомъ дѣлѣ не знаетъ васъ,—замѣтилъ я.

— Но, во всякомъ случаѣ, мы родня... Вамъ, вѣроятно, придется видѣться съ нимъ, если вы поживете въ деревнѣ...

— Можетъ быть...

— Если вы сойдетесь, то я увѣренъ, что вы не забудете Мишеля...

Бубновъ остановился. Мы зорко слѣдили другъ за другомъ, какъ будто напряженно стараясь прочесть, что дѣлалось въ душѣ каждаго изъ насъ. Я первый прервалъ молчаніе.

— Григорій Даниловичъ, — началъ я, желая выяснить дѣло—будемте говорить откровенно. Мы, кажется, хорошо знаемъ и отлично понимаемъ другъ друга. Вы нѣсколько минутъ тому назадъ сказали, что вы не знаете моихъ взглядовъ. Но вы, я думаю, не станете спорить, что я знаю всѣ ваши взгляды. Раздѣляю я ихъ, или нѣтъ,—объ этомъ мнѣ нечего говорить, но вы видите, что я отношусь къ вамъ такъ, какъ относятся честные люди другъ къ другу. Вы считаете меня честнымъ человѣкомъ, значитъ, лучше говорить откровенно, и если я вамъ скажу *да* или *нѣтъ*, то навѣрное сдержу свое слово. Говоря же намеками, мы не придемъ ни къ какому результату, и я не дамъ никакого положительнаго отвѣта.

Бубновъ протянулъ мнѣ свою руку и пожалъ мою. Онъ былъ, видимо, смущенъ.

— Я, можетъ-быть, иногда былъ несправедливъ къ вамъ,—началъ онъ.

— Прошлое — прошло, — перебилъ я его: — а мы, кажется, не изъ тѣхъ людей, которые любятъ вызывать тѣни схороненныхъ людей и событій... Поговоримте о будущемъ...

Бубнова слегка передернуло, хотя онъ тотчасъ же овладѣлъ собою.

— Да-съ, я не люблю вспоминать прошлаго, а передѣлать многое хотѣлось бы,—замѣтилъ онъ.

— Вы были у дѣда, — снова перебилъ я его, не желая слышать отъ него сентиментальныхъ фразъ.—Онъ васъ не принялъ. Отчего же вы не написали ему, если у васъ было до него дѣло.

— Я писалъ, — отвѣтилъ Бубновъ. — Ну, да если пошло на откровенность, такъ нечего дѣлать... Имѣя въ виду ваши интересы и интересы моего сына, я счелъ долгомъ написать къ вашему дѣду письмо. Оно было оставлено безъ отвѣта.

— Можетъ-быть, оно не дошло...

— Нѣтъ, не можетъ быть, потому что я его получилъ обратно въ новомъ конвертѣ, съ надписью на моемъ письмѣ: «для вашего домашняго употребленія»...

— Оригинально! — разсмѣялся я.

— Глупо и грубо! — сказалъ Бубновъ и сдвинулъ брови. — Потомъ я поѣхалъ самъ въ деревню и заѣхалъ къ вашему дѣду. Онъ велѣлъ сказать, что никакого Бубнова не знаетъ и знать не хочетъ. Я долженъ былъ уѣхать. Поговоривъ объ этомъ непріятномъ визитѣ съ однимъ изъ дальнихъ родственниковъ вашего дѣда, я попросилъ этого господина, нельзя ли устроить какъ-нибудь наше свиданіе... Онъ взялся переговорить съ вашимъ дѣдомъ, хотя и не надѣялся на успѣхъ. Но, противъ всякаго ожиданія, вашъ дѣдъ не только согласился встрѣтиться со мною на нейтральной почвѣ, но даже сказалъ, что пригласитъ меня къ себѣ. Черезъ день я получилъ отъ него письмо, гдѣ въ краткихъ словахъ назначались мнѣ день и часъ для моего пріѣзда къ нему. Онъ извинялся, что не принялъ меня, и сваливалъ всю вину на людей, перевравшихъ мое имя. Я поѣхалъ. Подъѣзжаю къ его барскому дому, вижу, кто-то толстый, сѣдой стоитъ въ надворномъ флигелѣ у закрытаго окна и кланяется мнѣ... Я выскочилъ изъ тарантаса. Ворота были заперты, я подошелъ къ калиткѣ. На дворѣ раздавался лай. Я пріотворилъ калитку, и цѣлая свора собакъ бросилась на меня съ неистовымъ визгомъ и лаемъ. Я отскочилъ. Собаки рванулись изъ калитки на меня. Онѣ были привязаны къ воротамъ веревками и продолжали бѣшено лаять и рваться. Я отошелъ и взглянулъ на окно. Сѣдой толстый господинъ продолжалъ раскланиваться и звалъ меня рукою къ себѣ. Я указалъ ему на собакъ. Онъ развелъ руками и покачалъ головой, какъ будто говоря: «ахъ, какъ жаль!» Я заглянулъ въ щелку воротъ: на дворѣ не было ни души. Я звалъ прислугу, никто не явился. Собаки продолжали заливаться лаемъ. Я понялъ, что вашъ дѣдъ сыгралъ со мной новую штуку, и сѣлъ въ тарантасъ, провожаемый собачьимъ лаемъ, какъ вдругъ окно отворилось, и толстый, сѣдой господинъ съ желчнымъ хохотомъ крикнулъ мнѣ: «не заѣдете ли когда-нибудь еще?»

Я не могъ удержаться отъ непріличнаго смѣха.

— Да, вамъ смѣшно, но я могу васъ увѣрить, что мнѣ было не до смѣху, особенно, когда я видѣлъ, что мой кучеръ такъ же, какъ вы, не могъ удержаться отъ хохота, — проговорилъ Бубновъ. — Я вѣдь сдѣлался сказкой всего уѣзда. Наши дикари находили очень остроумной эту выходку.

— Но согласитесь, что она если и не остроумна, то все-таки смѣшна,—замѣтилъ я сухо.

— Конечно, конечно,— поспѣшилъ согласиться Бубновъ, насильно улыбаясь. — Я самъ послѣ смѣялся надъ своей неудачей, тѣмъ болѣе, что я терпѣлъ въ чужомъ пиру похмелье; я вѣдь не терялъ тутъ ничего, теряя только вы да Мишель.

Я промолчалъ, понимая, что если кто и терялъ отъ этой неудачи, такъ ужъ никакъ не я.

— На что же вы теперь надѣетесь? — спросилъ я черезъ минуту. — На мой визитъ къ дѣду? На травлю меня собаками?

Бубновъ пристально взглянулъ на меня и довольно протяжно проговорилъ, сбрасывая пепелъ съ сигары:

— Я надѣюсь, что вы не поѣдете къ своему дѣду.

— О, въ этомъ вы можете быть увѣрены!

— Я надѣюсь, что вы не заговорите съ дѣдомъ, встрѣтивъ его въ обществѣ, — еще протяжнѣе произнесъ Бубновъ, затягиваясь сигарой.

— И въ этомъ вы, можетъ-быть, не ошибаетесь,—отвѣтилъ я, не понимая, къ чему клонится нашъ разговоръ.

— Я надѣюсь, что онъ заговоритъ съ вами, — продолжалъ Бубновъ.

— Вы думаете? — улыбнулся я.

— Я надѣюсь, что онъ полюбитъ васъ.

— Вотъ ужъ этой смѣлой надежды я не ожидалъ услышать, — засмѣялся я.

Бубновъ сталъ гасить сигару, придавливая ее о пепельницу.

— Кромѣ того,—продолжалъ онъ небрежно:—я надѣюсь, что вы будете его наслѣдникомъ...

— Вы шутите?

— Я не люблю шутокъ въ серьезныхъ дѣлахъ.

Я пожалъ плечами.

— Мои надежды имѣютъ твердое основаніе, — началъ Бубновъ, положивъ ногу на ногу и самодовольно развали-

вались въ креслѣ. — Во-первыхъ, вашъ дѣдъ самодуръ, и оригинальный внукъ, не желающій знать своего дѣда, не говорящій съ нимъ въ обществѣ, долженъ заинтересовать его. Во-вторыхъ, у вашего дѣда есть дальніе родственники, любившіе вашего отца, и они будутъ работать въ вашу пользу и уже, вѣроятно, работаютъ въ этомъ смыслѣ.

— Вы не даромъ жили на свѣтѣ и смотрѣли на людей,— усмѣхнулся я.

— Ну, особенно многаго не вынесъ изъ наблюденій, — замѣтилъ мой отчимъ, со вздохомъ: — понимаю, впрочемъ, что дураковъ и подлецовъ больше, чѣмъ умныхъ и честныхъ. Да, впрочемъ, не въ томъ дѣло. Я увѣренъ въ хорошихъ результатахъ вашей поѣздки въ деревню и потому прошу васъ вспомнить, что у васъ есть братъ.

Бубновъ говорилъ искреннимъ и серьезнымъ тономъ, но я увѣренъ, что въ его головѣ вертѣлась мысль: «чортъ тебя знаетъ, къ какому разряду людей принадлежишь ты, къ дуракамъ или къ подлецамъ, во всякомъ случаѣ, тебя надо примаслить и держать съ тобой ухо востро».

— Было бы непріятно оставлять въ чужихъ рукахъ имѣніе вашего дѣда, — продолжалъ Бубновъ. — Дуракъ-самодуръ, пожалуй, еще откажетъ все на монастыри, и потому вы должны, во имя своей пользы и даже во имя своихъ убѣжденій, приложить все стараніе, чтобы пріобрѣсти это имѣніе.

— То-есть не прилагать никакихъ стараній, — усмѣхнулся я.

— Ну, да, пожалуй, что и такъ, — усмѣхнулся въ свою очередь мой отчимъ.

— Вы можете быть увѣрены, что я буду бездѣйствовать въ самомъ обширномъ значеніи этого слова,—отвѣтилъ я.

Въ это время начали собираться гости. Бубновъ, пожавъ мнѣ руку, кончилъ совѣщаніе. Онъ рекомендовалъ меня тѣмъ изъ своихъ посѣтителей, которые еще не знали меня, называя меня сыномъ своей покойной жены и своимъ лучшимъ другомъ, своею правою рукою.

— Да, это такой человѣкъ, на котораго я покойно оставлю своего сына,—говорилъ онъ.—Отчимы и пасынки рѣдко бываютъ дружны, но мы, слава Богу, если и ссорились, то не перестали вѣрить другъ въ друга, и если мои убѣжденія не всегда сойдутся съ его убѣжденіями, то вѣдь это не бѣда. У всякаго поколѣнія свои идеи, и отцы часто не сходятся во взглядахъ со своими родными дѣтьми!

Все это говорилось тайкомъ отъ меня, такъ, чтобы я слышалъ каждое слово. Признаюсь откровенно, я часто любовался Бубновымъ въ тѣ минуты, когда онъ являлся передо мною во всеоружіи ловкаго хитреца. Эхъ, если бы мы умѣли такъ дѣйствовать, добиваясь своихъ цѣлей! Такъ нѣтъ! Бубновы ужами проползали, куда имъ нужно, а мы все больше собственными лбами хотѣли пробить каменныя стѣны...

VI.

Новая знакомая.

Въ это время я и мои друзья коротко познакомились съ одною новою личностью — съ хозяйкой Макарова, вдовой небогатаго чиновника, Маріей Васильевной Меньшовой, ухаживавшей за Макаровымъ во время его болѣзни съ нѣжностью доброй матери. Она жила со своею дѣвятнадцатилѣтнею племянницей и занималась шитьемъ платьевъ и бѣлья. У Маріи Васильевны никогда не было правильно организованной мастерской или магазина; у нея просто гостили дѣвочки ея бѣдныхъ знакомыхъ, учившіяся у нея и помогавшія ей шить. Сама она была отличная швея и принадлежала къ числу тѣхъ неиспорченныхъ женскихъ натуръ, которыя какъ-то умѣютъ вносить съ собою всюду и бодрость, и веселье. Иногда она, можетъ-быть, и плакала, но плакала изъ одиночества; иногда она, можетъ-быть, и роптала на судьбу, и отчаивалась, но только разъ въ минуты тихой молитвы. Она всегда была нарядно одѣта, хотя эта нарядность была большею частью слѣдствіемъ опрятности и той милой кокетливости, которая не допускаетъ иную женщину явиться даже передъ женщиной съ нечесаными волосами, въ распущенномъ капотѣ, съ заспаннымъ и смятымъ лицомъ. Живя въ домѣ такихъ женщинъ, вы смѣло можете быть увѣрены, что васъ не стошнитъ отъ попавшагося въ вашу ѣду ихъ волоса; вы можете всегда надѣяться, что при встрѣчѣ съ ними вы увидите не заспанныя, не ошалѣвшія послѣ сна существа, а людей, вполнѣ освѣжившихся и отрезвившихся послѣ тяжелыхъ ночныхъ грѣзъ или не менѣе тяжелой ночной безсонницы; вы можете въ ихъ жилищѣ не бояться за свое здоровье, могущее пострадать отъ грязи и пыли; ѣшьте и спите мирно въ ихъ домѣ, тутъ нѣтъ ни таракановъ во щахъ, ни другихъ насѣкомыхъ въ вашей спальнѣ. Подобнымъ женщинамъ какъ будто прождено знаніе всѣхъ гигіеническихъ

условій и условій общественной жизни, хотя въ сущности это знаніе пріобрѣтено ими тяжелымъ опытомъ, страданіями отъ грязи и неряшливости, перенесенными въ дѣтствѣ, омерзѣніемъ, испытаннымъ въ юности, отъ цинническихъ отношеній членовъ семьи, нецеремонившихся между собою, являвшихся другъ передъ другомъ не только въ халатахъ, но и безъ халатовъ, не только съ заспанными, но и съ пьяными лицами. Эти женщины не бѣгаютъ въ кухню, не возятся около печки и горшковъ, не ругаются съ прислугой, но выбираютъ ее осторожно, по большей части, изъ молодыхъ дѣвушекъ, не утруждаютъ ихъ лишнею бѣготнею, посылаютъ на рынокъ и въ лавки разъ или два въ день; стараются приготовить два хорошихъ блюда, а не три плохихъ; у нихъ вы не встрѣтите вѣчнаго кофейника на плитѣ или на столѣ; онѣ пьютъ кофе въ опредѣленное время, не сбивая съ толку прислугу приготовленіемъ экстренныхъ угощеній. Мало-по-малу, ихъ знакомые пріучаются къ этому опредѣленному времени ѣды и питья, и если хотятъ напиться у нихъ кофе или чаю и не помѣшать ихъ работѣ, то идутъ къ нимъ именно въ эти часы. Этимъ женщинамъ иногда случается много перемѣнить прислуги, покуда онѣ нападутъ на подходящую къ нимъ; но ужъ зато разъ привыкшая къ нимъ дѣвушка живетъ у нихъ долго. Обыкновенно это какая-нибудь краснощекая, вѣчно открывающая свои бѣлые зубы при постоянномъ смѣхѣ дѣвушка, краснѣющая и закрывающаяся рукой, немного по-деревенски, при каждой шуткѣ. Она въ лавочкѣ и на рынкѣ слыветъ за «горничную» ради своей чистой одежды и, ловко огрызаясь за любезности, стяжаетъ десятки самыхъ почтительныхъ вздыхателей, не смѣющихъ любезничать съ ней. Эти вздыхатели — сидѣльцы мелочныхъ и овощныхъ лавокъ; они ждутъ только того времени, когда имъ можно будетъ начать самостоятельную торговлю и взять въ жены одну изъ этихъ дѣвушекъ. Въ качествѣ кандидатовъ въ женихи они строго смотрятъ за каждымъ разухабистымъ лакеемъ, чтобы онъ не приставалъ къ ихъ невѣстѣ и не заигрывалъ съ ней при помощи нѣжныхъ толчковъ локоткомъ въ пышную грудь. Обыкновенно дѣло кончается въ этихъ случаяхъ свадьбою. Тяжело покидать дѣвушкѣ радушную семью, гдѣ она сживалась иногда въ комнатѣ барыни, когда у барыни не бывало чужихъ людей, помогала барынѣ шить заказную работу, за что барыня дарила ей лучшій ситецъ на платье, сама раскраи-

вала и подшивала лифъ этого платья. Дѣвушка со слезами разстается со своей матушкой-барыней, просить ея благословенія, и барыня, весело смѣясь, по-дѣтски радуясь, снаряжаетъ къ вѣнцу свою любимицу и дѣлается ея посаженой матерью. Обыкновенно эти женщины—домосѣдки. Онѣ рѣдко ходятъ по гостямъ, не потому, чтобы онѣ не любили людей; нѣтъ, онѣ готовы радушно принять у себя всякаго. Но имъ тяжело подняться изъ своего уютно-устроеннаго, мирнаго уголка, гдѣ какой-нибудь прирученный чижикъ или долгая канарейка чиликаютъ, гдѣ постоянно дѣтскій или дѣвическій смѣхъ слышится; тяжело имъ изъ этого маленькаго рая войти въ чужой домъ, гдѣ хозяйка или на прислугу, или на мужа и дѣтей жалуется, гдѣ зависть шипитъ сотнями своихъ клеветъ и брызжетъ грязью на всѣхъ близкихъ родныхъ и знакомыхъ; тяжело этимъ женщинамъ выслушивать это шипѣнье и видѣть это бросанье грязью, тѣмъ болѣе, что тѣ же шипящіе и брызгающіе грязью люди преображаются, вступая въ ихъ маленькій рай, подъ вліяніемъ хозяйки, управляющей разговорами и настроеніемъ гостей, умѣющей поболтать о канарейкѣ, о сшитомъ по заказу платьѣ, о своихъ милыхъ дѣтяхъ, о своихъ цвѣтахъ. Всѣ эти ничтожные сами по себѣ, но не менѣе никакой иной злобѣ предметы занимаютъ время визита, и гостья уходитъ, не успѣвъ никого выругать за глаза, не успѣвъ посплетничать и даже потерявъ на время изъ памяти все то, что ей хотѣлось посплетничать. Эти женщины смотрятъ очень снисходительно на своихъ падшихъ сестеръ, какъ вообще смотрятъ онѣ на всѣ заблужденія: онѣ знаютъ, какъ тяжело бороться съ жизнью. Сами онѣ держатъ себя такъ, что съ ними трудно начать завтрывать, что имъ трудно сдѣлать какой-нибудь сальный намекъ или предложеніе, хотя, повидимому, каждый находящійся съ ними человѣкъ дѣлается развязнымъ и веселымъ до послѣдней степени. Но онѣ умѣютъ какъ-то пропустить мимо ушей сальные намеки, не улыбаться при слишкомъ вольныхъ шуткахъ своихъ новыхъ знакомыхъ, и эти шутки, два-три раза повторенныя и не произведшія желаннаго эффекта, прекращаются, какъ нѣчто неприличное къ дѣлу въ этомъ домѣ. Эти женщины любятъ театръ и любятъ ѣздить въ него въ складчину, съ компаніей, любятъ пріѣзжать оттуда всѣмъ обществомъ домой и долго говорить о видѣнныхъ пьесахъ, объ игрѣ актеровъ и т. п. Такія празднества напоминаютъ имъ нѣчто въ родѣ ник-

ника. Иногда онѣ, оставшіяся на двадцатомъ году вдовами, выходятъ лѣтъ черезъ десять замужъ. Какъ онѣ выходятъ — это почти незамѣтно: обыкновенно какой-нибудь старый знакомый, или ровнй когда-то съ ними, или дружный съ ихъ покойнымъ мужемъ, ходитъ къ нимъ десятки лѣтъ, исполняетъ мелкія ихъ порученія, беретъ для нихъ билеты въ театръ, вбиваетъ гвозди въ стѣны, при переѣздѣ ихъ на новыя квартиры нанимаетъ ломовыхъ, носитъ проценты въ ссудную кассу за заложенныя ими полдюжины чайныхъ ложекъ и т. п. Съ каждымъ годомъ онъ ходитъ все чаще и чаще къ своей доброй знакомой, все больше и больше жалуется на неуютность своей квартиры, на нечистоплотность своихъ хозяевъ; потомъ тяжело вздыхаетъ, покачивая головой; далѣе съ различными извиненіями, съ различными уговорами «не сердиться», «оставаться попрежнему друзьями», въ случаѣ несогласія, объясняетъ тихонько, сидя у швейнаго стола и не глядя на хозяйку, что онъ хотѣлъ бы жениться.

— Ну, что-жъ, и доброе дѣло, — громко отвѣчаетъ женщина, ничего не подозрѣвая.—Нечего холостякомъ-то небо коптить. На комъ же?

Холостякъ затрудняется отвѣтомъ—онъ, бѣдный, въ первый разъ въ теченіе сорока лѣтъ находится въ такомъ положеніи.

— Я васъ хотѣлъ просить... руки вашей... Вы не сердитесь, пожалуйста...—шепчетъ холостякъ.

Тутъ оставляется работа, задумчиво опускается голова на грудь молодой женщины. Холостякъ ни живъ, ни мертвъ, онъ уже готовъ пробормотать: «извините меня, забудьте все это, это я такъ...» Но вотъ онъ слышитъ ласковый, уже тихій, какъ бы стыдливый голосъ:

— Что-жъ, я согласна... Я васъ и прежде за родного считала... Только... только не отжили ли мы съ вами?

— Что вы, что вы! — вскрикиваетъ холостякъ, забывая ученицъ и дѣтей.—Да вы взгляните на себя въ зеркало.

Женщина смѣется и ищетъ глазами зеркало, надѣясь встрѣтить въ немъ отраженіе своего лица: о, какое оно еще свѣжее, молодое, смѣющееся!

— Да мы молодыхъ за поясъ заткнемъ!—храбрился холостякъ — онъ теперь счастливѣйшій изъ смертныхъ. Ни одинъ юноша не могъ бы сдѣлать такихъ восторженныхъ глупостей, какія готовъ сдѣлать этотъ сорокалѣтній человѣкъ, весь сіяющій блаженствомъ. И если онъ и его жена,

вѣчно юные, вѣчно свѣжіе, доживутъ до семидесяти лѣтъ, то они, нянчa своихъ внучатъ, выдавая замужъ и женя своихъ младшихъ дѣтей, будутъ говорить: «Ну, дай вамъ Богъ такъ любить другъ друга, какъ мы любили другъ друга!..» Да, дай Богъ!

Такою женщиной была хозяйка Макарова. Она вполнѣ принадлежала, если можно такъ выразиться, къ этому типу нравственной аристократіи. Она какъ-то незамѣтно сошлась съ Макаровымъ и съ нами.

— Люблю я молодежь, — говорила она. — Глупости часто говоритъ молодежь, зато никогда не говоритъ подлостей, а если и скажетъ, то сама же и покраснѣетъ.

Послѣ двухъ мѣсяцевъ знакомства, мы уже ѣздили вмѣстѣ въ театры въ дешевыя мѣста. Еще черезъ нѣсколько времени мы упросили ее кормить насъ обѣдомъ. Потомъ мы стали уговаривать ее взять изъ школы ея племянницу.

— Я и сама знаю, что тамъ дурно учатъ и обращаются скверно, да вѣдь всѣ школы таковы. Вѣдь я уже обходила ихъ съ десятокъ, — говорила она.

— Дома учите, — совѣтовали мы.

— Легко сказать! Я и такъ едва концы съ концами свожу.

— Да вамъ это дешевле будетъ, мы всѣ станемъ даромъ учить ее.

Она, не отпѣкиваясь, не выражала никакихъ церемонныхъ отказовъ, и мы начали учить ея племянницу. Это было бойкое и живое дитя, съ вѣчными спорами и вопросами на языкѣ. У нея все кипѣло въ рукахъ; она обыкновенно не ходила, а носилась по комнатѣ; ее занимало все; увидитъ она новаго фасона бурнусъ, тотчасъ летитъ къ теткѣ и разсказываетъ быстро, точно боясь, что кто-нибудь перехватитъ ея открытіе, какой бурнусъ, гдѣ швы, гдѣ сборки, гдѣ бахрома, какіе рукава, какой воротникъ.

— Ничего, дитя мое, не понимаю, — обыкновенно замѣчала, улыбаясь, тетка.

— Эхъ, какая ты глупая! — восклицала племянница, топая ногой.

— Ну, можно быть и повѣжливѣе! — замѣчала тетка.

— Ну, вотъ смотри! — не отвѣчая на замѣчаніе, говорила племянница, и подъ ея рукой уже шуршала бумага и звенѣли ножницы.

Топая ногами, кусая губенки, стукая по столу рукой, дѣвочка, наконецъ, добивалась своего и выкраивала ма-

ленькій бурнусъ, по которому, при небольшихъ соображеніяхъ и поправкахъ, можно было смѣло кроить большой бурнусъ, не боясь сдѣлать какую-нибудь австралійскую одежду. Ея способность подмѣчать все смѣшное рѣзко бросалась въ глаза.

Однажды дѣвочка, молча, сидѣла и что-то чертила на бумагѣ; послѣ долгихъ усилій и попытокъ она начала хохотать.

— Что съ тобой?—спросила тетка.

— Тетя, тетя, посмотри. Тихонько посмотри! — шептала дѣвочка, показывая теткѣ тайкомъ отъ насъ бумагу, испещренную ея карандашомъ.

Тетка, улыбаясь, таинственно спросила:

— Чей же это?

— Леева!—прыснула отъ смѣха дѣвочка.

Заинтересованные тайною, мы добивались ея открытія, и тетка показала намъ бумагу, при хохотѣ убѣжавшей племянницы. На бумагѣ, среди десятка перемаранныхъ рисунковъ носовъ, красовался одинъ носъ, довольно толстый и нѣсколько похожій на утиный, въ которомъ можно было, при помощи извѣстной доли воображенія, узнать карикатуру на носъ Леева. Дѣйствительно, у этого красавца некрасивъ былъ только носъ. Ничто не ускользало отъ наблюдательности этого ребенка, ни носъ Леева, ни задумчивость Макарова, ни сонливость Шепелева.

— Макаровъ вѣрно нездоровъ, что онъ всегда такой скучный,—прервала она однажды урокъ, обращаясь ко мнѣ.

— Нѣтъ, онъ теперь здоровъ.

— Зачѣмъ же онъ рѣдко смѣется? Развѣ ему не весело съ нами.

— Хорошо, Наташа, но не весело. Инымъ людямъ тяжело жить на свѣтѣ.

— Бѣднымъ?

— И богатымъ, если они видятъ много бѣдныхъ.

— Такъ пусть они помогаютъ.

— Всѣмъ одинъ не поможешь...

— Пусть всѣ всѣмъ помогаютъ.

— Вотъ потому-то и тяжело инымъ жить, что они видятъ, какъ другіе богатые не думаютъ о бѣдныхъ. Вотъ нѣдь не всѣмъ дѣтямъ такъ хорошо жить, какъ вамъ...

— О, тетя добрая!..

— Да, добрая, потому и она иногда горюетъ о тѣхъ дѣтяхъ, которымъ худо жить.

— Она не всегда теряетъ,—поплачетъ, а потомъ опять весе́лится... Отчего же Макарокъ такъ не дѣлаетъ?

Я затруднялся отвѣтомъ, и вмѣсто настоящихъ причинъ грусти Макарова, которыя мнѣ трудно было объяснить ребенку, сказалъ, что у него характеръ такой, что у каждаго свой характеръ, одинъ все скоро забываетъ, другой все помнитъ долго.

— Вотъ вы, какъ тетя, будете все скоро забывать,— прибавилъ я:— у васъ живой и подвижной характеръ.

— Ну, вѣтъ, я ничего не забываю. Я вотъ еще маленькая, маленькая была, а помню, какъ дядя—мужъ тети, не отдалъ вора въ полицію, а далъ ему рубль на чай.

— Какъ такъ?—засмѣялся я.

— Да вотъ какъ,—серьезно сказала Наташа. — У дяди пропали охотничьи сапоги. Кто-то укралъ ихъ. А мы жили въ одномъ домѣ съ чиновникомъ. Въ подвалѣ онъ жилъ, бѣдный-бѣдный такой, и дѣтей у него много, и жена больная тогда у него была. Дѣти его играли со мною на дворѣ, я имъ булочекъ прятала, какъ вотъ бѣднымъ голубкамъ или собачкамъ прячутъ. Это и тетя, и дяди знали. Только я вотъ вышла къ нимъ вечеромъ играть, а они мнѣ и говорятъ: «а мы сегодня сунъ тушали...» Они такія смѣшныя были, и не могли выговаривать. «И говядина была у васъ».—Развѣ,—говорю я,—папа вамъ деньги получилъ?— «А папа,—говорятъ,—сегодня сапоги большие продалъ и тушилъ намъ говядины и маму сухомъ термилъ...» И такія они веселыя, въ ладоши бьютъ. Я пошла и разсказала это дядѣ; онъ вышелъ къ дѣтямъ и далъ имъ рубль. «Это, говоритъ, отнесите мамѣ на лѣкарство!» А самъ пришелъ въ комнату, перекрестился и подцовалъ тетю. А тетя заплакала и сказала: «Господи, помилуй насъ и Наташу отъ этого».

Наташа уткнулась лицомъ въ книгу и замолчала; на книгу лились одна за другой крупныя слезы.

Я тихо провелъ рукою по ея головкѣ и не могъ долго продолжать прерванный урокъ. Если я боялся за будущность какого-нибудь ребенка, то это было именно въ эту минуту; я чувствовалъ, что передо мною развивается одна изъ тѣхъ живучихъ, сильныхъ и глубокихъ натуръ, которыя такъ быстро сгораютъ среди людскихъ несправедливостей и людскихъ страданій. Я понималъ, что Наташа говоритъ правду о томъ, что она ничего не забываетъ, и предчувствовалъ, что она едва ли будетъ забывать что-нибудь

и въ будущемъ. Скоро она сдѣлалась нашей общей любимицей, и мы не баловали ее только потому, что такихъ дѣтей нельзя баловать: для приторныхъ нѣжностей она была слишкомъ рѣзва, вмѣсто объѣденья сластями она любила книжку, замѣчаній за лѣнь она не могла заслужить по своей чрезвычайной любознательности. Только порывы строптивости и иногда рѣзкія выраженія могли вызвать замѣчанія, и въ этихъ случаяхъ ея тетка постоянно являлась настороже.

Въ Маръѣ Васильевнѣ и въ ея племянницѣ мы нашли именно то, чего намъ недоставало—хорошее женское вліяніе. Марья Васильевна иногда журила насъ за опрометчивость въ разныхъ житейскихъ отношеніяхъ, невольно пріучила насъ къ общежитію, отучила отъ холостыхъ, халатныхъ манеръ и разгильдяйства. Вліяла она на насъ по большей части при помощи добродушной насмѣшливости, это оружіе она употребляла и для поправленія рѣзкостей въ характерѣ племянницы. Посѣщая ее, мы приходили все въ большій и большій восторгъ, постоянно открывая въ ней новыя добродѣтели и новыя стороны простого и яснаго ума. Я зналъ многіе круги общества, начиная съ кружка старыхъ холостяковъ и кончая кружкомъ графа Сиверскаго, но нигдѣ не встрѣчалъ я болѣе человѣчной личности. Восторженно говорилъ я о ней дядѣ. Бѣдный старикъ совсѣмъ поддался въ это время Матренѣ Марковнѣ, и она уже начинала покрикивать на него, когда полагала, что я не могу этого слышать.

— Ну, куда вы за молодежью-то, благодѣтель, тянетесь?—говорила она.—Пора и остепениться.

— Да что-жъ, Матрена Марковна, я только чайку попить, поболтать съ ними люблю, мнѣ общество нужно,— отговаривался дядя.

— Опять угощать ихъ будете? Безъ гроша придется сидѣть.

— Да вы развѣ считали мои деньги? Ахъ вы, ворчунья.

— Не считала, благодѣтель, да вѣдь если сегодня угощать, завтра угощать — въ карманѣ-то ничего и не останется. Я на своемъ вѣку видѣла тѣхъ-то, которые проугощали этакъ свое состояніе. Вотъ и мой племянничекъ-то тоже угощалъ, угощалъ пріятелевъ, да вотъ теперь у меня на шеѣ и сидитъ.

— Ахъ, ворчунья, ворчунья!—шепталъ дядя.

— Да и засиживаетесь вы у этихъ разныхъ своихъ ста-

рыхъ знакомыхъ. Ночью еще что случится на дорогѣ, оборони Богъ!

— Здѣсь тихо въ нашемъ краю...

— Толкуйте, тихо! Да я и заснуть никогда не могу до вашего прихода, душеньку изъ меня всю вытянетъ, какъ подумаю: не случилось ли чего съ нашимъ ангеломъ, не упалъ ли гдѣ, не обобрали ли его гдѣ? Вотъ и мой племянничекъ-то тоже хорохорится, а и на мостовой иногда навалится, и нагишомъ-то домой придетъ.

Дядю, наконецъ, задѣло за живое это постоянное сравненіе съ ея племянникомъ.

— Вашъ племянникъ пьяница, а я трезвый человѣкъ,— сердился онъ.

— И, батюшка, и онъ былъ трезвымъ человѣкомъ, да вѣдь съ панталыку недолго сбиться...

— Однако, вы забываете, что я не дитя...

— Да вы, мужчины, хуже дѣтей. Вы насъ, женщинъ, мучаете, и горя вамъ мало: мы за васъ убиваемся, а вы и ухомъ не ведете; дѣти — тѣхъ по крайности высѣчешь, и уймутся, а вамъ говорить станешь, такъ еще обижаетесь. Вотъ и мой племянничекъ обижался, я, говоритъ, не маленькій, а потомъ какъ пошелъ пить, такъ и завертѣлся. Ну, да ужъ онъ погибшій человѣкъ, а вы-то, вы-то съ чего себя губить хотите! Впрочемъ, вѣдь я вамъ не сестра, не жена, что вамъ до меня за дѣло... Конечно, мараль изъ-за васъ нажила...

— Эхъ, Матрена Марковна!

— Что? эхъ, Матрена Марковна! Правду я говорю, была бы женой вашей, такъ не бѣжали бы въ обчество...

— Ну, ну, не ворчите, воркотунья!

И дядя «бокалъ» Матрену Марковну, дѣлавшую сквозь слезы кокетливое лицо.

— Вамъ все шутки, капитанъ, а вы побыли бы на моемъ мѣстѣ!—вздыхала она и нѣжно прижималась къ старику.

Старикъ умилялся.

Онъ, видимо, подпадалъ подъ ея вліяніе и часто говорилъ:

— Ворчунья Матрена Марковна, ворчунья, а вѣдь она добра мнѣ желаетъ, тоже я человѣкъ слабый — ну, боится, что все промотаю, что случится со мной что-нибудь.

— Да что ей за дѣло до твоего кармана?—говорилъ я.— А насчетъ позднихъ возвращеній домой можно не бояться, ты можешь ѣздить или нанять лакея. Вообще, дядя, не-

дурно бы намъ нанять особую квартиру и взять лакея. Тебѣ иногда нуженъ вѣрный слуга.

— Какъ же, птица ты, птица моя, а Матрена Марковна-то какъ останется?

— Да что она тебѣ? Родня, что ли?

— Ну, все же... благодѣтелемъ меня считаетъ...

— Ну, ты благодѣтелемъ и останешься...

— Да такъ-то оно такъ, только какъ же это я одинъ-то буду?.. Тутъ, знаешь, ребятишки забѣгутъ, она зайдетъ поговорить... а тамъ...

Я понималъ, что дядѣ трудно вырваться изъ когтей Матрены Марковны. Она же на другой день говорила мнѣ:

— Что это вы дядюшку-то подбиваете переѣхать? Стыдно вамъ, отъ васъ-то я этого не ожидала. Вы думаете, съ нимъ мнѣ легко возиться? Вы-то явитесь пообѣдать, чаю дома напьетесь и пропадете, а вѣдь я цѣлый день съ нимъ вожусь. Безъ меня-то онъ бы съ тоски пропалъ. Я ему больше родная, чѣмъ вы. Онъ вѣдь тоже мужчина...

— Ну, объ этомъ я не стану спорить,—улыбнулся я.

— Да, вамъ все смѣшки!

Я понималъ, что дѣйствительно мнѣ невозможно перевезти дядю на отдѣльную квартиру, не пожертвовавъ его или своимъ спокойствіемъ, но не хотѣлось мнѣ оставлять его и въ рукахъ Матрены Марковны. Она все больше и больше забирала его въ руки, и еще больше забиралъ его въ руки кавказецъ, появлявшійся къ дядѣ и вытягивавшій отъ старика деньги. Я ясно видѣлъ, что тетушка и ея достойный племянникъ находятся въ слишкомъ интимныхъ отношеніяхъ между собою и эксплуатируютъ довѣрчиваго старика. Онъ до того сталъ бояться ихъ, что не рѣшался въ праздники дѣлать обычныя закупки для раздачи знакомымъ бѣднякамъ и только тайкомъ развозилъ деньги этимъ несчастнымъ. Я невольно началъ подумывать о необходимости найти какой-нибудь исходъ для дяди. Бросить его въ этомъ случаѣ я не могъ, перевезти съ собою на отдѣльную квартиру тоже не имѣлъ ни возможности, ни права.

Однажды, раздраженный новой продѣлкой кавказца и его тетушки, я пришелъ къ Марьѣ Васильевнѣ въ тяжеломъ настроеніи. Паша братія вся была въ сборѣ, и я былъ радъ, что могъ не наводить тоски на присутствующихъ, не вмѣшиваясь въ разговоры и не подавая имъ вида, что мнѣ не по себѣ. Вдругъ среди оживленныхъ разговоровъ раздался вопросъ Наташи, обращенный ко мнѣ:

— А вы сегодня скучный?

Всѣ обратили вниманіе на меня.

— Въ самомъ дѣлѣ, что съ вами? — спросила Марья Васильевна, взглянувъ на мое хмурое лицо.

— Такъ, не весело что-то, — вздумалъ я отдѣлаться фразой.

— Ну, вотъ еще выдумали, барыня вы первая, что ли, что безъ причины бываетъ скучать!

— Домашнія дѣла разныя не веселы...

— А! Тайна!

— Нѣтъ, не тайна, но вамъ не доставитъ никакого удовольствія мои сѣтованія.

— А, можетъ-быть, что-нибудь сообща и вылумаемъ.

— Не думаю. Впрочемъ, попробую разсказать, если хотите.

Я сообщилъ все дѣло.

— Ахъ, бѣдный старикъ! Надо его вырвать оттуда? — покачала головой Марья Васильевна.

— Да, но какъ? — вздохнулъ я.

— Приводите его къ намъ, я люблю съ дѣтями возиться.

— Хорошо. Но ему будетъ неловко идти въ незнакомый домъ.

— Ну, къ Макарову пусть придетъ, а тамъ перетащимъ и сюда.

Я немного началъ надѣяться. Черезъ два дня я привелъ дядю къ Макарову. Онъ немного удивился, когда туда пришла и Марья Васильевна. Она тотчасъ заговорила съ нимъ, объяснила, что она давно слышала о немъ, что ей очень хотѣлось познакомиться съ нимъ. Дядя растаялъ и началъ кобенить хохолъ.

— Да, могу сказать, что Владиміръ меня любитъ и уважаетъ, — сказалъ онъ. — До сихъ поръ уважаетъ. Это рѣдкость въ нынѣшнихъ молодыхъ людяхъ.

— Ну, отчего же въ нынѣшнихъ? — улыбнулась Марья Васильевна: — бывали и прежде и непокорные, и покорные дѣти, такъ же, какъ теперь. А теперь покорныхъ еще больше. Вонъ здѣсь сколько молодежи, а всѣ они любятъ дядюшку-капитана.

Капитанъ усмѣхнулся самодовольной улыбкой.

— Дѣло въ томъ, капитанъ, каковы старики, — продолжала Марья Васильевна. — Вонъ, я думаю, не нужно быть и молодымъ, чтобы не любить и не уважать какого-нибудь Губонова.

Дядя вскипятился и загребъ рукою по волосамъ.

— Да-съ, это, я вамъ скажу, такой человѣкъ, котораго молодежи слѣдуетъ не любить такъ же, какъ и старикамъ,— заговорилъ онъ. — Вы можете ли себѣ представить, что онъ отравилъ лучшую пору моей жизни, погубилъ мою племянницу. И какой цвѣтокъ чистый она была, кажется, каждый лучъ солнца могъ притянуть ее къ себѣ!

— Вы долго съ ней жили?

— Я-то? Долго ли? Да я лучшіе годы прожилъ ею!—съ чувствомъ воскликнулъ дядя, оживленный воспоминаніями.— Сестра моя, покойница, когда вышла замужъ—несчастливо вышла замужъ—я сказалъ, что первый ея ребенокъ будетъ моимъ наслѣдникомъ. Родилась у нея дочь. Ахъ, какая это красавица была, только я въ жизни и видѣлъ двухъ такихъ хорошенькихъ дѣтей—ее и Володю, и видѣлъ я ихъ въ день ихъ рожденія... Это вѣдь мои дѣти были, мои, потому что вѣдь я что же? старый морякъ, старый авантюристъ,—и тѣ мои дѣти, которыя рождены отъ любимыхъ мною родныхъ. Росла она такая рѣзвая, бойкая, бѣгаетъ, поетъ...

Въ эту минуту въ комнату вбѣжала Наташа и быстро что-то заговорила теткѣ о чаѣ. Дядя остолбенѣлъ, онъ началъ щипать свои усы, всталъ и заходилъ по комнатѣ.

— Капитанъ, а это моя племянница,—сказала хозяйка.— Ты слышала про капитана?—обратилась она къ Наташѣ.

— А, это добрый такой старичокъ, Владиміра Михайловича дядя!—произнесла дѣвочка.

— Онъ, онъ самый, милая моя барышня,—проговорилъ дядя, наклоняясь къ ребенку и цѣлуя его въ лобъ.

Наташа съ изумленіемъ подняла на него свои свѣтлые глаза и тихо спросила:

— Вы плачете?

Въ комнатѣ вдругъ стало тихо; капитанъ еще разъ поцѣловалъ дѣвочку и прошелся по комнатѣ. Мы переглянулись между собою и не нарушали молчанія. Наташа задумчиво прилегла къ плечу тетки и безмолвно слѣдила за капитаномъ умными и немного потемнѣвшими глазами.

— Вы, капитанъ, не кончили разсказа,—прервала Марья Васильевна эту священную тишину тихимъ и задушевно произнесеннымъ вопросомъ.

— Извините, сударыня, извините... Все это такъ странно... не ожидалъ... воспоминанія...

Дядя сѣлъ въ волненіи и опустилъ на грудь голову.

— Давно, давно, смѣю васъ увѣрить, не переживалъ я

такого счастливого дня... Нашей семейной жизнью на меня пахнуло...

Онъ провелъ рукою по глазамъ и сноза принялся за разсказъ. То онъ волновался до слезъ, то онъ восторгался съ юношеской пылкостью, то горько передавалъ объ успѣхахъ своей покойной Маруси. Семейная жизнь, скитанье по морю, встрѣча съ дикими и цивилизованными народами, все это ожило въ его памяти и позолотило его. Хозяйка слушала его съ любопытствомъ и была тронута; Наташа же буквально вцѣпилась въ него глазами и потомъ перешла къ нему поближе. Продолжая разговоръ, онъ незамѣтно положилъ свою руку на плечо дѣвочки, потомъ подвинулся на диванѣ и усадилъ ее рядомъ съ собою, обнялъ ея талію. Ни онъ, ни дѣвочка, кажется, не замѣтили, какъ они постепенно все ближе и ближе сходились другъ съ другомъ, какъ они дошли до той простоты въ обращеніи, до которыхъ доходятъ внучата и ихъ дѣды.

Во время чая дядя не отпустилъ отъ себя Наташу, да и она не дѣлала попытокъ отодвинуться отъ него. Онъ намазывалъ ей хлѣбъ масломъ, подавалъ сухари. Разсказы то прерывались, то уклонялись отъ главнаго предмета и затянули весь вечеръ.

— Надѣюсь, что мы будемъ знакомы? —сказала хозяйка, прощаясь съ дядей.

— Я вамъ скажу, сударыня, что я давно, давно не былъ такъ счастливъ, какъ сегодня,—отвѣтилъ дядя и поцѣловалъ руку хозяйки по своей старой привычкѣ. — А васъ, милая барышня, позвольте поздравить.

Наташа подставила ему губы и звонко поцѣловала его.

— Какой онъ добрый, тетя! —задумчиво, покачивая головкой, говорила Наташа. — И какой онъ умный! Онъ умнѣе всѣхъ насъ.

— Онъ долго жилъ и много видѣлъ на свѣтѣ,—отвѣтила тетка. — «Бѣдняжка, немало онъ вынесъ, и гдѣ награда за все это? Одинокая старость, своекорыстныя хлопоты ближнихъ, никакого утѣшенія»,—печально размышляла тетка.

— Ну, Владимиръ, есть люди, такъ люди,—говорилъ дядя, возвращаясь домой.— Мать, мать твою она мнѣ напоминаетъ!..

— Кто? —спросилъ я.— Наташа?

— Да, и Наташа, и ея тетка, обѣ онѣ похожи на твою мать,—рѣшилъ дядя.

Я не возражалъ, хотя и зналъ: что ни Марья Васильевна, ни ея племянница не походили на мою мать.

— А что я, Володя, ничего такого неприличнаго не сказалъ?—тревожно спрашивалъ меня дядя.

— Нѣтъ.

— Ну, то-то же! Я, знаешь, отсталъ, сильно отсталъ отъ женскаго общества... Ты вѣдь знаешь, я въ свое время съ высшимъ кругомъ знакомъ былъ. Въ институтѣ, бывало, встрѣчался съ аристократами... генеральшу Зайчковскую и все ея семейство отлично зналъ. Да что говорить! Даже въ Англіи, въ бытность мою въ Портсмутѣ, начальникъ порта представилъ меня своему семейству и первымъ аристократкамъ въ городѣ. Ну, а теперь опустился я, отсталъ отъ женскаго общества. Конечно, Матрена Марковна тоже женщина... Ну, да вѣдь, самъ ты знаешь, нѣтъ у нея этого, этого... Какъ бы это тебѣ сказать? Нѣтъ у нея, знаешь, ничего женскаго... именно такъ... ничего женскаго... Ну, тоже и образованія нѣтъ... А это много значитъ, у-у какъ много значитъ, Володя!

Дядя давно не былъ такъ говорливъ и оживленъ. Мы рѣшили, что черезъ два дня онъ снова зайдетъ къ Маріѣ Васильевнѣ.

Она же на слѣдующій день замѣтила мнѣ, когда я пришелъ давать урокъ Наташѣ:

— Какъ вамъ не стыдно, что вы давно не познакомили меня съ дядей!

— Я боюсь, чтобы онъ не былъ вамъ въ тягость; онъ любитъ поговорить...

— Ахъ, Боже мой, да вѣдь я не ушами и не языкомъ шью. Да если бы я даже и не всегда могла говорить съ нимъ, то здѣсь у него найдется слушательница еще болѣе прилежная, чѣмъ я. Онъ одержалъ побѣду надъ Наташей, и она находитъ, что онъ умнѣе всѣхъ васъ...

Я вспомнилъ свои дѣтскіе годы и понялъ, какъ интересенъ былъ мой «бывалый» дядя для малютки. Я пересталъ стѣсняться, и со слѣдующаго дня дядя сдѣлался своимъ человѣкомъ у Маріи Васильевны. Наташа крѣпко ухватилась за дядю и, кажется, не намѣрена была уступить его кому-нибудь. Она разспрашивала его обо всемъ: объ англичанахъ и китайцахъ, о французахъ и американцахъ, объ океанѣ и о далекихъ городахъ, о матросахъ и офицерахъ.

— Вы мнѣ не забудьте будущій разъ о карнавалѣ разсказать,—задавала она дядѣ тему для будущаго визита, какъ будто предупреждая всѣ постороннія поползновенія завладѣть дядей.

Марья Васильевна никогда не говорила Наташѣ, что та можетъ надоѣсть дядѣ. Она замѣчала, что именно эти разсказы и манятъ главнымъ образомъ старика въ ихъ семью.

— Вы ей даете уроки географіи и исторіи, какихъ не дастъ ни одинъ профессоръ,—говорила Марья Васильевна дядѣ, бесѣдуя съ нимъ.—Я иногда просто готова завидовать вамъ. Вы сохранили въ себѣ память обо всемъ и живете въ самомъ разнообразномъ мірѣ воспоминаній, былыхъ лицъ, былыхъ картинъ. Я думаю, вамъ иногда пріятно сидѣть теперь въ затишьѣ и вспоминать перенесенныя бури?

— Да, особенно, если затишье такое, какъ здѣсь, въ такомъ маленькомъ раю,—говорилъ дядя.—У меня дома пустынно, сумрачно, безлюдно, какъ-то холодомъ и могилой вѣетъ... А тутъ, у васъ, цвѣты, птицы, веселый, молодой народъ, вы сами такая спокойная и радушная...

Капитанъ задумывался и глядѣлъ на огонь, сверкавшій въ сумеркахъ въ печи и бросавшій яркія пятна и узоры на окружающіе предметы: неслись передъ глазами капитана былые годы, былыя бури, крушенія, и въ этой тишинѣ онъ думалъ: не здѣсь ли берегъ, не здѣсь ли брошу я свой якорь?

VII.

Общественныя событія и частные интересы.

— Куда это вы зачастили ходить?—спрашивала Матрена Марковна, видя, что дядя очень часто началъ выходить со мною изъ дому по вечерамъ, и подозрѣвая что-то недоброе для себя.

— У старыхъ пріятелей бываю,—отвѣчалъ дядя, не желая и боясь говорить о сдѣланномъ имъ новомъ знакомствѣ.

— Ну, что вы мнѣ разсказываете, будто я не вижу, что вы не къ пріятелямъ ходите. Владиміръ Михайловичъ вашихъ пріятелей не знаетъ, а вы все съ нимъ ѣздите. Видно, опять съ какой-нибудь молодежью связались. Это ужъ не передъ хорошей погодой.

Дядю опять задѣли за живое эти пошлые упреки.

— Вы, Матрена Марковна, очень много воли себѣ дали, сто разъ я вамъ говорилъ это,—замѣтилъ онъ.—Я, кажется, имѣю право распоряжаться и своимъ временемъ, и своими знакомствами. Куда бы я ни ѣздилъ—это мое дѣло.

— Да кто же и говоритъ, благодѣтель, что не ваше!—заплакала Елкина.—Только ужъ если вы захвораете, такъ посмотрю я, кто ходить-то за вами будетъ. Вѣдь, хроматизмъ-то у васъ не дальше, какъ прошлаго года былъ, тогда кто

вамъ спину-то растиралъ, ужъ не Владиміръ ли Михайловичъ? А? Ужъ не его ли пріятели? Нѣтъ-съ? тогда, поди-ка, Матрена Марковна понадобилась... Гулять — ваше дѣло, а лѣчить Матрены Марковны дѣло...

— Да что же вы думаете, Матрена Марковна, что я не въ состояніи сидѣлку или фельдшера взять? Я вамъ очень благодаренъ, что вы ходили за мной, но вѣдь я же не пользовался вашими услугами даромъ.

— Ахъ, попрекать, попрекать вздумали! Не за деньги я ходила за вами, не за деньги я вамъ собой жертвовала, можетъ-быть, свое имя теряла.

Матрена Марковна расплакалась.

— Ну, полноте! Я васъ не хотѣлъ обижать,—замѣтилъ дядя, поправляя въ волненіи волосы.—Но вы меня попрекнули своими услугами, такъ я это и привелъ къ тому...

— Богъ съ вами, Богъ съ вами! Что я вамъ? Вы и другихъ за деньги найдете! Только любить-то васъ будутъ ли они... Я васъ не удерживаю, можете бросить меня съ дѣтьми... А они-то отцомъ васъ считали.

Дядя взволновался, особенно ради послѣдняго пункта. Ему дѣйствительно казалось, что дѣти Елкиной видятъ въ немъ отца. Матрена Марковна даже иногда увѣряла, что одинъ изъ нихъ «такой разбойникъ, весь въ капитана растетъ». Дядя видѣлъ въ этомъ сходствѣ слѣдствіе сильной привязанности ребенка къ нему. Плачущая Матрена Марковна, выходя отъ дяди, послѣ приведеннаго мною здѣсь объясненія, сообразила, что дѣло плохо, что надо принять экстренныя мѣры. Дядя, съ своей стороны, оставшись одинъ, началъ серьезно подумывать надъ разрѣшеніемъ вопроса: жить ли здѣсь или переѣхать? Его мысли еще не приняли никакого рѣшительнаго направленія, когда къ нему явился кавказецъ.

— Капитанъ, поговорить нужно!—началъ онъ, покручивая свои длинные усы.

— Прошу покорно, садитесь!—пригласилъ его дядя.

— Сяду. Объясненіе будетъ сложно,—угрожающимъ тономъ произнесъ кавказецъ.—Въ сущности оно могло бы быть очень просто, вы знаете меня: пришелъ, выбралъ оружіе, на позицію, разъ, два, три — бацъ! пуля въ високъ — въ арестантскія роты за дуэль — ничего! Не въ первый разъ! Но есть обстоятельства, усложненіе дѣла, обстоятельства, не позволяющія, какъ благородному человѣку, поступить рѣшительно. Дуэль — согласенъ. Убійство — никогда.

Дядя только хлопалъ глазами.

— Капитанъ, вы оскорбили мою тетку! — продолжалъ Ярышкинъ послѣ минутнаго молчанія, тѣмъ самымъ потрясающимъ и гробовымъ до удушливости тономъ, которымъ говорилъ въ тѣ времена Каратыгинъ въ «Гамлетѣ»: мать, ты оскорбила моего отца. — Она скрываетъ это отъ меня. Честная, любящая душа! Она знаетъ, я никому не позволю оскорблять ее, и боится выдать васъ! Но у меня глаза!

Кавказецъ такъ сверкнулъ налившимися кровью, воспаленными бѣлками своихъ глазъ, что дядя уже никакъ не могъ сомнѣваться въ томъ, что у кавказца дѣйствительно есть глаза.

— Да, у меня глаза! — повторилъ Ярышкинъ. — Вижу слезы, вижу, какъ она таетъ. Вы, конечно, не замѣтили, какъ она таетъ? Вы на это ужъ не обращаете вниманія!

— Позвольте, — началъ дядя.

— Нѣтъ-съ! Ни за что! — воскликнулъ кавказецъ. — Пришелъ объясниться; должны выслушать. Знаю все, что вы скажете въ оправданіе! Ба! я не позволю оправдываться! Тетушка плачетъ и таетъ! Какія тутъ оправданія? Сегодня я слышалъ, какъ она тихо шептала своему младенцу: твой папа бросаетъ насъ! Не станемъ разбирать, кто отецъ этого невиннаго ангела; но дѣти считаютъ васъ за отца-благодѣтеля, — значитъ, папа — это вы! Логика! Итакъ, узналъ, что вы бросаете женщину... Первое движеніе — вызвать на дуэль, раскроить голову, смыть кровью пятно съ чести семьи. Къ несчастью, я и тетка, мы вамъ должны, бездѣлицу правда, но должны. Стрѣляться съ кредиторомъ — убійство. Недостойно меня! Благородство души не позволяетъ. Но я вамъ долженъ сказать: я не допущу васъ переѣхать отсюда. Вы будете жить здѣсь, или я найду средство для отплаты виновнымъ! Вы человѣкъ сухой, бездушный, тряпица, поддаетесь вліяніямъ, — я найду того, подъ чьимъ вліяніемъ вы бросаете женщину! Говорите, васъ Владиміръ Михайловичъ подбиваетъ переѣхать отсюда, бросить честную, любящую женщину, бросить дѣтей?

Дядя молчалъ. Онъ пробовалъ уже нѣсколько разъ открывать ротъ для возраженій, но каждый разъ кавказецъ останавливалъ его повелительнымъ жестомъ, предписывавшимъ молчаніе. Дядя впалъ въ безнадежность.

— А, вы молчите! Угадалъ! — воскликнулъ Ярышкинъ. — Такъ знайте же: первый вашъ шагъ къ разрыву сдѣлается вами черезъ трупъ этого наглаго...

— Послушайте, однако!—не выдержалъ дядя и въ сильномъ волненіи заходилъ по комнатѣ.

— Ничего не хочу слушать! Говорю: вы переступите порогъ этого дома черезъ трупъ этого негодяя.

— Да вѣдь есть же законы!—воскликнулъ дядя.—Я попрошу полицію...

— А, такъ такъ-то вы хотите бороться съ благородными людьми!—заскрежеталъ зубами кавказецъ.—Вы хотите при помощи полиціи погубить ихъ? Но вѣдь и мы находимся подъ защитою законовъ. Мы представимъ свидѣтелей. Вы пользуетесь своими средствами. Но я, милостивый государь, найду дорогу. Старый служака, проливалъ кровь за отечество, заслуги обратятъ вниманіе на мою просьбу. Подумайте объ этомъ. Мы еще увидимся!

Кавказецъ пошелъ большими шагами къ дверямъ, взялся за ихъ ручку и вдругъ снова вернулся къ дядѣ угрожающей походкой.

— Мы еще увидимся!—проговорилъ онъ, сверкая глазами и чуть не касаясь своимъ носомъ лица дяди, и торжественно удалился изъ комнаты.

Дядя былъ встревоженъ не на шутку и боялся сказать мнѣ о случившемся, полагая, что у меня горячая кровь, что я не оставлю безъ наказанія нанесеннаго мнѣ оскорбленія. Бѣдный старикъ значительно слабѣлъ и терялъ способность ясно понимать совершающееся кругомъ него. Онъ не рѣшился въ этотъ день ѣхать со мною къ Меньшовой. уныло проходилъ весь вечеръ по своему кабинету и глубокомысленно раздумывалъ о томъ, что кавказецъ хотя и черезчуръ горячъ, но все-таки правъ, вполнѣ правъ, что онъ, капитанъ, самъ во всемъ виноватъ, завлекши честную женщину и желая теперь ее бросить, что, наконецъ, надо было раньше предвидѣть всѣ послѣдствія близкихъ отношеній къ ней. Съ грустью рѣшился онъ покориться своей участи и нести возмездіе за свои грѣхи.

Но какъ бы ни были грустны его мысли, онѣ все-таки не могли сравняться съ тѣми черными думами, которыя въ эту пору охватили меня и моихъ друзей.

Мы уже вышли изъ университета и поступили на службу, надѣясь послужить годъ, а потомъ отдаться вполнѣ той дѣятельности, планы которой окончательно созрѣли въ нашихъ головахъ... На первый разъ мы хотѣли устроить одну школу на Садовой или на Гороховой, вблизи отъ рынковъ, гдѣ очень густо бѣдное народонаселеніе мелкихъ торговцевъ и

мастеровыхъ. Если бы эта школа пошла удачно, то мы предполагали, что одинъ кто-нибудь изъ насъ отдѣлится, откроетъ такую же школу въ другой части города, гдѣ мы будемъ учить на тѣхъ же основаніяхъ дѣлежа всей прибыли, какъ и въ первой школѣ. Все шире и яснѣе становились наши планы, и, повидимому, мы могли надѣяться только на успѣхъ. Но именно эта-то надежда и начинала теперь слабѣть. Посѣщая различные кружки и преимущественно кружекъ Левина, я, какъ уже говорилось выше, съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе убѣждался, что въ обществѣ вѣетъ недобрымъ воздухомъ. Недовольство существующимъ носилось всюду, какъ зараза. Оно выражалось протестомъ и въ циническихъ неслыханныхъ оргіяхъ одной части общества, и въ казнокрадствѣ чиновниковъ, не имѣвшихъ средства существовать на свои оклады, и въ тогдашнихъ статьяхъ, и въ тогдашнихъ толкахъ о необходимости перемѣны въ общественномъ строѣ. Слухамъ и толкамъ, передававшимся тайкомъ, не было конца, и, какъ бы они ни были нелѣпы, слушатели и вѣрующіе находились всегда. Нервы были разстроены у всѣхъ, какъ передъ грозой, и страшнѣе, мучительнѣе всего было то, что трудно было угадать, откуда грянетъ и на кого обрушится гроза. Среди этого тяжелаго, давящаго состоянія начались толки о такихъ разнообразныхъ, но волнующихъ образованную часть общества, явленіяхъ, какъ паденіе Гоголя, французская революція, смерть Бѣлинскаго. По рукамъ ходили письма послѣдняго къ Гоголю и читались, комментировались съ жадностью. Среди этой петербургской паники вдругъ разнесся слухъ о какомъ-то «дѣлѣ». Слухи были самые тревожные и разнорѣчивые, большею частью преувеличенные, какъ это всегда бываетъ въ тѣхъ случаяхъ, когда какое-нибудь дѣло является подъ покровомъ тайны. Говорилось о множествѣ арестованныхъ лицъ. Въ числѣ ихъ называли многія извѣстныя мнѣ имена и, между прочимъ, имя Левина. Я былъ взволнованъ до крайности и съ горечью бесѣдовалъ у Меньшовой о несчастномъ дѣлѣ и его послѣдствіяхъ.

— Ну, утѣшала она: — теперь все кажется въ гораздо большихъ размѣрахъ, чѣмъ оно существуетъ въ дѣйствительности. Надо выждать время и не падать духомъ, можетъ-быть, все пойдетъ по-старому.

— Какого выжидать, и дождемся ли чего лучшаго! — замѣтилъ я. — И безъ того въ послѣднее время въ обществѣ словно сперся воздухъ, какъ-то тяжело дышалось, а что теперь будетъ?

Меньшова попробовала еще что-то сказать въ утѣшеніе, но какъ-то у нея ничего не вышло. Она нахмурилась и взволновалась.

— Эхъ, право, еще молодежь, а духомъ упали!—сказала она.—Даже на меня какой-то страхъ нагнали, точно вотъ передъ ночью о домовыхъ наговорили!

Мы всѣ молчали. Макаровъ, блѣдный и больной, полулежалъ на кушеткѣ. На немъ сильнѣе, чѣмъ на насъ, отзывалось всякое новое тревожное извѣстіе. Онъ только-что поступилъ въ университетъ, только-что началъ надѣяться стать лучшимъ человѣкомъ, только-что началъ принимать живое участіе въ нашей проектируемой школѣ, какъ вдругъ судьба снова готовилась подставить ему ногу. Опустивъ голову на грудь, онъ тяжело вздыхалъ отъ времени до времени и вздрагивалъ при малѣйшемъ шумѣ. Его нервы были раздражены окончательно. Мнѣ стало невыносимо это натянутое положеніе, я чувствовалъ необходимость выйти на свѣжій воздухъ, остаться одному, и поднялся съ мѣста.

— Куда же вы?—спросила хозяйка.

— Не сидится что-то! Домой!—отвѣчалъ я.

— Еще рано.

— Знаю, что рано, но что прикажете дѣлать, если нѣтъ силы оставаться гдѣ-нибудь долго? Знаете ли, господа, не лучше ли намъ теперь не такъ часто собираться вмѣстѣ?.. Подождемте...

— Ну, полно,—замѣтилъ Палицынъ.—Да что съ тобой? На тебѣ лица нѣтъ.

— Ага, братъ, струсилъ!—произнесъ Тишка со смѣхомъ, но его смѣхъ вышелъ какимъ-то искусственнымъ.—А еще воеводой хотѣлъ быть!

— Тутъ шутки не у мѣста, когда дѣло идетъ, можетъ-быть, о вашей нравственной жизни или смерти,— глухо и необычайно сурово промолвилъ Макаровъ.

Его глухой голосъ какъ-то странно отозвался въ моихъ ушахъ.

Мы взглянули на него: онъ уже стоялъ, опершись одною рукою о столъ, и былъ желтъ. Его худое лицо съ рѣзкими чертами осунулось болѣе обыкновеннаго, подъ глазами были какія-то темныя впадины.

— Лермонтова не стало, Гоголь свернулъ на подлую дорогу, Кольцовъ задохся подъ гнетомъ окружающей среды, Бѣлинскій умеръ,—теперь это нелѣпое дѣло, пересчитывалъ гробовымъ, удушливымъ голосомъ Макаровъ погибшихъ, и

его слова звучали, какъ поминовеніе усопшихъ на изнихадѣ.

— Что съ тобой? — спросилъ я, испугавшись конвульсивныхъ движеній лица Макарова.

Но прежде чѣмъ я успѣлъ опомниться, онъ рванулъ какъ-то судорожно ворогъ рубашки и, рыдая, упалъ на кушетку. Съ нимъ сдѣлался истерическій припадокъ. Мы стали хлопотать около него.

— Господа, ступайте по домамъ, — промолвила Меньшова, обращаясь къ намъ. — Я похлопочу, уложу его въ постель... Ему будетъ лучше безъ насъ..

Мы безмолвно поклонились и такъ же безмолвно вышли изъ дому.

— Пойдемте, братцы, выпьемъ съ горя, — обратился къ намъ Палладинъ, выходя изъ воротъ. — Можетъ-быть, долго не придется проводить вмѣстѣ время...

— Я не пойду, — рѣшительно отказался я отъ предложенія. — Лучше выпьемъ тогда, когда все устроимъ.

Я простился съ друзьями и пошелъ домой. У меня не выходили изъ головы рыданія Макарова. Въ этомъ случаѣ было что-то такое предзнаменовательное, пугавшее и безъ того невесело настроенную мысль. Я подходилъ къ дому и, переходя улицу, увидалъ въ нашихъ окнахъ свѣтъ.

— Неужели у дяди гости? — почти вслухъ проговорилъ я и удивился, такъ какъ у дяди никогда не бывало гостей въ эту пору. У воротъ стояла карета.

Взбираясь по темной лѣстницѣ, я наткнулся на кого-то впотьмахъ и, вздрогнувъ, спросилъ:

— Кто тутъ?

— Проходите, проходите, не ваше дѣло! — отвѣчалъ мнѣ грубый голосъ.

Я позвонилъ, но дверь передо мною отворилась какъ бы сама собою: передъ моими глазами мелькнули мундиры... У меня шелъ обыскъ...

Черезъ полчаса дядя дрожащею рукою крестилъ меня. Мы молча обнялись и разстались. Я сходилъ съ лѣстницы въ сопровожденіи полиціи. Дядя стоялъ на верхней площадкѣ и свѣтилъ намъ. Все было какъ-то мертвенно тихо. Вдругъ среди этой тишины звонко надтреснутымъ звукомъ прозвенѣлъ упавшій изъ рукъ дяди легкій подсвѣчникъ, свѣча вспыхнула еще разъ, какъ молнія, блеснула во мракѣ и погасла, — мы очутились въ непроглядной тьмѣ, среди которой слышались наверху старческія, сдерживаемыя рыданія.

— Я... я... тебя... погубилъ!—зазвучало въ моихъ ушахъ.

— Дядя, дядя!—крикнулъ я и хотѣлъ бѣжать къ нему. Меня остановили.

— Извините, у насъ нѣтъ времени. Мы и такъ слишкомъ замѣшкались.

Я ѣхалъ уже по темнымъ улицамъ, а въ моихъ ушахъ все еще звучала фраза дяди: «Я, я тебя погубилъ!» Неужели это правда? Неужели безъ него я благоденствовалъ бы и сдѣлался бы вторымъ Бубновымъ? Нѣтъ, добрый старикъ, не ты былъ виноватъ въ моей гибели! Ты хотя и вывелъ меня на эту дорогу, но и безъ тебя меня привелъ бы на нее Бубновъ. Разница только въ томъ, что теперь у меня есть хоть одна свѣтлая привязанность—привязанность къ тебѣ, а тогда была бы во мнѣ одна тупая, грызущая сердце ненависть...

«Дни, недѣли идутъ, и нѣтъ никакихъ извѣстій въ этой обители затишья и молчанія съ того свѣта жизни и движенія,—писалъ я обгрызкомъ карандаша на сѣромъ лоскуткѣ бумаги, сидя подъ арестомъ.—Живы ли вы, любимые, свободны ли вы или находитесь гдѣ-нибудь тутъ же, въ одной изъ сосѣднихъ комнатъ? Откликнитесь!» Тщетно я ждалъ отвѣта на эти вопросы, оставшіеся вопросами, обращенными къ пустому пространству, къ нѣмымъ стѣнамъ, оставшіеся письмами безъ адреса, положенными въ столъ, отъ котораго потерянъ ключъ.

А тамъ, на томъ свѣтѣ, шла тревога. Палицынъ, Шепелевъ и Леевъ жгли мои письма, тетради переписанныхъ стиховъ, сидѣли одиноко, видѣлись только на нѣсколько минутъ и спѣшили разойтись. Одинъ Макаровъ не истреблялъ ничего: ни одного письма, ни одной тетради, истребивъ въ нихъ только собственныя имена.

— Что это вы дѣлаете, зачѣмъ не предпринимаете предосторожностей?—говорила его хозяйка.

— Мнѣ все равно не жить долго, а на это время хочу сохранить воспоминанія о прошломъ,—отвѣчалъ онъ.

Черезъ нѣсколько дней исчезли и Шепелевъ, и Палицынъ, ихъ письма нашли у меня въ бумагахъ. Можно было впередъ предвидѣть, что все кончится благополучно, но, тѣмъ не менѣе, наши близкіе безпокоились за насъ. Дядя волновался и бѣгалъ по разнымъ переднимъ, не проникая въ пріемныя комнаты. Онъ горячился, выставлялъ свои заслуги передъ швейцарами и канцеляристами, и все-таки уходилъ домой усталый и измученный, не видавъ тѣхъ особъ, кото-

рая были нужны ему! Деловые люди были заняты дѣломъ, дядя же отличался [illegible]умѣньемъ ясно поставить вопросъ. Меньшова не забыла о старикѣ и два раза заходила къ нему, но не застала его дома. Матрена Марковна встрѣтила ее грубо; объявила ей, что къ ея жильцу «мамзѣли» не ходятъ, что она съ тѣмъ и внускаетъ жильца, чтобы онъ мамзелей не принималъ.

Марья Васильевна пропустила все это мимо ушей, но поняла, что дядѣ не скажутъ о ея визитахъ. Писать къ нему она боялась, зная, что Матрена Марковна можетъ перехватить письмо. Марья Васильевна съ настойчивостью женщины рѣшилась продежурить у дома дяди и подстеречь его. Попытка удалась.

— Что это вы, капитанъ, запропали? — упрекнула она дядю, останавливая его на улицѣ.—Я искала, искала васъ и едва нашла.

Дядя махнулъ рукой.

— Я радъ бы теперь, сударыня, въ могилѣ лежать, чтобы и не искали меня!—проговорилъ онъ съ горечью.—Вотъ-съ тоже-то я по цѣлымъ днямъ бѣгаю, бѣгаю, и вездѣ отказъ, вездѣ не могутъ принять. Все завтра, да завтра велятъ придти. Я старъ, я служилъ вѣрой и правдой — и ни къ дѣламъ, ни къ службѣ нѣтъ уваженія. Гдѣ же законы? гдѣ же справедливость?

— Ну, полноте, капитанъ!—пожала руку дяди Меньшова, увидавъ на его старческихъ глазахъ слезы.—У всѣхъ хлопотъ и безъ васъ довольно. Пойдемте ко мнѣ. Что-нибудь придумаемъ вмѣстѣ.

Онъ согласился. Долго толковали они обо мнѣ, выдумывали планы дѣйствія, и, наконецъ, Меньшову осѣнила отличная мысль.

— Вы были у Бубнова?—спросила она.

— Какого я чорта тамъ забылъ?—вспылилъ дядя и даже выразился неприличнымъ образомъ о Григорьѣ Даниловичѣ.

— Не чорта забыли, а идти надо,—улыбнулась Меньшова.— Онъ и практиченъ, и значеніе имѣетъ въ свѣтѣ. Переломите себя, или, если хотите, я пойду къ нему...

— Гм! зачѣмъ же?.. Я, пожалуй, съѣзжу самъ, но, право, изъ этого ничего не выйдетъ...

— Ну, да ужъ попробуйте!

Дядя поѣхалъ.

— Какъ о васъ доложить прикажете? — спросилъ дядю развязный петербургскій лакей Бубнова.

— Вотъ какъ нынче, безъ доклада не принимаютъ!— съ иронiей пробормоталъ дядя и сказалъ свою фамилiю.

Черезъ минуту передъ нимъ распахнулись двери.

— Капитанъ, мое почтенiе! Давно мы не видались!— произнесъ Бубновъ и, пригласивъ дядю сѣсть, тотчасъ же спросилъ:—Скажите, что съ Владиміромъ?

— Не знаю, его взяли,—отвѣчалъ дядя.

— А-а! — протянулъ Бубновъ. — Такъ вотъ почему онъ давно не былъ у меня!.. Скажите, онъ серьезно замѣшанъ?

— Помилуйте, онъ ни въ чемъ не виноватъ!

— Ну, не то, что ни въ чемъ не виноватъ, а, вѣроятно, немного. Даромъ никого не возьмутъ. Мы, капитанъ, всѣ виноваты, виноваты даже тѣмъ, что такъ легко относимся ко всему этому дѣлу и думаемъ, что у насъ можно взять и посадить невиннаго. Впрочемъ, не въ томъ дѣло. Вы, вѣроятно, пріѣхали сообщить мнѣ объ этомъ?...

— Да... я... я... хотѣлъ хлопотать, но...

Дядя замялся.

— Ну да, ну да, васъ, конечно, не приняли,— перебилъ его Бубновъ.— Гдѣ же дѣловымъ людямъ возиться съ просителями!.. Я сегодня буду въ клубѣ, такъ поговорю. Надо, надо немного образумить эту молодежь. Шутка ли, что задумали! Въ Парижѣ революцiя, а они изволятъ здѣсь чортъ знаетъ что толковать. Да, да, духъ этотъ надо истребить, тонъ понизить. Въ провинцiю ихъ, въ деревню, въ глушь ихъ надо. Пусть посмотрятъ на наше общество, поймутъ, можетъ ли оно требовать чего-нибудь... Ахъ, Владиміръ, Владиміръ, какъ это онъ скверно прорвался! А еще недавно толковалъ о поѣздкѣ въ деревню. Ну, вотъ теперь и поѣдетъ... Такъ я устрою все, поговорю.

— Похлопочите, пожалуйста,—промолвилъ дядя.

— Чего тутъ хлопотать? Увижусь и поговорю, — отвѣтилъ небрежно Бубновъ и всталъ.

Дядя тоже всталъ, но медлилъ уходомъ.

— Я попрошу васъ,—началъ онъ черезъ силу.—Я попрошу... Успокойте меня... Дайте знать, если будутъ какiя извѣстiя.

Дядя былъ жалокъ, обращаясь съ просьбой къ своему врагу.

— А, да! Вашъ адресъ?— надменно спросилъ Бубновъ.

Дядя далъ свой адресъ. Онъ не узнавалъ Бубнова. Это былъ развязный и важный баринъ, говорившiй небрежно и внушительно, смотрѣвшiй легко на страшныя для дяди вещи

и лица, не считавшій нужнымъ «хлопотать» и считавшій вполнѣ достаточнымъ «поговорить», чтобы дѣло сдѣлалось по его желанію. Дядя никогда не умѣлъ отличить напускной важности отъ настоящей.

Дядя возвратился къ Маріѣ Васильевнѣ и разсказалъ ей сущность переговоровъ.

— Ну, слава Богу, теперь все пойдетъ отлично,—успокоила она старика.

— Я далъ вашъ адресъ, и потому вы мнѣ ужъ позвольте бывать у васъ ежедневно,—сказалъ дядя.

— Сдѣлайте одолженіе! Я буду рада и за васъ, и за себя. Мнѣ тяжело теперь одной, безъ молодежи. Макаровъ все сидитъ у себя, не говоритъ почти ни съ кѣмъ. Вы и его развлечете извѣстіями о Владимірѣ Михайловичѣ.

Дядя сталъ ходить къ Меньшовой и проводить у нея цѣлые дни. Дня черезъ четыре получилось отъ Бубнова письмо. «Я говорилъ о Владимірѣ,—писалъ мой отчимъ.—Какъ я предполагалъ, такъ оно и есть. Онъ велъ себя неосторожно, видѣлся два раза съ однимъ изъ главныхъ лицъ, замѣшанныхъ въ дѣло, и даже говорилъ съ нимъ. Съ другимъ изъ подсудимыхъ онъ стоялъ въ довольно близкихъ отношеніяхъ, хотя и не зналъ, повидимому, о дѣлѣ. Есть надежда, что мнѣ удастся помочь ему, насколько я имѣю право помогать человѣку, во всякомъ случаѣ виновному и достойному порицанія. Что будетъ—сообщу».

Это письмо читалось и перечитывалось, разбиралось и комментировалось въ квартирѣ Маріи Васильевны до тѣхъ поръ, пока бумажка не пришла въ ветхость. Тогда дядя спряталъ письмо и перечитывалъ его только въ одиночествѣ. Часто теперь, глядя на это письмо, я думаю: сколько тревогъ, сколько надеждъ и сомнѣній пережилъ каждый изъ этихъ любящихъ людей, покуда они могли еще разбирать строки этого лоскутка бумаги, этой первой масляничной вѣсти, занесенной къ обитателямъ погибающаго корабля. Вслѣдъ за этимъ письмомъ пришло второе, потомъ третье, все въ томъ же духѣ, и, наконецъ, Бубновъ написалъ дядѣ: «Владиміръ будетъ освобожденъ, но его переведутъ на службу въ провинцію». Черезъ три или четыре дня послѣ полученія дядею этого письма, я обнималъ дядю, Лёсика, Марью Васильевну, Наташу, Макарова, горничную Меньшовой, Аннушку... Я готовъ былъ обнять каждаго дворника, каждаго лавочника. Всѣ были рады за меня, и только Макаровъ, пожавъ мнѣ руку и по-

цѣловавъ меня, оставался попрежнему унылъ и мраченъ. Онъ былъ похожъ на мертвеца. О Шепелевѣ и Палицынѣ не было ни слуху, ни духу. Я былъ у Бубнова, чтобы поблагодарить его. Онъ принялъ меня радушно и даже сшутилъ:

— Не благодарите меня, я сдѣлалъ дѣло въ надеждѣ взять потомъ взятку въ пользу Мишели.

Я разсмѣялся, но шутка показалась мнѣ слишкомъ похожею на правду. Я даже подозрѣвалъ, что Бубновъ въ сущности ничего не сдѣлалъ, и не могъ сдѣлать, и что все совершилось своимъ законнымъ порядкомъ.

Я торопился уѣхать изъ Петербурга или, лучше сказать, торопился не я, но меня торопили. До моего отъѣзда освободили Палицына и Шепелева. Они были совершенно оправданы, и я удивился, узнавъ, что и они уѣзжаютъ изъ Петербурга. Оказалось, что къ Палицыну прискакалъ его добрякъ-отецъ и со слезами уговорилъ сына ѣхать въ деревню, объясняя, что его мать умретъ, если онъ останется еще хоть на мѣсяцъ въ этомъ омутѣ. Родитель Шепелева не пріѣхалъ, но написалъ ему лаконическое письмо такого содержанія: «Анатолій, если ты тотчасъ же не пріѣдешь сюда, гдѣ для тебя приготовлено мѣсто у губернатора, то я велю тебя привести по этапу. Твой отецъ Василій Шепелевъ». Результатъ совершенно различныхъ дѣйствій двухъ отцовъ былъ одинъ и тотъ же: Палицынъ испугался возможности убить свою чувствительную и нѣжную мать неповиновеніемъ, Шепелевъ побоялся путешествія по этапу, и оба согласились ѣхать въ провинцію. Дядя непремѣнно хотѣлъ ѣхать со мною, но я зналъ, каково будетъ ему жить въ глуши, гдѣ, пожалуй, не найдешь ни хорошаго доктора, ни хорошей сидѣлки, въ случаѣ его болѣзни. Онъ былъ старъ, ему нуженъ былъ покой. Я просилъ его повременить, подождать, покуда я устроюсь на мѣстѣ.

— Что же я буду дѣлать? — говорилъ онъ покорнымъ, почти дѣтскимъ тономъ.—Матренѣ Марковнѣ я никогда не прощу того, что она отказала Марьѣ Васильевнѣ... Я ее теперь просто боюсь... Она удушитъ меня. Ей-Богу, удушитъ... И знаешь ли, Володя, что я подозрѣваю?

Я недоумѣвалъ.

— Я думаю, что во всемъ этомъ дѣлѣ козни кавказца!

— Гдѣ, дядя?

— А вотъ, что тебя и всѣхъ нашихъ взяли,—таинственно

говорилъ дядя. — Я тебѣ не хотѣлъ говорить, но у насъ было крупное объясненіе съ нимъ, и я пятѣлъ неосторожность пугнуть его полицией. Конечно, я тутъ былъ кругомъ виноватъ. Онъ благородно объяснялся со мною, а я полицией его пугнулъ. Услыхалъ это, онъ сказалъ: «А если такъ, то я найду защиту». А черезъ нѣсколько дней тебя и взяли...

Я улыбнулся и промолчалъ. Болѣе, чѣмъ когда-нибудь, я чувствовалъ необходимость хорошаго ухода за дядей. Старикъ, опускавшійся все ниже и ниже, теперь пошатнулся окончательно и быстро шелъ къ тому полудѣтскому состоянію, къ которому такъ часто возвращаются люди подъ старость. Мнѣ было и грустно, и тяжело.

Вечеромъ передъ моимъ отъѣздомъ мы собрались къ Маріѣ Васильевнѣ. Я сообщилъ ей мои тревоги. Она задумалась.

— Не согласится ли онъ переѣхать ко мнѣ? — сказала она. — Лишняя комната у меня есть, теперь гостей принимать не буду... Уходъ за нимъ тоже будетъ.

— Я не знаю, какъ васъ благодарить!

— Э, Боже мой, не въ благодарности дѣло, а въ согласіи вашего дяди.

— Конечно, онъ согласится!.. Дядя, — обратился я къ старику.

Меньшова встала и вышла, чтобы не мѣшать дядѣ свободно выразить свое мнѣніе.

— Тебѣ Марья Васильевна предлагаетъ переѣхать къ ней, — сказалъ я.

— Какъ, голубчикъ, что ты?! Ахъ, она добрая, добрая, — заволновался дядя. — Въ маленькій расчетъ... Мнѣ, старику... Господи, въ царство небесное прежде смерти попаду!

— Такъ ты согласенъ?

— Еще бы, еще бы, — заговорилъ дядя, и вдругъ снова его лицо приняло тоскливое и робкое выраженіе. — А какъ же Матрена Марковна? Она... кавказецъ, главное... не пустятъ они меня... Преслѣдовать начнутъ... Вѣдь онъ на все рѣшится... Ей-Богу, на все... Онъ снова въ полицію пойдетъ... Онъ тебя убьетъ... черезъ твой трупъ пройду... — бормоталъ дядя.

Опять у меня сжалось сердце. Я не зналъ, что дѣлать. Въ это время вернулась въ комнату Марья Васильевна. Она, кажется, удивилась, увидавъ наши печальныя лица, и вопросительно взглянула на меня. Я понялъ ее.

— Дядя очень радъ переѣхать къ вамъ, — сказалъ я: — и считаетъ это просто благодѣяніемъ съ вашей стороны. Но нѣкоторыя обстоятельства пугаютъ его. У него, знаете, въ теченіе долгихъ лѣтъ явились кое-какія обязательства, чисто призрачныя, впрочемъ, привязывающія его къ той семьѣ, гдѣ онъ живетъ. Она считаетъ въ правѣ преслѣдовать его, и онъ боится, что эти люди надѣлаютъ вамъ непріятныхъ сценъ...

— О, это ничего!—отвѣчала Меньшова.

— Сударыня, вы ангелъ, чистый ангелъ! — воскликнулъ дядя, цѣлуя руку Марьи Васильевны. — Но вы не знаете этихъ людей... Они и меня, и васъ погубятъ...

Я тихо, со вздохомъ покачалъ головой. Марья Васильевна потерла свой лобъ, какъ бы придумывая что-то.

— Послушайте,—сказала она черезъ минуту.—Это можно устроить.

Дядя насторожилъ уши.

— Вы выпишитесь за городъ и поѣзжайте завтра вмѣстѣ съ Владиміромъ Михайловичемъ,—начала она.—У заставы мы васъ пересадимъ въ карету и привеземъ сюда. Конечно, надо будетъ пожертвовать имъ мебелью, чтобы они вполнѣ повѣрили вашему отъѣзду въ провинцію...

Дядя ожилъ, какъ ребенокъ.

— Отлично, отлично!—заговорилъ онъ. — За городъ выпишусь и потомъ къ вамъ переѣду. Тогда не отыщутъ меня. Вѣдь я выхожу рѣдко, не встрѣчусь съ ними.

Я поблагодарилъ Меньшову. Дядя началъ болтать и снова былъ и разсудителенъ, и интересенъ въ своихъ рѣчахъ. Наташа бѣгала около него и называла его «дѣдушкой». Старикъ былъ радъ, ему казалось, что это была дѣйствительно его внучка. У меня отлегло отъ сердца, теперь я могъ уѣхать спокойно, не волнуясь, по крайней мѣрѣ, за дядю.

— Ну, братъ, вотъ я и у берега. Вынесъ послѣднее крушеніе и спасся,—говорилъ онъ.

— Да, дядя, ты закаленный морякъ, а мы неопытные юнги, — улыбнулся я, обнимая его. — Куда прибьетъ насъ волнами, Богъ знаетъ! Теперь опять все вверхъ дномъ перевернулось. Опять новую жизнь приходится начинать. Точно муравей натаскиваешь, натаскиваешь прутиковъ, соломинокъ со своими собратьями, и вдругъ судьба, какъ праздный прохожій, дотронется своей палкой до строящейся кучи, разворотитъ муравейникъ — и все разрушено. Кто

придавленъ, кто отецъ отъ семьи, у кого домъ разоренъ. А сколько усилій стоило собраться въ кучу, начать дружно работать, отыскать дорожки къ цѣли; сколько надежъ соединялось съ каждой ничтожной соломинкой, съ каждымъ шагомъ на вершину едва замѣтнаго для посторонняхъ пригорка! И опять всѣ идемъ въ разбродъ, и опять вспомнимъ сознаніе, что здѣсь нельзя намъ строиться такъ, какъ мы хотѣли.

Я былъ тяжелою, тоскливо настроенъ. Не веселы были и другіе. Не смѣялся даже Левъ, а если и смѣялся, то въ его смѣхѣ впервые начала звучать какая-то злая, ироническая нотка. Шепелевъ былъ мрачнѣе всѣхъ, онъ, по обыкновенію, молчалъ, но на его лицѣ было написано глубокое страданіе. Несчастный математикъ никакъ не могъ переварить мысли, что ему будетъ нужно теряться въ губернской канцеляріи и переписывать бумаги. Одинъ Макаровъ былъ не грустенъ, но какъ-то нервно раздражителенъ, озлобленъ.

— Обживетесь въ деревняхъ! — говорилъ онъ. — Женитесь. — вотъ вамъ и муравейникъ, прочный муравейникъ: никто не умретъ отъ несваренія въ желудкѣ вы или ваши сосѣдушки, никакія силы не разорятъ этого муравейника. Если сами хотите его разорить, такъ и тогда не удастся его уничтожить.

Я ѣхалъ отдыхать. Отдыхать? отъ чего, что было сдѣлано? Ничего. Были только надежды, подготовленія къ работѣ, не было даже вполнѣ найденнаго пути, а между тѣмъ уже приходилось отдыхать послѣ этой передряги, приходилось строить новые планы.

VIII.

Въ захолустьѣ.

.. Большіе села, города, цивилизованный міръ остались гдѣ-то въ сторонѣ, сзади, сбоку. Меня окружалъ со всѣхъ сторонъ высокій, невозмутимо-спокойный лѣсъ, съ навалеными внизу сучьями, прутьями, листьями, съ засохшими деревьями, спутавшимися вѣтвями съ здоровыми деревьями. Здѣсь ель, должно-быть подрубленная по ошибкѣ или сломанная бурею, пошатнулась на бокъ и придавила нѣсколько деревъ, охвативъ одно изъ нихъ своими нависшими вѣтвями, она походила на мертвеца съ опущенными руками, упавшаго на живого человѣка, поставившагося туловищемъ назадъ, подъ тяжестью мертваго тѣла, а сквозь ея опущен-

ныя вѣтви пробивались зеленые побѣги, какъ живыя руки, поднимавшіяся съ мольбой къ небу. Тамъ виднѣлась цѣлая семья необычайно тонкихъ березъ, съ длинными, кудрявыми вѣтвями; двѣ изъ березъ вытянулись до того, что согнулись дугою подъ тяжестью вѣтвей и словно кланялись одна другой, образуя импровизованную арку. Внизу мохъ, съ пробившеюся сквозь него лакированною грубою зеленью брусники и жиденькими, блѣдными вытянувшимися стеблями черники и голубицы. Дальше топорщились кусты папоротника. Кое-гдѣ мелькали большіе красные цвѣты, но, подъѣзжая ближе, я увидалъ, что это не цвѣты, а испещренныя бѣлыми крапинками неуклюжія головы мухоморовъ. Въ воздухѣ вѣяло сыростью и свѣжестью, несмотря на жаръ, донекавшій насъ еще такъ недавно, когда мы ѣхали полемъ. Мы ѣхали-ѣхали этимъ безконечнымъ лѣсомъ, и вдругъ неожиданно передъ нами открылся небольшой лугъ, за нимъ садъ и барскій домъ съ деревней въ сторонѣ... Я въѣзжалъ въ свою деревню. Надолго ли?—я этого еще не зналъ, такъ же не зналъ, какъ не зналъ прежде и того, что мнѣ удастся попасть хоть, по крайней мѣрѣ, въ свою деревню черезъ четыре года послѣ выѣзда изъ Петербурга. Да, уже четыре года прошло съ тѣхъ поръ, какъ я уѣхалъ въ провинцію. Я могъ бы, повидимому, написать множество главъ объ этихъ четырехъ годахъ,—но всѣ эти главы мнѣ пришлось бы озаглавить тремя словами: «одиночество, бездѣйствіе и скука». Именно это впечатлѣніе производитъ мой толстый дневникъ, веденный мною въ провинціи. Перечитывая его, я удивляюсь, какъ я могъ пережить эту пору. Эти четыре года были такъ же похожи другъ на друга, какъ былъ похожъ каждый ихъ день на всѣ предъидущіе и на всѣ послѣдующіе дни моего пребыванія въ губернскомъ городѣ. Всѣ жители этого небольшого города, заброшеннаго на сѣверъ, смотрѣли на меня косо, да и я самъ смотрѣлъ не болѣе привѣтливо на нихъ, не имѣя съ ними ничего общаго и зная, что они—одни по обязанности, другіе изъ любознательности — слѣдятъ за каждымъ моимъ шагомъ, за каждымъ моимъ словомъ, ищутъ только пятенъ въ моей жизни. Мнѣ нужно было быть тише воды, ниже травы, мнѣ нужно было бездѣйствовать и не выражать своихъ мнѣній, мнѣ нужно было молчаливо переписывать официальныя бумаги и вѣжливо пожимать руки тѣмъ, кого я не пустилъ бы на порогъ къ себѣ, при другихъ обстоятельствахъ. Только этою цѣною я могъ купить свое возвра-

ченіе туда, куда такъ сильно манили меня мои мечты и планы. Не жить одному, бесѣдовать только съ книгой, писать неоткровенныя письма, получать недоговорённыя, неполныя извѣстія отъ друзей—это невыносимо. Мнѣ нужно было найти хоть одну живую душу, чтобы спастись отъ ужаса одиночества. Сначала я намѣревался учить дѣтей, но это оказалось невозможнымъ, несмотря на всѣ мои старанія. Только случай помогъ мнѣ найти одного ученика. Съ первыхъ же дней своего пріѣзда въ городъ я поселился у одной бѣдной вдовы мелкаго чиновника, Никифоровой. Она перебивалась кое-какъ, получая небольшую пенсію и отдавая въ наймы свой домикъ, состоявшій изъ трехъ комнатъ. Эти доходы были такъ не велики, что ей было трудно прокормить себя, свою старую мать и своего тринадцатилѣтняго племянника Гришу. Этотъ мальчикъ держался тетково въ черномъ тѣлѣ, терпѣлъ не мало упрековъ и непріятностей отъ сварливыхъ родственницъ, и тотчасъ же послѣ моего переселенія въ домъ Никифоровой явился къ моимъ услугамъ для уборки въ комнатахъ, для исполненія мелкихъ порученій. Это былъ смышленый, худенькій и высокій мальчуганъ. Несмотря на провинціальную дикость и неловкость, несмотря на забитость, въ немъ хранились слѣды какой-то мягкости и нѣжности, слѣды, такъ часто встрѣчающіеся въ бѣдныхъ дѣтяхъ, живущихъ когда-то въ холѣ и довольствѣ и потомъ попавшихъ въ нищенскій уголъ, подъ гнетъ озлобленныхъ нуждою ближнихъ. Мнѣ стало жаль его, и я поспѣшилъ объявить его теткѣ, что я найму себѣ слугу, чтобы избавить Гришу отъ роли мосго лакейчика. Никифорова замѣтила мнѣ, что съ ея племянникомъ нечего церемониться, что онъ «не великъ баринъ», но, тѣмъ не менѣе, не отказалась отъ моего предложенія, когда я сказалъ, что я буду содержать мальчугана на свой счетъ. Возможность избавиться отъ лишняго рта соблазнила хоть кого. Поговоривъ съ Гришей, я увидалъ, что онъ хотѣлъ бы учиться, и предложилъ ему свои услуги въ качествѣ учителя. Такъ какъ ему приходилось жаться со своею теткою и бабкою въ маленькой каморкѣ и въ кухнѣ, то я предложилъ ему переселиться въ мой кабинетъ. Я не зналъ, что можетъ выйти и выйдетъ ли вообще что-нибудь доброе изъ мальчугана, но мнѣ хотѣлось, какъ я сказалъ, имѣть около себя хоть одно живое существо. Мальчику казалось, что я дѣлаю ему неслыханное благодѣяніе, и онъ скоро привязался ко мнѣ, сначала

какъ къ доброму барину, потомъ—какъ къ другу. Онъ не понималъ, что, уча его, няньчась съ нимъ, я въ сущности спасалъ себя отъ того убійственнаго одиночества, которое окончательно могло свести меня съ ума, довести до апатіи, до примиренія съ той средой, куда я попалъ, или до пьянства. Почти годъ продолжались между мною и Гришей натянутыя, неровныя отношенія, почти годъ онъ церемонился со мною, и эти церемоніи доходили иногда до смѣшного: такъ, напримѣръ, онъ никогда не рѣшался лечь спать раньше меня и, несмотря на одолѣвавшую его дремоту, выжидалъ, когда лягу я,—но, наконецъ, мнѣ удалось поставить его къ себѣ въ тѣ дружескія и искреннія отношенія, которымъ не суждено было прерываться никогда. Мальчикъ съ жадностью схватился за науку, и чѣмъ шире развертывалась передъ нимъ область знанія, тѣмъ сильнѣе хотѣлось ему научиться всему. Въ концѣ второго года моего пребыванія въ домѣ Никифоровой мнѣ пришлось пригласить двухъ учителей для занятія съ Гришею. Эти господа познакомились со мною въ городской библіотекѣ и нерѣдко проводили вечера въ моей квартирѣ. Губернская аристократія относилась къ нимъ съ пренебреженіемъ, какъ къ пролетаріямъ; они, бывшіе когда-то студентами, довольно развитые, платили губернской аристократіи тою же монетою, сознавая всю ея умственную ничтожность, всю ея нравственную несостоятельность. Они были рады моему знакомству. Мы сошлись довольно близко, и нашъ маленькій кружокъ наслаждался тою немного грустною, немного однообразною, но все-таки, не лишенною прелести, мирною и безмятежною жизнью, какую можно устроить только въ провинціи, замкнувшись въ своемъ домѣ съ нѣсколькими близкими людьми и отшатнувшись отъ всего остального, враждующаго между собою люда. Иногда мы проводили вечера за чтеніемъ, подчасъ дѣлились газетными и литературными новостями и своими личными радостями и печалями, порой насъ радовала возможность выместить свои неудачи хотя злословіемъ и передачей грязныхъ слуховъ про ненавистныхъ намъ людей, нерѣдко мы просто наслаждались затишьемъ, лѣниво перекидываясь незначительными фразами; часто, въ лѣтнее время, мы устраивали parties de plaisir, занимались уженьемъ рыбы, катаньемъ по рѣкѣ, посѣщеніемъ ближайшихъ деревень. Но всегда и во всемъ, смотря на насъ, можно было безошибочно угадать, что мы только хотимъ кое-какъ убить переходное

время, что мы нетерпѣливо ждемъ какой-то другой поры, другой жизни, что если бы у насъ не было надеждъ на эту жизнь, то мы или покончили бы съ собою, или жили бы съ горя. Съ тоской вспоминаю я теперь объ этихъ бѣляхъ. Я зналъ, что имъ не удастся дождаться иной жизни. И какая же иная жизнь можетъ начаться для бѣднаго учителя, заброшеннаго въ провинцію? Притѣсненія и нужда, одиночество и скука—вотъ все, чѣмъ богато его существованіе! Эта жизнь оставила неизгладимыя черты въ моемъ характерѣ. Въ немъ и прежде было много того, что называлось въ наше время «слѣпостью». Теперь эта сторона моего характера развилась еще болѣе. Я все ясніе и ясніе сознавалъ, что передо мною стоятъ не злые и не порочные, но глупые и невѣжественные, и, прежде всего, больные люди, требующіе не наказаній, не злобы, но исцѣленія и любви. Я пересталъ раздражаться на свою долю, но старался приноровиться и къ ней, извлечь какъ можно болѣе счастья и изъ нея. Я началъ хладнокровнѣе смотрѣть на всѣ невзгоды и на вражду людей. Мнѣ казалось, что невзгоды должны пройти и смѣниться счастьемъ, а потому надо терпѣливо переносить ихъ, чтобы счастье не застало меня ослабѣвшимъ отъ невзгодъ или убитымъ ими. Если же невзгоды и не пройдутъ, думалось мнѣ, а смѣнятся еще большими несчастіями, то и въ этомъ случаѣ нужно переносить хладнокровнѣе настоящее горе, чтобы не погубить своихъ силъ, необходимыхъ для борьбы съ болѣе грозными ужасами будущаго. Всѣ враждебныя выходки людей, всѣ грязныя сплетни перестали задѣвать меня за живое, и я твердо вѣрилъ, что сегодняшніе враги придутъ завтра ко мнѣ же за помощью, за совѣтомъ или просто будутъ краснѣть передо мной, видя, что я не отвѣчаю на ихъ мелкія злобныя клеветы и иду твердо и спокойно своимъ прямымъ путемъ. И какъ счастливъ былъ я въ эти четыре года, зная, что послѣ мелкихъ дрязгъ на службѣ, послѣ скверныхъ встрѣчъ съ моими сослуживцами, я могу отдохнуть дома и забыть все подъ дружескія рѣчи развивавшагося подъ моимъ вліяніемъ мальчика. Какъ заботливо, съ любовью отца, слѣдилъ я за его успѣхами въ лучшую пору его развитія! Никогда въ моей жизни еще не встрѣчалось болѣе чистыхъ и болѣе теплыхъ отношеній, чѣмъ мои отношенія къ Гришѣ. Онъ принадлежалъ къ тому сорту неиспорченныхъ, мягкихъ, человѣчныхъ натуръ, которыя у насъ называются «прямыми душами». Чужое горе—было

его горе, чужая радость — была его радость. Онъ со слезами разсказывалъ о чужихъ несчастіяхъ, онъ спѣшилъ первый передать вѣсть о чужой радости; иногда онъ даже досадовалъ и печалился, если ему не удавалось сдѣлаться первымъ вѣстникомъ чужого счастія, точно это обстоятельство должно было доказать недостатокъ его симпатіи къ ближнимъ. Въ четыре года мы привыкли радоваться однѣми радостями, тосковать одною тоскою. Помню я, какъ радостно бѣжалъ онъ ко мнѣ, когда я возвращался изъ канцеляріи губернатора, и кричалъ мнѣ:

— Письма пришли изъ Петербурга, Владиміръ Михайловичъ! И дядюшка, и Марья Васильевна, и Макаровъ, и Лесевъ пишутъ.

Онъ зналъ ихъ всѣхъ, зналъ ихъ почерки. Мы садились вмѣстѣ послѣ обѣда и читали эти письма вслухъ, точно ихъ писали не мнѣ одному, а и ему. Да и точно: ихъ писали и къ нему: его уже любили мои друзья. Ярко возстаетъ въ моей памяти одинъ день,—это было черезъ четыре года послѣ моего пріѣзда въ провинцію,—когда я получилъ письмо отъ дяди, гдѣ старикъ писалъ мнѣ: «Да благословитъ Богъ твоего добраго друга Гришу за то, что онъ хранитъ твою жизнь. Это, Володюшка, ангелъ-хранитель, посланный тебѣ Богомъ. Всегда я говорилъ тебѣ, что никакая людская злоба не погубитъ насъ, если мы правы передъ Всевышнимъ. Люди могутъ запереть насъ въ темницу, могутъ приставить къ намъ стражу, могутъ отнять у насъ все дорогое нашему сердцу, а Онъ пошлетъ намъ Своего ангела, и тотъ раздѣлитъ наше одиночество. Только мы сами своими дурными дѣлами и своею злобою можемъ лишить себя этого счастія. Береги же своего друга и не лишай себя счастія. Будь для него тѣмъ, чѣмъ я былъ для тебя». Когда я читалъ это мѣсто, я услыхалъ, что Гриша плачетъ; я обернулся къ нему, онъ горячо меня обнялъ и поднесъ мою руку къ своимъ губамъ. Я не отнималъ руки, я не говорилъ ему, что не слѣдуетъ цѣловать моихъ рукъ; въ этомъ поцѣлуѣ не было слѣдовъ холопскихъ отношеній слуги къ барину, это было простое выраженіе той горячей, безпредѣльной любви, которая связывала насъ. Я зналъ, что, можетъ-быть, будетъ минута, когда и я невольно поцѣлую его руку, какъ цѣловалъ я иногда руку моего дяди. Оставивъ письма, не дочитывая ихъ, мы сидѣли, обнявъ другъ друга, и бесѣдовали о будущемъ. Какой широкій міръ открывался передъ Гришей, какъ онъ надѣялся поступить въ академію, сдѣлаться по-

лѣнымъ дѣятелемъ, идти рука объ руку со мной! Какъ увлекали меня его юныя мечты, и снова мнѣ казалось, что я и сильнѣ, и умнѣе, и что по мнѣ не прокатило тяжелое колесо всесокрушающихъ обстоятельствъ.

— Владиміръ Михайловичъ,—очнулся Гриша отъ своихъ мечтаній.—тутъ вѣдь есть еще письмо отъ Бубнова.

— Ну, прочтемъ,—сказалъ я.—Что-то онъ пишетъ?

«Вамъ позволено переѣхать въ свою деревню»,—писалось въ первой строчкѣ письма...

— Не читайте, не читайте дальше!—крикнулъ Гриша, вырывая у меня изъ рукъ письмо.—Дальше пойдутъ наставленія. Чортъ съ ними!

Онъ бѣгалъ по комнатѣ, онъ прыгалъ, какъ ребенокъ, онъ обнималъ меня.

— Въ Петербургъ, въ Петербургъ мы ѣдемъ!—кричалъ онъ.—Деревня только станція! Сегодня у насъ праздникъ,—говорилъ онъ и начиналъ зажигать свѣчи.—Иллюминацію! иллюминацію! Пусть всѣ черти знаютъ, что у насъ праздникъ!

Я смѣялся его юношеской выходкѣ и послалъ пригласить къ себѣ нашихъ знакомыхъ учителей гимназіи. Мы достали нѣсколько бутылокъ краснаго вина и устроили импровизированный пиръ. Мои пріятели разсѣялись объявленной мною новости, хотя и говорили, что они привыкли ко мнѣ и не радуются за себя.

— Ну, Гриша, чокнемся за исполненіе твоихъ мечтаній объ академіи и о моей свободѣ,—промолвилъ я, наливая стаканы.—Да выпьемъ кстати на *ты*.

Гриша чокнулся со мною.

— Ура! за свободу!—крикнулъ онъ и, съ комическою таинственностью, подмигнувъ мнѣ, прошепталъ гостямъ:—пусть будочники слушаютъ!

Я засмѣялся самымъ искреннимъ смѣхомъ надъ этой выходкой. Я былъ взволнованъ и счастливъ; мнѣ казалось, что дѣйствительно деревня будетъ для меня только одною изъ станцій. Вечеръ пролетѣлъ быстро, и когда пришлось разъѣзжаться гостямъ, то мы увидали, что одинъ изъ гостей долженъ былъ непремѣнно остаться у насъ ночевать, такъ какъ онъ уже спалъ самымъ крѣпчайшимъ сномъ праведника, свернувшись на диванѣ въ клубокъ.

Черезъ нѣсколько дней я уѣзжалъ изъ губернскаго города въ свою деревню. Гриша оставался на время въ городѣ и долженъ былъ пріѣхать ко мнѣ на лѣто въ деревню, когда я дамъ ему знать, что я устроился въ своемъ новомъ гнѣздѣ.

И вотъ я подъѣзжалъ къ этому гнѣзду. Я сталъ всматриваться въ нашъ деревенскій домъ: это было мѣсто, гдѣ мнѣ приходилось прожить, можетъ-быть, долгіе годы. Домъ походилъ на какую-то груду всевозможныхъ архитектуръ, на какой-то памятникъ капризовъ и прихотей нѣсколькихъ поколѣній, нѣсколькихъ владѣльцевъ. Проѣхавъ по заросшему травой двору къ подъѣзду и выскочивъ изъ повозки, я услыхалъ такіе звуки, какъ будто кто-то чихалъ въ платокъ, и въ то же время у моихъ ногъ завертѣлось что-то живое.

— Ишь, старая, туда же «ахаетъ» и кусаться лѣзетъ,— засмѣялся ямщикъ и указалъ кнутовищемъ на старую вахластую собаку, возившуюся у моихъ ногъ.

Она, повидимому, хотѣла полаять и укусить меня, но у нея, вслѣдствіе ея преклонныхъ и почтенныхъ лѣтъ, не выходило ни того, ни другого.

Навстрѣчу намъ вышелъ безъ шапки старикъ съ кривымъ глазомъ и заспанная женщина. Они, узнавъ, кто я, всполошились, хотѣли дать знать старостѣ о моемъ пріѣздѣ; потомъ, услышавъ отъ меня, что покуда это не нужно, коекакъ, съ помощью ямщика, вытащили мои чемоданы и повели меня въ комнаты,—оттуда вѣяло сыростью и гнилью.

— Въ кабинетѣ будете, батюшка, спать, али въ прадѣдушкиной опочивальнѣ?—спросилъ меня старикъ, останавливаясь съ чемоданомъ въ пустыхъ сѣняхъ.

— Покажи кабинетъ,—отвѣтилъ я.

— А то еще есть и спальня вашей бабушки. Покойница— царство ей небесное—жила тамъ, когда еще въ дѣвицахъ была,—неторопливо шамкалъ старикъ, не трогаясь съ мѣста.

— Нѣтъ, лучше въ кабинетъ.

— Слушаю-съ.

Старикъ сдѣлалъ шагъ и снова остановился.

— Есть еще у насъ для гостей комнаты, такъ въ нихъ неугодно ли заглянуть,—произнесъ онъ попрежнему неторопливо.—Только тамъ течь теперь, потому что потолки худы стали.

Я начиналъ терять терпѣніе.

— Да лучше проведи вонъ барина въ комнату, гдѣ останавливался старый баринъ,—вмѣшалась въ разговоръ женщина.—Тамъ все и прибрано.

— Ну, вотъ, и веди меня въ нее,—сказалъ я старику.

Положивъ въ этой комнатѣ свои вещи, я пошелъ осматривать домъ, чтобы сообразить, что можно сдѣлать изъ этихъ развалинъ. Все здѣсь было запущено, вездѣ дуло, вездѣ про-

текала вода. Не признавая никакой цѣны нашему деревенскому дому, Бубновъ, проживъ здѣсь недѣлю или двѣ, не тронулъ ничего и оставилъ домъ догнивать попрежнему. Болѣе всего поразилъ меня кабинетъ прадѣда. Эта была большая, мрачная комната съ большимъ, похожимъ на гробницу, письменнымъ столомъ. Около стола стоялъ кованный сундукъ съ отбитой крышкой. У одной изъ стѣнъ стояла кровать, тоже въ сосѣдствѣ съ другимъ сундукомъ. Надъ кроватью висѣли бычачьи и оленьи рога и пучокъ прутьевъ, покрытыхъ пылью. Большая часть стульевъ и столовъ были загромождены камнями и кирпичами. На окнахъ тоже лежали камни и сухіе пучки прутьевъ. Пыль лежала на всемъ.

— Зачѣмъ здѣсь камни?—спросилъ я старика.

— Прадѣдушка это вашъ, Акимъ Акимычъ, любилъ ихъ, покойникъ,—отвѣтилъ старикъ.—Пойдутъ, бывало, гулять, захватятъ по дорогѣ камень и тащатъ его подъ полой. Иногда устанутъ они, сядутъ, либо подзовутъ встрѣчнаго мужика,—на, говорятъ, неси ко мнѣ! Травы тоже любили. Много про нихъ наши старики разсказывали...

Я осмотрѣлся. На одной изъ стѣнъ мнѣ бросилась въ глаза крупная, старинная почеркомъ сдѣланная, надпись. Я подошелъ къ ней и сталъ читать:

Вотъ идетъ тарантасъ—
Четыре желтыхъ колеса,
На немъ сидитъ Сашка дурандасъ,
Всей губерніи краса.

— Кто это писалъ?—спросилъ я у старика.

— Акимъ Акимычъ, батюшка. Это они такой стихъ сложили про своего сынка Александра Акимовича. Былъ онъ у насъ, старики говорили, гуляющій такой. Прадѣдушка его и наслѣдства лишить хотѣли, своимъ сыномъ не признавали, только онъ прежде ихъ душеньку свою Богу отдалъ... Изъ-за него они и съ покойницей вашей прабабушкой, Марьей Антоновной, ссору имѣли и до самой до ея смерти не говорили съ ней. Бывало, въ комнатѣ встрѣтятся, такъ сейчасъ же спинками другъ къ другу повернутся и пойдутъ въ разныя стороны... Какъ умерла наша матушка-барыня, такъ Акимъ Акимычъ и на панафиды не выходили, и въ церковь не ѣздили. Только какъ въ могилку гробъ это опускать стали, увидалъ народъ, что бѣжитъ Акимъ Акимычъ безъ шапки, волоса треплются, брови наморщены, словно туча—и подбѣжали они къ могилѣ, схватили комокъ земли и шваркнули его въ крышку,—потомъ снова тѣмъ же путемъ и

домой убѣжали... Недолго жили послѣ того... А ужъ и тиранили же они Александра Акимовича... Это, сказывали люди, утащатъ его за волосы въ кабинетъ, запрутся и тѣшатъ тамъ свою душеньку. Бывало, барыня-матушка ползаетъ-ползаетъ у дверей, а они только пуще свирѣпѣютъ... Вотъ и арапника, чѣмъ Александра Акимовича стегали...

Я взглянулъ на стѣну, куда указалъ старикъ, тамъ висѣлъ арапникъ съ оббитымъ концомъ, задернутый паутиной.

— Отчего же не убрали этого хлама?—спросилъ я.

— Да сюда, батюшка-баринъ, никто и не заглядывалъ, какъ померъ вашъ прадѣдушка,—отвѣчалъ старикъ:—всѣ словно отъ чумы убѣжали... Мы вотъ со старухой здѣсь только и живемъ. Пріѣзжалъ вотъ сюда баринъ Григорій Даниловичъ, такъ онъ взялъ себѣ одну комнату, да и не заглянулъ, поди, въ другіе-то покои. Оно и то сказать, домъ-то только на мусоръ годится.

Я осмотрѣлся и увидалъ, что стѣны кабинета были исписаны гдѣ углемъ, гдѣ мѣломъ, гдѣ карандашомъ или чернилами. Нѣкоторыя надписи было затянуты, какъ траурнымъ крепомъ, паутиною, нѣкоторыя были почти стерты благодѣтельнымъ, всепримиряющимъ временемъ. Среди этихъ надписей встрѣчались очень энергичныя строки; такъ однѣ изъ нихъ гласили:

Если-бъ чортъ тебя къ себѣ взялъ,
Я бы и «охъ!» никогда не сказалъ,—
Только видно ни Богу, ни чорту
Не нужно срамцевъ этого сорту.

Но тяжелѣе всего подѣйствовала на меня слѣдующая эпитафія:

Теперь я напастей не трушу,
Воровъ и разбойниковъ не боюсь,
Пью, ѣмъ и веселюсь,—
Сашка, наконецъ, чорту отдалъ душу.

Эта ненависть полупомѣшаннаго старика къ сыну, не смолкнувшая даже передъ гробомъ послѣдняго, какъ-то скверно подѣйствовала на меня. Я вышелъ изъ кабинета и велѣлъ убрать въ немъ весь хламъ. Проходя по залѣ, я невольно остановился передъ нашими фамильными портретами; особенно поразили меня два портрета: одинъ изображалъ старика съ всклоченными сѣдыми волосами, съ проницательными, почти безумныя глазами, устремленными куда-то вдаль, съ морщинистымъ лбомъ и тонкими губами; другой—представлялъ младенца, похожаго на херувима съ вьющимися

свѣтлыми волосами, съ полными алыми губками, полуоткрытыми какъ бы для поцѣлуя. Оба портрета наводили ужасъ: старикъ пугалъ своими безумными, вперившимися въ зрителя глазами, младенецъ пугалъ отсутствіемъ глазъ — глаза на портретѣ были выколоты, и все лицо было исполосовано черными чертами.

— Это Александра Акимовича портретъ, — объяснилъ старый дворовый. — Акимъ Акимычъ и глазки ему выкололи, и замазали его...

Я поспѣшно вышелъ изъ залы и велѣлъ вынести эти портреты. Я хотѣлъ уничтожить послѣдніе слѣды давно прекращеннаго смертью семейнаго раздора, слѣды одной изъ страшныхъ повѣстей о сошедшемъ съ ума отцѣ и его загубленномъ сынѣ. Осмотрѣвъ всѣ комнаты, я думалъ поселиться въ столовой, залѣ и гостиной, изъ которой шла лѣстница въ садъ. Мнѣ нужно было перенести мебель изъ другихъ комнатъ и пересмотрѣть всѣ вещи. Я рѣшился очистить домъ отъ всего, что напоминало прошлую жизнь, съ которой я не имѣлъ ничего общаго, но которая, тѣмъ не менѣе, давила меня. Такъ выброшенные на берегъ люди вступаютъ въ борьбу съ туземными обычаями, спѣшатъ устроить по-своему свой уголъ и уничтожить старыхъ кумировъ.

Усталый, я легъ спать. Всю ночь, подъ вліяніемъ разсказовъ стараго слуги, мнѣ снилась жизнь, когда-то шедшая въ этомъ домѣ, раздоры, передававшіеся изъ поколѣнія въ поколѣніе имѣвшіе съ наслѣдственнымъ богатствомъ, нажитымъ правдою и неправдою, своимъ упорнымъ трудомъ и кровью ближняго. Передо мной сумрачно проходила фигура прадѣда, сѣдого старика съ всклокоченными волосами, съ остановившимся дикимъ взглядомъ. Мнѣ грезился его сынъ, этотъ погибшій Саша, заплатившій жизнью за какую-то ошибку своей матери, и черныя полосы, видѣнныя мною на его портретѣ, казались мнѣ рубцами запекшейся на его юныхъ щекахъ крови. Мнѣ слышалось, какъ плакалъ, какъ стоналъ этотъ младенецъ, когда его билъ отецъ, запершись съ нимъ въ своемъ кабинетѣ. Но вотъ отъ дверей этого кабинета до меня донеслись еще какія-то слабыя мольбы. Это моя прабабушка умоляетъ своего мужа пощадить ея сына. Ее никто не слушаетъ, она тщетно ползаетъ за кабинетными дверями, тщетно ломаетъ свои руки. Наконецъ, эти вопли утихаютъ, и я вижу эту женщину, безмолвно идущею по комнатамъ съ гордо поднятой головой, она встрѣ-

частъ старика съ всклокоченными волосами и, отворачиваясь отъ него, безмольно идетъ въ другую сторону; онъ топаетъ ногой и тоже поворачивается къ ней спиною. Она похожа на мученицу, сознавшую всю подлость своего палача, всю безплодность своихъ слезъ и холодно рѣшившуюся переносить все молча, съ достоинствомъ праведы, или, лучше сказать, съ достоинствомъ грѣшницы, давно искупившей страданіями свой минутный грѣхъ. Эти люди, живущіе подъ одной кровлей, соединенные неразрывными узами брака, далеки другъ отъ друга, какъ жители двухъ противоположныхъ полюсовъ. Ихъ жизнь бросаетъ въ дрожь, еще страшнѣе дѣйствуетъ ихъ смерть. Я съ ужасомъ видѣлъ во снѣ, какъ угасала эта женщина, брошенная, забытая; я слышалъ, какъ злобно смѣялся старикъ, когда она умерла, какъ онъ бѣжалъ по снѣгу безъ шапки, съ развѣвавшимися по вѣтру сѣдыми волосами, какъ онъ враждебно бросилъ въ крышку ея гроба мерзлый комокъ земли; этотъ глухой звукъ, этотъ послѣдній ударъ, нанесенный если не ей самой, то ея гробу, пробудилъ меня. На моемъ лицѣ былъ холодный потъ, а въ окно уже свѣтило ясное утро, разгонявшее страшныя грёзы о прошломъ.

Я принялся за устройство своего гнѣзда. Трудно было сдѣлать что-нибудь порядочное изъ этихъ развалинъ. Собравъ на подмогу нѣсколько человѣкъ изъ деревни, я распоряжался насчетъ очистки дома. Мытье половъ, перемѣщеніе портретовъ и мебели по разнымъ комнатамъ, переборка разнаго хлама, шумъ и гамъ заняли почти цѣлый день. Казалось, какіе-то новые люди завладѣли жилищемъ отжившаго народа и спѣшили выносить покойниковъ, смывать за ними слѣды крови и праха. Шумъ передвигавшейся мебели, вбиваніе гвоздей, крики мужиковъ и бабъ, неловко бравшихся за дѣло, все это вдругъ оживило мертвое жилище. Я чувствовалъ себя болѣе спокойнымъ и, позавтракавъ, принялся за осмотръ ящиковъ и сундуковъ: я искалъ книгъ, рукописей, разныхъ памятниковъ прошлаго. Всего нашлось понемногу, нашелся даже чей-то чепецъ, украшенный корабликомъ изъ красныхъ и синихъ лентъ. Но лучше всѣхъ другихъ находокъ были найденные мною три портрета, писанные на слоновой кости: это были портреты моей бабки, погибшаго ея брата и капитана. Боже мой, какое прелестное дитя это было, какъ онъ былъ милъ въ неуклюжемъ мундирчикѣ съ бойкими глазенками, съ вихрастыми волосами! Я рѣшилъ, что эти портреты я по-

шію къ подарокъ капитану и оставлю себѣ только портретъ погибшаго бѣдняка: его задумчивая, не по лѣтамъ серьезная физіономія и взглядъ исподлобья напоминали мнѣ отчасти меня самого въ дѣтскіе годы. Мнѣ казалось, что я именно такъ глядѣлъ на Бубнова, когда онъ говорилъ мнѣ: «ну, что ты волченкомъ смотришь?» Странно, я почти любилъ незнакомаго мнѣ родственника, или, лучше сказать, я любилъ созданный мною изъ разсказовъ о немъ образъ. Мое гнѣздо устроилось. Если оно не было особенно блестяще, особенно весело, то, во всякомъ случаѣ, мнѣ было здѣсь уютно въ полномъ затишьѣ, на свободѣ. Наша деревня выглядѣла недурно, она находилась на бойкомъ мѣстѣ, и мужики не очень бѣдствовали. Я не могъ покуда принести имъ какую-нибудь существенную пользу и чувствовалъ необходимость учиться сельскому хозяйству, приглядываться къ быту народа. Воспитанный, подобно большинству современной мнѣ образованной молодежи, въ городѣ, воспитанный на чтеніи иностранныхъ книгъ, я былъ гораздо ближе знакомъ съ какими-нибудь англійскими фабричными, чѣмъ съ нашимъ русскимъ мужикомъ. Какъ школьнику, мнѣ приходилось иногда краснѣть за свое незнаніе такихъ вещей, которыя были извѣстны послѣднему деревенскому мальчугану. Я сблизился со старостой, смышленымъ мужикомъ, управлявшимъ нашимъ имѣніемъ; иногда ко мнѣ приходили мужики съ просьбами подождать уплаты оброковъ; порою я заходилъ къ нашему священнику и толковалъ съ нимъ объ ученіи крестьянскихъ дѣтей... Къ концу перваго же мѣсяца для меня опредѣлился характеръ моей будущей дѣятельности въ деревнѣ, я видѣлъ, кромѣ необходимости изученія сельскаго хозяйства, необходимость уменьшить оброки и завести школу. И то, и другое я могъ сдѣлать, не спрашивая разрѣшенія Бубнова. Доходы съ имѣнія дѣлились поровну между мной и Мишелемъ, и потому я могъ уменьшить оброки, насколько мнѣ было угодно, только бы Мишелю оставалась его часть доходовъ; открыть школу я могъ, безъ большихъ затратъ, въ своемъ домѣ или въ домѣ священника. Этотъ планъ заставилъ меня подготовиться къ зимнимъ занятіямъ съ дѣтьми и далъ мнѣ возможность смотрѣть безъ особенной боязни на скучное зимнее одиночество въ деревнѣ. Я не спѣшилъ заводить знакомства съ сосѣдними помѣщиками, зная ихъ съ невыгодной стороны изъ разсказовъ Григорія Даниловича, — это были или надутые господа, пріѣзжавшіе въ деревню изъ

Москвы только на лѣто, или заскорузлые помѣщики, похожіе на Собакевичей и Ноздревыхъ. Первые, лѣтніе жители деревни, не особенно манили меня къ себѣ уже и потому, что знакомые мнѣ нужны были собственно для зимы, а не для лѣта, когда не скучно въ деревнѣ и безъ знакомыхъ. Вторые не только не могли манить къ себѣ, но даже заставляли бояться, что они когда-нибудь силою ворвутся въ мой домъ. Только одна семья возбуждала мое любопытство— это семья князей Мышкиныхъ, дальнихъ родственниковъ моей матери, стоявшихъ въ довольно близкихъ отношеніяхъ къ моему дѣду, помогавшему имъ и крестившему у нихъ дѣтей. Изъ разсказовъ объ этихъ обѣднѣвшихъ князьяхъ я заключилъ, что они принадлежатъ къ числу довольно типичныхъ личностей. Довольно сильно хотѣлось мнѣ увидать и дѣда. Слухи о немъ ходили самые странные и противорѣчивые. Бубновъ и дядя представляли мнѣ его какимъ-то звѣремъ и самодуромъ. Староста и мужики не могли найти достаточно сильныхъ похвалъ для него. По ихъ словамъ, это былъ «простой баринъ», «сердечный человѣкъ», «отецъ крестьянъ» и «умная голова». Я слышалъ, что отъ дѣда и исправникъ отступился, и самъ губернаторъ его уважаетъ, что за нимъ крестьяне живутъ, какъ за каменной стѣной. Мнѣ было интересно увидать этого страннаго человѣка, и я сильно досадовалъ, что я не могу просто и откровенно сойтись со старикомъ, не подвергаясь опасности быть затравленнымъ собаками. Проживъ недѣль шесть въ деревнѣ, я, наконецъ, собрался къ своимъ родственникамъ, чувствуя, что неловко откладывать еще дальше этотъ визитъ.

IX.

Домъ князей Мышкиныхъ.

Я вошелъ въ полуразрушенные барскіе покои обѣднѣвшихъ, затерявшихся въ провинціальной глуши, князей Мышкиныхъ, моихъ дальнихъ родственниковъ. На потемнѣвшихъ, мѣстами ободранныхъ, стѣнахъ залы красовались портреты княжескихъ предковъ, полопавшіеся и потускнѣвшіе отъ времени, какъ разлагающіеся покойники. Мебель была старинная, ветхая. Меня ввелъ въ залу сѣдой, похожій по цвѣту лица на пергаментъ, тощій лакей. На его костлявой, длинной фигурѣ болтался, какъ на вѣшалкѣ, нѣкогда коричневый, теперь песочнаго цвѣта фракъ съ облѣзлыми галунами и покраснѣвшими мѣдными пуговицами, хранившими только мѣстами слѣды позолоты. Покашливая и хрипя, онъ

сказалъ, что доложитъ обо мнѣ «его сіятельству», и пошелъ изъ залы, шаркая оперевенѣлыми, нестибающимися ногами. Я остался ждать. Минуть черезъ пять послышались чьи-то легкіе и торопливые шаги, и въ комнату появился, мелко перебирая на ходу коротенькими ножками, маленькій, сѣденькій и розовенькій старичокъ съ привѣтливой, немного запуганной улыбочкой.

— Марьи Александровны сынка имѣю честь видѣть? Очень рать, очень рад! — заговорилъ онъ торопливымъ, сладенькимъ голоскомъ и протянулъ мнѣ руку.

Это была аристократическая маленькая рука; должно-быть, никогда она была мягка, теперь же кожа на ней сморщилась и загрубѣла.

— Слышали, слышали давно, что вы нашу глушь посѣтили, но не имѣли чести васъ видѣть,— частилъ старичокъ, не давая мнѣ времени заговорить. — Княгиня говорила: «вѣрно, и не вспомнитъ, что здѣсь родные есть». Конечно, въ столицѣ родственныя связи и все такое скоро забывается...

— Я еще ни у кого не былъ, хотѣлъ...

— А вѣдь мы покойную вашу матушку, какъ дочь, любили, — перебилъ меня старичокъ, торопливо моргая глазами. — Выходила и замужъ почти изъ нашего дома. Княгиня даже прослезилась, когда узнала, что она умерла. «Боже мой, Боже мой, — говорила княгиня: — какъ нынче рано умираютъ въ свѣтѣ! Я, право, рада,—это княгиня-то говорила,—что живу въ деревнѣ, вдали отъ этого шумнаго убивающаго свѣта»...

Я оставилъ всякую надежду сказать что-нибудь. Старичокъ, кажется, и не думалъ замолчать. Онъ говорилъ безъ умолку, какъ всѣ словоохотливые люди, которымъ почему-нибудь рѣдко удается найти слушателей. Наконецъ, въ залу снова вошелъ пергаментный лакей и торжественно объявилъ, что ея сіятельство просятъ меня пожаловать на ихъ половину. Половина княгини отдѣлялась отъ «парадной» половины, состоявшей изъ зала и столовой, однимъ коридорчикомъ въ пять шаговъ и состояла изъ кабинета и спальной. Я вошелъ, въ сопровожденіи князя, въ кабинетъ.

— Закрой, пожалуйста, окно. Здѣсь дуетъ, когда отворяютъ дверь,— обратилась къ князю княгиня и потомъ томно перевела на меня свои оловянные глаза. — Мы васъ давно ждали! — едва слышнымъ, утомленнымъ голосомъ проговорила она.

Я объяснилъ причины, почему не могъ быть у нихъ до

сихъ поръ. Княгиня, почти закрывъ глаза, полулежала на неловкомъ диванѣ. Это была высокая женщина, худая, сухая, съ мелкими локонами на вискахъ, со стклянкою eau-de-Cologne на столѣ, съ вѣчнымъ tic douloureux.

— А я все больна,—слабо произнесла она и замолчала.

Я опять не могъ ничего говорить. Мнѣ было хотѣлось посовѣтовать ей ѣхать за границу для излѣченія, но я вовремя сдержался отъ совѣта, видя ихъ обстановку и считая такой совѣтъ обиднымъ. Мы помолчали; княгиня, кажется, дремала, князь, не шевелясь, съежился на стулѣ и смотрѣлъ съ боязливымъ выраженіемъ въ лицѣ на жену.

— Вы съ княземъ Аполлономъ не видѣлись въ Петербургѣ?—спросила княгиня послѣ продолжительнаго молчанія.

Я недоумѣвалъ, кто такой этотъ князь Аполлонъ, но такъ какъ я не зналъ никакихъ князей Аполлоновъ, то и отвѣтилъ отрицательно.

— Онъ въ уланахъ теперь тамъ... Писемъ давно нѣтъ отъ его... Князь, когда онъ писалъ въ послѣдній разъ? — обратилась княгиня къ мужу.

Князь вытянулся на стулѣ и отрапортовалъ:

— Въ январѣ. Послѣднее письмо въ январѣ получили.

— Ахъ, кажется, въ декабрѣ! Ты посмотри. Неужели тебѣ трудно посмотрѣть? Оно тамъ у меня въ портфелѣ между семейными письмами лежитъ.

Князь соскочилъ со стула, иноходью подбѣжалъ къ столу, порылся въ портфелѣ княгини, въ отдѣленіи семейной переписки и, черезъ минуту, отыскавъ письмо князя Аполлона, началъ съ какимъ-то смущеннымъ видомъ переворачивать во всѣ стороны этотъ листокъ исписанной почтовой бумаги.

— Ахъ, что же ты ничего не говоришь? — простонала княгиня.—Вѣроятно, я права. Ты вѣчно споришь и только раздражаешь мои нервы.

— Пи... письмо,—пробормоталъ князь:—не помѣчено никакимъ мѣсяцемъ.

— Странно,—удивилась княгиня.—Посмотри въ моей записной книжкѣ, когда оно получено, и помѣть его... Какъ это я забыла его помѣтить!

Князь снова началъ рыться въ записной книжкѣ жены и, наконецъ, торжественно объявилъ, что письмо было получено въ январѣ.

— Да? А мнѣ казалось — въ декабрѣ. — понюхала княгиня eau-de-Cologne. — Чему же ты радуешься? Кажется,

ошибиться всякій можетъ! Вѣдь у меня ихъ только двое: онъ и Зинаида, — обратилась она ко мнѣ.—Я такъ всегда безпокоюсь о немъ и утрирую опасности.

Я понялъ, что князь Аполлонъ ея сынъ.

— Я иногда лежу, и все думаю о немъ. Думаю, думаю: гдѣ онъ, что дѣлаетъ, воображаю, какъ онъ, увлеченный свѣтомъ, является на раутахъ, въ театрахъ, въ маскарадахъ. Мнѣ представляется онъ окруженнымъ поклонницами, танцующимъ, смѣющимся... Потомъ разъѣзжаются послѣ бала. Эта страшная русская зима! Мнѣ кажется, что онъ простудился... Я вижу его больнымъ, вокругъ него доктора... Онъ едва говоритъ... Ахъ, это ужасно!

Княгиня закрыла на минуту оловянные глаза, кажется, уже присутствуя мысленно на похоронахъ сына, и потомъ снова начала нюхать eau-de-Cologne. Я понялъ, что мнѣ не придется говорить въ теченіе этого визита, и всталъ.

— Вы уже идете? — спросила она.

— Я боюсь васъ безпокоить. Вы, кажется, сегодня чувствуете себя дурно.

— Ахъ, я всегда такая!—отвѣтила княгиня.

— Да, да, княгиня всегда такая!—пролепеталъ князь и мгновенно ступевался, встрѣтивъ оловянный взглядъ жены.

Старичокъ даже покраснѣлъ, несмотря на свои преклонные годы.

Услыхавъ эти слова, я пересталъ надѣяться встрѣтить что-нибудь отрадное въ домѣ моихъ родственниковъ.

— Останьтесь у насъ, посидите у князя... Вы, вѣроятно, курите?—заговорила гробовымъ тономъ княгиня.

— О, да!

— Ну, вотъ... Нынче всѣ курятъ... У него на половинѣ вы можете... На моей половинѣ я не выношу табачнаго запаху при моихъ головныхъ болях.

Я отправился за княземъ на его половину, состоявшую изъ одной комнаты съ драпировкой, за которой стояла его одиночальная жалкая кровать.

— Пожалуйста, безъ церемоній, садитесь поудобнѣе, разстегнитесь, — зачастилъ князь, усаживая меня на жесткій диванъ. — Или вотъ сюда, на кресло сядьте. Это удобное кресло.

Я взглянулъ на кресло, оно дѣйствительно было удобнѣе всей остальной мебели.

— А знаете ли, чье это кресло?—таинственно спросилъ князь, говоря въ полголоса и лукаво подмигивая мнѣ.

Я никакъ не могъ угадать.

— Вашего дѣдушки кресло. Да! — объяснилъ шопотомъ князь. — Онъ его прислалъ къ намъ. Чудакъ! Чудакъ! Не могу я, говоритъ, на вашихъ прокрустовыхъ ложахъ сидѣть. Это, говоритъ, въ старину дворянство такую мебель выдумало, чтобы и гости во фронтъ сидѣли и развалиться не могли... А вы уже были у дѣдушки?

— Нѣтъ.

— Ахъ, какъ же это, какъ же это!—зачастилъ князь въ испугѣ и оглянулся на дверь. — Надо же было заѣхать. Какъ же это вы къ намъ къ первымъ? Надо было къ нему. Ну, вдругъ...

— Я къ нему и къ послѣднему не поѣду,—замѣтилъ я.

— Тс! Тс! Что вы, что вы!—замахалъ князь руками съ такимъ видомъ, какъ-будто за мои слова и мнѣ, и ему могло быть худо.

— Я ѣзжу только къ тѣмъ, гдѣ надѣюсь встрѣтить радушныхъ и добрыхъ знакомыхъ, а не сумасбродовъ, травящихъ людей собаками. Впрочемъ...

Князь уже не слушалъ меня, не говорилъ, а только махалъ руками и озирался на дверь. Въ эту минуту въ другой комнатѣ послышалась тяжелая поступь. Слышно было, какъ подъ чьими-то мощными ногами жалобно скрипѣлъ старый полъ княжескихъ палатъ. Тяжелые шаги и постукиванье палкой приближались къ кабинету. Князь, махая мнѣ руками, выворачивая самымъ неестественнымъ образомъ глаза, ринулся бѣжать къ дверямъ и наткнулся въ нихъ на высокаго, плотнаго старика съ густыми сѣдыми волосами. Эти волосы обрамляли умное и серьезное, немного холодное, не то равнодушное, не то насмѣшливое, обрюзгшее лицо. Черные глаза смотрѣли изъ-подъ сѣдыхъ бровей не то недовѣрчиво, не то сердито. Губы немного отвисли въ углахъ рта. На старикѣ былъ долгополый просторный сюртукъ. Широкій воротникъ рубашки былъ откинутъ и измятъ. Несмотря на эту немодную, небрежную одежду, старикъ выглядѣлъ важнымъ барином. Князь доставалъ головой только до подбородка своего гостя.

— Куда это бѣжали, князь? — спросилъ звучнымъ и густымъ голосомъ гость.—Бѣда случилась, что ли?

— Васъ встрѣтить хотѣлъ,—засовался князь.

Старикъ сердито пожалъ плечами и только въ эту минуту замѣтилъ меня.

— Владиміръ Михайловичъ, — началъ князь, боязливо указывая на меня.

— А!—произнесъ старикъ, не дослушавъ моей фамиліи, и съ любопытствомъ взглянулъ на меня.

— Александръ Николаевичъ Серпуховскій, — пробормоталъ князь, обращаясь ко мнѣ.—Вашъ д... д... д...

Князь запнулся и издалъ какой-то нечеловѣческій звукъ, нѣчто похожее на лихорадочный стукъ зубами. Я сухо поклонился гостю, чувствуя, что мое лицо горитъ, какъ въ огнѣ. Я не ожидалъ этой встрѣчи и не подготовился къ ней. Старикъ сѣлъ на свое кресло и опершись подбородкомъ на палку, поставивъ ее между колѣнъ. Онъ не спускалъ съ меня своего взгляда, и я подмѣтилъ въ этомъ взглядѣ насмѣшливое выраженіе. Онъ чувствовалъ всю неловкость моего положенія, такъ какъ онъ зналъ князя, съ которымъ было трудно говорить, и, кажется, сразу понялъ, что я не намѣренъ заговорить съ нимъ самимъ. Я счелъ за лучшее взять фуражку. Но князь бросился ко мнѣ.

— Какъ? Что вы? Я васъ не могу отпустить, княгиня будетъ сердиться,—заговорилъ онъ, ясно показывая, что въ эту минуту онъ радъ бы отпустить меня, если бы не боялся княгини.—Она васъ представитъ Зинѣ...

Я колебался.

— Или вы, можетъ-быть, дали кому-нибудь слово быть сегодня?—началъ князь.

— Кому же? Я ни съ кѣмъ не знакомъ...

— Развѣ вы еще не ѣздили къ Теплицинымъ?

— Нѣтъ.

— Вѣдь они вамъ тоже родней доводятся.

— Отцу доводились родней, а не мнѣ...

— Помилуйте, это все равно.

— Ну, нѣтъ, я ихъ даже и не знаю, если же что и слышалъ о нихъ отъ Бубнова, то эти слухи отбили всякую охоту знакомиться.

Старикъ Серпуховскій усмѣхнулся.

— Съ сыновней покорностью держитесь мнѣній отчима и опекуна? — замѣтилъ онъ, видимо желая вмѣшаться въ разговоръ.

— Ну, не совсѣмъ. Мой отчимъ ими очарованъ —отвѣтилъ я.

— А-а! Значитъ, во всемъ идете наперекоръ старому поколѣнію?—замѣтилъ старикъ.

— И то не угадали: въ отношеніи иныхъ людей я придерживаюсь взгляда моего отчима на нихъ.

— Странно что-то,—промолвилъ онъ, пристально всматриваясь въ меня, какъ въ подозрительнаго человѣка.

— Кажется, страннаго ничего нѣтъ,—отвѣтилъ я.—Все зависитъ отъ того, кто какъ и почему однихъ хвалитъ, а другихъ бранитъ.

— Меня, должно-быть, вашъ отчимъ хвалилъ,—засмѣялся старикъ сердитымъ смѣхомъ.

— Онъ васъ лично не знаетъ, но знаетъ два ваши поступка, за которые, конечно, не сталъ бы васъ хвалить никто, а не только-что онъ.

— Значитъ и вы не одобряете меня?—насмѣшливо спросилъ старикъ.

— Я вообще не люблю трусовъ,—отвѣтилъ я, раздраженный насмѣшливостью старика.

— Что?

— Трусовъ я не люблю, которые отъ людей за собакъ прячутся.

Старикъ сощурилъ глаза и осмотрѣлъ меня съ ногъ до головы. Минутъ съ десять длилось молчаніе. Потомъ старикъ всталъ и, постукивая палкой, вышелъ изъ кабинета. Князь побѣжалъ за нимъ, но старикъ пробормоталъ ему:

— Я къ Зинѣ пройду!—и захлопнулъ дверь передъ самымъ носомъ хозяина.

Князь совался изъ угла въ уголъ и былъ, видимо, разстроенъ.

— Извините, я, кажется, сдѣлалъ вамъ непріятность,—сказалъ я князю.—Я не думалъ встрѣтить здѣсь дѣда.

— Да вѣдь онъ къ намъ почти каждый день заходитъ,—чуть не плача пробормоталъ князь.—Какъ это вы такъ неосторожно, обошлись съ нимъ! А мы-то думали... Княгиня говорила: «мы ихъ примиримъ, и тогда намъ...»

Князь вдругъ закусилъ губы и засовался еще болѣе. Онъ, казалось, испугался, что проговорился о чемъ-то такомъ, чего не велѣла ему высказывать княгиня.

— Да, княгиня непремѣнно хотѣла васъ примирить,—началъ онъ снова.

— Мы не ссорились съ нимъ,—замѣтилъ я.—Мы даже незнакомы другъ съ другомъ. И мнѣ очень досадно, что я встрѣтился съ нимъ.

— Что вы, что вы! Какъ это можно!—зачастилъ князь, махая руками.—Онъ такой добрый!

— Добрый? — удивился я.

Но князь мнѣ не отвѣтилъ, такъ какъ пергаментный лакей доложилъ объ обѣдѣ. Мы пошли на парадную половину, гдѣ былъ накрытъ столъ на пять персонъ. Я замѣтилъ, что на одномъ приборѣ лежала особенно чистая и, повидимому, довольно новая салфетка, рѣзко отличавшаяся отъ другихъ салфетокъ. Этотъ приборъ, какъ оказалось, былъ предназначенъ для меня. Въ столовую появилась княгиня, за нею шла сморщенная маленькая старушка, съ выбившимися изъ-подъ чепца сѣдыми клочками волнистыхъ волосъ, съ какимъ-то растерявшимся выраженіемъ на лицѣ. Казалось, она напряженно старалась что-то вспомнить, но никакъ не могла сдѣлать этого, и точно боялась, что ее распекутъ за эту позабытую мысль. Сморщенныя руки старушки тревожно шарили что-то въ вышитомъ бисеромъ, ветхомъ ридикюлѣ.

— Это наша добрая Полина Францовна, жена покойнаго моего брата, — произнесла княгиня Антонида Аркадьевна, обращаясь ко мнѣ.

Я поклонился. Старушка растерялась еще болѣе и, какъ-то смѣшно дѣлая реверансъ, присѣла, точно застигнутая врасплохъ курица. Черезъ минуту въ столовую вошелъ дѣдъ, и за нимъ появилась молодая дѣвушка съ свѣжимъ, строго-правильнымъ лицомъ. Я уже видѣлъ однажды мелькомъ эту красавицу, когда она вихремъ пронеслась передо мною на лошади по большой дорогѣ. Теперь я могъ спокойнѣе разсмотрѣть ее. Высокая, стройная, она поражала, при первомъ взглядѣ на нее, своею фигурою и своею красотой. Свѣжесть лица, небольшія страстныя губы чуть-чуть открытаго рта, изъ-за которыхъ выглядывали ровные, бѣлые зубы, большіе, съ какимъ-то бархатнымъ отливомъ, черные глаза, гладко зачесанные черные волосы, обвившіеся двумя пышными косами вокругъ головы, строгость и въ то же время страстность выраженія лица, все было безукоризненно-прекрасно въ этой дѣвушкѣ. Княгиня отрекомендовала меня ей. Это была княжна Зинаида Анатолѣевна. Она поклонилась мнѣ какимъ-то величаво-снисходительнымъ поклономъ и тутъ же обратилась съ поцѣлуемъ къ своей теткѣ. Старушка опять растерялась и поцѣловала племянницу по ошибкѣ не въ губы, а въ подбородокъ, и, какъ бы отъ испуга за свою неловкость, начала усиленно шарить въ ридикюлѣ. Мы всѣ усѣлись за столъ. Дѣдъ не обѣдалъ. Послѣ я узналъ, что онъ обѣдаетъ только у себя дома и постоянно въ двѣнадцать часовъ.

— Надолго вы сюда пріѣхали?—спросила меня княгиня своимъ умирающимъ голосомъ.

— Не знаю, право. Это будетъ зависѣть не отъ меня,— отвѣтилъ я.

Дѣдъ исподлобья посмотрѣлъ на меня. Онъ сидѣлъ у стола, попрежнему опустивъ подбородокъ на набалдашникъ толстой трости, зажатой обѣими руками.

— Не отъ васъ?—удивилась княгиня.

— Да, я не по своей волѣ пріѣхалъ сюда.

Я разсказалъ причину своего пріѣзда.

— Мерзость!—не выдержавъ, пробормоталъ дѣдъ.

— Ah, c'est tout-à-fait votre histoire! —обратилась къ нему княгиня со вздохомъ.

— Ну, не совсѣмъ tout-à-fait,—пробормоталъ дѣдъ.

Я посмотрѣлъ на него вопросительно, меня интересовалъ вопросъ, что можетъ быть общаго между нашими исторіями. Но онъ молчалъ. Разговоръ какъ-то не клеился. Но я видѣлъ, что княжна Зинаида начала смотрѣть на меня съ особеннымъ любопытствомъ.

— Ахъ, вамъ будетъ здѣсь очень скучно!—простонала со вздохомъ княгиня.

— Обживусь! Вѣдь вы же привыкли къ этому затишью и не скучаете,—замѣтилъ я.

— Не скучаемъ!—вырвалось изъ устъ княжны невольное восклицаніе, и въ немъ прозвучала какая-то странная, хватающая за сердце нота—не то злой иронiи, не то отчаянія.

Я обратилъ на нее глаза. Она вся поблѣднѣла, и ея глаза сдѣлались совсѣмъ темными и матовыми. Я сконфузился, что невольно задѣлъ ея больное мѣсто.

— Да, здѣсь скучно,—заныла княгиня.—Но что же дѣлать? Я все больна, князь тоже слабъ, мы не можемъ выѣзжать...

Дѣдъ насмѣшливо обратился къ Полинѣ Францовнѣ съ вопросомъ:

— Ну, а вы, Полина Францовна, тоже скучаете?

Старушка испугалась и задрожала, прозвенѣвъ оброненною ею на тарелку вилкою. Она, кажется, уже начинала отдыхать, питая сладкія надежды, что всѣ забыли о ея присутствіи, и теперь не могла не волноваться, увидавъ обманчивость своихъ надеждъ.

— Я... я...—забормотала она прерывающимся голосомъ.— Мнѣ тихо здѣсь...

Она говорила нечистымъ русскимъ языкомъ.

— Такъ, такъ, — ласково проговорилъ дѣдъ. — Тихо, ну, и прекрасно! Чего гнаться за бурями, когда мачты сломаны и руль потерянъ? Тихо — ну, и отлично!

Въ звучномъ и мелодическомъ голосѣ дѣда звучали грустныя и затушевныя ноты. Полина Францовна, повидимому, была очень рада, что угодила дѣду и съ благодарностью взглянула на него.

— Ахъ, Полина слишкомъ боится шуму! Она ищетъ только одиночества, тишины. Но вѣдь это значитъ заживо похоронить себя, — произнесла сентиментально княгиня.

— А между людьми толкаться что толку? — спросилъ дѣдъ, хмуря брови. — Одинъ подлецъ, другой дуракъ, — вотъ вамъ и все общество.

— А куда же вы честныхъ и умныхъ отчислили? — спросилъ я.

— За штатъ, — односложно оборвалъ дѣдъ.

Наступило молчаніе. Дѣдъ, видимо, не желалъ говорить со мною и обратился снова къ княгинѣ. Но хотя онъ говорилъ и не со мною, я все-таки ясно понялъ, что его слова служили отвѣтомъ мнѣ.

— Дураковъ и подлецовъ видѣть — это еще не особенное счастіе, — заговорилъ онъ рѣзко. — Честныхъ же, да умныхъ въ нынѣшнемъ обществѣ вы не увидите. Они или бьются съ этимъ обществомъ, или бѣгутъ отъ него. Ну, значитъ, нужны силы, чтобы попасть въ ихъ ряды, чтобы бороться рядомъ съ ними — или нужно бѣжать отъ общества, какъ бѣгутъ они.

Я въ это время началъ кое-какъ завязывать разговоръ съ княжной Зинаидой. Оказалось, что она много читаетъ и любитъ нѣкоторыя стихотворенія Пушкина, нѣкоторыя стихотворенія Лермонтова, особенно «Мцыри» послѣдняго. Я спросилъ ее, читала ли она «Бѣдныхъ людей» Достоевскаго. Она сказала, что читала и что это произведеніе очень тяжело на нее подѣйствовало, что она не могла спать въ теченіе двухъ ночей и что, наконецъ, «она ненавидитъ это произведеніе». Меня удивило такое заключеніе, и я сказалъ ей объ этомъ, прося объясненія.

— Я не люблю, когда и деревенскія женщины воютъ и причитаютъ надъ покойниками, — отвѣтила она и перемѣнила разговоръ.

Она говорила сдержанно и холодно, какъ будто ей не

хотѣлось быть откровенною. Наконецъ, обѣдъ кончился, и княгиня томно обратилась къ мужу:

— Князь, покажи Владиміру Михайловичу нашъ садъ.

Князь засуетился, мелкими шажками побѣжалъ со мною въ садъ, взглянувъ молящимъ взглядомъ на дочь. Княжна молча пошла за нами. Въ первой же аллеѣ сада князь началъ уморительно переминаться съ ноги на ногу и поглядывать на дочь.

— Папа, ты вѣдь спать хочешь?—проговорила она.

— Ничего, ничего,—залепеталъ онъ въ смущеніи и скороговоркой.

— Пожалуйста, не стѣсняйтесь,—замѣтилъ я.

Князь словно ожилъ.

— Да, я, знаете, люблю послѣ обѣда... Привычка... Княгиня садъ нашъ любитъ, всегда проситъ показать его гостямъ послѣ обѣда... Ну, а я... знаете, привычка скверная... уснуть люблю... Княгиня этого не знаетъ... Она женщина нервная, подумаетъ, что я отъ нездоровья приваливаюсь... А у меня, ей-Богу, это только привычка...

Князь частилъ, словно желая наговориться за все время предстоящаго молчанія во время сна. Княжна какъ-то сострадательно глядѣла на него.

— Такъ ты останешься съ Владиміромъ Михайловичемъ здѣсь?—нѣжно обратился онъ къ дочери.—Послѣ велишь меня разбудить, когда пойдете на половину княгини!..

— Ступай, ступай!—нетерпѣливо проговорила княжна.

Князь нѣжно поцѣловалъ руку дочери и ушелъ. Мы пошли молча по аллеѣ запущеннаго сада. Княжна ощипывала листы съ сорванной ею вѣтки.

— Отчего это люди такіе забитые, робкіе?—проговорила она чрезъ нѣсколько минутъ, какъ бы про себя и вдругъ, словно что-то вспомнивъ, прибавила:—я это говорю о герояхъ Достоевскаго, о немъ самомъ. Отчего его герои забиты и робки, и онъ самъ только причитаетъ надъ ними, какъ безпомощныя крестьянки причитаютъ надъ покойниками?

— Бѣдняки таковы и въ жизни, какъ въ его повѣсти,—отвѣтилъ я.

— Да?.. Я не знаю общества, потому и не могу судить. Мнѣ не приходилось встрѣчать бѣдняковъ, кромѣ крестьянъ,—какъ-то холодно и почти гордо произнесла она.—Но мнѣ кажется, что не стоитъ описывать бѣдныхъ, если надъ ними можно только причитать, если не находишь средства указать на путь къ ихъ спасенію. Это только нервы раздра-

жаетъ и дѣлаетъ людей слабыми, а на слабость и на нервы и безъ того всѣ жалуются... Что, вы со многими здѣсь познакомились?— холодно перемѣнила она разговоръ.

— Нѣтъ, я ни у кого не былъ и не думаю быть,— отвѣтилъ я.

— Мы тоже ни съ кѣмъ не знакомы...

— Но вѣдь вамъ же приходится встрѣчаться съ сосѣдями хоть въ церкви?

— Мы почти не ѣздимъ въ церковь.

— А я думалъ, что ваша матушка очень набожна...

— Я, право, не знаю, какъ вамъ сказать, можетъ-быть, она и набожна,—въ раздумьи сказала княжна Зинаида.— Но она не ѣздитъ въ церковь потому, что ей тяжело встрѣчаться съ сосѣдями. Она такъ слаба, что ей трудно поддерживать знакомства.

— Но вамъ скучно безъ общества?..

— Съ обществомъ было бы не веселѣе... Я не люблю здѣшняго общества, хотя знаю его только по слухамъ. Я покойнѣе, когда не вижу людей, сижу за книгой, за вышивкой, хожу по саду, катаюсь верхомъ... Правда, про меня говорятъ, что я оригинальничаю, что я изъ гордости не схожусь ни съ кѣмъ, но вѣдь для меня все равно, что говорятъ обо мнѣ. Я могу только одно отвѣтить въ свое оправданіе: никто изъ нихъ не знаетъ меня, значитъ и говорить, что услышитъ или самъ выдумаетъ.

Мнѣ начало казаться, что передо мною стоитъ не совсѣмъ двужинная уѣздная барышня.

— А я съ вами уже видѣлся разъ,—замѣтилъ я:— вы катались верхомъ.

— Да, я ѣзжу почти каждый день,—замѣтила княжна Зинаида.

— И постоянно безъ провожатыхъ?

— Иногда съ отцомъ, но больше одна.

— О, да вы изъ храбрыхъ.

— Чего же бояться? Когда ѣздитъ отецъ со мною, то съ нимъ скучно. Онъ всегда труситъ.

— Ну, онъ ужъ слабъ.

— Да онъ не за себя труситъ, а за меня. Онъ самъ очень смѣлый наѣздникъ. Онъ вѣдь изъ кавалеристовъ.

— Вотъ трудно повѣрить!—невольно проговорилъ я.

Она нахмурила брови. Ей было, видимо, непріятно, что я замѣтилъ слабость и трусость ея отца. Я поспѣшилъ поправиться.

— Въ немъ нѣтъ ни капли того непріятнаго ухарства, которымъ отличаются отставные кавалеристы,—сказалъ я.

Княжна Зинаида пристально взглянула на меня.

— А вамъ лучше нравятся смиренно улыбающіяся личности?—спросила она съ насмѣшливостью въ голосѣ.

— Ну, это тоже крайность!

— Крайность и гораздо худшая, чѣмъ ухарство,—серьезно замѣтила она.—Не люблю я забитыхъ трусовъ. Я очень рада, что отецъ остается попрежнему смѣлымъ,—добавила она.—Я, кажется, презирала бы его, если бы онъ былъ трусомъ. Знаете ли, прошлой зимой мы катались съ нимъ ночью, и за нами погнались два волка. Отецъ только вожжами передернулъ и продолжалъ разговаривать и смѣяться, только мелькомъ замѣтивъ мнѣ: «ну, вотъ хорошо, хоть съ фонарями доѣдемъ, не такъ темно будетъ». Это онъ волчьи глаза фонарями назвалъ...

Княжна Зинаида смотрѣла такъ же гордо и спокойно, какъ, вѣроятно, смотрѣла она въ ту минуту, когда за ней и ея отцомъ гнались волки. Я невольно залюбовался ея прекраснымъ, немного холоднымъ, немного насмѣшливымъ лицомъ.

— А вотъ и я, вотъ и я,—зачастилъ князь, проснувшійся ранѣе срока и отыскавшій насъ.—Ну, что нашъ садъ—хорошъ?

— Удивительно хорошъ, но еще больше понравился мнѣ разсказъ о вашей храбрости при нападеніи волковъ,—улыбнулся я.

— Ну, что это за храбрость! Вѣдь мнѣ же на моемъ вѣку и медвѣдей, и волковъ не впервые приходилось встрѣчать,—скороговоркой промолвилъ князь.

Я улыбнулся и подумалъ: «ну, а такую женщину, какъ княгиня, ты вѣрно впервые встрѣтилъ, что такъ боишься ея».

Мы прошли въ комнаты. Дѣдъ уже давно ушелъ домой. Княгиня появилась къ намъ и начала убиваться о князѣ Аполлонѣ, рисуя новыя опасности, которымъ, можетъ-быть, подвергался теперь князь Аполлонъ. Княжна Зинаида холодно молчала. Князь съежился на стулѣ и, кажется, прислушивался, не дастъ ли ему какого-нибудь порученія княгиня. Полина Францовна притаилась въ уголку и, повидимому, опять радовалась, что ее не замѣчаютъ, что о ней забыли. Вечеръ тянулся убійственно скучно; наконецъ, у княгини, ко благу человѣчества, начался тикъ, и я могъ уѣхать, взявъ слово съ князя, что онъ пріѣдетъ ко мнѣ на

охоту. Я ѣхалъ домой и долго размышлялъ объ всемъ этомъ семействѣ. Меня интересовала княжна Зинаида. Думая о ней, я даже позабылъ на время лѣта.

Пріѣхавъ домой, я былъ обрадованъ неожиданнымъ пріѣздомъ Гриши. Онъ привезъ мнѣ письма отъ моихъ старыхъ провинціальныхъ знакомыхъ и надѣялся провести у меня конецъ лѣта. Мы встрѣтились, какъ родные братья, и проболтали до поздней ночи; наконецъ, я напомнилъ своему юному другу, что ему не худо и отдохнуть съ дороги. Онъ признался, что онъ-таки порядкомъ утомился, и легъ спать въ моемъ кабинетѣ, но черезъ минуту мы уже снова болтали, и намъ удалось заснуть только по утру, когда я упорно отказался отвѣчать неугомонному юношѣ и объявилъ, что я перейду въ другую комнату, если онъ не замолчитъ. Съ пріѣздомъ Гриши, мой домъ оживился. Гриша по цѣлымъ днямъ разгуливалъ со мною, осматривая окрестности, отправляясь на рыбную ловлю или на охоту и постоянно находя въ своей памяти новые анекдоты объ оставленномъ мною и имъ городишкѣ.

Дней черезъ пять къ моему дому подъѣхала ветхая, неуклюжая коляска, докладывавшая о себѣ еще издали жалобнымъ дребезжаньемъ; я взглянулъ въ окно и увидалъ привѣтливо и весело кивающую мнѣ головку розовенькаго старичка. Это былъ князь Анатолій Леонидовичъ Мышкинъ. Я поспѣшилъ на крыльцо. Оказалось, что князь былъ не одинъ: съ нимъ сидѣлъ какой-то господинъ лѣтъ сорока, довольно худощавый, загорѣлый, черноволосый, съ неглупымъ и язвительнымъ выраженіемъ лица.

— А я къ вамъ не одинъ,—заговорилъ князь, торопливо пожимая мнѣ руки и улыбаясь.—Я привезъ къ вамъ...

— Вашего бывшаго родственника, Андрея Дмитріевича Хомутова,—договорилъ съ гримасой незнакомый мнѣ господинъ.

— Отчего же бывшаго, а не настоящаго родственника?— спросилъ я съ улыбкой, пожимая его загорѣлую, грубую, но маленькую и красивую руку.

— Да ужъ такъ судьбѣ угодно: въ моей жизни все бывшее — и богатство, и дворянское званіе, и родственныя связи.

Я пригласилъ гостей въ свой кабинетъ.

— Надѣюсь, что вы будете, какъ дома,—сказалъ я имъ.

Я былъ душевно радъ ихъ пріѣзду и надѣялся развлечься болтовней съ посторонними людьми.

— Ну, нѣтъ, князь будетъ здѣсь вѣрно не какъ дома,— усмѣхнулся Хомутовъ ироническою улыбкой.

— Шутникъ, шутникъ! Все шутитъ,—пробормоталъ веселымъ тономъ князь и началъ торопливо осматриваться и хвалить мой кабинетъ.

— И какъ это вы устроились; точно здѣсь никогда и не жилъ вашъ прадѣдъ, все такъ уютно, хорошо! — говорилъ онъ, ходя по комнатѣ.

Я распорядился насчетъ обѣда и пошелъ показывать своимъ гостямъ свое помѣщеніе. Оно очень понравилось князю. Увидавъ висѣвшій въ залѣ портретъ капитана, моего дяди, князь сталъ разспрашивать о старикѣ и передалъ мнѣ нѣсколько новыхъ свѣдѣній о моемъ прадѣдѣ, о которомъ помнилъ весь уѣздъ. Хомутовъ или не вмѣшивался въ разговоръ, или вставлялъ свои язвительныя замѣчанія. Наконецъ, Гриша пришелъ сказать, что обѣдъ поданъ. Мы всѣ пошли въ столовую. Князь болталъ безъ умолку, какъ только-что начавшій говорить ребенокъ. Онъ удивился, увидавъ за моимъ столомъ Гришу, и спросилъ меня по-французски, кто это. Я сказалъ, что это одинъ изъ моихъ юныхъ друзей, недавно пріѣхавшій изъ того города, гдѣ я жилъ еще такъ недавно; князь ласково потрепалъ его по плечу и весело принялся за вино. Онъ дѣйствительно былъ не такимъ, какъ дома, поминутно громко смѣялся и острилъ.

— Эй, князь, не пейте, не здорово,—замѣтилъ ему Хомутовъ.

— Ну, да, толкуйте! Точно я въ первый разъ въ жизни съ виномъ знакомство свожу! — засмѣялся князь, осушая рюмку.—Я, знаете, дома не пью,—обратился онъ ко мнѣ:— хорошее вино пить дорого, дрянь же и держать не стоитъ.

— Ну, а княгиня говоритъ, что вы ради сохраненія здоровья не пьете,—продолжалъ подшучивать Хомутовъ.

— Нападаетъ все на княгиню!—махнулъ рукой князь.— Это вѣдь два врага,—объявилъ онъ мнѣ. — Видѣть другъ друга не могутъ. И какъ только вашъ дѣдушка разсердится на княгиню, такъ тотчасъ же и подошлетъ его къ намъ,— ну, у княгини сейчасъ тикъ; глядишь, она два дня на своей половинѣ и обѣдаетъ, и чай пьетъ.

— А вамъ всѣ половины показывали у князя? — засмѣялся ѣдкимъ смѣхомъ Хомутовъ.

Я сдѣлалъ усиліе, чтобы удержаться отъ улыбки, и отвѣтилъ сквозь зубы:

— Я, кажется, видѣлъ весь домъ.

— Да, это вѣдь интересно: двѣ комнаты — половина княгини, одна комната — половина князя, каморка — половина Полины Францевны, свѣтелка — половина княжны, чуланчикъ и кухонка — службы и людскія половины. Что шагъ ступишь, то въ чужія владѣнія попадешь и можешь подвергнуться преслѣдованію.

— Слабости княгини! — пожалъ плечами князь, какъ бы оправдываясь. — А знаете ли вы, кто Андрея Дмитріевича къ вамъ прислалъ?

— Никто меня не присылалъ, — недовольнымъ тономъ перебилъ князя Хомутовъ.

— Ну да, ну да, теперь и сердиться начинаетъ, какъ про самое правду хотятъ сказать, — засмѣялся князь.

— Какъ же это правда? Ну, развѣ меня могутъ куда-нибудь посылать? Развѣ у меня есть княгиня? — Хомутовъ обратился ко мнѣ. — Вы вѣдь не посвящены во всѣ тайны нашей жизни, — сказалъ онъ: — и для васъ, вѣроятно, кажутся странными наши отношенія. Дѣло въ томъ, что я и князь, мы живемъ душа въ душу, и оба одинаково легко и весело смотримъ на міръ; но у насъ есть одинъ пунктъ, на которомъ расходятся наши убѣжденія, и мы дѣлаемся врагами. Дѣло въ томъ, что князю кажется, будто у всякаго человѣка есть своя княгиня, а я, напротивъ того, утверждаю, что человѣкъ можетъ прожить и безъ княгини. Такъ какъ я въ настоящее время живу у вашего дѣда, то князь и вообразилъ, что это моя княгиня. Но смѣю васъ увѣрить, что вашъ дѣдъ играетъ для меня роль княгини не болѣе, чѣмъ и для васъ.

— Я васъ не совсѣмъ понимаю, что вы подразумѣваете подъ именемъ княгини, — замѣтилъ я.

— Воронье пугало!

Гриша прыснулъ со смѣху. Я не могъ удержаться отъ улыбки. Князь, качая головою, тоже улыбнулся.

— Вы видите, онъ своей княгини и теперь боится, — указалъ мнѣ Хомутовъ на князя.

— Ну, вотъ глупости, совсѣмъ я ея не боюсь. Но, знаете, — объяснялъ князь: — княгиня женщина болѣзненная, у нея тикъ; конечно, я стараюсь не раздражать ее. А бояться ея мнѣ нечего.

Князь, кажется, и теперь струсилъ, что княгиня можетъ узнать его легкомысленныя рѣчи.

— Нѣтъ ужъ, князь, вы не оправдывайтесь, — продолжалъ Хомутовъ. — Княгиня только у васъ у одного и можетъ быть,

потому что вы преступникъ и должны быть подъ опекой. Онъ вѣдь, знаете, въ одинъ день все свое состояніе въ карточки спустилъ,—обратился ко мнѣ Хомутовъ. — Ну, конечно, княгинѣ это было обидно, она увидала его легкомысліе и взяла его подъ опеку. Съ тѣхъ поръ она и въ деревню переселилась, и тикомъ начала страдать.

Князь улыбался черезъ силу и поспѣшилъ перемѣнить разговоръ.

— Ну, а развѣ не правда, что старикъ-то послалъ васъ сюда?—началъ онъ дразнить Хомутова.

— Не послалъ, но, кажется, былъ радъ, что я поѣхалъ сюда,—отвѣтилъ Хомутовъ.—А вы когда къ нему собираетесь?—обратился онъ ко мнѣ.

— Я совсѣмъ не поѣду къ нему,—отвѣтилъ я.

— Это почему? Онъ отличный старикъ.

— Ну, отличные люди не станутъ гостей травить собаками,—засмѣялся я.

— Подлецовъ-то!—воскликнулъ Хомутовъ.—Да я на его мѣстѣ не собаками бы сталъ травить ихъ, а приглашалъ бы ихъ къ себѣ, да поролъ бы. Такъ-таки и поролъ бы безъ всякаго зазрѣнія совѣсти. У насъ иногда рѣшительно нельзя поступать иначе съ подлецами. Навязывается къ вамъ любознательный господинъ, вы ему говорите, что не хотите знаться съ любознательными господами, а онъ все-таки лѣзетъ къ вамъ. А, братецъ, коли такъ—изволь, приходи ко мнѣ, я тебѣ покажу, какъ я принимаю вашего брата: штанишки долой и пори! Или женщинамъ вотъ тамъ у васъ въ столицѣ проходу нѣтъ на улицѣ — почему? Потому, что должны женщины, имѣющія братьевъ, мужей, или даже просто короткихъ знакомыхъ, приводить непрошенныхъ провожатыхъ на свою квартиру—и тутъ тихимъ манеромъ пусть близкіе женщинамъ люди взлупятъ этихъ господчиковъ. Разъ вспорютъ, два вспорютъ—покорнѣйше благодарю, больше провожать не полѣзутъ—себѣ, молъ, дороже стоитъ.

Хомутовъ говорилъ съ неподражаемо серьезнымъ видомъ. Гриша опять прыснулъ со смѣху.

— Довольно оригинальныя мѣры!—засмѣялся я.

— Да вѣдь и общество-то у насъ довольно оригинальное,—замѣтилъ Хомутовъ.—На одномъ концѣ идолопоклонники, не знающіе, что значитъ мыться, что значитъ имѣть постоянный домъ, пожирающіе сырую рыбу и сырое мясо; на другомъ концѣ люди, пользовавшіеся въ прошломъ сто-

лѣтіи до злоупотребленія избирательнымъ правомъ, выработавшіе утонченную, чисто французскую цивилизацію, со всѣми ея скверными и хорошими сторонами. Въ одной сторонѣ хлѣбъ гніетъ отъ излишка; на другой сторонѣ ѣдятъ кору отъ голода. У помѣщиковъ въ рукахъ право сѣчь, отдавать въ солдаты, женить насильно, брать въ любовницы бабъ; у крестьянъ даже нѣтъ права жаловаться, если бы изъ нихъ даже жилы тянули...

— Ну, это немного утрировано...

— Помилуйте! Статья закона запрещаетъ жаловаться. Да это что! Есть вещи и похуже,—усмѣхнулся Хомутовъ своею первой улыбкой, болѣе походившей на гримасу, чѣмъ на улыбку.—Я знаю даже и то, что до 1836 г. изъ законнорожденныхъ можно было незаконнорожденнымъ сдѣлаться, нетъ какъ, напримѣръ, я сдѣлался.

— Меня крайне интересуетъ ваша исторія,— замѣтилъ я.

— А вотъ я вамъ ее разскажу на досугѣ, послѣ обѣда. Князь, вѣроятно, вздремнетъ.

— Что вы, что вы!—возразилъ князь.

— Не церемоньтесь! Мы потолкуемъ, а вы усните. Возьмите съ собою сигару и отдохните.

Подгулявшій князь остался весьма доволенъ моимъ предложеніемъ, чокнулся со мною рюмкой и пошелъ за Гришей въ мой кабинетъ. Я и Хомутовъ прошли въ садъ, въ бесѣдку, разлеглись тамъ на диванъ и, прихлебывая кофе, стали толковать. Черезъ нѣсколько минутъ къ намъ присоединился Гриша и сказалъ, что князь уже уснулъ.

Разсказъ моего бывшаго родственника.

Я вашъ бывшій родственникъ,—началъ говорить Андрей Дмитріевичъ.—Кромѣ того, я бывшій богачъ, бывшій владѣлецъ большого имѣнія, бывшій законный сынъ и наслѣдникъ моихъ родителей, однимъ словомъ, бывшій счастливчикъ, которато прочили, по крайней мѣрѣ, въ директоры какого-нибудь департамента, а при счастливомъ случаѣ надѣялись видѣть, можетъ-быть, и губернаторомъ. Теперь я незаконнорожденный, жалкій учитель въ сельской школѣ вашего дѣда, бывшій и актеромъ на провинціальномъ театрѣ, и половымъ въ трактирѣ, и, какъ видите, я не богатъ. Не думайте, что я пропилъ свое имущество. Нѣтъ-съ, я пилъ и пью иногда и теперь, но началъ я пить только тогда, когда мнѣ въ сущности и пропивать было нечего. Если у васъ будутъ дѣти, желаю, чтобы они не испытали

ничего подобнаго тому, что испыталъ я... Мой отецъ доводился родственникомъ вашей матери, онъ былъ богатъ, причудливъ, не умѣлъ ужиться съ родными, не умѣлъ поладить съ начальствомъ, жилъ безъ дѣла, хандрилъ, былъ недоволенъ жизнью и удивлялъ общество своимъ чудачествомъ. Однимъ изъ самыхъ крупныхъ его чудачествъ была его женитьба на дочери одного мелкопомѣстнаго дворянина, его сосѣда по имѣнію. Хотя этотъ неравный бракъ и возбудилъ сначала различные толки, но такъ какъ мой отецъ былъ очень богатъ, то его знакомые скоро поняли необходимость оказывать уваженіе моей матери и принять ее въ свой кругъ. Очень ужъ хорошо кормили гостей въ нашемъ домѣ! Ей жилось не худо, хотя она иногда и страдала, когда мой отецъ впадалъ въ меланхолію, когда онъ затворится въ своемъ кабинетѣ отъ всѣхъ людей, называя ихъ холопами и рабами. Гораздо лучше жилось мнѣ. За мной ухаживали всѣ со дня моего рожденія, губернаторъ-съ меня на рукахъ носилъ. И не только на рукахъ носилъ, но одинъ разъ до того расчувствовался, что въ лошадки со мной игралъ. Очень ужъ они къ богатству-то снисходительны. Когда я сталъ подрастать, то я, знаете, себя чуть не царемъ воображалъ. Гувернеръ, гувернантка, прислуга, знакомые, всѣ только и кричали: «Ахъ, какой красавчикъ Андрюша! ахъ, какъ Андрюша уменъ!» Вѣтеръ, кажется, не смѣлъ на меня пахнуть. Ну, ужъ и капризенъ же я былъ! Захотѣлось мнѣ разъ, чтобы одинъ чиновникъ на четверенькахъ по комнатѣ прошелъ, изображая собаку,—настоялъ-съ на своемъ, заставилъ чиновника въ собаку превратиться. Этакого-то шалыгана отдали въ Петербургѣ въ одинъ изъ аристократическихъ пансіоновъ,—хотѣли, чтобы я между дѣтьми исправился. Только тутъ мнѣ еще больше было раздолья ломаться надъ людьми. Учителя, гувернеры, директоръ видятъ, что я въ экипажѣ пріѣзжаю на уроки, знаютъ, что мой отецъ богачъ, и все мнѣ спускаютъ. Мальчишки поживляются отъ меня конфетами и деньгами и ходятъ передо мной на заднихъ лапкахъ. Кто мнѣ изъ дѣтей не нравится, тому житья нѣтъ въ классахъ, всѣ его бьютъ, всѣ къ нему придираются. И ужъ какъ же мало я учился, такъ вы и представить себѣ не можете. Шло этакъ время, приближался тринадцатый годъ моей жизни. Отецъ мой въ это время чудилъ напропалую, пересталъ принимать къ себѣ знакомыхъ, ругалъ общество, ругалъ новое направленіе общественнаго порядка—это было въ 1824 году—и возбу-

дилъ противъ себя многихъ вліятельныхъ лицъ. Можетъ-быть, все окончилось бы благополучно: отецъ страдалъ желчью, былъ слабъ и, вѣроятно, скоро бы умеръ. Но судьба удрала съ нимъ другую штуку. Около этого же времени возвратился изъ-за границы братъ моего отца, служившій въ военной службѣ во время отечественной войны, раненый въ одномъ изъ сраженій и долго лѣчившійся или, лучше сказать, долго проматывавшій свои деньги за границею. Молодецъ явился въ Россію въ вожделѣнномъ здравіи, но голъ, какъ соколъ. Нужно было поправить дѣлишки. Началъ онъ обнюхивать, нѣтъ ли гдѣ падали, и разнюхалъ хорошую добычу. Съ моимъ отцомъ онъ былъ въ ссорѣ и постоянно говорилъ, что мой отецъ сумасшедшій. Прежде всѣ только смѣялись, когда дядюшка такъ отзывался о своемъ братѣ, теперь же оскорбленные отцомъ люди поддакивали дядюшкѣ и, можетъ-быть, тайно подумывали: «Какъ жаль, что имѣніе-то неуживчиваго Дмитрія Петровича Хомутова находится не въ рукахъ милѣйшаго Петра Петровича Хомутова». Отъ толковъ о сумасшествіи моего отца было недалеко до толковъ о его неравномъ бракѣ, какъ самомъ ясномъ доказательствѣ сумасшествія. Покуда въ обществѣ шли толки, нельзя ли моего отца отдать подъ опеку, дядюшка началъ что-то припоминать, началъ наводить какія-то справки, и въ одинъ прекрасный день, совершенно неожиданно даже для враговъ моего отца, началось дѣло о расторженіи незаконнаго брака отставного ротмистра Дмитрія Петрова Хомутова съ его кумою Анною Ивановой Мытищевой... Теперь мнѣ самому кажется, что мой отецъ былъ сумасшедшимъ. Ну, возможно ли было человѣку съ здравымъ смысломъ надѣяться, что никто и никогда не вспомнитъ, что онъ еще юношею крестилъ кого-то вмѣстѣ съ дѣвочкою, на которой потомъ женился? Будь онъ нищій — а! это другое дѣло, тогда никто и не вспомнилъ бы, что онъ приходился кумомъ своей женѣ, а тутъ дѣло другое! Завязалось дѣло, тянулось оно недолго, отца признали сумасшедшимъ, мать упрятали въ монастырь, а я превратился въ незаконнорожденнаго ребенка... Нашлась только одна добрая душа, которая подобрала меня съ улицы, — это была сестра моей матери, женщина бѣдная, обремененная большимъ семействомъ. Я былъ не такого характера, чтобы ужиться и въ довольствѣ и съ однимъ человѣкомъ, а тутъ и бѣдность, и семеро ребятишекъ, которыхъ я билъ на каждомъ шагу. Плохо мнѣ жилось. Тетка наказывала

меня за своихъ дѣтей, дѣти вооружались противъ меня всѣ разомъ. Мое нѣжное тѣло было вѣчно покрыто синяками; я былъ вѣчно голоденъ; мнѣ говорили, что меня въ подпаски отдадутъ, въ сѣрый армякъ одѣнутъ. Не подъ силу стало мнѣ выносить эту каторгу, озлобился я окончательно и задумалъ сдѣлать одно дѣльцо. Выбралъ я ночь потемнѣе и поджегъ сарай при домѣ тетки. Притаился я въ постели, готовясь выскочить въ окно, какъ только огонь дойдетъ до моей комнаты. Мое сердце замирало отъ страха. Каждую минуту я готовился вскочить и убѣжать, боясь, что послѣ я не успѣю выскочить въ окно. Но въ то же время меня удерживала отъ побѣга мысль, что тогда меня заподозрятъ въ поджогѣ. У меня зубъ на зубъ не попадалъ, хотя ночь была душная, жаркая. Мнѣ казалось, что ей конца не будетъ, что я вѣчно буду ждать этого проклятаго зарева. Порою мнѣ хотѣлось взглянуть, не погасъ ли огонь, но я боялся встать. Наконецъ, когда я уже начиналъ успокаиваться и думалъ, что пожара не будетъ, что огонь загасъ, на дворѣ раздались пронзительное мычанье нашей коровы и крики нашей работницы: «Горимъ,„горимъ!» Какъ страшны эти звуки въ ночную пору, какъ гулко стонутъ они въ затишьѣ! И какъ страшно, когда знаешь, что самъ былъ причиною этого ужаса! Въ минуту всѣ въ домѣ были на ногахъ. Всѣ хватали, что могли: кто тащилъ кочергу, кто несъ старое ведро, а огненные языки поднимались все выше и выше. Небо казалось еще чернѣе, еще глубже надъ этимъ пламенемъ. Надъ домомъ среди дыма показался одинъ изъ нашихъ бѣлыхъ голубей, онъ былъ ярко озаренъ и кружился на одномъ мѣстѣ, словно не могъ вырваться на свѣжій воздухъ, — вдругъ онъ перекувырнулся и мгновенно исчезъ въ огнѣ. Я чуть не зарыдалъ. Тетка, работница и дѣти безпомощно стонали, глядя на пожаръ. Меня била лихорадка. Народъ возился около хлѣва.

— Не-йдетъ! не-йдетъ! — кричалъ какой-то мужикъ.

И въ отвѣтъ на эти крики изъ хлѣва раздавалось жалобное, протяжное мычанье коровы. Господи! никогда не слыхалъ я болѣе страшныхъ стоновъ, а, кажется, насмотрѣлся я и наслушался людского горя! Я былъ внѣ себя: наконецъ, мычанье стало тише, еще жалобнѣе, еще протяжнѣе; скотина стонала, какъ больной человѣкъ, — и въ воздухѣ вдругъ запахло горѣлыми костями и шерстью. Въ этотъ мигъ тетка крикнула:

— Господи, да вѣдь Саньки здѣсь нѣтъ!

Я обернулся и увидалъ, что дѣйствительно между нами не было моего двухлѣтняго двоюроднаго брата. Я стремглавъ бросился въ горящій домъ. Мнѣ хотѣлось, кажется, не брата спасти, а самому сгорѣть. Я бѣжалъ сквозь дымъ и пламя, была минута, когда я не надѣялся болѣе жить; я упалъ, задѣвъ за что-то. Но я быстро вскочилъ, вспомнивъ, что я не одинъ сгорю, что сгоритъ и Санька. Добѣжавъ до комнаты, гдѣ обыкновенно спали дѣти, я выхватилъ изъ люльки ребенка, завернулъ его въ одѣяло и побѣжалъ съ нимъ... Что было послѣ, я не помню... Только черезъ двѣ недѣли я очнулся въ крестьянской избѣ, въ ближайшей деревнѣ, гдѣ насъ пріютили. Тетка разволновалась моему пробужденію отъ забытья и называла меня нѣжными именами за спасеніе Саньки. Я не могъ вынести ея благодарности.

— Тетя, это я виноватъ во всемъ! — воскликнулъ я.

— Полно, голубчикъ, на все воля Божья,—проговорила тетка.—Онъ и милуетъ, Онъ и наказуетъ!

Медленно выздоравливалъ я. Все мнѣ казалось, что передо мной вьется нашъ бѣлый сгорѣвшій голубь, что подъ ухомъ жалобно-протяжно мычитъ горящая корова. Не могъ я смотрѣть на нищету и горе тетки, и ушелъ отъ нея скитаться по бѣлу свѣту... Это было на пятнадцатомъ году моей жизни. Съ этой поры я былъ и половымъ, и провинціальнымъ актеромъ, и писцомъ въ губернскомъ правленіи, и просьбы писалъ мужикамъ, пока не встрѣтился съ Александромъ Николаевичемъ. Онъ произвелъ меня въ чинъ сельскаго учителя...

Я еще удивлялся страннымъ событіямъ изъ жизни моего родственника, когда явился князь. Онъ былъ розовъ со сна и какъ-то сладко жмурился, глядя на заходившее за деревья сада солнце.

— Хорошо ли уснули, князь?—спросилъ я.

— Отлично.

— Квятиню во снѣ не видали?—спросилъ Хомутовъ.

— Богъ помиловалъ!

Князь былъ веселъ и шутилъ. По предложенію Гриши, мы рѣшили идти на берегъ озера ловить рыбу, захвативъ съ собою все нужное для ловли. Насъ сопровождала гурьба ребятишекъ, позванныхъ Гришей и накопавшихъ червей. Трудно сказать, кого болѣе радовало это маленькое partie de plaisir, Гришу ли, любителя рыбной ловли, или князя!

— Эхъ, дамъ бы сюда! — промелькнуло мнѣ князь, уса-

жившись на берегу озера и надвинувъ себѣ на глаза картузъ для защиты отъ солнца. — Плохо, батенька, безъ хозяйки.

— Что же дѣлать, если не удалось еще жениться?

— Надо ошибку поправить, надо! — говорилъ князь.

— Ну, и женитьба тоже не Богъ знаетъ какая благодать! — замѣтилъ Хомутовъ.—Вотъ вы, князь, безъ княгини, ей-Богу, лучше.

— Э, что вы все меня въ примѣръ ставите! Я исключеніе. Я теперь точно стѣсняюсь при княгинѣ, но вѣдь у нея тикъ. Это дѣло особаго рода.

— Ну, а Полина Францовна счастлива была въ замужествѣ?

— Да, скажите, пожалуйста, что это за странная старушка?—спросилъ я, съ невольнымъ любопытствомъ обращаясь къ князю.

— О, она предобрая!—воскликнулъ князь.—Она полька, вышла за брата княгини на шестнадцатомъ году замужъ, уѣхала съ мужемъ въ деревню, а у него тамъ цѣлый крѣпостной сераль былъ. Онъ ее и сталъ заставлять угощать и прислуживать его любовницамъ. Всякій день у него людей пороли, всякій день оргіи были. Онъ на весь уѣздъ безобразничалъ. Пробовала Полина Францовна убѣжать—воротилъ ее по этапу и, за наказанье, велѣлъ ей стоять каждый день во время обѣда въ теченіе трехъ недѣлъ на колѣняхъ предъ гостями...

Мнѣ стало скверно.

— И ничего ему не сдѣлали?—спросилъ я.

— Нѣтъ, разъ накуралесилъ черезчуръ, такъ его перевели на житье въ Сибирь. Полина Францовна думала-было не ѣхать—переслать ее приказалъ... Потому-то она и выглядитъ такою запуганною. Про нее, знаете, разсказываютъ, что въ былыя времена, ожидая мужа изъ гостей, она заболѣвала лихорадкой, какъ помѣшанная дѣлалась, и только твердила: «охъ, Олексѣй пріѣдетъ, охъ, Олексѣй пріѣдетъ!..» Разсказывали тоже, что разъ она ходила по деревнѣ передъ пріѣздомъ мужа и у всѣхъ крестьянъ со слезами спрашивала: «гдѣ наша курица яйцо снесла?»—боялась, что мужъ за одно пропавшее яйцо ее или безъ обѣда оставитъ, или велитъ ей при гостяхъ нѣсколько земныхъ поклоновъ положить. А онъ тысячи въ карты проигрывалъ и на любовницъ тратилъ. И вѣдь, говорятъ, какая гордая какая красивая была она сначала...

— Да ужъ мужъ-то у насъ не воронье пугало! — вздохнулъ Хомутовъ.—Тутъ, дѣйствительно, есть чего бояться. А что князь, если бы васъ сослали въ Сибирь, вытребовали ли бы вы княгиню?

Князь только головой покачалъ.

— Все шутитъ!

Я не вмѣшивался въ разговоръ и молчалъ подъ невеселымъ впечатлѣніемъ разсказа. Гриша былъ тоже задумчивъ. Начинало дѣлаться сыро, и я былъ радъ случаю возвратиться домой.

День кончился ужиномъ, на слѣдующее утро мы собирались на охоту. Князь былъ хорошій стрѣлокъ. Послѣ охоты мы хорошо пообѣдали, отдохнули и провели вечеръ въ полумракѣ на террасѣ, бесѣдуя о разныхъ разностяхъ. Князь былъ вполнѣ счастливъ, но тужилъ, что на слѣдующій день нужно ѣхать домой.

— Ну, а когда же вы ко мнѣ?—спросилъ меня Хомутовъ.

— Я, право, затрудняюсь. Вы живете съ моимъ дѣдомъ.

— Я живу только на его землѣ, но не въ одномъ домѣ съ нимъ.

— Все равно, я не желалъ бы встрѣчаться съ нимъ,—сказалъ я.—Дѣло въ томъ, что старикъ, кажется, не такъ дуренъ, какъ его описывали мнѣ, и я радъ бы сойтись съ нимъ. Но я поставленъ въ странное положеніе.

Я откровенно разсказалъ Хомутову планы Бубнова

— Я не желалъ бы, чтобы изъ этихъ плановъ осуществилось хоть что-нибудь,—окончилъ я.—Я желалъ бы сойтись съ дѣломъ только въ томъ случаѣ, если я буду увѣренъ, что между нами никогда не возникнетъ разговоровъ о наслѣдствѣ.

— Да вы чего же это такъ боитесь его наслѣдства?—засмѣялся Хомутовъ.

— Не наслѣдства я боюсь, а боюсь происковъ изъ-за полученія денегъ. Мнѣ хотѣлось бы, чтобы старикъ видѣлъ во мнѣ хорошаго знакомаго, но никакъ не жаднаго родственника, который вертится около него, какъ воронъ около трупа. Наслѣдство мнѣ не нужно уже и потому, что я и своихъ-то крестьянъ хочу освободить, какъ только улажу дѣла съ братомъ.

— Э, такъ вы и на этомъ сойдетесь съ Александромъ Николаевичемъ, онъ тоже все подготовилъ къ освобожденію своихъ крестьянъ,—замѣтилъ Хомутовъ.

Онъ добавилъ, что я могу быть покоенъ, что дѣдъ не заподозритъ меня въ дурныхъ намѣреніяхъ, и еще разъ просилъ меня побывать у него. Я обѣщалъ. Мнѣ стало легче послѣ откровеннаго объясненія съ Хомутовымъ. Мои отношенія къ дѣду были мнѣ непріятны. Я слышалъ отъ всѣхъ и отчасти видѣлъ самъ, что это былъ человѣкъ не дурной, хотя и оригиналъ. Мнѣ было пріятно сойтись съ нимъ, но я боялся, что это стремленіе будетъ принято за желаніе сдѣлаться его наслѣдникомъ. Съ другой стороны, мнѣ было также неловко слишкомъ рѣзко отстраняться отъ дѣда, такъ какъ этимъ образомъ дѣйствія я какъ будто исполнялъ ловко придуманную программу Бубнова. Теперь я началъ надѣяться, что дѣдъ узнаетъ всю суть дѣла и отстранится отъ меня, заподозривъ тонкое плутовство и въ самой моей откровенности, или сойдется со мною просто и искренно, поняв, что я не принадлежу къ числу тонкихъ и своекорыстныхъ плутовъ.

X.

Мой дѣдъ.

Черезъ нѣсколько дней я снова былъ у князя Мышкина. Онъ собирался къ Хомутову и потащилъ меня съ собою. Андрей Дмитріевичъ былъ очень радъ нашему пріѣзду. Онъ жилъ въ небольшомъ чистенькомъ домѣ, гдѣ помѣщалась сельская школа, основанная дѣдомъ. Самъ Хомутовъ исполнялъ здѣсь роль главнаго наставника и училъ дѣтей съ помощью священника и какого-то отставного семинариста. Мы не успѣли сказать нѣсколькихъ словъ, какъ въ комнату вошелъ дѣдъ. Онъ поздоровался съ княземъ и подошелъ ко мнѣ.

— Одинъ навязывался съ ножомъ къ горлу, другой бѣжитъ отъ меня, какъ отъ огня, — промолвилъ онъ съ насмѣшливой, но въ то же время радушной улыбкой, протягивая мнѣ руку.

— Андрей Дмитріевичъ, вѣроятно, передалъ вамъ, почему я поступалъ такъ, а не иначе, и потому надѣюсь, что вы не станете обвинять меня за мой образъ дѣйствій,—отвѣтилъ я, искренно пожимая протянутую мнѣ руку.

— А порядочный негодяй твой отчимъ,—проговорилъ дѣдъ, обращаясь ко мнѣ, какъ къ родственнику, на «ты».

Хомутовъ завязалъ общій разговоръ, но дѣдъ почти не вмѣшивался въ наши толки и пристально разглядывалъ

жения. Черезъ нѣсколько минутъ онъ взялъ меня подъ руку и повелъ со мною въ садъ.

— Пусть ихъ толкуютъ, намъ познакомиться надо,—промолвилъ онъ мнѣ, оставляя князя и Хомутова.

Онъ началъ разспрашивать меня о матери, о моемъ прошломъ, о моей послѣдней исторіи въ столицѣ и внимательно слушалъ меня, то хмурясь, то ругая моего отчима и другихъ лицъ, къ которымъ и я относился скверно. Я узналъ отъ него, между прочимъ, что и онъ въ былыя времена совершилъ не по своей волѣ прогулку на Кавказъ, что онъ довольно близко стоялъ къ передовымъ людямъ своего времени и былъ оставленъ въ покоѣ только случайно. Менѣе чѣмъ черезъ часъ мы перестали стѣсняться между собою и говорили, какъ короткіе знакомые. Хомутовъ, вышедшій къ намъ въ садъ съ княземъ, былъ, видимо, доволенъ, что мы сошлись. Вечеромъ я сталъ собираться домой, но Андрей Дмитріевичъ просилъ меня переночевать у него.

— У меня хата не велика, а для двоихъ мѣсто найдется,—говорилъ онъ.

— Ужми только князя у себя, а Владиміръ переночуетъ у меня,—сказалъ дѣдъ.—Я кстати покажу ему портретъ его матери.

Я поблагодарилъ дѣда за приглашеніе и пошелъ за нимъ въ его домъ. Это было отличное, удобное и просторное зданіе. Все здѣсь было приспособлено къ спокойной и уютной жизни на барскую ногу. Прислуги у дѣда было много, и вся она была отлично одѣта, крайне вѣжлива и расторопна. Дѣдъ обращался съ нею хорошо и хотя не говорилъ ей *вы*, но и не называлъ ее полуименами, Петьками, Маньками и Васьками. Въ кабинетѣ, гдѣ помѣщалась и библіотека, дѣдъ показалъ мнѣ портретъ моей матери. Я съ грустью смотрѣлъ на эти любимыя мною черты лица. Дѣдъ былъ тоже угрюмъ и не веселъ.

— Ни за грошъ погибла!—проговорилъ онъ.

Я промолчалъ. Мнѣ было тяжело. Все прошлое ярко воскресло въ моей памяти и снова тяготило меня.

— Скажите мнѣ, пожалуйста, она вышла замужъ безъ вашего согласія за моего отца?—спросилъ я.

— Не то, чтобы безъ согласія, но безъ моего совѣта,—отвѣтилъ старикъ.—Я не считалъ никогда себя въ правѣ давать ей согласіе. Но она не посовѣтовалась со мной и вышла замужъ почти тайкомъ, хотя это было совсѣмъ не нужно. Романическій бракъ хотѣлось устроить! Правда, я

не любилъ ея мужа: онъ казался мнѣ тѣмъ безхарактернымъ идеалистомъ, которые умираютъ отъ чахотки или попадаютъ подъ башмакъ жены или спиваются съ кругу. Онъ считалъ меня деспотомъ, потому что я рѣшался сажать за одинъ столъ свою дочь и женщину, которая тогда жила со мной. Меня въ ту пору всѣ называли развратникомъ, но не все ли равно, съ кѣмъ я жилъ: съ ключницею или съ барыней, женатъ я былъ или нѣтъ? Тяжело мнѣ было, что воспитаніе Маши шло не такъ, какъ хотѣлъ я.

— Вы никогда ее не простили?

— Я на нее не сердился, — отвѣтилъ дѣдъ.— Она сама перестала писать ко мнѣ. Не потому перестала, что сердилась на меня, а потому, что намъ не о чемъ было переписываться. Пропасть цѣлая лежала между нами. Мы были чужими другъ для друга.

Дѣдъ хмуро наклонилъ голову на грудь и замолчалъ. Я невольно залюбовался лицомъ, дышавшимъ силой и энергіей.

— У меня съ тобой больше общаго, хотя мы только второй разъ видимся, — промолвилъ дѣдъ черезъ минуту и протянулъ мнѣ руку.

Онъ началъ говорить о необходимости освобожденія крестьянъ, о необходимости образованія для народа. Онъ былъ твердо увѣренъ, что такъ или иначе общество должно будетъ разрѣшить эти насущные вопросы, или ему солоно придется, если оно снова отстранитъ ихъ и отложитъ въ дальній ящикъ. Рѣчи дѣда были слишкомъ смѣлы и рѣзки, но въ то же время совершенно спокойны. Онъ говорилъ, какъ вполнѣ независимый человѣкъ, сознающій свое достоинство и свое значеніе, безъ мелочного раздраженія, безъ затаенной злобы. Мы проговорили до полночи. Какъ мы сошлись—этого я не замѣтилъ. Но, кажется, мы уже оба любили другъ друга. По крайней мѣрѣ, я, съ своей стороны, съ наслажденіемъ слушалъ рѣчи этого оригинальнаго, полнаго жизни и силы, старика, принадлежащаго къ отживавшему типу старыхъ баръ, независимыхъ по состоянію, воспитанныхъ на сочиненіяхъ свободныхъ французскихъ писателей XVIII вѣка. Онъ былъ изъ числа тѣхъ энергическихъ и сильныхъ натуръ, которыя отдаются каждому дѣлу, каждому вопросу всецѣло, и потому иногда впадаютъ въ крайности. Держаться золотой середины, лавировать онъ не умѣлъ, да и не имѣлъ надобности. Отсюда происходило то, что онъ слишкомъ рѣзко, слишкомъ безапелляціонно изрекалъ свои приговоры, часто невѣрные, но

всегда оригинальные. Такъ, онъ не видѣлъ никакой возможности найти оправданіе для нѣкоторыхъ личностей, преданныхъ и мѣшавшихъ намъ въ жизни. Такъ, онъ заходилъ слишкомъ далеко въ своихъ отрицаніяхъ и даже утверждалъ, что не онъ одинъ, а всѣ мы инстинктивно отрицаемъ все существующее у насъ и не сознаемся въ этомъ только по трусости или по глупости. Несмотря на свою крайнюю парадоксальность, его мнѣнія меня заинтересовали, такъ какъ они сложились въ его головѣ самостоятельно и были вызваны долгими наблюденіями.

— Начни у насъ отрицать пользу театровъ, музыки, поэзіи, скульптуры, — говорилъ онъ: — всѣ закричатъ, что ты искусство уничтожить хочешь, что ты хочешь отнять у человѣчества одно изъ благороднѣйшихъ наслажденій, что ты вандалъ; а посчитай, много ли театровъ приходится на всю Русь, много ли Русь раскупаетъ книгъ, картинъ, статуй? Наконецъ, тѣ-то, кто покупаетъ книги и картины, любуются ли ими, проводятъ ли надъ ними время или просто играютъ въ карты въ библіотекахъ и картинныхъ галлереяхъ? Начни отрицать сословныя различія, и на тебя накинутся всѣ, — а вѣдь изъ половину помѣщиковъ: одна изъ нихъ ведетъ себя хуже мужиковъ, другая половина родится съ купеческимъ, кланяется золотому мѣшку. У насъ менѣе, чѣмъ гдѣ-нибудь, замкнуто дворянское сословіе. Кромѣ того, дворянство непонятно толкуетъ о необходимости нравственности и религіозности для народа, а само не подаетъ примѣра нравственной жизни, не заводитъ сельскихъ школъ, гдѣ мужикъ могъ бы научиться хотя молитвамъ, которыхъ многіе совсѣмъ не знаютъ. Не заботится дворянство и о самомъ духовенствѣ, оставляетъ его въ пренебреженіи, принимаетъ чуть не въ людскихъ. Говорятъ, что духовенство не развито, — а кто же виноватъ? Бракъ у насъ уважаютъ тоже только на словахъ. На дѣлѣ же у каждаго мужчины любовница, у каждой женщины любовникъ. Развода нѣтъ, а за деньги отъ живыхъ мужей женъ покупаютъ. У насъ словно нѣтъ ничего завѣтнаго: разбили мы вдругъ своихъ идоловъ, переименовали Волоса въ Власа и стали христіанами. Разбили сначала французовъ, а потомъ ихъ же въ гувернеры брать стали. У насъ нѣтъ такихъ глубоко коренящихся ненавистей, какъ у какихъ-нибудь итальянцевъ, ненавидящихъ нѣмцевъ. Нѣтъ, мы стоимъ за государство и грабимъ казну, ругаемъ нѣмцевъ и отдаемъ въ ихъ управленіе свои имущества и своихъ дѣтей. Это подлый индифферентизмъ.

Дѣдъ между прочимъ спросилъ меня, чѣмъ я занимаюсь. Я сказалъ, что пишу и печатаю мелкія статьи въ журналахъ.

— Давно я ничего не читаю новаго,— замѣтилъ онъ.

— Старое кажется вамъ лучше новаго?

— Я мало русскихъ книгъ читаю,— уклончиво отвѣтилъ онъ.— Есть у меня нѣсколько книжонокъ Руссо, Вольтера, Свифта,—ну, а новые французы и англичане жиже ихъ. Русскіе же никуда не годятся.

— Да вѣдь вы же ихъ не знаете?—улыбнулся я.

— Русскихъ-то?—усмѣхнулся дѣдъ.—Ихъ не нужно читать, чтобы знать. Ну что, могутъ они провести Вольтера или похвалить его идеи?

— Ну, не одни же идеи Вольтера нужно проводить въ общество, хорошо, если можно указать и на пороки самого общества...

— А кто это указалъ на его пороки? — сощурилъ глаза дѣдъ, и по его губамъ скользнула насмѣшливая улыбка.

— Да мало ли кто, вы, я думаю, и Грибоѣдова, и Гоголя читали...

— Какъ же, какъ же, Грибоѣдова лично зналъ, и знаю, что онъ вывелъ въ комедіи шалопая, который подлецамъ и идіотамъ проповѣди читаетъ, да еще какія!—совѣтуетъ костюмъ европейскій сбросить, облечься въ старое русское платье, и въ то же время нападаетъ на низкопоклонство, перешедшее къ намъ прямо отъ нашей старой Руси. А Гоголь вашъ взятки каралъ, то-есть то, за что и законъ наказываетъ; помѣщиковъ осмѣивалъ за ихъ скупость, невѣжество или идеальничанье, а, въ концѣ-концовъ, договорился до того, что нужно помѣщику быть отцомъ крестьянъ и наказывать ихъ, какъ дѣтей! «Ревизора» же кончилъ тѣмъ, что благодѣтельное правосудіе накрываетъ взяточниковъ. О чемъ же и тужить, противъ чего же и возставать, если порокъ не ускользаетъ отъ глазъ правосудія?

— Въ послѣднее время Гоголь пошелъ на ложную дорогу,—замѣтилъ я.

— Всегда онъ на ней былъ,— сурово и съ пренебреженіемъ проговорилъ старикъ. — Не взятки надо карать, а нужно указывать, почему явилось взяточничество и что его поддерживаетъ...

— Ну, это трудно...

— Не трудно, а невозможно для вашихъ писакъ. Вотъ почему я и не ставлю въ грошъ вашу литературу,—посту-

чалъ палкою дѣдъ.—Говоритъ она только о томъ, что уже преслѣдуется закономъ, ну, а въ этихъ случаяхъ лучше просто писать доносы,—увидалъ взяточника и пиши, что, молъ, такой-то взялъ взятку, и пусть его судятъ. Тѣмъ же, что ты опишешь, какъ у насъ развито взяточничество—ты ничего не передѣлаешь. Безъ свободы слова литература можетъ быть только слабой и ничтожной, вотъ истина, которую высказалъ въ своихъ замѣткахъ... ну, какъ ты думаешь, кто?—спросилъ дѣдъ, насмѣшливо сощуривъ глаза.

— Не знаю,—отвѣчалъ я.

— Людовикъ XVI, который погибъ именно потому, что при немъ не было свободы слова, и онъ не зналъ, что думаютъ его подданные,—усмѣхнулся дѣдъ саркастической улыбкой.

— Да, братъ, наша литература не можетъ быть сильной,—добавилъ онъ черезъ минуту.—Но если она была бы ничтожна во всякомъ другомъ обществѣ, то у насъ она еще ничтожнѣе, такъ какъ каждая статья пишется только для самой малой части общества, для извѣстнаго класса, для извѣстной національности, для извѣстной партіи. Разбросаны мы по трущобамъ, не имѣемъ никакихъ сношеній другъ съ другомъ, состоимъ изъ людей разныхъ убѣжденій, разныхъ званій, разнаго развитія, разныхъ національностей, и потому вырабатываемъ и свои понятія, и свой характеръ независимо отъ всѣхъ остальныхъ нашихъ соотчичей, не хотимъ понять, что мы должны составлять единъ духъ и едино тѣло. Мы вѣдь не признаемъ въ сущности никакой власти, никакихъ законовъ; до Бога высоко, до царя далеко, говоримъ мы, а подьячихъ, обирающихъ насъ, мы и за правительство не считаемъ и боимся ихъ только тогда, когда откупиться нечѣмъ; духовенства не уважаемъ, и только платимъ ему извѣстную контрибуцію. У насъ и родины какъ-будто нѣтъ. Что наша родина? Россія? Какая? Та, гдѣ говорятъ по-чухонски? та, гдѣ говорятъ по-калмыцки, по-татарски, по-малороссійски? Посмотри во Францію: выражаетъ ли одинъ французъ ненависть къ другому? Ну, а у насъ говорятъ: это татаринъ, проклятый, свиное ухо съѣлъ! москаля можно надуть! у ляховъ не ищи правды! Не хотятъ понять, что нужно стоять другъ за друга. Многіе ли же будутъ сочувствовать литературѣ, если послѣдняя станетъ отстаивать эту татарву, этихъ ляховъ или москалей, этихъ подьячихъ, дворянъ, духовенство или мужиковъ?.. Нѣтъ, плохо искать сочувствія тамъ, гдѣ люди стѣна на стѣну идутъ.

Я замѣтилъ, что Андрей Дмитріевичъ Хомутовъ высказывалъ мнѣнія, очень схожія съ мнѣніями дѣда, хотя и въ менѣе рѣзкой, парадоксальной формѣ. По утру я всталъ довольно рано и вышелъ на балконъ. Въ воздухѣ вѣяло свѣжестью. Утро было великолѣпное. Садъ дѣда съ просѣкою передъ балкономъ, доходившею до рѣки, былъ тихъ и прекрасенъ. Что-то спокойное и грандіозное было въ этихъ густыхъ и высокихъ выхоленныхъ деревьяхъ, въ этомъ отсутствіи мелкихъ садовыхъ растеній и цвѣтовъ. Лужайка передъ домомъ, далѣе просѣка, заканчивавшаяся рѣкой, все было просто и прекрасно. Вообще дѣдъ не любилъ мелочныхъ украшеній, дешевенькаго блеска и выше всего ставилъ комфортъ и прочность. Каждая вещь, принадлежавшая ему, поражала своею строгою простотой и была приспособлена къ полезному употребленію. Дѣдъ сердито пожималъ плечами, если встрѣчалъ у кого-нибудь изъ своихъ знакомыхъ какую-нибудь гипсовую статуэтку или вычурную вазу съ искусственными цвѣтами. Ему казалось верхомъ глупости бросанье денегъ на ненужныя украшенія. Въ нарядахъ женщинъ его злили разныя кружева и бантики, и онъ серьезно увѣрялъ, что этими внѣшними прикрасами всегда прикрывается тупоумное неряшество... Я сидѣлъ еще на балконѣ, когда вышелъ дѣдъ.

— А? ты уже всталъ,—сказалъ онъ.

— А вы, кажется, уже давно не спите?

— Я рано встаю,—отвѣчалъ онъ.—Лѣтомъ жаль просыпать утро. Мнѣ уже недолго на свѣтъ смотрѣть. Былъ на работѣ, теперь пойду купаться.

— Я тоже охотно бы выкупался.

— Что-жъ, пойдемъ.

Мы отправились вмѣстѣ къ рѣкѣ. На берегу мы застали Хомутова и князя. Князь уже стоялъ по горло въ водѣ и плескался руками. Онъ былъ похожъ на сѣдовласаго, кудряваго ребенка. Хомутовъ обдавалъ его брызгами воды, и князь только какъ-то уморительно всхлипывалъ.

— Чортъ съ младенцемъ разыгрался! — пробормоталъ дѣдъ вслухъ.

Я не сомнѣваюсь, что младенцемъ дѣдъ считалъ не Хомутова, а князя. Дѣдъ быстро раздѣлся и прямо бросился въ воду. Онъ отлично плавалъ. Онъ отплылъ довольно далеко, потомъ вернулся, проплылъ еще разъ и потомъ вышелъ изъ воды.

— Ну, вы оставайтесь здѣсь полоскаться, — промолвилъ онъ:—я пойду распорядиться насчетъ чаю.

Онъ, кажется, и крупные спектакли давалъ серьезнымъ и глядѣлъ на насъ, какъ на дѣтей. Съ этого дня, я, князь, дѣдъ и Хомутовъ бывались очень часто. Чѣмъ больше узнавалъ я дѣда, тѣмъ сильнѣе привязывался я къ нему. Но на меня тяжело дѣйствовали его рѣчи. Эта необычайная суровость, это полное отрицаніе возможности преобразовать людей, вѣчное проповѣдываніе, что надо измѣнять обстоятельства, а люди измѣнятся сами, и въ то же время сознаніе, что намъ не удастся передѣлать обстоятельства, раздражали меня.

— Вотъ княгиня мучитъ князя,—говорилъ онъ.—А пошлю я къ нимъ Хомутова, натравлю ихъ—ну, и утихнетъ... тихъ сейчасъ сдѣлается. Вы же все на взяточниковъ нападете, а не на тѣ обстоятельства, которыя вызываютъ взяточничество. Толкуйте хоть весь вѣкъ, что то или другое скверно—толку не выйдетъ, а измѣни отношенія людей—и въ годъ будутъ благіе результаты. Мелко вы плаваете, въ глубину забраться боитесь, да и не смѣете въ нее забираться, все Макара съ телятами помните. А теперь и совсѣмъ на мели сидите...

День ото дня мнѣ становилось все болѣе и болѣе жутко.

XI.

Послѣдствія грозы.

Я началъ заниматься въ устроенной мною деревенской школѣ, читалъ книги по политической экономіи и сельскому хозяйству, въ праздники сходился съ своими родными. Иногда выдавались и веселые дни, когда весь нашъ «веселый клубъ», какъ называлъ Хомутовъ наше общество, сходился вмѣстѣ. Въ «веселомъ клубѣ» немалое участіе принимала и княжна Зинаида. Она была весела, остроумна и не отставала отъ насъ ни на охотѣ, ни на рыбной ловлѣ, ни на катаньяхъ. Иногда у дѣда давались офиціальные обѣды, на которые пріѣзжали аристократы губернскаго города, относившіеся къ дѣду съ уваженіемъ и какъ-будто съ боязнью. Онъ держалъ себя съ ними такъ же ровно и спокойно, какъ и въ сношеніяхъ съ нами. Я подмѣтилъ въ немъ одну характерную черту: онъ смотрѣлъ на всѣхъ, какъ на дѣтей, какъ на юношей; даже къ сорокалѣтнему губернатору онъ относился, какъ къ неопытному молодому человѣку. Но всѣ эти пиры были рѣдки, и зимніе вечера будней, когда я кончалъ занятія въ школѣ, когда мнѣ не хотѣлось читать, были для меня тяжелы и невыносимы. Я

былъ одинъ. Гриша давно уже уѣхалъ въ Петербургъ и поступилъ въ академію. Мучительное ожиданіе того дня, когда я буду въ состояніи переѣхать въ Петербургъ, росло во мнѣ съ каждымъ днемъ. Иногда мнѣ казалось, что я не дождусь этой поры, и меня начинало пугать мое будущее— будущее одинокаго холостяка въ деревенской глуши. Все чаще и чаще приходила мнѣ въ голову мысль о необходимости имѣть около себя близкое любящее существо... Не знаю, долго ли оставались бы эти мечты простыми мечтами, если бы въ моей жизни не случилось одного тяжелаго событія.

Уже давно привыкъ я переписываться съ своими друзьями, разсѣянными по свѣту. Я зналъ почти день за день все, что случалось съ ними. Я зналъ, что Шепелевъ, скверно принятый отцомъ и матерью, выслушавшій наставленія своего дяди вице-губернатора, поступилъ на службу въ провинціи, съ механической аккуратностью исполнялъ свои обязанности, проводилъ вечера за картами, дѣлалъ офиціальные визиты въ торжественные дни, слылъ за степеннаго и ревностнаго молодого человѣка, за выгоднаго жениха и, повидимому, совершенно примирился съ своею жизнью. Но онъ коротко и сухо писалъ мнѣ о своей жизни и оживлялся въ письмахъ только тогда, когда сообщалъ о своихъ музыкальныхъ успѣхахъ: онъ началъ учиться играть на скрипкѣ. По странному капризу моей фантазіи, эта скрипка казалась мнѣ чѣмъ-то въ родѣ тѣхъ погремушекъ, которыми прекращаютъ плачъ дѣтей. Боль отъ ушиба не прошла, синякъ не уничтоженъ, можетъ-быть, ушибленное мѣсто черезъ часъ распухнетъ и потребуетъ медицинскихъ пособій; но ребенокъ на минуту забылъ про боль, онъ смѣется сквозь слезы, и его ближніе думаютъ, что они достигли своей цѣли. Это одинъ изъ тѣхъ обмановъ, которыми люди усыпляютъ и свое, и чужое горе, забывая, что обманъ не можетъ уничтожить самое горе. Это что-то похожее на тихое безуміе. Я зналъ, что не лучше утѣшился и Палицынъ. Онъ писалъ мнѣ: «Я только теперь имѣю возможность трезво глядѣть на все пережитое нами. Мы, какъ мальчишки, толковали вкривь и вкось о государственныхъ дѣлахъ, о реформахъ, объ общественныхъ теоріяхъ. Но только теперь мнѣ стало вполнѣ ясно, что все это ерунда, что прежде всего надо узнать нашъ народъ, котораго мы не знаемъ и которому не по плечу всѣ эти прелести, выработанныя гнилой европейской цивилизаціей или сервили-

защей.—чортъ ее знаетъ, какъ она тамъ называется. Меня здѣсь охватило русскимъ духомъ. Въ нашихъ палестинахъ живутъ пять, шесть помѣщиковъ, понимающихъ, лучше всѣхъ вашихъ сервилизованныхъ профессоровъ, русскаго мужика и его потребности. Я сошелся съ ними и думаю при первой возможности идти куда-нибудь въ путь съ обозомъ, для изученія русскаго народа. Побуду мнѣ удалось быть только на нѣсколькихъ сходкахъ, да поторкаться по кабакамъ. Мое сивильное платье, конечно, брошено къ дьяволу, и я попросту хожу въ родномъ зипунѣ».

Потомъ я узналъ, что Палицынъ дѣйствительно ушелъ съ обозомъ, что онъ гордился своимъ новымъ «обмужиченьемъ». «Теперь, братъ, меня ни по одеждѣ, ни по говору, ни по фигурѣ не отличишь отъ мужика», писалъ онъ. Черезъ нѣсколько времени до меня дошли слухи, что онъ собираетъ пѣсни и ходитъ съ коробомъ по Россіи, записывая сцены изъ народной жизни. Ему суждено было скоро выступить на литературное поприще съ этими очерками изъ народной жизни. Очерки были фотографически вѣрны дѣйствительности, но Палицынъ возражался отъ всякихъ «западническихъ теорій», и въ сущности вносилъ въ литературу только сырой матеріалъ. Впрочемъ, слава Богу, что онъ ограничился только этою ролью, такъ какъ мнѣнія его стали дѣлаться все болѣе и болѣе странными, онъ сталъ примыкать по убѣжденіямъ къ тѣмъ людямъ, которые считали Россію шестой частью свѣта, и жрали, когда можно будетъ отслужить панихиду за умной души догнившаго Запада. Но, несмотря на внѣшнее разнообразіе своей жизни, несмотря на живое отношеніе къ своему дѣлу, Палицынъ томился какимъ-то невысказаннымъ, несознаннымъ недовольствомъ и пилъ. Гораздо искреннѣе, гораздо ярче высказывалось гнетущее состояніе духа Макарова. Этотъ человѣкъ не обманывалъ себя ни погремушками, ни односторонними взглядами. Онъ просто понялъ весь ужасъ своего безысходнаго положенія и не вошелъ въ стѣлку съ дѣйствительностью. Марья Васильевна писала мнѣ, что онъ переѣхалъ отъ нея и заходитъ къ ней только изрѣдка. Это меня удивляло, но письмо самого Макарова объясняло мнѣ все. «Ты вѣрно ждешь писемъ отъ потерпѣвшихъ кораблекрушенье,—писалъ онъ.—Я хотя и спасся отъ бури, но все же подаю тебѣ вѣсть о себѣ. Я живу одинъ: тяжело мнѣ стало у Марьи Васильевны. У нея все такъ розово, все такъ уютно, мирно, что мнѣ стало гадко. Она, ея уче-

ницы, твой дядя, всѣ они пристроились, всѣ, какъ-будто въ раю, довольны своимъ угломъ и, кажется, не чуютъ, не хотятъ понять, что все ихъ счастье создано на пескѣ, что не сегодня, такъ завтра кто-нибудь возьметъ и опрокинетъ ихъ уголъ вверхъ дномъ. Впрочемъ, нѣтъ, ихъ счастье существуетъ какъ-то въ сторонѣ отъ бурь и вѣтровъ. Они завоевали спокойствіе тѣмъ, что не вмѣшиваются въ жизнь, что не говорятъ о ея мерзостяхъ. Они какъ-будто отошли въ сторону и купили свой миръ обязательствомъ не говорить объ остальномъ живущемъ на землѣ. Я почувствовалъ, что не могу жить въ этомъ раю. У меня являются вопросы: отчего не всѣ пользуются этимъ счастьемъ, что мѣшаетъ этому, гдѣ исходъ? Тамъ являются такіе отвѣты, о которыхъ нѣтъ возможности говорить, или, если станешь говорить, то не надѣйся на спокойствіе, на безопасность. Не говорить о нихъ я не могу, а потому и считаю себя лишнимъ въ обществѣ Марьи Васильевны. Мое присутствіе здѣсь могло нарушить и ея миръ. Но если мнѣ тяжелы были спокойствіе и миръ этой семьи, то еще тяжелѣе дѣйствуетъ на меня то отупѣлое состояніе общества, которое видѣется теперь во всемъ, начиная съ литературы и кончая салонами. Паника вездѣ. Всѣ точно боятся, что отъ нихъ сейчасъ потребуютъ отчета за всю ихъ дѣятельность, за взятки, за казнокрадство, за своеволіе, за развратъ, за заѣданье чужого хлѣба. У всѣхъ явилось стремленіе свалить все на мальчишекъ, всѣ напираютъ на юные годы негодующихъ, на ихъ незначительные чины. Что-жъ это? Желаніе ли сказать, что у насъ только въ юности могутъ люди заниматься вопросомъ объ общественномъ благѣ, а не о набиваньи своего кармана, или стремленіе серьезно доказать, что только безумная юность можетъ негодовать на скверный порядокъ дѣлъ, что она только потому и негодуетъ на него, что не узнала изъ практики, какъ ловко ловить рыбу въ мутной водѣ? Но среди этого отупѣнія, среди этого повальнаго страха и эпидемическаго безмолвія, еще рѣзче, еще невыносимѣе слышатся дикіе звуки канкана, безшабашнаго кутежа, беззаботнаго и безпечнаго отдаванья себя наслажденіямъ минуты. Это пиръ во время чумы. Я не могу безъ злобы встрѣчать вѣчно смѣющееся, вѣчно юное лицо Леева. Каждое его слово рѣжетъ меня по сердцу, какъ плоская шутка на похоронномъ обѣдѣ, обращенная къ безмолвной вдовѣ только-что похороненнаго покойника. Досадно мнѣ даже то, что Леева нельзя упрекнуть

за этотъ смѣхъ въ подлость. Нѣтъ, это не подлость. Леонъ говоритъ: «ну, что-жъ, этого надо было ожидать! а вы думали, что вамъ такъ и позволятъ либеральничать!» Или: «э, пройдетъ десятокъ лѣтъ, опять то же будетъ, еще сильнѣе начнутъ либеральничать, доживемъ до тѣхъ поръ, ну, и мы будемъ подтягивать!» Или: «ну, скверно теперь наше положеніе, разогнали насъ, да вѣдь плетью обуха не перешибешь, стѣну лбомъ не пробьешь, значитъ нечего и толковать, не себя же удавить съ горя, было бы просто глупо и нелѣпо казнить себя на радость врагамъ». Или: «тебѣ скверно, невыносимо, да вѣдь ты исходя-то не найдешь, ну, значитъ, и ныть нечего, и живи, покуда Богъ по душу не пошлетъ». И всѣ эти горькія истины—я вѣдь и самъ понимаю, что это истины,—онъ изрекаетъ съ своимъ громкимъ, задушевнымъ смѣхомъ. Недавно я какъ-то особенно обозлился на него и сказалъ ему, что это, наконецъ, просто гадко и подло веселиться на похоронахъ.—«Да отчего же ты только Гераклита признаешь мудрецомъ, а Демокрита подлецомъ?—спросилъ онъ совсѣмъ серьезно.—Найди мнѣ какое-нибудь такое общественное дѣло, которое измѣнило бы строй нашей жизни, и я пойду за тобой. Покуда же ты мнѣ ничего не можешь указать, что перевернуло бы старое вверхъ ногами, ну, я и смѣюсь надъ тѣмъ, что вы плачете о дѣлахъ міра сего, и позволяю вамъ плакать даже надъ тѣмъ, что я смѣюсь надъ дѣлами міра сего».—«Да ты-то что намѣренъ дѣлать?»—спросилъ я его.—«Я? то же, что и теперь дѣлаю: смотрѣть на міръ».—«Только-то?»—«Только».—«Ну, братъ, для этого не особенно честнымъ надо быть».—«И не подлымъ. Я смотрю на міръ и знаю, что онъ меня не смѣетъ упрекнуть за тунеядство, за заѣданье чужого хлѣба. Я живу трудомъ, вырабатываю столько, сколько нужно, чтобы не умереть съ голоду и не ходить нагишомъ, и получаю за трудъ именно столько, сколько можно получать при скверномъ положеніи дѣлъ. Пользы я мало приношу: да вѣдь и ты ея не приносишь. Разница между нами только та, что ты являешься актеромъ, для котораго еще нѣтъ роли, а я занялъ мѣсто между зрителями и любуюсь разыгрываемой міромъ комедіей». Онъ правъ, тысячу разъ правъ: онъ ѣстъ, пьетъ, одѣвается на свои трудовыя деньги, онъ ведетъ себя независимо, не кланяется никому, онъ является рѣдкимъ образцомъ честности. Онъ не ведетъ борьбы потому, что не видитъ возможности успѣха и не считаетъ нужнымъ пасть на радость врагамъ.

Все это очень разумно, но все это очень холодно, черство, эгоистично. Онъ смѣется надъ всѣми, и его смѣхъ отзывается больше и въ моемъ сердцѣ, и въ сердцѣ какого-нибудь негодяя. Иногда, смотря на него, я думаю: ужъ не новое ли это какое-нибудь племя людей нарождается, которое осмѣетъ и насъ, непрактичныхъ плакальщиковъ, и тѣхъ практическихъ подлецовъ, которые отравляютъ нашу жизнь. Съ каждымъ разомъ письма Макарова дѣлались короче и мрачнѣе. Наконецъ, онъ написалъ мнѣ: «Это мое послѣднее письмо къ тебѣ. У меня нѣтъ болѣе силъ для жизни». Я встревожился, получивъ эту записку, и тотчасъ же написалъ письмо своему несчастному другу, полное тѣхъ пустыхъ утѣшеній, которыхъ ложь я сознавалъ самъ. Отвѣта не получилось. Для меня прошелъ мучительный мѣсяцъ, въ ожиданіи этого отвѣта. Наконецъ, почта принесла мнѣ груду писемъ. Я дрожащею рукою распечатывалъ ихъ. Меня поразилъ ихъ тонъ, вездѣ меня въ чемъ-то утѣшали, вездѣ совѣтовали мнѣ быть бодрѣе. Гриша даже спрашивалъ, не нужно ли мнѣ, чтобъ онъ пріѣхалъ ко мнѣ. Я истерическиво распечаталъ еще одно изъ писемъ—оно было отъ Марьи Васильевны... «Не знаю, хорошо ли я дѣлаю, что пишу вамъ обо всемъ откровенно?—писала она:—Но лучше горькая правда, чѣмъ сладкій обманъ»... Я пробѣжалъ глазами еще нѣсколько строкъ осторожнаго вступленія, и мой взоръ приковался къ одной большой буквѣ М. Я видѣлъ, что этою буквою начиналась знакомая мнѣ фамилія, и не могъ оторваться отъ нея, я предчувствовалъ, я зналъ впередъ все, что прочту далѣе. «Макаровъ застрѣлился». Я читалъ и перечитывалъ эти два слова и не понималъ, что я читаю. Мои глаза были сухи, мое сердце почти не билось, я словно замеръ. Я ходилъ по комнатѣ, ни о чемъ не думая, я брался нѣсколько разъ за голову, словно стараясь вспомнить о чемъ-то, потомъ я снова читалъ письмо, читалъ подробности смерти Макарова, читалъ, что онъ и застрѣлился-то неудачно, что онъ жилъ и мучался еще три часа послѣ выстрѣла,—и снова я ходилъ по комнатѣ, снова не понималъ ничего.

«Что же это я, съ ума схожу, что ли?»—мелькнула въ моей головѣ мысль.

Я быстро одѣлся, схватилъ фуражку и вышелъ изъ дому. Куда и зачѣмъ я шелъ—я не зналъ, не помнилъ. Съ часъ бродилъ я по большой дорогѣ, погруженный въ какія-то безотчетныя думы, наконецъ, усталый, продрогшій я вер-

кусся домой. Первое, что бросилось мнѣ въ глаза, было письмо Марьи Васильевны, валявшееся на полу. Взглянувъ на него, я какъ бы очнулся и расплакался, какъ ребенокъ... Мы часто негодуемъ на друзей и на близкихъ людей, когда они стараются насъ утѣшить въ горѣ. Но если бы вы знали, какъ страшно испытывать горе и знать, что кругомъ васъ нѣтъ даже человѣка, который могъ бы не только-что успокоить васъ своею заботливостью, но даже просто разсердить, раздражить васъ непрошеннымъ и неловкимъ участіемъ. Въ такія минуты начинаешь понимать, что люди со всѣми ихъ ошибками, со всѣми ихъ пороками, нужнѣе для насъ, чѣмъ небо, чѣмъ солнце, чѣмъ воздухъ. Безъ воздуха, безъ солнца вы умрете, безъ людей вы сдѣлаетесь самоубійцей или сойдете съ ума.

— Куда-нибудь, хоть къ исправнику, хоть къ становому, но только въ общество людей, только вонъ изъ этого одиночнаго заключенія!— говорилъ я на другой день, сжимая свою горячую голову.

XII.

Непоправимая ошибка.

Это письмо было для меня громовымъ ударомъ, при которомъ обыкновенно крестится русскій человѣкъ. До сихъ поръ я просто скучалъ, сердился на одиночество, сѣтовалъ на то, что мои связи и надежды оборвались, но все-таки мнѣ казалось, что гроза прошла и что понемногу намъ удастся отдохнуть. Теперь внезапно дошла до меня вѣсть, что гроза пришибла одного изъ нашихъ, явилась боязнь, что я самъ могу дойти до подобнаго отчаянія. Чѣмъ больше я думалъ о своемъ положеніи, тѣмъ страшнѣе становилось мнѣ за свое будущее; я чувствовалъ, что я пріѣду въ Петербургъ, какъ чужой, что мнѣ, порядочно упавшему духомъ, будетъ трудно сплотить новый кружокъ друзей и составить новые планы практической дѣятельности. И кого я встрѣчу въ Петербургѣ? Дядя старъ, Марья Васильевна прекрасная женщина, но у всѣхъ свои интересы. Лезвъ одна ли пойдетъ со мною по одной дорогѣ, Макарова не стало. Шепелевъ и Пальцынъ не вернутся въ столицу. Да если бы они всѣ и были въ Петербургѣ, то что стали бы мы дѣлать среди всеобщаго застоя и духоты? Мнѣ начинали вспоминаться слова дяди: «плохо жить бобылемъ до старости». Да, дѣйствительно плохо, если нѣтъ общественной широкой дѣятельности, если нѣтъ надеждъ на эту дѣятель-

ность. Никогда не чувствовалъ я такъ сильно своего одиночества, какъ теперь, никогда не тосковалъ я такъ о счастіи, какъ въ это время, никогда не рисовалась предо мною въ такихъ яркихъ краскахъ прелесть семейной жизни, какъ въ эти дни. Повидимому, я еще не былъ ни въ кого влюбленъ, но если бы заглянуть поглубже въ мою душу, то можно было бы увидать, что образъ княжны постоянно мелькалъ передо мною, что въ картинахъ моего семейнаго счастья эта дѣвушка играла не послѣднюю роль. Мы въ тѣ времена были крайними идеалистами и искали всюду недюжинныхъ и дѣвственныхъ натуръ: княжна, какъ мнѣ казалось, принадлежала къ числу ихъ: смѣлая, презирающая свою среду, гордая, ненавидящая приниженіе, сдержанная и незараженная пустотою свѣтскихъ барышенъ, она поражала меня своею нравственною силою, своимъ умомъ. Я не могъ насмотрѣться на ея энергичное лицо, не могъ наслушаться ея рѣчей. Иногда ея сдержанность и холодность въ сношеніяхъ съ капризною княгинею заставляли меня глубоко страдать за эту дѣвушку: я понималъ, какъ больно, какъ тяжело княжнѣ сдерживать себя и сохранять внѣшнее спокойствіе, когда въ душѣ кипитъ буря. Съ каждымъ днемъ мы сходились все ближе и ближе, иногда меня ободряли рѣчи княжны, когда я разсказывалъ ей о своихъ печаляхъ, о своихъ невзгодахъ, а она отвѣчала мнѣ:

— О чемъ тужить? Или вы слезами хотите доставить удовольствіе своимъ врагамъ? Или вы хотите уложить себя, какъ вашъ Макаровъ, въ могилу, чтобы враги имѣли возможность со смѣхомъ засыпать вашъ ротъ землею? Бейтесь съ ними, старайтесь завербовать счастье, на зло имъ; если не можете завербовать счастья, то хоть смѣйтесь, чтобы обмануть ихъ своимъ смѣхомъ, чтобы обозлить ихъ, смутить ихъ своимъ весельемъ...

Потомъ она начинала смѣяться надо мною вызывающимъ смѣхомъ, какъ иногда смѣялся Лсевъ; она входила со мной въ комнаты, гдѣ сидѣли мой дѣдъ, князь, Андрей Дмитріевичъ, и говорила имъ съ ироніей:

— Поняньчитесь, пожалуйста, съ этимъ малюткой, онъ опять плачетъ.

Затѣмъ открывался рояль, и въ комнатѣ неслись звуки буйной, бравурной пѣсни.

«О, съ такою женщиной можно идти на борьбу, на смерть!»—думалъ я въ эти минуты.

Все ярче и ярче блестѣлъ передо мной этотъ образъ.

Обманывала ли она меня, обманулъ ли я себя, увлеченный внѣшностью. Богъ знаетъ,—но я уже шелъ покорно за этою женщиной и, какъ прожившійся школьникъ, ждалъ ея снисходительной улыбки. А тутъ настала опять весна съ ея сознаніемъ, съ ея поэтическими ночами. Молодая кровь опять закипѣла въ груди, опять захотѣлось надѣяться на счастье, захотѣлось идти на борьбу, и казалось, что для предстоящей борьбы у меня есть одинъ товарищъ, смѣлый и непокорный, готовый на все. Я сообщилъ дѣду свои планы насчетъ женитьбы.

— Я, братъ, плохой совѣтникъ въ этихъ дѣлахъ,—нахмурился онъ.—Если бы ты бралъ ее въ любовницы,—а' это другое дѣло. Я, пожалуй, и благословилъ бы тебя. Ну, а жена—это статья особаго рода. Разлюбитъ она тебя или ты ее разлюбишь,—оба будете несчастливы. И дѣвушка-то она съ характеромъ...

— Это-то и прекрасно!—воскликнулъ я.

— Это-то и дурно!—холодно замѣтилъ онъ.—При настоящемъ положеніи дѣлъ, жена должна быть безхарактерна, если у мужа есть характеръ, или наоборотъ.

— То есть или нужны мужья въ родѣ князя, или жены въ родѣ Полины Францовны?—засмѣялся я.

— Да. Ты думаешь, это несчастные браки?—пристально посмотрѣлъ на меня дѣдъ.—А я тебѣ скажу, что это самые счастливые браки. Тутъ, по крайней мѣрѣ, одинъ человѣкъ правитъ домомъ, дѣтьми, дѣлами. Ну, будь-ка князь съ моимъ характеромъ—да чтобы тогда было: княгиня тарелкой въ меня, а я въ нее блюдомъ, она въ меня чашкой, а я въ нее миской. Ей подавай француза-гувернера, мнѣ русскаго студента; она бредитъ сыномъ гвардейцемъ, я хочу въ сынѣ видѣть хоть мужика, но человѣка. Она взяла бы любовника, я выгналъ бы ихъ вонъ; мнѣ понравилась бы другая женщина, я оставилъ бы жену. А тутъ все мирно, все тихо, княгиня жила съ гувернеромъ, а князь и второстепенною ролью былъ доволенъ: полюбилъ онъ горничную, побаловалъ потихоньку и промолчалъ, когда княгиня отдала ее замужъ за послѣдняго деревенскаго пьяницу.

— Да развѣ это счастье!—воскликнулъ я.

— Ну, не особенное счастье, но вѣдь счастья въ бракѣ и быть не можетъ,—высказалъ дѣдъ одинъ изъ своихъ парадоксовъ:—а тутъ все-таки хоть одна половина вполнѣ счастлива, если же оба съ характеромъ, то обѣ половины несчастны.

— Это слишкомъ!

— Да тебѣ непремѣнно хочется найти счастливые браки, ну, изволь: вонъ вашъ Гоголь описывалъ счастливые браки старосвѣтскихъ помѣщиковъ и Маниловыхъ, прибавь, что такъ же была бы счастлива и Полина Францовна съ княземъ, если бы они были супругами. Это безхарактерные люди они могутъ быть счастливы. Есть и счастливые браки—ну, да тѣ и браками трудно назвать, это просто союзъ двухъ рабочихъ силъ,—это браки честныхъ бѣдняковъ. Завязываются они обыкновенно для того, чтобы помогать другъ другу.

— Но могутъ же люди быть счастливы, если ихъ убѣжденія схожи...

— Гмъ, убѣжденія!—опять нахмурился дѣдъ.—Это ты о честныхъ убѣжденіяхъ толкуешь, что ли? Ну, такъ вотъ что я тебѣ скажу: честныя убѣжденія выгоды мало приносятъ, а до гибели часто доводятъ, они во всякомъ случаѣ дѣло рискованное. Женщины же наши не особенно храбры и становятся еще пугливѣе, когда на карту ставится не одно ихъ счастіе, а и счастіе ихъ дѣтей, потому въ убѣжденіяхъ-то тутъ и придется разойтись, если сначала и сойдешься въ нихъ.

— Тѣмъ-то и нравится мнѣ княжна, что она не изъ трусихъ.

Дѣдъ пристально взглянулъ на меня.

— А ты знаешь ея убѣжденія?—спросилъ онъ.

— Кажется.

— Не вѣрю! Я тебѣ не хочу ни совѣтовать, ни отсовѣтовать, парень, но скажу одно: ни ты, ни я и никто другой не знаетъ княжны. Она гдѣ-то глубоко, глубоко похоронила свой характеръ и свои мысли и оставила на виду только то, что считаетъ удобнымъ показывать людямъ. Но, кромѣ того, она и сама не знаетъ себя вполнѣ, потому что она не видѣла свѣта и общества!.. Вѣрно одно, что у нея есть характеръ.

Я смотрѣлъ на дѣда, какъ на крайняго скептика, и понималъ, что онъ преувеличиваетъ во всемъ дурныя стороны. Мнѣ было трудно согласиться съ его взглядами на княжну и на мою женитьбу на ней. Я, впрочемъ, еще не рѣшился ни на что окончательно, когда случай разрубилъ тотъ гордіевъ узелъ, который я хотѣлъ развязать. Дня черезъ два я былъ у князя. Послѣ обѣда мы долго ходили съ княжной по саду. Она была раздражена на отца.

— Я не понимаю, зачѣмъ онъ такъ пригнулся передъ матерью, — говорила она. — Гадко, когда человѣкъ такъ принижается, особенно — если это мужчина.

— Да и для женщины это гадко, — замѣтилъ я.

— Ну, женщина хоть своею безправностью можетъ оправдаться, а тутъ и оправданія нѣтъ. Вы не повѣрите, какъ это тяжело дѣйствуетъ на меня, тѣмъ болѣе, что всѣмъ это ясно. Вы помните, вы съ перваго раза назвали отношенія отца къ матери, и я стараюсь оправдать его. Мнѣ больно, что его считаютъ трусомъ.

— Какъ у васъ достанетъ силъ бороться съ матерью?

— Зато она и не любитъ меня.

— Вамъ тяжело жить здѣсь?

— Что это вы жалѣть меня собираетесь? — усмѣхнулась княжна насмѣшливой улыбкой.

Она была удивительно хороша въ такія минуты.

— Вы, я думаю, въ этомъ не нуждаетесь. Я просто говорю фразы, и, признаюсь, мнѣ досадно, что вамъ приходится тратить свои силы на эту мелкую борьбу.

— Что же дѣлать?

— Вырваться отсюда.

— Какимъ образомъ? На мѣсто идти?

— Вамъ никогда не приходила мысль о замужествѣ?

— Какъ же, мнѣ исправникъ предлагалъ свою руку. — засмѣялась княжна своимъ тихимъ, ироническимъ смѣхомъ, и я снова залюбовался ею.

— Вы, вѣроятно, такъ же бы разсмѣялись, если бы я вамъ предложилъ свою руку? — замѣтилъ я шутливо.

Княжна мелькомъ взглянула на меня.

— Я объ этомъ никогда не думала. — серьезно отвѣтила она.

— Очень грустный для меня отвѣтъ.

— Отчего же?

— Значитъ, вы даже никогда и не думали обо мнѣ безъ меня. — сказалъ я. — Вообще, когда сходятся молодые люди, какъ обыкновенно начинаетъ представляться въ мечтахъ ихъ будущее и въ его картинахъ близкія лица играютъ главныя роли. Это въ порядкѣ вещей.

— Я никогда не мечтаю, — искренно и холодно отвѣтила княжна. — Чѣмъ роскошнѣе воздушные замки, тѣмъ печальнѣе окружающія насъ лачуги. И, наконецъ, стоитъ ли всѣ роскошь воздушныхъ замковъ одной какой-нибудь курной избы?

Въ ея голосѣ звучала какая-то тоскливая нота.

— Да, это грустная правда, но она доказываетъ только то, что всѣ наши широкіе планы не удаются, и мы перестаемъ вѣрить планамъ и грёзамъ... Я тоже не очень вѣрю планамъ, но у меня есть одна завѣтная мечта, которой я вѣрю, — это мечта о мирной и честной жизни. Вотъ почему я задалъ вамъ вопросъ о томъ, что бы вы отвѣтили на мое предложеніе...

Она шла молча подлѣ меня, съ опущенной головой. Потомъ она подняла голову.

— Вы изъ сожалѣнія къ моей участи предлагаете мнѣ свою руку? — спросила она съ усмѣшкой.

— О, ради Бога, не думайте этого! — въ увлеченіи воскликнулъ я. — Я не имѣю никакого права благодѣтельствовать вамъ, когда вы не просите моей помощи и даже жалуетесь на свое положеніе. Я люблю васъ, вы одна изъ тѣхъ дѣвушекъ, которыя могутъ твердо идти рядомъ съ мужчиной, не дѣлаясь его игрушкою, его куклой, его ученицей. Я принадлежу къ числу тѣхъ людей, которымъ нужна жена-подруга, а не слуга, не игрушка. Я одинъ, мнѣ тяжело живется, я привыкъ въ послѣднее время дѣлиться съ вами и горемъ, и радостями, вотъ почему я прошу вашей руки.

Она опять молча шла рядомъ со мною. Мнѣ было тяжело это молчаніе. Тогда я не отдавалъ себѣ отчета, почему мнѣ было тяжело, я не замѣчалъ въ тѣ минуты всей фальши нашего объясненія въ любви, я не сознавалъ тогда, что не такъ объясняются въ любви страстно-влюбленные люди.

— Вы меня не любите, говорите прямо, — сказалъ я черезъ минуту, несмотря на нее.

— Нѣтъ, это не то, — встряхнула она головой. — Я не могу сказать, что я не люблю васъ. Съ вами я сошлась ближе, чѣмъ съ кѣмъ-нибудь... Такъ близко я не сходилась еще ни съ кѣмъ... Я никогда не представляла себѣ идеаловъ: изъ книгъ ихъ было трудно почерпнуть среди дрянныхъ героевъ, а въ жизни я никого не видала... Потому вы не выше, не ниже моихъ требованій, я чувствую, что вы хорошій и добрый человѣкъ, что я буду счастлива съ вами...

Она замолчала. Меня начинала бить лихорадка. Но все-таки я не замѣчалъ, что мы толкуемъ о любви, какъ о коммерческой сдѣлкѣ.

— Но отчего же вы не рѣшаетесь сказать: да? — спросилъ я.

— Мнѣ какъ-то досадно, какъ-то странно, что я слишкомъ... слишкомъ...—княжна подыскивала слово;—слишкомъ спокойна,—окончила она.—Можетъ-быть, это не любовь, или я не умѣю любить, какъ любятъ другія... Я вѣдь знаю, что я буду счастлива съ вами, но сумѣю ли я сдѣлать счастливымъ васъ?

— Добрая, такъ это вы за меня боитесь!—сказалъ я, сжавъ ея руку.—Я не мальчикъ, мѣряющій любовь по числу нѣжныхъ поцѣлуевъ, мнѣ нужна женщина-другъ, которая могла бы идти рядомъ со мною и въ тяжелыя минуты поддерживать меня... Будьте моимъ другомъ—и я буду счастливъ.

Она протянула мнѣ руки и тихо, робко, беззвучно поцѣловала меня въ лобъ. Я видѣлъ въ этомъ тихомъ, робкомъ поцѣлуѣ новый признакъ нравственной чистоты, той высокой дѣвственной чистоты, которую я такъ любилъ въ княжнѣ. Мы сѣли на скамью. Зина наклонила свою голову на мое плечо и молчаливо слушала мои горячія рѣчи о нашемъ будущемъ, о нашемъ переѣздѣ въ Петербургъ, о моихъ планахъ освободить крестьянъ, о моихъ надеждахъ на литературные труды. Я говорилъ съ нею, какъ съ другомъ, какъ съ товарищемъ, и мнѣ не казалось страннымъ, что я говорю такъ много обо всемъ, но только не о любви.

— Какой чудный вечеръ!—прошептала она.—Я вполнѣ счастлива, милый.

— Такихъ вечеровъ много, много будетъ въ нашей жизни!—отвѣтилъ я восторженнымъ тономъ и наклонился поцѣловать ее.

Она подняла голову и обвила меня руками.

— Милый, милый, ты первый научилъ меня любить,—шептала она.—До сихъ поръ я презирала или жалѣла людей, теперь я люблю ихъ.

Въ ея глазахъ заблестѣлъ страстный, яркій огонь.

Когда я вернулся домой, я былъ въ восторгѣ, и ни одна черная мысль не промелькнула въ моей головѣ. Какъ это всегда бываетъ, самый важный шагъ былъ сдѣланъ чисто случайно. Одинъ изъ нашихъ талантливѣйшихъ писателей замѣтилъ, «что почти всѣ порядочные люди становятся женихами, сами не зная, какъ это случилось: кровь разгорячена, сорвалось съ языка слово,—и кончено». Такъ было и со мною. Но такъ ли случайно отдала мнѣ свою руку княжна? Это осталось ея тайною.

Съ этого дня между нами должны были начаться новыя

отношенія, но они какъ будто не начинались: правда, мы тѣснѣе сошлись. Зина откровенно говорила, что ее давятъ семейныя отношенія, она чаще разспрашивала меня о моихъ дѣлахъ, но у насъ не было ни тѣхъ шаловливыхъ выходокъ, которыми такъ богаты простенькіе женихи и невѣсты, ни тѣхъ тайныхъ, страстныхъ поцѣлуевъ, которыми полно предбрачное время влюбленныхъ. Нѣтъ, мы были слишкомъ умны для всего этого, слишкомъ ясно видѣли другъ въ другѣ не жениха и невѣсту, а двухъ товарищей. Иногда мнѣ становилось даже досадно, что я недостаточно нѣженъ. Но потомъ я вспоминалъ свое дѣтство, вспоминалъ, что я давно отвыкъ отъ ласкъ, и былъ увѣренъ, что моя сдержанность нормальна. Что касается до сдержанности княжны, то я передъ нею благоговѣлъ: это чистое, стыдливое и непорочное существо, думалось мнѣ. Я часто выражалъ эти же мысли дѣду.

— Кто васъ знаетъ, умны вы слишкомъ и слишкомъ непорочны, а мудрены и непорочные никогда не умѣли любить,—сердито отвѣчалъ онъ.

— Что-жъ, значитъ, глупость и порочность лучше.— смѣялся я.

— Да ужъ человѣку должно быть свойственно все человѣческое, а значитъ, и глупость, и порочность. Лучше сглупить, лучше согрѣшить въ минуту увлеченія, чѣмъ непорочно и мудро надѣть своей ближней петлю на шею, да и затянуть ее.

Я зналъ идеи дѣда относительно брака и потому не считалъ нужнымъ распространяться объ этомъ. Одинокая жизнь, между тѣмъ, стала мнѣ невыносима. Кто жилъ безвыѣздно въ деревнѣ, кто не могъ переѣхать изъ деревни въ большой городъ, тотъ пойметъ, какъ и почему такъ легко завязываются тамъ связи съ дѣвушками, на которыхъ мы, можетъ-быть, и не взглянули бы въ городѣ, которыя стоятъ ниже насъ по развитію, которыя никакъ не могутъ быть нашими подругами. Выбирать подругу жизни здѣсь приходится изъ провинціальныхъ барышенъ или изъ крестьянокъ: но сойтись съ женщиной, какъ съ любовницей, я не могъ: мнѣ всегда были гадки эти связи на время безлюдья съ неразвитыми, довѣрчивыми горничными, которыхъ увлекала разная образованная молодежь, зная впередъ, что черезъ годъ или черезъ два придется бросить этихъ несчастныхъ, полубезграмотныхъ, не умѣющихъ разогнать нашу тоску, созданій. Искать жену между безхавактерными, пошлень-

кими провинціальными барышнями, поющими романсы и дѣлающими глазки, я тоже не могъ, и видѣлъ, что княжна неизмѣримо выше ихъ. Мнѣ казалось, что лучшей женщины нельзя встрѣтить въ мірѣ.

Мои дѣла между тѣмъ шли недурно. Я началъ питать нѣкоторую надежду на переѣздъ въ Петербургъ. Насталъ день свадьбы. Она совершилась довольно торжественно. Князь былъ въ восторгѣ и даже не боялся княгини. Княгиня страдала тикомъ и дѣлала умирающее лицо передъ гостями. Хомутовъ былъ моимъ шаферомъ и оригинально поздравилъ меня: «ну, оболванился!» Дѣдъ хмуро смотрѣлъ на все и, поздравляя насъ, передалъ моей женѣ пачку билетовъ.

— Вамъ будутъ нужны деньги на шпильки и на булавки,—сказалъ онъ ей.

— Ну, будетъ теперь у княжны, чѣмъ пришпиливать ближнихъ,—замѣтилъ Хомутовъ князю.

Князь обидѣлся.

— Ты ужъ можешь надо мной трунить, а ея не тронь,—отвѣтилъ онъ.

— Да чѣмъ же я ее трогаю? Булавки имѣть въ запасѣ недурно.

Оказалось, что дѣдъ далъ своей крестницѣ двадцать пять тысячъ. Эти деньги были давно отложены имъ для нея.

— Чудакъ,—замѣтила мнѣ Зинаида, показывая подарокъ.—Когда у меня платья порядочнаго не было, онъ не давалъ почти ничего. Когда у меня все въ избыткѣ,—онъ даритъ тысячи.

— Онъ, вѣроятно, хотѣлъ, чтобы на тебѣ женился кто-нибудь не ради денегъ, а по любви,—отвѣтилъ я.

— Да, но зато онъ могъ сдѣлать этимъ то, что я вышла бы замужъ изъ-за денегъ жениха.

— Ну, онъ былъ увѣренъ въ тебѣ и зналъ, что ты не сдѣлаешь этого.

— Ахъ, мой милый, какъ же онъ могъ знать это, когда я и сама этого не знала!—воскликнула Зинаида.

— Какъ! ты думаешь, что ты могла бы выйти замужъ ради денегъ?—изумился я.

— Я ничего не думаю,—отвѣтила она сдержаннымъ тономъ.—Есть случаи, которыхъ нельзя предвидѣть. Развѣ ты можешь сказать, какъ бы ты поступилъ, если бы ты вдругъ остался безъ хлѣба на улицѣ, безъ работы? Можетъ-быть, ты сдѣлался бы воромъ, убійцей. Ты скажешь, что ты этого

никогда бы не сдѣлалъ, но ты скажешь это потому, что ты не стоялъ еще въ такомъ положеніи.

Я понялъ, что она права...

Наша жизнь пошла мирно и ровно. Казалось, въ моемъ существованіи не произошло никакой перемѣны, только мой домъ сдѣлался оживленнѣе, только дни проходили какъ-то спокойнѣе, безтревожнѣе. Дѣдъ, князь и Андрей Дмитріевичъ почти ежедневно заѣзжали къ намъ и были веселы и милы безъ княгини, которая все еще страдала тикомъ. Замужество дочери казалось ей неровнымъ бракомъ, такъ какъ я не былъ ни княземъ, ни графомъ. Деньги, данныя дѣдомъ Зинаидѣ, повергли княгиню въ еще большее уныніе: она теперь сердилась на дѣда и мечтала, какъ отлично она могла бы прожить со своей семьей въ столицѣ, если бы дѣдъ отдалъ эти деньги до свадьбы княжны.

— Ахъ, я рада, что ты, по крайней мѣрѣ, независима отъ мужа,—ныла княгиня передъ Зиной:—Богъ знаетъ, вернутъ ли его въ столицу? Если не вернутъ, ты можешь одна ѣхать туда на зиму. Князь Аполлонъ будетъ радъ видѣть тебя!

Но странно было то, что постоянно, когда я оставался одинъ съ Зиной, мы толковали только о будущемъ, какъ будто наше настоящее было только ночлегомъ на станціи, какъ будто оно не вполнѣ удовлетворяло наши стремленія. Тогда я не разсуждалъ объ этомъ, но если бы я вздумалъ разсуждать, то, вѣроятно, призналъ бы такое положеніе нормальнымъ, рѣшилъ бы, что мы и дѣйствительно не можемъ удовлетвориться однимъ семейнымъ узкимъ счастіемъ, что наши планы и цѣли шире, что мы и сошлись только для того, чтобы легче достигнуть своихъ цѣлей, работая не порознь, а вмѣстѣ. Да, я такъ могъ думать тогда, не замѣчая, что Зина, со своей стороны, покуда не высказывала никакихъ плановъ, и только соглашалась съ моими проектами, что, можетъ-быть, въ ея головѣ бродили совсѣмъ другія мысли, чѣмъ тѣ, которыя высказывалъ я. Такъ прошло около года. Я попрежнему занимался наукой, попрежнему училъ въ школѣ ребятишекъ, взявъ себѣ въ помощники по школѣ учителя. Всѣ эти работы не могли раздѣляться Зиной, и она по большей части проводила время за чтеніемъ книгъ или въ обществѣ своей матери, дѣда, Полины Францовны и другихъ членовъ нашего кружка. Наконецъ, я получилъ письмо отъ Бубнова, гдѣ писалось о дозволеніи мнѣ пріѣхать въ столицу. Я былъ внѣ себя отъ радости.

Не меньше меня разохалась и Зина, начинавшая скучать въ деревнѣ. Мы торопились ѣхать. Я распорядился, чтобы Григорій нанялъ мнѣ квартиру въ Петербургѣ. Первые дни послѣ пріѣзда въ столицу намъ пришлось хлопотать о покупкѣ мебели и всего нужнаго для устройства своего гнѣзда. Среди этихъ хлопотъ, на второй же день послѣ пріѣзда въ столицу, я съѣздилъ къ дядѣ, Бубнову и Лелеву. Кажется, давно ли съ ними разстался, а между тѣмъ, какая была перемѣна въ нихъ! Дяди, совсѣмъ посѣдѣвшій, сдѣлался совсѣмъ похожимъ на младенца, забывался очень часто, глядѣлъ на всѣхъ, какъ на дѣтей, иногда путалъ имена людей, и только прошлое ярко блестѣло въ его воспоминаніяхъ. Онъ читалъ всѣмъ безконечныя наставленія и подкрѣплялъ свои доводы ссылками на свою опытность, на свое умѣнье вывернуться изъ всѣхъ тяжелыхъ обстоятельствъ. Онъ ходилъ, опираясь на толстую палку, помощницу его ослабѣвшихъ ногъ. Марья Васильевна тоже замѣтно постарѣла, немного посѣдѣла, но была все такъ же жива и весела. Бубновъ сгорбился и выглядѣлъ сурово и невесело. На его лбу были глубокія морщины. Онъ встрѣтилъ меня такъ задушевно, что я и не ожидалъ такого пріема. Я спросилъ его о братѣ, вышедшемъ въ генералы.

— Онъ живетъ отдѣльно,—угрюмо проговорилъ Григорій Даниловичъ.—Отцы нынче стѣсняютъ дѣтей.

Я промолчалъ, понимая, что тутъ, должно-быть, кроется семейный разладъ, отзывающійся болью въ сердцѣ старика.

— Вы не думаете продавать ваше имѣніе?—спросилъ онъ.

— Нѣтъ. А что?

— Такъ... Отлично дѣлаете!.. Мишка же спитъ и видитъ продать все... Попробуйте отговорить его.

— Я поговорю съ нимъ. Ему, вѣроятно, недостаетъ доходовъ съ имѣнія. Мы это дѣло уладимъ.

Бубновъ пожалъ мнѣ руку. Онъ произвелъ на меня тяжелое впечатлѣніе. Я не замѣчалъ въ его лицѣ, въ его голосѣ, прежней твердости, прежней надменности; морщинистое лицо выглядѣло такимъ печальнымъ, что невольно выдавало тѣ внутреннія страданія, которыя угрюмый старикъ тщательно старался скрыть отъ непрошеннаго любопытства и обидныхъ для него людскихъ сожалѣній. Изъ его кабинета, сквозь полуотворенную дверь, я увидалъ огромную киоту въ углу спальной; передъ образами теплилась массивная лампада; на полу лежалъ коврикъ, сильно потертый колѣнями того, кто ежедневно молился передъ этими обра-

зами. Бубновъ, кажется, замаливалъ грѣхи или молился о спасеніи сына. Прежде онъ не былъ религіозенъ, теперь онъ былъ даже суевѣренъ, и боялся трехъ свѣчей, зажженныхъ на одномъ столѣ, хмурился, слыша собачій вой передъ окномъ. Чѣмъ больше чувствовалъ онъ близость смерти, тѣмъ сильнѣе закрадывался въ его душу страхъ. Разсѣять этотъ страхъ было некому: онъ былъ одинокъ вполнѣ, болѣе одинокъ, чѣмъ я во время своей жизни въ провинціи. Я зналъ, по крайней мѣрѣ, что хотя гдѣ-то далеко есть люди, думающіе обо мнѣ, — у него не было и этого утѣшенія. Никогда не дорожилъ онъ дружбою людей, независимо отъ выгодъ этой дружбы, никогда не сходился онъ искренно съ людьми и теперь холодно встрѣчался съ ними, зная, что имъ нѣтъ дѣла до его внутренней жизни, до его страданій и печалей. Онъ еще поддерживалъ всѣ выгодныя связи, но для чего? Для пріобрѣтенія денегъ, для пріобрѣтенія значенія въ свѣтѣ. Это наполняло его жизнь въ былые годы, но теперь онъ ясно видѣлъ, что ему самому, приближающемуся къ могилѣ, не нужно уже ничего, и если онъ что-либо пріобрѣтаетъ, то пріобрѣтаетъ для сына. Но именно сынъ-то, это единственное существо, для котораго дѣлалось все, которое могло бы вознаградить отца за все, — жилъ въ сторонѣ отъ отца, тратилъ чрезъ мѣру все то, что утягивалъ отецъ у ближнихъ, что покупалось цѣною совѣсти, за что переносились и униженія, и обиды. Бубновъ, можетъ-быть, отрекся бы отъ сына, но это онъ могъ бы сдѣлать въ былые дни, а не теперь. Тогда сына можно было еще замѣнить женой, новыми призраками счастья, новыми надеждами, теперь же нельзя было сдѣлать и этого. Отречься отъ сына—значило сломать ту соломинку, которая еще связывала старика съ міромъ; отрекаясь отъ сына, можно было только отказать все нажитое всѣми неправдами на монастыри, на церкви для поминовенія души и лечь въ могилу. Бубновъ хотѣлъ вѣрить, что сынъ исправится, что сынъ придетъ къ нему съ ласкою, и каждый разладъ съ сыномъ, каждая новая проказа послѣдняго потрясали старика, обманывая его надежды.

Одинъ Леевъ остался неизмѣнно все тѣмъ же зрителемъ жизненной комедіи: онъ былъ по-старому веселъ, оживленъ, смотрѣлъ на все сквозь пальцы, и только едва замѣтная ѣдкость говорила, что и надъ нимъ недаромъ прошли тяжелые годы. Онъ служилъ удачно, былъ чиновникомъ особыхъ порученій, за нимъ ухаживали разныя барыни. Отно-

ченія его съ этимъ барышнямъ были очень странныя. Онъ былъ любезенъ и милъ со всѣми и не обожалъ ни съ одной, говоря со смѣхомъ, что для него Богъ еще не создалъ женщины. Эта холодность дразнила тогдашнихъ свѣтскихъ барынь, привыкшихъ только къ одну сторону романовъ Жоржъ-Занда; онѣ называли Левъ неприступнымъ и осуждали эту крѣпость. Левъ шутливо называлъ ихъ женами Пентефрія и попрежнему оставался холоднымъ зрителемъ людской пошлости. Но всѣ впечатлѣнія, приносимыя на меня этими днями, померкли при встрѣчѣ съ Наташею. Во время моего визита къ Маріи Васильевнѣ, Наташа не было дома. Я болталъ съ дядей и Маріей Васильевной, когда въ комнату вошла высокая, стройная дѣвушка съ темно-русыми, гладко причесанными волосами, съ нѣжнымъ лицомъ, съ легкимъ, но здоровымъ румянцемъ на щекахъ: я, можетъ-быть, не узналъ бы ея, если бы передо мною не блеснули ея прежніе добрые и умные, большіе и глубокіе синіе глаза. Она вопросительно взглянула на меня, на тетку, и черезъ мгновенье Наташа уже пожимала мою руку. Я былъ пораженъ этой простой, спокойной, если можно такъ выразиться, русской красотой.

— Ну, слава Богу, вы снова здѣсь,—радушно проговорила она.—А я все боялась, что вы умрете тамъ... Нашъ бѣдный другъ, Макдонъ, не вынесъ.—вздохнула она.

— Да и кто же вынесъ!—невольно произнесъ я.

Она вопросительно взглянула на меня.

— Вѣсъ удивляетъ мои слова? Но я говорю собственно не о смерти, а о перемѣнахъ: никто не вынесъ этого времени безъ перемѣнъ, всѣ или выбрали новую дорожку, или притихли.

— Вы женились?—перебила она меня.

— Женился.

— Вы меня познакомите съ вашей женой?

— О, конечно! Я такъ много говорилъ ей о вашей семьѣ, о васъ...

— Она, я думаю, смѣялась, такъ какъ вы могли сообщить ей только о моихъ дѣтскихъ шалостяхъ...

— Вы были не смѣшной ребенокъ...

Мы начали вспоминать старину и, какъ это всегда бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, вечеръ шелъ тихо и мирно, всѣмъ было какъ-то тепло и уютно, и даже легкій слѣдъ грусти былъ милъ и дорогъ.

Черезъ нѣсколько минутъ явился Левъ.

— А я у тебя былъ,—сказалъ онъ мнѣ, пожимая намъ руки.

— Видѣлъ Зину?—спросилъ я.

— Нѣтъ, видѣлъ я кого-то, но это, должно-быть, не Зина, а, по крайней мѣрѣ, Діана...

Я засмѣялся.

— Вообразите себѣ, — началъ разсказывать Леевъ.— Вхожу я въ переднюю, встрѣчаетъ лакейчикъ... или кто онъ тамъ такой, право, не знаю,—говорю: дома баринъ?— Нѣтъ-съ. — Ну, говорю, пустите въ кабинетъ, я напишу ему пару словъ... Иду-съ черезъ залу, вдругъ гляжу, въ амбразурѣ окна стоитъ женщина, вся въ бѣломъ, прислонивъ голову къ боковой стѣнкѣ окна, и задумчиво смотритъ на улицу, опустивъ мраморныя руки на подоконникъ. Пальцы, какъ изваянные, не шевелясь, едва касались подоконника, лицо—черта къ чертѣ подобрана—и все это неподвижно, строго, божественно. Я, какъ ошеломленный грѣшникъ, при видѣ божества, чуть не присѣлъ со страха на корточки и неловко поклонился, когда богиня медленно обратила ко мнѣ свое лицо, не перемѣняя своей позы. Немного удивленные глаза богини взглянули на лицо смертнаго и, мнѣ казалось, одобрили мой поклонъ.

Я не могъ удержаться отъ улыбки.

— Какъ же это одобрили?—засмѣялась Наташа.

— Да, ей-Богу, это былъ не поклонъ, но только одобреніе, нѣчто въ родѣ того, что ты, смертный, можешь поклоняться мнѣ.

Въ комнатѣ раздался всеобщій смѣхъ.

— Это ваша жена?—спросила Наташа.

— Да.

— Ну, я бы не осмѣлился на ней жениться,—воскликнулъ Леевъ.—А я еще хотѣлъ пріударить за твоей женой по-пріятельски. Радовался, что ты женился, думалъ: ну, вотъ буду ami de la maison. А теперь у тебя и говорить-то будетъ страшно.

— Онъ такъ описываетъ вашу жену, что я тоже начинаю бояться ея неприступности,—замѣтила Наташа.

— Ну, если она страшна для Тишки, то никакъ не страшна для васъ.

На меня, впрочемъ, слова Леева произвели скверное впечатлѣніе. Я почувствовалъ, что, несмотря на шутливость, Леевъ вѣрно подмѣтилъ въ женѣ эту божественную холодность и безмятежную недосягаемость, скверно дѣйствовавшія

на посторонних и остановившія мою жену отъ радушной встрѣчи съ моимъ другомъ.

Дня черезъ два я поѣхалъ съ Зиной къ дядѣ. Онъ, по старой привычкѣ, наклонился и поцѣловалъ ея руку. Она прикоснулась губами къ его щекѣ. Марья Васильевна приняла ее искренно и предупредительно. Она говорила о томъ, что я и мои друзья близки ей, что мы вмѣстѣ пережили тяжелое время и породнились общими печалями. Зина холодно замѣтила, что она отъ меня много слышала о самой Марьѣ Васильевнѣ и ея племянницѣ. Я почувствовалъ, что Зина совершенно безучастно относится къ тому, что было пережито нами, какъ мы обыкновенно относимся къ разсказамъ о горѣ, неиспытанномъ нами, непонятномъ для насъ. Я сознавалъ, что это не ея вина, и мнѣ было досадно, что посторонніе люди, въ родѣ Марьи Васильевны, гораздо тѣснѣе связаны со мною прошлымъ, чѣмъ моя жена. Черезъ нѣсколько минутъ явилась съ уроковъ и Наташа. Тетка замѣтила ей, что мы уже собираемся ѣхать.

— Мнѣ было бы очень досадно, если бы я пропустила случай увидаться съ вами, но я надѣюсь, что мы будемъ знакомы,—проговорила Наташа, сжимая руку Зины.

— О, конечно,—отвѣтила Зина.—Мы, впрочемъ, еще не совсѣмъ обстановились здѣсь...

Послѣдняя фраза сказалась такимъ тономъ, какъ будто Зина просила Наташу покуда не посѣщать насъ.

Все какъ-то не клеилось. Зина была слишкомъ нарядно одѣта, она слишкомъ офиціально держала себя; ея сдержанность и холодность тѣмъ ярче бросались въ глаза, чѣмъ искреннѣе относились къ намъ хозяева. Даже дядя не нашелъ, о чемъ говорить съ Зиной, и только съ важностью взбивалъ свой хохолъ.

— Ну, какъ они понравились тебѣ? — спросилъ я Зину, когда мы возвращались домой.

— Я ихъ такими представляла себѣ и прежде, — разсѣянно отвѣтила она. — Ты вѣдь умѣешь очерчивать людскія физіономіи. Это дѣйствительно бѣдные и простые люди.

— Честные и добрые, прибавь къ этому. Ну, а дядя? неправда ли, милѣйшій старикъ?

— Да, онъ, должно-быть, былъ очень оригинальнымъ старикомъ, но теперь это уже одна развалина прошлаго... Къ Бубнову мы, вѣроятно, не поѣдемъ? Намъ надо еще побывать у моихъ родныхъ.

— Можно бы съѣздить и къ Бубнову, впрочемъ, я былъ у него, а ты познакомишься съ нимъ у насъ.

Мнѣ было тяжело: я понималъ, что все близкое мнѣ неблизко Зинѣ. Упрекать ее я все-таки не могъ, потому что не могла же она полюбить въ нѣсколько минутъ незнакомыхъ ей людей, вѣдь смотрѣлъ же холодно и я самъ на ея родныхъ, съ которыми у меня не было ничего общаго. Общаго съ ними не было и у нея, однако, въ ихъ аристократическихъ домахъ она была развязнѣе, разговорчивѣе, чѣмъ въ домѣ Меньшовой. Здѣсь не давили ее тѣсныя комнаты, здѣсь ея нарядъ не рѣзалъ глазъ сильнымъ контрастомъ съ обстановкой комнатъ, здѣсь шли толки не о былломъ, за которое ничего не даютъ, не о личныхъ чувствахъ, не интересныхъ для постороннихъ, а о балахъ, театрахъ, модахъ, обо всемъ, что сулитъ удовольствія въ будущемъ. Я удивлялся ловкости и остроумію Зины. Казалось, она никогда не выходила изъ этого круга и знала всѣ условія его жизни. Въ этотъ же день вечеромъ ко мнѣ пріѣхалъ Бубновъ съ Мишелемъ. Мишель—я его видѣлъ въ первый разъ послѣ пріѣзда — бросился ко мнѣ на шею и началъ буквально душить меня въ своихъ объятіяхъ.

— Голубчикъ, какъ я тебѣ радъ, ты и представить себѣ не можешь!—говорилъ онъ, цѣлуя меня.

Первая встрѣча сразу подкупила меня въ пользу моего брата. Это былъ совсѣмъ молоденькій, съ простенькимъ и добренькимъ лицомъ, маленькій офицерикъ. Что-то беззаботно-шаловливое и дѣтское было во всемъ его существѣ. Онъ не только цѣловалъ меня, но и любовался мною, вскакивалъ поминутно съ мѣста и снова обнималъ меня.

— Ты меня, пожалуйста, возьми въ руки,—наивно говорилъ онъ.—Я ужаснѣйшій негодяй, какъ говоритъ monsieur mon père. Но тебя, душечка, я очень люблю, потому что ты со мной карточныя крѣпости когда-то строилъ.

Я повелъ своихъ родственниковъ въ гостиную, къ женѣ. Зина благосклонно встрѣтила украшеннаго орденами старика и облеченнаго въ блестящій мундиръ юношу. Бубновъ пристально окинулъ ее глазами и, кажется, разсчиталъ по копейкамъ, чего она стоитъ; должно-быть, цифра вышла довольно крупная, потому что онъ очень любезно сказалъ Зинѣ нѣсколько комплиментовъ и спросилъ, намѣрена ли она выѣзжать въ собранія и въ театры.

— На этотъ счетъ вашъ мужъ профанъ, а я совѣтую вамъ обратиться къ Мишкѣ; онъ все знаетъ, что касается

ля удовольствій, только не говорите съ нимъ о дѣлѣ,—промолвилъ съ иронiей старикъ Бубновъ.

— Да вѣдь я дѣлю только средство къ наслажденію,—улыбнулась Зина.

Бубновъ пристально взглянулъ на нее.

— Позвольте, я васъ не совсѣмъ понялъ,—сказалъ онъ.

— Люди работаютъ, чтобы имѣть средства для удовольствій,—промолвила она.

— И больше ни для чего?

— Для чего же еще?—удивилась Зина.

— А вотъ вашъ мужъ все думалъ, что можно трудиться для блага ближнихъ,—усмѣхнулся Григорій Даниловичъ.

— Ну, да, если человѣкъ видитъ наслажденіе въ благѣ ближнихъ, а не въ театрахъ,—холодно замѣтила Зина.—Есть вѣдь люди, которые трудятся, чтобы накопить денегъ, другіе трудятся, чтобы только трудиться,—но вѣдь это значитъ, что у людей разные вкусы въ дѣлѣ наслажденій.

— О, въ этомъ случаѣ я съ вами согласенъ,—сказалъ Григорій Даниловичъ.—Я думалъ сначала, что наслажденіями вы считаете только балы и театры.

— Да вы и теперь не знаете, что я считаю наслажденіемъ,—тихимъ смѣхомъ засмѣялась Зина.—Я только сказала, что у каждаго свои взгляды на это, но какіе мои взгляды—этого я не объяснила.

— Только вы, пожалуйста, не говорите моему papa, если вы любите балы и театры, а то онъ начнетъ брюзжать,—засмѣялся звонкимъ смѣхомъ Мишель.

— А вы еще грустите, когда брюзжатъ?—насмѣшливо улыбаясь, спросила его моя жена.

— Къ сожалѣнію, онъ никогда не грустилъ, и я былъ бы радъ, если бы онъ хоть немного боялся моего брюзжанья,—тяжело вздохнулъ Бубновъ.

— Видите, онъ или брюзжитъ, или жалуется на меня,—продолжалъ смѣяться Мишель.—Рѣшительно несноснымъ старикашкой сталъ.

Бубновъ нахмурилъ брови. Ему было, видимо, непріятенъ этотъ довольно нахальный тонъ вѣтренаго сына. Въ эту минуту вошелъ Леевъ.

— Вы, кажется, видѣли другъ друга?—обратился я къ нему и къ моей женѣ, рекомендуя ихъ.

— И твоя жена, вѣроятно, сочла меня за школьника, тайкомъ пробиравшагося въ кабинетъ учителя,—улыбнулся

Леевъ.—По крайней мѣрѣ, я такъ растерялся, встрѣтивъ Зинаиду Анатолiевну, что едва поклонился и исчезъ...

— Ей тѣмъ легче было принять тебя за школьника, что ты все еще выглядишь ребенкомъ, — замѣтилъ я. — Ты отчасти знаешь Леева изъ моихъ разсказовъ: это непостояннѣйшiй изъ смертныхъ, лѣнтяй, какихъ мало, вѣчно веселый и беззаботный,—сказалъ я Зинѣ.

Она пристально глядѣла на него, какъ будто провѣряя мои разсказы о его красотѣ.

— Ну, это вы ему не вѣрьте, мнѣ вѣчно скучно, и потому я вѣчно хохочу, — перебилъ меня Леевъ. — Вѣдь вы и представить себѣ не можете, что за скука здѣсь,—обратился онъ къ Зинѣ.—Утромъ дамы и мужчины въ должностяхъ и на визитахъ...

— Какъ, и женщины въ должностяхъ?—съ удивленiемъ спросила моя жена.

— Ну, да, по магазинамъ ѣздятъ...

— А!—улыбнулась Зина.

— Потомъ обѣды, потомъ театръ, потомъ ужинъ, потомъ сонъ и опять должность и визиты. Въ мужскихъ должностяхъ всѣ бумаги по одной формѣ пишутся: отношенiе за № такимъ-то, въ такой-то столъ и т. д. Въ женскихъ должностяхъ все тѣ же шляпки, платьица, бурнусики, мантильки изъ шелку, кружевъ и воздуху. На визитахъ все тѣ же толки о погодѣ, о новыхъ, въ сущности старыхъ, модахъ, о крестѣ Ивана Ивановича, о балѣ Марьи Ивановны et partout les petits commerages; обѣды всѣ похожи одинъ на другой, точно у всѣхъ готовитъ одинъ поваръ, балы— Боже мой, что это за балы! — все вертится, кружится. Княжна Зизи показываетъ всѣмъ свои перламутровые зубы, скрывая всѣ остальныя кости подъ газомъ, графиня Мими показываетъ все остальное и только прячетъ свои черные зубы; статскiе играютъ роль разочарованныхъ, военные представляютъ побѣдителей; статскiе язвятъ языкомъ, военные побрякиваютъ саблями,—потомъ,—о, Боже мой!—потомъ вся молодежь, наговоривъ комплиментовъ брилліантамъ юныхъ дѣвъ, летитъ на пикники, а юныя дѣвы мечтаютъ, лежа въ постеляхъ, и сѣтуютъ, что у насъ полицiя и холодъ не дозволяютъ пѣть серенады подъ окнами. Какъ разочаровались бы эти дѣвы, если бы серенады было дозволено пѣть свыше: онѣ увидали бы, что ихъ поклонники не явились бы къ нимъ, блаженствуя въ объятiяхъ другихъ дѣвъ, не приманивающихъ брилліантами, но приманивающихъ брилліанты.

— Да, это вѣрная картина нашей безшутной свѣтской жизни. И этой-то жизнью дорожитъ наша юность!.. — сказалъ со вздохомъ старикъ Бубновъ и еще разъ повторилъ: — Да, это вѣрная картина.

— Въ черномъ свѣтѣ все можно представить,—замѣтилъ Мишель, по-дѣтски надувъ губы. — А между тѣмъ и вы являетесь на балы.

— У меня одинъ товарищъ уже застрѣлился,— съ комическою серьезностью замѣтилъ Лееву. — И я боюсь погибнуть во цвѣтѣ лѣтъ. Знаете ли, есть люди другого сорта,— продолжалъ онъ попрежнему весело, съ едва уловимымъ оттѣнкомъ иронiи.—Это мрачные люди, они не ѣздятъ на балы и въ театры, они работаютъ, то-есть пишутъ по установленной формѣ докладныя бумаги, или учатъ юношество по одобреннымъ учебникамъ, или печатаютъ статьи, одобренныя цензурой, и потомъ собираются вечеромъ въ кружки потолковать о важныхъ вопросахъ. «Ужасное происшествiе!— мрачно сочиняетъ одинъ.—Помѣщикъ К. засѣкъ двухъ изъ своихъ людей, задарилъ доктора, исправника, станового и теперь разбѣлывается съ тѣми, кто донесъ на него». Всѣ присутствующiе единодушно ахаютъ хоромъ. «Нѣтъ, это что! а вы посмотрите, что въ комиссарiатѣ дѣлается,—мрачно вретъ другой:—что полицiя дѣлаетъ! Будочники просто грабятъ. Близъ Фонарнаго переулка будочникъ ограбилъ женщину и хотѣлъ ее убить. Хороши блюстители общественной безопасности!» Присутствующiе снова ахаютъ хоромъ. «А вы слышали, что во Францiи-то Наполеонъ III дѣлаетъ? — мрачно поражаетъ третiй извѣстiемъ. — Людей въ домахъ, какъ поросятъ, перерѣзалъ и, провозгласивъ себя императоромъ, уничтожилъ сходки, свободу печати, сослалъ всѣхъ въ Сибирь!» Присутствующiе еще разъ ахаютъ. «Господа, не угодно ли чаю?» — мрачно приглашаетъ хозяйка; — всѣ мрачно идутъ къ столу, мрачно пьютъ чай и мрачно расходятся. Завтра опять занимаются писанiемъ по формѣ докладныхъ бумагъ, обученiемъ по одобреннымъ учебникамъ, составленiемъ цензурныхъ статей и мрачно проводятъ вечеръ въ серьезныхъ разговорахъ.

Мишель и Зина засмѣялись и взглянули на меня.

— Не много же серьезнаго видишь ты въ дѣятельности своихъ соотечественниковъ,—замѣтилъ я Лееву, зная, что камешекъ былъ брошенъ отчасти въ нашъ огородъ.

— Ну, и это отчасти правда,—хмуро промолвилъ Григорiй Даниловичъ.

— Виноватъ, виноватъ,—произнесъ Леевъ.—Я позабылъ еще цѣлую массу людей, которые не занимаются ни балами, ни театрами, ни серьезными разговорами въ дружескихъ кружкахъ. Утромъ они идутъ въ свою должность, въ свою лавку, въ свой магазинъ, берутъ взятки съ просителей, барыши съ покупателей, надуваютъ своего собрата по службѣ и сотоварища по торговлѣ, обворовываютъ казну или объявляютъ себя злостными банкротами, пьютъ и ѣдятъ до отвала, копятъ деньги, рыбу ловятъ въ мутной водѣ, и вечеромъ, мирно и долго помолившись передъ иконой, поправивъ пальцами лампаду и обтеревъ пальцы о свою голову, со вздохомъ праведниковъ, скорбя о гибели міра, идутъ спать... Если они сходятся по вечерамъ съ ближними, то для того, чтобы переговорить о новой плутнѣ или обыграть этихъ ближнихъ въ карты. Это вообще плотный, чистоплотный и набожный народъ...

Бубновъ кусалъ губы и хмуро спросилъ Леева:

— Вы тоже, какъ Владиміръ, уѣзжали изъ Петербурга?

— Нѣтъ-съ,—съ комизмомъ отвѣтилъ Леевъ. — Зачѣмъ же? Въ провинціи все то же, но баловъ и театровъ нѣтъ, а я люблю и то, и другое.

— Ну, и Владиміръ былъ не прочь отъ театровъ, только о его вкусахъ не спрашивалось...

— Владиміръ вредный человѣкъ, а я нѣтъ.

— Ну, и вамъ легко попасться, при такомъ взглядѣ на общество.

— О, нѣтъ, я вѣдь говорю только тамъ, гдѣ не надѣюсь встрѣтить нескромныхъ и легкомысленныхъ соотечественниковъ, на балахъ же или въ должности я или танцую, или расписываюсь.

Я поспѣшилъ начать разговоръ съ Григоріемъ Даниловичемъ и пошелъ съ нимъ въ свой кабинетъ.

— Эхъ, скверное время мы переживаемъ,—проговорилъ старикъ.—Этотъ щелкоперъ отчасти правъ; въ обществѣ пустота; образованія всѣмъ этимъ болтунамъ и танцорамъ не дали никакого: къ дѣлу они негодны, только проживать умѣютъ. Вонъ и Мишка былъ въ корпусѣ, а что онъ въ военномъ дѣлѣ смыслитъ? Ничего. Случись война, — онъ стрѣлять порядочно не умѣетъ, а не только-что полководцемъ быть. А этотъ болтунъ, вѣдь если бы зналъ дѣло, такъ не болталъ бы, а боролся бы противъ злоупотребленій, а то поди-ка: его первый взяточникъ опутаетъ. И на что мы надѣемся? Куда идемъ? Серьезности, строгости въ

воспитаніи нѣтъ. Я самъ тоже думалъ сперва, что это не важно, что съ лѣтами все придетъ,—нѣтъ, съ лѣтами уйдетъ все, а придетъ—ничего не придетъ. И вѣдь сколько денегъ уходитъ на эту мишуру мундирчиковъ, на эти балы, на эти театры. И это только развращаетъ молодежь. Да что-жъ, въ самомъ дѣлѣ, куда мы идемъ? Зараженное поколѣніе хотимъ воспитать, что ли! Или уморить его прежде времени хотимъ?

— Я никакъ не думалъ, что вы недовольны существующимъ порядкомъ дѣлъ,—замѣтилъ я отчиму.

— Да, я консерваторъ, я стою противъ разныхъ теорій, но именно потому-то я и недоволенъ взяточничествомъ, развращеніемъ общества, его мишурнымъ блескомъ, мотовствомъ. Вѣдь все это и вызоветъ, рано ли, поздно ли, крайнія теоріи и утопіи недовольныхъ. Я знаю, что они слѣдятъ за каждымъ служащимъ-мошенникомъ, за каждой новой продѣлкой администраторовъ, считаютъ каждую тысячу, брошенную иностранной актрисѣ, ловятъ каждый случай, чтобы указать на ничтожество нашего воспитанія и на открытіе танцъ-классовъ, этихъ оргій, развращающихъ нашихъ дѣтей. Государства—это машины, гдѣ не должно быть лишнихъ ржавыхъ или кривыхъ винтовъ. Все должно быть такъ пригнано, чтобы нигдѣ не было ни сучка, ни задоринки, чтобы все поддерживало общій ходъ и не останавливало бы ни одного колеса. Одинъ испорченный винтъ можетъ послужить гибелью для всей машины.

Я внимательно слушалъ Григорія Даниловича, и передо мною проносились тѣни дяди, Марьи Васильевны, Леева, Палицына и Шепелева. Всѣ они были недовольны, и всѣ шли все-таки въ разбродъ. Если бы ихъ свести вмѣстѣ, они не нашли бы никакой точки, общей для нихъ всѣхъ, и только могли бы сказать одно: «старое отжило!»

XIII.

Трудъ и праздность.

Я долженъ былъ хлопотать объ устройствѣ своихъ матеріальныхъ дѣлъ. При помощи Григорія Даниловича я нашелъ мѣсто въ одномъ изъ страховыхъ обществъ; кромѣ того, я рѣшился давать уроки и продолжать литературныя работы, составляя отчеты о новыхъ иностранныхъ книгахъ. У меня было приготовлено нѣсколько статей по политической экономіи, и мнѣ удалось снова завязать прерванныя литературныя связи. Всѣ эти труды должны были дать мнѣ

средства къ безбѣдной жизни и къ осуществленію моего плана насчетъ моихъ крестьянъ. Владѣя имѣніемъ нераздѣльно съ Мишелемъ, я не могъ отпустить крестьянъ на волю, но я не бралъ своей части оброковъ, и, такимъ образомъ, Мишель могъ пользоваться прежними доходами, крестьяне же могли вносить только половину прежнихъ оброковъ. Въ моихъ литературныхъ работахъ явился мнѣ помощникомъ Гриша. Онъ поселился со мною, писалъ подъ мою диктовку или переводилъ тѣ или другія отмѣченныя мною мѣста изъ иностранныхъ книгъ. Наши общіе труды, наши постоянныя пребыванія вмѣстѣ сблизили насъ еще болѣе, и Гриша сталъ для меня необходимъ, какъ лучшій другъ, какъ любимый братъ, отъ котораго не было у меня никакихъ тайнъ. Простая и прямая натура этого человѣка привлекала къ себѣ невольно. Онъ любилъ меня и даже преувеличивалъ мои достоинства, извиняя въ то же время всѣ мои недостатки. Его отношенія къ Зинѣ были какія-то натянутыя: она какъ будто не замѣчала его, онъ старался быть вѣжливымъ съ нею, но въ то же время старался какъ можно рѣже встрѣчаться съ нею, постоянно конфузясь въ ея присутствіи. Со мной онъ избѣгалъ разговоровъ о ней, но я замѣчалъ, что онъ ея не любитъ, что онъ смотритъ на нее съ недовѣріемъ.

Но если на одной половинѣ дома шелъ усиленный трудъ, зато на другой продолжалось полнѣйшее бездѣйствіе. Зина не дѣлала ничего. Она читала иногда книги, но чаще всего или принимала гостей, или сама дѣлала визиты и ѣздила по магазинамъ. Ея братъ, князь Аполлонъ, надутая и безцвѣтная личность; ея дядя, графъ Сухотинъ, угрюмый и важный старикъ; ея три кузины, княжны Сухотины, очень бойкія, очень болтливыя, очень хорошенькія собой и очень вѣтреныя дѣвушки; нѣкто Самаринъ, вѣчный спутникъ Сухотиныхъ, вѣстовщикъ скандаловъ, ухаживавшій за всѣми женщинами и въ томъ числѣ за моей женой; Мишель, Леевъ и еще нѣсколько личностей, принадлежавшихъ къ такъ-называемому «свѣту», окружали Зину съ утра до поздней ночи. Сначала я выѣзжалъ съ женою на два, на три бала, на два, на три спектакля, но потомъ мнѣ пришлось отказаться или отъ выѣздовъ, или отъ части работы, дававшей мнѣ средства жить и не брать денегъ съ имѣнія. Я рѣшился серьезно объяснить Зинѣ, что я не могу жить такъ открыто, какъ ея родные, что я не придаю никакой цѣны этой праздной жизни, что я считаю нужнымъ трудиться, что,

наконецъ, я совѣтую и ей не увлекаться этимъ наружнымъ блескомъ пустого и ничтожнаго свѣта.

— Да вѣдь лучшаго нѣтъ, надо пользоваться хоть этимъ свѣтомъ,—отвѣтила Зина, пожимая плечами.

— Можно собирать кружокъ честныхъ и добрыхъ друзей,—замѣтилъ я.

— Скучно, мой милый!—зѣвнула Зина. — Это вѣдь придется тѣми мрачными разговорами заниматься, о которыхъ говорилъ Лесвъ.

— Все же эти разговоры, если ужъ честные люди, по твоему мнѣнію, ничего другого не выдумаютъ, лучше пустой болтовни и пляски.

— Не знаю. Я охотнѣе говорю о пустякахъ, чѣмъ о серьезныхъ вещахъ, если изъ разговоровъ ничего не можетъ выйти. Я дома гораздо охотнѣе говорила о разныхъ ненужностяхъ, въ родѣ лошадей и книгъ, чѣмъ о такихъ горькихъ вопросахъ, какъ наша бѣдность или мои отношенія къ отцу и матери.

— Такъ-то такъ, но эта среда затягиваетъ, пустая жизнь опошляетъ человѣка...

— Ахъ, ты считаешь меня настолько глупенькою, что мнѣ, какъ школьницѣ, нужно постоянно повторять зады, чтобы не сбиться, въ случаѣ внезапнаго экзамена,—засмѣялась насмѣшливымъ смѣхомъ Зина.

Я почти сконфузился. Мнѣ вновь показалось, что эта глубокая натура не можетъ затянуться въ пошлую среду. Я попробовалъ заговорить о трудѣ.

— Ужъ не шить ли мнѣ самой себѣ платья, — улыбнулась Зина. — Тогда моя бѣдная модистка останется безъ хлѣба.

— Ну, ты и не умѣешь шить,—улыбнулся я. — Но можно найти болѣе полезное дѣло. Попробуй учить дѣтей даромъ...

— Филантропіей заниматься? Но вѣдь ты же противъ филантропіи пишешь?

— Я не признаю за филантропіей значенія радикальной мѣры для пересозданія общества. Но покуда существуетъ настоящій порядокъ дѣлъ, она можетъ приносить нѣкоторую пользу...

— То-есть, дать грошъ нищему, чтобы онъ умеръ съ голода не сегодня, а завтра?—пожала плечами Зина.

— Не совсѣмъ такъ. Сегодня ты поможешь ему, а завтра онъ, быть-можетъ, найдетъ работу.

— О, милый, какое ты дитя! Если онъ въ десятки лѣтъ

не нашелъ работы, то ужъ, конечно, не найдетъ ее въ одинъ день.

Нашъ разговоръ не привелъ ни къ чему. Зина прямо объявила, что она не имѣетъ никакой охоты работать.

— Значитъ, мнѣ одному придется быть батракомъ,— вздохнулъ я.

— Что это: упрекъ?—гордо и сурово нахмурила она брови.—Если тебѣ трудно и непріятно работать для меня, то я могу жить изъ своихъ денегъ.

— Мнѣ не на тебя трудно работать, но мнѣ больно, что ты говоришь далеко не то, что говорила прежде, тѣшась мечтами о нашемъ будущемъ трудѣ, о нашей мирной жизни въ своемъ уголкѣ...

— Другъ мой, въ деревнѣ деревенскія мечты, въ городѣ городская жизнь,—отвѣтила она насмѣшливымъ тономъ.

Я молча ушелъ въ свой кабинетъ. Мнѣ было тяжело и досадно, я не могъ обвинять Зину. Если кто-нибудь былъ виноватъ въ моемъ несчастіи, то, конечно, это я самъ. Я не понялъ, что между мною и Зиной не было ничего общаго, я былъ влюбленъ въ созданный мною идеалъ, а не въ нее. Но страшнѣе всего для меня была мысль, что, можетъ-быть, моя ошибка сдѣлаетъ несчастною и Зину. Покуда она веселилась и только иногда упрекала меня за то, что я все сижу въ своемъ кабинетѣ.

— Вѣдь это скучно, милый, ты, точно волъ, вѣчно запряженъ въ плугъ,—говорила она.

— Ты хочешь широко жить, Зина; для этого нужны деньги, вотъ я и работаю,—отвѣчалъ я.

— Но у тебя есть имѣнье...

— Я не хочу жить на деньги бѣдняковъ...

— Но вѣдь ты платишь же за квартиру, отчего же они должны даромъ пользоваться твоею землею?

Я пробовалъ объяснить Зинѣ различіе между этими двумя явленіями, но она только пожимала плечами. Съ каждымъ днемъ пропасть между нами все расширялась, и трудно было сказать, насколько мы разойдемся въ концѣ концовъ. Все дурное, что скрывалось въ Зинѣ до замужества, теперь ярко выглянуло на свѣтъ. Она была, въ сущности, все та же, но я не узнавалъ ея, не имѣя теперь возможности идеализировать тѣ или другіе ея взгляды или фразы. Она назначила четверги для пріема гостей. Собирались у нея по большей части ея чиновные родные, мой братъ; у меня сходились старикъ Бубновъ, нѣсколько студентовъ и два-

три изъ знакомыхъ мнѣ литераторовъ; посредникомъ между двумя кружками былъ Лосевъ, онъ остригъ и въ гостиной моей жены, и пускался въ серьезные споры въ моемъ кабинетѣ. Зина была въ восторгѣ отъ его красоты, отъ его остроумія, отъ его веселости. Мнѣ было невыносимо слушать въ гостиной жены трескотню пустыхъ фразъ о театрахъ, балахъ, модахъ, французскихъ романахъ и мелкихъ свѣтскихъ интригахъ. Сотни остроумныхъ фразъ и анекдотовъ не выкупали той скуки, которая парила въ этомъ обществѣ. Я все рѣже и рѣже вмѣшивался въ разговоры и все чаще и чаще оставался съ своимъ кружкомъ въ кабинетѣ. Но въ одинъ изъ четвероговъ мнѣ пришлось неожиданно принять участіе въ бесѣдѣ кружка моей жены. Я уже расположился у себя въ кабинетѣ, когда Гриша объявилъ мнѣ, что къ намъ пріѣхали дядя, Марья Васильевна и Наташа. Меньшовы до сихъ поръ еще не были у насъ, если не считать одного сдѣланнаго намъ визита, въ который онѣ не застали ни меня, ни Зины. Я вошелъ въ залу. Зина сухо разговаривала съ неожиданными гостями?

— Ну, вотъ мило сдѣлали, что, наконецъ-то, собрались къ намъ, — сказалъ я, пожимая руки своимъ старымъ друзьямъ.

Зина взглянула на меня страннымъ взглядомъ и тихо пожала плечами, словно говоря мнѣ, что я сказалъ глупость.

— Да что, батюшка, я три раза былъ у васъ, да тебя и съ собаками не сыщешь.—громко заговорилъ дядя.—Какъ ни пріѣдешь, говорятъ: «баринъ на службѣ, барыня съ визитами уѣхали, либо баринъ и барыня на балу или въ театрѣ». Да прахъ васъ побери! говорю я, когда же ихъ застанешь дома? Мнѣ тоже старыя кости даромъ трясти на нашихъ гитарахъ неудобно. «По четвергамъ, говорятъ, господа бываютъ у себя». Ну, по четвергамъ, такъ по четвергамъ и то ладно! Пріѣхалъ я домой и говорю Марьѣ Васильевнѣ: «ужъ вы какъ хотите, а мы въ четвергъ возьмемъ рыдванъ и всѣ нагрянемъ, какъ снѣгъ на голову, къ нашей молодежи!» Марья Васильевна и руками, и ногами: «какъ, да что, да зачѣмъ, молъ, мы поѣдемъ. Нарядовъ у насъ нарядныхъ нѣтъ!» — «Ну, говорю, нѣтъ ужъ, если не поѣдете—разсорюсь и перестану, и не загляну къ вамъ никогда. Насъ вѣдь не за наряды любятъ». Испугалась она и согласилась. Ну, вотъ мы и пріѣхали,—говорилъ дядя на всю залу, постукивая палкой и разводя руками.

Старикъ былъ невыразимо милъ въ своей искренней, добродушной откровенности.

— И умно сдѣлали,—промолвилъ я.— Мы дѣйствительно закружились и рѣдко бываемъ дома, но, авось, все скоро пріѣстся,—и тогда засядемъ на мѣстѣ.

— Пора, пора, Володюшка, остепениться!—наставительно замѣтилъ дядя.—А куда же твоя жена пропала?

Я обернулся, мы были одни въ залѣ. Зина ушла въ гостиную.

— Въ другую комнату вышла. Тамъ гости, нельзя оставить однихъ,—оправдалъ я жену.

— Ну, конечно, конечно! Вотъ и мы туда поплетемся. Ты насъ познакомь со всѣми. Я, знаешь, люблю общество.

Я не зналъ, что дѣлать. Во мнѣ кипѣла и злоба на жену, и тоскливое чувство за дядю, за Марью Васильевну, за Наташу. Я чувствовалъ, что имъ придется играть незавидную роль среди этой свѣтской черни.

— Я тебя, дядя, лучше къ своимъ знакомымъ попрошу,— сказалъ я, и поручилъ Гришѣ проводить старика въ кабинетъ. Черезъ минуту я ввелъ Наташу и ея тетку въ гостиную. Всѣ глаза были обращены на нихъ. Зина уже успѣла шепнуть своимъ знакомымъ, что къ намъ явились непрошенные гости изъ «прежнихъ мужниныхъ знакомыхъ». Наташа и Марья Васильевна сконфузились, увидавъ блестящее общество въ гостиной, и, можетъ-быть, растерялись бы окончательно, если бы ихъ не выручило совершенно неожиданное обстоятельство: отъ группы гостей отдѣлился Леевъ и быстро направился къ своимъ старымъ знакомымъ. Совершенно безсознательно я взглянулъ на Зину: она поблѣднѣла и сдѣлала нетерпѣливое движеніе. Въ ту минуту я не обратилъ никакого вниманія на это, и этотъ фактъ вспомнился мнѣ только послѣ.

— Вотъ неожиданная и счастливая встрѣча! — проговорилъ Леевъ съ своей дѣтски-веселой улыбкой.— Какъ это вы рѣшились оставить свой маленькій рай?

— Капитанъ вытащилъ,—отвѣтила Марья Васильевна.

— А! и милѣйшій капитанъ здѣсь!

— Пріѣхалъ.

— Значитъ, здоровъ и бодръ, какъ всегда.

Леевъ усѣлся рядомъ съ Наташей и ея теткой. Я воспользовался удобной минутой и подошелъ къ женѣ.

— Займи, пожалуйста, Марью Васильевну и ея племянницу, отрекомендуй ихъ кому-нибудь,— сказалъ я шопо-

томъ. — Видь ихъ положеніе среди незнакомыхъ людей очень неловко.

— Мой другъ, я нисколько не виновата въ неловкости ихъ положенія въ незнакомомъ домѣ, — отвѣтила сухимъ тономъ Зина.

— Въ незнакомомъ домѣ? У насъ, почти у родныхъ? Что ты говоришь...

— Я ихъ почти не знаю.

— Но ты сама была у нихъ.

— Они могли понять, что ты привезъ меня тогда къ нимъ, но сама я къ нимъ не ѣздила.

— Я попрошу тебя занять ихъ или...

— Что? — прервала меня Зина, смѣрявъ меня презрительнымъ и вызывающимъ взглядомъ.

— Или твои гости испытаютъ такой же пріемъ съ моей стороны, — отвѣтилъ я холоднымъ тономъ.

Зина отвернулась отъ меня, избѣгая моего взгляда.

— Да скажи, пожалуйста, за какимъ чортомъ ты меня въ кабинетъ послалъ, когда тамъ сидитъ эта подлая тварь! — громко раздался позади меня голосъ дяди, стучавшаго въ негодованіи костылемъ.

Я обернулся и хотѣлъ остановить его, но онъ, съ свойственною ему живостью, уже успѣлъ обратиться къ моей женѣ.

— Вы вообразите себѣ, — заговорилъ онъ: — этотъ негодяй, мой старый врагъ, Гришка Бубновъ, осмѣливается мнѣ протягивать руку и о моемъ здоровьѣ спрашивать! Мучитель, спрашиваетъ о здоровьѣ своей жертвы! Это насмѣшка! злая насмѣшка! Онъ жену свою, мою племянницу, уморилъ, онъ-съ...

— Позвольте, здѣсь его сынъ, — сухо замѣтила Зина: — и мнѣ было бы непріятно, если бы онъ услыхалъ васъ...

— А пусть его слушаетъ! — воскликнулъ дядя. — Если онъ такой же негодяй, какъ его отецъ, то и по-дѣломъ ему; если же онъ порядочный человѣкъ, то онъ пойметъ, что я правъ.

— Полно, дядя, — промолвилъ я и отвелъ его къ тому мѣсту, гдѣ сидѣли Лёвъ, Наташа и ея тетка.

Великосвѣтскіе друзья моей жены шептались и лорнировали насъ. Гостиная превратилась въ театральную залу, гдѣ нашъ кружокъ неожиданно превратился въ группу актеровъ, разыгрывающихъ увеселительную пьесу. Зина не считала нужнымъ отвлечь отъ насъ вниманіе своихъ знакомыхъ и своимъ отношеніемъ къ дядѣ и двумъ бѣднымъ

женщинамъ давала полное право каждому смотрѣть на неожиданныхъ посѣтителей съ презрительными усмѣшками. Болѣе всего, какъ узналъ я послѣ, раздражало ее то, что среди нашего кружка находился Леевъ, уже весело и громко смѣявшійся и вызывавшій смѣхъ своихъ собесѣдницъ.

— Нѣтъ, братъ, Володя, какъ посмотрю я у васъ на все, такъ это не то, что въ наше время было,—заговорилъ дядя.—Бывало, всѣ это мы въ кружокъ усядемся, и идутъ у насъ разсказы, кто про домовыхъ, кто про походы, кто про шулеровъ разсказываетъ, а то фанты затѣемъ или танцы. Фью, какъ отплясываемъ, бывало. Тоже зимой, знаешь, горы на дворахъ у себя устраивали многіе. На рогожѣ это, знаешь, и не опасно, и хорошо. Хохотъ, крики, барышни визжатъ: ай, ай!

Капитанъ воодушевился и шумѣлъ на всю гостиную. Я видѣлъ, что всѣ обратили на него вниманіе.

— Вотъ вѣдь такъ же иныя трудомъ хлѣбъ добываютъ, какъ нашъ ангелъ, Марья Васильевна; ну, шьютъ, шьютъ недѣлю-то всю, гнутъ горбъ, а ужъ въ праздничекъ и гуляютъ. И дружно все было, тепло! А теперь что у васъ? Одни вонъ въ одномъ углу, другіе — въ другомъ. Поди-ка, Бубновъ теперь меня ругаетъ, а вотъ я его. Да что мы! Мы чужіе, мы враги! А, я думаю, сынокъ-то его—гдѣ онъ, Володюшка, ты мнѣ покажи эту птичку — вотъ онъ-то, я думаю, тоже батюшкѣ бока моетъ. Ждетъ, я думаю, когда старикъ умретъ. Да, Володюшка, нѣтъ нынче общества, нѣтъ друзей.

— Полноте, дядя, вѣдь мы же дружны, — проговорила Наташа, вся пунцовая отъ смущенія.

— Мы, мы! Мы, маточка, старыя кочерги!

Наташа улыбнулась почти сквозь слезы; она ясно видѣла, что надъ ея старымъ другомъ смѣются въ другомъ концѣ комнаты.

— Да смѣйся, смѣйся, а и ты стараго закала человѣкъ,— задушевно произнесъ дядя:—ты въ святой семьѣ росла, не во французскомъ пансіонѣ, не въ заднихъ комнатахъ у гувернантки воспитывалась. Ты на трудовыя деньги выращена, о, это великое дѣло!

— А вы меня не узнали? — послышался около насъ голосъ Мишеля.

Мишель стоялъ противъ дѣда; я замѣтилъ, что недалеко отъ насъ три молоденькія кузины моей жены смотрѣли на него съ особеннымъ любопытствомъ. Лицо Мишеля приняло

нахальное, насмѣшливое выраженіе, котораго не выносилъ Григорій Даниловичъ при разговорахъ съ сыномъ.

— Не имѣю чести знать!—отвѣтилъ дядя и уже хотѣлъ, по своему обыкновенію, принять важную осанку, обдернувъ сюртукъ.

— Я вашъ внукъ,—промолвилъ Мишель съ улыбкой

— То-есть сынъ господина Бубнова?—нахмурился дядя.

— Сынъ моей матери и вашей племянницы,—отвѣтилъ Мишель, улыбаясь еще развязнѣе, еще наглѣе.

Онъ, видимо, замышлялъ разыграть комедію.

— Не имѣю чести знать, не имѣю чести знать,—пробормоталъ дядя.—Мой внукъ—Володя, моя внучка—Наташа, мои родные тѣ, которые любятъ меня.

— Дѣдушка, неужели вы оттолкнете своего внука,—комически-жалобнымъ голосомъ промолвилъ Мишель.—О, жестокосердый...

— Молокососъ, молокососъ!—поднялся во весь ростъ дядя, понявъ наглую выходку внука и стуча костылемъ.

— За что вы сердитесь, милый дѣдушка?

Я побѣдѣлъ отъ этой мальчишески-глупой выходки Мишеля. Я зналъ, что онъ не лучше обращался иногда съ отцомъ, что въ настоящемъ случаѣ надо поскорѣе кончить эту исторію.

— Я тебя попрошу извиниться передъ дядей и выйти вонъ,—проговорилъ я брату, не владѣя собой.

Мишель весь вспыхнулъ.

— Это... это... очень...—забормоталъ онъ въ смущеніи.

— Извините,—обратился я къ кузинамъ жены, незамѣтно приблизившимся къ намъ.—Эти мальчики очень нахальны, и ихъ нужно учить.

Я холодно взялъ за руку Мишеля и подвелъ его къ опустившемуся снова на кресло дядѣ. Мишель, вѣроятно, чувствовалъ сильную боль въ сжатой мною рукѣ и стиснулъ зубы.

— Вашъ дѣтъ,—заговорилъ я почти шопотомъ, спокойнымъ, сдержаннымъ тономъ:—принадлежитъ къ числу тѣхъ людей, на чести которыхъ нѣтъ ни одного пятна. Онъ былъ благодѣтелемъ нашей матери, и если на тебѣ теперь красуется эта мишура...

Я потрясъ мундиръ Мишеля.

— То даже ею ты обязанъ самоотверженной любви дѣда. Твой отецъ и твоя мать были бы очень не богаты, если бы дѣдъ не бросилъ имъ щедрою рукою въ подаяніе деревню.

Оскорбляя дѣда, ты становишься хуже послѣдняго негодяя, хуже послѣдняго нищаго.

Я сильнѣе стиснулъ руку брата и толкнулъ его къ дѣду.

— Извините меня, — пробормоталъ онъ тоже шопотомъ, почти плача.—Мнѣ никогда и ничего не говорили о томъ, что я узналъ теперь...

Капитанъ махнулъ рукой и поднялся съ мѣста.

— Поѣдемте, — проговорилъ онъ Марьѣ Васильевнѣ и Наташѣ.

— Голубчикъ, ты скажи, что я по глупости сошкольничалъ, пусть старикашка не сердится,—со слезами прошепталъ мнѣ Мишель, какъ добрый провинившійся ребенокъ.

— Послѣ, теперь не время, — отвѣтилъ я, но мнѣ было отъ души жаль этого добраго, мягкаго, но крайне испорченнаго и вѣтренаго ребенка.

Я пошелъ, чтобы проводить дядю, Меньшовыхъ и Леева, который ѣхалъ съ ними. Гости моей жены группами стояли поодаль и смотрѣли на насъ съ насмѣшливыми улыбками. Въ дверяхъ гостиной, сложивъ на груди руки, стоялъ Григорій Даниловичъ; онъ, какъ я узналъ послѣ, былъ свидѣтелемъ всей сцены дяди съ его сыномъ. Его лицо было угрюмо. Онъ неторопливо отдѣлился отъ дверей, увидавъ, что дядя уходитъ, и подошелъ къ старику.

— Извините, капитанъ, моего сына. Мнѣ больно и за него, и за себя! — произнесъ искреннимъ тономъ Григорій Даниловичъ.

— Богъ его проститъ. Это вѣдь все итоги старыхъ счетовъ подводятся,—промолвилъ дядя и на ходу кивнулъ головою Бубнову, не обративъ вниманія, что тотъ протянулъ руку, какъ нищій, напрасно ждущій подаянія.

Проводивъ дядю, я прошелъ въ свой кабинетъ. Мнѣ было невыносимо скверно. Я сѣлъ за столъ и опустилъ на руки голову. Это были минуты какого-то полнѣйшаго безсилія, когда человѣкъ не знаетъ, что сдѣлать, и готовъ убѣжать куда-нибудь, только бы скрыться отъ своей настоящей жизни. Я чувствовалъ, что мой разладъ съ женою увеличился въ этотъ вечеръ болѣе, чѣмъ онъ увеличивался во всѣ предыдущіе дни. Прошло съ полчаса или болѣе. Наконецъ, я очнулся и всталъ, чтобы взять стаканъ воды. Къ моему удивленію, передо мной былъ Григорій Даниловичъ. Онъ сидѣлъ на диванѣ, подложивъ себѣ подъ локоть подушку, и смотрѣлъ на меня грустными глазами.

— Васъ разстроила вся эта исторія съ моимъ негодяемъ,—

произнесъ онъ. — Но не сердитесь на него и не судите его очень строго. Онъ не злой малый, но я избаловалъ его, испортилъ его. Вотъ такъ-то онъ обращается и со мною...

Бубновъ опустилъ на грудь голову, онъ былъ жалокъ въ эту минуту.

На слѣдующій день, утромъ, я холодно встрѣтился съ женою, точно что-то вдругъ легло между нами. Я, она и Гриша сидѣли за завтракомъ и молчали.

— Я не желала бы, чтобы въ моихъ комнатахъ появлялись Марья Васильевна и ея племянница, — замѣтила мнѣ Зина, храбро прерывая молчаніе.

— Я думаю, твои комнаты въ то же время мои, — сказалъ я: — а во-вторыхъ, Меньшовы бываютъ у насъ такъ рѣдко, что это стѣснить тебя не можетъ.

— Ни часто, ни рѣдко не хотѣлось бы мнѣ ихъ видѣть, — отвѣчала Зинаида. — Моимъ гостямъ вовсе не интересно слушать разсказы о катаньи на рогожахъ, о шитьѣ бѣлья и шеяхъ, и, наконецъ, многихъ просто стѣсняютъ эти мѣщанки...

— Дураковъ? — сказалъ я. — Эти мѣщанки стоятъ цѣлой головой выше какихъ-нибудь праздношатающихся шалопаевъ, въ родѣ Самарина, переносящаго сплетни изъ гостиной въ гостиную, или обратившихся къ ханжеству публичныхъ женщинъ, въ родѣ княгини Сухотиной...

— Я тебѣ не позволю...

— Ну, позволенья я у тебя не стану спрашивать и, наконецъ, прекращу посѣщенія всей этой мошеннической шайки.

Гриша незамѣтно удалился изъ комнаты, видя, что нашъ разговоръ становится рѣзкимъ.

— Что съ тобой? Ужъ не ревнуешь ли ты меня къ Самарину? — усмѣхнулась Зина и вдругъ нахмурила брови. — Или этотъ гнѣвъ — слѣдствіе того, что я не желаю принимать двухъ женщинъ, съ которыми ты и Леевъ стоите Богъ знаетъ въ какихъ отношеніяхъ.

Я стиснулъ зубы. Я начиналъ смутно понимать, что она ревнуетъ Леева къ Наташѣ.

— Ты сама не знаешь, что говоришь, — произнесъ я. — Но я тебѣ повторяю, что принимать эту свѣтскую чернь я больше не буду.

— Тѣ, кого ты ругаешь, ходятъ ко мнѣ...

— Ну, этихъ разграниченій нельзя дѣлать въ одной квартирѣ. Вѣдь не завести же двѣ половины, какъ было у твоей матери, по двѣ комнаты каждая половина.

— Оттого и нельзя завести двѣ половины, что мы живемъ не по состоянію.

— Да, ты тратишь слишкомъ много.

— Я трачу свое. Да я не о томъ говорю. Мы живемъ хуже, чѣмъ мы могли бы жить. Богъ знаетъ, для чего ты не берешь деньги съ имѣнія.

Я промолчалъ, я не хотѣлъ снова объяснять ей свои взгляды на это дѣло.

— Кажется, странно лишать себя необходимаго и копить деньги, — продолжала она. — Эта жадность не позволяетъ намъ жить, какъ слѣдуетъ, и заводить связи въ свѣтѣ.

— Чортъ его возьми, этотъ свѣтъ. Для него я не стану тратить чужихъ денегъ. Крестьянскія деньги не мои.

— Не хочешь ли ты отдать и заработанныя тобою деньги мужикамъ?

— Можетъ-быть,—сухо отвѣтилъ я.—Во всякомъ случаѣ, и тутъ могу не спрашивать тебя, какъ ты не спрашиваешь моихъ совѣтовъ, распоряжаясь своими деньгами.

— Мы, кажется, никогда ни до чего не договоримся.

— Мы уже договорились до того, что или я и ты, и я не будемъ принимать непріятныхъ кому-нибудь изъ насъ знакомыхъ, или разъѣдемся,—холодно промолвилъ я.

Зина поблѣднѣла. Она молча встала и вышла изъ комнаты.

Съ этого дня наша жизнь пошла какъ-то врозь. Теперь Зинаида принимала все большее и большее число своихъ свѣтскихъ знакомыхъ, желая показать мнѣ, что она не намѣрена покориться «моихъ прихотямъ»; я съ Гришей все чаще и чаще посѣщалъ Меньшовыхъ и дядю, желая отдохнуть въ ихъ маленькомъ раю. Моя жена, между прочимъ, находилась въ такомъ положеніи, что ей нельзя было слишкомъ часто выѣзжать на балы. Это ее раздражало. Иногда у нея раздраженіе доходило до жалобъ, до слезъ.

— Когда же это, наконецъ, кончится! Мы женщины — несчастныя созданія, — говорила она мнѣ.—Лучшіе годы должны возиться съ дѣтьми.

— Это такія святыя обязанности, которыми можно гордиться,—замѣтилъ я.

— Ахъ, это говорятъ обо всѣхъ обязанностяхъ тѣ, у кого этихъ обязанностей нѣтъ!—раздражительно отвѣтила она.

Въ ней не было и тѣни святого материнскаго чувства любви къ будущему младенцу. Это меня и огорчало, и еще болѣе отталкивало отъ нея. Наконецъ, я сдѣлался отцомъ.

Мой милый, дорогой сынъ, мой Володя лежалъ у меня на рукахъ, и я давалъ мысленно обѣтъ сдѣлать все, чтобы онъ вышелъ честнымъ человѣкомъ. Зинаида отказалась кормить его, и черезъ шесть недѣль она уже стремилась на дачу въ Петергофъ, въ тогдашнее модное лѣтнее мѣстопребываніе петербургскаго высшаго круга, чтобы принять участіе въ проектированныхъ ея кружкомъ катаньяхъ и кавалькадахъ. Ребенокъ не интересовалъ ея, онъ находился на рукахъ кормилицы, и только иногда его выносили въ комнаты Зины, чтобы показать кружева и шелкъ его нарядовъ. Я иногда не бывалъ на дачѣ по два и по три дня, занимаясь дѣлами въ Петербургѣ. Но каждый разъ, когда я возвращался на дачу, я или не заставалъ Зину дома, узнавалъ, что она уѣхала кататься съ Леевымъ и Самаринымъ, или слышалъ, что Зина дома и у нея сидятъ Самаринъ и Леевъ. Леевъ и Самаринъ сдѣлались ея неразлучными спутниками. Мнѣ становились странными ихъ отношенія. Самаринъ ухаживалъ за Зиной, но она смѣялась надъ нимъ. Леевъ обращался съ нею небрежно, менѣе всѣхъ другихъ соглашался съ нею, восхищался при ней Наташей, говорилъ, что онъ могъ бы любить женщину не болѣе года, объяснялъ, что, впрочемъ, до сихъ поръ не встрѣчалъ даже и такой женщины, которую могъ бы полюбить хоть на годъ, ручался, что онъ и не встрѣтитъ никогда такой женщины, а, между тѣмъ, Зина заискивала въ немъ, и только въ немъ одномъ. Она, кажется, хотѣла доказать всѣмъ, называвшимъ красавца Леева безсердечнымъ человѣкомъ, что этотъ холодный красавецъ, этотъ эгоистъ, этотъ лѣнтяй, будетъ у ея ногъ, откажется отъ своей лѣни, забудетъ свой сонъ, чтобы только быть около нея. Она иногда любезничала при Леевѣ съ Самаринымъ, стараясь возбудить ревность въ Леевѣ, но это не удавалось, и Зинаида снова начинала ухаживать за Леевымъ. Я начиналъ ясно видѣть всю завязку этой странной капризной игры въ кошки и мышки. Но покуда я еще не зналъ, насколько серьезно любитъ моя жена Леева, я думалъ, что она просто играетъ съ нимъ отъ бездѣлья, заводитъ одну изъ тѣхъ пустыхъ и глупыхъ интригъ, которыя такъ часто развлекаютъ свѣтскихъ барынь отъ скуки и праздности ихъ жизни. Однажды, я засталъ Леева у себя въ комнатѣ.

— А! здравствуй, дамскій угодникъ, — весело поздоровался я съ нимъ.

— Ну, братъ, плохой я угодникъ, лѣнивъ слишкомъ и

спать люблю, такъ что непремѣнно проспалъ бы часъ своей свадьбы,—замѣтилъ онъ.

— Однако, за тобой, кажется, всѣ барыни ухаживаютъ...

— Да вѣдь это всегда такъ бываетъ,— промолвилъ Леевъ.— Человѣкъ ищетъ всю жизнь фортуну, не спитъ ночей, бѣгаетъ за ней всюду,

...et la trouve, assise à la porte
De son ami plongé dans un profond sommeil.

— Ну, въ такомъ случаѣ, конечно, и сонливый лѣнтяй отворитъ ей двери.

— Конечно; но я съ условіемъ отворяю, чтобы меня не очень безпокоили счастьемъ, а главное, чтобы оно не очень долго длилось.

— Милое правило!

Леевъ засмѣялся.

— Впрочемъ, я и при этихъ условіяхъ очень рѣдко отворяю двери фортунѣ: лѣнь и сонъ прежде всего,—прибавилъ онъ.—Но шутки въ сторону, мнѣ нужно серьезно поговорить съ тобою...

Нашъ разговоръ прервался приходомъ Зины. Я надѣялся объясниться съ Леевымъ при первой возможности, но дня черезъ два или три, гуляя по саду, я увидалъ въ травѣ бумажку. Это было письмо. Я машинально прочелъ и не сразу понялъ его.

«Писать—для меня наказаніе, а вы требуете отвѣта,— говорилось въ письмѣ.—Вы, право, странная женщина. Что вамъ за охота выбирать для своей первой, какъ вы говорите, любви такое лѣнивое существо, какъ я! Я вамъ двадцать разъ повторялъ, что я, можетъ-быть, и полюбилъ бы васъ, но что лѣнь для меня еще дороже, а вы заставляете меня вставать въ извѣстные часы для катаній и скакать по садамъ и паркамъ. Вотъ и теперь скачка предстоитъ. Конечно, я пріѣду, но, ей-Богу, въ одинъ прекрасный день, я залягу въ постель—и никакія прелести любви не вызовутъ меня оттуда. Повѣрьте, что, въ концѣ-концовъ, вамъ будетъ не веселѣе со мною, чѣмъ съ вашимъ мужемъ. Вашъ лѣнивый другъ Леевъ».

«Это къ ней»,—подумалъ я и смялъ письмо въ рукахъ. Мнѣ не было больно, во мнѣ не было ревности, я уже не любилъ Зину,—но мнѣ было тяжело, страшно сознавать, что я не могу разойтись съ нею и порвать наши тяжелыя для обѣихъ сторонъ связи. Меня изумилъ и тонъ письма

Лёвка — этотъ тонъ ясно показывалъ, что Лёвъ не любитъ Зинаиду. Я рѣшился объясниться съ женою.

— Зина, намъ надо поговорить,—сказалъ я ей, появившись въ ея комнатѣ.

Жена моя вздрогнула и, кажется, испугалась. Мы уже такъ давно не бесѣдовали съ ней ни о чемъ. Она не отвѣтила ни слова. Мнѣ приходилось говорить прямо.

— Въ какихъ отношеніяхъ ты находишься къ Лёвову?— спросилъ я.

Она продолжала молчать.

— Ты его любишь?

Она посмотрѣла въ сторону, избѣгая встрѣчи съ моимъ взглядомъ, и проговорила сквозь зубы.

— Да.

Ея голосъ былъ какъ-то сухъ и отрывистъ.

— Это надо было сказать раньше и не ставить меня въ ложныя отношенія къ тебѣ,—проговорилъ я.

— Я тутъ ни въ чемъ не виновата,—произнесла она, хмуря брови.

— Я и не думаю обвинять тебя за любовь къ нему, но мнѣ больно, что ты во-время не предупредила меня...

— Я боролась съ собою,—заговорила она:—я думала, что все кончится само собою, потому и не говорила. Ты долженъ былъ это предвидѣть. Ты женился на мнѣ, когда я не видала людей и свѣта. Я шла за тебя потому, что ты первый предложилъ мнѣ выйти изъ семейнаго омута. Ты могъ понять, что это была не любовь.

Она говорила безсвязно, все болѣе и болѣе сдвигая брови. Я видѣлъ, что она искала оправданій себѣ, и поспѣшилъ убѣдить ее, что я ее и не думаю обвинять.

— Значитъ, ты находишь, что я ошибся?—сказалъ я.

— Ну, да.

— А ты понимала, что ты не любишь меня?

— Да... но я думала, что я со временемъ полюблю тебя.

— И тоже ошиблась?

Она посмотрѣла на меня: я былъ холоденъ и спокоенъ.

— Да,—глухо прошептала она.

— Значитъ, мы оба ошиблись, оба равно виноваты, и теперь не время толковать о томъ, кто изъ насъ былъ болѣе виноватъ—ты или я. Я не за тѣмъ и началъ объясненіе. Дѣло въ томъ, что я не стану жить съ женщиной, которая любитъ другого и совершенно не любитъ меня. Если между нами не будетъ никакой внутренней связи, то будетъ

просто подло сохранять внѣшнюю связь. Если ты будешь тѣсно связана съ Леевымъ и будешь жить съ нимъ, прикрываясь мною, то это будетъ недостойно и тебя, и Леева.

— Что же, ты хочешь развода?—спросила она.

— Во всякомъ случаѣ, я хотѣлъ бы, чтобы ты жила врозь со мною, если ты сознаешься, что между нами нѣтъ ничего общаго, если ты чувствуешь, что привязанность къ Лееву—дѣло серьезное...

— Ты непремѣнно хочешь скандала?—съ горькой усмѣшкой произнесла она.

— Я хочу, напротивъ того, прекратить скандалъ.

— Хорошо прекращеніе скандала: ты сдѣлаешь и меня, и себя предметомъ пересудовъ, толковъ свѣта.

Я понялъ, что для нея все святое заключалось въ толкахъ свѣта, что она готова была сдѣлать все, но такъ сдѣлать, чтобы объ этомъ не говорилъ свѣтъ. Теперь мнѣ стало ясно, что въ былыя времена она сторонилась отъ сосѣдей не потому, что они были гадки и пусты, а потому, что она была бѣдна и не могла играть въ ихъ кружкахъ первой роли.

— Мы съ тобой и тутъ расходимся во мнѣніяхъ: я боюсь дурныхъ поступковъ и не обращаю вниманія на то, что говорятъ обо мнѣ,—промолвилъ я.—Ты же еще не дошла до того убѣжденія, что свѣтъ иногда бросаетъ грязью въ самыя святыя личности, что нужно только заботиться о честности своихъ поступковъ, а не о томъ, какіе толки они вызовутъ.

— А, это все медвѣжьи теоріи!

— Что?—удивился я.

— Я говорю, что это все медвѣжьи теоріи,—повторила Зинаида.—Ты, вообще, смотришь на все, какъ могъ бы смотрѣть медвѣдь, засѣвшій въ свою берлогу, не выѣзжающій изъ нея и потому плюющій на все, что говорится вокругъ него. Но вѣдь мы живемъ въ обществѣ, мы должны подчиняться его приличіямъ и обычаямъ.

— То-есть развратничать тайкомъ и не смѣть смѣло сказать, что наша любовь не развратъ?

— Я не развратничаю, я люблю Леева, и ты давно могъ понять, что я не люблю тебя,—строптиво проговорила Зинаида.

— Неужели ты не можешь понять, что жить съ человѣкомъ, котораго не любишь, скверно, не честно?

— Развѣ я виновата, что бракъ нельзя расторгнуть?

— Можно разойтись безъ формальнаго развода, можно жить отдѣльно въ одномъ и томъ же домѣ или уѣхать за

границу съ Леевымъ толковъ не будетъ. Барыни наши такъ часто ѣздятъ на свободу за границу. Мы будемъ оба свободны.

Она пристально посмотрѣла на меня.

— Тебѣ, вѣроятно, тоже нужна свобода?

Мнѣ стало гадко, я понялъ, что Зинаида намекаетъ на мою дружбу съ Наташей.

— Теперь ты не имѣешь права спрашивать меня объ этомъ, и я имѣю право не отвѣчать на подобные вопросы, — проговорилъ я.

— На что ты рѣшаешься?—спросилъ я черезъ минуту. Во мнѣ оборвалась послѣдняя связь съ этой женщиной.

Она испугалась.

— Я не знаю... Какъ онъ...

— Ты переговори съ нимъ...

— Но, можетъ-быть, ему нельзя...

— Мнѣ все равно. Во всякомъ случаѣ, между нами все кончено. Переговори съ Леевымъ. Это единственный исходъ для насъ, если ты не намѣрена прекратить связи съ этимъ человѣкомъ...

Зина побѣлѣла. Она хотѣла что-то сказать, но закусила губы и вдругъ закрыла лицо руками.

— Зина, о чемъ же ты плачешь?—проговорилъ я съ непріятнымъ участіемъ.—Ты еще можешь быть счастлива съ нимъ...

— Стушай, стушай, мнѣ не нужно сожалѣній!—быстро проговорила она, глухо рыдая.

Я поднялся съ мѣста и пошелъ.

Мнѣ было тяжело. Я сознавалъ, что между нами все кончено, и не о томъ тужилъ, что разошелся съ этой женщиной. Теперь она стала мнѣ противна по своимъ убѣжденіямъ. Меня мучило только раскаяніе за мою недальновидность и грызла мысль, что я загубилъ и себя, и ее, и Леева, такъ какъ бракъ нерасторжимъ, и намъ всѣмъ придется стоять въ ложныхъ отношеніяхъ. Но я не вполнѣ понималъ, о чемъ плачетъ она. Эти слезы не могли быть слѣдствіемъ раскаянія. И въ чемъ ей было раскаиваться, если она дѣйствительно не любила меня и любила Леева? Или дѣйствительно мои подозрѣнія были вѣрны, и Леевъ не любилъ ея? Я отправился къ нему и объявилъ ему, что я говорилъ съ женою.

— Я невольно какъ будто сталъ на твоей дорогѣ,—проговорилъ онъ.

— Ни ты, ни кто-нибудь другой не становились на моей дорогѣ,—перебилъ я его:—я самъ сошелъ съ нея гораздо раньше. Къ сожалѣнію, я понимаю теперь, что мнѣ совсѣмъ было не нужно идти на этотъ путь. Я никогда не любилъ ея, а любилъ созданный мною призракъ. Она же и того не любила. У нея былъ только расчетъ.

— Ты слишкомъ строгъ къ ней,—сказалъ Леевъ.

— Что это у тебя—серьезная любовь?

— Я ея совсѣмъ не люблю,—отвѣтилъ Леевъ.

Эти слова обдали меня, какъ холодная вода. Я не могъ говорить отъ душевнаго волненія.

— Ты знаешь меня,—продолжалъ Леевъ:—больше всѣхъ женщинъ люблю я свободу...

— То-есть, въ одинъ прекрасный день, поигравъ съ нею, ты бросишь ее?—съ невольнымъ отвращеніемъ замѣтилъ я.

Леевъ посмотрѣлъ на меня удивленными глазами.

— Да я и не игралъ съ нею,—отвѣтилъ онъ.—Если съ кѣмъ-нибудь играли, такъ это со мною. Я говорилъ ей двадцать разъ, что не могу любить ея и не могу играть въ любовь съ нею, какъ съ женою близкаго мнѣ человѣка.

— Ну, ну, и что же?—торопливо допрашивалъ я; я былъ какъ бы въ какомъ-то чаду.

— Что?.. Она смѣялась... Меня лѣнь одолѣваетъ, а она зоветъ меня на катанье, пріѣду—она торжествуетъ.

— Зачѣмъ же ѣздилъ?.,

— Пробовалъ не ѣздить...

— Ну?

— Нѣтъ, братъ, ты не знаешь, что можетъ сдѣлать женщина, если ей хочется, чтобы ей повиновались!—съ отчаяньемъ воскликнулъ Леевъ.—Я думалъ, что, мало-по-малу, я ей докажу невозможность нашей связи, но покуда мнѣ не удалось это сдѣлать... Когда я начиналъ говорить о тебѣ, мнѣ указывали на Самарина, и говорили, что если не я, то онъ, или кто-нибудь другой станетъ на твоей дорогѣ, что жить съ тобою она не можетъ... Ты понимаешь, что объявить тебѣ это, чернить передъ тобою твою жену, обрывать семейное счастье я не могъ...

Я схватился за голову.

Опять я видѣлъ въ поступкахъ Зины то же желаніе покорить себѣ человѣка, поставить на своемъ, не думая о послѣдствіяхъ. Я понималъ вполнѣ, что и теперь Зина въ сущности, можетъ-быть, и безсознательно, дорожила не Леевымъ, а своею побѣдою. Ей хотѣлось покорить этого

человѣка, сдѣлать его своею игрушкою и, можетъ-быть, потомъ насмѣяться надъ нимъ же. Я видѣлъ во всемъ этомъ слѣды того глубокаго свѣтскаго разврата, который подталкиваетъ людей отъ бездѣлья играть самыми святыми чувствами и отношеніями. И что же святого могло выработаться въ душѣ этой женщины, видѣвшей въ дѣтствѣ связь своей матери съ гувернеромъ и связь своего отца съ крѣпостной горничной?

— Что же будетъ теперь, что мы станемъ дѣлать?—говорилъ я въ отчаяньи, ходя по комнатѣ Леева.—Ты не поѣдешь съ нею за границу?

— Я?—изумился онъ.—Я тебѣ говорю, что я не любилъ и не люблю ея. Я пріѣзжалъ къ тебѣ на-дняхъ объясниться, мнѣ помѣшали.

Я опять взялся за голову. Я былъ похожъ на сумасшедшаго. Я не могъ придумать, что дѣлать. Мнѣ показалось, что лучше всего молчать и не вспоминать объ этой исторіи. Леевъ рѣшился не ѣздить къ намъ.

Это было въ концѣ лѣта. Мы переѣхали съ дачи. Зина выглядѣла мрачною и угрюмою. Я не говорилъ ни слова объ ея отъѣздѣ за границу и жилъ на своей половинѣ съ Гришей, являясь только къ обѣду въ общія комнаты. Въ это время единственною отрядою для меня были Меньшовы и Гриша. Эти люди, почти не зная моихъ семейныхъ обстоятельствъ, видѣли, что я худѣю, что я грустенъ, и принимали во мнѣ участіе. Наташа въ это время хлопотала о помощи разнымъ бѣднякамъ, учила даромъ дѣтей, волновалась сотнями различныхъ вопросовъ. Жизнь въ ней била ключомъ. Глядя на это живое, подвижное созданіе, я вспоминилъ о давнопрошедшихъ годахъ моей юности и благословлялъ мысленно эту дѣвушку на лучшую долю, чѣмъ моя доля. Иногда она заходила къ намъ съ просьбами помочь тому или другому нуждавшемуся семейству. Зина почти никогда не выходила къ ней и оставляла насъ однихъ. Однажды я собирался выйти изъ дома, когда ко мнѣ вошелъ Гриша и сказалъ о приходѣ Наташи. Она рѣдко появлялась въ нашемъ домѣ, и потому я былъ изумленъ ея утреннимъ посѣщеніемъ. Я вошелъ въ залу. Лицо Наташи было озабочено и разстроено.

— Что съ вами, Наташа?—спросилъ я, здороваясь съ ней.

— Я по дѣлу къ вамъ,—сказала она и не могла подавить волненія.—Вѣдь это просто возмутительно, имъ опять отказали. Гдѣ же правда? Вѣдь онѣ умираютъ съ голоду,

вѣдь не на самоубійство же имъ рѣшиться. Это возмутительно!

Я начиналъ понимать, въ чемъ дѣло.

— Фоминой вѣрно отказали въ мѣстѣ въ богадѣльнѣ?—спросилъ я, вспомнивъ наши недавнія хлопоты объ одной бѣдной семьѣ.

— Ну да,—торопливо отвѣтила Наташа.—Да нѣтъ, вы вообразите: написала я ей просьбу въ комиссію, тамъ не приняли и послали въ человѣколюбивое; здѣсь получается отказъ, такъ какъ она получаетъ двухрублевую пенсію. Я пишу прошеніе о принятіи ея въ богадѣльню съ дочерью. Тамъ тоже отказъ, опять потому, что она получаетъ два рубля пенсіи. Но развѣ на эти проклятые два рубля можно жить? Если бы вы взглянули, что у нихъ теперь. Онѣ обѣ живутъ въ углу, безъ окна, безъ печки, обѣ больны, не могутъ работать, и работы-то нѣтъ. Я сейчасъ отъ нихъ. Вѣдь это варварство такъ мучить людей и не давать исхода. Ну, постановили бы, что подобныхъ бѣдняковъ убивать нужно, въ рѣку бросать, что ли!

Я услышалъ рыданія.

— Полноте, Наташа,—подошелъ я къ ней.—Полноте. Ну, вотъ мы общими силами имъ поможемъ...

— Имъ! имъ! да вѣдь это двѣ изъ тысячъ,—воскликнула она, сжимая руки.—Двумъ Христа ради дадимъ хлѣба, но тысячамъ этимъ не поможемъ, вотъ что меня ужасаетъ. Мы вотъ тутъ по театрамъ ѣздимъ, рядимся, вертимся на балахъ, а около насъ умираютъ съ голоду!

— Вы-то ѣздите на балы!—невольно воскликнулъ я.—Ну, Наташа, не васъ попрекнутъ онѣ! Видитъ Богъ, не васъ!

— Да, на насъ кровь ихъ, на насъ,—говорила она, судорожно сжимая руки.—Мнѣ совѣстно, что я сыта, что я порядочно одѣта! Эти нищія, эти голодныя, кажется, говорятъ, что и я ѣмъ часть ихъ хлѣба.

— Что съ вами?—спросила моя жена, шумно появляясь въ залу съ прогулки и осматривая нашу группу удивленными глазами.

Наташа быстро отерла слезы.

— Опять вѣрно бѣдняки какіе-нибудь на сценѣ?

— О, нѣтъ, они всегда за кулисами, на сценѣ только мы!—проговорила Наташа.—Только мы играемъ комедіи передъ эшафотомъ ближнихъ...

— Вы, кажется, сегодня нездоровы!—сухо проговорила Зинаида.

— Вы правы, я разстроена и нездорова,—отвѣтила Наташа и обратилась ко мнѣ:—ради Бога, помогите хоть этимъ, хлопочите, кланяйтесь, но устройте ихъ въ больницу.

— Не безпокойтесь, если и не устрою, то помогу имъ самъ. Но берегите себя...

— Что вы обо мнѣ толкуете!—раздражительно проговорила Наташа.

— Потому и толкую, что вы нужны хотя для трехъ-четырехъ подобныхъ несчастныхъ, о которыхъ вы заботитесь въ нашей долбленой тюрьмы.

Я пошелъ съ Наташей. Жена нахмурила брови.

Мы нашли Фоминыхъ въ страшномъ положеніи. Я помѣстилъ ихъ въ лучшую квартиру и далъ имъ немного денегъ. Послѣ страшной картины нищеты, видѣнной мною, мнѣ не хотѣлось ѣхать домой,—я поѣхалъ къ Меньшовой. Ея маленькій расходъ былъ попрежнему уютенъ и свѣтелъ. Она удивилась, увидавъ меня у себя въ обѣденную пору. Я сказалъ, что мнѣ нужно отдохнуть здѣсь душою, что дома мнѣ тяжело. Наташа сурово молчала, она никогда не говорила о моей женѣ, о моей семейной жизни. Марья Васильевна тоже не сказала ни слова объ этомъ предметѣ, но была какъ-то матерински предупредительна и заботлива со мною. Такъ бываютъ нѣжны добрые друзья съ несчастными и больными друзьями.

— А что жена твоя къ намъ не заѣдетъ?—спросилъ дядя, садясь съ нами за столъ.—Ты ее все одну оставляешь, это не хорошо. Молодой женщинѣ скучно!

Я молчалъ.

Марья Васильевна поторопилась перемѣнить разговоръ.

Я вотъ на-днихъ къ тебѣ собираюсь, такъ и скажу ей, чтобы она тебя пожурила за то, что мало о ней думаешь,—продолжалъ дядя.—Мы, Марья Васильевна, соберемтесь-ка сегодня вечеромъ къ ней. Нечего въ дальній ящикъ этого откладывать. А то женщина молодая сидитъ дома, а онъ одинъ по гостямъ рыщетъ...

— Она сегодня нездорова. Ты, дядя, лучше въ другой разъ соберись,—сказалъ я.

— Ахъ, ахъ, какъ это дурно!—воскликнулъ дядя.—Ну, Володюшка, не ожидалъ я этого отъ тебя. Жена больна, а онъ въ гостяхъ. Да, что бы сказали люди, если бы я пошелъ куда-нибудь, зная, что Марья Васильевна больна? А? Не хорошо, не хорошо! И какъ это испортилось твое сердце,

Володюшка! Былъ ты прежде добрый мальчикъ и меня даже не оставлялъ, а теперь—на!—жену бросаешь.

— Она, дядя, легла спать, и мнѣ надо было освѣжиться...

— Не хорошо! все-таки не хорошо!

— Ну, полно, дядя—ворчунъ,— насильно улыбнулась Наташа, вставая изъ-за стола.—Спать намъ пора, такъ мы передъ сномъ и ворчимъ.

— Ну да, передъ сномъ!—по-дѣтски произнесъ дядя и, ворча что-то, пошелъ изъ комнаты, опираясь на руку Наташи. Она довела его до комнаты, сдала съ рукъ на руки его лакею, и сама прошла въ свою комнату.

Я сидѣлъ молча, мнѣ нужно было объясниться съ Марьей Васильевной. Она уже сидѣла за работой.

— Марья Васильевна,—началъ я, не поднимая глазъ:— отговорите дядю отъ визитовъ ко мнѣ.

Она промолчала.

— Мнѣ вообще хотѣлось бы видѣться со всѣми вами только у васъ,—продолжалъ я.

Она пристально взглянула на меня, опустивъ работу.

— Такъ правду говорилъ Леевъ, что вы очень несчастливы?

— Не будемте говорить объ этомъ,—махнулъ я рукой.— Сдѣлано—не передѣлаешь!

Марья Васильевна начала быстро разспрашивать меня о Фоминыхъ, о разныхъ другихъ бѣднякахъ и какъ будто забыла о моемъ собственномъ горѣ. Разговоры о чужихъ страданіяхъ, о голодныхъ людяхъ заставили меня позабыть о моемъ горѣ, или, лучше сказать, оно даже начало мнѣ казаться какимъ-то мелочнымъ, происходящимъ просто отъ того, что мы подчиняемся извѣстнымъ приличіямъ и условіямъ свѣтской жизни. Я начиналъ понимать, что разладъ съ женою можно еще устранить, но добыть кусокъ хлѣба, не имѣя ни силъ, ни работы, нельзя. Я понялъ, что отъ подобнаго моему горя люди старѣютъ, мужаютъ, но не умираютъ, если они настолько разумны, что могутъ идти своей дорогой, не означенной въ кодексѣ принятыхъ обществомъ условій и приличій. Черезъ нѣсколько минутъ въ комнату вошла Наташа. Мы начали толковать о томъ, какъ бы возможно было устроить трудъ такъ, чтобы бѣдняки могли лучше жить. Проснувшійся дядя забылъ, что уже видѣлся со мною, и благодарилъ меня за посѣщеніе. Вечеръ прошелъ быстро, и я только къ ночи возвратился домой. У жены были гости. Я прошелъ въ свой кабинетъ и велѣлъ

слугѣ не говорить, что я дома. До моихъ ушей доносился смѣхъ и говоръ гостей.

Дня черезъ три я неожиданно узналъ, что Зина собирается за границу. Я встрѣтился съ нею за обѣдомъ и спросилъ ее, правда ли, что она уѣзжаетъ, и къ какому времени нужно достать ей паспортъ.

— Чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше,—сказала она, не глядя на меня.

Я посмотрѣлъ на нее,—она была блѣдна и слегка вздрагивала.

— Леевъ ѣдетъ?—мелькомъ спросилъ я.

Она взглянула на меня насмѣшливымъ взглядомъ.

— Мы теперь не имѣемъ права задавать другъ другу нескромныхъ вопросовъ,—проговорила она, повторяя сказанныя ей мною слова.

— Зина,—дружески замѣтилъ я, съ сожалѣніемъ смотря на ея блѣдное, похудѣвшее лицо:—будешь ли ты съ нимъ счастлива? Любитъ ли онъ тебя? Теперь еще есть время исправить все. Ты, кажется, ошиблась въ своемъ выборѣ... Оставайся здѣсь, поѣдемъ въ деревню, забудемъ все... Вспомни, что у тебя есть ребенокъ...

— Зачѣмъ же мнѣ мѣшать твоему счастію съ такими идеалами честности, какъ Наталья Львовна! — засмѣялась сухимъ смѣхомъ Зина.

— Что это ты ревнуешь меня, не чувствуя ко мнѣ любви?— спросилъ я.

— Не ревную, но не желаю видѣть этой примѣрной ученицы, на которую указываютъ мнѣ, какъ на образецъ,— отвѣтила Зина.

— Во-первыхъ, я не указывалъ тебѣ на нее, какъ на образецъ, во-вторыхъ, если ты хочешь, то ни сами Меньшовы, ни ихъ имена не появятся здѣсь въ домѣ. Я люблю ихъ, какъ знакомыхъ; ты дорога мнѣ, какъ мать моего ребенка... Зина, Зина, я принесу тебѣ въ жертву все, только бы ты была счастлива, и попрошу тебя только пожертвовать тѣми пустыми, скверными личностями, которыя окружаютъ тебя. Ты говорила, что ты не любишь меня, что ты любишь Леева...

Зина вздрогнула при этомъ имени.

— Теперь, вращаясь въ своемъ пошломъ кругу, ты должна бѣжать съ Леевымъ, чтобы быть счастливою,—продолжалъ я.—Но если ты согласишься оставить свой кругъ, то я готовъ согласиться на переѣздъ Леева къ намъ. Мои знако-

мые не осудятъ тебя, они поймутъ, что иначе сдѣлать нельзя...

— Мнѣ такъ же не нуженъ Леевъ, какъ и ты, —произнесла Зина, гордо поднимаясь съ мѣста. — Я ненавижу васъ обоихъ...

Я въ изумленіи открылъ глаза. Я не понималъ ничего.

Она пошла изъ комнаты.

— Зина!—окликнулъ я ее.

— Ты болѣе не услышишь отъ меня ни слова. Между нами все кончено.

— Вспомни, что ты обрываешь послѣднюю нить, связывавшую насъ... Вспомни, что у насъ есть дитя...

— Это *твой* сынъ,—отвѣтила она, скрываясь за дверью.

XIV.

Одиночество.

Она уѣхала, уѣхала съ Самаринымъ! Для нея было невыносимо и то, что я зналъ ея любовь къ Лееву, и то, что въ свѣтѣ знали объ этой неудачной любви. Для меня нѣтъ человѣка болѣе жалкаго, чѣмъ мать, бросившая грудного ребенка. Для меня нѣтъ человѣка болѣе несчастнаго, какъ ребенокъ, брошенный матерью. Передъ колыбелью моего сына въ моей душѣ не было злобы на его мать за то, что она обманывала меня; въ моей душѣ не было ропота на судьбу за то, что я несчастливъ; въ моей душѣ не было отчаянія, что вся моя будущность безповоротно искалѣчена. Нѣтъ, эта женщина казалась мнѣ жалка, о себѣ и о своей будущности я не думалъ, потому что передо мною лежалъ едва родившійся на свѣтъ человѣкъ, уже несчастный въ колыбели. Передо мной лежала дорога подъ гору, и мнѣ было все равно, какъ доплетусь я до станціоннаго порога, до могилы, а этому младенцу еще нужно было набраться силъ, чтобы встать на ноги и начать путь. Далеко ли дойдетъ онъ безъ нѣжнаго надзора матери, далеко ли дойдетъ онъ безъ семейнаго кружка, безъ тѣхъ друзей-сверстниковъ, съ которыми онъ могъ бы играть передъ своими отцомъ и матерью, передъ отцами и матерями этихъ дѣтей? Тутъ онъ понялъ бы съ дѣтскихъ лѣтъ, какъ отрадно жить человѣку въ тѣсномъ дружескомъ кружкѣ, вѣчно расширяющемся вновь рождающимися и прибывающими членами. А теперь: я уйду на службу и долженъ буду оставить его на рукахъ прислуги, или, что еще хуже, на рукахъ полуобразованной гувернантки. Въ праздничный день ко мнѣ, можетъ-быть, заглянутъ два-

три человѣка изъ моихъ знакомыхъ, — но это не друзья мнѣ, они просто мои знакомые, они не посѣщаютъ меня съ семействами, какъ пловца, какъ бобыля, и ребенокъ будетъ одинъ среди большихъ. Ни женщинъ, ни дѣтей не встрѣтитъ онъ у себя въ домѣ. Чтобы онъ видѣлъ ихъ, я долженъ его вести въ чужіе семейные дома. Тамъ жизнь кипитъ радостью, тамъ люди живутъ уютнѣе, не на холостую ногу, тамъ родные, друзья — и онъ, сравнивъ пустыню своего дома съ оживленнымъ кружкомъ чужихъ домовъ, станетъ ненавидѣть свой домъ и завидовать ближнимъ, — завидовать, какъ завидовала когда-то чужому счастью его мать. Не имѣя друзей, онъ не узнаетъ человѣка, не имѣя семьи, онъ не узнаетъ ни хорошихъ, ни дурныхъ ея сторонъ и будетъ ошибаться и въ своихъ привязанностяхъ, и въ своихъ антипатіяхъ. А этотъ проклятый примѣръ бездѣйствія? Дитя не будетъ видѣть, какъ тружусь я въ должности, дитя не будетъ видѣть, какъ тружусь я ночью, въ тѣ минуты, когда оно будетъ спать, и когда я стану писать въ ночной тишинѣ. Ребенокъ будетъ видѣть гувернантку или гувернера, которые будутъ выкидывать рвеніе только при мнѣ и будутъ бросать ребенка безъ меня. И тунеядство, и ложь идутъ рука объ руку. И онъ привыкнетъ плохо учиться, видя только необходимость исполнять формальную сторону дѣла. И что докажетъ ему необходимость науки? Какъ растолковать ребенку, что ему нужна географія? что ему нужна геометрія? исторія? языки? Какъ вообще растолковать ему, что ему нуженъ трудъ, когда онъ не видитъ трудящейся семьи? Нѣжной семьи и трудящейся среды нѣтъ около него, и вотъ онъ вырастаетъ однимъ изъ тѣхъ грубыхъ и черствыхъ людей, которыхъ такъ много между брошенною безпутными отцами и матерями молодежью, вырастетъ тѣмъ тунеядцемъ, которыхъ такъ много выходитъ изъ растлѣвающей среды людей, загребающихъ жаръ чужими руками...

Какъ памятны мнѣ эти безсонныя ночи, эти одинокіе дни, когда я сиживалъ передъ дѣтской колыбелью, одинъ среди десяти пустыхъ парадныхъ комнатъ, прислушиваясь къ тихому, едва слышному дыханію ребенка. Все пережитое, видѣнное, передуманное, вспоминалось мнѣ тутъ. Тутъ я исповѣдался въ своихъ грѣхахъ и судилъ тѣхъ, кто дѣлаетъ мнѣ зло. Не перечетъ грѣховъ, не самый судъ надъ ближними занимали меня, но тѣ причины, по которымъ грѣшили мы. И гдѣ же можно найти лучшую святыню, передъ лицомъ которой не стало бы силы солгать, какъ это еще не-

винное дитя, которое когда-нибудь можетъ упрекнуть насъ, что мы загрязнили его грѣхами, довели до гибели, до позора, и все оттого, что мы когда-то неискренно покаялись передъ его еще чистымъ существомъ и не рѣшились отстранить всю сознанную нами грязь, всѣ открытыя нами въ себѣ ошибки?..

Кругомъ меня шумѣлъ безобразно-пьяный и растлѣвающій городъ со своею праздною, блестящею чернью, нагло глядящею на изможженныхъ въ трудѣ бѣдняковъ, со своею честностью, карающею голодныхъ воровъ и оправдывающею богачей, грабящихъ милліоны, съ своими торгашами потомъ и кровью ближнихъ и съ своими нищими, просящими Христа-ради, со всѣмъ этимъ гамомъ и шумомъ, сквозь который слышатся то звуки «Травіаты» въ надтреснутой шарманкѣ, то доведенная до кабачнаго цинизма русская пѣсня.

Гриша не утѣшалъ меня, не старался обмануть мое горе пустыми фразами, но онъ былъ еще ласковѣе, еще нѣжнѣе со мною.

Прошло недѣли три. Я отправился къ Марьѣ Васильевнѣ.

— Что съ вами? Вы больны?—всплеснула руками Марья Васильевна, увидѣвъ меня.

— Нѣтъ, я здоровъ,—отвѣтилъ я.

Наташа взглянула на мою голову удивленными глазами и отвернулась въ сторону: я замѣтилъ въ ея глазахъ слезы.

— Марья Васильевна,—началъ я:—скрывать отъ васъ что-нибудь я не хочу, да и не имѣю права, какъ другъ вашей семьи. Потому не удивляйтесь, что я разскажу вамъ всѣ мои семейныя дѣла.

Я сѣлъ и разсказалъ все. Марья Васильевна и Наташа слушали меня молча.

— Вы сами виноваты,—хмуро проговорила Наташа.— Вы ея никогда не любили...

— Можетъ-быть, я не любилъ ея той страстной любовью, которою любятъ влюбленные, но я видѣлъ въ ней друга.

— И друзей не такъ любятъ,—проговорила Наташа.— Помните ли, какъ любилъ васъ Макаровъ? Помните ли, какъ вы его любили? Развѣ ваши отношенія не были такъ же нѣжны, развѣ вамъ не нужно было видѣть другъ друга, чувствовать ласки?

Я сидѣлъ молча, я чувствовалъ, что это правда, что я сошелся съ Зинаидой ради одиночества, скуки, смерти Макарова и отсутствія женскаго общества, что я былъ влюбленъ не въ нее, а въ созданный мною идеалъ.

— Да, но вы посѣдѣли, — промолвила Наташа черезъ минуту.

— Я еще и не зналъ этого,—горько улыбнулся я и подошелъ къ зеркалу; я не узналъ себя, я былъ худъ, желтъ, и въ волосахъ блестѣли серебристыми нитями сѣдые волосы.

— Но что же вашъ ребенокъ будетъ дѣлать?—спросила Наташа, задумчиво опуская на грудь голову.

— Этотъ вопросъ и только онъ одинъ мучаетъ меня. У меня есть планы... но... но я не знаю, возможно ли ихъ исполнить, печально прошепталъ я.

— Что такое?

— Я хочу сдать свою большую квартиру, переѣхать на маленькую... нанять двѣ маленькія, въ одной могъ бы помѣститься я съ дядей.

— Вы его хотите взять отъ насъ?—испугалась Марья Васильевна.

— Я хочу просить васъ пріютить другого младенца...

Я опустилъ голову и ждалъ отвѣта.

— Такъ вотъ для кого вторая квартира, — проговорила Марья Васильевна.— Вы знаете, я для васъ готова все сдѣлать... для васъ и вашего ребенка... Но... но...

Она тревожно взглянула на Наташу.

— Тетя тутъ не можетъ быть никакихъ колебаній, — просто и спокойно проговорила Наташа.

У меня отлегло отъ сердца.

— Наташа, ты вспомни, что мы живемъ среди грязныхъ и злыхъ людей,—сказала Марья Васильевна.

— Тетя, они поговорятъ и придутъ къ намъ же на отдыхъ...

Я подошелъ къ Марьѣ Васильевнѣ и поцѣловалъ ея руку. Я горячо благодарилъ этихъ честныхъ женщинъ. Черезъ часъ всталъ дядя.

— А, ты здѣсь, Володюшка,—промолвилъ онъ.—Давно ке бывалъ! Стыдно, стыдно старика забывать.

— Я, дядя, уѣзжалъ; жену провожать ѣздилъ. Она больна, лѣчиться за границу уѣхала,—сказалъ я.

— А! видишь ты, говорилъ я, что всѣ эти балы не доведутъ до добра. По-моему и сдѣлалось. Шутка ли, когда ни придешь,—все на балу, въ театрѣ... Не берегъ ты ее, вотъ теперь на себя и пеняй... Одинъ и живи бобылемъ...

— Нѣтъ, дядя, я одинъ жить не буду. Я хочу тебя пригласить жить со мною, —сказалъ я.

— Гм, гм,—замялся капитанъ.—Я... готовъ... отчего же...

Только какъ же это Марья Васильевна безъ мужчины въ домѣ останется?

Я печально улыбнулся.

— Марья Васильевна и Наташа тоже переѣзжаютъ, дядя,—промолвилъ я.—Онѣ берутъ къ себѣ Володю.

— Володю... Володю...—проговорилъ старикъ, забывшись.— Твоего Володю берутъ... А моего Володю никто не бралъ... Мой Володя всѣми брошенъ былъ.

Я подошелъ къ дядѣ.

— Что, дядя, нашу старину вспомнилъ.

Старикъ поднялъ на меня свои ослабѣвшіе глаза.

— Да, Володюшка, никто-то тогда не позаботился о насъ,—проговорилъ онъ, приходя въ память, и ласково провелъ по моей головѣ рукою.—Э, да какой же ты старый сталъ...

— Посѣдѣлъ я, дядя...

— Старый, совсѣмъ старый! А на сколько лѣтъ я тебя старше? А?

— На сорокъ, дядя.

— Слышите: на сорокъ лѣтъ я его старше! А еще говорятъ, что я слабъ. Да я богатырь передъ нимъ, передъ мальчишкой! Нѣтъ, въ старину люди бодрѣе были, сильнѣе, теперь что!

— Дай, дядя, намъ до вашихъ лѣтъ дожить, и мы то же запоемъ.

— Гдѣ вамъ!

Черезъ недѣлю я нашелъ квартиру въ Итальянской улицѣ. Это былъ небольшой домъ-особнякъ, здѣсь помѣстились я, дядя, Марья Васильевна, Наташа, Гриша, мой сынъ и наши слуги: лакей дяди, кухарка и кормилица. Уладивъ все въ квартирѣ, я тотчасъ же уѣхалъ изъ Петербурга въ деревню, подъ предлогомъ, что мнѣ надо было устроить тамъ нѣкоторыя дѣла. Въ сущности я хотѣлъ отдохнуть. Мнѣ хотѣлось провести первое время внѣ Петербурга. Въ деревнѣ все шло по-старому, только княгиня была опасно больна и въ одинъ прекрасный день отдала Богу свою ненужную людямъ душу. О моемъ семейномъ горѣ знали только дѣдъ и Андрей Дмитріевичъ, князь же былъ вполнѣ увѣренъ, что Зинаида поѣхала лѣчиться за границу только на время. Черезъ три мѣсяца я возвратился домой. Меня не ждали. Я прошелъ въ свои комнаты и, входя въ кабинетъ, остановился въ дверяхъ: въ кабинетѣ сидѣла Наташа, на ея рукахъ спалъ мой сынъ. Она была задумчива и не замѣтила моего прихода.

— Наташа,—робко окликнулъ я ее.

Она слабо вскрикнула и сдѣлала мнѣ знакъ рукою, чтобы я не шумѣлъ.

Я на цыпочкахъ подошелъ къ ней и опустился на колѣни, чтобы поцѣловать ребенка.

— Мы къ намъ перенесли его, онъ былъ боленъ, бѣдняжка,—прошептала она.—Недавно сталъ поправляться...

— Добрая моя, вы ходили за нимъ...

Я взялъ руку Наташи и поднесъ ее къ своимъ губамъ.

— Если бы вы знали, Наташа, какъ тяжело мнѣ жить,—проговорилъ я.

Въ эту минуту проснулся Володя и съ недоумѣніемъ посмотрѣлъ на меня.

— Это папа, Володя,—сказала Наташа ребенку.

— Па!—повторилъ Володя.

Я взялъ его на руки.

Онъ не дичился меня и подставилъ мнѣ свои губки.

— Па!—снова повторилъ онъ и засмѣялся.

— И вы еще толкуете, что намъ тяжело жить,—проговорила Наташа.—Отдайтесь ему—и вамъ будетъ и легко, и отрадно, мы слишкомъ избалованы судьбой и слишкомъ многаго требуемъ отъ жизни...

— Что это, Наташа, покорность, примиреніе, сдѣлка съ существующимъ?

Она взглянула на меня глубокимъ взглядомъ.

— Нѣтъ, это не сдѣлка съ существующимъ. Но мы должны предъявлять въ жизни меньше требованій для себя и больше для другихъ, тогда мы будемъ счастливы. У насъ и миръ, и дружный кругъ, и кусокъ хлѣба есть, а кругомъ насъ голодные, холодные, одинокіе, гонимые люди идутъ въ грязи, мрутъ въ подвалахъ, какъ же мы смѣемъ говорить, что намъ тяжело жить? Думайте больше о нихъ, заглядывайте чаще въ ихъ норы, работайте безустанно въ ихъ пользу,—и вы не скажете, что вамъ тяжело жить...

— Наташа, вы говорите такъ, потому что васъ спасла судьба отъ тѣхъ неисправимыхъ ударовъ, которые перенесъ я: на вашей дорогѣ не стоялъ человѣкъ, черезъ трупъ котораго вы могли бы переступить къ полному счастью.

— Кто вамъ сказалъ?—быстро произнесла она и вдругъ побѣднѣла и смолкла.

Я пристально взглянулъ на нее. Она собралась съ силами и протянула мнѣ руку.

— Обѣщайте мнѣ работать въ пользу ближнихъ, думать

больше о другихъ, чѣмъ о себѣ, и не говорить болѣе о людяхъ, ставшихъ на нашемъ пути... Иначе наша жизнь будетъ и тяжела, и ничтожна...

Наташа взяла изъ моихъ рукъ сына и неторопливо вышла изъ комнаты; я видѣлъ, какъ она поцѣловала его, выходя въ третью комнату...

Я стоялъ, опустивъ голову на грудь. «Люди, ставшіе на *нашемъ* пути». Она сказала, что и на ея пути стоятъ люди. Неужели и она любитъ меня? Неужели и ея жизнь такъ же сгубится этой любовью, какъ отравляется моя жизнь? Не думать объ этомъ, заботиться о другихъ,—легко сказать, но какъ это сдѣлать?

Я твердо рѣшился со временемъ купить часть имѣнія Мишеля и потомъ освободить крестьянъ. Эта мысль была пробуждена во мнѣ Наташею. Но, откладывая деньги, я долженъ былъ усиленно работать, чтобы вносить въ нашу общую семью свою долю денегъ. Мы всѣ были независимы другъ отъ друга въ матеріальномъ отношеніи. Гриша нашелъ уроки и жилъ почти независимо отъ меня, приплачивая Марьѣ Васильевнѣ за столъ. Наташа попрежнему давала уроки на сторонѣ и у себя въ домѣ ученицамъ тетки. Первые уроки приносили ей доходъ, вторые были даровыми. Когда ее благодарили за эти уроки матери бѣдныхъ дѣвочекъ, она обыкновенно отвѣчала: «Мнѣ самой давали уроки даромъ, это я только старый долгъ плачу». Домъ нашъ, мало-по-малу, превратился въ очень дѣятельную и оживленную общину. Каждый изъ насъ вносилъ въ нее свою долю денегъ, каждый ѣлъ свой заработанный кусокъ хлѣба. Мои литературныя связи дали мнѣ возможность достать переводы для Наташи и для Гриши; сначала мнѣ приходилось перечитывать ихъ работы, но скоро стало не нужно и это, молодые люди быстро освоились съ литературнымъ языкомъ. Мы уже черезъ три или четыре мѣсяца могли опредѣлить почти вѣрно среднюю цифру нашихъ ежемѣсячныхъ заработковъ и, сообразно съ нею, составить бюджетъ расходовъ. Заработки были настолько велики, что можно было жить безъ особенныхъ стѣсненій. Конечно, зарабатывалъ больше всѣхъ я, такъ какъ я продолжалъ служить въ страховомъ обществѣ и получалъ довольно много за мелкія газетныя статьи. Но мнѣ приходилось и тратить больше, чѣмъ всѣмъ остальнымъ, такъ какъ я платилъ за себя, за Володю и за его кормилицу, оставшуюся жить у насъ въ качествѣ няньки. Вся недѣля проходила у насъ въ трудѣ, свободными оставались

только три часа по вечерамъ, да праздники. Но трудъ не особенно утомлялъ насъ при хорошемъ помѣщеніи, при сытной и здоровой пищѣ, при томъ душевномъ спокойствіи, которое позволяетъ работать, не волнуясь за будущіе голодные дни. Мы вѣрили, что этихъ голодныхъ дней не будетъ, покуда мы будемъ жить и работать вмѣстѣ. У насъ не только не было недостатка въ работѣ, но былъ избытокъ въ ней, и часть переводовъ приходилось удѣлять посторонними людямъ. Не работали только капитанъ нашего ковчега и мой Володька. Капитанъ или отдыхалъ отъ трудовъ прошлой жизни, или раскладывалъ пасьянсы у себя въ комнатѣ, вѣроятно, гадая о нашемъ будущемъ, и, нагадавшись до-сыта, спускался въ наши рабочія комнаты, гдѣ ученицы Марьи Васильевны шаловливо пугали другъ друга: «Вотъ дѣдушка-капитанъ идетъ, ужо онъ вамъ задастъ!» Обыкновенно капитанъ начиналъ очень серьезно разсматривать работу ученицъ Марьи Васильевны и глубокомысленно одобрялъ всѣхъ, замѣчая, «что онѣ отлично шьютъ, и что это шитье удивительно мелко, такъ что онъ и разсмотрѣть ничего не можетъ». Потомъ онъ подсаживался къ Марьѣ Васильевнѣ и торжественно заявлялъ:

— А я, Марья Васильевна, сегодня послѣ обѣда удивительный сонъ видѣлъ...

Затѣмъ начинался разсказъ сна со всѣми мельчайшими подробностями и съ оговорками, что вѣрить снамъ, конечно, не слѣдуетъ, но что этотъ сонъ выходитъ изъ ряду вонъ и что-нибудь да значитъ. Иногда ко мнѣ заѣзжали Леевъ и Бубновъ. Первый немного смущался, что онъ невольно послужилъ причиной моихъ семейныхъ несчастій, но я старался не вспоминать объ этой исторіи, сознавая, что я самъ болѣе всѣхъ другихъ виноватъ въ ней. Послѣдній очень полюбилъ Володю, уважалъ Марью Васильевну и Наташу, и былъ бы, можетъ-быть, совершенно какъ дома въ нашемъ жилищѣ, если бы не чувствовалъ, что капитанъ умышленно избѣгаетъ встрѣчъ съ нимъ.

— Да, да, онъ пережилъ тотъ возрастъ, когда прощаютъ и забываютъ старое, — говорилъ мнѣ Григорій Даниловичъ про дядю.—Онъ проститъ и забудетъ вчерашнюю обиду, но уже не проститъ и не забудетъ того, что было нанесено ему лѣтъ двадцать тому назадъ.

Я началъ замѣчать, что Григорій Даниловичъ становится все пасмурнѣе и пасмурнѣе. Нѣсколько разъ я пробовалъ заговорить съ нимъ о томъ, что его волнуетъ, но онъ уклон-

чиво отвѣчалъ, что просто не весело ему жить бобылемъ, безъ любящихъ людей. Онъ умышленно не произносилъ при мнѣ имени Мишеля, я, съ своей стороны, боялся спрашивать о братѣ. Мой братъ велъ себя странно, его почти никогда нельзя было застать дома; пикники, балы, камеліи заполонили его окончательно; онъ забиралъ отъ меня всѣ свои доходы съ деревни и иногда присылалъ мнѣ записки съ просьбою дать ему заимообразно денегъ, которыя нужны ему «до зарѣзу». Я попробовалъ поговорить съ нимъ серьезно, назначилъ ему день свиданія, но онъ явился ко мнѣ и на первыхъ же словахъ замѣтилъ, что онъ пробудетъ у меня только минутку.

— Тороплюсь, голубчикъ, у насъ сегодня кутежъ,—проговорилъ онъ, цѣлуя меня.

— Миша, не время ли остановиться, ты зашелъ и безъ того слишкомъ далеко по пути кутежей,—замѣтилъ я ему.

— Ну, полно ворчать, старикашка! Мнѣ перебѣситься надо,—отвѣтилъ онъ, обнимая меня за талію.—Блаженъ, кто съ молоду былъ молодъ!

— Да развѣ это молодость!—воскликнулъ я. — На развратъ и старики способны. Молодость нужна для дѣла, для работы...

— Большое счастіе въ работѣ! Ты-то вотъ и работалъ, и честенъ былъ, а чѣмъ ты помянешь свою молодость?..

— Я не раскаиваюсь,—замѣтилъ я.—Если бы мнѣ пришлось снова начинать жизнь, я началъ бы ее именно такъ, какъ началъ ее и прежде, только былъ бы смѣлѣе, вѣрнѣе билъ бы въ цѣль...

— Ну, голубчикъ, это значитъ, что у всякаго своя дорога. Я пойду по своей и черезъ годъ вступлю на твою дорогу...

— Смотри, не погибни раньше этого времени.

Миша только зажалъ мнѣ ротъ со смѣхомъ и объявилъ, что ему хочется потѣшить теперь свою волюшку. Серьезно разсуждать съ нимъ не было никакой возможности. Отецъ же его все грустнѣе и мрачнѣе смотрѣлъ на жизнь, его начинали волновать какія-то горькія событія, которыхъ онъ не объяснялъ мнѣ. Онъ началъ мучиться какимъ-то суевѣрнымъ страхомъ.

— Знаете ли,—говорилъ мнѣ однажды Григорій Даниловичъ, сидя у меня:—мнѣ было бы легче, если бы на свѣтѣ не было капитана. Съ вами я помирился; мнѣ казалось, что жена давно простила меня за гробомъ. Если бы не было

капитана, то я думалъ бы, что я успѣлъ примириться со всѣми тѣнями прошлаго; но онъ, потерявъ способность прощать, какъ-будто говоритъ мнѣ, что и тѣ, которые умерли, не простивъ меня, точно такъ же лишены возможности примириться со мною. Онъ подрываетъ мою вѣру въ ихъ прощеніе. Вы прожили не такъ, какъ я. Ваша жизнь была чище. Вамъ не приходилось имѣть власть надъ людьми. Вамъ не приходилось слишкомъ сурово относиться къ ближнему, потому вы не знаете, что значитъ въ старости замаливанье грѣховъ. Вы, можетъ-быть, и не вѣрите въ возможность отмолить старые грѣхи,—не вѣрите, и васъ не безпокоитъ это невѣріе. Но если бы вы знали, какъ тяжело нашему брату, воздававшемуся страстямъ, порочно прожившему молодость, стоять на молитвѣ, просить о спасеніи своей души и въ эти минуты слышать тайный голосъ, говорящій, что мертвые и отжившіе не прощятъ нашихъ грѣховъ, что нельзя замолить того, чѣмъ загублена чужая жизнь... Я знаю, что Богъ милосердъ, что онъ прощаетъ и разбойника, знаю и вѣрю въ это теперь, днемъ, при хладнокровномъ взглядѣ на дѣло, а тогда, когда душа взволнована молитвой, когда нѣкоторыя имена, простыя имена въ памятной книжкѣ, бросаютъ въ дрожь и въ жаръ,—тогда снова является сомнѣніе, и кажется, что никакая благость не можетъ простить намъ того, что мы загубили чью-нибудь жизнь, потому что никакая благостная сила не можетъ возвратить погубленнымъ ихъ прежней жизни. Награда на небесахъ,—но это уже нѣчто другое, можетъ-быть, ожидавшее бѣлянкинъ и тогда, когда не была бы отнята ихъ здѣшняя жизнь. Награда на небесахъ—но вѣдь она ждетъ и разбойника, если онъ будетъ прощенъ. Зачѣмъ же въ такомъ случаѣ было бы свято жить, если и разбойника, и жертву ждетъ одно и то же блаженство? Это страшныя мысли, страшныя мысли...

Я посмотрѣлъ на старика—онъ былъ страшенъ и жалокъ. Черты его лица были искажены ужасомъ и душевнымъ страданіемъ. Въ его сердцѣ таилось что-то невысказанное, что-то страшно давящее, тяжелое.

— И капитанъ, капитанъ вѣчно грезится мнѣ и словно шепчетъ: чего ты молишься? Если всѣ простятъ тебя, если всѣ отпустятъ твои грѣхи, то я не прощу тебя никогда.

Я постарался успокоить Буѣнова и сказалъ ему, что капитанъ давно простилъ ему, но что онъ ни къ кому не выходитъ, что ему тяжелы воспоминанія.

— Да, да, я страшно наказанъ. Если бы все было про-

щено, то и тогда я помнилъ бы старое: у меня есть сынъ, и онъ мститъ мнѣ за все—и за жену, и за васъ, и за...

Бубновъ пугливо оглянулся кругомъ.

— Вы справлялись о ней?—спросилъ онъ, не называя ничьего имени.

— Да, она умерла,—отвѣтилъ я, понимая, что онъ говоритъ о Настѣ.

— Я все бы отдалъ, все бы отдалъ, чтобы она была жива.

Григорій Даниловичъ всталъ.

— Да, Володя, дай тебѣ Богъ быть счастливѣе меня,—проговорилъ онъ, называя меня снова послѣ долгихъ лѣтъ этимъ именемъ и говоря мнѣ *ты*.—Что бы теперь ни случилось со мной, не удивляйся, не разспрашивай... Помоги Михайлѣ... я ему болѣе не отецъ... но ты помоги ему... я... я все-таки люблю его...

Бубновъ опустился на кресло и горько, глухо заплакалъ.

— Полноте, другъ мой, что съ вами! — воскликнулъ я, наклоняясь къ нему.

Онъ поднялъ голову, протянулъ ко мнѣ руки и вдругъ покатился съ кресла...

Ему сдѣлалось дурно. Я послалъ за докторомъ, призвалъ прислугу, принесъ холодной воды. Онъ не приходилъ въ себя. Черезъ четверть часа явился докторъ и объявилъ, что съ нимъ сдѣлался ударъ. Пустили кровь. Уложили старика въ постель.

— У него, должно-быть, было какое-нибудь потрясеніе,—сказалъ докторъ.

Я отвѣтилъ, что ничего не знаю, и послалъ за Мишелемъ. Его, по обыкновенію, не застали дома. Я поѣхалъ самъ къ нему. Мнѣ сказали, что онъ, должно-быть, не ночуетъ дома, такъ какъ онъ уѣхалъ къ знакомымъ, чтобы отправиться на пикникъ. Мнѣ дали адресъ: въ Большой Морской, домъ Смурова, квартира Матильды Леблан. Я зналъ, кто была эта Матильда Леблан, и поѣхалъ. Изъ растворенныхъ дверей залы я увидѣлъ, что Мишель лежалъ въ роскошной гостиной Леблан, въ кругу молодежи. Все было пьяно, полураздѣто, цинично. Тутъ были и юнкера, и правовѣды, и офицеры, и статскіе, и женщины. Я остался ждать въ залѣ.

— А! Какими судьбами, cher frère?—воскликнулъ Мишель, выходя ко мнѣ нетвердою походкой.—Не хочешь ли, съ горя по измѣнившей, найти здѣсь подругу жизни?

— Если у кого-нибудь есть теперь горе, такъ это у тебя. Твой отецъ...

— Mein lieber grausamer Vater?.. что съ нимъ?

— Онъ умираетъ.

— Ну?! Такъ скоро? — не сознавая, что онъ говоритъ, глупо-удивленно усмѣхнулся Мишель.

— Поѣдемъ,—сказалъ я и взялъ его подъ руку.

— Нельзя, братецъ, я пригласилъ,—пробормоталъ онъ.

— На сколько ты предполагалъ пригласить ихъ,—спросилъ я, указывая глазами на господъ, сидѣвшихъ въ гостиной.

— Фи!.. На сколько?.. Развѣ это можно... сколько выпьютъ...

Я позвалъ слугу и попросилъ его вызвать ко мнѣ хозяйку. Прекрасная собой, стройная француженка, съ плутовскими черными глазами, появилась въ комнатѣ.

— Извините,—проговорилъ я по-французски:—я увожу моего брата, у него умираетъ отецъ...

— Ah, pauvre petit jeune homme! — жалобно произнесла она.

— Я слышалъ, что мой братъ пригласилъ гостей, и потому, вѣроятно, придется заплатить, то я попрошу васъ распорядиться и быть хозяйкой за него...

Я вынулъ изъ кармана Мишеля бумажникъ и подалъ Матильдѣ сто рублей.

— Я думаю, этого довольно?—спросилъ я.

— Oh, monsieur!—произнесла она, взявъ деньги.—Je suis si affligée.

— Она у меня добрая,—пробормоталъ Мишель.

Я откланялся и увезъ его съ собою. Онъ, какъ школьникъ, повиновался мнѣ. Я привезъ его не къ себѣ, а на квартиру Бубнова и уложилъ въ постель, чтобы онъ выспался. Но онъ долго не могъ уснуть. Я между тѣмъ вышелъ въ залу, чтобы сказать старику, лакею Бубнова, о случившемся.

— Вы, батюшка, Владиміръ Михайловичъ, замкнули бы все въ бариновомъ-то кабинетѣ и ключи-то взяли бы съ собою. Не ровенъ часъ, не случилось бы чего...

— Кто же здѣсь воровать станетъ?—замѣтилъ я.—Люди все свои.

— Да вѣдь случился же грѣхъ! Михаилъ Григорьевичъ-то...

— Что такое?

— Нешто вы не знаете? Къ бюру папашину ключъ подобрали, ну и вытащили оттуда всѣ деньги...

— Когда же это?

— Третьяго дня... Баринъ сперва на насъ клепалъ. Давно у него деньги пропадать стали. А третьяго дня купъ-то

слишкомъ большой пропалъ. Съѣздили они къ Михаилу Григорьевичу, вернулись домой-то, да и говорятъ: «Нашлись деньги... Чужіе воровать не станутъ...» Мы такъ и поняли, что это, значитъ, Михаилъ Григорьевичъ взялъ эти самыя деньги, потому что баринъ только къ нимъ и съѣздилъ... И потомъ вотъ, вплоть до того, какъ къ вамъ они поѣхали, все ходили у себя по комнатѣ... Присядутъ или прилягутъ минутъ на пять, а тамъ опять ходить начнутъ. Пробовали они молиться, да видно молитва на умъ не шла. Станутъ это на колѣнки, да черезъ минуту, глядишь, опять заходятъ по комнатѣ. Какъ это у нихъ силъ хватило, ужъ я не знаю,— не пили, не ѣли, и все ходили съ своими мыслями, словно туча черная передъ бурей...

Я невесело слушалъ старика. Мнѣ было какъ-то жутко. Что это, отплата? Да кто же можетъ отплатить? Гдѣ эта невѣдомая судьба? Нѣтъ, это было новое доказательство, что какъ бы человѣкъ ни былъ уменъ, но, поступая дурно, онъ гдѣ-нибудь оборвется и найдетъ гибель въ вырытой имъ самимъ ямѣ. Я сознавалъ, что Бубновъ расплачивается за неравенство отношеній ко мнѣ и къ Мишелю, но если бы въ моихъ рукахъ была возможность устранить это наказаніе—я, не задумываясь, избавилъ бы отъ него отчима: его дурное обращеніе, его притѣсненія не довели меня до гибели, я успѣлъ спастись, и мнѣ казалась еще страшнѣе казнь, такъ какъ она карала за неудавшееся преступленіе, карала не его одного, а и его сына, невиннаго въ дѣлахъ отца. Теперь я понялъ весь смыслъ тѣхъ рѣчей Бубнова, которыя я слышалъ отъ него за минуту до его болѣзни. Теперь я вполнѣ понималъ ту набожность, которая пробудилась въ немъ въ послѣдніе годы. Не имѣя возможности измѣнить прошлое, онъ хотѣлъ замолить его. И—странное дѣло—въ эту минуту мнѣ вспомнился одинъ разсказъ изъ моего далекаго-далекаго прошлаго. Я вспомнилъ разсказъ о шулерѣ, сдѣлавшемся набожнымъ вслѣдствіе проигранныхъ казенныхъ денегъ... Я вспомнилъ, какъ дядя промолвилъ при этомъ: «Крушеніе! это крушеніе на морѣ житейскомъ!»

Черезъ нѣсколько дней Бубнову стало легче, хотя онъ и оставался безъ языка и не владѣлъ одной стороной тѣла. Я сказалъ ему, что къ нему въ комнату собирается зайти капитанъ. Онъ кивнулъ головою и слабо пожалъ мнѣ руку. На слѣдующій день капитанъ зашелъ къ нему въ комнату и держалъ себя отлично.

— Эхъ вы, молодежь,—говорилъ онъ, забывая, что Буб-

пову за шестьдесять лѣтъ. — Говорю я, что мы намъ, старикамъ, въ подмогу не годимся!

Бубновъ слабо улыбнулся. Его улыбка походила на гримасу.

— Вотъ и Володька у меня все надѣется: то къ зубамъ, то къ росту — а у меня вонъ и всѣ зубы повыпали, и къ землѣ сталъ расти, а ничего—хожу молодцомъ. Не хорошо, не хорошо! Ну, выздоравливайте, выздоравливайте! — простился онъ съ больнымъ, дружески пожимая его руку.

— Что, Володюшка, ну, чего ты трусилъ? — говоритъ онъ, выходя въ свою комнату.—Не умѣю я себя держать? Проговорился въ чемъ-нибудь? А?

— Ужъ что и говорить про тебя, ты у меня молодецъ!— улыбнулся я.

— То-то же! Я, братъ, старый матросъ, я лежачаго не бью. Выздоровѣетъ онъ, а! тогда другое дѣло. Я ужъ ему отцовю правду-матку, чортъ возьми! Чертямъ станетъ тошно!.. Ахъ, Володя, вѣдь ты не знаешь, что было прежде! —и дядя сталъ мнѣ сообщать новыя свѣдѣнія о своей жизни со своей племянницей Марусей и ея сыномъ Володей.

Но дядѣ не удалось высказать Бубнову всю горькую правду. Бубновъ умеръ. Мишеля страшно поразила смерть отца, тѣмъ болѣе, что бѣдняга не смѣлъ увидѣться съ отцомъ и испросить у него прощенія, когда старикъ лежалъ въ моемъ кабинетѣ. Докторъ говорилъ, что больного можетъ убить малѣйшее волненіе. Миша прокрадывался къ отцу только въ тѣ минуты, когда старикъ засыпалъ, и тотчасъ же спѣшилъ удалиться, какъ только отецъ открывалъ глаза. Рыдая надъ трупомъ отца, Миша, съ свойственной ему дѣтской откровенностью, разсказалъ мнѣ всю правду, признался, какъ онъ сначала понемногу бралъ у отца деньги, а потомъ захватилъ сразу все, что нашлось въ бюро. Онъ съ горечью называлъ себя убійцею старика.

— Прошлаго не воротишь,—говорилъ я:—но ты долженъ воспользоваться роковымъ урокомъ.

Братъ, какъ дитя, припалъ ко мнѣ на грудь и, цѣлуя мои руки, далъ клятвы исправиться.

Я приглашалъ его переѣхать ко мнѣ. Я боялся, что Миша, по вѣтренности своего гибкаго и мягкаго характера, скоро забудетъ тяжелый урокъ или съ горя бросится въ прежній омутъ, чтобы позабыться. Я сообщилъ эти тревожныя мысли и въ своемъ кружкѣ, какъ вдругъ къ намъ явился Миша въ новой армейской формѣ. Мы изумились.

— Я, голубчикъ, уѣзжаю, — проговорилъ онъ, обнимая меня.

— Куда?

— На войну, на Кавказъ,—отвѣтилъ онъ:—позаботься о моихъ крестьянахъ, не высылай мнѣ денегъ... Мнѣ теперь ничего не нужно...

Я пожалъ его руку. Я не отговаривалъ его. Мнѣ казалось, что этому взрослому ребенку можетъ принести пользу тяжелый опытъ. Онъ закрылъ лицо руками и зарыдалъ, какъ дитя.

— Если бы ты зналъ, какъ мнѣ жить хочется,—наивно воскликнулъ онъ, рыдая.—А все-таки я подъ первую пулю брошусь...

Мнѣ было и смѣшно, и жалко...

Наша жизнь снова пошла по-старому. Только дядя тихо угасалъ безъ особенныхъ болѣзней, безъ особенныхъ перемѣнъ; онъ ходилъ почти до послѣдняго дня, и еще наканунѣ своей смерти, шутя, говорилъ мнѣ, что ему пора въ отставку, такъ какъ корабль принялъ хорошее направленіе. Кораблемъ онъ по-старому называлъ нашъ домъ и былъ увѣренъ, что на кораблѣ все обстоитъ благополучно. Помня малѣйшія подробности изъ нашей старинной жизни, онъ, кажется, совершенно забылъ, что я женатъ, что у меня есть сынъ, и иногда въ моемъ отсутствіи выражалъ удивленіе, что Володя, эта «птица», долго не растетъ, видимо, смѣшивая моего сына со мною. Въ моемъ присутствіи онъ нерѣдко говорилъ, что это странно, очень странно, что сперва былъ одинъ Володя, а теперь два, одинъ «вонъ какой верзила, перестарокъ, а другой—совсѣмъ маленькая птица». Я не пробовалъ объяснять эту загадку, не желая произносить имени жены. О ней у насъ никто не вспоминалъ, всѣ старались обходить ея имя. Мнѣ какъ-то попался нумеръ французской газеты, гдѣ описывался одинъ парижскій балъ и упоминалось о моей женѣ, бывшей въ числѣ гостей. Ея имя упоминалось рядомъ съ именемъ Самарина. Я скомкалъ нумеръ и бросилъ его въ огонь, не желая, чтобы кто-нибудь другой прочелъ это извѣстіе. Черезъ годъ уснулъ навѣки и дядя. Онъ уснулъ незамѣтно, тихо, спокойно, какъ прожилъ. О немъ, повидимому, только требовавшемъ заботъ и ухода, не приносившемъ никому пользы, плакали всѣ, начиная съ Володи и кончая Марьей Васильевной. Володя очень сердился на могильщиковъ и кричалъ, чтобы въ дядю не смѣли бросать каменьями, когда начали заваливать землею гробъ. Я отчасти сожалѣлъ

и досадовалъ, что мы доставили это первое горе ребенку, взявъ его на похороны. Какъ-то пусто было у насъ въ первые дни послѣ похоронъ, дѣти раза два проговорились: «а вотъ ужо капитанъ придетъ!» и боязливо смолкли, вспомнивъ, что капитанъ никогда не придетъ и не станетъ добродушно ворчать или вспоминать былые годы.

Долго, долго чудилось намъ, что вотъ-вотъ отворится дверь, и среди нашего кружка появится знакомая фигура добродушнаго старика и снова напомнитъ намъ про старину. Но добрый разсказчикъ умолкъ, и слушателямъ оставалось только порой вспоминать его любимыя фразы, его любимыя исторіи, его любимые анекдоты.

Пошли дни за днями. Усиленная работа, вознаграждавшая то деньгами, то благодарностью, тихіе семейные вечера, радости по поводу развитія и подрастанія Володи, по случаю окончанія курса Гришей въ академіи, все это полно и, повидимому, всецѣло наполняло нашу жизнь. Но кромѣ этихъ семейныхъ радостей приводилъ насъ въ восторгъ поворотъ къ лучшему въ жизни общества. Настала новая, свѣтлая, благословенная пора, полная реформъ и надеждъ на прекрасное будущее. Кто пережилъ эту пору, тотъ долго будетъ помнить эти воскресные дни Россіи, когда смолкли голоса недовольныхъ, и общество сплотилось вмѣстѣ для общаго дѣла. Вмѣстѣ съ обществомъ оживилась и литература, новые таланты невольно останавливали на себѣ вниманіе и обѣщали многое. Но среди этого оживленія, среди общихъ надеждъ, бывали лично для меня дни, когда я невольно уходилъ изъ дому на охоту, бродилъ по цѣлымъ днямъ въ окрестностяхъ Петербурга и, усталый, изнурившійся, возвращался домой, чтобы снова предаться труду и покорно вынести свою участь. Я чувствовалъ, что мои отношенія къ Наташѣ день ото дня становились неестественнѣе и тяжелѣе. Мы горячо любили другъ друга, но между нами лежала пропасть. Сама Наташа никогда не обращала вниманія на то, что скажутъ люди. Она была своимъ верховнымъ судьею, строгимъ и безпощаднымъ судьею. Но, въ настоящемъ случаѣ, она боялась набросить на себя тѣнь: у нея была тетка, которой строгая нравственность была доказана всею жизнію; вѣдь и тетка, вѣроятно, любила кого-нибудь въ теченіе долгаго вдовства; вѣдь и она, вѣроятно, страдала, не имѣя возможности по тѣмъ или другимъ причинамъ выйти замужъ: но она молчала, и ей было бы очень тяжело видѣть, если бы ея милая Наташа, по ея понятіямъ, пала. Да, въ гла-

захъ старушки связь племянницы съ женатымъ человѣкомъ должна была казаться паденіемъ. Кромѣ того, вся дѣятельность Наташи была посвящена дѣтямъ — дѣвочкамъ, возможно ли было бы скрыть отъ ихъ родителей нашу связь? Какъ бы посмотрѣли эти родители на дѣвушку-учительницу, живущую съ женатымъ человѣкомъ? Отказаться отъ этой дѣятельности, отказаться для того, чтобы дать «потачку» своей страсти, своему эгоистическому чувству — это было сверхъ силъ Наташи. Она упорно хотѣла доказать себѣ, что человѣкъ можетъ и долженъ побѣждать свои чувства, если отъ этого зависитъ спокойствіе и отчасти благо его ближнихъ. Я былъ менѣе твердъ, я не понималъ этого самоотреченія, я не соглашался съ нею, когда она говорила:

— Какія могутъ быть страданія у насъ, у сытыхъ людей! Неисполненную прихоть считаемъ мы страданіемъ. Посадить бы насъ на мѣсто фабричныхъ, на мѣсто мужиковъ, тогда и узнали бы мы, что значитъ дѣйствительное страданіе. Тамъ не отъ недостатка любви и дружбы убиваются люди, какъ говорилъ Палицынъ, а отъ недостатка хлѣба, не отъ недостатка ласки идутъ въ могилу, а отъ голода и холода...

Я удивлялся ей, я благоговѣлъ передъ нею, но я зналъ, что она страдаетъ, что она понимаетъ всю неестественность нашихъ отношеній. И сколько мелочей, сколько случайностей вызывали въ насъ чувство боли! Какъ раненые постоянно зашибаютъ больное мѣсто, такъ мы наталкивались постоянно на мучительные для насъ вопросы.

— Папа, ты женись на Натали,—говорилъ мнѣ однажды мой четырехлѣтній Володя, вѣроятно, слышавшій эту фразу отъ прислуги.

— Папа, ты прежде Наташу поцѣлуй, а потомъ меня,— говорилъ онъ, встрѣчая меня при моемъ возвращеніи съ охоты.

— Папа, а ты любишь Наташу больше, чѣмъ я?—допрашивалъ онъ меня въ другой разъ.

Я чувствовалъ, что этому надо положить конецъ. Я рѣшился уѣхать въ деревню и объявилъ объ этомъ Маріѣ Васильевнѣ. Старушка покачала головой.

— И что же это такъ вдругъ вамъ захотѣлось разстаться съ нами и запропаститься въ деревнѣ?

— Дѣла тамъ... Я уже давно собирался...

Она посмотрѣла на меня грустнымъ и пристальнымъ взглядомъ.

— Плохо вамъ живется, — проговорила она.—И вамъ, и Наташѣ плохо живется.

Я чуть не заплакалъ и опустилъ голову.

— Не плачьте! — проговорила она мягко и ласково. — Въ деревнѣ легче не будетъ. Живите здѣсь... Богъ съ вами!

Въ эту минуту вошла Наташа.

— Ѣхать хочетъ нашъ Владиміръ... — проговорила ей тетка, встав съ мѣста и выходя изъ комнаты. — Поговори съ нимъ...

Наташа побѣлѣла.

— Куда? — спросила она меня.

— Въ деревню собираюсь...

Мы смолкли. Наташа стояла спиной ко мнѣ и смотрѣла въ окно.

— Наташа! — тихо проговорилъ я.

— Милый мой! — зарыдала она, обернувшись ко мнѣ и прижимая къ моему плечу головой. — Неужели этому и конца не будетъ! Ты знаешь, я не трусиха, но мнѣ тяжело, что намъ придется бояться каждаго ребенка, какъ шпіона, который, разболтавъ о нашихъ отношеніяхъ, повредитъ себѣ же... Мнѣ тяжело огорчить тетку...

— И потому нужно губить себя? — тихо проговорилъ я.

Она взялась за голову.

— Четыре года, четыре года я боролась съ своими чувствами, — прошептала она. — Что-жъ, наше счастье все-равно пропадетъ... Не уѣзжай!

Я наклонился къ ея рукѣ и покрылъ ее горячими поцѣлуями.

Богъ знаетъ, замѣтила ли тетка, замѣтила ли прислуга наши новыя отношенія, но, повидимому, въ домѣ ничего не измѣнилось. Всѣ мы были такъ тѣсно связаны другъ съ другомъ, всѣ такъ хорошо знали насъ, что, вѣроятно, никто изъ всей нашей «семьи» не бросилъ бы въ насъ камнемъ осужденія. Мы становились все спокойнѣе и спокойнѣе и почти безъ всякаго страха смотрѣли на наше будущее. Оно было свѣтло, какъ наступившіе дни весны, какъ наступившая эпоха для нашей общественной жизни. Мы стали строить планы переселенія въ деревню. Я твердо рѣшился снова взять на себя дѣла моей деревенской школы. Наташа, я и Гриша могли быть не безполезными дѣятелями въ деревнѣ. Гриша могъ приносить пользу крестьянамъ, какъ докторъ, я и Наташа могли быть полезны, какъ учителя. Мы видѣли, какъ счастливо и мирно устроится нашъ маленькій кружокъ въ глуши, вдали отъ столицы, среди такихъ личностей, какъ мой дѣдъ и Хомутовъ. Сверхъ того,

въ обществѣ разрѣшился крестьянскій вопросъ, и я понялъ, что мнѣ нужно переселиться въ провинцію, чтобы, наконецъ, дѣятельно приняться за то дѣло, которое было главною мечтою въ теченіе всей моей жизни. Я сознавалъ, что и моему Володѣ будетъ лучше учиться и развиваться въ провинціи подъ руководствомъ Наташи и Гриши.

— Молодецъ ты у насъ вырастешь, — говорилъ Гриша моему сыну, объясняя ему разные вопросы, которые уже начинали занимать мальчугана.

Я видѣлъ, что дѣйствительно Володя можетъ вырасти молодцомъ и не неучемъ, имѣя подъ рукою развитыхъ и добрыхъ наставниковъ.

Наташа сильно заботилась о мальчикѣ и при случаѣ давала ему иногда очень оригинальные уроки. Такъ, однажды, нашъ старый дворникъ, которому Володя выносилъ по утрамъ въ кухню чай, поцѣловалъ при Наташѣ руку Володи. Наташа не сказала ни слова, но попросила дворника принести Володѣ въ подарокъ гостинца изъ лавочки. Старикъ исполнилъ порученіе.

— Поцѣлуй же у него руку, — сказала Наташа Володѣ по-французски.

Володя захлопалъ отъ удивленія глазами.

— Я не хочу,—отвѣтилъ онъ и чуть не заплакалъ.

— Но вѣдь ты ему даешь же свои руки для поцѣлуевъ,— замѣтила Наташа.—Ты еще дитя, а онъ старикъ, ты скорѣе долженъ цѣловать его руку.

— Натали, я лучше его въ губы поцѣлую,—прошепталъ Володя и, весь раскраснѣвшійся, обнялъ дворника.

Мы долго смѣялись по поводу этого урока, замѣчая, что Володя уже никому не подставляетъ своихъ рукъ для поцѣлуевъ.

Это было на шестой годъ послѣ моего разрыва съ женою. Въ послѣднее время я не получалъ о ней никакихъ вѣстей. Я начиналъ думать, что она умерла.

XV.

Послѣднія тревоги.

...Наставала весна. У насъ въ залѣ выставлялись зимнія рамы. Володѣ, рѣзвившемуся около меня въ моемъ кабинетѣ, непремѣнно хотѣлось убѣжать туда, чтобы поскорѣе проскользнуть на балконъ, выглянуть сквозь перила любопытными глазенками на снующій по улицѣ народъ и прислушаться къ давно неслышанному стуку колесъ и уличному

шуму. Я боялся, что онъ легко можетъ простудиться, и попросилъ Натали принести ему фуражку и что-нибудь изъ теплой одежды. Она ушла за его вещами. Мы остались одни. Володя шаловливо старался вырваться изъ моихъ рукъ, и я едва могъ справиться съ нимъ. Наконецъ Натали появилась въ дверяхъ, онъ бросился къ ней, торопливо сталъ натягивать на себя пальто, надѣлъ на затылокъ фуражку и убѣжалъ.

— Къ намъ какая-то дама пріѣхала, — сказала Натали страннымъ, смущеннымъ тономъ.

Я только теперь взглянулъ на ея лицо: оно было блѣдно. Неизвѣстно почему, но я тоже смутился. Въ моей головѣ не было никакой опредѣленной, пугающей мысли, но между тѣмъ мнѣ вдругъ стало не по себѣ. Я отвыкъ отъ появленія въ нашемъ домѣ мало знакомыхъ людей, и казалось, что съ ихъ появленіемъ здѣсь должно было непремѣнно связываться что-то непріятное, нарушающее нашъ обычный покой. Мы еще стояли молча другъ передъ другомъ, когда въ комнату тревожной и быстрой походкой вошла высокая, стройная женщина. Она дрожащими руками откинула вуаль и бросилась ко мнѣ.

— Прости меня, прости, Вольдемаръ! — зарыдала она.

Это была моя жена. Она была худа, на ея лицѣ выражалось страданіе, на щекахъ выступили зловѣщія пятна болѣзненнаго румянца. Я тихо отодвинулся отъ нея, чтобы избѣжать объятій, и невольно, инстинктивно взглянулъ на Натали: она, неподвижная и блѣдная, какъ статуя, стояла, прислонившись къ дверямъ.

— Другъ мой, гдѣ мой сынъ? Гдѣ нашъ Володя?—говорила Зина.

Я указалъ рукою на залу. Говорить я не могъ. Въ моей головѣ не было ни одной ясной и опредѣленной мысли. Я чувствовалъ, что въ моей жизни происходитъ какое-то страшное несчастіе, готовое разбить въ дребезги весь мирный строй этой жизни, но придумать средства для спасенія себя и ближнихъ отъ этой катастрофы я былъ не въ силахъ; я даже не вполнѣ понималъ, какого рода событія должны начаться съ этой минуты. Моя жена бросилась въ залу на балконъ. Черезъ минуту я услышалъ голосъ Володи.

— Не хочу, я не хочу! Пустите меня! — кричалъ онъ испуганнымъ голосомъ и, весь раскраснѣвшійся, вбѣжалъ въ кабинетъ и бросился подъ защиту своей милой Натали.

— La dame m'embrasse, et je ne le veux pas! Je ne la

connais pas! — жаловался онъ дѣтски-обиженнымъ тономъ, обращаясь къ Натали.

Володя, когда что-нибудь въ людяхъ особенно возмущало его, обыкновенно начиналъ объясняться съ нами по-французски, вѣроятно, полагая, что, за исключеніемъ меня, Натали, Гриши и его, всѣ остальные люди, подобно нашей прислугѣ, не знаютъ этого языка.

— Боже мой, онъ меня не узнаетъ! Онъ не хочетъ обнять меня! Ты вооружилъ его противъ меня и пріучилъ къ чужой женщинѣ! — воскликнула, со слезами ломая руки, моя жена.—Пустите его ко мнѣ!—обратилась она къ Натали. Какое право имѣете вы удерживать моего ребенка? Вы опять становитесь на моей дорогѣ.

Натали безсознательно прижала къ себѣ Володю и моляще-испуганнымъ взглядомъ смотрѣла на меня. Я понялъ, что только я могъ кончить эту сцену и избавить ребенка отъ горькаго впечатлѣнія, какое могли произвести на него мои объясненія съ его матерью.

— Уведите Владимира,—обратился я къ Натали.

Она быстро схватила за руку мальчика и почти бѣгомъ скрылась съ нимъ изъ кабинета.

— Ты отнимаешь у меня сына! Ты отнимаешь моего сына!—воскликнула Зина и хотѣла идти за Натали и Володей.

Я остановилъ ее. Я чувствовалъ необходимость объясненія.

— Вы сами бросили его,—тихо проговорилъ я, стараясь быть по возможности спокойнымъ и сдержаннымъ.

Я говорилъ ей *вы* не потому, что я сердился на нее, но потому, что въ эту минуту она была для меня совсѣмъ чужою женщиною, къ которой я не питалъ никакихъ чувствъ, кромѣ полнѣйшаго равнодушія, полнѣйшей холодности. Всего прошлаго, съ его радостями и горемъ, съ его любовью и ненавистью, въ эту минуту какъ будто не существовало.

— Да, да, я это заслужила! Я сама бросила его, отказалась отъ вашей любви! Но пойми меня, другъ мой, что я несчастна, что я страдаю! Я пришла у твоихъ ногъ вымолить себѣ прощеніе. Я не встану до тѣхъ поръ, пока ты не скажешь, что ты прощаешь меня,—рыдала она и упала къ моимъ ногамъ съ глухимъ каплемъ.

Она была такъ жалка въ эту минуту, что у меня сжалось сердце. Я понималъ, что она и теперь поступаетъ такъ же искренно, какъ поступала тогда, когда бросила меня и своего

грудного младенца. Мнѣ нужно было сдѣлать надъ собой страшное усиліе, чтобы въ одно мгновеніе рѣшиться на все, выбрать путь дѣйствія: поддаться пробужденному этими стонами сожалѣнію и погубить не плачущую передо мной, отсутствующую въ этотъ мигъ женщину, погубить будущность ребенка, отдавши его въ руки нравственно искалѣченной матери, погубить, наконецъ, свое собственное счастье, или хладнокровно и твердо убѣдить свою жену въ томъ, что между нами все кончено, что мы стоимъ на разныхъ берегахъ непроходимой пропасти.

— Я на васъ не сержусь, — проговорилъ я и поднялъ ее.

— Не говори со мной этимъ холоднымъ тономъ. Не говори мнѣ: *вы*. Ты страшенъ въ такія минуты... Я и прежде боялась этого убійственнаго холода, на какой способенъ только ты...

Она припала къ моему плечу, тяжело дыша и слегка покашливая.

— Веди меня къ моему сыну. Я хочу примириться и съ нимъ. Да, примириться!— говорила она шопотомъ.

— Сядьте и поговоримъ хладнокровно, — сказалъ я, подвинувъ ей кресло.

Она сѣла. Я былъ радъ возможности присѣсть, потому что мои ноги дрожали. По счастью, въ комнатѣ стоялъ графинъ съ водою. Я налилъ воды и выпилъ одинъ за другимъ два стакана. Зина сбросила съ себя шляпку. Я не рѣшался заговорить и сидѣлъ, опустивъ голову на руку. Наконецъ, мнѣ нужно было заговорить. Молчаніе тяготило.

— Вы, вѣроятно, разошлись съ нимъ? — спросилъ я, не называя имени Самарина.

— Онъ меня бросилъ!

— Что же вы думаете теперь дѣлать?

— Другъ мой, я пришла къ тебѣ просить прощенія, просить пріюта...

— Я вамъ сказалъ, что я не сержусь на васъ и не имѣю на это права. Вы это знали и прежде. Но вы должны были понять и то, что между нами порваны всѣ прежнія отношенія, и они не могутъ возникнуть вновь. Въ матеріальной помощи вы, вѣроятно, не нуждаетесь. Нравственной помощи, совѣтовъ, мнѣ нечего давать вамъ. Если я скажу вамъ: живите честно, работайте на пользу ближнихъ,— то это будетъ не ново и не будетъ имѣть серьезнаго значенія для васъ. Быть вашимъ другомъ, вашимъ защитникомъ я могу

только тогда, когда вамъ будетъ нужна моя услуга или защита. Но видѣться съ вами, жить съ вами я не могу.

— Какъ! Ты выгоняешь меня изъ своего дома? — воскликнула Зина.

— Я васъ не выгоняю. Вы сами ушли изъ него и отрѣзали себѣ путь къ возвращенію.

— Да вѣдь это безбожно! Я увлеклась, я ошиблась, теперь я вижу свою ошибку, я прошу за нее прощенія — и ты отталкиваешь меня! Не ты ли самъ говорилъ, что мы не виноваты въ своихъ увлеченіяхъ?

— Поймите, что я васъ отталкиваю не за ошибку, что я не сержусь на васъ. Но въ эти годы тяжелаго испытанія я самъ понялъ, что мы не можемъ жить вмѣстѣ, что наши характеры несходны, что наши убѣжденія враждебны, что мы рано или поздно должны были разойтись.

— О, ты не знаешь, какъ я перемѣнилась, какъ я выстрадала покорность! — воскликнула она съ болѣзненнымъ чувствомъ. — И неужели ты, всегда понимавшій людей, не замѣтилъ сразу, что передъ тобой стоитъ не прежняя надменная Зина? Да, я буду рабой твоей воли, рабой твоихъ желаній!

Я покачалъ головой. Я видѣлъ, что эта женщина не понимаетъ меня и теперь, какъ не понимала прежде. Она не сознавала, что мнѣ равно нестерпимы и властолюбіе прежней Зины, и рабская покорность теперешней падшей женщины.

— Не станемте говорить объ этомъ! — сказалъ я. — Можетъ-быть, вы измѣнились, я вамъ вѣрю. Но... но...

Мнѣ было тяжело высказать правду, но я рѣшился.

— Я васъ больше не люблю,—проговорилъ я.

— А! Такъ, значитъ, это правда? Значитъ, ты любишь ее! Ты любилъ ее и прежде,—поднялась она гнѣвная и гордая, во весь ростъ передо мною, напомнивъ мнѣ былые годы.

Эта женщина не могла представить себѣ, что можно разлюбить одного человѣка и не полюбить въ то же время другого.

— Я не обязанъ давать вамъ отчета въ своихъ чувствахъ,—проговорилъ я.—Было время, когда и вы, и я были обязаны сообщать тайные помыслы и желанія другъ другу,— теперь эта пора миновала.

— Такъ ты изгоняешь меня ради развратницы!

— Удержитесь! — воскликнулъ я, тоже поднимаясь съ мѣста.

— Боже мой, до чего я дожила! меня гонятъ изъ-за публичной женщины!

— Удержитесь! — повторилъ я, едва владѣя собою. — Вспомните, что этимъ именемъ клеймили люди и васъ... Ни вы, ни я не имѣемъ права называть развратомъ искреннюю, хотя и незаконную любовь...

— Нѣтъ, нѣтъ, я имѣю право! Да, да, это развратъ, это гнусный развратъ!—заговорила она, дрожа отъ гнѣва, и закашляла удушливымъ кашлемъ.—Я краснѣю за свое прошлое, я своимъ позоромъ, своимъ паденіемъ купила право называть настоящимъ именемъ эти связи. Вы, мужчины, несмотря на свое поведеніе, считаете себя чистыми и святыми, и потому такъ мягко, такъ безразлично относитесь къ пороку. Съ высоты своего величія вы милостиво снимете съ насъ это клеймо разврата. Но мы-то имѣемъ право называть вещи ихъ именами. Знаете ли вы, что вы дѣлаете своими всепрощеніями? Вы насъ же губите. Если бы ты не такъ снисходительно относился къ женскимъ увлеченіямъ, если бы ты заставилъ меня насильно жить съ тобою, если бы ты употребилъ свое законное право, тогда ты избавилъ бы меня отъ страданій обманутой любви, отъ общественнаго позора, отъ тѣхъ мукъ, которыя я переношу теперь...

Мнѣ была жалка эта женщина, требовавшая насилія мужчины. Я чувствовалъ себя глубоко виноватымъ передъ нею, такъ какъ я и прежде долженъ былъ знать, что она принадлежитъ къ числу тѣхъ, которымъ нуженъ въ мужѣ повелитель, деспотъ или рабъ. Мнѣ надо было въ пору и во время выгнать изъ своего воображенія свѣтлыя картины будущаго счастья и посмотрѣть холодно и трезво, можетъ ли быть не только счастливо, но, просто, сносно это будущее. Раскаиваться, однако, было поздно: передо мной стояла женщина, сдѣлавшая ошибку вслѣдствіе моей опрометчивости, и я долженъ былъ ее наказать, чтобы спасти себя и другихъ. Я терялся окончательно.

— Но, что бы ни было, какъ бы ты ни смотрѣлъ на меня,— продолжала она: —а я не оставлю въ рукахъ этой развратницы своего сына.

Я поблѣднѣлъ, я чувствовалъ это. Мое дыханіе прерывалось.

— Но я оставлю въ ея рукахъ своего ребенка, — задыхаясь, произнесъ я. — Если бы эта женщина была даже развратна, то я все-таки скорѣй бы оставилъ свое дитя ей, чѣмъ вамъ, уже просто потому, что вы высказываете та-

кія мнѣнія, которыя я не хотѣлъ бы прививать къ своему сыну.

— А, такъ ты рѣшился на это! Но вѣдь я мать, и имѣю право взять своего ребенка! И я возьму его!—угрожала она.

— Несчастная женщина, вы сами не знаете, что вы говорите,—съ невольнымъ состраданіемъ замѣтилъ я.

— Возьму, возьму! Я нынче же начну хлопотать. Ты увидишь, что у меня нельзя отнять этого послѣдняго утѣшенія въ жизни.

Она хотѣла идти. Я удержалъ ее.

— Не вызывайте меня на борьбу,—сказалъ я ей.— Вы ошибаетесь насчетъ своихъ правъ. Какъ мать, вы можете взять сына. Но... о, если бы вы знали, если бы могли понять, какъ тяжело мнѣ это объясненіе!—невольно воскликнулъ я.—Помните, что если вы рѣшитесь требовать къ себѣ сына, то я рѣшусь заявить, что вы развратная женщина.

Она опять выпрямилась во весь ростъ, ея глаза блеснули гнѣвомъ.

— Да, я была развратной женщиной, но вы и теперь развратный отецъ, — отвѣтила она. — Я это тоже заявлю, заявлю публично,— съ угрозой говорила она.—Мнѣ нечего бояться стыда и позора. Я уже перенесла ихъ довольно, купивъ этимъ только несчастіе. Но теперь я перенесу и стыдъ, и позоръ ради счастія всей моей остальной жизни, ради спасенія своего сына. Я не умѣла быть женою и матерью. Теперь я хотѣла сдѣлаться и тѣмъ, и другимъ, ты отталкиваешь меня, какъ жену, но ты не заставишь меня отказаться отъ роли матери. Да, чѣмъ бо́льшимъ позоромъ куплю я свои права, тѣмъ дороже будутъ они для меня.

Она опять удушливо закашляла и вышла изъ кабинета. Я стоялъ у стола, склонивъ на грудь голову. Я не оправдывалъ себя и не винилъ ея, но я чувствовалъ необходимость отстоять во что бы то ни стало и сына, и себя. Я еще не успѣлъ ничего сообразить, когда меня позвали къ чаю. За столомъ сидѣли Марья Васильевна, Натали и Володя. Натали, блѣдная и молчаливая, смотрѣла въ чашку, не поднимая глазъ. Марья Васильевна, изъ-за самовара искоса поглядывала на нее и мелькомъ взглядывая на меня, когда я вошелъ; она, видимо, старалась понять, что случилось. Володя болталъ чисто по-дѣтски о странной посѣтительницѣ.

— Папа, какая эта дама странная!—заговорилъ онъ, завидѣвъ меня. — Она взяла меня вдругъ на руки, какъ ма-

ленькаго, и стала цѣловать меня, мои руки. Это совсѣмъ не хорошо. Я не люблю, когда у меня цѣлуютъ руки. И какъ странно...

— Эта дама очень несчастна,—проговорилъ я, перебивая его.

— Она вѣрно бѣдная?—сообразилъ онъ.

Я не отвѣчалъ.

— Ты ей далъ денегъ?—допрашивалъ онъ.

Дитя, онъ не зналъ, какой пыткѣ подвергаетъ онъ меня и Натали.

— Я ей не могъ помочь,—отвѣтилъ я.—Ей нужны не деньги. Бываютъ и богатые люди, которые несчастны.

Володя задумался.

— А ты, папа, помоги ей!—сказалъ онъ черезъ минуту.

Я наклонилъ голову и молча пилъ чай.

— Я думаю, папа, всѣмъ помочь можно,—разсуждалъ онъ.—Я, когда буду большой, всѣмъ помогу.

Я не разувѣрялъ его. Я не смотрѣлъ ни на него, ни на остальныхъ собесѣдниковъ. Я чувствовалъ, что и Натали не смотритъ ни на кого, и что только Марья Васильевна глядитъ на насъ все болѣе и болѣе тревожными, почти испуганными глазами. Бѣдная старушка, она, можетъ-быть, начинала угадывать истину и страдала за насъ.

Наконецъ, Володю увели спать. Обыкновенно его укладывала Натали, но на этотъ разъ Марья Васильевна торопливо встала изъ-за стола и обратилась къ племянницѣ:

— Натали, ты налей Владимиру Михайловичу второй стаканъ, а Володюшку я уложу,—сказала она.—Мнѣ тамъ надо прибрать въ его комнаткѣ.

Она вышла. Я сразу понялъ, что Марья Васильевна угадала все и нарочно оставляетъ насъ однихъ. Я наскоро передалъ Натали весь мой разговоръ съ женою.

— Что же ты думаешь дѣлать?—спросила она.

— Бороться. Я не могу отдать ей Володю. Она окончательно испортитъ и погубитъ его.

— Но она по закону можетъ его взять.

— Я прибѣгну къ послѣднему средству. Объявлю, что это за женщина. Подобной матери не отдадутъ ребенка.

— Но развѣ ты лучше ея въ глазахъ общества?

Натали, не дожидаясь моего отвѣта, встала и вышла изъ комнаты. Она была какъ-то холодно сосредоточена, какъ-то удивительно спокойна, точно она во что-то вдумывалась и забыла обо всемъ окружающемъ. Я прошелъ въ комнату

Володи, мнѣ хотѣлось въ этотъ вечеръ еще разъ поцѣловать его. Входя въ его комнатку, я невольно остановился на порогѣ: въ переднемъ углу, передъ образомъ, лежала, не шевелясь, прильнувъ лбомъ къ полу, Марья Васильевна; въ комнатѣ были спущены шторы и царила тьма, и только надъ старушкой разливался кроткій свѣтъ лампады. Сначала мнѣ показалось, что съ нею сдѣлалось дурно, но черезъ минуту я увидѣлъ, что ея голова тихо поднимается съ пола. — Я поспѣшилъ выйти, я боялся показаться ей на глаза и смутить то спокойствіе, которое, вѣроятно, она купила молитвой хотя на эту ночь.

Но чѣмъ я могъ купить спокойствіе и отдыхъ?.. Какъ дорого далъ бы я за часъ сна въ эту ночь! Какъ медленно шла она! Какъ сердилъ меня этотъ обманчивый весенній свѣтъ! Мнѣ казалось, что уже наступилъ день, а часовая стрѣлка показывала еще только четвертый часъ утра. И какія черныя думы тревожили меня въ эти часы безсонницы и одиночества. То я проклиналъ свое молодое увлеченіе, создавшее когда-то изъ Зины идеалъ. То я проклиналъ Зину за то, что она надѣла маску и скрыла свою настоящую физіономію при первой встрѣчѣ со мною. Теперь мнѣ становилось ясно, что это была мелочно самолюбивая, стремящаяся къ господству и внѣшнему блеску натура, а тогда она мнѣ казалась чѣмъ-то въ родѣ Прометея, прикованнаго къ дикой скалѣ. Всѣми силами старался я придумать, какъ бы разъяснить Зинѣ необходимость полнаго прекращенія всѣхъ ея отношеній ко мнѣ и къ сыну. Въ то же время въ моей головѣ мелькала мысль, что эта несчастная мать, подъ вліяніемъ раскаянія, можетъ-быть, вдвое больше, чѣмъ я, полюбила своего сына, что на немъ сосредоточилась вся ея жизнь, и что я, отнимая у нея его, отнимаю у нея жизнь. Но неужели отдать ей Володю, отдать для того, чтобы она привила къ нему свои понятія, свои ошибки, свои пороки? Не согласится ли она только вмѣстѣ съ нимъ при мнѣ, не согласится ли она не вмѣшиваться въ его воспитаніе, въ его развитіе? Нѣтъ, это невозможно: она хочетъ взять его вполнѣ, она хочетъ, чтобы отъ него отстранили Натали. И какое право имѣетъ эта женщина на моего сына, какое право имѣетъ она вмѣшиваться въ мои отношенія къ Натали? Она бросила моего сына, бросила меня, она пировала, веселилась, наслаждалась жизнью, была любима, когда мы страдали, когда мы не находили любви, — наконецъ, мы нашли сердце, которое откликнулось на нашъ

жавъ, которое принесло намъ себя на жертву, и вотъ эта женщина, принесшая намъ только горе, врывается въ нашъ домъ, требуетъ себѣ мѣста, требуетъ, чтобы мы ее любили, требуетъ, чтобы мы выталкали то существо, которое было нашимъ ангеломъ-утѣшителемъ въ тяжелые годы испытанія. Нѣтъ, никогда, никогда не принесу я въ жертву ей Натали.

Не спавъ всю ночь, я, усталый и нравственно измученный, вышелъ по утру къ чаю. Натали не было въ столовой. Мнѣ хотѣлось ее увидать, и я пошелъ въ ея комнату. Я постучалъ къ ней въ двери.

— Войди,—отвѣтила она, и я услыхалъ быстрое шуршанье бумаги.

Когда я отворилъ дверь, Натали стояла у комода, прислонившись къ нему спиной. Въ ея рукѣ была пачка писемъ, которыя она тщетно старалась засунуть въ карманъ. Это были мои письма, писанныя къ ней.

— Что ты дѣлала?—спросилъ я, замѣчая безпорядокъ въ комнатѣ.

— Я уѣзжаю,—отвѣтила она, стараясь говорить твердо.

— Куда?

— Куда-нибудь... Я еще не знаю... Но я не могу, не хочу стоять на вашей дорогѣ.

Я окончательно растерялся.

— Неужели ты думаешь, что я пожертвую ей тобою и Володей,—пробормоталъ я.

— Ничего я не думаю,—отвѣтила она.—Но ты долженъ сойтись съ ней, чтобы удержать при себѣ Володю. Она имѣетъ право или требовать къ себѣ его, или просить тебя жить съ нею. Она имѣетъ право указать на меня, какъ на развратную женщину, съ которой ты живешь, и которой она не можетъ довѣрить ребенка. Я должна была помнить, что у тебя есть жена, что она можетъ вернуться. Я расплачиваюсь теперь за свою ошибку.

— Ты раскаиваешься за свой поступокъ?—спросилъ я, не сознавая, что говорю.

— О, для чего говоришь ты то, во что самъ не вѣришь,—упрекнула меня Натали.—Я не раскаиваюсь. Я просто покоряюсь необходимости. Передо мной двѣ дороги: или погубить Володю, или вынести испытаніе на себѣ. Выборъ простъ. Я беру все на себя.

— Подожди, ради Бога, подожди!—воскликнулъ я.—Я еще увижусь съ ней, я уговорю ее...

— Если въ ней пробудились чувства матери, то ты ни-

чего не сдѣлаешь, — съ полнымъ убѣжденіемъ произнесла Натали. — И зачѣмъ добивать ее, несчастную и безъ того? Я молода, я здорова, я перенесу тяжелое время. А тамъ, когда-нибудь увидимъ, какъ сложатся обстоятельства...

Я снова сталъ просить ее подождать результатовъ моего новаго свиданія съ женой. Натали согласилась, но замѣтила мнѣ, что я слишкомъ жестко смотрю на Зинаиду, что я и теперь не вѣрю ея раскаянію, что я не хочу понять чувства кающейся матери.

— Я не говорю, что ты долженъ ее полюбить снова, что ты долженъ сдѣлаться ея мужемъ,—окончила она.—Но ты обязанъ дать ей возможность стать честной матерью.

— Какъ? отдать ей Володю?—горячо возразилъ я.

— Нѣтъ, этого-то и не нужно дѣлать. Если бы нужно было отдать ей Володю, то я могла бы остаться здѣсь. Но ты долженъ открыть ей двери своего дома, позволить ей быть подлѣ ея сына и слѣдить, чтобы она не испортила его, не привила къ нему своихъ убѣжденій.

— Ужъ не считаешь ли ты меня виновнымъ?

— Да, ты виноватъ такъ же, какъ она, какъ я, какъ мы всѣ, отдающіеся своимъ чувствамъ и забывающіе, что выше насъ есть законы, не признающіе этихъ чувствъ...

Потрясенный пріѣздомъ жены, еще болѣе потрясенный объясненіемъ съ Натали, я теперь былъ, какъ безумный. Мнѣ опять хотѣлось куда-нибудь бѣжать, бросить все, захватить съ собою только свою семью. Я готовъ былъ отречься отъ всей своей дѣятельности, отъ всѣхъ своихъ плановъ, только бы избѣжать предстоящей катастрофы. Но куда бѣжать, куда скрыться? Надо было дѣйствовать, надо было собрать всѣ силы и уладить дѣло. Я горѣлъ нетерпѣніемъ, мнѣ хотѣлось скорѣе, скорѣе пережить эти дни и дождаться развязки. Я почти выбѣжалъ изъ дому и направился къ гостиницѣ, гдѣ остановилась моя жена. Съ лихорадочнымъ чувствомъ нетерпѣнія подходилъ я къ этому дому и спросилъ у швейцара, гдѣ остановилась Зинаида Анатоліевна Теплицына. Швейцаръ подумалъ и указалъ мнѣ на номеръ какъ-то небрежно. Я пошелъ по его указанію. Номеръ былъ въ четвертомъ этажѣ, окнами на дворъ. Подойдя къ номеру, я нашелъ его замкнутымъ. Лакей, бывшій въ коридорѣ, сказалъ мнѣ, что барыня ушла рано утромъ.

— Не знаешь ли, куда она поѣхала?—спросилъ я.

— Она пѣшкомъ пошла,—отвѣтилъ лакей.

Я вышелъ, не зная, куда идти. Домой мнѣ не хотѣлось

возвращаться. Горе давило мою грудь. Мнѣ нужно было проѣздиться. Я пошелъ бродить по городу. Я шелъ около часу: куда, зачѣмъ?—я не понималъ и самъ. Когда я опомнился, я увидалъ, что я зашелъ въ Екатерингофъ. Въ саду бѣгали дѣти, всѣдо наслаждаясь весной. Мнѣ вдругъ вспомнился Володя, вспомнивъ, что я обязанъ подумать о его счастіи. Я бросился вонъ изъ сада, нанялъ извозчика и снова пріѣхалъ въ гостиницу. Моей жены еще не было дома.

— Впустите меня въ какой-нибудь свободный номеръ и скажите, когда пріѣдетъ барыня,—сказалъ я.

Мнѣ открыли дверь въ комнату, смежную съ комнатой моей жены. Я вошелъ туда и сталъ ходить изъ угла въ уголъ. Прошло съ часъ времени. Я выбѣгалъ изъ комнаты при каждомъ звукѣ шаговъ въ коридорѣ. Жена все не возвращалась. Ея все не было. Я позвалъ лакея.

— Барыня вѣрно не будетъ къ обѣду?—спросилъ я.

— Она велѣла подать обѣдъ въ четыре часа.

Я походилъ по комнатѣ и рѣшился идти домой, чтобы успокоить своихъ. Заплативъ за номеръ, я вышелъ на улицу и поѣхалъ домой. Каждая встрѣчная женщина обращала на себя мое вниманіе. Нѣкоторыя женщины казались мнѣ очень похожими на мою жену, и я готовъ былъ остановиться, соскочить съ дрожекъ и подойти къ нимъ. Пріѣхавъ домой, я лаконически объявилъ, что не застала жену въ гостинницѣ, и прошелъ въ кабинетъ. Какъ мучительно шло время! Я ходилъ, ходилъ по комнатѣ, прислушиваясь, не подъѣдетъ ли кто-нибудь, не зазвенитъ ли колокольчикъ, но все было тихо. Часовъ въ десять я снова одѣлся и пошелъ въ гостинницу. Чѣмъ ближе подходилъ я къ гостинницѣ, тѣмъ сильнѣе возрасталъ во мнѣ какой-то страхъ.

— Ну, что?—спросилъ я у лакея.

— Не приходила-съ.

— Ты это навѣрное знаешь?

— Какъ же не знать—ключи у меня.

Я постоялъ молча въ коридорѣ и вышелъ. Черезъ минуту я вернулся снова.

— Вотъ мой адресъ. Если барыня пріѣдетъ, то дай мнѣ знать тотчасъ же.—Я далъ лакею рубль.

— Если даже ночью пріѣдетъ, дайте знать.

Лакей обѣщалъ. Я снова пошелъ домой. Я не могъ идти прямо, я сдѣлалъ крюкъ. Дома я ходилъ изъ угла въ уголъ. Было одиннадцать, двѣнадцать часовъ, а я все ходилъ, под-

жидая звонка. Но никто не шелъ ко мнѣ. На дворѣ успѣло разсвѣсти, когда я, утомленный, бросился въ кресло и уснулъ. Рано утромъ я пошелъ, или, лучше сказать, побѣжалъ въ гостиницу. Моя жена не возвращалась, и въ гостиницѣ уже стали безпокоиться объ ея отсутствіи. Я успокоилъ ихъ, сказавъ, что я ее привезу. Когда я вышелъ изъ гостиницы, я не зналъ въ сущности, гдѣ я отыщу свою жену, и что мнѣ дѣлать. Походивъ по улицѣ, я рѣшился идти къ ея роднымъ. Первый, кто пришелъ мнѣ на память, былъ ея дядя, графъ Сухотинъ. Я отправился къ нему. Тамъ еще всѣ спали въ своихъ богатыхъ палатахъ. Я вызвалъ швейцара. Онъ не сразу узналъ меня и удивился моему приходу. Я такъ давно не появлялся въ этомъ домѣ.

— Не была ли здѣсь Зинаида Анатоліевна?—спросилъ я.

— Были-съ вчера.

— Долго ли она пробыла здѣсь?

— Нѣтъ, недолго,—нагло усмѣхнулся онъ.

— Не знаешь ли, не обѣщалась ли она быть еще?

— Не знаю-съ. Баринъ, когда онѣ ушли, велѣлъ не принимать ихъ больше.

Я нахмурился.

— Ты не знаешь, куда онѣ отсюда поѣхали?

— Онѣ пѣшкомъ пошли.

Я вышелъ вонъ и пошелъ къ ея брату. Онъ только-что всталъ.

— А! здравствуйте! Сколько лѣтъ не видались!—промолвилъ онъ, смотря на меня удивленными глазами.

— Видѣли ли вы вашу сестру?

— Видѣлъ! Скажите, пожалуйста, я никакъ не думалъ, что у этой женщины хватитъ смѣлости пріѣхать сюда въ столицу? Вы, кажется, не приняли ее...

— Да, но не въ томъ дѣло, что вы-то сказали ей?

— Кажется, понятно, что я могъ сказать ей? Я сказалъ, что она замарала наше имя, что я не намѣренъ принимать ее, если ее даже мужъ оттолкнулъ. Мнѣ тѣмъ болѣе нельзя ее принимать, что у меня у самого молодая жена.

— Итакъ, вы выгнали свою сестру?

— Какъ вы выгнали свою жену: эти развратницы просто срамятъ честныя имена. Вообразите, она еще хотѣла, чтобы я вступился за нее и хлопоталъ о разводѣ. Мало показалось скандала!

Я поникъ головой, я понималъ, что братъ имѣлъ право бранить ее, если я считалъ невозможнымъ принять ее.

— Когда она хотѣла идти отъ васъ?

— Право, не знаю,— небрежно отвѣтилъ онъ.— Она разыграла роль отчаянія и сказала, что ей, видно, одинъ путь — въ воду... Къ несчастью, эти люди и въ водѣ не тонутъ!

Я поблѣднѣлъ.

— Боже мой, какъ вы черствы! Ее надо спасти, ее надо отыскать. Вспомните, что эта женщина была намъ когда-то близка,— воскликнулъ я, забывая, съ какой ничтожной и валутой своимъ мнимымъ достоинствомъ личностью я говорю.

— Когда-то, но не теперь! Впрочемъ, вы мужъ, и это ваше дѣло,— сухо замѣтилъ князь Аполлонъ, поднимаясь съ мѣста.

Я ушелъ, какъ сумасшедшій. Я бѣжалъ по улицѣ, не зная, куда я бѣгу. «Одинъ путь — въ воду!» — звенѣло въ моихъ ушахъ. Я любилъ когда-то эту женщину; эта женщина мать моего ребенка. Я оттолкнулъ ее, и слѣдомъ за мною оттолкнули ее всѣ. Этого нужно было ожидать. Это въ порядкѣ вещей. Это не случайность. Я былъ правъ, не правы были только они, развратившіе ее. Но вѣдь тутъ дѣло не въ правотѣ, а въ гибели женщины, въ гибели матери моего ребенка. Что ей оставалось дѣлать? Ее оттолкнули всѣ, она ходила пѣшкомъ, значитъ, у нея не было даже денегъ. «Одинъ путь — въ воду» — снова звучало у меня въ ушахъ. Я зачѣмъ-то зашелъ опять въ гостиницу, просидѣлъ почти до вечера, подкидая жену, и потомъ снова выбѣжалъ на улицу. Я бѣжалъ мимо полицейскаго управленія. «Отыскать, отыскать ее хоть на днѣ моря!» — мелькало въ моей головѣ. Я вошелъ въ полицію.

— Не привозили ли вчера сюда какой-нибудь женщины?

— А что съ ней сдѣлалось? Пьяная?— спросилъ меня помощникъ надзирателя.

Я вспыхнулъ. Мнѣ казалось, что оскорбляютъ мать моего сына.

— Не пьяную, а можетъ-быть, разбитую лошадьми, упавшую въ обморокъ. Это не простая женщина, а богатая дама...

— Не знаю, въ пріемномъ покоѣ какая-то лежитъ съ вечера. Пройдите туда.

Я вошелъ. Темная, съ наломанными ступенями лѣстница вела въ такіе же темные и сырые коридоры, за ними начинался пріемный покой — нѣсколько комнатъ съ протухлой атмосферой. Я вошелъ. Прихожая была грязна и про-

питана запахомъ кислой капусты, ржаного хлѣба и махорки, съ примѣсью запаха солдатскихъ шинелей и сапогъ. Сквозь незапертую боковую дверь я увидалъ комнату сторожа, гдѣ было грязно. Тамъ стояла кровать, прикрытая разодраннымъ овчиннымъ полушубкомъ. Комната едва освѣщалась лампадой. Въ углу передъ образами стоялъ босикомъ солдатъ лѣтъ сорока, въ ситцевой розовой рубашкѣ и въ синихъ нижнихъ панталонахъ на ватѣ. На его груди былъ ваточный, сшитый изъ трехугольныхъ, какъ у арлекина, ситцевыхъ лоскутьевъ нагрудникъ. Я позвалъ его. Онъ продолжалъ молиться вслухъ и, кажется, не слыхалъ моихъ словъ. Я подождалъ. Окончивъ молитву, онъ обернулся.

— Какого чорта тамъ принесло?—спросилъ онъ и взглянулъ на меня.

Увидавъ въ полутьмѣ, что передъ нимъ стоитъ баринъ, онъ менѣе грубо спросилъ меня:

— Что вамъ надо?

Я объяснилъ. Изъ-подъ полушубка послышался голосъ женщины.

— Ну, проведи ихъ, пусть разсмотрятъ.

— Ишь, улеглась дрыхнуть, такъ и дрыхни,—пробормоталъ онъ женщинѣ, и засвѣтилъ сальный огарокъ. — Пойдемте!

Мы пошли. Двѣ комнаты пріемнаго покоя, гдѣ лежали привезенные больные, были не чище солдатской каморки. На жесткихъ кроватяхъ, освѣщенныхъ тусклымъ свѣтомъ почниковъ, лежало трое больныхъ — это были женщины. Одна, беременная, была поднята въ безчувственномъ состояніи, другая была придавлена лошадьми. Третья,—когда я подходилъ къ ней, солдатъ сказалъ мнѣ:

— Это дѣвка, ее и смотрѣть нечего. Пьяна была.

Но я не удержался отъ скорбнаго невольнаго любопытства и взглянулъ на нее, какъ мы иногда безсознательно заглядываемъ въ лицо покойника. Это было юное существо, лѣтъ шестнадцати, рѣдкой красоты. Ея пепельнаго цвѣта волосы, завитые въ локоны еще наканунѣ, разсыпались по жесткой, грязной подушкѣ. На ея щекахъ игралъ молодой, лихорадочный румянецъ, темныя брови дугою придавали лицу еще болѣе близны. Она лежала въ роскошномъ, но разорванномъ нарядѣ, на этомъ грубомъ ложѣ. Грудь была почти обнажена, это была еще пышная и дѣвственная грудь.

— Отчего она положена въ платьѣ? — невольно спросилъ я.

— Недавно подобрали ее и стащить не могли одежи.

— Ее видѣлъ докторъ?

— Чего ему ее смотрѣть! Пьяная — проспится. Она узъ годъ, какъ съ желтымъ билетомъ ходитъ.

— Да ей не больше шестнадцати лѣтъ!

Солдатъ смотрѣлъ на меня съ удивленіемъ, какъ на несмышленаго мальчика.

— Нѣкто желтые билеты за выслугу даются! — усмѣхнулся онъ.

Я молча стоялъ, не сводя глазъ съ прекраснаго созданья, которое было бы способно затмить красотой, а, можетъ-быть, и умомъ, десятки нашихъ барынь.

— Ну, что же вы стали! Больше нѣтъ больныхъ.

Я очнулся и, сунувъ солдату денегъ, вышелъ вонъ, пробираясь ощупью по лѣстницѣ. Я шелъ дальше, шелъ быстро, отыскивая слѣдующую часть. Новый осмотръ и новая неудача вывели меня опять на улицу, опять заставили идти въ третью часть, ближайшую отъ гостиницы. Здѣсь я снова осмотрѣлъ больныхъ и уже хотѣлъ выйти, когда меня остановилъ кто-то.

— Да какъ эта дама была одѣта?

Я разсказалъ.

— Гмъ, — промычалъ спросившій меня писецъ. — Высокая она ростомъ?

— Да.

— Такъ-съ! А волосы какіе?

— Черные.

Онъ подумалъ.

— Вчера одну такую привезли, лошадьми зашибли ее, свезли въ больницу.

— Куда?

Онъ назвалъ больницу.

Я сунулъ ему въ руку рубль и опрометью бросился вонъ. Я летѣлъ въ больницу. Я кинулся къ дежурному доктору съ разспросами.

— Что это вы ночью людей безпокоите? — хмуро замѣтилъ онъ съ просонья.

— Мнѣ надо ее видѣть!

— Ну, и увидите завтра...

— Теперь, теперь...

— Такъ васъ и пустятъ ночью!..

— Поймите вы, что это моя жена.

— Мало ли у кого жены здѣсь лежатъ, нельзя же всѣхъ ночью пускать...

— Но ее лошади разбили.

— Мало ли кого разбиваютъ!

— Она можетъ умереть.

— Не умретъ-съ до утра. Вы, я думаю, тоже желаете отдохнуть ночью и потому должны понять, что докторъ тоже желаетъ спать, потому я васъ попрошу оставить меня въ покоѣ.

— Кто у васъ главный докторъ?

— Извольте выйти вонъ. Главный докторъ ничего не сдѣлаетъ.

У насъ завязался крупный разговоръ, кончившійся тѣмъ, что я долженъ былъ покориться участи и ждать до утра. Всю ночь проходилъ я въ своемъ кабинетѣ. Рано утромъ ко мнѣ постучалась Натали.

— Что?—спросила она.

На ней лица не было.

— Она въ больницѣ, разбита лошадьми...

— Что же ты не тамъ? Чего же ты медлишь? Надо ѣхать, привезти ее,—заговорила она быстро.—Боже мой, какое несчастье! Торопись же!

Я пожалъ ей руку.

— Если будетъ можно...—началъ я.

— Ее надо будетъ привезти сюда. За ней нуженъ нѣжный уходъ. Располагай мной и теткой,—говорила Натали.

Я вышелъ изъ дому и пошелъ въ больницу. Моя жена лежала безъ памяти. Она еще болѣе осунулась. Я спросилъ, гдѣ живетъ главный докторъ. Мнѣ указали на его квартиру. Я попросилъ его, нельзя ли у нихъ найти свободный покой для больной. Онъ посмотрѣлъ на меня вопросительно.

— Вы ей родня?

— Я ея мужъ.

— Какъ же можно отпускать безъ провожатыхъ такую слабую женщину? У нея чахотка, она, должно-быть, едва ходила, а вы ее безъ прислуги отпустили!

Я закусилъ губы.

— Она ушла безъ меня,—пробормоталъ я.—Люди не досмотрѣли... Но, ради Бога, комнату дайте отдѣльную, даже двѣ, если возможно...

— Хорошо, вы знаете, что это будетъ стоить?

— Докторъ, я не стану торговаться... Я попрошу васъ лѣчить ее, какъ бы вы лѣчили ее въ моемъ домѣ...

— Кто ее лѣчилъ до сихъ поръ?

— Она третьяго дня пріѣхала изъ-за границы.

— Уходили же тамъ ее!

Мы отправились осмотрѣть комнату, начались хлопоты о перенесеніи моей жены въ отдѣльное помѣщеніе. Я суетился, съѣздилъ въ гостиницу, снова въ больницу, наконецъ, домой.

— Папа, что съ этой дамой? — спросилъ меня Володя.

Я взглянулъ на Натали вопросительно.

— Я ему сказала, что дама, бывшая у насъ, захворала, промолвила Натали.

— Ты свези меня къ ней; Натали сказала, что она намъ родственница,—проговорилъ Володя.

— Да, Володя, свезу!

На слѣдующій день я поѣхалъ къ женѣ. Съ этого дня я, Натали, Марья Васильевна, Володя почти не покидали нашу больную. Она лежала въ безпамятствѣ. Докторъ не ручался ни за что.

Была одна минута, когда Зинаида какъ будто пришла въ память и прошептала:

— Сынъ мой!

Володя поцѣловалъ ее. Она какъ будто почувствовала эту ласку и улыбнулась. Я не говорилъ Володѣ, что это его мать. Я не могъ объяснить ребенку, что развело меня съ его матерью, но я просилъ мальчика быть ласковымъ съ больною, если она очнется... Но ей не суждено было очнуться и обнять своего сына...

— Умерла!—промолвилъ я, входя въ свою квартиру черезъ нѣсколько дней.

Умерла! Черезъ трупъ человѣка приходилось идти къ полному счастью! Приходилось идти совершенно неожиданно, не вслѣдствіе разумнаго умѣнья устроить свои дѣла и дѣла своихъ ближнихъ, а вслѣдствіе безсмысленной случайности. Меня давила и принижала та мысль, что мы совершенно безсильны въ борьбѣ съ подобными случайностями... Ночью я перечитывалъ дневникъ и письма этой женщины. Какъ она была несчастна! Она ненавидѣла меня за то, что я жилъ лучшею жизнью, чѣмъ она; за то, что я смотрѣлъ на ея поступки съ снисхожденіемъ, какъ на проступки испорченнаго и больного существа; за то, что я готовъ былъ простить ея ошибки, когда она сознавала свою вину, но

не просила прощенья. Она проклинала Леева за то, что онъ понравился ей и отказался раздѣлить предложенную ему любовь; за то, что онъ зналъ о ея любви и ея неудачѣ. Она презирала Самарина за то, что онъ обманулъ и бросилъ ее. Она клялась, что она не возвратится къ тому кружку, гдѣ прежде она играла роль царицы и гдѣ теперь могутъ указывать на нее, какъ на падшую женщину. Она бросилась въ объятія Самарина безъ любви, только для того, чтобы забыть все прошлое, опьянѣть въ вихрѣ жизни, и разорилась окончательно. Какія страшныя минуты нужды пережила она, прежде чѣмъ рѣшилась придти ко мнѣ. Какое горькое раскаяніе, какая гнетущая тоска, какія тяжелыя воспоминанія о брошенномъ сынѣ разрывали ея сердце въ эти минуты, когда она рѣшилась просить у меня угла! Въ безпомощной скорби я плакалъ надъ этимъ дневникомъ загубленной всѣми родными и близкими, а въ томъ числѣ и мною, несчастной женщины. Когда я вышелъ изъ своего кабинета по утру, меня было трудно узнать. Казалось, я пережилъ въ эту ночь десятки тяжелыхъ, тяжелыхъ лѣтъ. Такіе удары переносятся не легко и не забываются никогда...

На время я оставилъ всѣхъ своихъ близкихъ въ Петербургѣ и уѣхалъ въ деревню; мнѣ хотѣлось пробыть первое время послѣ смерти жены одному. Въ виду этой свѣжей могилы, мнѣ было какъ будто совѣстно быть счастливымъ.

Здѣсь кончаются отрывки изъ исторіи моей жизни и жизни окружающихъ меня людей, далѣе начиналась жизнь иныхъ людей, иной эпохи. Если бы я вздумалъ описывать послѣдующія событія, то моя личность явилась бы въ этомъ описаніи на второмъ планѣ. Крестьянская реформа и воспитаніе моего сына поглощали всѣ мои силы, и я превратился изъ человѣка, безплодно ищущаго исхода и въ сущности ничего не дѣлающаго, въ простого, дюжиннаго работника, приносящаго и свою долю пользы среди общей дѣятельности и общаго оживленія. Кто дожилъ, подобно мнѣ, послѣ тяжелыхъ, мучительныхъ лѣтъ бездѣйствія до той оживленной и кипучей поры, которая настала тогда для русскаго общества, тотъ знаетъ, какъ радостно, съ какими надеждами мы смотрѣли впередъ. Мы видѣли не недостатокъ въ дѣлѣ, но недостатокъ въ рукахъ, намъ хотѣлось, чтобы въ суткахъ было не двадцать четыре, а сорокъ восемь часовъ, чтобы у насъ были силы не на одно дѣло, а

на сотни дѣлъ. Я былъ вполнѣ счастливъ и спокойно смотрѣлъ въ будущее. Я зналъ, что впереди могутъ быть и несчастія, и невзгоды, и неудачи, но также зналъ я и то, что мнѣ не придется идти «въ разбродъ» съ близкими мнѣ людьми, что мы теперь пойдемъ «имѣстѣ». Я чувствовалъ, что мнѣ не удастся совершить ничего великаго, выходящаго изъ ряду вонъ, но я не гнался никогда, а тѣмъ болѣе теперь, за великими подвигами. Я заботился болѣе всего о томъ, чтобы честно и добросовѣстно исполнить и то небольшое дѣло, которое мнѣ подъ силу. Сознаніе, что прежде намъ нужны честные работники, что именно такихъ-то работниковъ не было у насъ, утвердилось во мнѣ вполнѣ. Да, честные, добросовѣстные работники нужнѣе всего, и дай Богъ, чтобы ты, мой Володя, былъ такимъ работникомъ. Наше измученное поколѣніе не умѣло работать. Наши стремленія были или слишкомъ неясны, или слишкомъ широки, а поле для дѣятельности было слишкомъ узко, а по временамъ его не было и совсѣмъ. Не стыдись, если у тебя не будетъ силъ для широкой дѣятельности и для геніальныхъ трудовъ, не гонись за ними, не имѣя на это силъ, и лучше будь второстепеннымъ, третьестепеннымъ хорошимъ труженникомъ, чѣмъ тою лягушкою, которая хотѣла надуться до толщины вола. Ты знаешь ея судьбу. Правда, найдутся люди, которые станутъ глумиться надъ тобою, станутъ съ пренебреженіемъ относиться къ тебѣ, видя въ тебѣ не генія, но только мелкаго работника и воображая, что они сами геніи. Но ты не смущайся насмѣшками такихъ людей и знай, что они сами не что иное, какъ вороны въ павлиньихъ перьяхъ: хвастаютъ своимъ превосходствомъ только мѣщане въ дворянствѣ, выставляютъ на видъ свои заслуги только выскочки и пройдохи, заставляютъ себя уважать только тѣ, кого по доброй волѣ безъ принужденія не уважаетъ никто. Да, не краснѣй, если эти люди станутъ бросать въ тебя грязью за то, что ты не геній, что не ты выдумалъ порохъ. Геніальностью нельзя гордиться, нельзя и краснѣть, если ея нѣтъ въ насъ. Краснѣть нужно только тогда, когда мы не приносимъ той пользы обществу, для которой у насъ есть силы, — велики или малы наши силы,—за это насъ могутъ упрекать только глупцы и невѣжды. Я говорю: глупцы и невѣжды, а не злые люди, потому что только глупость и невѣжество лишаютъ человѣка возможности понять, что порохъ въ теченіе тысячи лѣтъ удалось изобрѣсти только одному чело-

вѣку изъ всѣхъ милліоновъ жившихъ на землѣ людей, и что никто изъ насъ не заслуживаетъ упрека за то, что не онъ былъ этимъ изобрѣтателемъ. Упрекать можно только того, кто не умѣетъ воспользоваться изобрѣтеніемъ геніевъ, кто тратитъ свой порохъ на потѣшные огни, на фейерверки передъ строемъ наступающихъ враговъ и въ минуту битвы, истративъ всѣ свои заряды на праздную потѣху, лишается возможности не только побѣдить враговъ, не только постоять за друзей, но даже не можетъ спасти себя и видитъ для себя одно спасеніе въ бѣгствѣ съ поля битвы. Но ты молодъ, ты горячъ, ты самолюбивъ, и я считаю необходимымъ предостеречь тебя еще противъ одной важной ошибки. Не считай врагами тѣхъ людей, которые будутъ бросать въ тебя грязью за то, что ты только второстепенный работникъ, что ты не великій архитекторъ, а простой каменщикъ. Эти люди не враги тебѣ; они просто люди, не имѣющіе дѣла или не умѣющіе дѣлать дѣло. Они отъ глупости, отъ невѣжества и отъ праздности, всегда тѣсно связанной съ невѣжествомъ и глупостью, бросаютъ грязью во всѣхъ прохожихъ, какъ бѣдныя дѣти, брошенныя родителями на произволъ судьбы, на уличную гибель. Отбиваться отъ нихъ придется только грязью, то-есть марая свои руки; но это было бы еще не важно, если бы тебѣ пришлось, пачкая свои руки, отстоять свое дѣло. Тутъ же борьба можетъ быть не за отстаиваніе своего дѣла, а только за отстаиваніе своей личности. Именно это-то и должно удержать тебя отъ борьбы съ ними. Человѣкъ долженъ отстаивать только свое дѣло, но не свою личность: если онъ отстоитъ свое дѣло, его личность очистится отъ всѣхъ упрековъ сама собою. Знай, мой сынъ, что врагами можно считать только тѣхъ людей, которые нападаютъ на твое дѣло. Они не станутъ представлять тебя какимъ-нибудь пигмеемъ, напротивъ того, истинные враги скорѣе преувеличатъ твои силы, чтобы имѣть больше права гордиться своею побѣдою при разрушеніи твоего дѣла. Ты скоро узнаешь изъ исторіи, что я говорю правду, ты увидишь, что всѣ бойцы, начиная съ Наполеона, всегда преувеличивали численность, способности и силы своихъ враговъ, чтобы показать, какъ трудно было имъ бороться съ этими врагами. Итакъ, помни всегда, что врагами нужно считать не тѣхъ, кто нападаетъ на твою личность, кто хочетъ унизить тебя лично, но только тѣхъ, кто будетъ разрушать твое дѣло. Если ты пойдешь на борьбу съ первыми, ты, можетъ-быть, успѣешь оправдать

себя, успѣешь смыть съ себя незаслуженные упреки, успѣешь показать, какъ чистъ и честенъ ты самъ, но на эту борьбу потратится много времени, она подниметъ твою желчь, она утомитъ тебя, а между тѣмъ, что будетъ выиграно? Увеличится ли счастье твоихъ ближнихъ, когда ты имъ докажешь, что ты честенъ, что ты свято исполнялъ свой долгъ? Вѣдь честность не увеличится, если на нее возьмется дипломъ: святое исполненіе долга не нуждается въ одобрительныхъ свидѣтельствахъ. И пойдетъ ли успѣшнѣе твое дѣло, если ты потратишь свои силы на отстаиваніе своей личности, будетъ ли доказана его полезность, если будетъ доказана твоя честность? Нѣтъ, другъ мой, такая борьба за свою личность не ведетъ ни къ чему. Разумный эгоизмъ заставляетъ насъ бороться за свое дѣло, и если мы отстоимъ его, то, волею или неволею, намъ покорятся враги, а вслѣдъ за ними смолкнутъ и тѣ праздные люди, которые во время битвы изъ-за угла бросаютъ грязью и въ тебя, и къ твоихъ враговъ, и которые всегда становятся на сторону побѣдителей въ минуту побѣды...

Я дописывалъ эти строки въ своемъ деревенскомъ затишьѣ, когда ко мнѣ вошли дѣдъ, князь Мышкинъ и Андрей Дмитріевичъ.

— Ну? Что ты усѣлся-то здѣсь, чай, надо гостей поджидать, промолвилъ дѣдъ, хлопая меня по плечу.

Я оставилъ перо.

— Въ самомъ дѣлѣ, я думаю, наши скоро пріѣдутъ, — сказалъ я, пожимая руки моихъ друзей. — Пойдемте на террасу.

Мы усѣлись на террасѣ, день былъ великолѣпный, нашъ садъ былъ весь залитъ солнечнымъ блескомъ. Мы всѣ молча сидѣли подъ тѣнью спущенной маркизы и пристально смотрѣли на дорогу. Насъ волновали различныя чувства. Я нетерпѣливо хотѣлъ увидать Наташу, Володю, Гришу и Марью Васильевну. Дѣдъ и князь Мышкинъ болѣе всего желали поскорѣе взглянуть на моего сына. Хомутовъ увѣрялъ меня, что онъ болѣе всего поджидаетъ Марью Васильевну, чтобы посвятить ее во всѣ тайны деревенскаго хозяйства. Наконецъ, мое сердце забилось тревожнѣе. — вдали на большой дорогѣ поднялась пыль и за нею видѣлись несущіеся по направленію къ намъ два экипажа. Я всталъ и началъ ходить въ волненіи по террасѣ. Дѣдъ тоже поднялся съ мѣста, за нимъ вскочилъ и князь.

— Ну, пойдемъ,—промолвилъ онъ въ волненіи.

— Эге, прадѣдъ и дѣдъ хотятъ идти навстрѣчу къ молодому поколѣнію,—засмѣялся Хомутовъ.

Мы пошли. Мы еще не успѣли пройти пяти шаговъ отъ нашего сада, какъ съ нами поровнялся первый экипажъ.

— Стой, стой! — раздались въ воздухѣ наши крики и крики пріѣзжихъ.

Черезъ минуту Володя уже былъ на рукахъ моего дѣда, князь держалъ и цѣловалъ руки своего внука. Я обнималъ Наташу и Гришу. Хомутовъ предложилъ Марьѣ Васильевнѣ, свою руку и шутливо промолвилъ ей, указывая на меня, на дѣда и на князя:

— Эта молодежь даже и приличій не знаетъ, не отрекомендовала насъ другъ другу, но вы, вѣроятно, слышали обо мнѣ.

Марья Васильевна сказала, что я много говорилъ ей хорошаго о Хомутовѣ. Мы еще стояли на большой дорогѣ, позабывъ, что намъ нужно войти въ домъ и разгрузить поклажу, когда кто-то подошелъ ко мнѣ сзади и промолвилъ:

— Володя, теперь обними и меня.

Я обернулся и бросился на шею къ этому незамѣченному никѣмъ человѣку. Это былъ высокій, значительно исхудавшій, но все еще прекрасный молодой человѣкъ, въ военной формѣ съ подвязанною рукою.

— Миша, дорогой мой,—шепталъ я, покрывая поцѣлуями его милое, доброе лицо, напоминавшее мнѣ мою мать, мое горькое прошлое, дорогое мнѣ теперь, какъ бываетъ дорого все пережитое, все напоминающее о нашей побѣдѣ, о нашемъ спасеніи.

Миша еще не освободился отъ моихъ объятій, когда къ нему подошелъ дѣдъ. Онъ просто и радушно обнялъ внука и пристально всматривался въ его лицо; казалось и въ его душѣ пробудились воспоминанія о дочери, о минувшихъ горькихъ дняхъ. Мы пошли къ дому. Князь шелъ съ Володей, дѣдъ опирался на руку Миши, Марья Васильевна шла съ Хомутовымъ, я велъ съ собою Наташу и Гришу. Черезъ часъ мы всѣ сидѣли на террасѣ за большимъ чайнымъ столомъ и весело болтали. У всѣхъ было такое множество новыхъ впечатлѣній, новыхъ событій, новыхъ плановъ, что, казалось, долго, долго будемъ мы послѣ дневныхъ занятій отдыхать въ оживленныхъ бесѣдахъ по вечерамъ. Я чувствовалъ, что тутъ открывается великая, полная смысла, жизненная школа для Володи, среди моихъ воспоминаній о тяжеломъ прошломъ, среди разсказовъ Миши о войнѣ и о

злоупотребленіяхъ, открытыхъ этою войной, среди воспоминаній дѣда о великой эпохѣ и о великихъ людяхъ, видѣнныхъ имъ, среди толковъ и работъ, вызванныхъ совершившейся крестьянской реформой, среди учебныхъ занятій подъ руководствомъ Наташи и Гриши, наконецъ, среди животворной природы и здороваго народа. Я понималъ, что здѣсь не было лишнихъ людей, что остроумный весельчакъ Хомутовъ и добродушная хозяйка Марья Васильевна, розовенькій старичокъ князь, готовый играть съ внукомъ въ лошадки, и серьезный, величавый старикъ, прадѣдъ, изумляющій своею нравственною и физическою силой, однимъ словомъ, всѣ мы были необходимы для полноты нашего счастья и для полноты развитія Володи. Я спокойно смотрѣлъ на будущее и невольно вспомнилъ слова дяди, сказанныя имъ мнѣ, когда мы отдѣлились съ нимъ отъ семьи:

— Теперь, Володя, поплывемъ дальше!

Я сказалъ объ этомъ дѣду.

— Да, только теперь поплывемъ не въ разбродъ, а всѣ вмѣстѣ,—отвѣтилъ онъ.

Оглавленіе

IV ТОМА.

стр.

Засоренныя дороги 3

Въ разбродъ. Романъ въ 2-хъ частяхъ.

Часть первая.

I. Радости и огорченія капитана Хлопко 143
II. Капитанъ Хлопко стоитъ у руля своего семейнаго корабля 160
III. Капитанъ Хлопко лишается своего экипажа и переходитъ на другой корабль въ качествѣ простого пассажира . 182
IV. Капитанъ Хлопко и я—пассажиры на чужомъ кораблѣ . 199
V. Наказаніе преступниковъ. , ... 225
VI. Капитанъ Хлопко высаживается на берегъ, я слѣдую за нимъ 243
VII. Въ мирномъ жилищѣ стараго холостяка 256
VIII. Старое время и старые люди 272
IX. Сплошной рядъ неожиданныхъ и разнообразныхъ событій. 298
X. Продолженіе предыдущей главы 312
XI. Планы дяди разрушаются снова на основаніи законовъ. 322
XII. Работа мысли и переломъ въ моемъ характерѣ 333
XIII. Старчество и юность 352

Часть вторая.

I. Капитанъ Хлопко принимаетъ на своемъ опустѣвшемъ кораблѣ завербованныхъ мною рекрутъ 365
II. Дружескій кружокъ. 383
III. Макаровъ 396
IV. Юношескіе планы 412
V. Примѣрныя отношенія пасынка и отчима. 428
VI. Новая знакомая 437
VII. Общественныя событія и частныя интересы. 451
VIII. Въ захолустьѣ. 465
IX. Домъ князей Мышкиныхъ 478
X. Мой дѣдъ 502
XI. Послѣдствія грозы 509
XII. Непоправимая ошибка. 515
XIII. Трудъ и праздность. 535
XIV. Одиночество 558
XV. Послѣднія тревоги 576

FL 20-6-62

PG
3470
S486
1904
t.4

Sheller, Aleksandr Konstantinovich
Polnoe sobranie sochinenií
t. 4

PLEASE DO NOT REMOVE
CARDS OR SLIPS FROM THIS POCKET

UNIVERSITY OF TORONTO LIBRARY